

Дэвид
ФРЕЙЗЕР

Фридрих Великий

«Фридрих Великий — один из самых выдающихся людей, сидевших на троне или командовавших армиями».

Дэвид
ФРЕЙЗЕР

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ

УДК 94 (092) (430)
ББК 63.3(4Гем)-8
Ф86

Серия основана в 2001 году

David Fraser
**FREDERICK THE GREAT
KING OF PRUSSIA**
2000

Серийное оформление С.Е. Власова

Перевод с английского А.Ю. Шманевского

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 16.12.02. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 7000 экз. Заказ № 2481.

Фрейзер Д.

Ф86 Фридрих Великий / Д. Фрейзер; Пер. с англ. А.Ю. Шманевского. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 604, [4] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-015319-8

Фридрих Великий.

Гений войны — и блистательный интеллект, грубый солдат — и автор удивительных писем, достойных считаться шедевром эпистолярного жанра XVIII столетия, прирожденный законодатель — и ловкий политический интриган...

КАК человек, характер которого был согнан из множества поразительных противоречий, стал столь ЯРКОЙ, поистине ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ?

Это — лишь одна из загадок Фридриха Великого...

УДК 94 (092) (430)
ББК 63.3(4Гем)-8

✱

© David Fraser, 2000
© Перевод. А.Ю. Шманевский, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Часть I

1712—1740

Глава 1

ВОСПИТАНИЕ МОНАРХА

В истории встречаются личности, занимающие высокое положение по происхождению и одаренные природой выдающимися способностями. Такое совпадение в прежние времена расценивалось как естественное — генетически оправданное и предопределенное, как своего рода божественное подтверждение права. Затем точка зрения изменилась: достижения правителей скорее заслуга их подчиненных, тех, кто заслужил свое место, а не получил по праву рождения и благодаря родственным связям, письменные источники составлены лъстецами, а потому недостоверны.

Тем не менее жил монарх, чьи ум и вкус были признаны Европой, его считали, как говорят сегодня, интеллектуалом; монарх, который любил живопись, музыку и литературу, сочинял и писал с редким изяществом; его остроумие и знания также получили должное признание. Эти качества сочетались с высочайшим чувством долга, и вся его жизнь была посвящена служению своему народу. Он работал вдвое упорнее и больше, чем простые люди, планируя, записывая, оценивая, рассчитывая ради общей пользы. Не подлежит сомнению, все, что он делал, было разработано им самим. Его достижения признаны всеми, даже противниками, а скромность, самоотверженность и экономность вошли в поговорку. О себе он думал без всяких претензий, как о служащем, жизнью показывая подданным пример честности во всем. Он унаследовал

систему автократии; однако рассматривал власть как кредит со стороны народа.

Он управлял, опираясь на научные данные: тщательно оценивал особенности народов, занимался политической экономией и применял эти знания на деле, изучал законы и юриспруденцию с целью претворения в жизнь далеко идущих реформ и никогда не забывал о казне, которая была главной и постоянной его заботой. Он рано понял, что правитель беспомощен, если не опирается на фундамент мощного и процветающего государства. Он любил справедливость и стремился к тому, чтобы воздавалось по заслугам каждому, невзирая на происхождение.

Чужое мнение он воспринимал иронично и критично, но почти всегда терпимо. Когда кровавые религиозные войны были еще свежи в памяти, он выступал против конфессиональных предрассудков и гонений; много времени проводил в философских беседах с выдающимися мыслителями своего времени, обсуждая вопросы жизни и смерти, добра и зла, свободы и насилия, занимавшие умы Европы. Международные дела захватили его без остатка, он был ловким, остроумным и учтивым дипломатом, поэтому даже проигравшая сторона признавала его мастером.

И это еще далеко не все. Живя в эпоху, когда времена монархов-воинов канули в Лету, он лично командовал войсками, руководил армией со знанием и умением, к тридцати трем годам прославился во всем мире и последующие сорок лет жизни считался величайшим солдатом своего времени. Именно благодаря военным талантам он оставил выдающийся след в истории страны, которую возглавил, когда она была одной из слабых, сравнительно незаметной в сообществе европейских государств. Оставил же он ее мощной, обороноспособной и вышедшей на первые роли.

Такой монарх являл собой редкий феномен; им восхищались не только на родине, но и в других странах, где отдавали должное талантам и достижениям. И все же Фридриха II, короля Пруссии, прирожденного правителя, покровителя искусств, литератора, законодателя и военачальника, чаще всего характеризуют как злодея, который нарушал договоры, был безучастен к людским страданиям, постоянно ввергал Европу в войны. У него, как у каждого человека, были и недостатки, и достоинства, поэтому его критиковали и современники, и потомки. «Он самый законченный из тиранов, каких Бог когда-либо посылал в наказание грешным людям», — писал один британский дип-

человек, прослуживший всего несколько месяцев послом в Берлине, сильно предубежденный против короля, хотя едва ли хорошо знавший его. «Дурной человек с дурной душой», — написал в 1914 году Томас Манн. Его также называли беспринципным, изворотливым и опасным, без каких-либо моральных правил, чудовищем без совести и чести. Превращение свершилось. Монарх-философ преобразился в чудовище.

В какой-то степени это неизбежно. Фридрих II умер в 1786 году, и еще в течение столетия люди взирали на историю правления великого короля с восхищением, с каким относились к Александру Македонскому, Юлию Цезарю, Карлу Великому, Карлу XII Шведскому — военачальникам, созидателям новых обществ, героям мифов. Естественно, критики и противники были всегда. Доктор Джонсон ошибочно истолковал личность Фридриха, неверно изложив факты в книге, написанной еще при жизни короля. Маколей в Прокламации вигов приписал ему фактически единоличную ответственность за развязывание Семилетней войны, за события, что происходили в Индии и Северной Америке во время борьбы между сторонниками Британии и Франции. Карлейль посвятил ему некоторые высокопарные и пламенные строки, прославлявшие протестантскую приверженность к деспотии. Но в конечном счете ход исторических событий все расставил по своим местам. Возобладало иное мнение. С 1866 года, когда Пруссия заняла лидирующее положение в единой и сильной Германии, ставшей через четыре года Германской империей, достижения и сама личность Фридриха II неизбежно оказались предметом пристального внимания в контексте все более разделяемой Европы и трех великих войн, начала которых связывают с Германией. Последние две из них принесли такие громадные бедствия и страдания, в том числе и любимой Фридрихом II Пруссии, что он и его наследие стали рассматриваться многими как источник всего этого кошмара.

Такое мнение, будучи доведенным до абсурда, рисует Фридриха II как своего рода духовного предтечу Адольфа Гитлера. Оно невежественно по определению. Фридрих II — человек эпохи Просвещения. Он был не менее подготовленным правителем, чем другие, когда-либо приходившие к власти. Самые дорогие для него мечтания лежали в области искусств и науки, но, став первым воином эпохи, он превратился в изменщика миру разума и подвластных ему чувств ради жестокости. Фрид-

рих II делал ставку на войну, когда считал, что это полезно Пруссии; он отнесся к ней с тем же вдохновением и серьезностью, как к любому виду деятельности. Предубеждения слишком часто искажают образ одного из самых неординарных правителей, когда-либо восседавших на троне и стоявших во главе армии, возмужавшего в непростых условиях.

Его матерью была принцесса Ганноверская, дочь Георга I, курфюрста Ганноверского и короля Англии, следовательно, в венах Фридриха текла кровь многих королевских домов Северной Европы и Германии — Плантагенетов, Тюдоров, Стюартов, Оран-Нассау. По мужской линии он был Гогенцоллерном.

Род Гогенцоллернов происходит от Фридриха, графа Цоллерна из Вюртемберга, Южная Германия. Он правил примерно с 1145 года. Граф Фридрих, преданный слуга императора из дома Гогенштауфенов, женился на дочери бургграфа Нюрнберга. Этот пост он занял впоследствии, примерно в 1190 году, по праву наследия жены. Один из его потомков, Фридрих, после многих осложнений, связанных с наследством и его перераспределением, стал в 1411 году маркграфом Бранденбурга*, отказавшись от прав на Нюрнберг. Эта ветвь Гогенцоллернов связана с Бранденбургом, чей правитель уже на протяжении двух веков являлся одним из князей — выборщиков императора — германского короля и номинального сюзерена всех или почти всех германских земель.

Честь быть курфюрстом Бранденбургским по особым весьма необычным правилам неизменно в каждом поколении переходила к старшему сыну. Границы курфюршества из-за превратностей процедур наследования, войны и долгов часто менялись. К середине семнадцатого столетия курфюрст Фридрих Вильгельм, впоследствии известный как Великий курфюрст, унаследовал престол отца, его владения включали собственно Бранденбург, простиравшийся от Старой Марки к западу от среднего течения Эльбы до Новой Марки к востоку от нижнего течения Одера, герцогство Клев-Юлихское на Нижнем Рейне, графства Маркское и Равенс-

* Маркграф — или граф, ответственный за одну из марок, или границ Римской империи, был к тому времени уже суверенным монархом империи, зачастую имеющим в подчинении другие маркграфства. Байрейт и Ансбах изначально были в подчинении маркграфа Бранденбурга; и оба — также тесно связанные с Фридрихом через женитьбу на его сестрах — были Гогенцоллернами. — *Примеч. авт.*

бургское в Вестфалии и провинцию Восточная Пруссия. Вскоре к территории была присоединена Восточная Померания.

Германию семнадцатого столетия раздирали войны, следовавшие за периодом Реформации. К моменту заключения в 1555 году Аугсбургского мира каждый германский монарх сам устанавливал, какая религия будет принята в его владениях. Бранденбургские курфюрсты, воспринявшие лютеранские доктрины еще в середине шестнадцатого века, привечали приверженцев протестантизма, потомки которых сыграли не последнюю роль в истории Пруссии. Великому курфюрсту удалось сохранить нейтралитет в последние годы Тридцатилетней войны и добиться ухода шведов (видный защитник протестантов, Густав Адольф Шведский, приходился ему дядей) с большей части своих территорий. Умелая внешняя политика, мудрое государственное управление, разумное обращение с финансами принесли ему преданность подданных. Великий курфюрст — прадед нашего монарха — смог изменить судьбу Бранденбурга. Он преобразовал армию курфюршества, превратив Бранденбург, небольшой по территории, в значительную военную державу. Славный заключительный аккорд — изгнание шведов, вернувшихся в качестве союзников Людовика XIV Французского, чтобы захватить Померанию, в результате сокрушительной победы при Фербеллине в 1675 году.

Бранденбург больше в политическом, чем в географическом смысле вскоре стал Пруссией. Герцогство Пруссия — еще недавно провинция Восточная Пруссия не входила в состав империи — получило в 1701 году с согласия императора статус королевства. В него были включены все земли Бранденбургских курфюрстов, а сами они стали королями. Степень родства и титул значили очень много в этой удивительной республике монархов, которой и была империя, и старшинство — включая семейное старшинство, соответствовавшее королевскому достоинству, — цепилось высоко. Первым королем Пруссии был Фридрих I (Фридрих III, курфюрст Бранденбургский), сын Великого курфюрста. К моменту его восшествия на престол Пруссия, небольшая по размерам, — самое сильное в военном отношении протестантское государство Германии. Между тем его территория была сильно разбросана, им было трудно управлять и непростое оборонять.

Сын Фридриха I, Вильгельм I Прусский, унаследовал трон отца в 1713 году. Он родился в 1688 году; вспыльчивый авто-

крат, по словам сына, «ужасный, но справедливый человек». В определенном смысле это так: честный и усердный администратор; образ жизни — аскетический; ввел в Пруссии всеобщее образование и обязанность служить государству; был безжалостен в обращении с относительно независимой провинциальной знатью только с одной целью — хотел заставить ее служить короне. Его финансовая деятельность была дальновидной и мудрой. Он был скорее кальвинист, а не лютеранин, хотя и отвергал учение Кальвина о предопределенности. Фридрих Вильгельм, как и все его предшественники, требовал от слуг абсолютной честности. Прусские идеалы — дисциплина, бережливость, честность — во многом заслуга Фридриха Вильгельма.

Особое внимание он уделял армии; это способствовало появлению феномена, позднее названного милитаризмом. Юность короля пришлась на время войны за Испанское наследство. Он паходился в императорских войсках во время битвы при Мальплаке, кровавой победы Мальборо* и Евгения Савойского** над французами в 1709 году; она произвела на молодого прусского монарха сильное впечатление. Жертвы с обеих сторон были ужасающими — французы в тот день потеряли более 12 000 человек, официальные потери Мальборо и Евгения Савойского составили 24 000, хотя они вышли из битвы победителями. Такого количества убитых в Европе не будет вплоть до Бородинского сражения, которое произойдет через сто с лишним лет: мертвые, изуродованные тела лежали на земле в течение нескольких дней. Фридрих Вильгельм на первое место в жизни ставил военное дело. Он был убежден в его важности, но войну не любил. Не был он и обывателем в прямом смысле слова: любил рисовать и паходил это занятие полезным для здоровья, как и сын; разбирался в музыке, многое сделал для ее популяризации. Особенно ему нравился Гендель.

Фридрих Вильгельм был уверен, что Пруссия в интересах безопасности должна располагать хорошо обученной и воору-

* Мальборо, Джон Черчилль (1650—1722), герцог Мальборо (1702), английский полководец и государственный деятель. Принадлежал к партии вигов. Во время войны за Испанское наследство до 1711 г. главнокомандующий английской армией на континенте. — *Здесь и далее, кроме указанных случаев, примеч. пер.*

** Евгений Савойский (1663—1736) — принц, австрийский полководец, генералиссимус.

женной армией. Он полагал, что мир можно обеспечить только силой. Армия должна быть тесно связана с населением. Фридрих Вильгельм ввел кантональную систему набора. Каждый полк имел свой район набора рекрутов. Они сильно разнились по величине; в них велся учет: составлялись списки молодых людей, а также специальные реестры лиц, не подлежащих призыву. Лишь около половины зарегистрированных призывались в армию, после начальной подготовки кантонисты служили два месяца в году, а затем отправлялись домой, чтобы в случае необходимости снова вернуться в войска. Было важно сохранить необходимое количество здоровых мужчин для обработки земли помимо тех, кто в списки призывников не включался, позже их назовут резервистами; по кантональная система порой мешала сельскому хозяйству, например когда ежегодные военные маневры совпадали по времени со стрижкой овец.

Продолжительность службы могла варьироваться. Кантонисты в пехоте* смешивались с солдатами регулярной службы, составлявшими меньшинство и набиравшимися за пределами Пруссии. Это были люди, которые по различным причинам предпочитали военную службу жизни дома. Однако система предполагала прямую связь каждого полка с определенным районом, и солдаты — даже если они не имели личной связи с этим районом — получали психологическую поддержку от ощущения единой семьи с местным населением и со страной в целом. А королевское правительство по этой системе в значительной мере децентрализовало работу по переписи и учету для нужд армии.

Фридрих Вильгельм перенес официальную королевскую резиденцию из Берлина в Потсдам. Он содержал огромную военную структуру в маленькой и достаточно бедной стране. После смерти король оставил сыну девятиностысячную армию, составлявшую примерно четыре процента населения. Он всегда прилагал усилия для финансового и административного обеспечения армии в мирное и военное время, и его сын понял, что многим обязан рачительности отца, особенно его кантональной и полковой системе. Это понимание основывалось на опыте. «*Les cantons*, — писал Фридрих в 1768 году, когда армия была проверена уже многими годами битв, — *donnent de*

* Вся кавалерия была регулярной. — Примеч. авт.

*l'émulation à qui sera le plus brave et des amis ou parents qui combattent ensemble ne s'abandonnent pas facilement»**.

Фридрих Вильгельм лично написал «Генеральную инструкцию» для ведения военных действий, которую в современных терминах можно было бы назвать «Мобилизационным планом», — перечень конкретных мероприятий на случай войны. Он получил королевство, по сути феодальное, с сельскохозяйственной экономикой, основанной на крепостном труде, крестьяне были прикреплены к земле, с унаследованными обязательствами и запретами. Фридрих Вильгельм в значительной мере изменил его характер, оставив после себя нечто похожее на современное унитарное государство, которому служили небольшой, честный бюрократический аппарат и первоклассная армия.

В то же время по отношению к военным делам он напоминал скорее вымуштрованного сержанта, чем главнокомандующего; уделял много внимания внешнему виду солдат и тренировке движения сомкнутым строем, но эта забота — прекрасная до определенных пределов — стала чрезмерной. Он сформировал специальный гвардейский полк, куда подбирались особо рослые мужчины, все были выше шести футов десяти дюймов, а некоторые и выше восьми; обожал строевые занятия и атмосферу плаца. Такую же систематичность король применял и к комплектованию офицерского корпуса. Представители знати, землевладельческой и придворной аристократии стали основой офицерских кадров, он лично отбирал по спискам пригодных к службе в войсках для зачисления в кадетский корпус в Берлине. Армия прямо ассоциировалась не только с короной, но и с аристократией. В 1724 году считалось, что в Пруссии нет ни одной знатной семьи, в которой хотя бы один отпрыск не служил в армии, и эта традиция сохранялась. Среди офицеров существовало полное социальное, в противоположность служебному, равенство. Они составляли закрытое общество, своего рода касту. Король требовал от них абсолютного подчинения и личной преданности.

Таким образом, Фридрих Вильгельм отдавал всего себя созданию государственных институтов. Однако в семье он — «ужасный, но справедливый человек» — был скорее ужасным, чем справедливым.

* «Кто будет казаться самым храбрым? Друзья и родственники, которые будут сражаться плечом к плечу, не оставят просто так друг друга в беде» (фр.). — *Примеч. авт.*

Он женился очень молодым на Софии Доротее, дочери Ганноверского курфюрста, ставшего королем Англии Георгом I, и несчастной принцессы — его жены, тоже Софии Доротеи, — которую Георг, жестокий и неверный, обвинил в связи с графом Кёнигсмарком и продержал в темнице тридцать два года, до самой смерти. Супруга Фридриха Вильгельма принесла ему двенадцать детей, из которых Фридрих, родившийся в 1712 году и нареченный Карлом Фридрихом 31 января, был старшим из выживших сыновей. София Доротея — честолюбивая, хорошо образованная женщина, пачитанная и утопченная. Ее вкусы не имели ничего общего со вкусами супруга, она любила старшего сына, а он ее. По сравнению с ганноверским прусский двор казался грубым, с палетом варварства.

Фридрих Вильгельм тоже по-своему любил старшего сына — восхищался им в детстве и питал большие надежды по поводу «маленького Фрица». Но проявления его любви были на самом деле ужасными.

Европа почти все предшествующее столетие воевала. В 1713 году Утрехтский мир ознаменовал окончание войны за Испанское наследство, в которой амбициям короля Франции решительно противостояли объединенные силы: англичане и голландцы под знаменами герцога Мальборо и войска империи под предводительством принца Евгения Савойского. Мирный договор внес некоторые изменения в политическую карту Европы*, однако, несмотря на бесчисленные жертвы и гигантские расходы, война не повлекла за собой радикальных перемен.

На севере Швеция залечивала раны, полученные в Великой Северной войне, которую вел легендарный Карл XII, приведшей в результате к тому, что, некогда могущественная, она была вынуждена уступить большую часть своих балтийских провинций России. Внутренне разобщенная и имеющая запутанную конституционную систему, Швеция долгое время будет разрываться между группировками, дружественными то России, то Франции. В 1720 году она получила от Дании провинцию Ворммерн — территорию Померании к западу от Одера и таким образом приобрела плацдарм в Пруссии.

* У Пруссии, например, отобрали княжество Оран. Будучи годовалым младенцем, Фридрих именовался князем Оранским. — *Примеч. авт.*

На западе Франция оставалась крупнейшим, наиболее населенным и мощным государством. Когда Фридриху исполнилось три года, умер французский король Людовик XIV. Какими бы ни были его достижения, он оставил после себя страну, стоящую под гнетом устаревших и непопулярных финансовых и административных институтов, внушительных внешне, но разедаемых изнутри. Тем не менее в культурном отношении Франция опережала все страны. Повадкам двора и манерам Бурбонов подражали монархи во многих странах. Именно о том времени говорили, что вся Европа думает по-французски, а расцвет философии, литературы и искусства, которым было отмечено правление Людовика XIV и его преемника, положил начало взлету европейской мысли и расцвету художественного творчества. Со смертью Людовика XIV этот процесс ускорился, в то время как социальная и политическая неповоротливость *ancien régime** все больше подвергалась критике после завершения периода правления короля Солнца.

Британия за Ла-Маншем, недавно объединенная в королевство, воспринималась как морская держава, заинтересованная главным образом в торговле и накоплении богатств. Она участвовала в делах континента, время от времени направляя туда экспедиционные войска, была озабочена тем, чтобы ограничить претензии Франции и рост ее мощи — население Франции в четыре раза превышало численность населения Британии. Положение существенно изменилось в последующие десятилетия. Британия соревновалась с Францией за господство на морях, в торговле и в колониях, но после вступления в 1714 году Ганноверского курфюрста на британский трон она стала проявлять прямой интерес к делам Северной Германии, интерес, который часто становился определяющим фактором в британской политике. Ее министры оспаривали действия или расходы, направленные на защиту германских владений германских по крови суверенов. Развивалась глубокая и влиятельная британская философия, воздействовавшая на многие умы, особенно на севере Европы.

На юго-востоке Османская империя в 1680-х годах была усилиями принца Евгения Савойского отброшена назад на Балканы. На востоке, в России, в 1689 году на престол взошел царь Петр Великий, правивший до 1725 года. Он безжалостной рукой проводил своего рода революционное обновление страны: созда-

* старый порядок (*фр.*).

нал новую, основанную на западном опыте, систему управления, привлекал специалистов, в том числе военных, из-за границы, организовывал флот, строил блестящую новую столицу. Сам он при этом непрерывно учился. Главные внешнеполитические проблемы Петра — большую часть правления он воевал — шведы и турки. Что касалось Центральной Европы, раскинувшейся за его западными границами, то он был стойким приверженцем сохранения союза с Австрией и с империей.

Эта империя — великая держава в центре Европы, Священная Римская империя, Германская империя, как ее называли в различные эпохи и в разных контекстах*, — была страным созданием и находилась в удивительном положении.

Империя олицетворяла благородную идею, историческое стремление, светское единение центральноевропейского христианства. На практике еще до реформационного раздела империя была представлена рыхлой федерацией княжеств, каждое из которых являлось личным уделом правящей там фамилии. Концепция национальных государств, которая стала нормой в столетии, последовавшем после Французской революции, тогда не существовала. Карта Германии могла показать центры притяжения родовых имений князей — крупные земельные владения с далеко отстоящими друг от друга фермами, — дополнявшиеся вольными городами империи с дарованными привилегиями и церковными княжествами, наследием Средневековья, где епископы и аббаты обладали светскими полномочиями. Сестра Фридриха была аббатисой Кведлинбургской; герцог Йорк — епископом Оснабрюкским. Империя представляла пеструю смесь территорий, правители которых зачастую обладали разнообразными статусами, правами и титулами: в разных частях собственных владений одновременно и курфюрст, и имперский вассал, и король, а иногда, если князь-выборщик носил сан епископа, глава церкви. Традиции и предпочтения были очень сильны — клановые, семейные, культурные, местные. Люди ощущали себя австрийцами, саксонцами, пруссакками, баварцами.

Однако большинство жителей считали себя также германцами: подданными империи, огромного, аморфного конгломерата, который веками являлся объединяющим символом для многочисленных живущих на большой территории людей, тем не менее отличавшихся друг от друга. Империя была меняю-

* Или более правильный вариант — «Священная Римская империя германской нации». — *Примеч. авт.*

щимся и не имеющим определенных границ географическим единством, но она представляла — а значит, представлял и император — центральноевропейский противовес Франции на западе и заслон для христианства от мусульманского мира на востоке. Как символ устремленности к единству — сначала к христианскому единению, позднее — к германскому — империя все еще существовала. Ее границы ко времени рождения Фридриха на севере проходили по побережью Балтики, не считая шведских анклавов и Северного моря, обгибая голландские республики Соединенных провинций; на западе — по Рейну, за исключением того места, где Австрийские Нидерланды подводили границы империи к Ла-Маншу; на юге и юго-востоке — по хребтам Альп, а на востоке — по Одру. Недавно закончившаяся война была ознаменована победами империи, союзницы Британии и победами имперского принца Евгения Савойского.

Империя как таковая и теперь представляла немногим более чем символ, причем архаичный символ. Ее мощь была распылена, и как член Европейского сообщества она являла собой скорее подвижный альянс, чем государство, и, таким образом, демонстрировала структурную слабость. Император был теоретически наделен определенными, в той или иной степени церемониальными полномочиями. Он выполнял функции утверждающей инстанции. Когда, например, Бранденбург-Пруссия преобразовывалась в 1701 году в королевство, то делалось это с согласия императора: другой обладавшей прерогативами власти не было, да ее и не требовалось. Но за рамками простого символа — в качестве настоящего государства — империя уже давно представляла неустойчивую и разобщенную конфедерацию независимых монархов и как консолидированное государственное образование едва ли существовала. В Германии империя с середины двенадцатого столетия, со времен Гогенштауфена Фридриха Барбароссы, почти не обладала реальной властью. Для того чтобы иметь мощную организацию, особенно это касается сферы международной политики, необходимо иметь внутреннюю дисциплину и право принимать решения, обязательные для всей страны. В империи этого не было.

Разобщенность стала явной в ходе Тридцатилетней войны, хоть и закончившейся более чем за шестьдесят лет до рождения Фридриха, однако оставшейся в памяти германцев. Религиозная война между католическими и протестантскими монархами, которая велась с беспощадной жестокостью, в конце концов при-

няла скорее династический, чем религиозный характер, — она утратила свою первоначальную мотивацию: католики — французские Бурбоны и поддерживавший их протестант — шведский король Густав Адольф выступили против католиков же — Габсбургов и их союзников. Война закончилась в 1648 году Вестфальским миром, достигнутым благодаря компромиссам и истощению ресурсов. По нему Франция получила Эльзас. Империя уступила территории Франции и Швеции, но купила тем самым некоторое внутреннее спокойствие, но меньшей мере с точки зрения невозможности беспорядков на религиозной почве, поскольку был подтвержден принцип *«cuius regio, ejus religio»* — чья область, того и вера, — записанный в Аугсбургском мирном договоре. Германские государства империи еще в большей степени, чем прежде, стали считать себя независимыми друг от друга во всех смыслах этого слова. Их правители, являясь членами Имперского собрания, «Съезда», во Франкфурте, были признаны независимыми суверенами, полномочными заключать договоры и решать вопросы войны и мира, но они оставались раздробленными и слабыми. Французская и шведская армии зачастую проходили через Германию, не встречая эффективного сопротивления. Турки воспользовались сумятицей и к концу войны оказались у стен Вены.

В период между Вестфальским миром и рождением Фридриха многое изменилось. Турки были отброшены победоносными действиями принца Евгения Савойского. Война за Испанское наследство поубавила аппетиты Франции. Но империя, несмотря на недавние успехи военных кампаний, которые велись от ее имени, оставалась такой же политической фикцией, какой она была все предшествовавшие века. Ее не объединяла религия, а в ряде случаев правитель и его подданные исповедовали разные религии: Германия являлась мешаниной из враждебных друг другу конфессий, некоторые высшие церковные чины в ходе Тридцатилетней войны вынуждены были поменять веру. Империю не объединял общий противник — князья-выборщики Кёльна и Баварии в недавней войне приняли сторону Франции. Ее не объединяла и приверженность правящей династии, поскольку императорский престол, по крайней мере теоретически, был выборным.

В этом-то и заключалось противоречие. Габсбурги, герцоги Австрийские, занимали имперский престол с 1438 года, давая империи преемственность и относительную стабильность, что

позитивно контрастировало с хаосом, воцарившимся после правления Гогенштауфенов. Усиление Габсбургов стало одним из выдающихся событий шестнадцатого столетия. Однако время от времени среди германских монархов возникал ропот по поводу попыток Габсбургов, как это им виделось, обращаться с империей как с собственным наследственным королевством, вотчиной Габсбургов. Империя, заявляли они, это собрание независимых суверенов, объединившихся с общего согласия и выбирающих себе старшего, а их независимость, ставшая очевидной после 1648 года, признана в качестве юридического факта международной жизни.

Возможно, Габсбурги часто пользовались короной императоров для получения номинальной власти, но их реальная власть, как и власть других монархов, зависела от размеров земель, фамильного достояния, величины казны, числа подданных, которыми они могли распоряжаться. В этом и заключалась аномалия. Значительная часть владений Габсбургов, которые все чаще, хотя и не вполне верно, рассматривались как «австрийские владения», лежала за границами империи. Самым крупным из них было Королевство Венгрия. Остальные земли также находились вне пределов Германии — война за Испанское наследство закончилась Утрехтским договором, по которому Габсбурги отказывались от претензий на испанский трон, а взамен император получил — для империи — Австрийские Нидерланды, Ломбардию, Неаполитанское Королевство, объединявшее южную часть материковой Италии и Сардинию. Империя не замыкалась на Германии: она не была, хотя многие того и желали, «Великим германским рейхом», основанным на кровных узах. Не была она и единым владением Габсбургов. Император династии Габсбургов обладал ресурсами и интересами далеко за пределами Германии; а германским монархам порой казалось, что империя всего лишь придаток, украшение к основной части наследства дома Габсбургов. Обширные интересы Габсбургов, особенно после присоединения Венгрии и масштабного проникновения на юго-восток по Дунаю, становились все более чуждыми тому, что германские монархи считали интересами Германии, которую определяли как германские земли империи, ее центр.

В восемнадцатом столетии такое положение воспринималось правителями Пруссии как оскорбительное. Внутренне Фридрих Вильгельм был лоялен к императору, в нем укоре-

нился инстинкт почти феодальной иерархии подчиненности — быть *Kaisertreu**, однако инстинкт вступал в противоречие с нарастающим чувством государственной принадлежности, воспитанным современной ему эпохой. Главным вопросом, выраженным в реальной, а не теоретической форме, который стоял перед Фридрихом всю жизнь, был вопрос: Австрия или Пруссия будет доминирующей силой в Германии?

Теоретически каждый монарх в империи, находящийся в плохих отношениях с Веней, мог провозгласить себя защитником «истинного» лица и старинных традиций империи, и Фридрих не был исключением. На практике же это означало борьбу между двумя государствами, между двумя домами. Проблема не получала разрешения еще целых полтора столетия. Она постоянно выходила на первый план со времен Великого курфюрста. В противостоянии этих двух так не похожих друг на друга государств сыграли роль и религиозные разногласия. Австрия, несмотря на обширные и слабо связанные между собой территории и многоконфессиональное население, была южной, главным образом католической страной, принадлежавшей Габсбургам. Пруссия — северная, преимущественно протестантская страна, и правила в ней Гогенцоллерны. Соперничество между ними, зачастую скрытое в туманных статьях имперской конституции и истории, на самом деле было примитивным и непосредственным.

Противоречивость положения Габсбурга как избранного императора и Габсбурга как наследника огромных семейных владений в империи выступала в наиболее остром виде, когда законность престолонаследия была или могла быть оспорена. В 1713 году император Карл VI, слабый, не очень умный человек, наследовавший брату в 1711 году и сильно обеспокоенный будущим своих владений, составил документ, известный как Прагматическая санкция. У Карла VI была единственная дочь, Мария Терезия. В соответствии с современной ему интерпретацией старинных уложений, известных как Салический закон, дочь была лишена права наследования австрийского престола, но в соответствии с санкцией она могла при отсутствии наследника мужского пола получить это право.

Принятое вопреки воле отца императора, выразившего желание, чтобы владения Габсбургов при отсутствии наследников мужского пола перешли в первую очередь к дочерям его

* Верный кайзеру (нем.).

старшего сына, Иосифа, которому наследовал Карл, это спорное уложение поломало очередность наследования. Две дочери Иосифа были выданы замуж; брачные контракты составлялись с великим тщанием, чтобы не допустить никаких претензий с их стороны. Для того чтобы Прагматическая санкция не встретила сильного противодействия, необходимо было получить широкое международное признание, ведь этот акт мог применяться к семейным владениям, но не иметь силы в отношении имперских территорий. Определить, кто наследует престол Габсбургов, а также императорскую корону, не просто семейное дело.

Политическая атмосфера после долгой и дорогостоящей войны сложилась в пользу австрийского двора. Карл VI, предложивший некоторые отступные, получил согласие Франции вместе с требованием вернуть ей при определенных условиях герцогство Лотарингское; Британии, пообещав подавить на «Ист-Индскую торговую компанию, Остендскую компанию», которая могла стать конкурентом Британии на востоке и других стран. От германских монархов империи Карл VI в это время принимал присягу верности.

От Фридриха Вильгельма Прусского он добился принятия Прагматической санкции с важной оговоркой. Она заключалась в том, что император поддержит претензии Гогенцоллерна на четыре герцогства в Силезии. Они перешли к империи от Великого курфюрста Бранденбургского в обмен на уступку ему других территорий, но были отобраны императором во время правления сына Великого курфюрста, Фридриха I. С точки зрения Пруссии претензии на силезские герцогства были правым делом — условия их передачи были нарушены Веной, хотя и с молчаливого согласия короля Фридриха I*. Кроме того, сделка между Карлом VI и Фридрихом Вильгельмом предусматривала также поддержку императором Пруссии в споре

* Спор о силезских герцогствах уходит еще дальше в прошлое и, как многие европейские территориальные проблемы, относится к компетенции юристов. Одно из герцогств — Лейпциг — было в 1537 году условно завещано его герцогом курфюрстам Бранденбургским. Этот акт был аннулирован в 1546 году Фердинандом I, эрцгерцогом Австрии и братом Карла V, на основе каких полномочий, не известно. В 1675 году, больше чем через сто лет после этих операций, герцогство, несмотря на протесты Великого курфюрста, перешло во владения Габсбургов. — *Примеч. авт.*

покруг территорий Юлиха и Берга (столица — Дюссельдорф) в Рейнской земле. Правда, впоследствии Вена не сдержала данного слова.

Карл VI решительно настаивал на признании Прагматической санкции. Он убедил самого себя, что уже получил необходимую международную поддержку. Процесс переговоров и горга продолжался многие годы. Из германских государств не удалось договориться с Баварией и Пфальцем. Баварский курфюрст был женат на одной из дочерей Иосифа, племяннице Карла VI. Многие другие оставались настроенными скептически. Император заявил принцу Евгению Савойскому, что права его дочери, Марии Терезии, будут гарантированы европейскими державами. Великий солдат на это ответил, что единственная гарантия, которая чего-то стоит, это 200-тысячная армия.

Фридрих Вильгельм Прусский хотел иметь сына, который будет его копией. Он возлагал надежды на мальчика, затем на молодого человека, всецело погружившегося в практическую деятельность. Особенно сын увлекался армией, которая впоследствии одарит его дружбой, братством, товариществом, как он довольно трогательно говорил. Король хотел, чтобы сын с гордостью посыл мундир прусского офицера и так же, как и отец, любил охоту* и мужскую компанию. Никаких занятий искусством и литературой, никакой утонченности, которые ассоциировались бы с Францией. Идеи короля об образовании кронпринца были ограниченными, суровыми и несколько странными: Фридриху, например, запрещалось учить латынь как опасную бессмыслицу.

Когда Фридрих достиг семилетнего возраста, было устранено всякое женское влияние на его воспитание. Он находился под опекой гувернантки-гугенотки мадам де Рокуль, которая в свое время была гувернанткой и у его отца, за ней приглядывала старшая фрейлина королевы, фрау фон Камеке. На большую часть года его отсылали в замок Фюстерхаузен, находившийся в нескольких милях к югу от Берлина, с двумя старшими офицерами, шестидесятипятилетним генералом Финком фон Финкенштейном и молодым шведским полковником Калкстином. Они выполняли строгие приказы короля по вос-

* В январе 1729 года Фридрих Вильгельм с сопровождающими лицами добыл в Померании и Бранденбурге более 3000 вепрей. — *Примеч. авт.*

питанию крошпринца: регулярное чтение молитв, изучение Библии, физические упражнения, уроки немецкого языка, прием пищи — все строго по расписанию, составленному Фридрихом Вильгельмом. Но желаемый результат не был достигнут.

В какой-то момент Фридрих Вильгельм обнаружил, что воспитал молодого человека, по всем параметрам являвшего полную противоположность тому, что, по его мнению, требовалось для прусского трона. Юный Фридрих, несмотря на запрет, тайком учил латынь, хотя и не стал ее знатоком. Он увлекался литературой и искусством, писал со вкусом, изяществом и со все большей элегантностью, причем писал по-французски. Фридрих сочинил много стихов, хотя и не все они были хороши. Он не научился бегло и изящно говорить и писать на немецком языке и всячески показывал, что он ему не по вкусу; не любил охоту — «гнусно убивать для развлечения»; носил длинные выющиеся волосы и одевался довольно экстравагантно; любил музыку и неплохо играл на флейте. Казалось, что он делает все, чтобы позлить отца. Фридрих Вильгельм считал характер и вкусы сына извращенными и никак не подходящими для человека, которому назначено судьбой править Пруссией.

Фридрих Вильгельм легко приходил в ярость. Считали, что он страдает от порфириновой болезни*, которая является причиной постоянных болей. Король неистовствовал по малейшему поводу, швырял тарелки в жену, детей и придворных, часто избивал детей. При прусском дворе царил атмосфера страха, жестокости и истерии. Короля доводили до вспышки ярости даже намеки на бунт или непослушание, поведение же старшего сына переходило все границы понимания; опасения вызывали и его моральные устои: отец боялся, что тот может впасть в безверие.

Когда Фридриху было шестнадцать лет, в 1728 году, отец и сын посетили с четырехнедельным официальным визитом Дрезден. Их принимал курфюрст Саксонский, Август Сильный, принадлежавший к старинной династии Веттинов, монарх, печально известный сексуальной распущенностью, чья жена, происходившая из дома Гогенцоллернов, ушла от него и умерла за год до прусского королевского визита. Фридриха заворочила атмосфера жизнелюбия и экстравагантности, царившая

* Наследственное нарушение пигментного обмена с повышенным содержанием порфиринов в крови и тканях и усиленным их выделением. Проявляется фотодерматозом, гемолитическими кризами, желудочно-кишечными и перво-психическими расстройствами.

при саксонском дворе, он восторженно делился впечатлениями в письме к любимой сестре Вильгельмине. Эффект, который произвел на него блестящий двор, приверженный красоте и наслаждениям, оставил неизгладимый след в душе юноши. В то же время это впоследствии сказалось на его негативном отношении к Саксонии и саксонцам, пронесенном через всю жизнь. Впечатление от посещения Дрездена, таким образом, было смешанным, но он был рад, когда Август вскоре нанес ответный визит в Берлин.

Позже Фридрих Вильгельм узнал, что любовница Августа Сильного, великодушная графиня Орцфельска, которая к тому же была его незаконнорожденной дочерью*, запала в душу шестнадцатилетнему прусскому кронпринцу. Король пришел в ужас от мысли о возможном моральном падении Фридриха. Орцфельска также приехала в Берлин с ответным визитом. Август, очевидно, не задумываясь о последствиях, в Дрездене представил их друг другу и познакомил юного принца с радостями, которые могут доставить женщины. В Потсдаме до Фридриха Вильгельма дошли слухи о взаимоотношениях Фридриха и дочери учителя музыки, он приказал бить девушку, Доротею Риттер,кнутом, провести по улицам города, мимо ратуши и отцовского дома, а затем заточить в тюрьму в Шпандау, приговорив к тяжелому труду. Возможно, ее единственным проступком было то, что она играла для принца на клавесине. Новому наставнику кронпринца, подполковнику фон Рохову, вменили в обязанности удерживать того от «уподобления женщине, сладострастия или занятий, присущих женщинам».

В этих эпизодах жизни Фридриха Вильгельма проявился характер протестанта, пуританина, тирана и честнейшего короля.

Для всех, кроме отца, Фридрих был приятным молодым человеком среднего роста с тонким лицом, искрящимися темными глазами, музыкальным голосом, развитым интеллектом. «У него, — писал французский посол, маркиз де Валори, — красивые синие глаза, слегка навывкате, в которых читаются его чувства и выражение которых сильно меняется в зависимости от обстоятельств». Один из современных ему критиков сообщал, что «он не любит никого, и никто не любит его». Это

* Ее сын стал принцем Гольштейнским — одновременно сын и внук Августа. Орцфельска, дочь Августа и французки, работавшей модисткой в Варшаве, была введена в ближайший круг короля ее любовником, сыном Августа, то есть сводным братом. — *Примеч. авт.*

неправда. Люди, разделявшие его взгляды, понимавшие мотивы его поведения, всегда могли рассчитывать на хорошее отношение со стороны Фридриха. Позднее, уже освободившись от домашней тирании, он продолжал переписываться с некоторыми старыми знакомыми. Среди них был Михаэль Габриель Фредерсдорф, сын королевского музыканта, который в 1739 году стал старшим дворецким кронпринца, его доверенным лицом, Первым Камердинером. Это был высокий, симпатичный мужчина, «один из шести друзей, которых я люблю больше всех», — писал Фридрих в 1741 году перед своей первой битвой. Фредерсдорф отвечал практически за всю личную канцелярию короля. Был еще паставник, Дуан де Жандюан, маленький, темноглазый пастор-гугенот, чей отец служил у Великого курфюрста и могущественного викарета Тюренна*. «Adieu, дорогой Дуан (Дуан был при смерти), поверь мне, я люблю тебя всем сердцем»; де Жандюан покинул прусский двор по приказу Фридриха Вильгельма, но всегда оставался духовно близок Фридриху. Был Шарль-Этьен Жордан, тоже гугенот, ставший доверенным Фридриха в литературных делах. «Мой тихий мсье Жордан, мой добрый, мой мягкий, мой миролюбивый, мой самый человечный Жордан». «Не печаль меня своей болезнью, — писал Фридрих позднее, в 1746 году, когда тот уже находился на смертном одре: — Adieu, люби меня хоть немного, попытайся утешить меня своим выздоровлением». Фридрих, уже могущественный король, навещал умирающего так часто, как мог, и каждый раз оставался возле него один на целый час. Жордан был культурным и принципиальным человеком, который открыто критиковал то, что ему не нравилось. «Не короля я люблю в нем, а человека, — писал он. — Меня навсегда очаровали свойства его ума и души».

В то же время Фридрих мог демонстрировать потрясающее бессердечие. Один из его молодых двоюродных братьев, которого он считал ничтожеством, погиб в сражении. На следующий день в письме к Фредерсдорфу он без малейшего сожаления писал: «Не велика потеря».

Для Фридриха Вильгельма поведение кронпринца было вызовом всем принятым правилам, постоянным раздражителем. Стоило ему увидеть сына, как он выходил из себя. Считая Фридриха коварным и глупым, он кричал: «Что творится в

* Тюренн (Turenne), Анри де Ла Тур д'Овернь (de la Tour d'Auvergne) (1611—1675), викар, маршал-генерал Франции.

ной голове?» Все подданные обязаны были выказывать ему абсолютную покорность, а его наследник сделал все наперекор, поэтому он симпатизировал второму сыну, Августу Вильгельму, своему любимчику. Король оскорблял кронпринца перед всем двором, не колеблясь, бил тростью, которая всегда была при нем, в том числе однажды в присутствии толпы, собравшейся посмотреть на парад в Мультберге в июне 1730 года в честь Саксонского курфюрста. Он выставял его на посмешище во время военных парадов, на которых они вместе присутствовали, демонстрируя презрение к будущему королю Пруссии. () взаимопонимания не могло быть и речи. Отец как-то написал ему, что не готов выносить «женподобное существо без каких-либо мужских склонностей», которое еще и носит длинные волосы.

Так казалось Фридриху Вильгельму, который и представить не мог, что пишет человеку, который проведет большую часть жизни в сражениях, среди пуль и картечи. Но никто не осмелился противоречить королю, поэтому неудивительно, что однажды травля и невыносимая атмосфера прусского двора привели Фридриха к мысли о бегстве. На самом деле он думал об этом примерно с шестнадцати лет, со времени поездки в Саксонию в 1728 году. Фридрих Вильгельм полностью контролировал и регламентировал жизнь принца, находившегося фактически на положении заключенного, а зачастую единственным способом покинуть тюрьму оказывается побег. Правда, было и другое решение — полное изменение обстоятельств, женитьба.

Мать Фридриха, София Доротея, активно вынашивала проект, известный как «английский марьяж», в соответствии с которым и старшая дочь, Вильгельмина, должна была обручиться с племянником королевы, наследником английского престола Фридрихом, сыном принца Уэльского, будущего короля Георга II. Впервые эта идея возникла, когда принцессе было четырнадцать лет, но более серьезно об этом заговорили в 1725 году. Этому плану сопутствовала другая идея — кронпринц Пруссии будет одновременно обручен с английской принцессой Амелией, второй дочерью будущего Георга II. «Английский марьяж» обернулся «двойным марьяжем».

В 1727 году король Англии, Георг I, умер, и замыслы Софии Доротеи приобрели более реальный характер. По совету мужа она написала письмо золовке, новой королеве Англии

Каролине Ансбахской. София Доротея была разочарована прохладным приемом, оказанным ее идеям в Лондоне, однако приняла как должное, что политические соображения будут осложнять осуществление матримониальных планов. Тем не менее она использовала любую возможность для выполнения своих замыслов, и при дворе Пруссии сформировалось нечто подобное «Ганноверской партии».

Фридрих Вильгельм испытывал сомнения по поводу реализации проектов. Поддержав их на первом этапе, он затем осознал, что Вене не понравится сближение Пруссии с Ганновером и Англией. Он надеялся на поддержку империей прусских притязаний на Юлих и Берг. Его министр, померанский граф Грумбков, развеял все сомнения: если Фридрих Вильгельм намерен договориться с императором, то ему следует оставить мысли о женитьбе сына на английской принцессе, о браке дочери с принцем Уэльским. Имперский посланник, фельдмаршал барон фон Секендорф, аккредитованный при дворе Пруссии, имел инструкции помешать осуществлению «английского марьяжа». Секендорф был соратником Фридриха Вильгельма по оружию. Грумбков получал деньги из Вены, где надеялись на соглашение с Берлином. Оба, работая совместно в одном направлении, приобрели определенное влияние на короля Пруссии.

Однако Фридрих Вильгельм хотел прояснить ситуацию с Англией. Зная, что планы семейных союзов его детей обсуждаются и в Лондоне, и в Вене, он потребовал, чтобы София Доротея добилась от Георга II определенного решения — положительного или отрицательного. Письмо отправили осенью 1728 года. 28 декабря Фридрих Вильгельм получил из Лондона ответ, который считал уклончивым. Его раздражали пограничные споры с Ганновером, которые угрожали вылиться в военные действия между курфюршествами, а ему была нужна стабильность, он решает пойти на соглашение с Веной, при этом приказал Софии Доротее направить в Англию своего рода ультиматум, который и был послан 1 февраля 1730 года.

В течение года Фридрих возлагал определенные надежды на «английский марьяж». Ему показали портрет английской принцессы, она ему понравилась, между ними завязалась тайная переписка. Он понимал, что гипотетическая возможность женитьбы на эрцгерцогине Марии Терезии, австрийской наследнице, иллюзорна и не входит в планы матери, которую Фридрих уважал и любил.

Внятного письменного ответа на ультиматум Софии Доротеи не последовало, однако в апреле 1730 года в Берлин прибыл британский посланник, сэр Чарлз Хотэм, имевший инструкции всячески способствовать «двойному марьяжу». Он был также уполномочен внести дополнительное предложение: принцесса Амелия в случае замужества с кронпринцем Пруссии могла стать наместницей Георга II в Ганновере. Он должен был также попытаться вернуть Фридриха Вильгельма в Ганноверскую лигу, которая состояла из Британии, Пруссии и Франции. Его первая аудиенция у Фридриха Вильгельма была 4 апреля.

Король был в замешательстве. Он полагал, что уже дал согласие, хотя и неофициально, на один брак — Вильгельмины, прекрасно понимая, что обручение его наследника с англичанкой вызовет недовольство в Вене, чего очень не хотел. Фридрих Вильгельм с подозрением относился к людям, близким к королеве и к Ганноверу, которые могли вынашивать планы содания при дворе партии кронпринца, потенциально враждебной суверену. Он ответил, что Фридрих слишком молод для заключения брака; Хотэм повторил условия своего короля — либо два брака, либо ни одного. Фридрих Вильгельм заявил — он в это искренне верил, — что на него давят без всякой пужды и обручение Вильгельмины уже согласовано. В ходе одной из последующих аудиенций в начале июля Хотэм пошел на солидную уступку. Лондон согласится на обручение принца Уэльского и Вильгельмины, если будет установлена дата — пусть отдаленная — обручения принцессы Амелии и прусского кронпринца.

Фридрих Вильгельм решил, что к нему проявляют неуважение — обращаются, как с просителем. Он повторил, что кронпринц слишком молод. Прежде, пытаясь получить из Лондона прямые ответы о возможности двух браков, он получал отписки. А теперь на него давят и ставят под угрозу обручение дочери. Между Фридрихом Вильгельмом Прусским и Георгом II Английским существовала явная неприязнь. Главные возражения Фридриха Вильгельма носили политический характер; сказывалась работа Секендорфа и Грумбова. Хотэм это прекрасно понимал. Он передал Фридриху Вильгельму во время последней аудиенции письмо, в котором вскрывались интриги Грумбова; оно было возвращено с грубыми замечаниями. Оскорбленный Хотэм покинул Берлин 12 июля 1730 года. «Двойной марьяж», похоже, был неосуществим.

Фридрих, жаждущий покинуть прусский двор, умолял Хотэма сообщить в Англии о его добрых намерениях. Он уже неосмотрительно рассказал секретарю британской миссии, Гаю Диккенсу, заменившему Хотэма, о возможном бегстве в Англию. Принц не получил одобрения своих планов, хотя Диккенсу было поручено предложить ему некоторую сумму денег, чтобы помочь расплатиться с долгами. Фридрих понял, что женитьба не состоится, и вновь вернулся к мыслям о побеге. У него были друзья среди молодых офицеров гвардии Фридриха Вильгельма. Четверо дали согласие помочь ему; разработали план, который в кратчайшие сроки надо было привести в действие.

Особым доверием Фридриха пользовался королевский паж по имени Петер фон Кейт. Этой привязанности не одобряли ни отец, ни Вильгельмина, но он доверился молодому человеку, брат которого служил офицером в гвардии. Кронпринц должен был совершить путешествие вместе с отцом в западные земли прусских владений и нанести визит родственникам, маркграфу Ансбаха и его супруге. Именно в расчете на это путешествие и строились тайные планы. В определенном месте и в определенное время Фридрих должен был отправиться в сторону границы Франции. Пока существовала возможность «английского марьяжа», план оставался запасным, теперь, казалось, настало время его осуществления. В заговоре участвовали паж, Кейт, его брат, а также, что важно, гвардейский офицер Ганс Герман фон Катте, который должен был сделать окончательные приготовления в Берлине.

Королевский кортеж двигался через Гейдельберг, Мангейм, Дармштадт, Франкфурт, направляясь в прусский город Везель-на-Рейне. 10 августа они добрались до Бонна, побег планировалось осуществить на следующем отрезке пути. Это была отчаянная идея. Фридрих уже был офицером — о присвоении ему звания подполковника официально сообщили в 1728 году — и командовал полком, в армию же он был зачислен в 1725 году, в неполные четырнадцать лет. В случае побега его признали бы дезертиром и предателем, отказавшимся от отца и семьи. Последствия для всех, кто помогал ему, были бы наверняка самыми тяжелыми.

План раскрыли, паж Кейт во всем сознался. Лейтенант Кейт бежал в Англию, где Георг II положил ему пенсию и направил

в Ирландию*. Все было доложено Фридриху Вильгельму во Франкфурте; король подошел к сыну с тростью в руке и бил его, пока у того носом не пошла кровь.

Фридриха посадили под арест. Допрос вел отец. Принцу дали список из 185 вопросов, ответы на которые подразумевали не только признание вины, но и отказ от прав на престол. По возвращении в Берлин Фридрих Вильгельм обрушил гнев на остальных членов семьи. Он ошибочно подозревал их в пособничестве крошпринцу. Особенно досталось Вильгельмине. Отец жестоко избил ее. При этом он кричал, чтобы больше даже мысли не возникало о каких-либо матримониальных связях с Британией, которая, по его мнению, была в центре этого ужасного и противоестественного заговора. Король отстранил Фридриха от командования полком, передав его брату крошпринца, Августу Вильгельму.

Был созван военный трибунал — по три человека каждого офицерского звания от генерал-майора до капитана. Председательствовал генерал-лейтенант фон дер Шуленбург. В отношении Фридриха суд вынес осторожный вердикт. Как офицеры и подданные, члены трибунала могли лишь вверить крошпринца милости короля. В результате он по приговору отца был осужден на неопределенный срок заключения, лишен офицерского звания, ему было запрещено носить мундир, общаться с друзьями; чтение ограничивалось определенным кругом религиозных и воспитательных книг. Кое-кого удивило, что крошпринца не приговорили к казни, говорили, вступился император, чему способствовал принц Евгений Савойский — кумир Фридриха Вильгельма, — а также дворы Англии, России и Швеции и многие заслуженные люди прусской армии. Император сочувствовал Фридриху — позже он послал ему небольшую сумму денег, зная его бедственное положение. У монархов Европы мысль о том, что крошпринц будет казнен собственным отцом, вызывала ужас, несмотря на наличие страшного прецедента, когда Петр Великий забил насмерть царевича Алексея**. Говорили, что бывшая старшая гувернантка, фрау фон Камеке, спросила у короля, неужели он хочет предстать перед Создателем с кровью сына на руках? Какой бы ни была причина, но крошпринц остался жив.

* В декабре 1740 года, вскоре после вступления Фридриха на престол, он вернулся в Берлин в звании подполковника. — *Примеч. авт.*

** Здесь автор, очевидно, имеет в виду Ивана Грозного, убившего сына посохом, а не Петра Великого.

Гансу Герману фон Катте повезло меньше. Он предстал перед тем же трибуналом в Кюстрине и был приговорен к пожизненному заключению, хотя многие судьи требовали казни. Приговор утверждался королем. Фон Катте был прусским офицером, сыном генерала и внуком уважаемого фельдмаршала фон Алвенслебена. Фридрих Вильгельм изменил приговор — смертная казнь через отсечение головы мечом. Он лично дал подробные инструкции по приведению приговора в исполнение. Мольбы отца и деда фон Катте ни к чему не привели.

5 ноября 1730 года в семь часов утра фон Катте вывели во внутренний двор крепости Кюстрина. По приказу отца Фридриха подвели к окну, чтобы он видел происходящее. Принц закричал, прося прощения у фон Катте, на что получил великодушный ответ: «Не думайте об этом, прошу вас». Гренадеры держали Фридриха у окна, он увидел, как покатилась голова его друга и фонтаном брызнула кровь. Он потерял сознание. Воспоминания того ноябрьского утра преследовали его в течение всей жизни.

Глава 2

РЕМЮСБЕРГ

Пройдя через ужасы Кюстрина, Фридрих понял, что чувства надо держать при себе. Фридрих Вильгельм приказал пастору Мюллеру, которому доверял, после казни фон Катте посетить сына и исповедать его. И принцу стало ясно: чтобы выжить, надо достичь согласия с отцом. А это потребует гибкости. Поэтому он через две недели после казни фон Катте принес клятву на верность королю, коленопреклоненный, униженно молил его о прощении и получил его. Через два дня приступил к работе, оставаясь, однако, под надзором.

Фридрих изучал принципы внутреннего управления областью вокруг Кюстрина, готовил нормативные акты и расчеты, сидел в соответствии с инструкциями на фермы и предприятия, читал «исправительные книги» по списку, одобренному Фридрихом Вильгельмом; присутствовал на заседаниях местных Военной и Земельной коллегий, где сидел за отдельным столом. Коллегиями руководили соответственно Кристиан фон Манхов и Кристоф Хилле. Ему были выделены небольшие средства для личных расходов, подлежащие строгому отчету. Жил Фридрих под наблюдением двух приставленных к нему королевских управляющих. Его письма отцу были примером сыновьего почитания, и это стало нормой.

В этот период Фридрих многое узнал о прусской системе управления. Фридрих Вильгельм создал местные Военные и Земельные коллегии по образцу Генеральной дирекции в Берлине, в них преобладал принцип коллегиальности: они были наиболее важным элементом в прусском механизме управле-

ния. Значительная часть провинциальных советников служила в армии, а довольно много чиновником коллегий являлись военными, которые по своему характеру были крайне консервативны, поэтому в Военных и Земельных коллегиях не приветствовалось новаторство.

Фридрих изучал историю Бранденбурга и своей семьи. Через какое-то время ему разрешили выезжать за пределы крепости. В Тамзеле он познакомился и влюбился в симпатичную молодую жену* местного военачальника, полковника фон Вриха, которую впоследствии вспоминал с нежностью и посылал ей цветистые стихи.

Работа заставила Фридриха задуматься о государственных делах, об управлении, об обязанностях монархов. Через три месяца после заключения в тюрьму он приступил к составлению первой политической программы. Этот документ, написанный в форме письма к одному из придворных, дает необычайно точный анализ внешнеполитических задач Пруссии; его можно было бы рассматривать как план захвата или, вернее, консолидации земель. Фридрих уже видел проблемы своего государства.

В августе 1731 года Фридрих Вильгельм посетил Кюстрин и после разговора, в котором Фридрих держался крайне подбострастно, король подобрел и приказал несколько ослабить режим его содержания в крепости. Он разрешил Фридриху дважды в неделю обедать вне стен крепости и принимать гостей. В ноябре 1731 года, спустя год после вынесения приговора, ему было позволено на время покинуть крепость и приехать в Берлин, чтобы присутствовать на свадьбе старшей сестры Вильгельмины и наследника маркграфства Байрейт.

Фридрих хорошо относился ко всем сестрам, но Вильгельмина была самой близкой и любимой. Порой они спорили, в воспоминаниях она упоминала его неожиданную холодность, вскоре уступавшую место симпатии. Всю жизнь он переписывался с ней: «*Avec la plus parfaite tendresse, ma chère soeur*»**. Вильгельмина умерла в сорок девять лет, Фридриху было сорок шесть, в это время он вел одну из самых величайших войн.

* Луиза Элеонора фон Врих, жена полковника Адольфа Фридриха фон Вриха, командира кавалерийского полка «Принц Август Вильгельм». В сентябре 1732 года обратили внимание на то, что она беременна, и злые языки приписали отцовство Фридриху, но он это отрицал. — *Примеч. авт.*

** С истинной нежностью, моя милая сестра (фр.).

Они всегда дружили, учились у одних учителей: мадам де Рокуль, Дуана де Жандюна, привившего Фридриху любовь к французской литературе и поэзии. Брат и сестра были красивы и очень похожи друг на друга; Вильгельмину, как и Фридриха, часто наказывали, хотя отец говорил ей, что она его любимица. Оба пострадали от неудавшегося плана «английского марьяжа» — «двойного марьяжа». Вильгельмина с болью наблюдала за конфликтом между отцом и братом. А теперь она выходила замуж за Байрейта.

Вильгельмина выросла, надеясь на брак с принцем Уэльским. Однако этому помешали; как и мать, она ненавидела Грумбкова, подозревала каждого в шпионаже в пользу Австрии. София Доротея не смирилась с крахом планов «английского марьяжа» и была против любого другого жениха, кроме принца Уэльского.

Фридрих Вильгельм стоял на иной позиции. Он полагал, что дочь должна поскорее выйти замуж. Когда он понял, что принц Уэльский в качестве жениха отпал, собрал нескольких принцев и приказал Вильгельмине, несмотря на протесты матери, выбрать одного из них. Несчастной принцессе ничего не оставалось, как подчиниться воле отца. Она решила выйти замуж за Байрейта, тем более что король согласился простить ее любимого брата, Фридриха, который так же, как и мать, был против этого брака. С материальной точки зрения он не представлял никакой выгоды, поскольку Байрейты были практически нищими. Очевидно, поэтому королева при первых встречах обращалась с женихом достаточно пренебрежительно.

Маркграф был на два года моложе жены, но вскоре должен был вступить в права владения. Он оказался плохим и неверным мужем; Фридрих сочувствовал Вильгельмине, хотя сестра и говорила, что счастлива. Между тем в связи с поездкой Фридриха в Берлин произошло значительное событие. Прусские генералы, собравшиеся в Берлине, обратились к королю с петицией. 27 ноября они во главе со старым Дессаусцем, принцем Леопольдом Ангальт-Дессауским, Старым Усачом — человеком громадного авторитета, ветераном осады Намюра в 1695 году, безжалостным к врагам и преданным друзьям, — попросили Фридриха Вильгельма вернуть крошечному королевскому благосклонности и званию прусского офицера.

Нет никакого сомнения в том, что этот демарш был тщательно обговорен и время для него было выбрано очень акку-

ратно: Фридрих Вильгельм был не из тех людей, которым по-правилось бы, что его офицеры обращаются к нему с неожиданными и надоедливymi просьбами. В этот раз все прошло превосходно — петиция была принята благосклонно. Несмотря на присущую ему жестокость, Фридрих Вильгельм по-своему страстно жаждал любви и страдал от отчуждения сына и павер-няка хотел восстановления отношений с ним. Он согласился. Фридрих был восстановлен в офицерском звании, освобожден из-под ареста и выпущен из крепости Кюстрин.

Вновь облачившись в мундир, Фридрих вскоре занял место, соответствующее его королевскому статусу. 4 апреля 1732 года король вновь доверил кронпринцу командование пехотным полком «Гольц». Это была не почетная награда, а большая реальная ответственность за полк — 1700 солдат — из двух батальонов, во главе каждого из которых стоял майор. Полковник был настоящим хозяином полка — обычно в поле и на параде за него командовал подполковник, — и его репутация была репутацией полка.

Фридриху, хотя практически и выросшему на плацу перед казармой, конечно, нужно было многому учиться. За ним присматривали и докладывали о своих наблюдениях королю старшие и более опытные офицеры. Он и сам ответственно подошел к делу: ему хотелось, чтобы его уважали не как кронпринца, а как хорошего командира, хотя, будучи еще почти мальчишкой, он порой принимал участие в бесшабашных выходках молодых офицеров. Однако хорошим командиром он все-таки стал. Каждый апрель прибывало новое пополнение рекрутов, кантонистов из рекрутского округа полка. Их надо было обучить, сделать из них настоящих солдат; а затем пройти парадным маршем перед королем в Берлине, продемонстрировав умение маршировать, выучку и выправку. Фридрих Вильгельм использовал эти ежегодные инспекции как возможность для строгой проверки, раздачи наград и взысканий. Фридрих решил, что его полк должен отличаться. И он отличился.

Батальоны его полка располагались в Науэне, в двадцати милях к западу от Берлина, и Нейрунине, в двадцати пяти милях к северу от Науэна. Штаб Фридриха находился при 1-м батальоне в Нейрунине. Местность вокруг была покрыта озерами, песчаными дюнами и соснами, а в нескольких милях лежало поле исторического сражения при Фербеллине. Через две недели после вступления в должность Фридрих отправился в

Потсдам, чтобы посмотреть организацию строевой подготовки и решить, все ли он делает правильно. Его письма к отцу пестрели деталями жизни полка, что очень радовало короля. Но главным стремлением принца были книги и компания близких по духу людей: теперь, когда его не вынуждали жить затворником вблизи от Фридриха Вильгельма, он мог дать свободу своим наклонностям и вскоре стал пользоваться этим в полной мере.

Фридрих жил в небольшом доме в Нейруппине. Там он разбил сад — он всегда обожал сады. Установив нормальные отношения с Фридрихом Вильгельмом, он теперь сам отвечал за себя, мог свободно учиться, писать и общаться. Фридрих находился на пороге, возможно, самого счастливого периода своей жизни, периода открытий, дружбы и начала свершений. Единственная туча омрачала горизонт: женитьба. У крошпринца есть обязанности перед Пруссией. Он должен жениться.

Фридрих находился в длительной и откровенной переписке с министром отца, Грумбковом, являвшимся главным виновником срыва «английского марьяжа», «двойного марьяжа» и расстроившим прежние планы Фридриха. Это был прожженный интриган и беспринципный человек, тем не менее умный и прощательный. К тому же министр понял, что, раз Фридриху удалось выжить, лучше быть к нему поближе. Его допустили к принцу на следующий день после казни фон Катте, и он выразил ему поддержку. Фридриху пужны были друзья из числа советников отца, и было понятно, что он и министр могут оказаться друг другу полезными. Хотя его письма к Грумбкову, как и все письма, были элегантны, часто цветисты, казались дружескими, в них отсутствовало внутреннее чувство — да и откуда ему было взяться? — и Фридрих открыто радовался, когда Грумбков умер.

А пока его советы были вполне трезвыми, и Фридрих удачно пользовался ими. Ему следует, писал Грумбков, быть искренним в отношениях с отцом, разборчивым и ни в коем случае не острить. И раз Фридрих Вильгельм решил, что крошпринц должен жениться, то в связи с этим можно немало выторговать для себя. Довольно незрелые рассуждения Фридриха не предвещали ничего хорошего. *«J'aime la sexe, mais d'un amour bien volage (fickle)»**, — писал он, объясняя, что ему нравится па-

* Я люблю прекрасный пол, но ветреной любовью (фр.).

слаждение, но ненавистны его последствия. Крошпринц полагает, что не создан быть хорошим мужем. Да, он обязан жениться, но «они хотят пинками сделать из меня любовника, а я ведь не осел».

Фридрих считал, что Грумбков понимает его, так, видимо, и было — даже лучше, чем ему представлялось. Министр сочувствовал решимости Фридриха не жениться против воли, но у Грумбкова были свои замыслы. Ему регулярно поступали деньги из Вены, а там были определенные планы по поводу невесты для прусского крошпринца. Англо-ганноверское направление отпало, нужен другой выбор.

Фридрих Вильгельм понимал, что кандидатура невесты для сына должна быть приемлема для императора — все прочее при нынешних отношениях вредно для Пруссии. Выбор при горячем одобрении императора в конце концов пал на его племянницу, брауншвейгскую принцессу Елизавету Крестину, старшую дочь сестры императрицы, Антуанетты, герцогини Брауншвейг-Беве́рнской*. Принц Евгений Савойский, главный авторитет при венском дворе, заявил всем, что «при любых обстоятельствах» марьяж с Брауншвейг-Беве́рн является лучшей идеей, и это весомое мнение было вскоре сообщено Фридриху Вильгельму, который после этого не стал медлить. Женитьба состоялась 12 июня 1733 года, для этого Фридрих приехал в Брауншвейг:

За день до свадьбы произошел чепуховый, но меньшей мере не предвещавший ничего хорошего, инцидент. В Вене внезапно изменили курс. Император, посоветовавшись с принцем Евгением Савойским, решил, что в конечном итоге «английский марьяж» для прусского крошпринца выгоден Австрии. Им можно купить британскую поддержку имперского ставленника на польский трон, а также дальнейшую поддержку Прагматической санкции. Английский король вновь раздумывал над этой идеей. Секендорф, по-прежнему аккредитованный при прус-

* Сестры были дочерьми герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского, муж Антуанетты, Брауншвейг-Беве́рн, последовал двоюродному брату и тестю Брауншвейг-Вольфенбюттель в 1735 году. Его старшая дочь вышла замуж за крошпринца Пруссии, старший сын женился на третьей сестре Фридриха, Шарлотте Прусской, а второй сын, Антон Ульрих, женился на Анне, герцогине Мекленбургской, и был назначен преемником императрицы России. Их сын, который в младенческом возрасте унаследовал российский престол, был низложен при захвате престола царицей Елизаветой и умер в заключении. — *Примеч. авт.*

ском дворе, получил инструкции попытаться убедить Фридриха Вильгельма в последнюю минуту отменить брауншвейгскую церемонию. К чести Фридриха Вильгельма, он с возмущением отверг это предложение, и свадьба состоялась.

«Припресса не уродлива, — сказал Фридрих Вильгельм сыну, — но и не красавица!» Елизавета Кристина была тихой, скромной девушкой, на три года моложе Фридриха, в самом деле не уродливой, но совершенно бесхарактерной. Она была религиозна, добропорядочна, несколько стеснительна, часто краснела, когда с ней заговаривали. Сестры Фридриха нашли ее непривлекательной и дурно пахнущей и прямо это высказали. Ей не удалось получить расположение Вильгельмины. «У меня нет любви к принцессе, я питаю к ней только отвращение», — было написано в письме. Королева, как и ожидалось, на каждом шагу обижала ее и была с ней крайне пеласкова.

Это печальная история и тепь, которую она бросает на Фридриха, крайне несимпатична, хотя ему практически не оставляли выбора, о чем откровенно говорят его письма. Он до боли ясно дал понять, что чувствовал в обществе невесты скорее отвращение, чем влечение: «Благодарение Господу, все это наконец закончилось!» — писал он Вильгельмине после свадебной церемонии. У принцессы не было с мужем никаких общих интересов, хотя в первое время после замужества она писала о нем с благоговением и всегда выказывала величайшую заботу. Он же говорил о ней с формальным уважением, даже благодарностью, однако, как он выразился, его сердце нельзя приручить и он не может делать вид, что любит, когда не чувствует любви. Династические браки редко сопровождались романтическими чувствами. Считалось, что сердца и желания монархов будут существовать раздельно с практическими расчетами. Фридрих тем не менее не желал принимать эти доводы, хотя и признал вскоре неизбежность такого порядка вещей. Он тяготился отношениями, установившимися у него с женой.

Некоторые очевидцы — но далеко не все — ссылаются на его бессердечное отношение к жене. Письма Фридриха к ней холодны и безразличны — формальный комплимент, пожелания хорошего здоровья, одно-два предложения по поводу ее долгов, инструкции по ведению домашнего хозяйства. В более чем 100 письмах, написанных им жене за время правления, не пайти ни одного проявления искреннего чувства. Он никогда не останавливался у нее в Шёнхаузене, доме, находящемся к севе-

ру от Берлина, который ей подарил тесть, Фридрих Вильгельм, не приглашал в Сан-Суси, дворец, построенный в Потсдаме, который любил. После семилетнего отсутствия на войнах единственным комментарием по поводу жены было «Мадам располнела!» Король и королева жили раздельно, хотя позже, особенно после Семилетней войны, он часто обедал с ней в присутствии гостей, в том числе многих представителей ее семьи, и поощрял развлечения в Шарлоттенбурге, самом красивом берлинском дворце. Со своей стороны, королева неизменно присутствовала на празднествах, посвященных его победам, и частенько лично открывала их. Со временем из-за непредсказуемых перемен настроения ее отношения с домашними стали портиться.

Фридрих имел возможность наслаждаться обществом и перепиской с очаровательными женщинами. Он не был женоненавистником, поддерживал дружеские отношения со свояченицей, сестрой Елизаветы Кристины, будущей королевой Юлианой Марией Датской, женщиной в высшей степени достойной, вел оживленную переписку с энергичной и хорошо образованной супругой курфюрста Саксонии — Марией Антонией Баварской, дочерью курфюрста, разделявшей вкусы Фридриха в знаниях, литературе и музыке, позднее нанесшей два визита в Потсдам. Он обожал герцогиню Готскую, с которой подружился во время Семилетней войны. Королева же играла в его жизни второстепенную роль, и в конце концов окончательно надоела. А он больше всего на свете ненавидел, когда ему надоедают.

Их брак оказался бездетным. Это привело к разговорам по поводу мужских способностей короля. Особенно во время Семилетней войны, когда врагом была Франция, по Парижу распространились сплетни по поводу якобы мужского бессилия короля. «Как может король-импотент вести войну?» — такой вопрос приписывался французским офицерам. Доктор Циммерман, присутствовавший при смерти короля, допустил о нем двусмысленное высказывание, заявив, что тот «при всей темпераментности в молодом возрасте ослабил тело, неправильно относясь к прелестям любви». Был или нет его брак нормальным? То, что он не имел детей, женщины не играли какой-либо заметной роли при дворе, открыто игнорировал королеву как женщину, его имя не было связано с именами известных куртизанок, как у других монархов, — все это вкуче со стойким аскетизмом и изысканными вкусами, несмотря на отмечавшу-

юся порой грубость языка, давало дополнительную пищу слушам о его импотенции или гомосексуализме.

В некоторых кругах это было принято как доказанный факт. Хотя Фридрих частенько заявлял, что восхищается стоиками, однако говорил также и о приверженности идеалам эпикурейцев:

*J'aime tous ces plaisirs qu'un faux mystique blame,
Ami des sentiments des Epicéreens,
Je laisse la tristesse aux durs Stoiciens*, —*

написал он в своих *poésies diverses***, опубликованных в 1760 году, во время Семилетней войны. Король любил красоту — красоту звука, литературы или формы; последняя может включать и человеческую красоту, и женскую, и мужскую. Было отмечено, что Фридрих купил великолепное скульптурное изображение Антиоя, юноши, к которому питал сильные чувства император Адриан, — статуя прежде принадлежала принцу Евгению Савойскому — и поместил в заросшем деревьями гроте в парке Сан-Суси. Отмечено, однако, было и то, что он купил пять картин, изображающих обнаженных любовников, мужчину и восхитительную женщину, написанных неаполитанским художником Франческо Солименой, и приказал повесить их в концертном зале дворца. Этой покупке в его глазах добавило пикантности то, что, как он узнал позднее от своего друга, маркиза д'Аржана, эти картины прежде находились в императорских покоях в Вене, откуда Мария Терезия, которой не по душе была их эротичность, убрала и продала, пока ее сын отсутствовал.

Инсинуации повторялись часто, даже несмотря на то что, как свидетельствуют некоторые современники, когда Фридрих пребывал в Нейруппине, он содержал любовниц. Один из королевских пажей, фон дер Марвиц, рассказывал, что, когда брат короля принц Генрих стал оказывать ему явные знаки внимания, между братьями вспыхнула ревность, так как Генрих тоже был пленником брака без любви и на его счет ходило много разных слухов. Все знали, что Фридрих часто поглаживал, щекотал, пощипывал за ухо любимых пажей, например молодого фон Пирха, который был отъявленным плутом и часто смешил

* Я люблю эти удовольствия, которые отрицает фальшивый мистицизм, я, друг эпикурейских чувств, оставлю мрачность суровым стоикам (фр.). — *Примеч. авт.*

** поэтических опытах (фр.).

короля. У Фридриха среди многочисленных и разнообразных поэтических опытов были сатиры, включавшие немало юмористических *двузначностей*, часто с гомосексуальным подтекстом, в рамках классических отсылок. То же можно сказать о многих других и не очень известных поэтах и версификаторах, от Байрона до Джилберта. Вольтер, после того как они с Фридрихом поссорились, сочинил про него скандальный памфлет, анонимно опубликованный в Париже и Лондоне. Сэр Чарлз Хэнбери-Уильямс, общепризнанный недоброжелатель Фридриха, помимо прочих едких комментариев, писал о взаимоотношениях королевской четы: «Его неестественные наклонности не позволяют ему жить с ней». Предполагалось, что Фридрих предпочитает пассивную роль в содомии. Другие современники, имевшие возможность наблюдать и обладавшие честным пером, не подтверждают наличия «неестественных наклонностей»*.

Фридрих, описывая идеальное воспитание будущего короля Пруссии, говорил о сексе с определенной долей цинизма, который можно обнаружить в девятнадцатом столетии в кругах *крупной буржуазии* Англии, Германии или Франции. Предостерегая против плохой компании и распущенности и призывая к терпимости, Фридрих сравнивал свои взгляды со взглядами Катона**, который возрадовался, увидев молодого римского патриция, выходящего из публичного дома, потому что это свидетельствовало о том, что он не обесчестил жену римского гражданина. Вожделение умирает с годами и не имеет большого значения, писал Фридрих. Более опасны сильные сердечные привязанности. Он всегда ясно видел вредное влияние любовниц Людовика XV или Генриха IV.

Тем не менее сам Фридрих демонстрировал «сильные сердечные привязанности» к товарищам по оружию, людям, которые разделяли его интеллектуальные и художественные вкусы. Он предпочитал мужскую компанию, не испытывал большого влияния со стороны близких друзей, в дружбе инициатива все-

* Г.Б. Вольц, издатель обширной корреспонденции Фридриха, проанализировал все «*sittlichen Anklagen*» — обвинения в аморальности, — какие только смог обнаружить, и нашел, что все они лишены оснований и по большей части просто невозможны в каком-либо серьезном смысле. — *Примеч. авт.*

** Катон Младший (Утический) Марк Порций (95, Рим — 8 апреля 46 до н.э., Утика), римский политический деятель, судебный оратор, философ, известный своей справедливостью и неподкупностью.

да принадлежала ему, и он шел своим путем. Между тем атмосфера его двора, преувеличенно нежное обращение мужчин друг с другом служили основанием, чтобы приписать ему гомосексуальные наклонности.

Фридрих был брезглив. Он часто энергично выступал против «безнравственности», «аморальности», имея в виду беспорядочные гетеросексуальные связи. Печально, но король считал жену непривлекательной, несмотря на неубедительные сообщения, что сразу после женитьбы он хвастался ее физическими прелестями и высказывал предположение, что она в скором времени забеременеет. Известно, что во время совместного с отцом визита в Дрезден он вступил в связь с любовницей Саксонского курфюрста, но крайней мере это подозревал Фридрих Вильгельм. Потом распространились слухи, что он занес инфекцию*, и это могло отвлечь его от женщин. В юношеские годы у Фридриха было достаточно травм, каждая могла стать причиной психологических проблем. Позднее один британский посол, не особенно симпатизировавший Фридриху, единственно заметил, что «когда он откладывает в сторону свое монаршее достоинство и позволяет себе какую-либо невоздержанность, то никогда не допускает, чтобы предмет или соучастник этих излишеств получил малейшее на него влияние». Это в большей или меньшей мере могло означать, что Фридрих в целом был достаточно умерен.

Несмотря на порицание невоздержанности, еще более Фридрих не любил нетерпимость. Однажды, узнав, что служанка одного знатного человека забеременела, он написал: «Некто берет бедную девушку в минуту нежности, говорит ей массу красивых слов и дарит ей дитя. Разве это так ужасно? ...удалите бедняжку от двора без всякого скандала!» Несомненно одно: женщины и сексуальные отношения любого вида занимали незначительную часть его жизни и мыслей; то, что он умел чувствовать, выражать и принимать сердцем сильную любовь, какими бы ни были его физические наклонности, тоже не вызывает сомнения.

Восстановление отношений с отцом и возвращение в общество ознаменовали начало нового, счастливого периода жизни

* В соответствии с другим слухом он пострадал от псудачной операции в той самой части тела, смотрите выше цитату доктора Циммермана. Эта версия была опровергнута осматривавшими тело после смерти и не нашедшими нигде никаких дефектов. — *Примеч. авт.*

Фридриха. Теперь он — крошпринц, командир полка, женатый человек. У него должен был появиться свой дом. В год свадьбы, в 1733 году, Фридрих Вильгельм передал ему во владение Рейнсберг, в пятнадцати милях к северу от ставки в Нейрушине, который и стал ему домом. Жена приехала туда в августе 1736 года, и после некоторой перестройки было устроено повоселье; четыре года в Рейнсберге их брак казался счастливым. Гости постоянно говорили комплименты крошпринцессе, и кругом царила атмосфера радости. Небольшой, построенный в стиле барокко замок, красиво разместившийся рядом с озером в амфитеатре дубовых рощ, стал центром его жизни, источником обширной переписки, местом, где он написал первые книги, начал собирать в одной из башен Рейнсберга огромную библиотеку — почти 4000 томов. Первые списки делались Фридрихом несколько лет спустя. Коллекция будет повторена в двух экземплярах. Он хотел быть уверенным, что найдет нужную книгу и в Потсдаме, и в Сан-Суси, и в Шарлоттенбурге. Фридрих любил французский язык и писал на нем выразительно, элегантно и красиво, знал многие из работ Боссюэ* наизусть, а его собственный стиль был прост, музыкален и ясен.

Фридрих стал вдумчивым студентом, изучающим европейскую политику своего времени, и продолжал переписываться из Рейнсберга с Грумбковом по текущим событиям. «Я только что объехал всю Пруссию, — писал он ему в октябре 1735 года. — Я видел недостаток и неприкрытую нищету одновременно». Но большая часть его писем была посвящена внешней политике. В 1732 году он написал в письме «Придворному его Величества», Карлу фон Натцмеру, о том, какие беды грозят Пруссии, и об их возможных последствиях. Натцмер, симпатичный человек, в свое время был одним из тюремщиков Фридриха в Кюстрине. «Король Пруссии должен действовать с величайшей осторожностью, чтобы сохранить добрые отношения со всеми соседями, — писал ему Фридрих, — а поскольку его земли пересекают Европу по диагонали, разделяя ее на две части, то из этого следует, что ему надо развивать взаимопонимание (*garder intelligence*) со всеми королями, так как он может подвергнуться нападению с различных сторон. В такой ситуа-

* Боссюэ, Жак Бенинь (1627—1704), французский писатель. Епископ. Рассматривал историю как осуществление воли провидения, отстаивал идею божественного происхождения абсолютной власти монарха.

ции для него было бы глупо оставлять все как есть. Если не атакуешь, то приходится отступать».

В области философии и политической экономии Фридрих был ненасытен. С этого времени он также с головой ушел в изучение истории великих воинов от Цезаря до современников. «Размышляйте непрерывно о своем предназначении и о действиях великих генералов», — дал ему памятное наставление Евгений Савойский. «Читайте и перечитывайте описания кампаний великих полководцев» — так будет наставлять Наполеон жаждущих славы командиров. В Рейнсберге он ощущал себя счастливым и свободным. Его мозг наконец получил возможность работать в полную силу. Он собрал вокруг себя избранных друзей. Среди них: гугенот Жордан; Альгаротти, человек большого ума, вкуса и пропихательности, хотя, как в конце концов заключил Фридрих, очень эгоистичный; Дитрих фон Кайзерлингк, блестящий лингвист из Курляндии, который ранее был одним из его наставников; де ла Мотт Фуке, тоже гугенот и единственный среди них солдат. Фридрих называл свой ближний круг «Баярдская группа». В ней все имели символические имена; он сохранил ее в качестве клуба близких друзей и в последующем. Сам Рейнсберг получил название Ремюсберг, взятое из легенды о происхождении Рима. Он часто упоминал о «*la petite colonie de Remusberg*»*. Кайзерлингк был Цезарцем, де ла Мотт Фуке — Наивностью; Ульрих фон Зум, саксонский посланник, с которым Фридрих любил беседовать о философии, — Диафаном.

Здесь царил неформальная атмосфера, как говорил Фридрих, «никакого этикета, который убивает наслаждение». Были оживленные разговоры, почти каждый вечер — музыка; Фридрих к тому времени уже прекрасно играл на флейте. Он собирал в Рейнсберге оркестры и хоры. Однажды в этой связи написал с легкомысленной жестокостью, свойственной тому столетию, прусскому посланнику в Венеции фон дер Шуленбургу: «Пожалуйста, попытайся добыть мне *castrato* 14—15 лет от роду и с некоторым музыкальным опытом. Их можно найти, как мне кажется, в венецианских больницах». Он был умелым пианистом; сочинял музыку, импровизировал, написал три симфонии, кантату для сопрано и альты, семьдесят или восемьдесят сольных пьес для флейты; в 1738 году пригласил Карла Филиппа Иммануила Баха, второго сына Иоганна Себастьяна,

* Маленькой колонии Ремюсберга (фр.).

игравшего на клавесине и аккомпанировавшего на камерных выступлениях короля. Бах обычно аккомпанировал сольным выступлениям Фридриха на флейте и оставался при нем до отъезда в 1767 году*.

Что касается философии в Европе, то здесь господствовали французские энциклопедисты — Просвещение: в Германии — «*Aufklärung*». Но Фридрих наслаждался и работами английских философов: Гоббса, Локка, Болинброка — разумных людей, как он считал, борцов против обскурантизма**. Его в высшей степени занимал Свифт, хотя отдельные мысли возмущали; он с удовольствием воспринимал остроумие и шарм Честерфильда. Фридрих полагал, что Англия впереди всего мира в философии, Франция — в литературе. И мог бы добавить, но не сделал этого, что Германия лидирует в музыке. От Вольтера он с энтузиазмом перенимал идеи религиозного скептицизма и благоговение перед стилем — элегантностью и краткостью изложения, остроумием. От англичан воспринимал — прежде всего от Локка — привычку судить об истине исключительно на основании разумных свидетельств. Уважительно относился к немцам и, когда стал королем, уговорил Кристиана Вольфа вернуться в Галле, где он был профессором, пока Фридрих Вильгельм не лишил того места за безбожие. Фридриху был по душе его рационализм, который ярые кальвинисты считали богохульством. Это был период интеллектуального брожения и битв; новая волна философской и литературной моды, враждебной традиционным взглядам, системообразующей религии, всему, что не берет начало в человеческом разуме или в искренних человеческих чувствах. Самым заметным представителем направления был Вольтер.

Фридрих вступил в переписку с ним, а также с теми, кого считал интеллектуальной элитой Европы — Фонтенелем, Мопертюи, Роллэном. «Достижения героев прекрасны, — писал он Роллэну в 1739 году, — но они запятнаны человеческой кровью. Достижения *ученых* менее известны, но также ведут к бессмертию!» Его первое письмо к Вольтеру датировано 8 августа 1736

* Его отец, великий Иоганн Себастьян, посетил Потсдам, к большой радости Фридриха, в 1747 году. Бах считал этот визит кульминационным моментом своей карьеры — он умер в 1750 году. — *Примеч. авт.*

** Обскурантизм (от *лат.* *obscurans* — затемняющий), крайне враждебное отношение к просвещению и науке; мракобесие.

года: «Могу ли я по крайней мере надеяться увидеть того, кем я так давно восхищаюсь издавна. Считайте меня неким скептически настроенным философом и по-настоящему преданным другом. Ради Бога, пишите мне как человек человеку и разделите мое презрение к титулу...»

Франсуа Мари Аруэ (Вольтер) в это время приближался к сорокалетнему рубежу и должен был неизбежно стать предметом обожания Фридриха. Как и Фридрих, он бунтовал против родительской власти и правил поведения, которые были приняты во времена его юности. Он обладал блестящим и насмешливым умом, живым слогом, часто приводившими к неприятностям. Вольтер писал стихи, о которых повсюду говорили. Он был удачливым драматургом. «Заира», написанная незадолго до приезда Фридриха в Рейнсберг, считалась его лучшей пьесой. Она была посвящена английскому торговцу по имени Фолкнер. Вольтер, над которым сгустились тучи при французском дворе, начиная с 1726 года провел почти три года в Англии, где встретил восторженный прием у выдающихся представителей английской политики, общественности и служителей пера — семьи Уолпола, Болинброка, Конгрева, Попа. Европа, писал он, это одно огромное общество, разделенное на несколько государств. Вернувшись в Париж, он выпустил памфлет, критиковавший французское общественное устройство, под названием «Философские письма об Англии». Во Франции его запретили, был вынесен официальный приговор, и в 1734 году с соблюдением всех формальностей «Философские письма...» сожгли.

Вольтер в 1735 году покинул Францию. Он поселился в независимом герцогстве Лотарингия с любовницей, маркизой де Шатле («*La sublime Emilie*»), в ее замке в Сирее, где прожил много лет. Вольтер был именно тем героем, в котором, как полагал Фридрих, он нуждался. В нем был дух свободы, способный поддержать идеи самого Фридриха; помочь критически оценить литературные сочинения. Его первое письмо к этому великому человеку было полно цветистых выражений признательности, сравнений с Корнелем, конечно, в пользу Вольтера. Фридрих писал, что он помогает миру идти к нравственности, добродетели и истинной славе. Фридрих не жалел лести — «*vos poésies... sont un cours de morale où l'on apprend à penser et à agir*»*. Вольтеру это было в высшей степени приятно. Он с особым

* Ваши стихи... — это путь к нравственности, где по ним учатся мыслить и действовать (фр.).

вниманием отнесся к этому письму, ведь к тому времени он уже испортил отношения не с одним высокопоставленным лицом — включая регента Франции, герцога Орлеанского, и герцога Ришелье. Вольтер решил, что нашел нового покровителя: молодой поклонник не без литературного вкуса и способностей, который станет правящим сувереном с толстым кошельком. Он посвятил «Заиру» Фолкнеру, который принимал его в своем доме в Уэйдсворте в 1727 году во время его английского изгнания, но позже он назвал великодушного Фолкнера «простым торговцем», обычным предпринимателем, и теперь искал возможность посвятить новую работу «носителю высокого ума», кронпринцу Пруссии.

Пруссия, полагал Вольтер, является далекой северной безграмотной страной, но там можно было бы кое-что получить. Он отправил Фридриху длинное и содержательное письмо, в котором в стихотворной форме отдавал должное тому, чья мудрость и таланты наверняка сделают его «Соломоном Севера». Их первая встреча произойдет только через четыре года, но связь была установлена. В письмах они, казалось, соревновались в комплиментах. Фридрих направил Вольтеру собственные стихи, в которых называл себя «*votre très parfaitement affectionné ami*»*. Они, вежливо отвечал Вольтер, «*dignes de leur auteur*»**. Принц и философ жаловались на невежество, предрассудки и фанатизм, правящие миром. Поскольку Фридрих не мог посетить Сирей, он время от времени передавал послания с одним из своих приближенных, при котором всегда было рекомендательное письмо. Одного из них, фон Кайзерлинга, «*Mon cher Cesarion*», как его звали в «Баярдской группе», Фридрих сравнивал с Плутархом. Он привез Вольтеру портрет кронпринца.

Все шло к общему удовольствию. Фридрих работал над первой большой книгой, «Анти-Макиавелли», и ему было приятно получить комментарии от первого мудреца Европы. Вольтер писал о рифме, выразительности, благозвучии и правописании. Между ними шел обмен мнениями по вопросам естественных наук, метафизики, об античных философах. Учиться у такого наставника для Фридриха было полезно, ведь, несмотря на потоку и искусственность, в переписке с Вольтером было много интересного и поучительного. «*Ce n'est pas un homme qui fait le*

* ваш искренне преданный друг (фр.).

** делают честь своему автору (фр.).

travail prodigieuse qu'on attribue à M. de Voltaire»*, — писал ему Фридрих в феврале 1739 года и продолжал в том духе, что в Сирее существует целая академия мировой элиты — Ньютон, Корнель, Катулл, Фукидид. «Труд этой академии должен быть опубликован под именем Вольтера».

Первые литературные работы Фридриха, включая «Анти-Макиавелли», касались обязанностей правительства, философии, которая должна поощрять деятельность монархов и вести к счастью, процветанию и свободе народов. Его работы, их предмет и направленность, как и факт переписки с Вольтером и другими мыслителями, стали широко известны среди философов в Европе; авторитет короля-философа будущей либеральной эпохи стал расти. Всей Европе был известен характер короля Пруссии Фридриха Вильгельма; не были секретом и прежние страдания крошпринца. Теперь этот погруженный в размышления, чувствительный будущий суверен потенциально мощного североευропейского государства выказывает приверженность к обновлению, к идеям Просвещения и становится их спонсором. Вольтер писал ему, что «монарх с такими идеями способен вернуть золотой век своему государству», Фридрих не только излагал свои мысли в общих философских категориях, но и держал мудреца из Сирея в курсе ситуации в Пруссии. И чем больше он узнавал от него, тем начинал глубже осознавать прежде не замеченные достоинства правления отца, признаваясь Вольтеру, что «нашел нечто героическое в великодушии и энергии короля», хотя и чувствовал себя опустошенным в связи с обнаруженными отдельными свидетельствами нищеты. «Если примерно к новому году король не откроет амбары, половина людей умрет от голода!» — говорил он Грумбкову в октябре 1735 года. Два последних урожая были плохими.

Помимо всего прочего, Фридриха не оставляла надежда убедить Вольтера посетить его в Рейнсберге, где его портрет висел на почетном месте. Однако раздумья принца и литературное творчество в то время были сфокусированы не только на общих предметах, политической философии, уровне культуры, но и на обязанностях монарха. Пока Фридрих вел переписку с лучшими умами Европы, пока неутомимо писал и надеялся отточить литературные способности, которые приве-

* Ни одному человеку не по плечу грандиозная работа, которую выполняет мсье Вольтер (фр.).

ли бы в восхищение понимающих людей, он также непрерывно работал над подготовкой своего полка, над практическим изучением военной профессии.

Фридрих уже демонстрировал небывалую приверженность долгу, ту решимость понять каждый аспект проблемы или задачи, которые отмечали всю его жизнь. Он проявлял личный интерес, обучая вновь набранных рекрутов, «кантопистов», выражая заботу, демонстрируя знания в непростой науке подготовки молодого солдата. Фридрих понимал, насколько важно сочетать расторопность с механическими навыками — последние необходимы при обращении с прекрасным кремневым мушкетом, первая — для правильной подготовки, поскольку в то время от линии строя могла зависеть эффективность действий подразделения; группа людей, чье умение двигаться сомкнутым строем безупречно, при ведении огня или в атаке достигает эффекта усиления мощи, что можно сравнить с машиной. Став королем, он немедленно отменил телесные наказания за исключением особых случаев. Фридрих понял также, что требуется сочетание абсолютного повиновения с доверием между военнослужащими. Рекруты попадали под первоначальную опеку старшего, хорошо подготовленного солдата, который воспитывал примером, делился собственным опытом, применяя также и силу.

Не меньше усилий Фридрих прилагал, занимаясь самообразованием. Он внимательно изучал военный опыт предшественников, правителей Пруссии, их достижения, проблемы и неудачи и причины этого. Недалеко от Рейнсберга и Нейрушпина находилось поле битвы при Фербеллине, и Фридрих совершил туда не одну поездку. Он нашел старика, помнившего это сражение и рассказывавшего о нем. В Нейрушпине кронпринц обучал свой полк с великим тщанием.

Он уже видел реальный бой и солдат под огнем. Это произошло почти в самом начале рейнсбергского периода жизни Фридриха, счастливого времени между прощением отца и его смертью. В 1733 году Пруссия вновь на короткое время оказалась в состоянии войны. Спор, как часто бывало, возник из-за польской короны. Король Польши умер, и Франция выступила в поддержку кандидатуры свекра Людовика XV — Станислава Лещинского, который какое-то время уже занимал этот престол, но лишился его. Император же Карл VI защищал права курфюрста Саксонского, сына Августа Сильного. Импер-

ская армия под предводительством ветерана, принца Евгения Савойского, встретила с французами на Рейне, поскольку оказалось, что вопрос невозможно разрешить путем переговоров. Пруссия, входящая в состав империи, поставила 10 000 пштыков. Французы осаждали Филлипсбург.

В июне 1734 года Фридрих Вильгельм, отправляясь в свои войска, послал туда кронпринца, занимавшего пост командира полка, несколько ранее. Фридрих, таким образом, в возрасте двадцати двух лет в Везентале встретился с принцем Евгением Савойским, первым солдатом столетия. Он вручил ему послание отца, в котором Фридрих Вильгельм просил главнокомандующего научить сына всему, на что способен сам. Они сошлись очень легко. Принц Евгений говорил с ним обо всем и давал ценные наставления. «Читай военную историю, — папутствовал он Фридриха, — и всегда держи в уме главные цели кампании». Наследник прусского престола излагал собственные оценки положения в Европе. Они беседовали об искусстве ведения войны и о создавшейся ситуации. Особое внимание уделяли Прагматической санкции, причем Фридрих заявлял, что не знает, какие в этой связи обязательства взял на себя Фридрих Вильгельм, но заверил Евгения Савойского — это заверение должно было держаться в тайне от отца, — что, став королем, сдержит данное им слово.

Главнокомандующий позволил Фридриху выехать вместе с конной группой на рекогносцировку, увидеть неприятеля, ощутить огонь французов, обративший в бегство прусских солдат, и лично помочь вернуть их на позиции; а потом как ни в чем не бывало, сидя в седлах, они продолжали увлекательную беседу. Та война продолжалась, не оказывая существенного влияния на расстановку сил в Европе, до ноября следующего, 1735 года, когда в Вене был подписан соответствующий договор. Станислав отказался от польского трона, а в награду получил герцогство Лотарингия, которое после его смерти должно было отойти Франции. А Франция признала Прагматическую санкцию.

Через пять дней после того как Фридрих впервые попохал порох, в лагерь приехал Фридрих Вильгельм. У него был долгий разговор с главнокомандующим, его бывшим командиром, которым он безмерно восхищался. Отвечая на вопрос короля, принц Евгений сказал, что Фридрих, по его мнению, однажды станет не только добрым солдатом, но и великим генералом.

Глава 3

ВЫЗОВ

«Анти-Макиавелли», первая законченная книга Фридриха, написана в 1740 году. Вольтер в апреле 1739 года тепло одобрил ее содержание и название — «*Réfuter Machiavel est bien plus digne d'un prince*»*. В ней рассматривались вопросы управления и политической философии. Фридрих раскритиковал Макиавелли за цинизм, граничащий с аморальностью: «Этот монстр, стремящийся уничтожить человечность, «Государь» Макиавелли, является одной из самых опасных книг в мире». Однако он несколько карикатурно изобразил индугенцию Макиавелли от необходимости придерживаться норм обычной морали как неотъемлемой черты характера монарха, чтобы оттенить свою точку зрения.

В «Анти-Макиавелли» Фридрих написал, что правитель и в общественной, и в личной жизни должен прежде всего быть справедливым. Он должен заслужить признательность, даже любовь тех, кем управляет, своей политикой беспристрастной справедливости; должен быть терпимым к различным мнениям, противостоять фанатизму, пресекать сектантский пыл, защищать моральную свободу и право подчиняться сознанию для всех людей. Это было еще только начало пути, и Фридрих пока не нес никакой ответственности за управление, но в будущем ему предстояло держать в этом очень высокую планку. Он с самого начала решил, что Пруссия станет государством, в котором будут править справедливые законы. Закон и развитая

* Опровержение Макиавелли — дело, достойное монарха (фр.).

культура должны стать символом Пруссии — *Rechtstaat* и *Kulturstaat*.

Последующие действия Фридриха во многом соответствовали тому, во что он верил и о чем писал. Он был благороден и искренен — и жители Пруссии все отчетливее это видели — непрерывно подчеркивал, что предназначение правителя — служение, что он является «первым слугой своего народа». Фридрих клеймил правителей, склонных почивать на лаврах: управление существует не для славы монарха, а для чести, процветания и безопасности его народа; был безоговорочно суров в оценках таких суверенов, как Людовик XIV. Неудивительно, что эта затронутая в книге тема подвигла Вольтера написать, что положение различных слоев общества требует обнародования!

Однако сквозь щедрые сантименты «Анти-Макиавелли» просвечивалось циничное отношение к человеческой природе, которое с возрастом скорее усилится, чем ослабнет. Фридрих на себе испытал жестокость. Он видел, как люди на нее реагируют, и не питал никаких иллюзий по этому поводу. Это все больше развивало в нем недоверчивость, несмотря на природную тягу к любви и дружбе. Еще справедливее это было в отношении политики. В том, как он, уже будучи монархом, строил отношения с другими правителями, скептицизм и недоверие были практически осязаемы. Фридрих уже ощущал мучительную боль от унижения, которое испытывали его отец и Пруссия — от «монархов, лишенных понятия о чести», он имел в виду Австрию. Циничный реализм — а для Фридриха это было, по существу, реализмом — заставляет заглавие книги считать несправедливым к Никколо Макиавелли.

Особенно когда Фридрих рассуждает о вопросах войны и мира. Он всегда отвергал обвинения в чистой рациональности и оппортунизме, однако его повествование само подводит к двойственному восприятию. Он выделяет три вида войн. Первый — в высшей степени справедливая, чисто оборонительная война. Второй — «война за интерес». На кону права, цели монарха вполне весомы, но он понимает, что переговоры заходят в тупик, и тогда в интересах своего народа он может решать дело только на поле брани; альтернатива — лишь отказ от справедливых требований или уступки в области безопасности. Третий вид — «война из предосторожности», другими словами, упреждающий удар. Монарх, а у него постоянно на уме интересы своего народа, решает, что конфликт неизбежен; между

государствами существуют проблемы, и конфликт разразится если не завтра, то послезавтра. Его противники, возможно, уже готовятся к нему. В этих условиях, будучи убежденным в исторической неизбежности войны, дальновидный монарх решает, что было бы глупо вопреки здравому смыслу ждать, когда соперник нападет первым. У него есть моральное право и обязанность действовать. Ничто не в состоянии предотвратить войну, которая рано или поздно разразится, и правитель не должен отказываться от преимущества наступательных действий в момент, который покажется ему выгодным.

Макиавелли едва ли смог бы что-либо добавить к этому. Совершенно очевидно, Фридрих наравне с общими принципами держал в уме и вполне конкретные проблемы. Однако не стоит рассматривать его в качестве проповедника полной беспринципности. Он говорит, что, пока мир таков, каков он есть, будут возникать ситуации, при которых сам ход исторических событий делает конфликт совершенно неизбежным. Правитель, предвидя такую возможность, должен оставаться реалистом. Народ ожидает от него мудрости, отваги, находчивости и решимости. И реализма. Фридрих утверждает, что монарх должен быть справедливым, но нельзя поддаваться иллюзиям, смотреть на международные дела сквозь розовые очки. Не притворяйтесь, говорит он, что монарх, ответственный за безопасность и процветание многих людей, подданных, подчиненных, при принятии решений в сфере управления имеет возможность поступать прямо, открыто и честно, как любой человек может и должен поступать в личных делах, где на кон поставлена судьба только его и его семьи. В мире политики столь наивный монарх окажется жертвой хищников, невинность обернется предательством народа и возложенного на него доверия.

Это можно было бы назвать софистикой, однако здесь, как и во многом другом, Фридрих демонстрирует достаточно ясный ум, рассуждая о том, что обычно прячут за завесой ханжеских тривийностей. Он постоянно повторяет главное. Монарх — слуга своего народа; интересы народа, а не его величие и удовольствие должны быть путеводной звездой. Для него — это главный фактор. Он выделял Фридриха из среды прочих правителей.

Представление о монархе как о защитнике интересов народа в ту эпоху воспринималось с трудом. Религиозные войны закончились: эпоха войн национальных и идеологических, которые принесла Французская революция, еще не наступила.

Военные конфликты восемнадцатого столетия внешне казались и противоположность теориям Фридриха семейными, дипломатическими, далекими от истинных интересов государств и народов. Для него же, напротив, ограниченные стычки всегда представляли более глубокий конфликт, в конечном счете оказывающий воздействие на повседневную жизнь людей. Порой он писал с истинно человеческим сочувствием о том, насколько далекими простым людям должны казаться ссоры великих мира сего, из-за которых армии опустошают их земли.

В Германии времен Фридриха существовал необъявленный перечень споров по поводу короны и престолонаследия, дающий прямой повод для войны; и все это, чем дальше, тем очевиднее упиралось в вопрос о том, что, собственно, должно означать понятие «Германия» и кто будет доминировать в ней. Занимаясь различными аспектами этого вопроса, Фридрих четко изложил несколько вполне определенных моральных и политических принципов. Прежде чем приступить к работе над «Анти-Макиавелли», в 1739 году он написал трактат, имеющий большое практическое и специальное значение, озаглавленный «*Considérations sur l'état politique de l'Europe*»*. Это дальновидный обзор европейской политики, опубликованный лишь после его смерти. Многие изложенные здесь мысли по поводу серьезных ситуаций, угрожающих Пруссии, были ранее перечислены в его юношеском письме к фон Натцмеру, а идеи и принципы, сформулированные позднее, найдут отражение в «Первом политическом завещании», написанном в 1752 году, но также опубликованном только после его смерти. Имеется и «Второе политическое завещание», написанное в 1768 году. Эти работы связаны между собой. В них развиваются и модифицируются мысли, завладевшие Фридрихом еще в его бытность крошечным принцем. Он подверг нападкам — в «Первом политическом завещании» — культ ложной славы: «инстинкт агрессии». Народ принимает правителя не для того, чтобы тот укрепил свою власть, а в надежде, что он будет справедливым, по-отечески добрым и человечным, а также будет способен защитить его от нападения со стороны других. Фридрих отвергал то, что он называл «непрерывной агрессией» крупных монархий, чаще всего подразумевая Францию, несмотря на любовь и преклонение перед этой страной, порой — Австрию. Писал он всегда очень искренне; всегда с глубоким пониманием положения Пруссии.

* Размышления о политической ситуации в Европе (фр.).

* * *

Пруссия была раздроблена, владения ее короля напоминали лоскутное одеяло. Для обеспечения сохранности земли Гогенцоллернов нужно было собрать в некое способное защищаться целое или хотя бы соединить отдельные части между собой. Теперешняя же ситуация, когда Бранденбург изолирован от рейнских герцогств, а Померания отделена от Восточной Пруссии клином Прусской Польши, означала слабость и в определенном смысле — историческую несправедливость.

Пруссия была стратегически уязвима. Лишь немногие границы представляли естественные оборонительные рубежи. Защита от шведов занимала значительное место в ранних построениях Фридриха. Швеция по-прежнему имела форпост в Померании, немногим более чем в ста километрах к северу от Берлина. Она могла угрожать связям с Мекленбургом, да и самому Бранденбургу. Если бы западная часть Померании принадлежала Пруссии, угроза отпала бы. На другом фланге обладание Прусской Польшей соединило бы Померию с Восточной Пруссией и позволило бы контролировать выход Польши к Балтийскому морю, это было бы ценное приобретение. Без перечисленных изменений Пруссия не имела необходимых сил на севере и северо-востоке, чтобы компенсировать опасную разобщенность на западе. Разобщенность — и уязвимость. На западе находилась Франция, крупнейшая монархия в Европе. А на юге, юго-западе и юго-востоке — различные части Германской империи, управлявшейся в той или иной степени из Вены и всегда потенциально враждебной Пруссии.

Пруссия была бедной. Ее процветанию во многом способствовал Великий курфюрст, ею хорошо и по-хозяйски управляли, финансы были стабильными. Однако она оставалась беднее, чем справедливо могла ожидать, несмотря на твердое правление Фридриха Вильгельма, а ее бюджет — меньше, чем хотелось. Земли во многих районах были непригодными для сельскохозяйственных работ. Промышленность и сырье у нее имелись, но в недостаточном количестве. Население Пруссии было невелико. В 1752 году Фридрих писал, что в интересах безопасности стране следует иметь население, способное содержать 180-тысячную армию — на 44 000 штыков больше, чем имелось, когда он это писал, хотя к тому времени она значительно выросла благодаря ранним территориальным приобретениям Фридриха. Чтобы жить, Пруссия должна была

расширяться. Земля — это люди. Люди — это армия. Армия — это безопасность.

В этом контексте силезские герцогства, на которые претендовал король Пруссии — Лейпниц, Берг, Ягерндорф, Волау, — были очень важны. Довольно плотное население Силезии в ранней степени делилось на католиков и протестантов. Она была потенциально богатой территорией: располагала минеральными ресурсами, ставшими впоследствии огромным источником богатства, текстильным и процветающим лыжным производством, к тому же во время Тридцатилетней войны восставала против правления Габсбургов. Силезия не упоминалась в ранних работах Фридриха, но занимала его мысли в период созревания характера в Рейнсберге, когда он писал «Размышления»... Он считал, что его отец был слишком уступчив к требованиям Австрии, хотя и сам несколько лет назад обещал лояльность императору в беседах с принцем Евгением.

Возможно, он укрепился в этих мыслях с помощью «Политического завещания» Фридриха Вильгельма, составленного в 1722 году, когда король решил, что умирает. Тогда его сыну было десять лет, прочел же он его после смерти отца. Фридрих Вильгельм писал, что преемники никогда не должны развязывать несправедливых войн, *но и не должны уступать того, что принадлежит им*: Фридрих, несомненно, был полон решимости поступать согласно завещанию, но действовать при этом расчетливо. Большая часть мыслей из «Политического завещания» Фридриха Вильгельма широко использовалась Фридрихом в собственных работах. Король Пруссии должен быть экономным, крепко держать в своих руках финансы страны, содержать мощную армию и сохранять над ней полный контроль. Когда в 1740 году Фридрих Вильгельм умер, можно было без колебания сказать, что прусская казна в хорошем состоянии, а прусская армия — прекрасно организована... В ней лучший в Европе офицерский корпус.

В области управления Пруссией — а вопросы теории и практики управления были главным предметом его ранних работ — Фридрих также следовал моральным установкам отца и, несмотря на юношеское отчуждение и вечный скептицизм, остался в основном верен им. Одна из них касалась личной нравственности. Фридрих Вильгельм был по убеждениям твердым пуританином, и его сын, несмотря на то что имел совершенно иной темперамент, тоже считал, что правитель должен

показывать пример подданным. Прежде всего, вопреки собственной ограниченности, Фридрих Вильгельм старался оставить Пруссии в наследство религиозную терпимость: вне всякого сомнения, Фридрих тоже поддерживал это.

После смерти он стал героической и легендарной личностью. Великому королю Пруссии стали приписывать набожность, которой имелись лишь обрывочные свидетельства. В молодости, мечта стать монархом-философом, он был атеистом, скептиком; таким и оставался полжизни. Говорят, за все свое правление Фридрих всего лишь девять раз присутствовал на богослужении. Он писал в 1738 году Вольтеру, что «христианские сказки, которые благодаря своей древности и легковёрности людей стали священными, пусты и абсурдны для людей, которые мыслят логически», высмеивал некоторые христианские догматы. Истинное дитя эпохи Просвещения, он писал по поводу воспитания монарха, что тот «должен в достаточной степени знать теологию, чтобы понять, что католический культ является самым нелепым из всех». Смысл заключался в том, что вероисповедание являлось культом, а его вариации были нелепы в разной степени. Фридрих предпочитал быть свободным: «Я занимаю нейтральное положение между Римом и Женевой». Люди разных вероисповеданий — католики, кальвинисты, лютеране, иудеи — должны жить вместе в мире. Конечно же, следовало держать в уме и практические соображения, чтобы в стране царила гармония. Число евреев следует ограничивать, потому что они вредят бизнесу христиан и могут, таким образом, внести разлад, и монарх должен это предвидеть и принять меры. Для германских католиков Вена и Габсбурги более притягательны, более близки, чем Берлин и Гогенцоллерны. У германских протестантов отношение противоположное, и его можно использовать. Он смотрел на такие вещи прагматично, особенно когда дело касалось территориального вопроса.

Фридрих порой упоминал — в более поздний период жизни, во время ужасной войны, которую вел в течение семи лет, — германские свободы и дело протестантизма как два великих, взаимосвязанных вопроса. Но на самом деле Фридрих не выступал в защиту каких-либо идей, тем более религиозных, предпочитая, когда это представлялось возможным, считать себя союзником Франции, крупнейшей католической монархии, а в культурном отношении — его духовного дома. Фридрих старался противостоять претензиям Австрии и католиков Габсбургов, одновременно привлекая на свою сторону протестантов,

где бы они ни жили. Он знал, что это нужно делать с осторожностью.

В личной жизни Фридрих был так же терпим, как и в теологических построениях. Во взглядах на брак его либерализм доходил до таких границ, что многие современники и даже потомки не могли их принять. Брак, писал он, в своей основе — по вопросу гражданского контракта; он должен запросто расторгаться, если на то будет воля обеих сторон. За исключением кровосмесительных — между родителями и детьми, братьями и сестрами, — он должен быть вопросом свободного, индивидуального выбора: «*Je permets avec indulgence qu'on se marie à sa fantaisie*»*. Фридрих считал, что именно такая атмосфера должна царить в Пруссии. Это несколько не походило на кальвинистские воззрения его отца.

Все же в вопросах теологии Фридрих не был совершенно безразличен. Обладая острым умом, он не считал, что человек постиг все на свете. Имея способности поэта и художника, он интересовался тайнами и трагедиями бытия; верил в высшую сущность: на самом деле его можно было считать деистом**. В августе 1738 года в Брауншвейге*** после многочисленных бесед с принцем Липпе-Букебургским Фридрих стал масоном, членом одной из раннегерманских лож, и заявил о вере в Бога, хотя и с оговорками. Впоследствии он почти не принимал участия в масонских церемониях. Его привлекла вера кальвинистов в предопределенность, отвергнутая отцом, в том смысле, что свобода воли есть иллюзия, все мы ничтожны и бессильны перед судьбой, провидением и божественным промыслом. Печали и радости людские могут не иметь большого значения, но в них, возможно, что-то есть. Фридрих писал, что все религии основываются на более или менее абсурдной сказке, неправдоподобие которой всякий разумный человек должен

* Я со снисхождением допускаю женитьбу по собственному разумению (фр.).

** Деизм (от лат. deus — бог) — религиозно-философская доктрина, признающая Бога как мировой разум, который сконструировал целесообразную «машину» природы, дал ей законы и движение, отвергает дальнейшее вмешательство Бога в самодвижение природы (то есть промысел Божий, чудеса и т. п.) и не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума.

*** Брауншвейг сыграл видную роль в становлении масонства в Германии. — Примеч. авт.

определить немедленно. «Либо Бог мудр, — рассуждал он в длинном письме Вольтеру по поводу веры, датированном февралем 1738 года, — либо он не существует... а если он не мудр, то он не Бог, а некая бессмысленная Сущность, слепая судьба, внутренне противоречивое соединение атрибутов вне объективной реальности...» Это все было довольно запутанным, но в ходе обменов мыслями Фридрих демонстрировал — подкупающая черта его характера — скромность в отношении ценности собственных взглядов. Он не боялся выставлять теории, даже абсурдные для обсуждения, был самокритичным, свободным от догм человеком. Во время рейнсбергского периода его познакомили с трудами Христиана Вольфа, ученика Лейбница, считавшего, что знания — продукт размышлений. Читал Фридрих во французском переводе и работы графа фон Зума. Он всегда любил полагаться на размышления в одиночестве, как учила английская школа Джона Локка, оставаясь продуктом эпохи Просвещения.

Ему к тому же правилось обсуждать религиозное учение. Он любил подшучивать над бабальностями, нападать на защитников догм и при этом смотреть, насколько далеко он может зайти, провоцируя собеседника. Фридрих, казалось, не заметил, что крупнейший последователь Лейбница и Вольфа Иммануил Кант преподавал в Кёнигсберге в течение всей второй половины его правления. Кант, восхищаясь Фридрихом, после смерти короля создал учение, которое вступило в противоречие с доктриной ортодоксальных лютеран, что могло бы немного обеспокоить Фридриха. И все же, встречая искреннюю веру, он уважал ее. Один из его генералов, католик, обычно во время битвы рисовал шпагой в воздухе знак креста, прежде чем броситься в атаку. Однажды Фридрих это заметил и принялся над этим насмехаться. «Сир, — был ответ, — не обращайтесь внимания на подобные мелочи. Если я твердо исполняю свой долг и старательно служу вам, какая вам разница, какие религиозные обряды я исполняю? А какая для вас выгода может быть в том, чтобы делать посмешище из самых преданных слуг?» Фридрих молча выслушал это, и все осталось, как прежде.

В письмах к любимой сестре Вильгельмине он заявлял о своей убежденности, что встретит ее вновь в лучшем мире. Порой казалось, он понимал возможность существования внутреннего мира, который, видимо, является божественным даром и важнее мирской суеты.

*Lorscue l'orage gronde,
Le Sage dans son coeur garde une paix profonde,
Et sans s'inquiéter d'un funeste avenir
Il l'attend, sans le prévenir*, —*

написал он в 1760 году после постигшей его катастрофы в жестокой битве при Кунерсдорфе. Когда после семи лет войны Фридрих наконец вернулся в Берлин и в часовне Шарлоттенбурга был исполнен благодарственный молебен, все видели, как король закрыл лицо ладонями и по его щекам бежали слезы. При Цорндорфе в августе 1758 года Фридрих слышал мелодию, которую исполнял оркестр одного из полков, идущих в сражение, ставшее одним из самых кровавых в его жизни. Он спросил название мелодии, и ему ответили, что это лютеранский гимн «*Ich bin, ja, Herr, in deiner Macht*» — «Да, Господи, я в руках твоих». Фридрих, глубоко тронутый, про себя повторил слова гимна.

Годы, проведенные Фридрихом в Рейнсберге, много значили для формирования личности, именно в это время проявились основные черты его характера. На собственном опыте он выработал точку зрения на воспитание монарха, которую излагал в разное время. Правитель должен учиться быть гуманным, мягким и милосердным. Он обязан изучать историю; должен помнить, что из всех недостатков грубость является наихудшим. Может показаться, что это не соответствует характеру самого Фридриха, особенно к концу жизни, но он повторил свое заявление и в 1768 году.

Из-за широты интересов — музыка, литература, философия, вопросы управления, экономика, армия — Фридриха воспринимали как человека-универсала, эрудита. В сущности, он таким и был, порой демонстрируя излишнее самоуверенно свою многосторонность. На эту черту обратил внимание прекрасный дипломат маркиз де Вало́ри, который начиная с 1739 года провел в Берлине одиннадцать лет в качестве французского посла. Он хорошо знал Фридриха и кронпринца, и короля. Вало́ри принял пост посла у небезызвестного маркиза де ла Шетарди, и сначала Фридрих считал его скучным. Вало́ри, писал

* Когда ревет шторм, мудрец, в душе которого царит мир, безмятежно ожидает беспощадную судьбу, которую он не в силах предотвратить (фр.).

он в резких выражениях Вольтеру в декабре того года, служит напоминанием, насколько ему не хватает его предшественника. Фридрих жаловался, что Валори, старый солдат, неинтересен, чрезвычайно толст, ведет разговор так, словно его собеседник — своего рода укрепление противника, которое нужно захватить; его военные воспоминания скучны. Новый посол тем не менее прекрасно понимал Фридриха и отнесся к нему в целом с симпатией. Кропшинц, говорил Валори, человек интеллектуальный — ни у кого нет столь живого ума, однако склонен считать, что лишь немногие им обладают. Он складно говорит, живо и с чувством; остроумно. Язык чрезвычайно остер и порой жесток. У Фридриха сильный характер, он стремится к господству, его остроумие довольно забавно и приятно, но может оскорбить. Говорит не только складно, но и много, и иногда может разговориться настолько, что противоречит себе; как и большинство монархов, он не очень любит слушать. Валори отмечает чрезмерную недоверчивость кропшинца, в котором безошибочно угадывалась властная патура. Он полагал, что остальные рождены для подчинения. Другого французского посланника, маркиза де Бово, меньше впечатлили проявления доброй воли Фридриха. «В душе, — писал Бово в декабре 1740 года, — он ненавидит Францию; его истинное намерение заключается в том, чтобы унижить нас». Это было слишком жестоко, Фридрих относился к Франции несколько иначе.

Валори упорно подчеркивал два обстоятельства. Фридрих обладал привлекательностью и обаянием. Когда он хотел ими воспользоваться, то делал это очень эффективно, пока не добивался цели, какой бы она ни была. Потом мог резко оборвать любезности. И вторая черта: имел почти обо всем собственное мнение и не отступал от него. Вежливая утонченность для него была пустым звуком. Когда он знал, что за путь ему предстоит, начинал действовать. Он был сам себе на уме и никогда не упывал. Та же жизнерадостность, та же свобода мысли много лет спустя отмечалась английским послом, сэром Эндрю Митчелом, который, как и Валори, был знаком с Фридрихом в течение долгого времени. Он занимал пост посла пятнадцать лет, включая тяжелейшие годы войны. Фридрих принимал решение и затем действовал с чрезвычайным упорством; но когда терпел неудачу, а Митчел неоднократно был свидетелем таких ситуаций, он спокойно изобретал что-нибудь новое. Это качество выдающегося военачальника и великого суверена.

Несмотря на развивающееся в его характере чувство превосходства, Фридрих, живя в Рейнсберге, был по-прежнему готов учиться у других. Особенно военному делу. Задача короля Пруссии — командование армией в походе и обеспечение ее готовности к нему в мирное время.

Поэтому Фридрих много читал. Он наслаждался историей, получая удовольствие от жизни цезарей, особенно от скандально подробных работ Светония*, но в его громадной библиотеке было много книг по военной истории, и в собственных работах по военному делу Фридрих неизменно иллюстрировал выводы неизвестными и убедительными примерами из прошлого. Он с усердием и великим тщанием руководил полком, потому детали солдатской службы буквально вошли в его плоть и кровь. Фридрих всю жизнь ценил разговор, который у него состоялся с принцем Евгением Савойским в Нидерландах. Он крепко дружил с принцем Иосифом Венцелем Лихтенштейнским, главным солдатом, большим знатоком искусств, который был на шестнадцать лет старше его. Естественно, он находил, что легче учиться у тех, кого он признавал родственными душами.

Полезным было и знакомство с Куртом Кристофом фон Шверинем, ветераном войны и уточенным светским человеком. Шверину было уже далеко за пятьдесят, когда начался Рейнсбергский период жизни Фридриха. Он обладал изысканным художественным вкусом, сражался не в одной битве, являлся приверженцем чисто прусских ценностей, таких как самодисциплина и самоограничение. Его день начинался с произносимой в одиночестве молитвы. Прежде чем прийти к Фридриху Вильгельму, он успел послужить и в голландской, и в шведской армиях. Шверин был строгим, но просвещенным поборником дисциплины, и его влияние на Фридриха было очень ценным. Он, маршал, погибнет на поле брани под знаменем Фридриха, короля Пруссии.

Были также другие. Интересным и полезным для крошечного принца было общество принца Леопольда Ангальт-Дессауского, старого Дессаусца. Он родился через год после сражения при Фербеллине. Ветеран всех кампаний против французов с 1695 года, товарищ по оружию принца Евгения Савойского,

* Светоний Гай Транквилл (ок. 70 — ок. 140), римский историк и писатель. В своем главном сочинении «Жизнь двенадцати цезарей» (в 8 книгах) с равной обстоятельностью излагает исторические события и привычки цезарей (от Юлия Цезаря до Домициана).

фельдмаршал с 1712 года, прирожденный военный историк и писатель. Фридрих многое почерпнул из его воспоминаний. Он умел учиться по книгам, учиться и думать. Но начиная с 1736 года он больше всего желал совета и общества другого человека.

Период с 1736 по 1740 год, первые четыре года переписки Фридриха с Вольтером, были счастливым временем взаимного открытия, своего рода медовым месяцем. Они смотрели друг на друга как бы сквозь дымку. Фридрих слал в Сирей настоятельные приглашения, которые Вольтер не мог принять, из-за того что Фридрих никогда не включал в них мадам де Шатле, хотя и писал ей вежливые письма, давая, однако, понять, что хотел бы видеть одного Вольтера. Вольтер продолжал без остановки писать, сравнивая Фридриха, *le prince philosophe*, как мыслителя с Траяном, как сочинителя с Плинием, как пишущего на французском языке с «лучшим из французов». Он приравнивал его к Марку Аврелию, особо хорошо отзывался о «Размышлениях...», посланных Фридрихом ему на отзыв. В конце мая 1740 года все изменилось. Король Фридрих Вильгельм в мучениях скончался в Потсдаме. Фридрих прискакал из Рейнсберга и был встречен умирающим человеком с нескрываемой любовью.

С этого времени Фридрих стал сувереном, ответственным правителем, скорее рабом государственных дел, чем дилетантом от философии и искусств. «Я думал, что смогу вызвать на поединок любимого Вольтера, — писал он 6 июня 1740 года, — а придется фехтовать с *«le vieux Machiavel mité»** — кардиналом Флери**. Оживленная переписка, однако, продолжалась. В одно из писем Вольтер включил стихотворение, заканчивавшееся словами: *«Quoi! Vous êtes monarque et Vous m'aimez encore!»****

Визиты отца, их совместные поездки и дела были Фридриху не особенно приятны. Хотя между ними существовал своего рода мир, установившийся после ужасных лет, кульминацией которых стал Кюстрин, в их отношениях не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало радостную непринужденность. Правда, некоторые из писем сына к отцу были довольно доброжелательны. Фридрих, побывавший в Восточной Пруссии в 1735

* Пожалованным в сан старым последователем Макиавелли (фр.).

** С 1726 года — главный министр Франции.

*** Как! Вы монарх, и Вы все еще меня любите!» (фр.)

году по приказу короля, отправился туда вновь с Фридрихом Вильгельмом летом 1736 года, третий визит он осуществил сам в июле 1739 года, чтобы ознакомиться с подаренным конезаводом в Тракенене. Фридрих, узнавая все больше о Пруссии и об армии, начинал лучше понимать отца. В письме, написанном в Восточной Пруссии в 1739 году, он рассказывал Вольтеру о замечательных результатах, достигнутых королем по возрождению этих мест, опустошенных эпидемией чумы, обезлюдевших и обнищавших. Фридрих Вильгельм не жалел сил, спасая людей, и его сын был глубоко и приятно поражен. А со своей стороны, Фридрих Вильгельм, хотя и не питал симпатий к характеру и вкусам Фридриха, однако сумел разглядеть у него под мягкой кожей стальной каркас. «Вот стоит тот, кто отомстит за меня!» — однажды произнес Фридрих Вильгельм, указав на сына, когда обсуждался особо пренебрежительный и спнисходительный тон, взятый в Вене по отношению к Пруссии, возмущивший Фридриха даже больше, чем его отца. Король, хотя ему шел всего пятый десяток, сказал, что, имея такого сына, он спокойно уйдет из мира сего.

Император и его министры не выказывали особой благодарности за помощь Пруссии в недавних боевых действиях на Рейне.

Фридрих, несмотря на все, что он перенес, ценил мнение отца больше, чем кого-либо другого. Позже он рассказывал часто повторявшийся сон. Фридрих был с австрийским маршалом Дауном, одним из своих противников, и внезапно увидел перед собой Фридриха Вильгельма. Он во сне спросил отца: «Я все правильно сделал?», получив краткий ответ «Да», сказал Фридриху Вильгельму: «Твое одобрение значит для меня больше всего на свете». Очевидно, в этом сне многое было правдой.

Тем не менее смерть отца не принесла Фридриху чувства освобождения, хотя плакал он совершенно искренне и его высказывания были достаточно корректными. В связи с расходами по Рейнсбергу, превышавшими сравнительно скудные доходы, Фридрих оказался в крупных долгах, и его поддерживали секретные субвенции, немедленно оплаченные по вступлении на престол его дядей, королем Англии Георгом II. Он сразу же перенес резиденцию в Шарлоттенбург и произвел важные назначения в высших эшелонах армии и государства. Шверина произвели в главнокомандующие. Граф Генрих фон Подевилль, сын Грумбова, стал первым министром, Август Фридрих Эй-

хель — политическим секретарем кабинета. Неутомимый работник, он всегда был на рабочем месте в 4 часа утра, даже раньше Фридриха — и глубоко ему преданный. Выделены были и некоторые представители рейнсбергской группы. Генерал фон Катте, отец несчастной жертвы, был произведен в фельдмаршалы и получил титул графа.

Фридрих незамедлительно приступил к обширной переписке, которой было так знаменито его правление. Уже в июне он рассылал письма во всех направлениях: послам при иностранных дворах, министрам в Берлин, известным зарубежным государственным деятелям, таким как кардинал Флери, монархам. Большинство посланий было на французском языке. Фридрих использовал в обращениях вежливо-дипломатические формы, принятые в то время. Флери — «мсье, кузен мой»; более фамильярные в письмах к собственным офицерам. Полковник де Камас, находившийся в Париже, был «мсье де Камас» в полуофициальной инструкции от 2 августа 1740 года, но «мой дорогой Камас» в последовавшей за этим на следующий день более развернутой эпистоле. К супруге де Камаса, которую Фридрих боготворил, он обращался как к матери — «дорогая мама!» — и часто клялся в неувядающей любви. Камаса, храброго гугенота, потерявшего руку в сражении, считали не вполне подходящей кандидатурой для такого важного посольства, как во Франции; однако Фридрих знал его и полагал, что он способен следовать любым инструкциям короля. Например, ему было предписано распространять в Париже слухи о склонности Фридриха к безрассудным действиям. Повсюду считали, что он с королем на короткой ноге.

В министерство иностранных дел и чиновникам по особым поручениям он предпочитал писать на немецком языке, который много критиковали за грамматическую неаккуратность и корявость, зачастую его подправляли преданные секретари*. Фридрих подписывал письма по-французски «Fèdèric». Он полагал, что если убрать из слова «г», то будет благозвучнее, по-немецки — «Friderich». В посланиях никогда не забывал упомянуть последнее сообщение адресата с подчеркнутой вежливостью и щедрыми излияниями благодарности. Стиль писем, адресованных монархам и государственным деятелям, безупречен, но совершенно лишен двусмысленностей и лицемерия.

* См. главу 9. — *Примеч. авт.*

В письмах к Вольтеру вскоре после вступления на престол Фридрих рассказывал о своих действиях в течение первых трех недель в качестве короля. Он давно обдумывал, что хотел бы сделать, став хозяином Пруссии. Молодой король писал, что открыл новую академию, колледж торговли и мануфактур, планирует сделать запасы продовольствия и зерна на восемнадцать месяцев. Армия, состоявшая из 83 000 штыков, будет увеличена. Фридрих хотел, чтобы к Пруссии относились как к сильно-му в военном отношении государству; моменты очень важные. Позже он писал, что если мир продлится и дальше, то в армии придется вводить румяна и мушки. Полк Фридриха Вильгельма «Гигантские гренадеры» был расформирован, остался один батальон, но планировалось организовать королевскую кавалерию «Garde du Corps» и новый полк пешей гвардии, один батальон которого впоследствии был усилен еще двумя. Физические наказания в Берлинском кадетском корпусе отменили, правда, позже восстановили, так же как и пытки. Намечались отмена цензуры в прессе и публичные наказания матерей внебрачных детей. Была гарантирована свобода вероисповедания; урезаны церемонии, касающиеся вассальных отношений. Фридрих отказался от официальной коронации в любой форме, хотя, лично или через представителя, принял традиционную вассальную присягу от всех провинций. И Вольтер, конечно, должен обязательно посетить его.

Их первая встреча состоялась в Клеве 11 сентября 1740 года. Фридрих осматривал самое западное владение Пруссии, где недавно вспыхнул спор. Епископ Льежский начал тяжбу с Берлином по поводу баронства в Херштале, непосредственно к северу от Льежа, на которое он претендовал и где в 1738 году было совершено нападение на прусскую команду, набиравшую рекрутов, получившее поддержку со стороны епископа. Однако Фридрих полагал, что претензии Гогенцоллернов на баронство в Херштале вполне справедливы. Фридрих сразу после посещения на престол направил епископу жесткую ноту и послал прусского генерала с войсками занять Мазейк. Такого рода ситуация не была чем-то необычным для Европы восемнадцатого века. Спор решался путем переговоров и торгов. Фридрих потребовал и получил крупную финансовую контрибуцию — 180 000 талеров* — от епископа в обмен за отказ от прусских прав на Херштал и эвакуацию войск из Мазейка. Помимо проче-

* 30 000 фунтов стерлингов. — *Примеч. авт.*

го, он посетил Клев, чтобы проверить, как дела у генерала фон Борке.

Этот инцидент не привел к кровопролитию, однако он показал, что король Пруссии готов действовать силой и защищать свои права там, где считал их законными. К тому же Фридрих никогда не игнорировал представительскую часть политики. Отметив в письме к Подевилльсу, что «князь-епископ Льежский организовал в голландской и кёльнской прессе публикацию статей, подтверждающих его права», он потребовал подготовить пресс-релизы в противовес епископским, отобразив в них надлежащим образом позицию Фридриха: «*Vous y devez employer une bonne plume!*»* Он подготовил военный лагерь под Везелем и собрал там войска, готовые двигаться по первому приказу в спорные герцогства Юлих и Берг, если возникнет необходимость.

До этого, по пути в Клев через Байрейт и после краткой встречи с Вильгельминой, Фридрих решил инкогнито нанести визит в Страсбург. Он путешествовал как граф дю Фур, а один из его придворных, Альгаротти — как граф Пфуль. Тогда чуть не произошел конфуз. Сидевший в таверне с ними за одним столом офицер спросил, кто такой и откуда родом Альгаротти. «Итальянец, родом из Италии», — ответил Фридрих. Офицер оскорбился, сочтя такой ответ грубым и невежливым. Однако Альгаротти удалось сохранить мир, и, как говорил Фридрих, «было выпито немало шампанского». Ему пришлось также оправдываться, почему не играет в карты. Он сказал, что пообещал строгому отцу никогда не играть. Губернатор Страсбурга, маршал де Броли, был несколько обескуражен, прослышав о визите короля. Оттуда Фридрих направился в Клев. Крюк оказался большим. Прусские путешественники не рассчитывали, что дорога через Страсбург займет на три часа больше времени, чем прямая из Байрейта.

Неподалеку от города в замке Мюзе король встретился с Вольтером, приехавшим в Клев. Все прошло прекрасно. К тому моменту они уже были большими, даже восторженными друзьями по переписке. Вольтер какое-то время говорил о замечаниях к «Анти-Макиавелли» с заслуживающей уважение искренностью: «Дерзну сказать вашему королевскому величеству, что некоторые из глав довольно длинны!» Ему удалось уговорить Фридриха сократить их на четверть. Фридрих был

* Вам следует память человека, умеющего обращаться с пером (*фр.*)

более чем решительно настроен не только убедить великого человека посетить Берлин, что тот вскоре сделал, но и остаться жить в Пруссии. И впрямь было бы трудно найти лучшее интеллектуальное украшение.

Предпосылки к такому повороту событий были палицо. «Я пишу, — писал Вольтер, — одного из самых приятных людей... полного мягкости, любезности, живости: забывающего, что он король, как только оказывается среди друзей». Он процитировал Фридриху слова одного из жителей Клева, который якобы спросил у него: «Правда ли, что наш король один из величайших гениев Европы, который, говорят, осмеливается опровергать Макиавелли?»

Но прежде чем Вольтер смог добраться до Берлина, произошло одно драматическое событие. 20 октября 1740 года умер император Карл VI. Одним из последних его государственных актов официально осуждались действия Фридриха в отношении епископа Льежского. Как ни странно, оно ускорило принятие епископом предложения Пруссии. Теперь во главе дома Габсбургов стояла дочь Карла VI, Мария Терезия. «Это, — уверенно и дальновидно писал Фридрих, — сигнал для полной трансформации старой политической системы».

В течение нескольких дней Фридрих приказал закупить в Мекленбурге необходимое количество зерна, чтобы обеспечить армию в походе, организовать его перевозку баржами. Он провел свое первое, но решающее совещание с министром Подевилем и любимым военачальником, Шверинем. Для себя король все уже решил. Час пробил. «*Cette mort*, — очень неубедительно написал он Вольтеру, — *dérange toutes mes idées pacifiques*»*. Его план созрел давно. Силезия должна быть оккупирована. По праву и, если будет возможно, мирными средствами.

Подевильс осторожничал и не скрывал тревоги. Он считал, что все права принадлежат Бранденбургскому дому, но при этом перечислял договоры, на которые будет ссылаться Вена, где эти права переданы кому-то другому за незначительные услуги. Ответ, данный Фридрихом, в различных интерпретациях часто приводится как свидетельство против него. Вопрос о правах, говорил он Подевиле, — компетенция министра. Существенным же является то, что армия готова. Приказы войскам уже

* Эта смерть смешивает все мои мирные планы (фр.).

отдааны. Повод был неплохой, и коль уж «положение благоприятствует, то почему им не воспользоваться?». *«Je suis prêt!»**.

Фридриха всегда заботило сохранение секретности информации. Приказы на выступление в поход различным частям сопровождались массой ложных инструкций, касавшихся времени и направления движения войск. Их цель — сбить противника с толку. Он передал приказы с указанием направления движения двух кавалерийских полков, Гесслера и Будденброка, которые позже должны были присоединиться к основным силам, молодым офицерам, подтвердившим их получение. Фридрих с одобрением отмечал, что один из офицеров перетасовал листы. Окажись приказ перехваченным противником, тот не сразу поймет его смысл, и ему придется потратить немало бесценного времени. Фридрих никогда не упускал таких мелочей.

Претензии Гогенцоллернов на Силезию основывались на различных сделках, посредством которых Великий курфюрст передал ее империи в обмен на уступки. Позднее Вена в одностороннем порядке пересмотрела их и присоединила Силезию к своим владениям. Великий курфюрст предвидел необходимость для Пруссии присоединения по крайней мере части Силезии. С 1740 года в соответствии с Прагматической санкцией император мог на вполне законных основаниях завещать семейные владения, но не имперские земли. Они по определению переходили вместе с выборным титулом от одного императора к другому. Действие Прагматической санкции не распространялось и на спорные земли. В Берлине твердо считали, что Вена не выполнила свою часть договора, по которому Австрия получала для империи всю Силезию. Это был юридический вопрос. В эпоху, когда территориальные споры между государствами мало чем отличались от тяжб между отдельными лицами по поводу семейной собственности, юридические аспекты, конечно, были важны, но, как и в других юридических спорах, могли приводиться разные точки зрения. Фридрих считал, что право на его стороне. Он полагал, что в той части Прагматической санкции, которую Габсбурги стараются применить к Силезии, император действовал, превышая полномочия. Более того, по его мнению, отец соглашался с Прагматической санкцией лишь на определенных условиях — передача Пруссии Юлиха и Берга, — которые до сих пор не выполнены. Для Фридриха соглашение, подписанное Фридрихом Вильгельмом, утратило силу,

* Я готов! (фр.)

и после смерти императора силезские герцогства должны возвратиться Пруссии.

Но у Фридриха были также мотивы, превышающие по значимости юридические, и он их не скрывал. Именно эти мотивы, изложенные очень ясно, стали причиной обвинений в его адрес. Силезия, писал Фридрих в меморандуме от 6 ноября, является частью империи, что затем было узаконено, на которую Пруссия имеет обоснованные законные права, и справедливость требует их удовлетворения. Однако Силезия — богатая страна, она контролирует верхнее течение Одера. Обладание этой провинцией будет полезным для Пруссии в экономическом и стратегическом отношении. Для Фридриха и его планов сложились благоприятные условия. Другие государства, также претендующие на Силезию — Саксония и Бавария, — едва ли в состоянии выступить раньше Пруссии. Англия в ссоре и, вероятно, в скором времени вступит в войну с Францией. Франция только порадуетсся неудаче Австрии. Россию удержит от действий против Пруссии угроза со стороны Швеции. Что касается самой Австрии, то она никогда не готова к войне. Все указывало на необходимость действовать быстро. Фридрих всегда верил в скорость.

Это были практические расчеты, расчеты, которые впоследствии назовут *Realpolitik*, и, когда Подевильс упомянул договоры, к которым будет апеллировать Австрия, Фридрих просто отмахнулся: «Я уже отдал полкам приказы». Но Фридрих со своей стороны был готов попробовать и переговоры как вспомогательное средство. В пространном меморандуме от 29 октября Подевильс, поддержанный Шверингом, предложил провести с Веной торг. За Фридрихом остается Силезия, но он откажется от претензий на Юлих и Берг, будет во всем поддерживать Марию Терезию и окажет поддержку кандидатуре ее мужа, Франца Лотарингского, с которым она сочеталась браком в 1738 году, на выборный имперский трон. Он мог также дать отступного за соглашение — «*une couple de millions*»*. Деньги, спорили Подевильс и Шверинг, — самый сильный аргумент для Вены. Если это не сработает, необходимо заручиться доброй волей Саксонии и Баварии или получить согласие Франции. С Габсбургами еще можно было договориться. В Вену был направлен посол, граф Готтер, прежний прусский посол в Австрии, чтобы попытаться добиться договоренностей в этих направлениях.

* пару миллионов (фр.).

Фридрих прислушивался. Для него главным было, что «армия готова» — и по диспозициям, изложенным в приказах, и по всем предварительным мероприятиям, которые уже закончены. Европа наблюдала. Британское правительство советовало Вене принять предложения, но, когда британский посол попытался получить от Фридриха прямой ответ на вопрос о прусских намерениях, его резко осадили. Фридрих знал, что к Марии Терезии имеет также претензии курфюрст Баварии, рассчитывающий на приобретения в Богемии и даже на Австрийское герцогство. Перед ней также маячила отдаленная угроза со стороны традиционно враждебной и поддерживавшей Баварию Франции. Французское правительство долго колебалось и было озабочено планами молодого короля Пруссии, но в конце концов верх взяло стремление «наказать» Австрию. Началось согласование французского оборонительного альянса с Пруссией, чьи намерения имели под собой основу и не были чем-то из ряда вон выходящим.

Австрийцы послали в Берлин опытного старого дипломата, Маркезе Ботта д'Адорно, разузнать все возможное об истинных намерениях Фридриха. На запросы других европейских держав о его отношении к претензиям Марии Терезии в соответствии с Прагматической санкцией король рассылал осторожные и расплывчатые ответы. Он не настроен враждебно к ее справедливым требованиям, готов их поддержать, однако некоторые из них несправедливы, а у него есть свои претензии. Фридрих избегал излишней откровенности, убежденный, что военные действия вот-вот начнутся, он не собирался жертвовать элементом внезапности. Империя всегда становилась своего рода лотереей, когда начинали выяснять вопросы наследия; но в отличие от других участников этой лотереи прусская армия была в состоянии готовности.

Следовало также принимать во внимание особенности политической психологии. Пруссию, считал Фридрих, в последнее время слишком часто недооценивали. Если ей предстояло занять в Европе место, которое, по мнению короля, ей должно принадлежать по праву, то следовало пошуметь. Утверждение со шпагой в руках прав Гогенцоллернов как нельзя лучше послужит этой цели; и миру придется обратить на это внимание. И не только Пруссия, но и Фридрих нуждался в таком внимании. Он должен доказать самому себе, что он способен устоять перед вызовами и ответить на них.

Фридрих добился своего, мир обратил внимание на Пруссию и ее короля. Его инициативность, демонстративные приготовления, наконец, действия были встречены в штывы враждебными и завидовавшими ему державами. В представлении Марии Терезы, искренней и невинной в своей реакции, он выглядел вооруженным грабителем, который сначала грозит, а потом применяет оружие. Более того, он был протестантским грабителем, а Силезия — в основном католическая провинция.

Позднее многие избрали соображения высокой морали в качестве основания для критики Фридриха, говоря, что его политика оскорбила лучшие чувства Европы. Трудно серьезно принимать эти оценки. Они — продукт либеральных воззрений следующего столетия, действия же Фридриха должны рассматриваться в свете реалий эпохи, в которой он жил. Фридрих, планировавший захват Силезии, если бы захотел, мог бы указать на действия Франции по расширению своих территорий; на захват Британией Гибралтара. Это была обычная практика монархов восемнадцатого столетия — создать видимость законности и заявлять, что это и есть законность. На самом деле все действовало исключительно в своих интересах, используя всевозможные доступные средства. В отличие от своих соперников Фридрих обладал силой воли, решительностью и способностью быстро действовать. К тому же его армия была готова.

Фридрих считал, что, помимо юридических формальностей, торгов, расчетов краткосрочных тактических возможностей и выгод, существует еще вопрос, который пока не рассматривается в канцеляриях Европы, но значит много. Почему, мог спросить он, Австрия и дом Габсбургов должны иметь в этих делах более весомый голос? Силезцы не являются австрийцами. Они расколоты по религиозному принципу и к Австрии не ближе, чем к Пруссии. Кто решил, что Вена управляет ими справедливее и лучше, чем это сделает Берлин? Разве не следует принимать во внимание их собственные интересы? И Фридрих в скором времени даст ответы на свои невысказанные вопросы, проведя в Силезии значительные реформы и намного повысив эффективность деятельности администрации после того, как власть Пруссии над провинцией будет утверждена. Его репутация умелого правителя возникла в Силезии, несмотря на то что имелись проблемы с церковными властями; несмотря на недовольство силезских протестантов, так как король был совершенно беспристрастен и не дал им преимуществ, на которые они рассчитывали. Фридриха мучил

еще один вопрос: почему именно Австрия должна играть первые роли в Германии? Он часто заявлял в письмах, что будет всегда защищать законные права Австрийского дома, при этом прусский король не лицемерил. Но подчеркивались именно *законные* права. Он всегда говорил, например, о приверженности *духу* Прагматической санкции; но отдельные претензии не отвечали его понятиям о справедливости.

Это — жизненно важный, основополагающий и неизбежный вопрос, признавали его открыто или нет. Фридрих Вильгельм в «Политическом завещании» писал, что действовал всегда осторожно, избегая конфликтов с Австрией. Будет ли эта деликатность — или малодушие — постоянным условием германской жизни? Политика Габсбургов, которую объявляли нацеленной на общегерманские и имперские интересы, чаще отражала интересы одной Австрии. Фридрих считал силезский вопрос местным внутригерманским делом. Однако обстановка накалилась во всей Европе. Любой серьезный выпад против Австрии будет расценен другими государствами как шанс. Вмешательство Франции может повлечь определенные действия со стороны Британии, где кое-кто с нетерпением ожидал начала столкновений между Британией и Испанией на море, в которые окажется втянутой Франция в качестве союзницы Испании. Молодой король Пруссии зажег спичку, а обоз с порохом был очень длинным.

Специальное посольство Фридриха к Марии Терезии ничего не добилось. Письменные инструкции графу Готтеру были подписаны 8 декабря 1740 года, но еще до того, как его приняли в Вене, прусская армия уже перешла границу. 10 декабря Фридрих прозрачно намекнул австрийцу Ботта, что именно произойдет. Монарх-философ обнажил шпагу, и, хотя он заявлял, что его намерения миролюбивы, началась Первая Силезская война.

Часть II

1740—1750

Глава 4

МОЛЬВИЦ-ГРЕЙ

Силезские войны, по определению Фридриха, были «войнами за интерес». Позже они станут «войнами из предосторожности». Он знал, что пройдет много времени, прежде чем его обладание Силезией признают, поэтому, если возникнет угроза, ударит первым. Фридрих осуждал «несправедливые» войны, но считал вторжение в Силезию справедливым и законным. Война для него, как и для других монархов того времени, была нормальным средством достижения цели. По устоявшимся в то время мнениям, вооруженные столкновения не должны вестись *à outrance**. Они способствуют достижению ограниченных, но необходимых преимуществ.

Прежде чем принять решение о начале войны, монарх оценивал общеевропейскую ситуацию, какое место занимает его собственное государство, «соотношение сил». В 1740 году Фридрих сделал вывод, что ситуация в пользу Пруссии. Если дела затянутся и *fait accompli*** не будет принят как должное, Пруссии, несомненно, понадобятся союзники. Переписка Фридриха показывает, что он искал их повсюду, понимая, что Пруссии придется столкнуться лицом к лицу с Австрией не только на поле брани, если дело дойдет до этого, но и на переговорах, где правители делают расчеты и ведут торг по поводу краткосрочных или долгосрочных выгод. «Вес» Фридриха здесь должен

* до крайности, на уничтожение (фр.).

** свершившийся факт (фр.).

неизмеримо возрасти после достижения ощутимого успеха — военной оккупации Силезии. Он надеялся, что это будет почти бескровная операция — мирный и приветствуемый населением марш прусской армии в глубь соседних территорий, которые по закону должны быть, известно им это или нет, лояльными Пруссии.

Поэтому Фридрих всячески демонстрировал оптимизм, хвастливо полагая, что весь мир в целом и Мария Терезия в частности согласятся с его доводами без обид и враждебности. Это был не акт агрессии против другого государства, а всего лишь вступление в права на территориях, которые смерть императора вверила в законное владение Фридриха. «Мои намерения, — писал он посланникам в Вене Готтеру и фон Борке 12 декабря, — никогда не включали войну с королевой Венгрии и Богемии», — наоборот, всегда готов прийти на помощь. Ему понятны ее тревоги в отношении французов, баварцев. Но ситуация, в которой оказалась Мария Терезия, ясно предполагает, что придется пойти на определенные уступки — и разве предложения Пруссии бессмысленны? Эта позиция, говорил он своим представителям, должна отстаиваться в Вене. Письмо заканчивалось на весьма оптимистичной и неприкрыто реалистичной ноте. Король уезжал из Потсдама, чтобы встать во главе 30 000-й армии, готовой для вторжения в Силезию. Через четыре недели в районе Берлина будет собрано еще 40 000 штыков для поддержки операции *«contre tous ceux qui m'y voudraient traverser»**. Это должно убедить всех, главный аргумент — прусская армия.

Позиция Фридриха относительно кандидатуры на имперский престол была известна. Готтер в Вене был уполномочен заявить, что Пруссия готова поддержать супруга Марии Терезии, Франца Лотарингского**, если остальные вопросы решатся к всеобщему удовольствию, что казалось маловероятным, а прусский король не собирался отдавать свой голос просто так. Франц встречался с Фридрихом ранее, когда приезжал в Берлин на церемонию его помолвки. Два молодых принца подружились. Франц обладал большим обаянием. В его венах, как и у Фридриха, текла кровь Стюартов. Личная симпатия, однако,

* против тех, кто захочет мне помешать (фр.).

** Он был также великим герцогом Тосканским; внуком Монсеньора, герцога Орлеанского, брата Людовика XIV. — *Примеч. авт.*

если не считать родственных отношений, связывающих большинство европейских монархов, не оказывала серьезного влияния на политику. Немногие из германских монархов хотели иметь герцога Лотарингского императором.

Предел между тем мог быть достигнут уже вскоре. В тот же день, когда Фридрих обращался к Готтеру и Борке с оптимистичными, но нереальными предложениями для Марии Терезии, он составил письменную инструкцию полномочному посланнику при баварском дворе в Мюнхене, Иохиму фон Клингграффену. В ней король ставил главной задачей Клингграффена поддерживать энергичную политику курфюрста Баварии по овладению наследием Австрии — и империи. Такая политика, писал он, может только исподволь поощряться Пруссией *«avec tout de circonspection»**, чтобы никому не казалось, что он открыто стоит на стороне Баварии. Фридрих планировал не раскрывать своих карт возможно дольше. Подобные маневры были и остаются обычными для дипломатии, которой приходится заниматься торгом. Это нормальное явление. Однако поскольку Фридрих на международной арене, как и в большинстве дел, сам принимал решения, то переговоры и уловки, которые являются простой разменной монетой в межгосударственных сделках — с неизбежной маскировкой истинных намерений, — воспринимались как личные поступки и персональная ложь.

Он не пытался избегать таких вещей. Это было частью его философии. Монарх обязан делать ради своего народа то, что обычный человек не может себе позволить. Всю жизнь Фридрих говорил двусмысленно, скрывал сокровенные мысли, менял цели сообразно с обстоятельствами. Он давал гарантии, понимая при этом, что изменил слову, если переменится ветер. Он не верил, что мир международной политики дорос до того, чтобы мудрый правитель, действующий в интересах своего народа, мог отказаться от периодической и искусно приправленной лжи. Конечно, до определенных границ.

В течение долгого правления Фридрих всегда был готов к обману. Порой он сильно переживал из-за этого. Король полагал, что государства и политические объединения из-за враждебной среды, в которой они обречены существовать, находятся в состоянии необъявленной войны. Мудрый правитель может не позволить превратиться ей в другую, настоящую войну, где люди убивают друг друга. В необъявленной войне обман является су-

* со всей осмотрительностью (фр.).

щественной составляющей успеха, даже условием выживания. Периодические попытки лицемерно оправдываться — всего лишь дополнительные средства. Личная нравственность — это совершенно другое дело.

Тем временем письма Фридриха рассылались в разных направлениях с целью подчеркнуть справедливость и обоснованность его действий и очертить пределы его амбиций. Он очень стремился к тому, чтобы Россия оставалась в стороне от конфликта. Императрица Анна, которой вскоре на смену придет племянница и ее несчастный маленький сын-царь, умерла через несколько недель после императора Карла VI. Письма Фридриха послу в Санкт-Петербурге, барону фон Мардефельду, были очень подробными; и он получил в награду оборонительный альянс, соглашение о котором было достигнуто в январе 1741 года. В этом успехе большая роль принадлежала генералу фон Винтерфельду, особо доверенному лицу короля, посланному на короткое время со специальной миссией к русскому двору, где он имел родственные связи. По вопросу о выборах императора Фридрих выражал Францу Лотарингскому свое возмущение, скорбя о том, что неправильно понят. Готтеру 26 декабря он писал, что «герцог Лотарингский настроен непримиримо враждебно» к его идеям, но послу следует продолжать указывать на выгоды, которые получит Австрийский дом, заручившись поддержкой Пруссии, и намекать, что, заявив претензии на всю Силезию, Фридрих мог бы довольствоваться и частью провинции, если было бы возможно достичь искреннего соглашения.

Фридрих почти не рассчитывал на успех на этом направлении политики и упорно продолжал искать повсюду союзников против разгневанной Венны. Дипломатические усилия прусского короля в конце концов были вознаграждены определенными успехами в начале лета. Франция и Бавария объединились с ним против Австрии, значительно расширив таким образом масштабы войны. Однако к тому времени он уже провел свою первую битву.

Фридрих выехал из Рейнсберга в Берлин 2 декабря и проинструктировал Жордана, чтобы тот держал его в курсе общественных настроений. Ноябрь был отмечен не только лихорадочными военными приготовлениями, но и первым визитом Вольтера к «самому дружелюбному из людей». Он пробыл в Рейнсберге неделю, обсуждая и редактируя «Анти-Макиавелли».

Визит, долгожданный и приятный для обоих, слегка омрачили некоторые привходящие обстоятельства, а также замечания Вольтера по поводу книги. Хотя они и были высказаны, несомненно, в самой элегантной манере, Фридрих это воспринял, как большинство авторов, то есть не очень хорошо. К тому же Вольтер поведал о раздражении мадам де Шатле, не включенной в приглашение, которое она, без всякого сомнения, часенко вымещала на своем любовнике. 2 августа 1740 года Фридрих написал короткое и довольно резкое письмо, в котором сообщал, что будет писать даме, если Вольтер того желает, но, «говоря честно по поводу ее поездки», добавил он смело, «это вас, мой друг, я хотел бы видеть...» *La divine Emilie* — так они между собой называли мадам де Шатле — «при всей своей божественности — всего лишь несущественное приложение». Всего лишь несущественное приложение! Вряд ли это упростило жизнь Вольтера.

Кроме этого, был еще надвигающийся поход в Силезию. Фридрих скрывал свои намерения, но во Франции подозревали, что с момента смерти императора он вынашивает агрессивные планы в отношении владений Марии Терезии. Его переписка с Вольтером периодически подвергалась перлюстрации, о чем король всегда сообщал в следующем письме, не называя ответственных за эту акцию, но показывая французским министрам свою осведомленность. Во Франции, конечно, знали об отношениях Фридриха и Вольтера и их возможной пользе. Перед отъездом последнего в Пруссию кардинал Флери «*пожалованный в сан старый последователь Макиавелли*», попросил Вольтера за деньги во время его визита в Берлин к королю-философу разузнать как можно больше.

В этом Вольтер не преуспел, но у Фридриха, очевидно, возникли подозрения относительно интересов дорогого гостя. Другим обстоятельством, омрачившим короткий визит, была проблема расходов Вольтера, которые Фридрих, естественно, полностью взял на себя. Короля ошеломила цифра, указанная в счете. Возможно, он уже почувствовал некоторое беспокойство в связи с привычками своего любимого наставника в философии. Фридрих великодушно согласился положить пенсию для молодого маркиза де Шатле — зятя *божественной Эмили*, чья дочь вышла замуж тоже за де Шатле. Через несколько дней после сообщения о смерти императора Фридрих получил письмо от Вольтера. В нем он недвусмысленно просил о пенсии, который следовало выплачи-

вать двумя частями. Такая конкретность просителя могла показаться не особенно тактичной. Их теплая переписка тем не менее возобновилась после отъезда Вольтера. Какое-то время по большей мере в стихах, что было сравнительно нейтральным способом выражения признания.

Район Центральной Европы, где Фридриху предстояло вести кампании в течение почти трех последующих десятилетий, выгоден с точки зрения военных передвижений и пополнения ресурсов: здесь несколько крупных рек, линии коммуникаций, стратегические высоты. На востоке — река Одер, несущая воды на север через Моравский проход в горах восточнее Оломоуца; она фиксирует западную границу Силезии и впадает в море у Штеттина. В центре — Эльба, западный рубеж Бранденбурга, главная водная артерия Саксонии; течет на север через Богемское ущелье в Саксонию и в конце концов впадает в море у Гамбурга. На юге — Дунай — водный путь империи; протекает в восточном направлении через Баварский проход в Австрию, а затем в Венгрию и дальше вдоль границы с Османской империей до впадения в Черное море.

На этой территории расположен горный район, Ризенгебирге, Гигантские горы, формирующие гряду, соединяющую Тюрингские леса Центральной Германии с Карпатами Рутении и Трансильвании. Они всегда были важны для того, кто ведет там боевые действия. Фридриха в основном интересовали западная часть этих гор, пограничная гряда между Саксонией и Богемией, а также Богемией, Моравией и Силезией; Одер с его притоком Нейссе и Эльба.

Фридрих отправился в первую кампанию с чувством нетерпения, естественного для молодого человека двадцати девяти лет от роду, впервые возглавлявшего армию своей страны. «Я вступаю в войну, — обратился он к офицерам Берлинского гарнизона, — в которой у меня нет иной опоры, кроме вашей храбрости, нет другого источника помощи, кроме моей удачи...» Расчет был сделан на стремительность, безрассудность и точность. Форсировав Одер и войдя в Силезию, он писал Подевилюсу 16 декабря: «Я перешел Рубикон с развевающимися знаменами и барабанным боем». Тем не менее он надеялся, что Силезия будет оккупирована без потерь.

Находясь в походе, Фридрих продолжал вести дипломатическую переписку. Он написал фон Борке в Вену, что питает

большие надежды на влияние, которое может оказать король Англии. На это были основания. Фридрих отправил два личных письма своему дяде, Георгу II, объясняя разумность своих действий и настаивая на необходимости удерживать Марию Терезию от мыслей о союзе с Францией. Британия была традиционной союзницей Австрии, но Фридрих предлагал возможность территориальных приобретений для Ганновера в Мекленбурге в случае успеха Пруссии. Он надеялся, что британское влияние поможет убедить Габсбургов принять его условия *«sans délai ni perte»**, дав понять, что, вступив Фридрих в сотрудничество с Францией, Британия почувствует себя неудобно. Вероятнее всего, они вновь окажутся в состоянии войны друг с другом**. Для короля Англии, недолюбливавшего племянника, Ганновер является *point d'appui****, которому могут легко угрожать прусские войска, если дипломатический вестер подует в другую сторону. Фридрих знал, что британские министры в отличие от короля будут с невозмутимостью смотреть на угрозу Ганноверу, независимо, исходит ли она от Франции или Пруссии, но для Британии Франция враг и ее друзья в лучшем случае подозрительны, а в худшем — враждебны. Позднее Фридрих станет союзником Франции и посоветует начать наступление на Ганновер****, что вряд ли способствовало улучшению личных отношений с дядей. Тем временем, продолжал он писать фон Борке, на него оказывают давление «несколько держав» с целью заставить отступить от выбранной линии. Фридрих предлагает оказать содействие Марии Терезии только в том случае, если получит Силезию, и было бы неплохо, чтобы Лондон давил на Вену и заставил ее принять условия Пруссии. Фон Борке выполнил инструкции короля, но успеха не добился.

Фридрих не упускал из виду истинную цель военных операций — обеспечение наиболее благоприятной политической обстановки после их успешного завершения. В отношении кампании в Силезии он был настроен оптимистично. Король гордился армией, когда она мирно двигалась через Силезию, расклеивая на дверях церквей составленную Фридрихом «Прокламацию к жителям Силезии», в которой содержалось обещание Фридриха защитить

* немедленно и без проволочек (фр.).

** Так и случилось. — *Примеч. авт.*

*** военный опорный пункт (фр.).

**** См. главу 6. — *Примеч. авт.*

справедливость и свободу вероисповедания для всех. Лютеранское меньшинство, страдавшее при власти Габсбургов, будет иметь равные с католическим большинством права. Он писал Вильгельмине, что стоит на подступах к Бреслау, столице Силезии, которая в скором времени будет его, и, возможно, если австрийцы захотят войны *à outrance*, пруссаки будут вскорости и у ворот Вены. Фридрих встретил Рождество в Герридорфе, близ Глогауна-Одере, и направил Подевильсу меморандум на двух страницах, где изложил основные причины, заставившие Пруссию оккупировать Силезию. Он писал 2 января 1741 года из-под стен Бреслау. До того момента боевые действия не велись.

Прусские войска двигались двумя параллельными колоннами на большом расстоянии друг от друга. Фридрих продвигался по долине Одера, западнее Шверина огибал страну по горам, опоясывающим Северо-Восточную Моравию и Богемию. Когда король встречал населенный пункт с австрийским гарнизоном, он блокировал его, как в Глогау, и продолжал движение. Его вдохновил прием, оказываемый пруссакам жителями Силезии, и 3 января он торжественно, в сопровождении лейб-гвардии, въехал в Бреслау, предварительно добившись у городских властей согласия не открывать ворот города перед армией Марии Терезии. Бреслау был вольным городом в пределах империи и пользовался определенными привилегиями. Ближайшей целью Фридриха стал Нейссе, укрепленный пункт в шестидесяти милях к юго-востоку от Бреслау, самая мощная крепость Силезии.

Оба крыла прусской армии наконец соединились у Нейссе. В крепости находился австрийский гарнизон, изготовившийся к обороне. Об использовании войск для методичной осады в условиях зимы не могло быть и речи. После безуспешной попытки устрасить гарнизон десятидневной жестокой бомбардировкой Фридрих решил оставить у Нейссе и других недавших крепостей прикрытие и вернуться в Берлин, куда он прибыл 26 января. Его потери составили двадцать человек. Всю операцию король закончил в несколько недель. «Мой добрый, мягкий, миролюбивый, гуманный мсье Жордан, — писал он любимому паставнику 14 января, — я объявляю вашей светлости, что Силезия завоевана!» Фридрих занял, как и планировал, большую часть Силезии, пройдя через провинцию с войсками из конца в конец. Однако он не думал, что все на этом закончится, и ожидал, что следующий ход весной сделает противник. Фридрих все еще вел бесплодную переписку с по-

сладшиками в Вене, заявляя, что готов всячески поддерживать Марию Терезию, если будут признаны справедливые требования Гогенцоллернов.

Хотя Фридрих лично решал вопросы международной политики, направлял детальные инструкции послам, депеши — монархам и государственным деятелям, например кардиналу Флери, иностранным послам при своем дворе, в частности Валори, он не забывал держать в курсе дел Подевильса и правительство в Берлине, особенно когда сам отсутствовал или был в походе. Он общивался с ними планами, чтобы в запутанной паутике дипломатии восемнадцатого столетия они не сделали необдуманных шагов. Учитывая сложность доставки посланий, особенно зимой, на это требовалось время, но — сокращало до минимума разногласия. Его стиль был обычно кратким и в зависимости от содержания официальным — «Мсье де Подевильс» — или легким и фамильярным — «Мой дорогой Шарлатан!» Письма Фридриха всегда носили отпечаток его личности. В них присутствовала подкупающая прямота, даже когда бесстыдно обсуждались способы обмана. Это была королевская игра, и Фридрих не имел ни малейшего желания ее проигрывать. Но он к тому же хотел сделать ее приятной.

Временами король бывал в прямом смысле проказником. В конце письма, датированного 30 января, полного самых теплых слов в адрес Георга II Английского, в котором в основном говорилось о том, как ужасно относились к бедным протестантам в Силезии, пока он их не освободил, он добавил постскриптум: *«J'ai oublié! Que j'ai conclu une alliance défensive avec la Russie!»** Не для того чтобы сообщить новость, а чтобы ужалить побольше. И еще ему правилось поиздеваться над трусоватым Подевильсом — *«Vainquons ces difficultés, nous triomphons!»* — писал он ему в марте, комментируя действия прусских послов за границей. — *Truchsess (Ганновер) avance, Mardefeld (Санкт-Петербург) va son chemin, Chambrier (Париж) fait a merveille, Klinggraffen (Мюнхен) est adore! Ainsi, cara anima mia, non disperar!»**.*

* Забыл сказать! Что заключил с Россией оборонительный союз! (фр.)

** «Мы преодолеваем эти трудности, мы ликуем! Трушесс (Ганновер) опережает, Мардефельд (Санкт-Петербург) идет своей дорогой, Шамбрие (Париж) производит великолепный эффект, Клингграффеи (Мюнхен) восхитительны! Следовательно, дорогой друг, не надо отчаиваться!» (фр.)

Фридрих проходил проверку на прочность — одновременное ведение военных кампаний, занятие государственным управлением и активной дипломатией. У него не было иллюзий в отношении других монархов. Каковы бы ни были их воззрения, заявления и уверения, они, он это понимал, будут действовать заодно с Марией Терезией против Пруссии, если увидят в этом выгоду. Прусский король не осуждал их за это. Фридрих знал, что курфюрст Баварии, претендующий на имперскую корону и имеющий надежды на территориальные приобретения, может сыграть, к выгоде Марии Терезии, роль защитника от Пруссии. Но он понимал, что, если он сам предложит Баварии имперские территории, наступит время, когда нужно будет поддержать ее претензии в империи, а за этим может последовать помощь Франции. Так в скором времени и произошло. Он знал, что курфюрст Саксонский будет обещать помощь Марии Терезии и одновременно искать союза с Фридрихом. Он никого не винил. Так все в мире было устроено.

В марте 1741 года Фридрих узнал, что Мария Терезия родила сына, которому в будущем предстояло стать императором Иосифом. Тем временем его дипломатия начала сдавать. В Вене не было и намека на соглашение. Король Англии явно вел переговоры о некоем договоре с Австрией. Фридрих продолжал ставить на карту, которую он полагал выигрышной в этой партии: на британскую антипатию к Франции и британские надежды на невозможность франко-пруссского союза. Саксония надеялась, что от Пруссии удастся урвать кусочек, если Фридрих проиграет. Самое тревожное, что Россия, с которой Фридрих рассчитывал заключить временно удовлетворяющий его оборонительный союз, обдумывала возможности сближения с Марией Терезией. «*La trahison de la Russie est épouvantable*»*, — замечал Фридрих Подевильсу 17 марта.

Два обстоятельства, однако, оставляли Фридриху надежду по поводу России. Летом 1741 года Швеция под влиянием Франции напала на Россию, таким образом, русские из-за нехватки ресурсов не смогли бы прийти на помощь Габсбургам. Кроме того, в ходе переворота в ноябре дочь Петра Великого, Елизавета, захватила царский престол, свергнув двоюродного племянника Фридриха, несчастного Ивана, сына Антона Ульриха Брауншвейгского**. Это последнее обстоятельство скорее всего на какое-то время займет Россию. Но все это — неприми-

* Предательство России ужасно (фр.).

** См. главу 2. — Примеч. авт.

римость Вены, отстраненная холодность Георга II, ревность курфюрста Саксонии, непредсказуемость Санкт-Петербурга — казалось, подталкивало Фридриха к сближению с Францией, к которой у него всегда было сердечное стремление, и, «*faute de mieux*»*, с Баварией, как с конкурентом Франца Лотарингского в борьбе за имперский престол. Фридриха не особенно радовала мысль о заметном усилении Баварии, но, если Мария Терезия будет продолжать упрячиться, ему понадобятся друзья. Зимой 1740—1741 года его беспокоила австрийская армия под командованием фельдмаршала Нейпперга, концентрировавшаяся в Моравии. Цель австрийцев, — несомненно, изгнать его из Силезии. Прекрасную провинцию, захваченную без особого труда и потерь, теперь нужно было защищать.

Фридриху нужно было решить, насколько далеко в сторону моравской и богемской границ или за их пределы он готов идти. Прусская армия находилась на зимних квартирах и была рассредоточена на большой территории. На передних рубежах продолжали действовать подвижные кавалерийские заслоны. Австрийские гарнизоны, блокированные во время декабрьского вторжения, по большей части продолжали обороняться, хотя крепость Глогауна-Одере захватил внезапной ночной атакой принц Макс Леопольд Ангальт-Дессауский, сын старого Дессаусца. Фридрих хотел, чтобы его войска были расквартированы, а значит, сохраняли значительную концентрацию на довольно большом расстоянии к северу от границы, а патрульные заслоны действовали недалеко от размещения основных сил. Он считал, что если австрийцы начнут наступать, то пруссакам следует воздерживаться от контакта с ними, чтобы сохранять свободу маневра. Шверин, обладавший военным опытом, имел другое мнение: с наступлением весны надо разместить заслоны намного южнее, прикрыв пастбищные и пахотные земли к югу от Одера.

Кампании восемнадцатого века были во многом связаны с обеспечением ресурсами. Сражения выигрывались числом войск и мощностью огня. Одна битва могла решить судьбу похода, но, чтобы вообще вести кампанию, следовало иметь коммуникации — дороги и реки; склады, хранилища припасов, которые нужно было создать и надежно охранять; крепости — надежные пункты, способные удерживать армию противника или угрожать его коммуникациям; крепостям нужны соответствующие гарнизоны, а для мобильности и транспортных нужд еще по-

* за неимением лучшего (фр.).

требно громадное количество лошадей. Лошади означают фураж и пастбища. Армия, распущенная на постой, концентрируется для сражения, и простой факт продвижения маршем через некую территорию едва ли имеет стратегическое значение, если не сопровождается перемещением ресурсов.

Поэтому доступность пастбищ, конечно же, является важным фактором, доказывал Шверин, но размещение прусских войск повышает их уязвимость. Они расквартированы широким фронтом в Южной Силезии, достигая на западе Швейдница, в тридцати милях к юго-западу от Бреслау, и до Одера. В начале апреля Фридрих узнал, что Нейпперг идет маршем на север из Моравии, имея 16 000 штыков. Предположительно он направляется к Нейссе и Бреслау. Фридрих инспектировал некоторые из кавалерийских частей заслона далеко на юго-востоке, возле Ягендорфа*, когда пришли первые известия о передвижениях австрийцев. Их главные силы, как оказалось, уже находились севернее его, прошли западные границы линии прусских заслонов и двигались по направлению к Нейссе. 5 апреля Нейпперг снял осаду с крепости. Австрийский фельдмаршал оказался удачливее, и Фридрих мог воскликнуть подобно Веллингтону 15 июня 1815 года в отношении Наполеона: «Боже, он провел меня!» Теперь надо было собрать рассредоточенную армию, создать из нее эффективную сконцентрированную ударную силу, обнаружить противника и решить, что делать дальше. Для Фридриха это означало пролог к серьезной войне.

Погода была неважная, вся земля покрыта снегом. Фридрих продолжил свои дипломатические упражнения, послав 6 апреля письмо Георгу II, копию Подевилъсу с запиской о дополнительных инструкциях. В нем в продолжение ранних посланий предлагалась «*une amitié très sincère*»**, основанная на сохранении за Фридрихом Нижней Силезии, включая Бреслау, а со стороны короля Георга II — на готовности убедить Марию Терезию согласиться на это. Тем временем полководец Марии Терезии, Нейпперг, совершал марш, чтобы оказать помощь австрийским войскам в Берге, а Фридрих, собрав войска, двигался в северо-западном направлении к Олау-на-Одере. Если Нейпперг разместит армию, то пруссаки окажутся отрезанными от коммуникаций, связывающих с Нижней Силезией. Фридрих шел навстречу своей первой битве и, естественно, ощущал

* В пятидесяти милях к юго-востоку от Нейссе. — *Примеч. авт.*

** очень искренняя дружба (фр.).

одновременно возбуждение и неуверенность. «Мой дорогой Жордан, — написал он 9 апреля, — завтра мы будем сражаться... если Господь продлит мои дни, то я тебе напишу и расскажу о нашей победе. *Adieu, cher ami...*» Фридрих получил достоверную информацию о том, что австрийцы стоят двухкилометровым фронтом у деревни Мольвиц, их правый фланг прикрыт лесом и сходящимися в том месте ручьями, левый упирается в деревню Грюнинген.

Наступило 10 апреля 1741 года. Видимость была неважная. Еще находясь в двух милях от Мольвица, перестроились в боевые порядки и развернулись перед неприятелем — две линии пехоты в 250 ярдах друг от друга, кавалерия разместилась на обоих флангах. Этот маневр потребовал изменения направления на девяносто градусов и занял немало времени. Фридрих полагал, а позже писал — ошибочно, — что австрийские войска превосходили прусские по меньшей мере на 6000 по численности пехоты и втрое по кавалерии. На самом деле по пехоте численное превосходство было на стороне прусских войск. Построившись, пруссаки в 1.30 по полудни начали наступление. Артиллерийские батареи передвигались последовательно от одной огневой позиции к другой.

Мольвиц стал первым серьезным боевым опытом Фридриха. Он ничего не дал для его военной репутации, но ход сражения был поучительным. Австрийцы пытались поставить свои линии параллельно прусским войскам, и первым драматическим моментом сражения была атака австрийской кавалерии с левого фланга. Она, превосходя по численности, нанесла удар по прусской кавалерии правого фланга и смяла ее, заставив отступать прямо через порядки правофланговых пехотных батальонов прусской армии.

Фридриха, находившегося в одном из пехотных батальонов, стала увлекать за собой вдоль линии его собственной армии смещавшаяся и дезорганизованная масса прусских кавалеристов. Кажется, что эта армия вот-вот будет развернута противником справа налево или разрезана надвое, так как между батальонами правого фланга и остальной пехотой теперь открылась брешь. Шверин увидел, что часть армии вышла из-под контроля, на правом фланге возникла сумятица, и решил вывести короля с поля битвы.

Фридрих всегда боялся попасть в плен, стать марионеткой в чужих руках. Он неоднократно писал Подевилъсу, что, если его когда-нибудь захватит враг, все его слова и инструкции должны игнорироваться. Теперь, когда вокруг царило смяте-

ние и ситуация была совершенно неясной, он принял совет опытного Шверина. Вскочив на свежего коня серой масти, позже получившего кличку Мольвиц-Грей, он захватил некоторые бумаги и с ближайшими помощниками пустился галопом под защиту стен города Оппелн, расположенного в многих милях от поля битвы.

Оппелн, однако, был уже занят австрийской кавалерией, и когда они называли себя — *«Macht auf! Preussen!»** — группу Фридриха обстреляли. Король повернул коня и поскакал назад к Мольвицу, остановившись только в деревне Ловен, недалеко от того места, откуда начал путешествие. Он не знал, что происходит, и чувствовал себя несчастным, опозоренным и раздавленным. Он был на грани отчаяния, а его недоброжелатели думали и говорили, что король Пруссии бросил свою армию в трудный час.

Только человек, напрочь лишенный воображения, может не понять страданий Фридриха в тот момент. Храбрость, которую он показывал в течение последующей жизни, не будет ни у кого вызывать сомнений, но пока он ее не проявил, уступил настояниям ветерана Шверина и покинул поле брани в самый разгар сражения. История обрастала легендами. Говорили, что, когда Фридрих покидал поле боя, австрийский всадник с поднятой саблей схватил его коня за узду, и тогда якобы он взмолился: «Пусти меня, и я тебе отплачу», а австриец, узнав прусского короля, опустил саблю и прокричал вслед: «Ладно! После войны!», а впоследствии стал прусским генерал-лейтенантом. В подобных рассказах не было ни слова правды, но эта история появилась в печатном виде еще при жизни Фридриха. Бегство Фридриха, утрата им контроля — а значит, и репутации — были связаны с его неопытностью и самоуверенностью. Король считал, что только он один должен командовать. Ранее он не захотел, чтобы старый Дессаусец, скептически настроенный по поводу силезской авантюры, был включен в его свиту, считая, что короля Пруссии не должны видеть отправляющимся на войну в сопровождении наставника. Теперь же отсутствие наставника усугубляло несчастье. Фридрих, как он обычно делал, отправился на войну в окружении своих близких друзей, которые составили часть штаба. Например, Мопертюи, французский математик и астроном, бывший офицер армии Людовика XIV, член Королевского общества в Лондоне, приехавший в Берлин по приглашению Фридриха, а впоследствии

* Все ко мне! Пруссаки! (нем.)

ставший у Фридриха президентом Академии наук, теперь входил в королевскую свиту: он попал в плен к австрийцам, когда Фридрих убегал от Опшелна*.

В поведении Фридриха была уверенность дилетанта. Король-философ хотел продемонстрировать друзьям-философам, что он может к тому же еще управлять и командовать. Это ему не удалось.

Допущенная в предварительных расчетах ошибка может помочь развиться основному таланту, если она дает пищу к размышлениям и не ведет к всеобщей катастрофе. Под Мольвицем Фридриху повезло. Армия ничего не знала о его внезапном отъезде. Тем холодным днем, когда Фридрих ускакал, Шверин собрал еще не разгромленную прусскую кавалерию и спас положение. Однако истинной виновницей торжества стала прусская пехота, обученная Фридрихом Вильгельмом и его полковыми командирами, включая и самого Фридриха. Она двинулась в безупречном порядке подобно «живой стене», говорили австрийцы, и смела все, что попало на пути. Фридрих незадолго до этого внес коррективы в подготовку пехоты — полки теперь строились не в четыре, а в три шеренги, чтобы увеличить фронт и усилить мощь огня. Солдаты бесконечными упражнениями довели маневр до совершенства. Это сработало. Ряды австрийской пехоты рассеяли превосходящим, хорошо организованным огнем, а австрийская кавалерия не захотела испытывать его на себе. Потери были примерно равны с обеих сторон, но к тому моменту, когда над полем сгустилась тьма, стало ясно, что начальная атака австрийцев достигла лишь местного и временного эффекта, хозяевами на поле боя остались пруссаки, и Силезия по-прежнему была у них в руках. Фридрих выслушал рапорт Шверина, как говорят, вскоре после того, как добрался до Ловена.

После сражения — разбор действий. Через два дня Фридрих написал Подевилёсу в Берлин. В его сознании Мольвиц стал первой, на самом деле самой бесславной победой. Он писал, что делал не часто, на немецком языке. Господу было угодно благословить оружие Фридриха победой над вражеской армией, «по меньшей мере на 6000 превосходящей по численности пехоты» и втрое по кавалерии. Преувеличения после бит-

* Будучи привезенным в Вену, он сразу же сделался знаменитостью в венском обществе и вскоре вернулся в Берлин в обмен на кардинала фон Зинцендорфа, архиепископа Бреслау, который был задержан. — *Примеч. авт.*

вы случаются во все века, а Фридрих испытывал еще и огромное эмоциональное облегчение. Правда же заключалась в том, что прусская пехота, которая своими действиями принесла победу, видимо, превосходила австрийскую численно примерно на 6000 человек, а не наоборот.

Впоследствии Фридрих называл Мольтца «одним из самых памятных дней столетия». Очевидно, это надо понимать следующим образом: огромная империя Габсбургов оказалась бессильной наказать входящее в ее состав государство и вернуть себе свои владения. Мольтц положил начало процессу, который достигнет кульминации сто двадцать пять лет спустя на поле Кёнигсгреца. Конь, который вывел Фридриха в тот важный момент, Мольтц-Грей, дожил до глубокой старости, ни в чем не пужаясь и время от времени участвуя в парадах в потсдамском Люстгартене. Он до самой смерти различал музыку прусских маршей и начинал хрюкать, когда мимо проносили знамена. Умер он в сорок лет в 1762 году. Мольтц и все, что с ним ассоциировалось, стало преданием.

Фридрих признавал, что при Мольтце он был совершенным новичком, был полон решимости извлечь уроки, улучшить обучение в армии. Фридрих винил себя — и по заслугам, хотя часть ответственности лежала на Шверине, — за то, что допустил чрезмерное распыление армии в начале кампании, за последующую неспособность ее сосредоточить до тех пор, пока противник не начал угрожать коммуникациям между Пруссией и Силезией, за неумение вовремя развернуться непосредственно на поле боя. К тому же он занял неудачную позицию, поэтому первая же атака австрийской кавалерии захлестнула его, напроць лишила способности управлять боем, а прусская кавалерия оказалась не на высоте. Армия с честью вышла из сражения благодаря хорошей выучке пехоты.

Австрийская кавалерия под командованием генерала Роме-ра, павшего в бою, превосходила на левом фланге по численности два к одному прусскую, а потому атаковала подавляющими на этом участке силами, когда пруссаки стояли на месте и были уязвимы, и охватила их правый фланг. Это не означало, что прусская кавалерия уступает австрийской в подготовке. Фридрих, однако, решил, что он видел достаточно, чтобы встревожиться, и после сражения отвел всю армию в лагерь к северу от Мольтца и заставил ее заниматься по специальному графику, за выполнением которого следил лично. Он вставал каж-

дый день задолго до рассвета и вскоре уже был в седле, выезжая со строгой и инспекцией. Несмотря на часы унижений, Мольтце не разрушил его самоуверенность и не уменьшил его силу воли.

Сражение не изменило базовую стратегическую ситуацию, хотя и продемонстрировало миру определенную беспомощность Австрии. Страны, надеявшиеся поживиться за ее счет, почувствовали запах добычи. Австрийцы, занимая позиции в Богемии и Моравии, считали, что Силезия бесчестно оккупирована прусскими агрессорами. С военной точки зрения происходила борьба за более выгодные позиции, однако весна 1741 года сменилась летом, а крупных столкновений не происходило. Время от времени случались стычки кавалерийских разъездов. 17 мая полковник Цитен, которому было сорок три года и предстояло в дальнейшем сыграть ключевую роль в совершенствовании и развитии прусской кавалерии, с шестью эскадронами внезапно атаковал и разбил превосходящие силы австрийской кавалерии у местечка Ротшлюс. Фридрих особо отметил его как кавалериста, чьи способностям он может доверять и чьи энергичные действия впечатляют. Несдавшийся австрийский гарнизон в Нейссе однажды мог послужить trampлином для более широких наступательных операций. Бреслау был все еще независим от противостоящих армий, хотя всего в двадцати пяти милях от него, в Швейднице, Фридрих организовал мощный опорный пункт и крупную базу снабжения.

Король Пруссии торопился с тем, что он считал либеральными и совершенно необходимыми реформами в Силезии. Он очень старался быть беспристрастным — протестантское население в скором времени начало возмущаться, поскольку многие рассчитывали на материальные преимущества от короля: архиепископ Бреслау, кардинал Зинцендорф, был пожалован орденом Черного орла и назначен главным викарием Силезии — назначение, которое, по мнению Ватикана, скорее пристало рассматривать папе, а не королю Пруссии. Его позиции в провинции оставались шаткими, и он понимал, что его права здесь еще долгое время будут предметом споров. Поздравления Вольтера от 20 апреля составлены в виде стихотворных строк. В них Фридрих в пантеоне победителей сравнивался с Карлом XII, Густавом Адольфом, Тюренином и Ахиллом! Фридрих, однако, знал, что для того чтобы удержать Силезию, ему нужны не приятные исторические сравнения, а изощренная дипломатия и военная сила.

* * *

С подписанием ранее обсуждавшегося соглашения об оборонительном союзе между Францией и Пруссией возникли некоторые заминки. Французы колебались; Мольтце помог им решиться. Теперь засомневался Фридрих, заявив, что его беспокоит, как на это будут реагировать Англия и Россия. Тогда маршал Бель-Иль, посол Франции, после сражения при Мольтце поехал в Бреслау, где присоединился к Валери. Шарль Луи Огюст Фуке, граф де Бель-Иль, был внуком известного и несчастного министра финансов при Людовике XIV, Никола Фуке, создателя виконгства де Во. Он произвел на Фридриха самое благоприятное впечатление, был высокого мнения о прусской военной системе и о мастерстве короля Пруссии во владении деталями. Вскоре стало ясно, что Мария Терезия не намерена идти на мировую или уступать что-либо. Франция и Пруссия подписали соглашение.

В результате 5 июня 1741 года Франция выступила в союзе с Пруссией в поддержку Баварии против Австрии. Девяностолетний кардинал Флери, фактически единоличный разработчик французской внешней политики, был настроен не агрессивно. Более молодые люди, в том числе Бель-Иль, доказывали, что момент наступил. Австрия уязвима, у нее нет союзников, внутри государства продолжались раздоры из-за наследства Габсбургов и выборов императора, ее казна истощена, а на северной границе — энергичный противник в лице Пруссии. Все это дает шанс Франции. Не надо формально объявлять войну — официальный фронт представляла Бавария. Франция могла просто оказать содействие.

В глазах Фридриха все выглядело вполне логично, и он приветствовал такой ход событий. Ситуация в России и Швеции была в высшей степени неопределенной, то же самое в отношении Британии. Фридрих принял британского посла в Мольтце в мае и дал ясно понять, что минимальные условия для заключения мира — Нижняя Силезия и Бреслау. Однако его дядя, Георг II, не верил ему и даже пытался создать против него альянс вместе с Саксонией и Россией, а также предлагая союз Австрии. Ганновер и Саксония могли рассчитывать на получение территорий побежденной Пруссии, и Фридрих знал это.

Для Британии Австрия по-прежнему оставалась традиционным союзником, ведомым молодой и находящейся в затруднительном положении королевой против традиционного врага, Франции. Фридрих понимал, что от Лондона нечего ждать. Британское правительство наверняка воспользуется его наме-

решениями и надеждами, чтобы замирить Пруссию с Австрией, так как это позволит Австрии более эффективно противостоять Франции. Однако Британию не интересуют права и споры Пруссии, ее заботит лишь ослабление Франции. Когда Подевилльс предложил в мае продолжать добиваться от Лондона заключения выгодных соглашений, Фридрих сказал ему, что здесь ждать нечего, кроме *словесного тумана*. На какое-то время интересы Франции и Пруссии совпали, писал он 21 мая. Король понимал, что Лондону это очень не понравится, но не видел альтернативы соглашению, заключенному с французами в начале июня. Подевилльс получил инструкции: на все запросы британского посла говорить, что король не желает, чтобы его дурачили и дальше. Коль Австрия столь непримирима, то единственными возможными союзниками являются Франция и *protégé* Франции, Бавария. 30 мая Фридрих сообщил Флери о подписании союзного договора с его королем.

И все же Фридрих ощущал беспокойство, так же как и Подевилльс, который в середине июня вернулся к идее о необходимости переговоров с Англией. Фридрих резко ответил ему, что станет подозревать своего министра в работе на англичан, если тот будет продолжать гнуть свою линию. Подевилльс с возмущением заявил, что его репутация и бедность говорят сами за себя. А новый союз означал новые затруднения и обязательства. Франция поддерживает претензии курфюрста Баварии на трон Богемии и на императорский престол, а Фридриху, который также согласился поддержать кандидатуру курфюрста Баварии и даже выступил инициатором, не очень-то по душе расширение и усиление Баварии — ведь Богемия находится сразу за южной границей Пруссии. По новому договору он согласился оставить претензии на Юлих и Берг, а союзники — признать его права на Силезию. Франко-баварское вторжение в Австрию должно предотвратить новое контрнаступление с целью отвоевать Силезию. Пока это казалось разумной сделкой.

Но беспокойство прочно укоренилось в душе Фридриха. В перспективе его не радовал франко-баварский триумф. Казалось, невозможно договориться с Габсбургами на условиях, которые он считал приемлемыми, но не могла же Пруссия вечно жить в состоянии войны с Австрией. Он обладал большей частью Силезии и считал это справедливым и законным; было и еще кое-что, а именно крепость Нейссе, которая должна стать его. Однако Фридрих понимал, что рано или поздно ему, види-

мо, придется вновь обнажать шпагу, чтобы защищать то, чем он уже владеет в Силезии. Отсюда следовало, что именно согласие с Австрией, как бы ни было трудно его достичь, является желанной политической целью. Фридрих всегда давал понять: если Вена согласится с претензиями Пруссии на Силезию, хотя бы частично, он готов поддержать Марию Терезию на других направлениях, даже отдать свой голос на выборах императора за Франца Лотарингского. Сейчас он поддерживал Баварию, но чувствовал, что мосты между Берлином и Веной нельзя разрушать окончательно.

Двойственность его чувств — она всегда будет оставаться при нем — усилилась, когда он вскоре увидел медлительность в ведении военных действий его союзниками, Францией и Баварией. Чтобы союз был выгоден Фридриху, ему нужны энергичные операции, предпочтительно вдоль долины Дуная в направлении Вены, а не в Богемии, как, казалось, планировала Бавария. Он совершенно ясно дал понять в личном письме к курфюрсту Баварии 26 июля и с такой же твердостью написал Флери, что не собирается голосовать на выборах императора за курфюрста Баварии, пока правитель не начнет действовать или пока французские войска не войдут в Германию, то есть Фридрих потребовал от союзников действенных военных операций. Через два дня после отправки первого письма он написал: «Если кардинал не желает воевать, то ему следует выйти из союза!» Учитывая, что союз был составлен только в начале июня, это показывало недовольство Фридриха союзниками и одновременно рождало подозрения, что Фридрих ищет повод, чтобы пересмотреть свою политику, когда ему будет выгодно.

События последних месяцев 1741 года, явная переоценка союзников и изменение подходов способствовали закреплению за Фридрихом репутации двуличного политика. С фактами не поспоришь. Мария Терезия и ее министры сочли ситуацию почти отчаянной, необходимо было внести раскол во враждебный Австрии союз. Она попыталась купить нейтралитет Франции, предложив ей Люксембург, подкупить Баварию, уступая некоторые имперские земли и титулы в Италии. 7 августа через британского посла в Вене передала Фридриху, что согласна отдать имперскую территорию в Голландии и 2 миллиона экю*, если все прусские войска покинут Силезию.

* 200 000 фунтов стерлингов. — *Примеч. авт.*

Ответ Фридриха был быстрым и твердым. Он считает предложение оскорбительным и абсурдным. У него нет претензий в Нидерландах; его амбиции ограничиваются землями в Силезии, которые принадлежат ему по праву. Пока этот обмен подтвердил неуступчивость сторон. В письме Георгу II Фридрих выразил надежду, что дядя не возражает против оккупации Силезии. 4 сентября король написал своему человеку в Мюнхене, графу фон Шметтау, что его верность союзу с Баварией неизменна, поэтому он надеется на скорейшее наступление франко-баварского войска в направлении Вены, а сам через две недели попытается овладеть Нейссе. Тогда же Фридрих сообщил Вольтеру, предвидя в скором времени многие баталии: «Это глупость, но порой в жизни случается так, что кому-то приходится терять голову!»

Одновременно Фридрих очень внимательно следил за развитием ситуации в Саксонии. Ее курфюрст и король Польши, Август III, совершенно не похожий на своего выдающегося отца, Августа Сильного, был перешителым и впечатлительным. В течение всего правления он находился под влиянием главного министра, графа Брюля, протестанта, крайне враждебно настроенного к Фридриху. Саксония располагалась слишком близко к Пруссии, чтобы чувствовать себя спокойной. Бавария хотела присоединения Саксонии к антиавстрийскому союзу, и Фридриха беспокоила цена, которая за это могла быть предложена. В письме командующему французскими войсками, Бель-Илю, от 16 сентября король писал, что предложение, по его мнению, чрезмерно. Он слышал, что Саксонии предлагают Верхнюю Силезию и Моравию; неужели курфюрст Баварии действительно с этим согласен? Пока франко-баварская армия двигалась на восток, а Мария Терезия готовила Вену к вражеской осаде, баварцы и саксонцы были заняты распределением земель Габсбургов после поражения австрийской армии и достигли 19 сентября соглашения по этому вопросу. По нему Саксония получала Моравию, Верхнюю Силезию и часть Нижней Силезии; к Баварии отходили Верхняя Австрия и Тироль. Курфюрст Баварии будет провозглашен королем Богемии. Карте Германии предстояла радикальная перекройка.

И вовсе не такая, как планировал Фридрих. Антиавстрийский союз, казалось, выходил из-под контроля, но тут произошли два события. В июне Марию Терезию, женщину большой силы духа, провозгласили в Прессбурге (Братислава) короле-

вой Венгрии, влиятельные представители венгерской знати поклялись ей в преданности и пообещали собрать 40 000 армию, правда, собрали 20 000 штыков. К тому же вновь попыталась вмешаться Британия. Надвигающийся закат Габсбургов и усиление Франции были очень не по душе Лондону. Главной фигурой на шахматной доске Европы становился король Пруссии. Георг II недолго любил племянника. Ганновер опасался Бранденбурга — Пруссии. Теоретически все строилось на том, что Фридрих может быть атакован одновременно Ганновером, Саксонией, Британией, даже Россией, а прусские территории захвачены. Британским министрам это казалось очень далеким от интересов страны. Что до Австрии, то в правительстве Британии не собирались опустошать казну и проливать английскую кровь ради Марии Терезии, как бы ей ни сочувствовали в Англии. Но призрак Франции и ее сателлитов, разрушающих империю и становящихся доминирующей силой на континенте, порождал чувства, истоки которых уходят во времена Мальборо, Евгения Савойского и Людовика XIV. Короля Георга II, видимо, не отпускали мысли о ганноверских владениях и угрозах, исходивших от прусских родственников. Он достиг соглашения с Францией о нейтралитете, выступая в качестве курфюрста Ганновера и не получив одобрения британских министров. Соглашение было нацелено на сохранение Ганновера. В том, что касалось войны в широком смысле слова, Британия взяла на себя обязательство сохранять нейтралитет в запутанной континентальной борьбе. Теперь же британский посол в Берлине, лорд Хиндфорд, в неофициальном порядке вновь приступил к торгам. Нейтралитету могла понадобиться новая интерпретация.

Британский посол в Вене, сэр Томас Робинсон*, уже делал предложения Фридриху, которые были грубо отвергнуты в августе. 25 сентября полковник фон Гольц из штаба Фридриха сделал тем не менее Хиндфорду некие предложения. В целом из этого следовало, что Фридрих использовал посредников и Гольц был одним из них.

Гольц писал, что возможно создание условий, позволяющих Нейшпергу беспрепятственно отступить в Моравию, оставив без изменений нынешнее военное положение на границе между Моравией и Силезией. Одновременно можно было бы предпринять отвлекающие действия пруссаков под Нейссе с

* Позже — лорд Грэнтхэм. Фридрих знал, что он влюблен в Марию Терезию и является объектом шуток. — *Примеч. авт.*

последующей капитуляцией австрийского гарнизона в согласованное время. Австрийцы получают фактическое перемирие, хоть и не объявленное, на одном из фронтов и возможность перегруппировать силы в других местах против французов и баварцев. В обмен на эти секретные действия Фридрих получит молчаливое согласие на владение Нижней Силезией, включая Бреслау и крепость Нейссе, и обязуется не собирать палог и ношлины в нынешних владениях Марии Терезии. Прусская армия формально будет вести военные действия против австрийской армии, но не вступать при этом в столкновения, а затем уйдет на зимние квартиры в Верхней Силезии.

Гольц писал, что все это, естественно, не подлежит разглашению. Он приложил большие усилия, чтобы обмануть французского посла, Валори, относительно сношений Фридриха с Хиндфордом, заявив ему 23 сентября, что король якобы дал понять Хиндфорду, что его присутствие в лагере более не приемлемо. На самом деле прусский король теперь желал продемонстрировать свою добрую волю Марии Терезии, правда, не предлагая никаких официальных соглашений или прекращения военных действий. Гольц высказался очень откровенно: Фридрих «хочет прекратить военные действия, но не хочет, чтобы создавалось впечатление, что они прекращены!» Это даст королю то, что он считает нужным в данной конкретной ситуации, — Силезию. Будет предоставлена передышка Марии Терезии и предотвращен триумф франков и баварцев. К нему Фридрих, хоть сам состоял членом альянса, отнесся в высшей степени отрицательно. Соглашение, являвшееся моральным предательством союзников, составлено Хиндфордом, обсуждено через британских посредников с австрийцами и рассмотрено на секретном совещании 9 октября в деревне Кляйн-Шнеллендорф. На встрече, организованной Хиндфордом для его одобрения, присутствовали Фридрих и Нейпперг.

Естественно, Фридрих был заинтересован, чтобы об этих событиях не узнали французы, баварцы и саксонцы. Ведь он сносился с противником. Король не жалел сил, сгущая туман, и 2 октября написал Шметтау, находящемуся при баварском дворе, что франко-баварское наступление вдоль долины Дуная развивается до смешного медленно. Баварский курфюрст со штабом находился в Линце, захваченном союзниками 14 сентября. Фридрих разыгрывал нетерпение. Он оказывает на

противника давление *«autant qu'il a été possible»**, но прусская армия находится в походе уже десять месяцев, и продолжение действий без отдыха может привести к катастрофе. Если баварцы и дальше будут медлить, то Фридриху не останется ничего другого, как отвести людей на зимние квартиры. Он полагал, что к этому времени в Богемии должна уже появиться вторая колонна французских войск. Ну и где она? «Я вплоть до настоящего времени несу все бремя на себе». Фридрих готовил почву. 7 октября — новое послание в Баварию, в котором координируются передвижения войск. 14 октября он сообщает, что собирается угрожать складам Нейшперга в Моравии, но если Нейшперг придет туда раньше, то не будет его преследовать из-за сильно пересеченной местности и трудностей со снабжением войск. Однако за семь дней, которые разделяли эти два письма, король успел встретиться с Нейшпергом и Хиндфордом в Кляйн-Шнеллендорфе и обо всем договориться с австрийцем.

Секретное временное соглашение, достигнутое в Кляйн-Шнеллендорфе, полностью устраивало Фридриха. С его точки зрения, власть Габсбургов в Вене можно ослабить, но не разрушить. Союз с французами и баварцами, в свое время необходимый, чтобы отвлечь Австрию и спасти Пруссию и ее владения, не должен становиться самодовлеющей силой. На данный момент он уже сыграл свою роль. Частые заявления Фридриха о поддержке Австрийского дома являлись лживыми и правдивыми одновременно. Его мало заботила империя как таковая. Он видел в ней безвозвратно устаревшую структуру. Однако она предоставляла трибуну для обсуждения и ведения германских дел и в таком качестве нуждалась в руководителе, им мог стать монарх, обладающий необходимыми способностями к управлению. Габсбурги были самыми подходящими кандидатами на эту роль. Они продолжали бы занимать этот пост при поддержке Гогенцоллернов, как только примут их претензии.

Что же касается конкретной ситуации, войны, Фридрих доказывал, что не менял своей фундаментальной позиции. Ведет ли армия активные боевые действия или нет — Пруссия по-прежнему в состоянии войны с Австрией. Но прусская армия вела кампанию уже довольно долгое время и терпела лишения. Фридрих израсходовал значительную часть казны. Он отдаст избирательный голос, если условия соглашения сохранят силу, курфюрсту Баварии. Амбиции же Баварии возросли, поэтому

* насколько это возможно (фр.).

Пруссии следовало действовать осторожно и не проливать зря кровь солдат для того, чтобы добыть Виттельсбахам Богемию. Он заключил секретное, основанное на практических соображениях соглашение с австрийским командованием, которое на время устраивало обе стороны, — такие договоренности не были чем-то из ряда вон выходящим. Этот прием был применен в интересах Пруссии и ее народа.

Нейпперг и Фридрих выполнили особые обязательства, оговоренные секретными условиями. Прусская армия приготовилась идти на зимние квартиры. Была проведена операция против Нейссе, и крепость капитулировала, как и обговаривалось, в начале ноября 1741 года. Фридрих принял присягу в верности от вольного города Бреслау. В августе ему удалось ввести сюда Шверина хитростью, не пролив ни капли крови, теперь прусская армия заняла город.

В конце октября, однако, стало ясно, что Франция и Бавария встревожены военной пассивностью Фридриха. Он заявил, совершенно не покрывив душой, что не заключал мира с Марией Терезией, повторил о приверженности союзу с Баварией. Но имеются объективные границы возможностей Пруссии. Французский посол при Фридрихе, Валори, выразил озабоченность своей страны и спросил: намерен ли король участвовать вместе с Францией в экспедиции против Ганновера? Фридрих отверг эту идею, аккуратно передав 18 октября содержание разговора Георгу II через своего посла в Ганновере.

Как всегда, имелось достаточно «утечек» информации, большинство из которых не были случайными и делались по политическим соображениям. Помимо того, что Фридрих известил Ганновер о французских планах, он еще через британского посла Хиндфорда рассказал кардиналу Флери все о намерениях, как выразился король, *«l'artificielle et perfide cour de Vienne»**. Его, сообщал Фридрих кардиналу, британцы прямо попросили содействовать изгнанию баварских войск из Австрии, а также отдать голос Францу Лотарингскому! За это предлагалось немало. Однако он готов в пущий момент войти в Моравию и, верный союзническому долгу, помочь предотвратить это изгнание. Для полноты эффекта Фридрих добавил для Флери, что поведение короля Англии с каждым днем становится все более подозрительным и что союз с «королем, вашим господином» доставил бы ему самое большое наслаждение в жизни. В

* лукавом и всроломном венском дворе (фр.).

следующем более обширном послании, датированном 3 декабря, он написал Флери об ощущении глубокой близости к Франции и недоверия к Австрии и Англии.

Первое послание к Флери написано 29 октября. Скорее всего опытный кардинал отнесся к нему без малейшего доверия. Это было частью тонкой игры в полуправду, неправду и случайную точность, отличавшую дипломатию восемнадцатого столетия. Фридрих считал ее необходимой силовой игрой. Коль можно добиться целей таким образом, без крови, борьбы и разрушений — это к лучшему. Конечно, для этого приходится прибегать к обману, но это своего рода война, а обман — один из ее компонентов. На самом деле слова из его письма от 3 декабря по большей части оказались правдой.

Для ведения войны были необходимы укрепленные пункты и территории. Помещения для расквартирования солдат, фураж для лошадей, площади, способные обеспечить производство определенного количества провианта, — все это было жизненно важным, часто более важным, чем действительные оперативные преимущества, вытекавшие из обладания ключевыми пунктами, линиями коммуникаций, дорогами и речными путями. Фридрих гарантировал австрийцам, противникам, что расположится на зимние квартиры после того, как Нейссе будет у него в руках, и он же объяснял французам и баварцам, своим союзникам, что отдых для его армии после длительного пребывания в походе необходим. Часть зимних квартир, говорил он французскому командующему, Бель-Илю, находилась в Богемии в районах Болеслава, Лейтмерица и Кёниггреца. Бель-Иль и курфюрст Баварии, рассчитывавший в скором времени получить корону Богемии, учтиво интересовались размещением и планами прусской армии.

Осторожные и ограниченные обязательства, принятые Фридрихом в Кляйн-Шнеллендорфе, не были оформлены договором с Австрией. Мир формально не провозглашался. Хиндфорд сделал 30 ноября новую попытку этого добиться, но прусский король идею отверг. Он надеялся, что следствием его секретного соглашения станет определенное облегчение военного положения Марии Терезии, — было не ясно, сможет ли она удержать Вену. В тот же день Фридрих направил послание Бель-Илю, поздравляя его со взятием Праги и сообщая, что готов предоставить союзникам двадцать пять эскадронов кавалерии, которая будет двигаться на левом фланге до границ

Моравии. Королю, несмотря на наличие дружественных договоренностей с Нейпбергом, было нужно массированное прусское присутствие в войсках номинальных союзников, когда они начнут метаться по Богемии. Этим намечались изменение позиции, отход от духа Кляйн-Шнеллендорфа. Фридриху виделся легкий франко-баварский триумф над Австрией, оставлявший Пруссию в стороне и сводивший на нет возможность его влияния после заключения любого мирного соглашения. Кроме того, к баварским войскам присоединилась армия Саксонии, насчитывавшая 20 000 штыков. Почти все — и союзники, и противники — уже молчаливо согласились с захватом Силезии, но положение могло измениться.

Фридрих решил, что для Пруссии пришло время принять более активное участие в международной игре. Помимо отправки своих кавалерийских частей на помощь франко-баварским силам в Богемию, он приказал Шверину выдвигаться из Силезии на юг и захватить Оломоуц, находящийся всего в пятидесяти милях к северо-востоку от столицы Моравии, Брюнна; и 17 декабря Шверин задачу выполнил. Этот маневр шел вразрез с договоренностями с Нейпбергом, однако — всегда находчивый — он заявил о претензиях к Австрии в связи с несоблюдением ею условия секретности, о котором стороны договорились в Кляйн-Шнеллендорфе. Еще в октябре Гольц жаловался Хиндфорду, что и в Праге, и в Дрездене все открыто говорят о сделке Фридриха с Нейпбергом. «*Le Roi en est dans une colère terrible!*»* Он писал Хиндфорду в том же письме, что если условия абсолютной секретности по поводу этих пробных соглашений не будут выполняться, то король не будет считать себя связанным какими бы то ни было договоренностями.

Говоря современным языком, договоренности в Кляйн-Шнеллендорфе можно было «опротестовать», и отказ от них зависел от степени соблюдения конфиденциальности. Фридрих полагал, что у него в руках все козыри, чтобы после Кляйн-Шнеллендорфа отмести любые обвинения в нечистоплотности; австрийцы ведь тоже передавали информацию французам и баварцам, чтобы оказать на него давление. Конечно, он этого ожидал. Соглашение, на которое пошел король, как и было задумано, возымело эффект: дало ему Нейссе и некоторую передышку армии. И как оказалось, мало тревожило союзников, франко-баварские войска.

* Король страшно гневается! (фр.)

Они обдумывали общее наступление на Вену, поэтому Фридрих лично прибыл к своим войскам в Оломоуце и предложил, чтобы наступление развивалось и с севера, и с северо-востока. В январе Карла Альберта Баварского единогласно избрали императором. Австрия была окружена врагами со всех сторон. Влияние Франции в Германии достигло кульминации. Однако в то время как Мария Терезия взывала к Фридриху, нарушая при этом секретные договоренности Кляйп-Шеллендорфа, стала меняться вся военная обстановка.

Глава 5

«САМЫЙ БЕЗРАССУДНЫЙ МАНЕВР»

Фридрих без особого энтузиазма согласился с планом генерального наступления на Вену. Он понимал, что у него есть время, чтобы успокоить союзников по поводу его сделок с австрийцами, но не хотел рисковать пруссаками, находившимися в самом сердце имперских территорий, ради притязаний Карла Альберта Баварского. Ему надо было сохранить пути сообщения с Силезией и обеспечить их безопасность — ведь это ради Силезии, а не ради Франции или Баварии он обнажил шпагу. Свою штаб-квартиру в Моравии король разбил в Зееловице, неподалеку от Брюнна. Он получил от Марии Терезии несколько предложений о мире и сам в ответ сформулировал новые условия мирного договора, включая уступку не только Силезии, но и земель в верховьях Эльбы в Богемии. Она практически лишала бы власть в Вене возможности управлять Богемией, а потому была совершенно неприемлемой.

До самого последнего времени оставалось неясным, какая власть укрепитя в Вене, и Фридрих выдвигал территориальные претензии в условиях постоянно меняющейся военной ситуации. Но теперь произошли заметные изменения, которые Фридрих явно не мог предвидеть. Будучи осторожным, а в последнее время — пассивным наблюдателем унижения Австрии, он увидел, что она начала приходить в себя. Один противник австрийцев — французы и баварцы — находился в Праге, другой — Фридрих — у Брюнна. Вене угрожали и с севера, и с северо-востока, к тому же франко-баварские войска были неподалеку, двигаясь по долине Дуная. Потом с необычайной

скоростью империя собрала и переоснастила армию, в значительной степени усилив ее войсками из восточных государств, Венгрии и Хорватии. В январе 1742 года началось австрийское контрнаступление. Две армии двигались на запад от Вены и 17 января разбили баварцев под Шардингом.

Через два дня Фридрих отправился в Дрезден, столицу Саксонии, на совещание с союзниками. Всего несколько недель назад король Пруссии страховался от возможных потерь и пытался предотвратить полный крах Австрии. Теперь же роли переменялись. Прежде он со смешанными чувствами наблюдал за приближавшейся победой Франции и Баварии, а теперь являлся свидетелем триумфального подъема Австрии. И это тоже, конечно, было совсем не то, чего бы ему хотелось. Фридрих вновь оказывался впутанным в действия коалиции, находившейся в совершенно бесперспективной военной ситуации. Общеизвестное присоединение Силезии опять могло быть поставлено под вопрос.

Франко-баварский военный успех был невыгоден Фридриху, однако он полагал, что все уладит, находясь среди победителей, и получит во владение территории, на которые рассчитывал. Посредством маневров и передвижений, предпринятых в декабре, его армия довольно прочно закрепилась в Моравии. Теперь же — из-за того что союзники, по его мнению, провалили кампанию, — его успехи сводились на нет. Фридрих не доверял саксонцам. Он открыто заявлял, что очень невысокого мнения о новом французском командующем, заменившем Бель-Иля, — маршале де Брольи, у которого Бель-Иль оказался в подчинении. Брольи был губернатором Страсбурга, когда Фридрих перед войной посетил его инкогнито, считалось, что этот инцидент оставил в душе у Фридриха неприятный осадок.

Фридрих принял решение выдвинуться из Оломоуца в юго-западном направлении в глубь Моравии, и, если окажется возможным, завладеть Брюнном. Он покинул союзную конференцию в Дрездене с большими полномочиями: на ней было решено, что крупный саксонский контингент и французские части, еще находящиеся в Богемии, переходят под его командование. И он отправился через Прагу к расквартированным в Моравии войскам. Фридрих не скрывал желания, чтобы пруссаки воздержались от участия в зимней кампании. Он устроил двор и штаб-квартиру в Оломоуце. «Дьявол, который меня кружит, теперь занес меня в Оломоуц, — написал он Вольтеру 3 февраля, — недобросовестность и двуличность, к сожалению, являются главной чертой боль-

шинства людей, стоящих во главе государств!» Кое для кого подобные сантименты просто демонстрируют безграничное лицемерие Фридриха, однако трудно поверить, что в письме к человеку, чьим интеллектом он в высшей степени восхищался, король Пруссии позволил бы себе тривиальную и бессмысленную ложь. Сам он не считал себя обманщиком.

Встреча в Дрездене, кроме обычных уверений в непоколебимой дружбе, практически ничего не принесла; через пять дней австрийцы восстановили контроль над Линцем. Великое контрнаступление продолжало развиваться. В Линце на милость победителей сдались 10 000 французов. Фридрих усиливал свои позиции в Моравии в то время, как далеко на западе австрийцы ворвались в Баварию и 12 февраля вошли в Мюнхен. В этот день на курфюрста Баварии, чья столица оказалась в руках неприятеля, во Франкфурте возложили императорскую корону.

Совершенно естественно, что главной заботой Фридриха были безопасность армии в Моравии, оборона Силезии и коммуникации с Пруссией. Сейчас он уже ощущал, что альянс Франция — Бавария, Саксония — Пруссия для него почти бесполезен, и частенько сожалел о необходимости в нем оставаться. Король все больше склонялся к миру, и его письма, особенно к Флери, полны размышлений об этом. Фридрих был уверен, что Пруссия нуждается в мире. Когда 1 февраля Хиндфорд объявил ему, что у него есть новые и полезные предложения в этом направлении, Фридрих не стал отмечать их, а просто попросил немного подождать: он вдали от Берлина и не знает нынешние намерения Марии Терезии. Вскоре к нему попало ее письмо, написанное в Генеральные Штаты Голландии. Она перечисляла в нем беды и жалобы на врагов. Гнев Марии Терезии был направлен на собрание выборщиков, провозгласившее императором курфюрста Баварии и сорвавшее ее планы утвердить на троне империи Франца Лотарингского. Не меньшее внимание она уделила и поведению короля Пруссии. Фридрих изложил соображения по этому поводу своему посланнику в Гааге. Он назвал обвинения Марии Терезии в свой адрес неверными, обидными и расплывчатыми. Например, ему приписывалось, что он дважды соглашался на мир и дважды нарушал соглашение. Если это так, писал король, то почему не предъявить такое соглашение? Это что-то новое в международных делах — прекращать военные действия без документов и без формальных процедур! Цель писем Марии Терезии просто в том, чтобы настроить против него союзников.

Конечно, Фридрих лицемерил. Да, он ничего не подписывал в Кляйн-Шнеллендорфе, его письма с выражением уважения не более чем дань вежливости, обычная в дипломатической практике даже между официальными противниками. Правда и то, что серьезные соглашения о мире должны оформляться официальным подписным документом, а не простым временным протоколом, предложенным одной из сторон и одобренным другими кивком головы. Как бы там ни было, договора о мире нет, война продолжается, и Фридрих по-прежнему, хоть и без большой охоты, выполняет в ней свою роль. Пока временные договоренности между командующими представляли интерес для обеих сторон, он их выполнял. Это уже в прошлом. Фридрих понимал, что одной из преград на пути к миру, как, впрочем, и на пути к искреннему взаимодействию внутри альянса, противостоящего Австрии, было повсеместное — в Вене, в Дрездене, в Мюнхене и в Париже — недоверие к королю Пруссии как партнеру. А Фридрих хотел мира.

Тем временем он был вынужден изображать участие в войне, чтобы не вызывать подозрения союзников по поводу его нежелания воевать. В феврале король написал Бель-Илю, который теперь был на вторых ролях, но Фридрих ему доверял, что потребуются некоторые маневры французских сил для оказания помощи его войскам; направил также послание и недавно коронованному императору, изложив в письме планы весенней кампании по изгнанию австрийцев из районов Верхнего Дуная. Видимо, он слабо верил в эти планы, предусматривавшие привлечение крупных французских сил, а писать императору, изгнанному из собственной столицы, было не более чем формальностью. Возможно, что это был как раз тот момент, когда форма значила многое, — Фридрих показывал себя безупречным союзником и преданным империи монархом. Более конкретное и практическое значение имела его попытка скоординировать передвижение и подготовку прусских войск в Моравии с войсками союзников в Богемии, в районе Иглау — между Прагой и Брюнном — и Нойхаусом. Он захватил несколько австрийских аванпостов и повел часть армии из Оломоуца на юг для соединения с саксонцами и французами; всего под его началом было более 30 000 человек. Штаб Фридриха расположился в местечке Цнайм на реке Тайя в тридцати милях к юго-востоку от Иглау. Тем временем австрийцы выдвигались в северном направлении в сторону Праги и в глубь Моравии.

Австрийское наступление возглавлял Карл Лотарингский, деверь Марии Терезии*, принявший командование армией у брата и действовавший более умело. 15 февраля австрийцы захватили Иглау и потеснили французов. Брюны так и не сдался союзникам, и Фридрих в марте приказал своим войскам двигаться в Моравию в сторону границы Силезии. Поведение саксонцев вызвало у него презрение. Они, как он понял, оставили Иглау без приказа. *«Ils ont peur démesurée de l'ennemi!»*** Ради чего, все чаще спрашивал Фридрих, я воюю? Король потратил огромное количество денег, в интересах общего дела глубоко вклинился в Моравию и вот теперь опять идет назад. Союзники неправильно ведут военные действия. Тем не менее он по-прежнему подчеркивал в письмах к союзным корреспондентам и монархам, что любые попытки оторвать его от франко-баварского альянса будут тщетны.

Некоторые темы заставляли Фридриха отходить от обычно вежливого стиля и изъясняться довольно резко. «Я был ошеломлен, — писал он 4 марта французскому послу, — когда узнал, что некий человек, назвавшийся бароном де Берне, счел себя вправе сказать Его Императорскому Величеству, что я готов ссудить шесть миллионов флоринов Штатам Богемии, если Его Императорское Величество выступит в роли гаранта. Я никогда не видел и не говорил с этим человеком, незнаком с ним и не знаю, кто он такой, и его наглость поражает меня!» Несколько позже он говорил, что Бель-Иль, обычно почитаемый им, «размещает на бумаге большие армии, планирует кампании, в ходе которых бьет врага повсюду, но совершенно не принимает в расчет, как может повести себя противник!» 22 марта король поделился в письме к Подевильсу своими последними размышлениями по поводу того, на чем должен основываться мир. Оно должно было послужить инструкцией для бесед с Хиндфордом.

Планы Фридриха мало чем отличались от первоначальной позиции. Его линия и цели были неизменными. Во-первых, Нижняя Силезия — включая Бреслау и Нейссе — отходит к Пруссии, освобождается от любых видов повиновений в пользу империи или Богемии. Графство Глац, вклинивающееся из Южной Силезии в территорию Моравии к западу от Нейссе,

* Брат супруга Марии Терезии, Франца; был женат на ее сестре. — *Примеч. авт.*

** Их страх перед противником был неописуем! (фр.)

вместе с районами Кёниггреца и Пардубица в излучине Верхней Эльбы тоже должно стать его. Мария Терезия дает «справедливое удовлетворение» союзникам Фридриха — это оборонительная мера против обвинений в эгоистичной политике. Принимается посредничество Фридриха вместе с морскими державами в переговорах о всеобщем мире. Упоминание о морских державах было подачкой Гапсбургу, хотя к тому времени Фридрих уже не сомневался, что Франция и Британия недолго будут оставаться в состоянии мира. До того как переговоры об этом всеобщем мире завершатся, за Фридрихом также остается и Верхняя Силезия, что прежде им не упоминалось.

Фридрих назвал это «Зееловицкими условиями», по названию местечка, расположенного в десяти милях к югу от Брюнна, где он находился в течение трех недель начиная с середины марта. Если они договорятся, то он выведет войска из Моравии. Подевильтсу предстояло опробовать эти условия на Хиндфорде и посмотреть, как он их воспримет. «Если их это заинтересует, — писал король 12 марта, — мы неплохо заработаем. Если не очень, будь готов разбавить вино водой!» Фридрих добавлял, что никогда не согласится на мир, если он потребует пересмотра результата выборов императора, что знаменовало бы триумф Габсбургов, или гарантию целостности владений Марии Терезии, — это равноценно лишению его Силезии. Как и в самом начале, главным была Силезия. Для управления ею король организовал временный комитет, а затем создал две коллегии, Военную и Земельную, по прусской модели в Глогау и Бреслау. Людвиг Вильгельм фон Мюпхов был назначен ответственным министром с очень широкими полномочиями. Государственная система Силезии постепенно перестраивалась согласно прусскому образцу. Позже Фридрих отменил надзор над Силезией со стороны Берлинской Генеральной дирекции. Учитывая сложность положения в провинции, разделенной по религиозному признаку, с сильной церковной властью и традициями, административная система в Силезии доказала свою эффективность и действенность.

Объявив основные требования, Фридрих 31 марта составил два меморандума. В них он предусматривал два варианта развития событий. Первый — сохранение союза с Францией; второй — мир с Австрией — с королевой Венгрии, как он всегда, и справедливо, называл Марию Терезию. Он заявлял честно, хотя и слишком парочито, что у него нет формальных претензий к Франции, никогда не нарушавшей слова. Если настоя-

ная кампания закончится удачно, Пруссия удостоится славы, видимо, имея в виду славу государства с непобедимой армией. Британия будет всегда принимать меры против заключения мира между Францией и Австрией, и, пойдя Фридрих на союз с Францией, он окажется в оппозиции политике Британии.

Это были не очень веселые умозаключения, заканчивавшиеся на довольно интересной ноте — никакой мир не сможет длиться долго, если Мария Терезия не уступит Богемию и Моравию. Вторым меморандум Фридрих посвятил практическим вопросам, и его выводы были довольно тревожными. Он констатировал незначительность военной помощи со стороны Франции. Речь шла не о чьей-либо недобросовестности. По-видимому, после падения Праги король считал, что франко-баварские силы недостаточны. Это в прошлом. Теперь он смотрел в будущее. Если Британия и Голландия объявят Франции войну и разместят войска во Фландрии, то Франция выведет свои войска из Германии, и Фридриху придется одному вести войну. Саксонцы не в счет.

Выводы Фридриха были обоснованны. Британское правительство приняло решение о более активном участии в войне, которую рассматривало как борьбу против Франции в поддержку непримиримого противника Франции, Австрии. Британский премьер-министр, сэр Роберт Уолпол, в феврале ушел в отставку; новый, лорд Картерет, живо интересовавшийся европейскими делами, предложил разместить в Нидерландах 16 000 солдат. Он, впоследствии писал Фридрих, «был преисполнен глубокой ненависти ко всему, что связано с Францией. Судьба Силезии Картерета беспокоила не больше, чем любого другого английского государственного деятеля, и он — как и его предшественники — пытался, не жалея солидных денежных сумм, убедить Марию Терезию договориться с прусским королем. Британцы надеялись, что к ним присоединятся наемники из Гессена и войска Австрии, расквартированные в Нидерландах, и таким образом будет создана союзная армия против Франции при участии армии Ганновера. Попытки получить поддержку со стороны голландцев были встречены прохладно и даже враждебно. Фридрих не ошибся, предполагая, что эти действия отвлекут французов до такой степени, что они перестанут играть решающую роль и взвалят на него основное бремя войны в Центральной Европе, если эта война будет продолжаться. Успех же в войне, если он будет достигнут, сделает Францию арбитром Европы. Король написал «арбитром мира».

Были и другие уравнивающие факторы, работавшие против успеха Франции, а значит, и его. Фридрих упомянул военную поддержку Марии Терезии со стороны Венгерского Королевства. Продолжение войны грозило Пруссии невыносимыми трудностями. Основная — финансирование кампаний. Казна Австрии, полупустая с самого начала, была истощена; Мария Терезия паходилась почти в полной зависимости от английских субсидий, предназначенных для ведения военных действий. Но и прусская казна, несмотря на накопления Фридриха, сделанные специально в расчете на войну, заметно оскудела.

Холодное время года продолжалось до конца апреля, и обе враждующие армии в Моравии могли существовать лишь за счет грабежа, что вызывало отчаянное сопротивление местного голодного населения. Обе стороны хотели мира, этого требовала и гуманность. Между тем Фридрих не мог принять мира, который лишал бы его приобретений — законных, как он считал, и закреплённых кровью. А Мария Терезия, пережившая страшную зиму и видевшая, что весы склоняются в ее сторону, чувствовала себя достаточно сильной, чтобы не отступать от своих требований по поводу восстановления наследственных прав и помощи в изгнании французов из Германии. Ни одна из сторон пока не была готова на уступки. Фридрих с тоской сознавал, что в настоящее время война должна продолжаться.

Таким образом, дипломатию придется дополнять сражением. Одержит один из претендентов решающую победу, и ситуация на переговорах полностью изменится. Прусская армия была рассредоточена на значительной территории Северной Моравии и базировалась вблизи Оломоуца, надежно блокируя Брюнн, паходившийся в руках противника, и прикрывая коммуникации с Силезией. Теперь Фридрих решил направить часть ее в обход Брюнна в Богемию, сдвинув центр своих позиций к западу. 6 апреля он разъяснил причину этих действий союзникам, написав, что силы французов и саксонцев значительно меньше, чем он надеялся. Его штаб уязвим для вылазок австрийцев. Безопасность и тыловое обеспечение в равной степени требовали передислокации, а также диктовали необходимость, чтобы Швеция оставил Оломоуц. Его в конце того же месяца захватили австрийцы, которые собрали в Моравии неожиданно крупные силы. Он писал, что планирует собрать к концу апреля объединенную армию — объединенную потому, что в Дрездене было решено, что все войска будут подчинены прус-

сакам. Он называл предполагаемую численность войск в 45 000 пштыков — по соседству с Пардубицем в излучине Эльбы, к югу от Кёнигсгрета, в районах, которые он в конце концов надеялся заполучить для Пруссии.

Фридрих предполагал, что рано или поздно ему придется противостоять прямым австрийским действиям против французов у Праги, начавшимся в феврале. Для этого ему следовало двигаться на запад. Концентрация австрийских войск в Моравии в первые месяцы 1742 года стала для него неожиданностью. 28 апреля он написал императору: *«Je suis extrêmement mortifié»**. Таким образом, Фридрих оказался перед перспективой боевых действий на западе, в районе Праги, при концентрации австрийских войск к востоку от него, в то время когда Оломоуц был в руках неприятеля. На Западном фронте блеснул луч надежды — Бель-Иль, восстановленный в должности командующего армией в Богемии, уже добился одного существенного успеха: выбил австрийцев из большей части Баварии.

10 мая Фридрих — несколько запоздало — понял, что неприятель, ослабив силы в Богемии, к западу от него, накопил их в Моравии, к востоку. Собранная в кулак австрийская армия двигалась на запад, в сторону восточного фланга. Его собственные силы, включая войска союзников, были по-прежнему расположены на довольно большой территории, и он отдал приказ армии сосредоточиться 13 мая у Хрудима. Кроме 15 000 пруссаков, под командованием короля состояли почти столько же саксонцев и около 3000 французов.

15 мая 1742 года Фридрих начал движение на запад в направлении на Прагу. Он полагал, что должен помешать действиям австрийцев против союзников в этом районе. Фридрих ошибался. Целью неприятеля была его собственная армия. Карл Лотарингский подводил силы и из Моравии на востоке, и с юга, чтобы нанести ему удар с южного направления.

Фридрих разделил войска и повел передовые отряды, примерно одну треть сил, приказав остальным выступить за ним на следующий день, 16 мая. Эта часть армии — собственно, основные силы — двигалась под командованием принца Леопольда Макса Ангальт-Дессауского, старшего сына старого Дессаусца. Король, сам того не зная, вел всю свою армию, разде-

* Я ужасно огорчен (фр.).

ленную на две части, через фронт основных сил армии неприятеля; маневр безрассуднее этого представить трудно.

Главные силы австрийской армии были сосредоточены к югу от деревни под названием Хотузиц, расположенной на границе между Моравией и Богемией, почти по маршруту движения Леопольда Макса. Когда Фридрих наконец это осознал, то понял, насколько быстро надо действовать: развернуть возглавляемые им передовые части на сто восемьдесят градусов и идти той же дорогой на соединение с войсками Леопольда Макса, чтобы вновь сосредоточить армию. Ситуация, возникшая из-за отсутствия своевременной информации, складывалась очень опасная. Его войскам не хватало продовольствия, обозы из Кёнигсгреца запаздывали. Вечером 16 мая он писал Леопольду Максусу, что из-за крайней усталости войск немедленное выдвижение на соединение с ним невозможно. Однако король выступил в пять часов утра на следующий день, 17 мая, и обе части прусской армии, столь неудачно разделенной, соединились перед деревней Хотузиц, когда только-только начало светать. Леопольд Макс встретил короля в 7.30 утра. Войска принца были уже на позиции, и он получил приказ поспешно развернуть левый фланг, находившийся под его командованием, чтобы встретить наступавших на север австрийцев. Остальные силы, состоящие из передовых войск Фридриха, прибывали по частям и вставали в боевую линию, растянувшуюся на три мили между деревнями Цирквиц на западе и Зехушиц на востоке. Деревня Хотузиц находилась в центре, а сразу на восток от деревни Цирквиц — большой водоем, Цирквицкий пруд. На юге расположились австрийские войска. Боя было явно не избежать. Местность на обоих флангах сильно пересечена и покрыта лесом, в центре линии слегка всхолмленная равнина. Позиция была неплохой.

Все началось с атаки 35 эскадронов прусской кавалерии правого фланга под командованием семидесятилетнего генерала Будденброка против находящейся перед ней левофланговой австрийской кавалерии. Пруссакис сначала добились определенного успеха, охватив левый фланг австрийцев, но затем были мощно контратакованы кавалерией и пехотой противника. К 9.30 утра кавалерия Фридриха была отброшена, одновременно в центре после хаотических стычек кавалерии началась общая свалка. В результате после яростных схваток пехоты прусские войска оставили Хотузиц.

Утро было еще в самом разгаре. Прусская пехота правого фланга пока не участвовала в деле — Фридрих расположил ее в низине за центром правого фланга линии своих войск, непосредственно к западу от Хотузица. В 10.30 пехота, 14 батальонов, выдвинулась из укрытия, развернулась влево и открыла с дальней дистанции продольный огонь по скоплению австрийцев вокруг Хотузица.

Австрийцы дрогнули. К 11 часам утра 17 мая сражение при Хотузице закончилось победой пруссаков. Фридрих потерял примерно 5000 человек. Потери неприятеля, как было потом подсчитано, составили около 6000 человек, включая большое число пленных.

После Хотузица Фридрих пребывал в приподнятом настроении. В письме к Старому Дессаусцу он назвал это *«eine complete victoire»**. Ее нельзя назвать спланированной, когда военачальник видит, что ход событий подтвердил его расчеты и волю. Напротив, Фридрих действовал, опираясь на неверное предположение относительно намерений противника, который, как он полагал, был нацелен на Прагу. Его разведка никуда не годилась, а оценки ситуации были ложными. В результате он разделил армию и оказался вовлеченным в случайное, не планировавшееся им сражение. В этом столкновении ситуацию спасло поведение отдельных частей и офицеров на одном из участков, в данном случае, как и под Мольвицем, — стойкость прусской пехоты, ее выучка, ее сосредоточенный огонь, надежность. Фридрих еще не был опытным и авторитетным военачальником. Со временем армия поверит в него. Сейчас он полагался на армию. Он учился.

Но после каждой набитой шишки и ошибки молодой король оправлялся и делал выводы. «Тот, кто делит свои силы, будет разбит по частям», — написал он в «Наставлениях короля Пруссии своим офицерам» в 1745 году. Самые памятные уроки извлекаются из собственных ошибок. После сражения Фридрих решил, что его армия не в состоянии заниматься преследованием и пользоваться плодами победы. В этом могли быть и политические причины. «Я не хочу бить их слишком жестоко», — сказал он тогда, и, вероятно, это было правдой. Но возможно, король понимал, что измотал солдат на маршах и без необходимости сильно утомил их. Австрийцы стягивали силы из долины Дуная и с остальной территории Богемии, поэтому Фридрих повел армию на удобную для обороны пози-

* полная победа (нем.).

цию у Куттенберга, расположенного к югу от Колина. Он предполагал, что следующее наступление противника ставит целью отбросить французов назад к Праге.

Фридрих уже давно хотел мира. Он надеялся на дипломатию. У него не было никакого желания продолжать эту кампанию, он считал, что на данное время пруссаки сделали достаточно. Позиции в Богемии были сильны, и его присутствие там, угроза, которую оно несло Австрии, являлись большим вкладом в союзническую копилку. Он провел два сражения и ни в одном из них не потерпел поражения. Фридрих уступил значительную часть Моравии, но его коммуникациям с Силезией пока ничто не угрожало.

В течение всего апреля письма короля Подевилёсу касались возможности переговоров. Их поток прервался в начале мая. Возникла необходимость идти на запад и вступать в очередное, второстепенное сражение во имя союза, в который он больше не верил; именно так, больше не верил в его полезность для Пруссии. 26 апреля Фридрих писал, что Мария Терезия не в силах изгнать его из Силезии — и из Богемии, — поэтому почему бы не прийти к разумному согласию? Он надеялся еще раз воспользоваться посредничеством британского посла, Хиндфорда, регулярно информируя при этом французов о своих делах с англичанином, чтобы спасти хоть часть репутации как союзника. Вот и 14 мая, накануне Хотузица, Фридрих сообщил им об отклонении большей части предложений Хиндфорда как недостойных и противных его построениям! Было похоже, что Британия в скором времени открыто выступит в поддержку Марии Терезии, а Франция тем временем просила помощи Фридриха против британских войск в Рейнской земле. Сами союзники практически бездействовали. Война с каждым днем обходилась все дороже. Обеим сторонам должен быть выгоден мир с сохранением статус-кво, хотя, очевидно, Вена едва ли сочтет его окончательным.

Однако 30 мая Фридрих написал, что Хиндфорд «сделал все, что мог сделать честный человек и мудрый посланник». Как и в Кляйн-Шпеллендорфе, Хиндфорд стал посредником в сделке между Фридрихом и Марией Терезией, хотя между этими эпизодами была существенная разница. На этот раз, 9 июня, Фридрих из лагеря в Куттенберге направил Подевилёсу развернутые инструкции, где сообщалось, что переговоры при

посредничестве Хиндфорда должны вестись официально, а не тайно. Подевилс, полностью посвященный в планы Фридриха, получил полномочия заключить договор.

Как обычно, Фридрих подготовил дипломатическое поле при помощи предварительной бомбардировки. 13 июня он пожаловался Флери на неадекватные действия де Брольи, провал которых не позволил ему выполнить задуманное и двигаться к Праге, как всегда, резко отзывался о поведении саксонских союзников. Все это, заявил король Флери, очень неприятно, и он пришел к заключению, что мир необходим, альтернативы нет. На следующий день Фридрих направил командующему неприятельскими войсками, Карлу Лотарингскому, краткое послание, выдержанное в вежливых тонах, которое начиналось словами «Мсье моему кузену». И далее: *«J'ai donné ordre à l'armée de faire cesser toutes les hostilités, vous en ferez autant de votre part»**. Фридрих, по его признанию, предпочитал частичный, сепаратный мир всеобщему, так как он давал Пруссии то, что она хочет, и оставлял Австрию в войне с другими странами. В то же время король послал Вольтеру длинное сочинение в стихах, в котором размышлял о непостоянстве людской славы. «Война, — писал он, — сделала меня еще большим философом».

Первая Силезская война была закончена. Бреславский мир, как его назовут, заключили в столице Силезии в июне 1742 года, а официальный договор подписали в Берлине в июле. Фридрих заявил союзникам — он говорил это уже довольно долгое время, — что продолжение войны Пруссии не по силам. Вслед за договором вскоре появилось соглашение: саксонские войска оставляли Богемию. В конце года был заключен мирный договор между Саксонией и Австрией. Однако для Австрии, которую поддерживала Британия, война продолжалась. Французы и баварцы по-прежнему воевали, но уже без Пруссии. Боевые действия продлятся еще два года.

По условиям Бреславского мира Силезия признавалась за Фридрихом, но с определенными оговорками. В ходе предварительных переговоров возникали споры по мелочам: австрийцы, например, предлагали Фридриху быть просто «правлящим герцогом Нижней Силезии». Подевилс считал предложение неприемлемым. Реакция Фридриха была характерно груба: *«Je*

* Я отдал армии приказ прекратить всякие боевые действия, с Вашей стороны сделайте и Вы то же самое (фр.).

*me f... de titres pourvu que j'ai le pays!»** Прусские войска выво-
дились с австрийских территорий, которые по договору Прус-
сии не отходили. Фридрих отказался от претензий на районы
Пардубица и Кёниггреца. Тем не менее он был признан сувере-
ном графства Глац, этого трапециевидного аппендикса, распо-
ложенного на границе Силезии и Моравских гор.

Сепаратный мир Фридриха, естественно, вызвал сильное
недовольство союзников, Баварии и Франции. Он также по
разным причинам был подвергнут критике со стороны некото-
рых историков, в целом благосклонно относящихся к Фридри-
ху. Учитывая длительную борьбу, которая ждала впереди, они
доказывают, что после Хотузица имелись возможности нанес-
ти австрийцам более тяжелые поражения и получить большие
стратегические выгоды.

Это ретроспективные оценки. Хотузиц не был решающей
победой пруссаков. Фридрих к тому времени знал, что армии
нужны мир и переформирование. Финансы также требовали
пополнения. К сожалению, мир скорее всего будет недолгим;
Фридрих предвидел новую войну, если Мария Терезия сохра-
нит за собой всю Богемию, и у него не было никаких иллюзий
относительно ее отношения к силезскому вопросу. Но на тот
момент мир был необходим Пруссии.

Что касается союзников, то им направили несколько хоро-
шо составленных писем, где подчеркивалась его непреклонность
в деле защиты их интересов, а также указывалось на тяготы,
которые Пруссия несла во имя общего дела. Он напоминал им
о том, какое разочарование порой вызывало их поведение на
театре военных действий. Только необходимость и отсутствие
реальных средств принудили его выйти из войны — «не стоит
винить кого-то за то, что ему не удалось сделать невозмож-
ного!» — печально написал он Флери 18 июня. В письме Бель-
Илю Фридрих довольно лицемерно, хотя в конечном счете
точно, назвал последние события всего лишь «остановкой во-
енных действий», а не общим перемирием, о котором все гово-
рят. Это было правдой, однако Фридрих в это время уже знал,
что подписание официального договора состоится в течение не-
скольких недель. Бель-Иль назвал его предателем, и для боль-
шинства французов он был — на какое-то время — заклеен
как неверный союзник. Флери рыдал.

* Плевать на титулы, лишь бы земля принадлежала мне! (фр.)

Вернувшись в Потсдам, Фридрих написал оду — в нескольких строфах практически прорывались победные нотки — для Вольтера и с головой окунулся в дела прусской армии. Он знал, что ей не долго оставаться без дела, и считал, что здесь многое нужно исправлять.

Прусская армия, которая в 1740 году вторглась в Силезию, насчитывала 27 000 человек и составляла несколько больше одной третьей военных сил, унаследованных Фридрихом от отца. Они состояли из 31 пехотного полка двухбатальонного состава со штатной численностью в 1700 человек и 24 кавалерийских полков, в 850 коней каждый. 13 полков составляли тяжелую кавалерию — кирасир; 11 — легкую, или драгун, которые должны были сражаться и в пешем строю. Планировалось создание легкой пехоты; подразделение егерей сформировано в ротном составе лично Фридрихом в 1746 году.

Кроме того, имелось 9 эскадронов разведывательной кавалерии, или гусар по типу венгерских, известных по всей Европе, — небольшие силы в 1500 разномастных всадников. После Силезских войн Фридрих увеличил их число до 8 полков, почти 7000 всадников, куда вошли ставшие знаменитыми белые, черные, зеленые, красные и голубые гусары. Гусары были вооружены коротким карабином и кривой саблей. Унаследованная Фридрихом артиллерия состояла из одного батальона — 6 рот, где имелись как двенадцатифунтовые орудия, предназначенные для тяжелой бомбардировки, так и легкие пушки, в основном шестифунтовые, для поддержки пехоты. Фридрих планировал в артиллерии нововведения и ее усиление, но это требовало некоторого времени. Он воссоздал незначительные до того инженерные войска и организовал серьезные исследования в области военной инженерии, а также фортификации и крепостного строительства. Все это станет весомым вкладом в успех его кампаний.

В письменных работах Фридрих всегда указывал на недостатки прусской армии, особенно кавалерии. Он настаивал на том, что унаследовал от Фридриха Вильгельма плохую кавалерию, но полон решимости ее усовершенствовать. Первые впечатления часто бывают самыми глубокими, и перед глазами Фридриха стояла прусская кавалерия под Мольтицем. Он писал, что офицеры не знают своего дела, солдаты боятся лошадей; кавалеристы редко занимаются упражнениями в седле. Дисциплина здесь не менее важна, чем в пехоте, а тренировка

более трудоемка, поскольку требуется вырабатывать еще и навыки верховой езды — храбрость всадника находится в прямой зависимости от умения держаться в седле. Кавалерия — дорогой род войск, и важно следить за тем, чтобы деньги расходовались со смыслом. Фридрих внес изменения в подбор лошадей и людей для кавалерии. Его отцу нравились крупные люди на массивных конях. Фридрих же, напротив, считал, что тяжелые кони бесполезны: чуть больше пятнадцати ладоней — пятнадцать и три четверти максимум для тяжелой кавалерии — вот стандартный рост коня. Предпочтение отдавалось конскому составу из Гольштейна и Пруссии, для драгунских частей приобретались и татарские кони. Люди не должны быть выше пяти с половиной футов.

А главное, кавалерию следует тренировать и обучать так же ревностно, как и пехоту. Каждый всадник должен пройти индивидуальную подготовку — сначала на плацу, чтобы получить необходимую выправку и научиться дисциплине; затем в верховой езде — первое время без седла — и одновременно научиться ухаживать за конем. Во время недавних кампаний Фридриха пугало, насколько зачастую плохо обращались с конями. Конечно, все это было не в новинку: Пруссия обладала опытными кавалерийскими командирами и специалистами-коневодами. Поражала, однако, безмерная скрупулезность, с которой король описывал, классифицировал, а порой и усовершенствовал сложившуюся практику.

Фридрих разрабатывал новую теорию использования кавалерии. Он был разочарован — даже потрясен — тем, что увидел под Мольвицем и Хотузицем. Битвы выигрывала пехота. Кавалерия противника в целом показала себя немногим лучше, и у нее печему научиться. Фридрих решил исправить положение и вернуть кавалерии ее место на поле битвы: она должна применяться для *ударного воздействия на противника в нужном месте*.

Это, с точки зрения Фридриха, означало, что холодное оружие, основное оружие кавалериста, будет использоваться главным образом для колющих ударов, эффект усиливается увеличением скорости атаки. Поэтому он ввел прямой обоюдоострый клинок длиной в сорок дюймов, который для его целей был эффективнее кривой сабли. Король видел кавалерийские массы, нацеливающие удары перед собой и наступающие в плотном строю, стремя в стремя. Что касается скорости, то кавалерия Фридриха Вильгельма была обучена идти в атаку медленной рысью, каждый

всадник рассчитывал на индивидуальную схватку с использованием рубящих и колющих ударов кривой саблей. Несмотря на бытовавшее общее мнение, что парирование скорости ведет к утрате контроля, Фридрих пошел и здесь на изменения. Сначала он приказывал, чтобы атакующие всадники переходили в галоп примерно в тридцати шагах от неприятеля, но после Хотузица увеличил это расстояние до 100 шагов, а еще позже до 200. Король создавал дисциплинированный, хорошо контролируемый, мощный и паводящий страх род войск и полагал, что кавалерия будет задавать тон во время кампании.

Фридрих, однако, признавал, что в настоящее время сила прусской армии полностью зависит от пехоты. Он в долгу перед прусскими пехотинцами в их камзолах цвета берлинской лазури поверх белых жилетов, белых штанах с черными гетрами и ботинками, в треуголках или гренадерских касках, перед этими ужасными «живыми стенами», которые беспощадно, в идеальном порядке продвигаются на противника. У него был и непосредственный опыт в области организации и обучения пехоты: его полк в Нейруппине был пехотным. Пехоту отличал *дух корпоративности*. Солдат, много позже писал Фридрих, имеющий богатый опыт войны и жизни в армейском коллективе, должен *«считать свой полк лучшим в сравнении со всеми войсками мира!»*. Как и повсюду, дисциплина является существенной составляющей, и в случае колебания по поводу того, нужно подчиняться или нет, необходимо суровое наказание. Но есть и другая сторона, писал он. Солдат никогда не будет выполнять свой долг, если офицер не способен выполнять свой.

Физические данные пехотинца уже не играют большой роли. Огневая мощь обесценила этот фактор. От солдата требовалось лишь, чтобы он мог нести на марше необходимый вес и обращаться с оружием. Главное, пехота должна быть достаточной по *численности*. Король потерял много людей за войну и в сражениях, и в мелких стычках, было немало и дезертиров — вечная причина уменьшения личного состава в армиях восемнадцатого века, где многие солдаты — не известно откуда пришедшие наемники. Конечно, в армии Фридриха имелись также потери и от болезней, хотя медицинский уход в ней по стандартам того времени был на высоте. Он писал, что уход за больными и ранеными с обеих сторон — первостепенная обязанность командира. Гуманность и здравый смысл в равной степени требовали отеческого отношения к тем, кто рискует жизнями ради страны; важно неукоснительно

следить за тем, чтобы полевые госпитали были снабжены всем необходимым. Тем не менее количество солдат в строю заметно сократилось, особенно в пехоте. Людские ресурсы всегда представляли проблему. Армия пополнялась по большей части за счет вербовки солдат в своей стране, а также и за счет пленных солдат неприятеля, которые, как часто случалось в восемнадцатом веке, могли переметнуться без особого труда. Фридрих запрещал объединять солдат из разных полков, которые не знали друг друга. Сформированные и обученные батальоны должны сохраняться как таковые. Тогда хорошо подготовленные, обладающие высоким моральным духом пехотные подразделения станут отрядом братьев «ловких, находчивых и подвижных». «Я никогда не видел ничего, что могло бы сравниться по красоте, — писал один французский полковник королю Людовику XV, — с прусскими войсками на марше — с их порядком и дисциплиной».

Сражения выигрывались благодаря точности маневров и мощности огня: и в то и в другое Фридрих внес коррективы. Основным вооружением пехоты был гладкоствольный мушкет калибром три четверти дюйма, длиной три с половиной фута, заряжающийся при помощи железного шомпола со съёмным штыком; на перезарядку уходило примерно девять секунд, и скорострельность составляла пять-шесть выстрелов в минуту. По системе, унаследованной Фридрихом от отца, а никакие изменения или эксперименты при Фридрихе Вильгельме были невозможны, пехота вела огонь повзводно. Батальон состоял из восьми взводов, в каждом примерно по 100 человек — фактически современная рота. Два взвода обычно для тактических целей объединялись под командой одного капитана. Теоретически огонь повзводно обеспечивал непрерывную стрельбу различных участков линии войск, позволяя прикрывать довольно долгий процесс перезарядки мушкетов; однако его было трудно контролировать, а попытки обеспечить контроль, устанавливая между взводами очередность, вели к сложностям и снижали эффективность стрельбы.

Фридрих считал — это мнение лишь окрепло с годами, — что обмен огнем в упор ведет к потерям в живой силе и редко влияет на исход сражений, тогда как малая точность и невысокая скорость перезарядки мушкетов ставили под вопрос ценность стрельбы с большой дистанции. Но его впечатлял *моральный эффект*, который производит его пехота, проявившийся особенно под Хотузицем. Она открывала тогда огонь с большой дистанции, но именно ее присутствие, мощный вид, явная готовность к наступлению, бес-

попядность, неумолимость, Фридрих был в этом уверен, решили исход сражения. Главное в пехоте — безупречность перестроений и мерный шаг в наступлении. Он ввел в прусской армии полковое построение в три шеренги, в которых солдаты располагаются плечом к плечу. В наступлении солдаты двигались на противника с примкнутыми штыками, делая девяносто шагов в минуту, на финальном отрезке перед самой линией противника частота марша должна быть снижена до семидесяти шагов в минуту, что, например, соответствует британской церемониальной «медленной маршировке». Это делалось намеренно. Непреклонно. Столкнувшись с таким строем, не устоит ни один враг, а цель — именно заставить врага дрогнуть, а не прореживать его шеренги мушкетным огнем с неэффективного расстояния. Огнем повзводно можно встречать атаки кавалерии, но для победы в пешем строю, к которой должен стремиться каждый прусский военачальник, лозунгом должно стать: «Вперед, на сближение с противником!» Он написал это, несмотря на имевшийся опыт применения прусской пехотой продольного огня в сражении под Хотузицем; но там противник перед пруссаками — в основном расстроенные массы кавалерии, а не линия пехоты — был дезорганизован и потому уязвим. Что касается непосредственного тылового обеспечения, то его первый эшелон в каждом полку состоял из одной повозки на взвод, двенадцати повозок — теоретически шестидневный запас — с хлебом на полк и одной «хирургической повозки».

В области артиллерии, как во всех армиях и во все времена, Фридрих экспериментировал с различным весом и калибрами, стремясь найти идеальное соотношение между весом снаряда, дальностью стрельбы и мобильностью орудия. Большую часть жизни он сталкивался с превосходящей и развивающейся артиллерией австрийцев. Придет час, когда Фридрих сам развернет прекрасную артиллерию, ей не будет равных на европейских полях сражений в течение сорока лет; но для этого требовалось время. Предстояло еще многое сделать в области производства вооружения и боеприпасов, но к реализации большей части планов приступили, только когда разразилась следующая война. Занимаясь артиллерией, как и в случае с другими родами войск, Фридрих одновременно размышлял о тактике, организации и технологии.

Фридрих ввел новую легкую пушку, трехфунтовую пушку для поддержки пехоты. Весила она меньше пятисот фунтов, перевозилась тремя лошадьми и предназначалась, по мнению короля, для непосредственной поддержки, находясь в полко-

вом подчинении. Это оружие должно было играть в определенной степени ту же роль, что и немецкое штурмовое в последующие годы. Король находился под впечатлением от полковых пушек, которые он уже видел в деле, но они слишком тяжелы, медленны и недостаточно мобильны. Для выполнения непосредственных тактических задач в постоянно меняющейся ситуации орудия должны быть легкими. Новые легкие пушки появились во всех полках вскоре после заключения Бреславского мира. Позже он проводил эксперименты над несколькими образцами довольно тяжелых, шестифунтовых, орудий, также предназначавшихся для непосредственной поддержки. Более тяжелую артиллерию Фридриха — двенадцатифунтовые орудия различных марок — можно было сосредоточивать в большом количестве для оперативных целей, как впоследствии Наполеон сконцентрирует артиллерию в «большие батареи» для создания превосходства на отдельных участках поля битвы. И по крайней мере один раз для подавления батареи противника он использовал гаубичный, навесной, огонь с большим углом возвышения — пушки были применены против пушек новым для восемнадцатого века способом. Применялась стрельба и ядрами, и картечью — небольшими пулями, разлетающимися из взрывающегося снаряда. В конце жизни Фридрих сформировал несколько бригад конной артиллерии: шестифунтовые пушки перевозились специально отобранными конями, были предназначены для поддержки кавалерии и способны передвигаться с той же скоростью, что и кавалерия. Для перевозки тяжелых орудий во время кампаний в основном реквизировались крестьянские кони.

Во всех родах прусских войск поддерживалась жесточайшая дисциплина. Фридрих от природы был гуманным человеком. Многие рассказы свидетельствуют о его доброте и сочувствии к отдельным людям различных званий, в мундирах и без них. Не было ничего показного в отеческих чувствах, которые он питал к солдатам и которые они ощущали. Когда один унтер-офицер из Бевернского полка окончательно выбился из сил во время перехода в Колин в июне 1757 года, Фридрих обратился к нему:

«Что с тобой?»

«Этот марш мне не выдержать».

«Как давно служишь?»

«Сорок пять лет, начал еще при короле, вашем отце».

«Отлично! Когда встанем на зимние квартиры, я положу тебе пенсию».

«Хуже бесчестия не придумаешь, — был ответ. — Я буду жить и умру солдатом».

Тем же вечером Фридрих прислал ему верховую лошадь, а зимой 1757 года вручил патент на лейтенантский чин, сделав самым старым лейтенантом в гарнизонном полку. Большинство анекдотов о поведении Фридриха во время кампаний кажутся остроумными, которыми он любил обмениваться с солдатами, а они с ним. Он был *Alter Fritz**. Тем не менее король верил, что дисциплина — основа армии. Она означала точность и внимание к внешнему виду, субординацию и подчинение, требовала изысканий, наказаний.

Как и в других армиях, за обычное нарушение следовала порка. Тяжелые проступки влекли смерть через повешение или расстрел. Почти смертным приговором, самым страшным официальным наказанием был *Gassen laufen* — прогон сквозь строй. Обычно к нему приговаривал военный суд за дезертирство. Две шеренги солдат, развернутые лицом друг к другу, образовывали коридор. Каждый солдат был вооружен ореховым прутом. Приговоренный, обнаженный по пояс, шел по коридору так, чтобы каждый солдат мог ударить его. Бежать ему запрещалось, за этим следил унтер-офицер, который шел спиной вперед перед приговоренным, держа его на прицеле карабина. В конце коридора он разворачивался, и все повторялось до тех пор, пока он не проходил по коридору указанное в приговоре количество раз — за дезертирство, совершенное впервые, полагалось двенадцать прогонов. Максимально разрешенное приговором количество — тридцать шесть — исполнялось в три дня.

Теоретически двенадцать прогонов означали, что по голой спине и плечам в течение двадцати пяти минут будет нанесено 2400 ударов прутом, хотя, видимо, в действительности количество ударов могло быть и меньше. Наказание было жестоким, но его следует сравнить с приговорами, которые выносились в то время, например в британской армии, где могли присудить 2000 ударов кнутом**, которые выполняли барабанщики, сменяясь после каждых двадцати пяти ударов.

* Страница Фриц (нем.).

** В исключительном случае. Но несколько сотен ударов были частым явлением. Максимальное количество ударов было установлено в 1000 в 1807 году — до этого времени количество не лимитировалось; при этом у кнута было девять хвостов. — *Примеч. авт.*

Дисциплина и наказания были неизбежной и жестокой частью армейской жизни. Однако больше всего Фридриха занимало обучение войск. Многие из его письменных работ посвящены обучению. Он писал, что во время войны для тренировки должна использоваться каждая возможность. Индивидуальная подготовка солдата является основным элементом. Важна полевая выучка, а также маневры, взаимодействие родов войск. Столь же жизненно важной была подготовка командиров. Кое-что из программы может показаться чересчур самонадеянным для человека, чей собственный опыт пока ограничен, но нельзя недооценивать того, что Фридрих много читал и размышлял и из этого делал выводы. Король часто созывал офицеров для проведения дней подготовки, штабных инспекций, обсуждений. Он верил в возможность пайти критические пункты на данной местности и с помощью воображения совместить их с определенной тактической ситуацией. «Охота может быть полезна!» — говорил он офицерам, хотя сам ненавидел любой кровавый спорт. «Путешествия и прогулки могут быть полезны!» «Посмотрите на участок местности, — советовал им Фридрих, — потом вообразите, что вам нужно атаковать его — это пост неприятеля. Как? Или защищать его. Тоже как?» Прогуливаясь пешком или верхом, говорил он, «делайте это постоянно. И все время прикидывайте расстояние, оценивайте его. Потом измеряйте. Приучайте себя». Бытуют воспоминания о лорде Горте, знаменитом кавалере Креста Виктории, обожавшем дисциплину офицере, главнокомандующем британскими экспедиционными войсками в обреченной на поражение кампании 1940 года. «Как вы думаете атаковать воп тот холм? — внезапно рывал Горт на какого-нибудь офицера. — Нечего раздумывать, говорите!» Эта практика восходит прямо к Фридриху. И она вполне себя оправдывает, поскольку подчеркивает достоинства интуиции и необходимость тренировать чутье. Позднее, уже накопив собственный большой опыт, он писал, что пренебрежение обучением генералов и офицеров было причиной многих проигранных битв. Теперь же, в 1743 году, после окончания войны король провел масштабные осенние маневры с участием всех родов войск, которые длились несколько дней. В ходе маневров проигрывались различные этапы сражений, а руководил всем лично неутомимый Фридрих.

Фридриху было тридцать лет. Он уже восседал на троне ровно два года. За это время король провел военную кампанию, имевшую серьезные последствия, и приобрел для Прус-

сии провинцию, которую считал своей по праву, значительно расширившую и обогатившую королевство. Фридрих выступил против, по его мнению, незаконных притязаний величайшей державы Центральной Европы и получил Силезию. Теперь ее надо удержать.

Фридрих трепетно заботился о Силезии — прекрасной провинции с красивым пародом. Ему постоянно нужно было оправдывать перед самим собой и перед историей прусское приобретение. Он возложил на одного из министров особую ответственность за дела Силезии, и в конце концов вопросами провинции стал ведать отдельный департамент, а не Генеральная директория. Король с гордостью говорил, что всего через несколько лет четверть всех доходов прусского государства будет поступать из Силезии. Фридрих проявлял громадный интерес к развитию экономики Силезии. Уже после смерти Фридриха провинция станет одним из богатейших районов Европы, знаменитым горнодобывающей и тяжелой индустрией. В то же время там развивалось производство льняных тканей, которое он поощрял. Знаменита провинция была и ткачеством. Он завез сюда овец-мериносов и всячески поддерживал сельское хозяйство Силезии.

В политических воззрениях Фридрих всю жизнь был крайне автократичен. Он гордился тем, что является продуктом эпохи Просвещения в вопросах философии и техники, но оставался человеком своего времени. Идеи, хоть отдаленно напоминающие демократические, воспринимались как абсурд, безрассудство. Тем не менее Фридрих выступал против того, в чем видел устаревшее и гнетущее феодальное право, следы несправедливого правления знати; решив, что именно это встретил в Силезии, он принялся искоренять существовавшие там порядки. Как считал Фридрих, справедливый монарх, мудрый и беспристрастный, в качестве одной из главных имел обязанность предотвращать несправедливое обращение одного класса подданных с другим. Король преобразовал Силезию, и сделал это очень быстро.

Однако он всегда ясно понимал, что внутренне Силезия разделена по религиозному принципу. Фридрих искренне верил в религиозную терпимость и пытался распространить ее всюду, где находил это необходимым и возможным. *«Не должно быть никакой чрезмерной горячки в отношении папистов — или наоборот!»* — инструктировал он пасторика своего племянника, юного принца Фридриха Вильгельма, и сам дух это-

го приказа был характерен для него. Фридрих понимал, что поддержка и сопротивление ему в Силезии зачастую и естественным образом соответствуют линиям конфессионального раздела, но стремился быть беспристрастным. Порой он писал, особенно протестантским правителям, симпатии которых хотел списать, о терпящих бедствия, несчастных протестантах, проживающих в провинции королевы Венгрии, он же не имеет намерения использовать религиозные пристрастия в своих интересах. Фридрих хотел быть признанным всеми, и в целом его признали, хотя при общей лояльности к его власти встречались и исключения. Графством Глац довольно строго управлял его друг-гугенот де ла Мотт Фуке, и при нем был случай, когда за отказ нарушить тайну исповеди повесили монаха, отца Фаулхабера; ему вменили в вину то, что он советовал солдатам-католикам дезертировать со службы протестантскому монарху; он это отвергал.

Фридрих пока не завоевал репутации великого полководца или выдающегося военачальника. Во время ведения военных действий в составе коалиции выбор труден, он обычно основывается на балансе непростых военных и политических факторов. Фридрих, доверяя собственной интуиции, принимал решения, выгодные для безопасности Пруссии. По всем вопросам для него главным критерием были прусские интересы. Он стоял лицом к лицу с основной армией Австрии и дважды выиграл. Сражение, проведенное прусской армией, стало значительным вкладом в союзные усилия. Оно не вынудило Марию Терезию искать мира, но не позволило выгнать пруссаков из Силезии и создало вполне приемлемое соотношение сил для последующих этапов борьбы и на военном, и на дипломатическом театре. Когда Фридрих обдумывал кампанию в целом и свои действия между сражениями при Мольвице и Хотузице, то видел, что выдвижение в Моравию было вполне разумным. Общее наступление союзников в направлении Вены какое-то время казалось возможным, и в этом случае Пруссия поддержала бы его; когда же ситуация изменилась и австрийцы стали угрожать французам, баварцам и саксонцам, Фридрих предпринял кое-какие действия, нацеленные на то, чтобы помочь им. Они включали движение в глубь Моравии и в результате увеличение глубины обороны Силезии.

Король не переставал заявлять, что его базовая стратегия была, по существу, оборонительной. Порой он прибегал к оперативной-

му наступлению под давлением союзников или проводил упреждающее наступление, как предсказывалось в «Анти-Макиавелли». Но цель заключалась в защите своих приобретений, в соблюдении интересов народа, которым управлял. В том числе и интересов силезцев. Что же касается недобросовестности по отношению к временным союзникам — Фридриха в этом обвиняли чаще всего, — то и здесь он был по-своему постоянен. Он не лгал себе. В политике монарх должен быть мудр как змея, обязан призвать на помощь все таланты и знания; если он этого не сделает, то тем самым предаст свой народ. Если интересы народа требуют временного мира, надо обеспечить его. Потому что люди есть люди, а общественные явления есть общественные явления, правитель не может исполнить свой долг, не прибегая к хитрости и обману. А поскольку во внешней политике должны соблюдаться нормы вежливости, высокой культуры, хитрость и обман оказываются особенно отвратительными. Однако они являются необходимой частью обязанностей монарха. Фридрих оправдывал каждый шаг, каждую инициативу, каждое изменение политического курса долгом перед Пруссией.

А главное, Фридрих ясно понимал, что свобода и независимость прусских подданных зависели от армии. Его энергия и инициативность завоевали для Пруссии новое место в империи и в Европе. За два года Пруссия стала совсем другим государством. Но без армии Фридрих не добился бы ничего. Это она, особенно дисциплинированные «живые стены» прусской пехоты, создала королю Пруссии новый, пугающий имидж среди государств Европы. Он понял, что австрийским войскам внушает страх уже само их присутствие, и это его радовало. Только при таком психологическом воздействии Пруссия могла надеяться на безопасность. «Что касается безопасности наших новых владений в будущем, — писал он Подевилеусу, — то я базирую ее на доброй и большой армии, полной казне и крепких бастионах и на демонстрации альянсов, которые впечатляли бы людей!»

А о том, придется ли этой армии вновь воевать и когда это случится, Фридрих позже писал, что было бы роковой ошибкой доверять примирившемуся врагу: «Недоверие — мать безопасности». Пруссия временно не сражалась, но и миром это назвать было нельзя.

Глава 6

КОКТЕЙЛЬ ИЗ ПРОТИВНИКОВ

Выдающейся женщине, с которой Фридриху пришлось большую часть жизни находиться в состоянии жестокой войны, было всего двадцать пять лет. Мария Терезия, кузина его жены, в отличие от Фридриха состояла в счастливом браке, ей предстояло родить шестнадцать детей. Она любила мужа, Франца Лотарингского, за которого вышла замуж в 1736 году, и была горько разочарована, когда курфюрсты империи не оправдали ее надежд и не предложили ему имперскую корону. Мария Терезия, эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии, которая в 1743 году получит и корону Богемии (в ходе недавней войны узурпированную Карлом Альбертом Баварским), ощущала глубокую ответственность как перед своими многочисленными народами, так и за судьбу династии Габсбургов. Умная, красивая и обаятельная, она в большей степени, чем остальные монархи, была способна завоевывать преданность и сочувствие людей, обладала даром внушения. «Достижения этой женщины, — писал о ней Фридрих, — это достижения великого человека».

Как и Фридрих, Мария Терезия свято верила в право и обязанность суверена править безраздельно — гуманно, мудро, на основе максимальной благожелательности и согласия, — но безраздельно. Как и Фридрих, она была честна перед собой — каждый готов лгать другим, если того требует долг, но дурачить себя — это нелепо и обрекает на провал.

И, как и Фридриха, ее мучила проблема Силезии.

Фридрих не питал иллюзий относительно силы воли Марии Терезии. Он мог говорить о ней в резких выражениях: «Мой самый безжалостный враг... это существо, которое я не могу назвать по имени без того, чтобы в моих жилах не стыла кровь, эта Медея...» И в то же время восхищаться: «Я должен отдать ей справедливость. Монархини, подобные ей, встречаются крайне редко». Политические обстоятельства к тому времени их немало сблизили, но Фридрих с самого начала рассматривал Марию Терезию в качестве великодушного, смелого и упорного противника, который, возможно, как никто другой заслуживает уважения. Но их интересы, однако, не совпадали, никто не поступался своими притязаниями, спор мог быть решен поэтому только военным превосходством. Фридрих знал, что Мария Терезия никогда не смирится с потерей Силезии без борьбы. У этого поединка будет много раундов. «Из всех государств, — писал он в 1752 году, — наибольшее оскорбление мы нанесли Австрии. Она никогда не простит потери Силезии и усекования ее господства в Германии».

Фридрих хотел создать ситуацию, когда он сможет счесть Пруссию в безопасности, в покое, с признанным статусом великой державы. Между тем было ясно, что это время наступит не скоро. Фридрих жил, ожидая реванша и передела земель. Пруссия рисковала остаться в Европе в изоляции. Он принимал это, даже торопился, проводя независимую политику; но когда война вновь маячила на горизонте, такое положение не радовало. А рано или поздно Пруссии, видимо, снова придется воевать. Вопрос заключался в том, когда и с какими союзниками, если таковые будут, и что послужит поводом. Фридрих понимал, что заключенный сепаратный мир сильно разозлил его недавних союзников, и он напоминал Флери о том, насколько непримиримость Австрии угрожает занятой французами Лотарингии, равно как и прусским владениям в Силезии. Здесь прослеживались параллели, и они пока могли иметь общие позиции.

Интересы Флери состояли в том, чтобы нанести удар по престижу Австрии, как это и сделал Фридрих. Ему были чужды территориальные разногласия внутри Германии, если они не затрагивали баланса сил между Габсбургами и Бурбонами.

Положение французских войск было трудным и опасным. В ноябре 1741 года они захватили Прагу, но из-за контрнаступления австрийцев оказались в ловушке. Хотя операции Фридриха, предшествовавшие Хотузицу, приостановили про-

движение неприятеля, французы в результате Бреславского мира были, по сути, окружены в районе столицы Богемии. Численность их войск, которыми командовал Бель-Иль, сократилась до 14 000, а то, что Фридрих в июне 1741 года назвал «прекращением военных действий», привело к изоляции и сделало уязвимыми для австрийских ударов. Понятно, какой гнев это вызвало у Бель-Иля. Его армия была в опасности.

В августе 1742 года австрийцы потребовали, чтобы французы в обмен на беспрепятственный отход из Богемии связали себя обязательством оставить германские земли, занятые к тому времени, — унижительное условие, отвергнутое с гневом. Вместе с тем стало очевидно, что их войска, окруженные у Праги, рассматривались противником в качестве заложников. Между тем французская армия под командованием маршала Мальбуа успешно продвинулась в Богемию из Северной Германии и вынудила австрийцев к передислокации. Однако гарнизон Праги по-прежнему оставался в окружении. Фридрих, наблюдавший за ходом событий со стороны, сообщил Валори, что *очарован* маневром, и подтвердил приверженность союзу с французами; он был далек от того, чтобы разделять *l'enthousiasme anglais**. В Париже это вызвало кислую мину, и Фридрих по своему обыкновению написал 27 августа, что, как ни жаль, кардинал Флери все еще относится к нему с подозрением. Это удивляет. Францции нечего бояться со стороны Пруссии.

Перед тем как двинуться на юг, армия Мальбуа была расквартирована в Северной Германии, в Вестфалии. Такое расположение эффективно блокировало любое движение ганноверских войск, нацеленное на соединение с силами антифранцузской коалиции, группировавшимися в Нидерландах. Теперь же эта преграда была устранена, и 24 августа частям ганноверских войск отдали приказ на движение в западном направлении для объединения с союзниками. Британскими войсками командовал граф Стэйр, надеявшийся, что если удастся провести согласованные действия, то возможны будут значительные операции против французов — нападение на Дюнкерк или даже угроза самому Парижу. Они должны завершиться до наступления зимы, но если этого не удастся добиться, то можно предпринять наступление на восток против французов в Германии, которые не приняли участия в наступлении Мальбуа, согласовав его с действиями австрийцев из Австрии и Богемии.

* энтузиазм англичан (*фр.*).

Нечто подобное произошло в следующем году, по осени 1742 года в британском правительстве и в британском штабе в Ганновере сохранялись разногласия по поводу того, что следует предпринять и какую роль предназначить различным германским государствам. Британия пока не находилась в состоянии войны с Францией, так же как и Франция, поддерживавшая Баварию, не состояла в войне с Австрией. Этот конфликт впоследствии получит название «войны за Австрийское наследство», однако он не имел ничего общего с австрийским наследством в прямом смысле слова. С одной стороны, он был связан с борьбой Франции за господство в Европе и с ее соперничеством с Британией за господство на море. С другой — он имел более далеко идущие последствия — борьба за лидерство и за определение характера государства Германии.

Король Пруссии при посредничестве британского посла заключил мир с Австрией и отошел от Франции, какие бы заявления он при этом ни делал. Насколько этот маневр можно считать постоянным курсом, и каковы другие его цели? Заявленное Фридрихом дистанцирование от *энтузиазма англичан*, вероятно, не осталось в тайне от Лондона. Фридрих провел первые недели сентября 1742 года в Ахене, а в августе по дороге туда завернул в Клев. В Клеве он встретился с графом Отто фон Подевильсом, племянником главного министра, исполнявшего обязанности прусского посланника в Нидерландах. Он только что виделся с лордом Стэйром, британским главнокомандующим. Семидесятилетний Стэйр, в то время это было общепринятой практикой, выполнял и дипломатические, и военные функции: был послом и полномочным представителем в Гааге и одновременно главнокомандующим войсками.

Подевильс встретился с Фридрихом в клеветском замке 28 августа в пять часов утра. Фридрих никогда не любил рано вставать, тем не менее зимой и летом в пять или шесть часов утра он уже работал. Последовавший затем доклад в Берлин не содержит ничего необычного, однако живо и образно передает мысли и поведение Фридриха.

«Я пошел Его Величество пьющим кофе. «Ну, что сказал Стэйр? Может он предложить что-нибудь новое?»

Подевильс отвечал, что Стэйр, похоже, более чем когда-либо тверд в своем мнении и он, Подевильс, начинает сомневаться в возможности его разубедить. Для лорда Стэйра, для всякого представителя британского правительства очевидно: каждый

здравомыслящий германский монарх должен объединиться с остальными против Франции и немедленно открыть военные действия. Для Фридриха же она, по крайней мере в тот момент, была союзницей, к помощи которой он прибегает против непреклонного врага Пруссии, Австрии.

Фридрих выслушал мнение Стэйра о немедленном открытии военных действий. «Он, должно быть, сошел с ума! Немыслимо, чтобы разумный человек мог думать такое!» Подевильс ответил, что при обсуждении других вопросов Стэйр кажется вполне здравомыслящим, но в этом непреклонен. Он выступает за наступление объединенных германских войск в направлении среднего течения Рейна.

Фридрих учинил допрос:

«Он и вправду полагает, что в состоянии взять Страсбург и так далее? Незамедлительно?»

«Стэйр совершенно в этом уверен, сир».

«Как он может вообразить, что империя согласится объявить Франции войну? Да даже если она на это пойдет, я своего согласия не дам».

Подевильс объяснил, что безуспешно пытался убедить лорда Стэйра в том, что его идеи совершенно не реалистичны. Но «он ответил, что я говорю об империи, словно это Китай! Ему лучше знать! Все германские монархи жаждут войны с Францией!»

Фридрих вставлял замечания. В течение всего разговора, сообщал Подевильс, король непрерывно мерил комнату шагами и был в самом веселом настроении — *«la meilleure humeur du monde»*.

«Если он скажет такое еще раз, объяви ему, что он англичанин, а ты немец, лучше знаешь империю! Скажи ему — так, словно это твоя собственная мысль, — что не понимаешь, почему я встаю на сторону королевы Венгрии... попытайся заставить лорда Стэйра понять, что требования императора* совершенно разумны...»

Чуть позже король быстро задал Подевильсу несколько вопросов. «Скажи мне, ничего не скрывая, верят ли люди в Голландии в то, что я задал австрийцам настоящую взбучку под Хотузицем?»

* Императором был по-прежнему курфюрст Баварии, союзник Франции. Но заявления Фридриха явная хитрость. Едва ли он «вставал на сторону королевы Венгрии». — *Примеч. авт.*

Хорошо информированные люди верят, тактично ответил тот, но в основном стараются как можно сильнее приуменьшить победу. Это все из ненависти к Франции и симпатии к Марии Терезии. Объяви Фридрих себя врагом Франции, тут же станет в Голландии столь же популярен, как и любой другой европейский монарх.

Фридрих выслушал. «Нет, я этого не сделаю. Почему люди так ненавидят Францию?»

«В память о множестве *«guerres sanglantes avec cette puissance»**, — сказал Подевилльс. Затем они поговорили о политике Австрии и Британии, о недавнем марше войск Мальбуа из Вестфалии в Богемию. Фридрих вновь вернулся к Стэйру и высказал надежду, что лорд не придет в Ахен.

Король вернулся в Потсдам в середине сентября, а через два месяца подписал договор об оборонительном союзе с Британией, в соответствии с которым участники соглашения гарантировали европейские владения друг друга и принимали обязательство предоставить войска — максимум по 10 000 — для его обеспечения, если того потребуют обстоятельства. Вряд ли Фридрих смог бы воспользоваться помощью Британии, напади на него Австрия, но он в очередной раз получил британские санкции на его владения в Силезии, а король Георг II — гарантии в отношении Ганновера. События развивались для Франции неблагоприятно.

Вялая осада австрийцами Праги была снята в сентябре 1742 года, а в декабре Бель-Иль двигался на запад с остатками — примерно 14 000 штыков — французской армии, которая так победоносно прошла Богемию в прошлом году. Этот блестяще выполненный отход, очень своевременный, так как наступила зима, был для Франции унижением. Французы приписали свои неудачи уловкам и хитростям Фридриха.

Император, курфюрст Баварии, в войне выступал как прикрытия Франции и теперь, естественно, был явно разочарован. Значительную часть его собственных владений захватили австрийцы, правда, позже Бель-Иль отвоевал их. Он полагал, что мало получил от Франции. Во Франции же его считали ненадежным человеком, без всякого влияния, средств и армии. В январе 1743 года в возрасте восьмидесяти девяти лет умер кардинал Флери.

* кровавых войн с этой державой (фр.).

* * *

Осенью 1742 года Фридрих предложил Вольтеру встретиться в Ахене, «*la capitale de Charlemagne*»*, по болезнь, которая, как говорил Вольтер, принесла ему глухоту, сначала не позволяла ей состояться. Тем временем их письма друг другу были, как и прежде, теплы и полны комплиментов, а также, как и прежде, содержали остроумные издевки над христианской догмой, были украшены стихами и классическими образами. Фридрих с радостью отослал новые сочинения на рецензию тому, кого он называл «*Votre Humanité*»**. Мир и весна вернулись на землю.

Вольтера несколько встревожило вторжение в Силезию. Фридрих-воин, описанный королем как «перевбежчик от Аполлона к Беллоне»***, действовал в сферах, где Вольтер был некомпетентен и где, как он боялся, его интеллектуальное превосходство будет не столь очевидно. Вольтер тем не менее не жалел для Фридриха лести, называл его «мой Герой»; «мой Король»; «Великий Аполлон Германский» и так далее. Он также подробно информировал кардинала Флери, время от времени пересылая ему письма короля, демонстрировавшие близость отношений Вольтера с ним. В Париже надеялись, что Вольтеру лучше, чем самому изощренному дипломату, удастся выведать истинные мысли и намерения Фридриха, и его отношения с королем активно поощрялись. Со своей же стороны он надеялся на тайную благожелательность французского правительства.

Его влияние на Фридриха, когда дело выходило за рамки обычных обменов мнениями в области литературы и философии, имело границы. Он сделал ошибку — а ошибкой была сама попытка воспользоваться их отношениями, — упомянув в письме из Брюсселя от 2 октября 1742 года о злоключениях некоей графини Вальдштейн. Эта дама, урожденная Пальффи, пыталась привлечь внимание Вольтера к судьбе барона Фюрстенбурга, приговоренного к шести месяцам заключения в крепости в прусском городе Везеле. Вольтер написал длинное послание в стихах, описывая красоту дамы и ее печаль:

* столице Карла Великого (фр.).

** Ваша Гуманность (фр.).

*** Беллона — в римской мифологии богиня войны. Изображалась с мечом или бичом, часто в центре битвы, на колеснице.

*Je lui demandai pourquoi
Ses beaux yeux versaient des larmes.
Elle, d'un ton plein de charmes,
Dit: «C'est la faute du Roi!»* —*

и игриво продолжал в том духе, что он, Вольтер, сказал графине: либо Фюрстенбурга придется освободить при помощи армии в 100 000 штыков, либо — что более падежно — следует обратиться к «*ce premier roi de l'univers*»**, признающему верховенство «*belle command*»*** Любви.

В ответном письме Фридриха — размышления на историческую тему и стихи. О графине Вальдштейн, он назвал ее Валленштейн, и бароне Фюрстенбурге, «ее так называемом племяннике», написаны три короткие строки: король не знает ее, а Фюрстенбург нарушил субординацию. И все. Бурный призыв Вольтера оказался не в состоянии растопить холод его сердца. И было глупо рассчитывать на это. Через несколько недель Вольтер предпринял столь же дерзкую попытку раздобыть деньги — два с половиной миллиона флоринов — для семьи полковника, сформировавшего для соединенных провинций полк на свои средства. Деньги ему не вернули. Не мог бы Фридрих авансировать их, а затем получить долг через выкуп голландцами закладных в Силезии?

Никакого ответа.

Обмены литературными опытами, однако, продолжались, а взаимная лесть стала еще цветистее. Вольтер без зазрения совести сравнивал Фридриха с Цезарем, Августом, Антонием. Фридрих приглашал его посетить Потсдам — и в июне 1743 года был вознагражден за свою пастойчивость. Вольтер заинтересовался, когда было бы удобно провести несколько дней «*auprès de ton héros*»****; в ответе Фридриха говорилось, что Франция оказалась неспособной оценить великого человека, которому он, король Пруссии, обещает достойные условия жизни. Вольтер должен оставить Францию и переехать в Берлин. Он приехал в конце августа 1743 года.

* Я спросил, почему из ее прекрасных глаз источаются слезы. Она очаровательным голосом произнесла: «В этом виноват король!» (фр.)

** к этому первому королю вселенной (фр.).

*** прекрасной власти (фр.).

**** подле моего героя (фр.).

* * *

В 1743 году война в Германии продолжалась. Фридрих следил за ней со стороны. Прусский король писал вежливые, зачастую экспансивные письма к Людовику XV, Валори, по-прежнему находившемуся в Берлине, Георгу II, германским курфюрстам; делал бескомпромиссные и четкие пометки на полях периодических докладов Подевилльса относительно международной политики: «Хорошо», «Да», «Это хорошо»; предписывал послам, как им следует влиять на переговоры, ведущиеся третьими, четвертыми странами, с тем чтобы не заключались соглашения, неблагоприятные для интересов Пруссии. При этом он постоянно запрашивал детальные личностные характеристики на иностранных министров, пополняя досье на государственных деятелей.

Британские войска под командованием Стэйра в феврале 1743 года из Нидерландов прошли маршем на восток, встретились с ганноверскими частями и соединились с австрийцами под началом герцога д'Аренберга, заместителем которого был старый противник Фридриха, Нейпперг. Объединенную армию, получившую название Прагматическая армия, возглавил курфюрст Ганновера — Георг II. В июне у Деттингена-на-Майне, к востоку от Франкфурта, она нанесла поражение французской армии под командованием маршала де Ноайля. Фридриха это известие застало в Рейнсберге. Он сделал там остановку по пути в Померанию, где готовился провести инспекцию войск. Король был взбешен: «Я не желаю, чтобы о французах упоминали в моем присутствии! Не желаю слышать об их армии и генералах! Ноайль побит! И кем? Людьми, которые *ничего* не смыслят в построении войск!» Он не предвидел подобного поворота событий и опасался, что это приведет к образованию союза между Австрией, Саксонией, Россией и Данией.

Однако плодами этой победы антифранцузская коалиция практически не воспользовалась, и сражение почти совершенно не повлияло на ход войны, в которой Франция и Британия по-прежнему официально не воевали. Пруссия, согласно мирному договору, тоже. Фридриху удалось сохранить войска в местах их дислокации. Каждая воюющая сторона надеялась всеми правдами и неправдами вовлечь другие государства в коалиции против неприятелей. Военные действия на Майне между тем помешали Франции усилить мощь войска в Богемии и на Дунае; и в маневрировании в Центральной Европе в том году Австрия, можно сказать, переиграла ее по очкам.

Мария Терезия, поддерживаемая британским правительством, вступила в соглашение с Карлом Эммануилом, королем Сардинии. Оно опередило заключение аналогичного соглашения с Францией. В сентябре 1743 года договаривавшиеся стороны подписали Вормеский договор. Мария Терезия получила признание Сардинией Прагматической санкции, а Карл Эммануил приобрел территории Габсбургов в Италии. Он также обязался предоставить 45 000 штыков в помощь австрийской армии, действовавшей против французов в Италии, в обмен на годовые субсидии от Британии в размере 200 000 фунтов. В договоре также имелись пункты, в соответствии с которыми Карл Альберт Баварский, если его удастся убедить отказаться от Баварии в пользу Габсбургов, получал компенсацию в Италии. Фридрих внимательно следил за ходом этих мучительных для него переговоров, связанный по рукам обстоятельствами, имея при этом разнообразные планы, соответствующие различным ситуациям. Все эти маневры полностью отвечали глобальным целям Британии, состоявшим в создании максимально широкой коалиции против Франции под предлогом помощи Марии Терезии.

Фридриха встревожили условия договора, особенно те, что касались Баварии. Многие из них были в сфере его интересов. Обеспечение нейтралитета Пруссии, как он знал, являлось одной из аксиом британской политики, но его выводили из себя якобы из-за сочувствия императору попытки внешних сил вести германские дела. Его также — и не без основания — беспокоили разговоры о введении Прагматической санкции без упоминания согласия, которого, как он полагал, Пруссия добилась в отношении Силезии. Он твердо отрицал любые предположения о возможной помощи имперской армии против Франции — этого, писал он Подевиллю в июле, *«je ne ferai absolument point!»**. У Фридриха были диаметрально противоположные планы — он не симпатизировал договоренностям, приведшим к созданию так называемой Прагматической армии. Он вновь обратился к мыслям о желательности на каком-то этапе в будущем обновленного альянса Франции с германскими государствами — в первую очередь с Пруссией, — готовыми изгнать австрийские войска из других частей Германии. Коалиция против Австрии обещала — так или иначе — закрепить его права на Силезию. Кроме этого, поскольку Вормеский договор оставлял на обочине Карла Альберта Бавар-

* я не сделаю ни в коем случае (фр.).

ского, беспомощно восседавшего в Аугсбурге, но по-прежнему остававшегося императором, в то время как обсуждалось будущее его курфюршества, такой союз германских государств с Францией, как это виделось Фридриху, можно было с успехом считать действующим от имени империи. Предпринимаемые время от времени попытки Марии Терезии объявить результаты последних императорских выборов недействительными провоцировали его тем, что они демонстрировали самонадеянность Австрии, хотя было вполне ясно, что Мария Терезия старалась ради супруга.

Фридриху пришлось действовать с оглядкой на ситуацию в России. С того самого дня в 1741 году, когда Елизавета, дочь Петра Великого, была возведена на императорский трон гвардейскими полками, Фридрих заботился об укреплении восточной границы. В марте 1743 года он заключил оборонительный союз с Россией. Обе стороны не доверяли друг другу. Причины для беспокойства прибавилось, когда в августе императрица Елизавета назначила канцлером Бестужева, полного решимости восстановить близость России с Австрией и Британией в противостоянии Франции и, вполне вероятно, Пруссии. Бестужев договорился о заключении мира со Швецией и об уступках России в Финляндии. Фридрих усмотрел в этом руку Вены и в письме Подевилъсу от 25 августа говорит о «революции в России, поскольку я это так называю!». Он считал, что Бестужев был «куплен англичанами», и русская императрица в результате стала его самым заклятым противником.

Тем не менее его письмо к «Мадам моей Сестре» в Санкт-Петербург в конце 1743 года имело самые серьезные последствия. Он рекомендовал покровительству Елизаветы принцессу Ангальт-Цербстскую и «*son aimable fille*»*. Елизавета как раз подыскивала невесту для своего племянника и наследника, Петра; и юная принцесса — София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, которой впоследствии предстояло стать императрицей России, была одной из кандидаток. Позже Фридрих написал еще одно письмо, в котором советовал ее матери поспешить с поездкой. Принцессы Ангальт-Цербстские, мать и дочь, прибыли в Москву вскоре после Нового года. Перед этим они провели некоторое время в Берлине, где София была представлена королю и имела с ним длительную беседу. В Москве, «к великому изумлению Европы», радостно отмечал Фридрих в своем труде «*Histoire de mon Temps*»**,

* ее милую дочь (фр.).

** История моей эпохи (фр.).

императрица приняла их очень хорошо. Фоп Мардефельд, посол Пруссии, все организовал прекрасно, и спустя девятнадцать лет София стала императрицей Екатериной II, вошедшей в историю как Великая.

По приезде в Берлин в августе 1743 года Вольтер панес визит вежливости королеве-матери, которая пашла его симпатичным, и поселился в отведенных ему апартаментах. Поскольку Фридрих по большей части путешествовал или находился в Потсдаме, их переписка продолжалась, прерываемая личными встречами. Фридрих надеялся, что Вольтер согласится принять пост при его дворе, который он хотел превратить в собрание интеллектуальной элиты Европы.

Вольтер серьезно воспринял обязанности неофициального и тайного эмиссара Франции. Он написал Фридриху длинное письмо, содержащее советы относительно международных отношений. В письме наряду с многочисленными выражениями преданности интересам Фридриха предпринималась попытка убедить его, что враги готовят новую военную кампанию, чтобы отомстить за потерю Силезии; поэтому: «Есть ли у Вас, Сир, другой союзник, кроме Франции?» Вольтер также предлагал помощь в доставке дружественного Франции послания, если король Пруссии сочтет это возможным.

Фридрих не пуждался в советах. Он привык сам решать свои проблемы. На полях письма Вольтера остались его прямолнейные комментарии: «Мне нечего бояться и не на что надеяться со стороны Франции! Если вам хочется, я напишу панегирик в адрес Людовика XV, но в нем не будет ни слова правды!» Король считал, что, информируя Францию о своих мыслях по поводу европейской ситуации и баланса сил, он будет выглядеть смешно, и «если вы обладаете хоть каким-то здравым смыслом, то поймете это!». Фридрих мрачно советовал французам вести дела разумнее, чем они делали до сих пор.

На следующий день Фридрих, смягчая удар, дал разъяснения по одному-двум серьезным пунктам критики политики Франции. Однако закончил письмо просьбой ограничиться рассуждениями о поэзии. Он говорил: «Вольтер из всех людей наименее приспособлен для занятия политикой». Тем не менее он включил мыслителя в свиту для визита, который он планировал панести Вильгельмине в Байрейт, где маркиграф, ожидая столь высокую делегацию, готовил обширную программу развлечений. В октяб-

ре 1743 года Фридрих предложил Вольтеру пенсион в 12 000 франков с домом и должностью по его выбору. Предложение все еще оставалось в силе, когда Вольтер в том же месяце покинул Берлин. Он надеялся, несмотря на пренебрежительное отношение, что Фридрих все же даст знать Парижу о роли, сыгранной им в изменении настроений короля в пользу Франции.

Эта надежда была тщетной. Король Пруссии знал, что Вольтер информирует Париж, и стремился извлечь из этого выгоду. Французский посол, Валори, был до крайности возмущен дипломатскими инициативами Вольтера.

Между тем Фридрих и без советов ученого друга принял решение об установлении более теплых отношений с Францией и предпринял шаги в этом направлении, исходя из объективного анализа обстановки. Оказавшись в Сирее с мадам де Шатле, Вольтер на какое-то время почти полностью посвятил себя поэзии. То что он примет предложение Фридриха обосноваться в Берлине, казалось маловероятным, и Фридрих приказал вывезти мебель из отведенного для него дома.

Фридрих вновь смотрел на Францию как на партнера. Его комментарии по поводу недавних политических ошибок Франции были искренними. В октябре он написал, что французы должны в следующем году любыми способами собрать армию в 160 000 штыков: 70 000 под командованием Ноайля — против британцев, 60 000 с маршалом Куаши — против австрийцев и 30 000 — во Фландрии. В конце марта 1744 года им следует атаковать коммуникации британцев и австрийцев.

Это был стратегический план, направленный на усиление позиций Франции в Европе. Для его реализации ей понадобятся союзники, которых она найдет в Германии. И хотя Пруссия не в состоянии открыто помочь Франции, не нарушая Бреславского мира, она может внести вклад в поддержку со стороны империи при условии, если Франция предоставит субсидии некоторым германским правителям — выплаты, которые с разной степенью правдоподобности можно было бы произвести от имени императора. Таким образом в Германии можно поставить под ружье 60 000 человек в дополнение к французским армиям. От Франции потребуется лишь гарантировать королю Пруссии права на Силезию.

Этот документ, конечно же, предназначался для французского правительства, и Подевилльс с разрешения Фридриха, по-

лучив клятвенные заверения в конфиденциальности, показал его Валори. Чутье подсказывало Фридриху, что он не сможет долго оставаться в бездействии. Его противник, Мария Терезия занималась выработкой соглашения — якобы оборонительного — с Саксонией. Между Саксонией и Россией существовала традиционная дружба, и Фридрих в последний день 1743 года направил послу в Санкт-Петербурге, фон Мардефельду, длинную упреждающую инструкцию, заканчивавшуюся тем, что на современном языке можно назвать «определением линии поведения». Фон Мардефельд должен был всемерно подчеркивать ненадежность и двуличие саксонского двора, который своими недавними сделками с Веней обманул русских, поскольку саксонцы уверяли русских, что ничего подобного без консультаций с ними предпринимать не будут.

Упреки в устах Фридриха звучали не слишком убедительно, и он это знал. Тем не менее знаки были зловещими: Австрия — непримиримая, как всегда, несмотря на соглашения в Бреслау; Саксония; возможно, Россия, несмотря на прошлогоднее соглашение с Фридрихом; Британия, ранее пытавшаяся объединиться с Австрией и Саксонией против него, ее политика, несомненно, направлена на вовлечение России в союз с северными морскими державами, она разочарована в поддержке антифранцузской коалиции со стороны германских монархов, ее суверен ненавидит его. Британия, Саксония, Россия, Австрия. Фридрих в соответствии с собственным прочтением ситуации опять понемногу приближался к союзу с французами, а также к моменту, когда ему снова придется первым наносить удар либо ожидать нападения мощной коалиции. Права на Силезию еще не были обеспечены. Австрия готовилась к борьбе. Пруссия еще не находилась в безопасности.

17 февраля 1744 года Фридрих написал один документ для внутреннего пользования, в котором разъяснял собственные замыслы. С чувством глубокой тревоги он размышлял о Вормсском договоре. Король угнетен и обеспокоен и общеевропейской ситуацией. Франция, на которую ему, видимо, придется во многом полагаться, показала себя неспособной разумно оценить положение. Его практические предложения, переданные в октябре, встретили там прохладный прием. За неделю до написания этого документа он узнал, что к его человеку во Франкфурте, фон Клинграффену, обратился французский представитель, де Шавиньи, с некоторыми стратегическими соображениями. Фридрих в ответ

направил едкую записку с острыми замечаниями на французские предложения, а также ссылкой на свои ранние предложения и на то, как они были приняты. Французы, как теперь оказалось, склонялись к идеям, альтернативным его. Наступление могло начаться во Фландрии с обустройства обороны по Рейну. Можно было бы также держать оборону во Фландрии, а наступать по ту сторону Рейна на Ганновер. Однако, писал Фридрих, Франция предпочитает вариант, предусматривающий, что союз германских монархов сделает за Францию ее работу, в то время как громадная французская армия — 330 000 человек — останется в стороне. Фридрих не желал иметь ничего общего с таким перешителыным и неэффективным планом. Он был готов поддержать достаточно честолюбивый и конкретный план, исходя всегда из того, что Франция поддержит его собственные приобретения, как было обещано в 1741 году.

Фридрих все больше склонялся к союзу с Францией и хотел его как можно скорее, но на условиях Пруссии. В конце февраля ему сообщили, что Шавиньи сделал новые, конкретные предложения — на этот раз по поводу французского наступления под командованием Бель-Иля на Ганновер. Он прокомментировал их в том духе, что эту идею не стоит отвергать с порога, хотя было бы лучше передвинуть главное направление наступления на Богемию, а Ганноверу одновременно просто угрожать левым флангом. А за десять дней до того прусский король разработал собственный стратегический план.

Фридриху правилось сводить аргументы в таблицы, перечисляя «за» и «против» возможного образа действий. Уже из названия документа, в котором он официально указывал замечания по Вормсскому договору, было ясно видно, из чего он исходил: *«Appréhensions des desseins pernicieux de la Reine de Hongrie et du Roi d'Angleterre»**. Последовательность приведенных пунктов соответствовала в определенной степени комментировавшимся положениям Вормсского договора. В действительности, однако, Фридрих собрал здесь обиды и опасения, которые подпитывали в нем непреодолимое чувство, что Пруссия в опасности и задача короля изучить все альтернативы и решить, как действовать. Документ довольно ясно отражает состояние духа Фридриха в первые месяцы 1744 года и не оставляет никаких сомнений по поводу того, в каком направлении работали его мысли.

* «Соображения по поводу злонамеренных планов венгерской королевы и английского короля» (фр.).

Прежде всего Фридрих привел подоплеку событий, как он ее видел. Австрийцы рассчитали, что Бреславский мир вобьет клин между Пруссией и ее союзниками. Таким образом, Фридрих останется ослабленным и одиноким. Вследствие этого он слишком легко согласился с территориальными уступками, особенно в отношении высот и горных проходов в Верхней Силезии, чему должен был бы сопротивляться. Этот аргумент отражал умонастроения Фридриха в то время, когда позиции Пруссии и ее союзников были слабы и разобщены. Трудно представить Фридриха, который не ведет жесткий торг, но, возможно, так и было. Он делает вывод, что в Бреслау с ним поступили несправедливо, тогда Пруссия вынужденно приняла это, но сейчас положение следует исправить.

Затем Фридрих изложил свой взгляд по поводу роли, которую сыграла Британия. Британские министры стремились удерживать его в состоянии неопределенности и использовали напряженность, существовавшую в отношениях между Ганновером и Берлином. Они очень хотели ввести войска в Германию в 1743 году, несмотря на то что Фридрих был против; это было напоминанием о действиях Стэйра и Деттингене. Более того, англичане из всех сил старались, чтобы Россия не одобрила условия Бреславского мира.

Фридрих писал, что можно подумать, что Вормсский договор никак не затрагивает интересы Пруссии, поскольку главным образом касается территориального торга в Италии. Но это не так. Он высвобождает австрийские войска в Италии, а как они будут использованы в дальнейшем, совершенно ясно: с их помощью попытаются изгнать пруссаков из Силезии. Австрия заключила союз с Саксонией, что не имеет никакого значения; но она также вступила в коалицию с Данией. Какие возможные мотивы были у Австрии при подписании договора с Данией? Только один. Противостоять Пруссии.

Фридрих писал, что Мария Терезия, как говорят, не может позволить себе ведение войны, поэтому его опасения беспочвенны. Это заблуждение: деньги ей выделит Британия. Австрийцы — гордецы. Они лелеют иллюзии, полагают, что Фридрих слаб и одинок, не сомневаются в возможности возвращения престола Францу Лотарингскому. Это самая сокровенная мечта Марии Терезии, а при таком раскладе против Пруссии может оказаться три четверти Европы. Не стоит, конечно, и говорить, что в этом случае германские государства встанут на сторону Австрии.

Большая часть из этого звучит знакомо, это неизменный мотив, повторяемый им в течение всей жизни. Однако правда заключалась в том, что Мария Терезия была столь же полна решимости вернуть Силезию, как Фридрих удержать ее. Каждый считал себя правым, а учитывая их характеры, ясно, что эта ситуация будет порождать конфликт за конфликтом. Силезия зашла Фридриху глубоко в душу. Далее в его документе перечислялись возможные варианты действий и риски, связанные с каждым из них.

Самое главное при выборе направления, озаглавленного «действие», твердо и безапелляционно писал он, — сильная армия и хорошие финансы. При наличии этих условий имеются варианты действий. Пруссия может сформировать северный союз, с Россией и Швецией; или же вновь войти в коалицию с Францией. Последняя кампания показала, что в военном отношении Франция является ненадежным союзником, к тому же она явно раздражена Бреславским миром. Тем не менее ее решимость унижить Австрию может перевесить возмущение поведением Пруссии. Это нельзя принимать как аксиому: Британия может вместе с Марией Терезией соблазнить Францию территориальными уступками в Италии, а также предложить вернуть Баварию курфюрсту — перед этим Франция едва ли устоит.

У Франции могут быть различные побудительные мотивы. Например, ее привлечет идея военных действий при участии Пруссии в Богемии «от имени империи», которые повлекут раздел Богемии между империей и Пруссией — включая и Саксонию, — после того как она будет решительно отторгнута от Габсбургов. С точки зрения территориального вопроса в результате такой кампании германских правителей против Австрии Франция получала бы солидную выгоду, а также дополнительную глубину собственной обороны по Рейну.

Все это — жонглирование мыслями и предположениями. Если ничего подобного не произойдет, продолжал задаваться вопросом Фридрих, способен ли он самостоятельно противостоять Марии Терезии — королеве, которую поддерживала финансовая мощь Британии? Только в том случае, если удастся привлечь Швецию и убедить ее атаковать Ганновер. Совершенно очевидно, он был убежден, что в покое его не оставят. Вопрос заключался в том, когда, где и под каким предлогом. Кроме того, всегда есть непредсказуемые факторы. Следующим пунктом Фридрих вписал крупный вопрос, который поставил его в

тупик: «Что случится, если в России произойдет еще одна революция или насильственная и непредсказуемая смена власти?», и решил, что лучший ответ — надеяться, что этого не произойдет.

Многие из этих умозаключений были разрозненными и носили спекулятивный характер. Практически отсутствовала логика и в последовательности изложения мыслей, однако можно почувствовать определенное облегчение, когда через несколько страниц Фридрих пришел к заключению, очень похожему на то, с которого он начал: чем дольше Пруссия будет ждать, тем сильнее станет Австрия. После послаблений, полученных в соответствии с Вормским договором, это, вероятно, было правдой. Прусские новобранцы последнего набора не имели опыта, но армия и экономика были восстановлены. У французов имелись известные слабости, однако если они станут союзниками, то им вряд ли придется непосредственно участвовать в кампании в Богемии, как полагал Фридрих в своем документе; хотя он это приветствовал бы. Британские деньги были повсюду. Но в конце текста документа Фридрих вернулся к основной идее, которая никогда не оставляла его. В настоящее время Пруссия не находилась в реальной безопасности. Необходимо разграничивать, писал он, *«sécurité momentanée»* и *«sûreté réelle»**. Сейчас королевство в состоянии тревожного ожидания. Австрия имела возможность выбирать место и время для нападения; так она и сделает. Война против Пруссии могла быть начата в любое время в условиях, когда у нее отсутствовали союзники, а также внешние обстоятельства, которые смогли бы отвлечь силы и внимание Марии Терезии. Если Пруссия вместо ожидания неблагоприятного развития событий начнет действовать первой — предпочтительно от имени императора, в качестве лидера максимального количества германских правителей, которые недовольны претензиями Вены, — она окажется вовлеченной в войну *«forcée pour prévenir les mauvais desseins de ses ennemis»*** . Если этого не сделать, то ситуация не улучшится, а лишь ухудшится.

Вывод, сделанный в документе, показывает — мысли и построение раскалились до предела: *«Il faut couronner l'œuvre de la*

* сиюминутную безопасность и действительную безопасность (фр.).

** которую она вынуждена вести, чтобы сорвать злые замыслы своих врагов (фр.).

Silésie!»* Это была «упреждающая война», по определению «Анти-Макиавелли». Когда Фридрих в следующий раз писал в Париж, он отметил, что во время его последней кампании в Силезии маршал Бель-Иль, его союзник, прислал том воспоминаний великого Тюренна. Книга потеряна — не может ли Бель-Иль прислать еще один экземпляр? Для таких людей, как Бель-Иль, имело большое значение, что Фридрих освежает в памяти деяния Тюренна, без усталости воевавшего против Австрии. А Фридрих почти целиком посвятил следующие несколько месяцев, подбадривая тех из германских монархов, которые не окончательно примкнули к проавстрийскому и антифранцузскому лагерю, предлагая им объединить усилия против чрезмерных амбиций королевы Венгрии.

В конце марта 1744 года Фридрих преобразовал стратегические замыслы в детализованные предложения, перечислив их в качестве размышлений. Для претворения в жизнь планов против Марии Терезии, что, теперь он был совершенно в этом убежден, является единственным разумным образом действий, первым существенным условием является установление хороших отношений с Россией. Это может стать непростым делом, и потому очень желательно, чтобы Бестужева отстранили от должности. В следующие несколько месяцев он занят воплощением этой идеи, передав фон Мардефельду в Санкт-Петербурге все полномочия для ведения переговоров о соглашении о взаимной помощи в деле обороны, и был особенно настроен на это, услышав, что Россия подписала соглашение с Польшей, содержания которого он сначала не знал.

Таким образом, Фридрих уже решил вновь начать войну против Австрии; он полагал, что такая война неизбежна. Король надеялся обезопасить восточную границу Пруссии через контакты с Россией. Но прежде всего он рассчитывал на поддержку Франции. Его стратегический план заключался в стремительном вторжении в Богемию с запада, из Саксонии. В этих целях Фридрих надеялся заключить соглашение с Саксонией — его действия не должны рассматриваться как угроза самой Саксонии. Одновременно французские войска должны двинуться из Мозеля в Вестфалию, отрезая тем самым Ганновер, и с молчаливого согласия Саксонии могут также взять направление на Богемию.

Если этот стратегический замысел будет принят, писал Фридрих в своих мартовских размышлениях, то он мог бы

* Следует завершить дело с Силезией! (фр.)

выступить в августе 1744 года, не раньше. Двигаясь маршем через Саксонию в Богемию, он может захватить Прагу; сделает попытку взять Будвейз, в восьмидесяти милях к югу от Праги и к северу от Молдау; а затем повернет армию на северо-запад к Пльзеню, в то время как другие прусские войска займут Оломоуц в Моравии; армия будет зимовать в Богемии. Король проделал большую работу, чтобы укрепить силезские крепости, прикрывающие границу и берега Одера. Австрийцы предположительно ответят на вторжение в Богемию и Моравию передвижением войск на восток с Рейнского фронта. На марше их будет постоянно беспокоить имперская армия (ее состав пока не определен), которая от имени императора-курфюрста займет Баварию и продолжит наступление вдоль Дуная в сторону Линца. В зависимости от маневров противника основные боевые действия могут развернуться в районе Пльзеня. Одно выигранное крупное сражение, писал Фридрих, должно решить исход всего дела. Это должна быть непродолжительная по времени война, которая приведет к значительному улучшению общей ситуации.

Конечно, все зависело от того, примет ли Франция его план, а участие в кампании самого Фридриха возможно не только при согласии Франции. Оно зависит и от ее готовности принять его претензии — на Силезию и различные районы Богемии: Пардубиц, Колин, Хрудим. Свои условия он ясно изложил в письме к специальному посланнику в Париже, графу фон Ротенбургу, датированном 30 марта. В нем перечислены все его предложения и требования. Эти контакты, какими бы конкретными они ни казались, были лишь предварительными обменами; Фридрих, как он часто делал, оставлял послам определенную свободу маневра в деталях. В течение нескольких месяцев в ходе переписки можно было бы достигнуть каких-то договоренностей. По поводу определения окончательной принадлежности отдельных территорий Богемии могли пройти переговоры с императором, у которого пока что не было ничего. Таким же образом и в то же самое время Фридрих готовил сделки по возможной секуляризации таких самостоятельных епископств, как Падерборн и Фулда, а также по правам некоторых имперских вольных городов. Король знал, как дорожат привилегиями эти города, но его очень привлекала возможность набирать в них солдат. Если ему придется воевать ради безопасности Пруссии, то он надеялся получить от этого солидные выгоды.

Идеи носили предварительный характер и подлежали дополнительному изучению. Фридрих уже все решил, но ему еще было нужно время, чтобы прояснить детали. Он не питал никаких иллюзий относительно сложности выработки и согласования стратегии действий между будущими союзниками, некоторые из них вообще могут отказаться участвовать в коалиции. Король надеялся, что его собственные условия и послания, которые он получал из Парижа, давали основания для оптимизма, хотя в этом отношении Фридрих частенько подчеркивал: чтобы быть уверенным в поддержке Франции, он предпочел бы дела уверениям. Что касается других германских государств, то здесь потребуется немало дипломатии и убедительных аргументов. Как поведут себя Саксония и другие курфюршества, особенно Гессен?

Гессен-Кассель — курфюршество Гессен — с успехом занималось поставкой наемных солдат другим государствам, этому положил начало курфюрст-ландграф Карл, умерший в 1730 году. Дело продолжил его преемник, курфюрст Фридрих, избранный еще и королем Швеции посредством брака. Собственно Гессен фактически управлялся братом курфюрста, Вильгельмом, который в конце концов наследовал ему, однако династические соображения ставили под вопрос готовность Гессена присоединиться к имперскому, другими словами, к антиавстрийскому, делу, во имя которого работал Фридрих.

Были и другие трудности. То, что Гессен предоставлял за деньги солдат другим правителям, имело экономическую подоплеку, но совсем не затронуть политики не могло. Яркий пример этому явил 1744 год. Гессен недавно предложил британскому правительству 6000 солдат. Британская армия была невелика по численности, экспедиционный корпус по-прежнему размещался в Нидерландах, и Британия нуждалась в войсках на своей территории. В конце 1743 года Людовик XV обдумывал возможность вторжения в Англию, чтобы поддержать династию Стюартов, представители которой проживали во Франции. Их опорой были группы в Англии и Шотландии, ненавидевшие правительство вигов и революцию 1688 года. Поддержка со стороны Франции антиганноверского дела часто вставала на повестку дня, являясь одной из козырных карт в длительной борьбе между Британией и Францией, однако вопрос никогда не ставился в плоскость, которую требовал решительный военный успех. Тем не менее вероятность французского

вторжения в Британию в течение 1744 и 1745 годов оставалась вполне реальной. В 1745 году — уже в условиях новой ситуации — 5000 гессенцев под командованием принца Фридриха Гессенского волеются в армию герцога Камберленда в Шотландии. Британии, как всегда, не хватало солдат, и сделка с Гессеном была желательна, хотя могла и не понадобиться.

Если бы она состоялась, то это поставило бы Гессен в неприятное положение. Когда Фридрих узнал о ней, он, как организатор имперского союза германских государств, реагировал очень энергично. Если этот союз выступит, как надеялся Фридрих, что, по его мнению, было в общих германских интересах, то Гессену придется выполнить свои обязательства и обещания перед императором. Они не могли быть нарушены, хотя и поставлены под большое сомнение предложением войск британскому правительству. И если ситуация потребует, Британия, несомненно, примет предложение, многозначительно писал по этому поводу Фридрих брату курфюрста, принцу Вильгельму, а это поставит под вопрос серьезное военное участие Гессена в имперском деле и договор Гессена с Францией, который для него очень выгоден. Такого рода проблемы, не столь уж крупные сами по себе и удовлетворительно разрешенные впоследствии, были характерными, с ними приходилось сталкиваться в процессе формирования «имперской» армии в отсутствие центральной власти, способной диктовать варианты решения, и в условиях, когда входившие в состав империи государства обладали полной автономией во внешних сношениях.

Ситуацию можно было бы сравнить с современностью, когда европейская политика в отношении отдельных внешних угроз или вызовов теоретически желательна и в смысле ресурсной базы возможна, однако она может оказаться нереальной в силу отсутствия воли и механизмов для принятия решений и их выполнения. Результаты такого положения вещей — разобщенность, перешительность и бездействие — вполне сравнимы с проблемами, с которыми Фридрих часто сталкивался внутри империи. Он знал, что единственным лекарством от этого является твердое лидерство со стороны конкретного государства и максимальное ускорение процессов в самой империи. Между тем он почти не задумывался над этим как над установкой, хотя она и предоставляла полезную в данном случае правовую фикцию. Империя была слишком далека от реальности исполнительной власти, которая лежала на плечах суверенных

государств, каждое из которых было слишком слабо, чтобы противостать или даже сравниться с мощью Австрии или Франции. Таким образом, этот вопрос останется нерешенным еще полтора столетия; и именно его решение потребовало от Пруссии увеличения территории и наращивания мощи.

Тем временем надежность Гессена оставалась под большим вопросом. Саксония представляла проблему другого рода. Фридрих критически оценивал действия саксонских войск в последней войне, в которой они выступали его союзниками. Тем не менее неприятно, если Саксония будет заодно с Австрией, — австро-саксонский оборонительный союз существовал*, хотя Фридрих не верил в то, что он способен как-то повлиять на положение вещей, когда дело дойдет до войны. Но географическое положение Саксонии между Бранденбургом и Богемией означало, что разработанный Фридрихом план кампании может сорваться, а весь замысел окажется неосуществимым, если Саксония решит создать ему проблемы. В мае 1744 года казалось, что она и в самом деле на это способна. Между курфюрстом Саксонии и Марией Терезией было подписано соглашение, предусматривавшее возвращение Силезии Габсбургам. Фридриха это не застало врасплох. Теперь он знал, кто в данный момент его друзья, а кто враги. Но король надеялся, что прусские войска во время марша по территории Саксонии в соответствии с его большим планом нанесут минимальный ущерб и не вызовут нареканий своим поведением, а сам марш займет максимально короткое время, поэтому непоправимых последствий не будет.

Однако имперские силы, ссылаясь на легитимность которых Фридрих надеялся привести германских правителей в антиавстрийскую коалицию с Францией, теперь казались незначительными: Бавария, которую можно рассматривать в качестве сателлита Франции; возможно, Палатинат; Гессен, если обязательства перед Британией не сведут на нет возможность его участия; Пруссия, как застрельщица и организатор, должна взять на себя руководство. Ганновер же, несмотря на то что он в ноябре 1742 года вошел в оборонительный союз с Пруссией, конечно, всецело принадлежит лагерю противника — вотчина короля Англии, — по враждебности к Франции в империи уступал только Австрии. Это была непрочная и малосильная коалиция. Фридрих уже заявил, что может выступить, только

* Союз был оформлен в 1743 году. — *Примеч. авт.*

если это сделают остальные, в первую очередь Франция; и не раньше августа.

Между тем король был совершенно уверен, что выступление состоится. Он не мог позволить себе слишком забегать вперед, но считал, что война подвигается и он не будет одинок. События начали развиваться с нарастающей быстротой. В апреле 1744 года Франция наконец-то объявила войну Британии, Ганноверу и Австрии. Французские войска под командованием Морица Саксонского — незаконнорожденного сына Саксонского курфюрста Августа Сильного, однажды принимавшего Фридриха в Дрездене, и отца пынешнего — вторглись в Австрийские Нидерланды. Их встретили войска австрийцев, голландцев, ганноверцев и британцев. Через несколько недель приграничные крепости были в руках Морица Саксонского.

О том, что французы объявили войну, Фридриху рассказал британский посол в Берлине Хиндфорд, за что удостоился личного послания короля с выражением признательности. Хиндфорд, который неоднократно был полезен, по которого король недолюбливал, сослался на соглашение об оборонительном союзе, заключенное между Пруссией и Британией в ноябре 1742 года. Фридрих в характерных для него цветистых выражениях ответил, что он как никогда готов соблюсти взятые на себя обязательства. А «помолвка» и в самом деле существовала. «Как только территория Англии и владения английской короны реально подвергнутся нападению, они окажутся жертвой вторжения», — писал Фридрих. В этом случае он будет готов лично выступить во главе 30-тысячного войска на помощь его британскому величеству. Но пынешняя ситуация выглядит несколько иначе. Не могли ли недавние действия Британии на море и на суше показаться настолько оскорбительными и враждебными, что выпудили Францию к войне? И в этом случае не являются ли чисто оборонительные договоренности между Пруссией и Британией совершенно перевернутыми с ног на голову?

Фридрих, несомненно, встретил враждебное отношение Британии, когда пошел на возобновление дружбы с Францией. Хиндфорд и Картерет едва ли были сильно удивлены его реакцией, и мало что доставило Фридриху большее удовольствие, чем возможность посмеяться над своим английским и ганноверским дядюшкой, хотя он изо всех сил старался сохранить

хорошие отношения с принцем Уэльским. Сообщая о послании прусскому представителю в Париже, барону Шамбрие, король упомянул, об игривом предложении возглавить армию, которая придет на помощь королю Георгу II, но никак не упоминал Ганновер. Он говорил и о «помолвке» с Британией, но предположил, что «невеста» в виде короля Пруссии во главе 30 000 штыков была бы самым нежеланным дополнением к семье. После этого король стал держать Хиндфорда на расстоянии. Обе стороны понимали, что отношения Фридриха с Францией будут определять прусско-британские отношения; и в ходе дальнейших контактов в конце мая Фридрих, продолжая вести переписку уже по официальным каналам, не оставил никаких сомнений относительно своего выбора. В Лондоне Георг II в возмущении публично отвернулся от прусского посла.

В основном планы Фридриха реализовывались в пужном направлении. Официальный договор о союзе с Францией находился в процессе подготовки, и, когда Фридрих 12 мая лично писал Людовику XV — редкое явление, — он выразил мнение, что это объединит интересы Франции и Пруссии навечно (недостижимое желание). Он также сообщал, что предпочитает Францию в качестве союзницы любой другой державе, и это было явно искреннее заявление. Фридрих твердо отделял обязанности суверена от чисто человеческих пристрастий, как и остальные монархи Европы, а его сердце всегда принадлежало Франции. Договор доставил ему истинное удовлетворение, но он пристально наблюдал за тем, как французы выполняют его положения и какую пошу они возлагают на плечи Пруссии; и он всегда был готов пайти отговорку, чтобы отказаться от обязательств, если от Пруссии потребуют слишком многого. Фридрих ожидал, что Австрия, подвергшись нападению Пруссии в соответствии с большим планом, станет предлагать уступки Франции в надежде отделить ее от Пруссии. Фридрих надеялся, что может положиться на Людовика XV, «*fidèle allié*»*, который не отступит и продолжит военные действия.

Отношения с Россией и Швецией в тот момент, казалось, не вызывали опасений. Сестра короля была помолвлена со шведским кронпринцем**. Он страстно желал, хотя и не питал на это больших надежд, чтобы Бестужева отстранили от трона Елизаветы. Принцесса Ангальт-Цербстская вроде удовлетворяла

* надежного союзника (фр.).

** Адольфом Фридрихом Гольштейн-Готторпским. — *Примеч. авт.*

чаяниям Елизаветы, несмотря на отрицательное отношение к этому браку Бестужева, а также его непрерывные интриги и попытки убедить царицу в том, что Пруссия имеет виды на Дании. Более того, мир, заключенный между Россией и Швецией в августе 1743 года, был очень выгоден России. Маловероятно, что Россия станет что-либо предпринимать на севере, идя на риск ради интересов Габсбургов. Фридрих даже надеялся на то, что давление со стороны России — к которому ее смогут склонить французы — может вынудить Саксонию молчаливо принять планы Фридриха.

В течение этапа подготовки и планирования Фридрих делал все, чтобы заручиться официальным одобрением своих условий со стороны императора. Сейчас он всего лишь номинальный правитель, но однажды его власть, принадлежащая ему по праву, может быть восстановлена. Оправдывая войну, Фридрих указывал на безграничную суровость и жестокость, с которыми королева Венгрии «относилась к последственным владениям императора с намерением навсегда накинуть рабские цепи на германскую свободу». Позднее он писал, что германские войска, выступающие против Австрии, в том числе и прусские, должны помнить: война является законным способом вернуть императору Священной Римской империи принадлежащие ему по праву владения. Эта тема дана в развернутом виде в окончательном *«exposé des motifs»**, появившемся 9 августа. В посланиях во Франкфурт, где размещалась ставка императора, Фридрих сообщал, что ожидает согласия императора на окончательное присоединение к Пруссии Австрийской Верхней Силезии, а также территорий Богемии по Эльбе, на которые он претендовал ранее, — Пардубиц, Кёниггрец и так далее. Прежде эти требования письменно не оформлялись.

Итак, Фридрих практически выложил всю дипломатическую мозаику и теперь мог почти всецело отдаться разработке оперативных планов. 12 мая он составил документ, рассматривая различные ситуации и действия, которые при этом потребуются, *«Denkschrift»*. Затем в течение нескольких недель, в июне, король отдыхал на водах в Бад-Пирмонте, в то время как договор с Францией подписывался в Париже — переговоры по нему он вел лично и в большой тайне. Находясь в Бад-Пирмонте, он получил известие о смерти монарха Восточного Фрисланда (Остфрисланда). Фридрих, который был его наследником,

* изложение побудительных причин (фр.).

немедленно послал записку из двух строк представителю во Франкфурте, потребовав, чтобы тот проследил за выводом с этой территории имперских войск. Туда в скором времени из рейнских провинций вошли прусские войска. Новые территории означали дополнительные источники пополнения армии, к тому же Остфрисланд обещал ему чистый доход в 40 000 талеров* ежегодно. Обладание этой территорией также предоставляло Пруссии выход к двум морям, Балтийскому и Северному, и прекрасный порт в Эмдене. Запятие Остфрисланда прошло гладко и мирно, и местное управление в скором времени было значительно упрощено, а число местных чиновников, о чем король говорил с большим удовольствием, заметно сократилось.

Фридрих всегда ясно давал понять, что может принять участие в кампании не раньше августа. Он еще не был готов к созданию новых складов вблизи богемско-саксонской границы, и в Богемии до августа у него не могло быть достаточных запасов фуража для лошадей. Король увеличил количество прусской пехоты на 16 батальонов, в том числе 7 «гарнизонных батальонов», которые уступали по качеству полевым, а легкой кавалерии — на 20 эскадронов. Новые орудия находились в производстве и до августа не поступили бы в войска. Тем не менее Фридрих мог начать боевые действия в течение августа и написал в Париж фон Ротенбургу, которому поручил завершить формальности, связанные с договором, что к 1 сентября он надеется окружить Прагу 80-тысячной армией, прежде чем Карл Лотарингский успеет стянуть в этот район войска.

Оперативный план Фридриха был прост. Он намеревался вести основную часть прусских войск, 40 000 штыков, под своим командованием через Саксонию в Богемию, предварительно сконцентрировав их в районе Берлина. Вторая группа — 15 000 штыков во главе с Леопольдом Максом Ангальт-Дессауским — продвигается на юг вверх по течению Нейссе к границе Богемии к югу от Циттау, затем переправляется через реку и идет маршем на юг по долине реки Изер в направлении Праги. Еще дальше на восток третья группа — 16 000 штыков под командованием Шверина — будет наступать из Силезии через графство Глац.

* Талер равнялся примерно одной десятой фунта стерлингов. — *Примеч. авт.*

От французских союзников Фридриху пужно было две вещи. Первое — отвлечь энергичными действиями Карла Лотарингского и таким образом затруднить ему движение на восток в Богемию, которое будет неизбежно спровоцировано прусским наступлением. Французская кампания — Морица Саксонского — в Нидерландах шла вполне успешно. 9 июля Фридрих написал восторженное письмо Людовику XV, который приехал во французские войска, поздравив его с успехами французов. Фридрих объявил и о другом требовании. Большое значение будет иметь планирование французского наступления на Ганновер; Мария Терезия в значительной степени зависела от субсидирования Вены со стороны Британии. Учитывая, что Карл Лотарингский связан французской армией, действующей против его западного фланга, французы из Вестфалии угрожают Ганноверу, прусская армия господствует в Богемии и ее столице, ситуация, в которой окажется Мария Терезия, будет крайне неблагоприятной. И до и после начала военных действий Фридрих не стеснялся давать стратегические и тактические советы союзникам, а его авторитет уже был достаточно высок, чтобы к ним с уважением прислушивались.

Через три дня после поздравительного послания Людовику XV Фридрих писал уже совершенно в другом духе. Он только что получил известие. Карл Лотарингский во главе австрийской армии перешел в наступление, вошел в Эльзас и ночью 30 июня переправился через Рейн. Над французскими войсками в Нидерландах нависла непосредственная угроза. Из Эльзаса австрийцы могли двинуться даже на Париж. Они заняли Лотарингию — герцог Станислав, отрекшийся от престола король Польши и тесть Людовика XV, бежал из своей столицы в Лувевиле.

Фридрих немедленно скорректировал планы и перенес их реализацию на более ранние сроки, однако не видел причин для отказа от согласованного большого плана. Он сообщил Людовику XV, что выступает во главе прусской армии 13 августа 1744 года и будет под Прагой к концу месяца. Забыв о приличиях, Фридрих умолял его поставить Бель-Иля во главе армии, которая, как он надеялся, отбросит Карла Лотарингского за Рейн, в Баварию. Кроме того, он просил отдать под командование Морицу Саксонскому другую часть армии, которая двинется по направлению к Ганноверу. В создавшейся опасной ситуации Фридрих советовал действовать дерзко. На помощь себе он призывал Тюренна и великого Конде. Фридрих писал в том же духе и главнокомандующему французскими войсками в Нидерландах, маршалу де Ноайлю. Он опасался, что если

французы не предпримут наступательных действий на другом берегу Рейна, то хрупкая антиавстрийская коалиция германских государств, собранная с таким трудом, развалится из страха перед последними военными успехами Австрии. Фридрих мог оказаться в полном одиночестве.

Прусский король направил к французскому двору в качестве старшего офицера по связи фельдмаршала Шметтау, лично и очень подробно проинструктировав его. Следовало заставить французов понять, если они этого еще не поняли, что Карла Лотарингского необходимо не только остановить, но и сковать его действия настолько серьезно, чтобы он не имел возможности спокойно развернуть войска против пруссаков в Богемии, куда они вскоре придут. Австрийское продвижение в скором времени потеряет темп, и, когда начнется прусское наступление, Карл развернет войска и пойдет на восток; в этот момент французы должны начать энергичные действия. Это также предоставит «имперским войскам» возможность вновь занять Баварию для курфюрста-императора, но, что еще важнее, помешает австрийцам вмешаться в действия Фридриха на Пражском направлении.

15 августа Фридрих писал из своей армейской штаб-квартиры в Иессене, между Виттенбергом и Швейдницею, уже по эту сторону саксонской границы. Через пять дней он послал краткое письмо королю Польши (курфюрсту Саксонии). В нем король объяснял, что возглавляет «*Troupes auxiliaires de Sa Majesté Impériale*»* и его единственным желанием является восстановление свободы и законности на всей территории имперских владений; Фридрих сожалел обо всех неудобствах, причиненных Саксонии продвижением войск, которое оказалось необходимым, — он рассчитывает полностью очистить территорию Саксонии к 25 августа и надеется, что польский король с этим согласится. Через несколько недель Фридрих еще подсластил факты, сообщив о попытках убедить императора благосклонно посмотреть на определенные территориальные изменения в пользу Саксонии, а также на брак представителей Саксонского и Баварского королевских домов!

27 августа Фридрих писал из Лобозитца в Богемии, после того как совершил 150-километровый марш, форсировал Эльбу и перешел через Богемские горы. К началу сентября он был, как и планировалось, у ворот Праги. Начиналась Вторая Силезская война.

* Войска, собранные в поддержку Его Императорского Величества (фр.).

Глава 7

ВКУС ПОБЕДЫ

Для Франции начинающаяся кампания была всего лишь очередным поворотом в длительной войне, которую она вела против Австрии и ее союзников, в первую очередь Британии, решая таким образом вопрос о продвижении Франции к господству в Европе. Для Британии же, наоборот, — она была главой в истории борьбы против французской гегемонии в Европе и за ее пределами, продолжавшейся в течение большей части восемнадцатого века. Для Австрии кампания явилась частью оборонительной стратегии против Франции и ее союзников. Исход противостояния имел исключительное значение для баланса сил в Европе, а также для будущего Германской империи, роли в ней Австрии и дома Габсбургов. В ходе стратегической обороны проводились и будут проводиться также и тактические наступательные операции. Пример — наступление эрцгерцога Карла в Эльзасе и Лотарингии. Однако основные цели войны для австрийцев — защита и укрепление владений Марии Терезии. При этом подразумевалось и восстановление утраченных владений, прежде всего Силезии.

Для германских монархов эта война была очередным этапом в продолжительной борьбе между Австрией и Пруссией за власть или по крайней мере за влияние в германских землях. Их интересы, усложненные многочисленными и порой не сочетавшимися друг с другом соглашениями и обязательствами, ограничивались — вместе с заключением пари и ожиданием их результатов — притоком денежных средств. И лишь для Пруссии она являлась средством выживания. Фридрих был твердо

убежден, что включение Силезии в состав Пруссии закономерно, экономически оправдано, выгодно для самих силезцев и стратегически необходимо для существования Пруссии. Он также знал, что в этом вопросе Вена не оставит его в покое. Сведения о переговорах, проводимых Австрией, а также логический анализ ситуации и характера Марии Терезии лишь укрепляли эту уверенность. Два года, прошедшие после заключения Бреславского мира, были не больше чем интерлюдией, перемирием. Пруссия должна опять сражаться. Он пытался уйти от этих мыслей, но всегда внутренне чувствовал, что будет именно так.

Расположившись за стенами Праги, Фридрих принялся переписываться с французскими командующими, Бель-Илем и Ноайлем, находившимися в Меце, а также со своим представителем в их ставке, Шметтау. Письма Фридриха были тактичными. Его вполне удовлетворял ход событий, однако он хотел, чтобы действия французских союзников оставались максимально энергичными. Такт тем не менее уступал место резкости, когда он сносился с посланниками в других местах. 10 сентября 1744 года король писал Клиппграффену во Франкфурт, что ожидал от Ноайля усилий с целью не допустить переправы австрийцев на восточный берег Рейна, которую они почти беспрепятственно осуществили. Фридрих отмечал, что было нетрудно создать им большие проблемы, но теперь эта возможность безвозвратно упущена. Командующим имперскими войсками он направлял еще более жесткие послания, не понимая, почему австрийцы при продвижении на восток встречают столь мягкое обращение. Большой план Фридриха предусматривал нанесение мощных ударов по австрийцам, когда они начнут отход на восток после отражения их наступления в Эльзасе. Как он полагал, это ослабит и отвлечет Карла Лотарингского, будет выгодно имперской армии и даст возможность Пруссии продолжать запланированное наступление в Богемии. Его возмущало, что он, казалось, лишается такого важного стратегического преимущества из-за тактической робости союзников.

Пока французы продвигались в Германию, Фридриха тревожило и другое обстоятельство. В письме к Шметтау он советовал уделять особое внимание их отношению к вопросу о статусе вольных городов империи, таких, как Ульм. Любое нарушение известных международных договоренностей способно вызвать неизбежную враждебность к Франции, а это неблагоприятным образом воздействует на ее германских союзников.

Эти предосторожности и опасения — здесь очень уместно слово «суета» — показывают, что Фридрих не был в полной мере уверен в мудрости и энергичности союзников. К середине сентября Карл Лотарингский ушел из Эльзаса и двигался маршем в направлении Богемии. 16 сентября Фридрих имел возможность написать герцогу Гольштейн-Бекскому, прусскому фельдмаршалу, возглавлявшему войска в Бреслау: «Прага взята. В наших руках 76 000 пленных. Устройте салют из крепостных орудий и организуйте благодарственный молебен!» Это была сравнительно несложная операция. Ее цена со стороны Пруссии — тридцать убитых и шестьдесят шесть раненых. Маркграф Вильгельм Бранденбургский, родственник Фридриха, перешел на его сторону.

Спустя неделю он получил сведения, что на марше находятся несколько корпусов саксонской армии. Существовала вероятность, что они повернут на север в направлении Ганновера, опасаясь, как надеялся Фридрих, французского наступления из Вестфалии; однако саксонцы скорее всего решат присоединиться к Карлу Лотарингскому, который двигался в сторону Богемии. Было очевидно, считал он, что Саксония уже сделала свой выбор. Она встала на сторону Марии Терезии и Британии. Она находится во враждебном лагере. Этого, полагал Фридрих, не произошло бы, если бы Франция действовала быстрее. Саксония колебалась; нерешительность и отсрочки склонили ее к переходу на другую сторону. Что касается возможных претензий Саксонии к Пруссии в связи с прохождением ее войск, Фридрих коротко написал министру иностранных дел: «Если саксонцы выступают против нас, я не заплачу им *ничего! Rien, comme de justice*»*. Вскоре было установлено, что саксонская армия в 20 000 человек, из которых 6000 составляла кавалерия, идет на соединение с Карлом Лотарингским. Он много раз упоминал саксонское вероломство, поэтому неожиданностью для него их поведение стать не могло.

Теперь Фридриху противостояли силы, значительно более крупные, чем те, что Карл вводил в Эльзас. Его расчеты оказались неоправданно оптимистическими. Соединившиеся австрийцы и саксонцы, которым не мешала французская армия, создавали угрозу основным силам Пруссии. Для него было важно, чтобы противник более не получал подкреплений с севера, из Ганновера, или дополнительных саксонских войск, не ус-

* Ничего, и подделом (фр.).

певших соединиться с Карлом Лотарингским. Он писал о необходимости активных действий, чтобы любые выделенные Британией или Ганновером для Марии Терезии войска удерживались от него на расстоянии. Имперской — или французской армии — следует, как предусматривалось планом, двигаться на Ганновер. Он мог содействовать этому, сконцентрировав прусские корпуса у Магдебурга и угрожая оттуда Ганноверу и Саксонии. Как кошмар Фридриха преследовала вероятность беспрепятственных действий на севере Германии объединившихся саксонцев, ганноверцев и, вероятно, британцев; возможны и маневры враждебной России за линией восточной границы, в то время как они всецело заняты противоборством с основными силами австрийцев и саксонцев в Богемии. Король способен справиться с последней опасностью, если союзники начнут действовать.

Во всем, что касалось Саксонии, Россия выступала в качестве отдельного фактора, а в настоящее время она имела соглашения и с Саксонией, и с Пруссией. 20 октября 1744 года Фридрих составил пять длинных писем, все в разной степени посвященные одной проблеме — каким образом ослабить волю и подорвать репутацию саксонского двора. Фон Мардефельду он написал, что очень желательно добиться симпатии Бестужева, великого канцлера Елизаветы, к Пруссии, но ему понятно, насколько сложной является эта задача. Высказывания Фридриха в адрес Бестужева были достаточно резкими и едва ли оставались для того тайной, нынешняя близость его отношений с Францией также служила этому препятствием. Франко-русские отношения в это время были более чем прохладными. Тем не менее устранение враждебности России стало стратегической необходимостью, и Фридрих направил Бестужеву послание, в котором в пышных выражениях отдавал должное его талантам. В отношении Франции он дал разрешение фон Мардефельду — в конфиденциальном порядке — сообщить, что его политика не является следствием великой любви к Парижу. Пруссия исходит исключительно из стремления помочь баварскому императору-курфюрсту, оказавшемуся в ужасном положении из-за агрессии Австрии. Цели Фридриха — поддержка императора и свободы Германской империи — при существующем положении вещей делают союз с Францией неизбежным. Мотивы чистые и высокие. Оставалось надеяться, что Елизавете удастся убедить Саксонию отвести войска, направленные на помощь Марии Терезии. Он напомнил о существовании прусско-русского оборонительного соглашения и выразил надеж-

ду, что саксонская агрессия не станет поводом для его применения.

В отношении Британии, искавшей поддержки России, Фридрих сообщал о своих договорах с королем Георгом II об оказании помощи, если его страна в действительности подвергнется нападению*. Если Россия сделала бы Пруссии одолжение в саксонском вопросе, то это вовсе не означало бы предательства. Для того чтобы достичь желаемых результатов, он уподоблялся человеку, одновременно жонглирующему несколькими мячами.

Подобная ловкость лишь укрепляла мнение о ненадежности и двурушничестве Фридриха. На самом деле прусский король проводил последовательную линию. Будучи уверенным, что война является справедливой, «упреждающей», необходимость которой вызвана обстоятельствами, он был вынужден использовать любые дипломатические методы, чтобы не допустить ее неблагоприятного для себя развития. Фридрих понимал, что европейские державы пастороженно наблюдают за ним. Он практически ежедневно спосился со своими послами и был в курсе всего происходящего при европейских дворах. В Англии главный министр Картерет выступает с идеей создания широкой антипрусской коалиции с участием России. Саксония, главный министр которой граф Брюль — твердый противник Фридриха, хотела бы лишить Фридриха Силезии, Магдебурга, Хальберштадта, Восточной Пруссии, договорившись о разделе его владений с Австрией, Ганновером и Польшей. Французская армия, вместо того чтобы, действуя в рамках его плана, концентрированными ударами изматывать Карла Лотарингского на территории Баварии и Богемии, выделила значительные силы для осады Фрейбурга-на-Брейсгау в Вюртемберге, владении Габсбургов, не имевшего абсолютно никакого стратегического значения. Фридрих считал свой курс неизменным и разумным, но теперь существовала опасность, что его противники объединятся, а он окажется перед ними безо всякой поддержки. Поэтому прусский король

* Это было не так уж нереально, как может показаться. В январе значительный французский флот из транспортов и кораблей в сопровождении 7000 солдат под командованием маршала Морица Саксонского готовился к экспедиции против Англии, чтобы поддержать принца Чарлза Эдуарда Стюарта, недавно гостившего в Версале, при этом каждому было известно о нехватке у Британии солдат. — *Примеч. авт.*

старался завязать дружественные отношения, где только было возможно. Если Бестужева можно улестить или подкупить, то его долг попытаться это сделать. Другие страны тоже будут искать дружбы России. Казалось, в тот момент из всех правителей у Елизаветы была наилучшая возможность, если бы она этого захотела, выступить посредником в мирных переговорах на условиях, приемлемых для Фридриха, минимальные требования которого — признание за ним прав на Силезию — никоим образом не угрожали России. Он, по его словам, не имел намерения отдавать Европу ни под господство Франции, ни под господство Австрии. Он счастлив, что Россия узнает об этом и поймет его устремления. На всякий случай король также направил письмо принцессе Ангальт-Цербстской, которая все еще находилась в Москве с дочерью, чей брак Фридрих так старательно подготавливал. «Постарайтесь сделать так, милая принцесса, — писал он, — чтобы глаза на саксонские происки были открыты».

22 октября саксонская армия соединилась с Карлом Лотарингским, подошедшим к Баварии. На следующий день, принимая участие в преследовании австрийцев французскими и имперскими войсками, которое Фридрих оценил как опасно медлительное, император-курфюрст вступил в столицу Баварии, Мюнхен. На время, а Фридрих знал, что это долго не продлится, события приняли другой оборот. Несмотря на все его страхи и тревоги, австрийцы оказались в трудном положении. Они вынуждены были прекратить наступление в западном направлении. Инициатива перешла к их противникам. Бавария вновь занята войсками законного суверена и его союзниками. Прага находилась в руках Пруссии. Если бы Вену удалось при помощи других государств заставить признать сложившуюся стратегическую ситуацию, то наверняка ни у кого не осталось бы ни малейшей причины продолжать войну — у Пруссии уж точно. Проблема была бы улажена почти бескровно. Во всех посланиях, написанных в конце 1744 года, Фридрих рассматривал возможности установления мира. Он достигается при помощи его собственной мощной демонстрации от имени императора и в качестве союзника Франции, проведенной в целях противодействия претензиям и амбициям Австрии. Благоприятному развитию ситуации не препятствовали ни Россия, ни Британия. Разве нельзя было объявить проблемы урегулированными хотя бы на время? «Король, — писал секретарь Фрид-

риха Подевилъсу в Берлин 11 ноября, — горячо желает, чтобы мир был восстановлен этой зимой, по крайней мере в Германии». Собственные условия Фридриха остались теми же: признание императора (Мария Терезия по-прежнему не признавала результаты последних выборов), восстановление императорских владений, справедливая сделка относительно отдельных спорных территорий в Богемии и принадлежность Верхней Силезии Пруссии. Эти требования свидетельствуют скорее о последовательности, чем о непасытности. Их выполнение, по мнению Фридриха, привело бы к возникновению более сбалансированной ситуации в Центральной Европе. Они со всей очевидностью демонстрируют стремление к миру, а не жажду войны и завоеваний, приписываемые ему. Упоминание Верхней Силезии отражало его уверенность в том, что споров относительно Нижней Силезии больше не может быть.

Но трудности австрийцев оказались временными, и надежды Фридриха не оправдались. Его оценка ситуации, соотношения сил была чересчур оптимистичной, и он вскоре признал, что давление на войска его противников со стороны Франции оказалось недостаточным и не предотвратило их наступления против него. Он надеялся приступить к основным действиям через некоторое время после взятия Праги, но теперь оказывался перед лицом превосходящих сил противника. Все внимательно наблюдали за его поведением. Русские через Мардефельда пытались деликатно выяснить, не намерен ли король Пруссии дать Карлу Лотарингскому настоящее сражение. Фридрих резко отвечал, что нелегко навязать противнику сражение на обладающей сложным рельефом территории Богемии. Где бы ни происходили стычки, прусские войска показывали себя с самой лучшей стороны, но и тыловое обеспечение оказывало значительное влияние, и оно могло заставить Фридриха отойти, хотя сделай он это, то обязательно вернулся бы в следующем году.

Обстоятельства вынуждали Фридриха быть осмотрительным. Когда у него появилась возможность провести генеральную атаку на австро-саксонские войска у Маршевица, в двадцати пяти милях к югу от Праги и к востоку от Молдау, он расположил армию, вновь продумал ситуацию и принял решение не ввязываться в битву; видимо, это решение было мудрым. Вторая Силезская война теперь развивалась для Фридриха неблагоприятно. Она начиналась неплохо, но обстоятельства действовали против него. Фридриху не хватало везения. Он, однако,

продемонстрировал величие ума, признав, что его большой план не удался и теперь необходимы новые подходы с учетом создавшейся ситуации. В начале ноября, ведя переписку с Подевильсом о возможностях мира, Фридрих отдал войскам приказ отходить к северу, прекратить наступление на Молдаву и оставить Прагу. К середине ноября до известной степени дезорганизованная армия в условиях отчаянной пехватки продовольствия и припасов была вынуждена перейти через границу Богемии, непрерывно атакуемая венгерской и хорватской легкой кавалерией. 9—10 ноября пруссаки, отступая в Силезию, переправились через Эльбу.

Фридрих, вопреки надеждам, которые он питал всего несколько недель назад, мало чего добился, кроме еще более удручающего понимания трудностей военного положения коалиции. Король не проиграл сражение, но потерял большое количество людей, не в последнюю очередь из-за болезней. В соотношении сил перевес был не в его пользу, в определенной степени из-за вмешательства саксонцев; но он никогда не ожидал от Саксонии ничего хорошего, к тому же наверняка знал, что его непрошенный марш через эту страну никак не расположит к нему дрезденский двор. Трудности с тыловым обеспечением кампании в Богемии были полностью предсказуемыми. Угроза со стороны Ганновера, которая так и не получила материального воплощения, также учитывалась в его начальных расчетах. Россия не предприняла никаких шагов. Его наибольшее неудовольствие вызвали медлительность маневров французских войск и их незначительное воздействие на Карла Лотарингского, но Фридрих и этого ожидал. Он так же ворчал и во время предыдущей войны, и вряд ли были причины считать, что развивающаяся ситуация или его увещевания будут сильно влиять на командующих французскими войсками. Король и сам не прибег к маневрам, которые, как он признавал впоследствии, можно было предпринять, чтобы предупредить соединение саксонцев с австрийцами.

Пока Фридрих не проявил себя как мастер маневра. В самом деле, хозяевами положения оставались австрийцы. Разбирая ход кампании, как он делал почти всегда, Фридрих признал этот факт. Австрийцы не позволили ему использовать благоприятную ситуацию, заставили совершать марши и контрмарши, которые им практически не угрожали; создали вместе с саксонцами превосходство в силах там и тогда, где и когда это было необходимо; вынудили его отойти и не дали соединиться с французами. Ав-

стрийскими операциями руководил престарелый фельдмаршал Траун (ему было шестьдесят семь лет), и Фридрих на закате дней, так же как он делал часто и прежде, отдал должное его знаниям и полководческому искусству: «Какой человек! Он был моим учителем! Он научил меня тому немногому, что я знаю! Он исправил мои ошибки!». А когда Фридрих 18 декабря написал Людовику XV «*Relation de ma campagne 1744*»*, то включил туда пассажи, где не побоялся указать на свои просчеты. Он не знал толком, что надо делать после взятия Праги: «Оставляя Прагу, я сделал две серьезные ошибки, которые свели на нет всю кампанию. Мне не следовало так далеко уходить оттуда, предварительно не удостоверившись, что будет гарантировано надлежащее обеспечение продовольствием...»

Король оставил на месте недостаточный по численности гарнизон всего из 6 батальонов и 300 всадников и откровенно винил себя за такое решение. А другая ошибка, в которой он сознался Людовику, была еще более серьезной: «Если бы мы двинулись на Пльзень, то не допустили бы соединения саксонцев с принцем Карлом, захватили основные австрийские склады и к тому же прикрыли Прагу...»

Вместо этого Фридрих пошел на юг на Будвейз и Табор. Во время Первой Силезской войны французы считали, что их уход из этих мест был ошибкой, которая повлекла тяжелые последствия. Фридрих, зная об этом, решил не повторять ее. И оказался не прав.

Таким образом, Фридрих прямо писал о своих оплошностях. Это вовсе не было послание, предназначенное потомкам, оно адресовано другому суверену, от союза с которым зависел исход всего предприятия. Король допустил ошибку, которая непрерывно повторяется в военной истории. «Желаемое принимается за действительное», — честно писал он. Он «представлял себе картины», не имея достаточных данных. Его подвел сангвинический темперамент: надеясь на лучшее, не смог предвидеть худшего. Поскольку Первая Силезская война началась со сражения, Фридрих решил, что такой сценарий повторится вновь и скорость его передвижений приведет противника в смятение. Ничего подобного не произошло. Траун умно маневрировал, спутал планы прусского короля и вскоре добился господства в Северной Богемии.

* Описание моей кампании 1744 года (фр.).

Фридриху, подобно многим военачальникам, доставляло удовольствие составление отчетов о собственных кампаниях. Вольтер льстиво вдохновлял его: «Цезарю пристало писать свои комментарии!» Отчеты, записанные Фридрихом много лет спустя после событий в «Истории моей эпохи», были менее точны и детализованы, чем они смотрятся в зачастую скромных письмах, писавшихся сразу по горячим следам. В «Описании...», обращенном к Людовику XV, содержатся и оправдания, и резкое осуждение политики Саксонии. Фридрих высмеивает ужас, охвативший саксонских министров, когда по пути в Богемию в Саксонии появилась прусская армия. Саксонцы были готовы предоставить пруссакам любую помощь, которую те могли потребовать, и в то же время тщетно пытались не пропустить войска Фридриха. Однако, дойдя до описания собственно военных действий, до трудностей транспортировки и передвижений — особенно после того, как прошли пункт, до которого Эльба была судоходной, у Лейтмерица, — до своих ошибок и просчетов, он был честен и искренен.

Отступить Фридриха вынудили проблемы с тыловым обеспечением, болезни и мелкие стычки с противником, но сделал он это своевременно. В начале декабря австрийцы силами 11 000 штыков предприняли наступление в графстве Глац, а из него — в Верхнюю Силезию. Фридрих перенес штаб-квартиру в Швейдниц, расположенный немного севернее Глаца и юго-западнее Бреслау. В ту зиму все для него складывалось плохо. Курьеров перехватывали. Он предполагал, что один из его шифров разгадан. Фридрих сердито выговаривал Шметтау за несоблюдение мер безопасности. Это было серьезное замечание, а за ним последовало другое, в котором король потребовал, чтобы Шметтау, теперь находившийся в Париже, ограничил контакты с французами теми вопросами, которые он ему поручил. Через неделю Шметтау отзывали.

Поворот военных событий и отход Фридриха в Силезию поставил на повестку дня дилемму, часто возникавшую во время военных действий в восемнадцатом веке. Насколько соответствует этическим и правовым нормам призыв к населению оккупированной территории выступить против ее правителя, пусть даже его право на правление оспаривается? Естественно, для Фридриха это был чувствительный вопрос, поскольку принадлежность Силезии являлась предметом столь жаркого спора между ним и

Марией Терезией. Силезия, провинция, разделенная по религиозному принципу, по общему мнению, управлялась им справедливо, что вызывало чувство удовлетворения у большей части населения. Факты в целом свидетельствуют об этом. Теперь же австрийцы стремились вернуть ее силой оружия — именно вернуть, как они считали, а не завоевать. Для простого силезца власть и смирение явились непростыми вопросами.

В связи с одним из подобных удивительных поворотов, порожденных обычаями, присущими тому времени, Фридрих 19 декабря 1744 года написал письмо Георгу II Английскому, своему дяде-монарху, с которым официально он не был в состоянии войны, по который, будучи твердым сторонником Марии Терезии, определенно принадлежал к лагерю противников. Картерет оставил должность в Лондоне, и Фридрих надеялся на улучшение отношений и большую готовность к установлению мира, хотя шансы на это были не велики. Фридрих сообщил королю Георгу, что Австрийский двор распространил прокламацию. В ней он советует жителям Силезии не подчиняться власти Фридриха. Разве это не прискорбно? Конечно же, прискорбно, как в принципе должна признать Британия, потому что он гарантировал религиозную свободу протестантскому большинству. Но это — и король Георг с этим также должен согласиться — еще более прискорбно для любого государства с конституционной точки зрения, в данном случае для Австрии. Она пытается возбуждать население другой страны против ее законного суверена, признанного в качестве такового международным сообществом, в том числе Британией. Есть еще более важный, даже по сравнению с законностью момент: моральные последствия для любого государства за то, что оно подрывает внутренний порядок другого государства только потому, что они падают в состоянии войны и такая деятельность может быть стратегически выгодна. Поощрение и организация так называемых движений сопротивления являет пример все той же дилеммы. Веллингтон, обладавший большим моральным авторитетом и богатым опытом, заметил, что если люди восстают против своих правителей и просят помощи у их внешнего врага, то разумно ее представить в том виде, в котором ее ждут, и, бесспорно, со стратегической выгодой; но этих людей нельзя подстрекать к мятежу — ответственность слишком велика, а возможность спасти их от репрессий часто слишком призрачна.

Таким образом, 1744 год, безрадостный для Фридриха, подходил к концу. Его большой замысел свелся к маленькому.

Французы в Вюртемберге, казалось, почти ничего не делали. Бель-Иль, французский главнокомандующий, особо ценимый Фридрихом, был захвачен в плен гапшверцами в горах Гарц по пути на совещание. Со сцены на время ушел человек, которого Фридрих считал одним из самых непреклонных противников Австрии, а также умелым солдатом. Король Пруссии посылал письма лорду Харрингтону, заявлявшему после ухода Картерета пост министра иностранных дел, с выражением оптимизма по поводу своего военного положения и с заявлениями о стремлении положить конец военным действиям.

Момент был неблагоприятный. Фридрих всегда старался сохранить теплые отношения с Голландией, Соединенными провинциями. Держа послатника Пруссии в Гааге в курсе событий, он живо протестовал, узнав, что Франция, его союзница, планирует нападение на Голландию, и даже заявил об оказании ей содействия войсками. И все же в январе 1745 года Голландия оказалась в коалиции с его врагами. В том месяце Австрия, Саксония, Голландия и Британия подписали договор о союзе, направленный против Пруссии. Более того, к нему вполне могла присоединиться и Россия. До Фридриха доходили слухи из Санкт-Петербурга о военных приготовлениях, которые, как казалось, не оправдывались ситуацией на севере Европы. Он небезосновательно приписал их влиянию Саксонии и Британии. Они могли искать у России помощи для весенней кампании против Пруссии. Так обстояло дело на севере. На юге Германии австрийцы развернулись и вновь угрожали Мюнхену, после того как полностью выдавили пруссаков из Богемии.

Можно сказать, что Фридрих сам виноват во всех своих несчастьях. Ему вообще не было пужды развязывать Вторую Силезскую войну. Это означало бы игнорирование искренности и видимой верности выводов Фридриха о том, что его самого в скором времени атакуют в силезских владениях. По мнению Марии Терезии и наиболее энергичных из ее министров, Австрия и Габсбургская династия были в опасности, пока король Пруссии занимал любую из частей Силезии.

Затем, 20 января 1745 года, все изменилось. Курфюрст-император Карл VII Баварский умер.

Фридрих незамедлительно принялся писать во всех направлениях об имперском престолонаследии. Он понимал, что Мария Терезия, по-прежнему надеявшаяся заполучить большинство го-

лосов на императорских выборах, будет без усталы работать, чтобы ее супруга, Франца Лотарингского, наконец избрали императором. Возможны варианты, при которых ситуация могла развиваться благоприятно в смысле всеобщего мира. Пруссия поддержит его, если он будет отвечать ее минимальным требованиям. Король запросил своего посла в Лондоне, Андри, какой результат императорских выборов был бы наиболее по вкусу Британии, — он хотел бы помочь. В феврале Фридрих выдвинул идею соглашения с Британией, в котором будут прописаны принципы мира с Марией Терезией. В Мюнхен Фридрих написал о своей верности Баварскому дому, сыну и наследнику покойного императора. Макс Иосиф был еще очень молод. Но теперь в Баварии хотят уступить пожеланиям Марии Терезии. Это мнение скорее всего разделяют большинство германских монархов. В Версаль он сообщал, что смерть императора породила серьезные затруднения — *«plus mal a propos pour tous nos intérêts»** в данный момент быть не может! Если французская армия не поддержит претензии юного курфюрста Баварии — если у него таковые есть, — то курфюршество упадет в объятия Марии Терезии. Это казалось очень даже вероятным. Пока еще было слишком рано делать прогнозы, как Вена отреагирует на новую ситуацию, не считая реакции на кандидатуру Франца Лотарингского как кандидата на императорский престол, или приступить к детальной подготовке новой кампании. Необходимо восстановить численность ослабленной прусской армии. Солдаты болели и дезертировали — обычное зло в армиях восемнадцатого столетия, проводивших наборы во многих регионах. По подсчетам Фридриха, ему не хватало 8000 пехотинцев и 700 кавалеристов. Моральный дух в войсках был слабым. Казна почти опустела. Он знал, что требуется в создавшейся ситуации: победоносное сражение.

Однако с дипломатической точки зрения важно выступать в маске храбреца, контролирующего стратегическую ситуацию. Военная репутация Пруссии была по-прежнему высока и оказывала влияние на колеблющиеся государства, а это означало многое. В конце февраля 1745 года Фридрих сообщил в Лондон о намерении вернуться в Богемию. 14 марта в Потсдаме он заложил первый камень в фундамент здания, которому суждено было стать его любимым Сан-Суси. На следующий день король выехал в войска в Силезию и снова основал двор и воен-

* хуже для всех наших интересов (фр.).

ный штаб в Бреслау. Казалось, в грядущей кампании инициатива будет на стороне Австрии, а Фридриху, несмотря на смелые заявления о возвращении в Богемию, придется отражать австрийское вторжение. Войска неприятеля под командованием Карла Лотарингского сосредоточивались у Оломоуца в Моравии. Фридрих хотел позволить им выйти за пограничные горы, расположиться в Силезии, а затем дать сражение на равнине.

Формально Франция находилась в состоянии войны с Австрией лишь для того, чтобы поддержать законные претензии императора. Формально Пруссия всего лишь действовала от имени императора. Но император умер, и всем было известно, что у Австрии есть твердое мнение по поводу того, кто должен стать его преемником. Оно явно отличалось от того, которого придерживались прежний император из Баварского дома, и те, кто действовал от его имени. Декорации, однако, изменились. 22 апреля Бавария заключила мир с Марией Терезией. Юный курфюрст признал Прагматическую санкцию. Фридрих узнал, что Франция, возмущенная происходящим, выплавивает идею попытаться оторвать Саксонию от австрийского союза и поддержать ее курфюрста, короля Польши, как претендента на императорский трон. «Этого не будет, пока я дышу», — резко отозвался король, хотя в феврале он рассматривал такой вариант в качестве альтернативы австрийской кандидатуре и вновь обдумывал его в июле. Теперь Фридрих также понял, что не стоит надеяться на выгодный мир через посредничество России.

Формально Пруссия состояла в мире с Британией и Голландией, хотя оба государства подписали пакт с Австрией и Саксонией, ее противниками. Фридрих же все еще пытался убедить Британию принять на себя роль честного посредника в обеспечении всеобщего урегулирования, не ущемляющего его интересы. Несмотря на то что Саксония могла оказаться главным противником, предоставила помощь Австрии в недавней кампании, выдвигала претензии Пруссии в связи с прохождением ее армии через курфюршество в предыдущем году, формально у Пруссии был с ней мир. Послания Фридриха Подевиллю в Берлин написаны, как всегда, немного насмешливым, но красивыми стилем: «Я снял шляпу перед ветряной мельницей. Ах, дорогой Подевилль, постарайся быть таким же хорошим философом, как и политиком!» Министр беспокоился и очень суетился в связи с возможностью саксонского вторжения в Бранденбург, король попросил его успокоиться — значение имела лишь постоянная го-

товность покинуть этот мир с его предрассудками и имуществом, вещами, тщеславием и престижем. «Оставайся в уверенности, — говорил он ему двумя неделями позже, — что я и сам вижу трудности ситуации, в которой пахожусь, быть может, даже отчетливее, чем ты». Фридрих обладал даром в самые опасные моменты соединять в единое целое чушь, слова утешения и уверенности. Это всегда действовало. Тем не менее он решил перевести правительство из Берлина в Магдебург.

Ведя переписку и изучая состояние армии после неудач 1744 года, Фридрих мог бы позавидовать, обладая он даром предвидения, простоте грядущего столетия с его четким разграничением войны и мира, практикой однозначного разрыва дипломатических отношений, точными определениями, истинными или умозрительными, того, в чем заключаются государственные интересы, а также мораль международных отношений. Для него и его современников война и интенсивность, с которой она ведется, были, как позднее высказался Клаузевиц*, продолжением политики другими методами**. Они оказались неизбежными. 19 мая Фридрих получил сведения, что австрийцы и саксонцы, собрав 60-тысячную армию, двинулись из Моравии и Глаца на Силезию. Он приказал сосредоточить прусскую армию в нескольких милях к северу от Швейдница, в сорока милях от Бреслау.

Как Фридриху сообщили 21 мая, из мест, далеких от Моравии и Силезии, пришли многообещающие известия. Под Фонтенуа в Нидерландах, или, как называл это место прусский король, Лезом, французы во главе с Морицем Саксонским 11 мая нанесли поражение австро-голландско-британским войскам. К тому же британцы вскоре будут вынуждены вывести свои войска с континента для борьбы с якобинским восстанием под руководством принца Чарлза Эдварда Стюарта, тем летом вспыхнувшим в горных районах Шотландии. «Ребенок, — пи-

* Клаузевиц, Карл фон (1780—1831), немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). Участвовал в войнах с Францией 1806—1807 гг., 1812—1815 гг.; в 1812—1814 гг. на русской службе.

** Этот совершенно неверно понятый и не к месту цитируемый афоризм Клаузевица был принят как пагубная концепция, оправдывающая войну. Напротив, он указывал на истину, выраженную в нравственных и чувственных категориях. Если люди решаются на войну, то это должно делаться в политических целях, — убивают и умирают во имя рациональной цели, а не просто так или ради удовольствия. — *Примеч. авт.*

сал Фридрих о Чарлзе Эдварде, — высадившийся в Шотландии без войск и поддержки, вынудил короля отвести войска, обороняющие Фландрию, чтобы подпереть качающийся трон. Франция поступила мудро, она обязана победами во Фландрии и Брабанте этой диверсии». Судьба, видимо, начала отворачиваться от Австрии и ее союзников, и в Центральной Европе Фридрих теперь сосредоточил армию, примерно равную по численности австро-саксонскому противнику, — 60 000, включая 17 000 кавалерии и 54 тяжелых орудия под его личной командой. Король намеревался ждать противника на Силезской равнине севернее Моравских гор, а завлечь его туда предполагалось при помощи войск генерала дю Мулена из Швейдница, которые должны будут отступать перед австрийцами, когда те появятся, создавая впечатление отхода в сторону Бреслау. Он распространил дезинформацию: пруссаки очень встревожены возможностью быть отрезанными от Бреслау.

Каждое утро Фридрих выезжал верхом на холмы у деревни Стригау, откуда открывался вид на многие мили на юг через всю равнину до подножия гор на границе за Гогенфридбергом. Его войска располагались в многочисленных перелесках и оврагах, в основном, как он надеялся, скрытых от глаз неприятеля до момента его атаки. Австрийцы, Фридрих был в этом совершенно уверен, будут наступать в направлении на Бреслау. Сначала их встретят, а затем отвлекут войска дю Мулена. 2 июня во время обычной утренней рекогносцировки он увидел передовые отряды войск противника, выходившие на открытую местность из Ризенгебирге, самого высокого горного массива в Центральной Европе, и отдал предварительные приказы. На следующий день, 3 июня, наблюдая за противником, Фридрих сделал вывод: главные силы противника начнут наступление несколько позже в тот же день. Вернувшись на наблюдательный пункт во второй половине дня, он увидел, что австрийцы и саксонцы движутся вперед восемью колоннами под уже различимую музыку марша. Предстояло сражение, пруссакам нужна была только победа. Оно могло продлиться весь следующий день и принести длительный мир.

В результате сражения при Гогенфридберге Силезия осталась за Фридрихом.

Командующий австро-саксонской армией Карл Лотарингский в течение вечера 3 июня растянул войска по фронту, вы-

шел из-за холмов и двинулся по равнине в направлении Стригау, немного растянув левый фланг к деревне Пильграмсгайн. Он отрядил гренадерские роты, чтобы занять несколько отдельно стоящих возвышенностей, находившихся к северо-западу от Стригау, — позиции, которые могли стать опорными пунктами для наступления его левого фланга и давали возможность обстреливать продольным огнем контратакующего здесь противника. Австрийская кавалерия получила приказ расположиться на обоих флангах боевой линии войск — на правом между деревнями Томасвальдау и Халбендорф, на левом — перед деревней Пильграмсгайн. Армия расположилась на ночь бивуаком, готовая на следующий день начать сражение.

На юго-запад от Стригау, миная другую деревню под названием Грабен, протекала небольшая речка, Стригауэрвассер. Фридрих ясно представлял расположение противника, хотя и не знал, что он растянул левый фланг до Пильграмсгайна. Король намеревался в темноте переправиться через Стригауэрвассер между Грабеном и другой деревней, Тейхау, а затем двигаться на север до соприкосновения с левым флангом противника и продолжать продвижение в западном направлении, охватывая его позиции. Потом он хотел применить то, что стало его самым известным маневром, — косую атаку: атаку сосредоточенными силами на один из флангов противника при бездействии или использовании меньших сил на других участках боевой линии. Основное направление атаки, *Schwerpunkt*, можно усиливать за счет относительно свободных войск, чем обеспечивался перевес сил, которые, прорвав вражескую линию, сминали ее со стороны выбранного фланга. Фридрих еще не превратил эту тактическую идею в реальную систему, что он сделал впоследствии, но ее элементы уже сформировал.

Успех этого маневра зависел от полноты информации о противнике, при Гогенфридберге ее не хватило. Большое значение имело и то, чтобы движению к месту начала атаки ничто не мешало. Но передовое охранение оказалось втянутым в бой с неожиданно оказавшимися на пути подразделениями противника еще до выхода в намеченный район. Поэтому это сражение не является образцом применения Фридрихом своей тактической системы. Тем не менее элементы знаменитой косой атаки были налицо. Он планировал не фронтальную атаку, а эшелонированное наступление правым флангом. Оно должно было при поддержке сосредоточенной здесь кавалерии привести к прорыву на левом фланге

противника и обеспечить возможность свернуть его боевые порядки слева направо; в данном случае — с севера на юг.

Последние приказы Фридрих отдавал в 2 часа ночи 4 июня. Он привел армию в движение, вернувшись с дневной рекогносцировки, она покинула места стоянок и сразу после наступления темноты, примерно в 21.00 3 июня, начала марш. Главные силы, перед которыми шло передовое охранение, направлялись на север, соблюдая абсолютную тишину. Переправившись через Стригауэрвассер, войска, когда головные части подойдут к Пильграмсгайну, должны были построиться в боевой порядок фронтом на запад.

Фридрих обнаружил, что небольшие возвышенности к северу и западу от Стригау заняты австрийскими отрядами. Передовые силы — 6 батальонов пехоты и 28 эскадронов гусар под командованием генерала дю Мулена — были встречены огнем и остановлены. Теперь стало не понятно, как далеко придется передвигать основные силы, пока Фридрих не окажется перед австрийским левым флангом и сможет развернуть войска. Он выслал вперед артиллерийскую батарею для поддержки дю Мулена, чье положение, естественно, было совершенно неясным, и потребовал от главных сил ускорить переправу через Стригауэрвассер, замедлившуюся из-за того, что один из мостов, в Тейхау, обрушился вскоре после начала движения войск. Пехота маршировала вдоль дорог, оставленных для провоза артиллерии, однако земля была сырой, и это делало движение трудным и медленным.

Как часто случается, начавшееся сражение мало походило на планы высокого командования. Пока пруссаки пробивались на север в предраассветной мгле, кавалерия противника под командованием саксонского герцога Вайссенфельса расположилась к юго-востоку от Пильграмсгайна. Король приказал кавалерии первой линии — двадцати шести эскадронам кирасир — как можно скорее выдвинуться вперед, и она, соединившись с гусарами дю Мулена, вступила в бой с отрядами Вайссенфельса. В двух милях к юго-востоку прусская пехота все еще переправлялась по мостам южнее Грабена. Противник Фридриха в это время выстраивался в боевой порядок с саксонцами на левом фланге, к северу и востоку от деревни Гюнтерсдорф; далее к югу, от нее до Томасвальдау, и на самом правом фланге — до Гальбендорфа — встали австрийцы.

Теперь, по всей видимости, не было надежды продвинуться дальше на север и пытаться провести охватывающий маневр. На

севере кавалерия двух армий уже сошлась в жестокой рубке, которая едва ли поддавалась руководству. В центре, к западу от Грабена, бились 9 батальонов пехоты, первыми переправившиеся через Стригауэрвассер. Затем их число после подхода подкреплений на обоих флангах дошло до 21. Они поступили в распоряжение принца Леопольда Макса Ангальт-Дессауского и начали наступление на саксонцев, которые еще только занимали места расположения, на левом фланге и в центре линии противника. Это был тот самый принц, умелый полководец, командовавший левым флангом у Хотузица.

Солнце только-только взошло. Прусская пехота подтвердила свою репутацию, неумолимо подвигаясь на неприятеля и останавливаясь лишь для того, чтобы произвести залп, когда находилась уже вблизи войск противника. Она выполняла приказ короля: наступать решительно — *«mit starkern Schritt verrücken»*, — а огонь открывать повзводно, только с дистанции в 200 шагов. Сам он разместился на возвышенности в центре поля, где стояла стригауская мельница. К 7 часам утра 4 июня саксонцы были разбиты, и земля усеяна их телами.

Австрийские батальоны на правом фланге и в центре теперь приступили к развертыванию. Фридрих, бросивший всю находившуюся под рукой пехоту в сектор между Гюнтерсдорфом и Томасвальдау, смог собрать еще 18 батальонов для второго эшелона атаки, которая, как он мрачно отмечал, развивалась нелегко. На левом фланге армии находились два его брата — двадцатичетырехлетний Август Вильгельм, принц Прусский, и девятнадцатилетний Генрих. Его позднее будут называть одним из лучших солдат своего времени. Генрих уже участвовал в сражениях при Глогау, Мольвице и Хотузице. Теперь Фридрих произвел его в генерал-майоры.

К 8 утра 4 июня австрийцы были выбиты из деревень и в беспорядке отступали. Кавалерия их правого фланга какое-то время угрожала прусской на левом фланге — та временно уступала по численности австрийцам из-за того, что обрушился мост в Тейхау. На пространстве между Томасвальдау и Гальбендорфом с 7 до 8 часов утра развернулось яростное получасовое кавалерийское сражение. Но генерал-майору фон Цитену — с этим именем уже считались — удалось между Грабеном и Тейхау найти брод и переправить на другую сторону достаточно эскадронов, чтобы решить исход сражения.

Тем временем один из полков Фридриха, Байрейтский драгунский, оставался в резерве, он следовал за пехотой до пункта

южнее Гюлтерсдорфа. Оттуда он, выдвинувшись через порядки прусских батальонов, располагавшихся в центре, атаковал первую линию австрийцев. Прорвав ее, полк ударил на вторую линию, захватив 2,5 тысячи пленных, 60 знамен и 5 орудий. «Каких бы только статуй не воздвигли в Риме в честь этих Цезарей из Байрейтского полка!» — восторженно писал Фридрих Подевилльсу, отдавая распоряжение о подготовке медалей в честь этого сражения, но с *«inscriptions modestes et courtes»**.

К 9 часам утра все было закончено. Фридрих победил, и он заслужил эту победу. Несмотря на то что сражение развивалось не так, как было запланировано, его замысел удался. Король верно решил дожидаться, пока Карл Лотарингский выйдет на равнину, прежде чем начинать сражение; использовал почное время, чтобы скрыть подход своей армии, и смог нанести первые удары, когда противник еще разворачивал войска. Поняв, что продвинуть главные силы так далеко на север, как того требовал его план, невозможно и на его правом фланге неизбежно кавалерийское сражение, он очень умно и эффективно «подпитывал» его. Затем Фридрих изменил главное направление атаки по сравнению с избранным ранее, согласившись с предложениями Ангальт-Дессауского. Стремление упрямо придерживаться заранее выработанного плана при изменившихся определяющих факторах является крупным недостатком, Фридрих им не страдал. Он умел видеть вещи такими, какие они есть, и в предутренней мгле Гогенфридберга сохранил эту способность.

Завершающая часть сражения была героической. Солдаты Байрейтского драгунского полка под дробь полковых барабанов торжественно внесли 50 захваченных знамен и штандартов противника через арочные ворота замка Ронсток и сложили их, проходя мимо короля, находящегося там вместе со своим штабом. Потери Фридриха составили 900 человек убитыми и 3800 ранеными. У австрийцев и саксонцев — 13 800 человек**, в том числе 3000 убитыми.

Под Гогенфридбергом была одержана бесспорная победа. Данное Фридрихом описание происходившего на каждом конкретном участке поля боя, возможно, и не было точно в деталях, но его восторженность — *«une des plus grandes actions qu'il y*

* скромными и короткими посвящениями (фр.).

** Первоначально Фридрих объявил цифру 25 000. — *Примеч. авт.*

a eu»* — конечно, понятна. Потери каждой из сторон говорили сами за себя. Скорость, с которой сражение было завершено, казалась необычной и впечатляющей. Пруссак господствовали на поле боя. Подевилъсу Фридрих скромно написал: *«J'espère que vous serez content de moi!»*** А когда он услышал о намерении Вольтера сочинить поэму об этом триумфе, то сообщил Рутенбургу в Париж, что предпочел бы получить копию последней переработки «Орлеанской девственницы», официально не опубликованной сатирической поэмы***.

Фридриха критиковали не в первый и не в последний раз за то, что он не смог воспользоваться победой при Гогенфридберге, позволил разбитому противнику слишком легко отступить и таким образом восстановить силы. Этот бой должен был стать «одним хорошим сражением, которое закончит все дело», как и хотел он сам. Вместо этого король двинул прусскую армию вперед через горы в Богемию и потратил часть лета 1745 года на марши и контрмарши; в надежде измотать противника угрожал ему то тут, то там; забирал фураж и припасы и лишал тем самым его снабжения. Однако, поступая так, он утомил свою армию не меньше, чем неприятельскую. Критика такого рода игнорирует замыслы полководца, полного надежд и ожиданий, идей и планов. В то время Фридрих, несомненно, надеялся на мир и рассчитывал, что крушение оперативных планов приведет австрийцев к той же мысли.

И еще одно обстоятельство после сражения у Гогенфридберга вменяли в вину Фридриху. Он приказал своей кавалерии не знать пощады в самый разгар битвы. Прусский король отрицал это; он требовал всего лишь, чтобы кавалерия не отвлекалась от боя и преследования и не брала пленных. Критики же решили, что его намерением было уничтожение сдавшихся солдат противника, то есть он действовал не по правилам войны. Это все очень неопределенно, как и многие вещи на войне и мемуары о них. Приказы Фридриха по духу были весьма гу-

* одна из величайших военных операций, какие когда-либо имели место (фр.).

** Надеюсь, вы будете мною довольны! (фр.)

*** «Орлеанская девственница», эпическая поэма Вольтера, первая половина которой была завершена к 1735 г. Она в течение долгого времени распространялась в списках, ее первое пиратское издание появилось лишь в 1755 г., а официальная публикация состоялась только в 1762 г. в Женеве.

манны: забота о раненых, в том числе раненых солдатах противника. Кажется маловероятным, что он отошел от этих принципов во время сражения при Гогенфридберге. К рассказам о зверствах и военных преступлениях лучше подходить осторожно, и не потому, что в любой армии и в любой войне достаточно тому примеров, а потому что записи и соответствующие обвинения всегда в высшей степени выборочны. Злобу, страх, желание мести, путаницу, особые обстоятельства и жестокость, присущие сражению, трудно справедливо описать или понять в более спокойное время. В прусской армии существовала, как выразился сам Фридрих, «*une haine non pareille contre les Saxons*»^{*}; король в июле написал *Манифест*, где перечислялись преступления саксонцев в Силезии и приводились факты, свидетельствовавшие об агрессии Саксонии в поддержку Марии Терезии. Какими бы ни были его приказы и оправдания, король разделял настроение своей армии. Может, лучше оставить этот вопрос в покое.

^{*} «беспримерная ненависть к саксонцам» (фр.).

Глава 8

ВОЕННЫЙ ФИЛОСОФ

Гоенфридберг способствовал летом 1745 года благоприятному для Фридриха развитию событий. Австрия, а также непримиримость Марии Терезии вызывали в Лондоне все большее раздражение. Англию никогда особо не заботило истинное состояние силезского вопроса: то, что Австрия продолжает выяснять отношения с Пруссией, для британцев означало, что она отвлекается от действий против Франции, ее главного противника. В Лондоне знали о надеждах Фридриха на наступление французов в Западной Германии против Ганновера как на механизм давления на Британию, субсидирующую его противников, а также способ отвлечь внимание Австрии от Богемии. Это, естественно, вызывало негодование: Ганновер, находившийся в непосредственной близости от Пруссии, был чувствительным вопросом для Британского двора и правительства. Георг II не любил племянника и не доверял ему. Тем не менее продолжавшаяся война между Австрией и Пруссией не представляла интереса для Британии. Такое построение вполне устраивало Фридриха, уже давно искавшего британского посредничества в вопросе установления мира на выгодных для него условиях.

19 августа Чарльз Эдуард Стюарт, высадившийся за месяц до того в западной части Шотландии, поднял свой штандарт в Глен-фишане. Началось восстание якобитов. Британии приходилось ограничить участие в делах на континенте. 26 августа между Британией и Пруссией была подписана Ганноверская конвенция. В ней Британия не только обязалась уважать права Пруссии на ее владения в обмен на уважение своих прав, но и особо упоминала

Силезию. В ответ Пруссия взяла на себя обязательство вывести из Саксонии и Богемии войска после подписания соглашений с Британией. Фридрих Богом поклялся, что никогда не имел намерения аннексировать территорию Саксонии.

ГапнOVERская конвенция, однако, была ратифицирована только в начале октября, а он тем временем продолжал вести кампанию. Она полностью устраивала Фридриха, став следующим после создания в ноябре 1742 года оборонительного альянса шагом, и упоминание в ней Силезии полностью соответствовало его надеждам и политическому курсу. Естественно, это было неприятно для Франции. Фридрих надеялся, что конвенция станет провозвестницей всеобщего мира, не исключавшего британских финансовых вливаний в Пруссию, но надежда эта была слабой. Он тайне предпринимал шаги для того, чтобы проинформировать Карла Лотарингского о запланированных сделках. В ответ ему холодно заявили об отсутствии у принца сведений, которые бы заставили его прекратить военные действия. Фридрих полагал, что его договоренности с Британией заставят Австрию как ее союзницу, получающую от нее помощь, с большей готовностью взглянуть на мир. Однако это казалось маловероятным, хотя он, естественно, надеялся, что Британия употребит свое влияние в этом направлении. Когда у него было плохое настроение, он начинал думать, что, видимо, без всякой цели обидел Францию. Более того, Людовику XV пришлось смириться с избранием супруга Марии Терезии, Франца Лотарингского, императором, состоявшимся 13 сентября. В ГапнOVERской конвенции Фридрих принял на себя обязательство не мешать этим выборам — его посол воздержался от голосования, уехав из Франкфурта накануне.

В действительности Британия изо всех сил, но безуспешно пыталась заставить Марию Терезию заключить с Фридрихом мир. Эта решительная женщина считала свои владения недопустимо уязвимыми, пока король Пруссии настолько силен, и не хотела слушать увещевания британского посла. После долгих и неприятных проволочек она была совсем рядом от выборов супруга императором. 29 августа ей удалось заключить новое союзное соглашение с Саксонией. Она считала, что споры с пруссаками можно решить только на поле брани. И в этом она не была одинока. В конце сентября Елизавета собралась поддержать Саксонию, «если Саксония вновь подвергнется нападению со стороны Пруссии». Фридрих предположил — вполне

справедливо, — что российская императрица питает к нему глубокую враждебность.

Путем дипломатических усилий Фридриху удалось нейтрализовать одного потенциального противника — Британию — Ганновер. На полях сражений он уменьшил возможности и уверенность еще двоих, Саксонии и Австрии. Но, подписав Ганноверскую конвенцию, он — не в первый раз — посеял недоверие к себе у союзницы, Франции, однако возмущался при этом по поводу финансовой помощи с ее стороны, оказавшейся намного меньше, чем ожидал. И конечно, Фридрих критиковал французскую стратегию, не предусматривавшую поддержку его военных действий. Над ним всегда нависала тень враждебной России. Дела, вероятно, можно было бы поправить еще одним победоносным сражением. На фоне этих сложных и мучительных переговоров на нескольких направлениях Фридрих вел армию через Богемию, через территорию врага, а за ним на солидном расстоянии двигались австрийцы.

Во время остановок на пути через Северную Богемию его войско частенько атаковали вражеские кавалерийские разъезды. За передвижениями прусской армии внимательно следили командующие войск противника, а он настороженно наблюдал за ними во время их регулярной разведки. Его целью были фураж и провизия. Фридрих также надеялся измотать противника, находящегося в замешательстве в связи с его маршем по австрийской территории. Он каждую минуту ожидал известия, что Ганноверская конвенция вызовет в Вене желаемый эффект и военные действия на время прекратятся. Его коммуникации с Силезией находились под постоянной угрозой со стороны австрийских разъездов. Фридрих одержал победу в сражении под Гогенфридбергом, но его противник вовсе не был деморализован. Подевилль в Берлине снова начал беспокоиться по поводу возможного саксонского рейда на Бранденбург. Король ответил: «Я не встречал большего трусишку (*poule-moillée**), чем ты!» Подевилль всегда с тревогой наблюдал за действиями Саксонии, и Фридрих грубо подшучивал над ним. Из его следующего письма Фридрих с болью узнал о смерти Дитриха фон Кайзерлинга, любимого друга прежних дней. «Нам пужно было лучше заботиться о нем минувшей зимой», — печально написал он и подписался, что делал не часто: «*Votre fidèle ami*»**.

* цыплячье сердце (фр.).

** Ваш верный друг (фр.).

В последние дни сентября Фридрих, несколько раз перейдя через Верхнюю Эльбу, двигался маршем на север, река находилась справа. Впереди были Силезские горы, и 29 сентября, обратившись на юг, он встал лагерем у деревни Соор, к востоку от местечка под названием Бюркерсдорф. Король планировал на время отойти в Силезию, добраться до границы между Силезией и Богемией он намеревался на следующий день. И здесь Карл Лотарингский с армией в 40 000 штыков решил его атаковать.

Местность была холмистая, с густым лесным массивом к западу от деревни Кёнигсрайхвальд. Над местностью в полумиле от Бюркерсдорфа возвышался холм, *Granerkoppe*. Карл Лотарингский решил, что сможет пройти незамеченным через Кёнигсрайхвальд, оказаться перед лагерем Фридриха к востоку от Бюркерсдорфа и развернуться для боя, прежде чем пруссаки успеют выйти на поле и построиться. Кстати, этот маневр будет также угрожать прусским коммуникациям в северном направлении. Карл решил в качестве первого важного шага занять холм — тот находился почти на таком же расстоянии от опушки леса.

В воздухе висел густой туман, воспользовавшись им и предутренней мглой, Карл провел на вершину холма 16 тяжелых орудий, 13 эскадронов кавалерии, посаженную на коней пехоту, несколько гренадерских рот и 10 мушкетерских батальонов. Находясь здесь, австрийцы смогут господствовать над пруссаками, когда те приступят к построению боевых порядков: это была ключевая позиция. Главные силы армии Карла затем выдвинулись из Кёнигсрайхвальда, построились, обратившись в сторону Бюркерсдорфа и растянувшись по фронту примерно на четыре мили. Прусская армия находилась в невыгодном положении, поскольку ей необходимо было выделять силы для прикрытия и тылового обеспечения, к тому же она уступала австрийцам по численности почти в два раза.

В 5 утра 30 сентября Фридрих получил первое сообщение о приближении неприятеля с запада. Он отдал приказ сыграть тревогу и поскакал вместе с Леопольдом Максом Ангальт-Дессауским посмотреть и оценить обстановку. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что перед ним основные силы противника, а холм, тактическое значение которого было очевидным, занят неприятелем.

Прусские полки в соответствии с установленной системой построились, не ожидая приказа. Фридрих намеревался разместить войска примерно параллельно Кёнигсрайхвальду и линии австрийских войск, переместив передовые части, которые составят правый фланг, к востоку и северо-востоку от холма, двинуться на восточную часть Бюркерсдорфа и захватить холм. Остальные войска развернутся палево и будут наступать на центр боевого порядка противника. Так и произошло.

Передовые эскадроны кавалерии двинулись в обход холма с востока и принялись взбираться вверх. Им частично удалось уйти с линии огня расположенной на вершине австрийской артиллерии и, двигаясь по крутому округлому склону, разметать примерно вдвое превосходящую по численности австрийскую кавалерию, стоявшую перед линией пехоты. Их задачей было очистить склон от австрийской кавалерии и позволить вступить в дело пехоте. Ее выполнение затруднял рельеф местности, поскольку приходилось действовать на склоне, защищенном небольшой ложтиной. Однако пруссаки свое дело сделали, и австрийская кавалерия отошла, чтобы укрыться в Кёнигсрайхвальде.

Теперь путь для наступления прусской пехоты был открыт. 6 батальонов выдвинулись вперед и получили приказ идти вверх и атаковать в лоб австрийские пушки и изготовившуюся к бою пехоту. Дистанция составляла 500 ярдов. Было 8 часов утра, туман уже рассеялся, и ничто не укрывало наступающую прусскую пехоту.

Это была красивая, но дорого обошедшаяся атака, одна из тех операций, которые стоят очень большой крови, но ее тактические выгоды оправдывают уплаченную цену, поскольку полученная в конечном счете победа спасает многие жизни. Она явилась как бы повторением атаки, проведенной Мальборо на Шелленбергский холм незадолго до Бленхеймского сражения. И, подобно Мальборо, Фридрих понимал, что должен бросать в бой новые и новые силы по мере того, как передовые батальоны редели и погибали на склоне. Через несколько минут он направил на склон еще 5 батальонов — гренадер и мушкетеров — из второй линии правого фланга. Потери были ужасными; среди многих погиб и младший брат королевы, принц Альбрехт Брауншвейгский. Первая линия дрогнула, откатилась назад и смешалась со второй. В конце концов вся масса войск или, вернее, те, кто еще был жив, достигли вершины холма и артиллерийских позиций. Господствующая над полем сражения высота была в руках пруссаков.

Тем временем батальоны центра и левого фланга войск Фридриха, которые он планировал придержать до овладения *Granerkoppe*, двинулись вперед — не ясно, по чьему приказу, или вообще без приказа — через Бюркерсдорф и южнее его. Сначала они были остановлены огнем австрийских батарей, стоявших непосредственно перед ними, но затем вновь пошли вперед под предводительством другого свояка короля, принца Фердинанда Брауншвейгского, который впоследствии стяжает лавры победителя в сражении под Минденом и многих других. Эти батальоны бросились в штыковую атаку. Она обратила австрийцев, понесших тяжелые потери, в бегство. Бой закончился к полудню. В соотношении с количеством участвовавших войск это было дорогое для обеих сторон сражение. Фридрих потерял почти 4000 человек, убитыми 850; потери Карла Лотарингского составили 7500. И опять, несмотря ни на что, пруссаки оказались сильнее. Они победили.

Фридрих признавал с простотой и скромностью, составлявшими его наиболее привлекательные черты, что Карл Лотарингский застиг его врасплох при Сооре, местечке, давшем название этому сражению. В длинном письме к Подевилльсу король отдал должное австрийским войскам. Он недооценил предприимчивость неприятеля и позволил крупным силам противника незаметными приблизиться к его западному флангу на опасную дистанцию. Фридрих мог бы также сделать себе замечание за то, что с самого начала не занял возвышенность *Granerkoppe*. А потом прусская армия сделала все как надо — ее выучка, дисциплина, сплоченность выше всяких похвал. Инициатива, проявленная низшими по чину командирами, подготовленными Фридрихом, была великолепна. Победа, говорил король, стала в меньшей степени результатом командования, она полностью зависела от качества самой армии. Под Соором он попал в неприятность, но армия вытащила его из нее, хотя в письме к Подевилльсу есть совершенно справедливые слова, что его «*promptitude et courte résolution*»* тоже чего-то стоили! Как бы ни превозносил Фридрих свои войска, его убежденность и уверенность в себе теперь были непоколебимы. В том же письме он говорит, что это сражение объясняет замечание Георга II, брошенное австрийскому министру в Лондоне: король Пруссии способен больше сделать за один день, чем Карл Лотарингский за шесть недель. Ангальт-Дессаускому король написал:

* находчивость и своевременные решения (фр.).

«Наши люди, и кавалерия, и пехота, *überwindlich!*»* «Если теперь наши переговоры не пойдут хорошо, то они уже никогда не пойдут», — сказал он Подевилъсу.

Личный багаж Фридриха был захвачен неприятельским разъездом, как он сказал, из-за халатности ответственного офицера. Его шифры были похищены и раскрыты. В связи с этим он поспешно написал инструкцию по соблюдению безопасности переписки. Король очень переживал из-за исчезновения любимой гончей суки Бихе. Он любил Бихе, а та его.

К утрате одежды, палаток, походной мебели, серебряной посуды и музыкальных инструментов Фридрих отнесся философски. 2 октября он написал Фредерсдорфу, что потерял все и ему нужно получить от казначея, Коппена, 10 000 талеров. Фредерсдорф вел личные дела короля, в том числе передавал его инструкции и пожелания всем придворным должностным лицам. Официальные лица, занятые дворцовым хозяйством короля, посящие звучные титулы — Смотритель Двора, Шталмейстер, Кастелян, — все как один находились под надзором одного-единственного человека, Михаеля Габриеля Фредерсдорфа, который назывался просто Первым Камердинером и личным секретарем. Он был влиятельным человеком и незаметным другом короля. Фридрих писал ему о своем здоровье, частенько высмеивая врачей («*Grosse Idioten!*») и сочиняя собственные грубоватые теории по медицинским вопросам. В случае малейшего нездоровья самого Фредерсдорфа Фридрих проявлял трогательную заботу: «*Gott bewahre Dich und mache Dier wieder gesundt [sic]*»**. Переписка между ними по большей части касалась болезней и денег, а также личных дел.

Рассказывая Фредерсдорфу о потерях, он первым делом упомянул об утрате своих лошадей, Анны-Марии и Чемпиона, затем перешел к членам свиты, кабинет-секретарю, шифровальщику, личному доктору, которые все еще числились пропавшими; потом привел несколько имен погибших, в том числе двух генералов, Бланкенбурга и Бредова. Король также упомянул погибшего свояка с пугающим безразличием — «Не велика потеря», — что отражает его нелюбовь к жене. Фридрих умел маскироваться — и часто делал это очень элегантно — дипломатичными и изысканными комплиментами. Однако он никогда

* непобедимы, способны преодолеть все (нем.).

** Пусть Бог хранит тебя и пусть принесет тебе здоровье (так) (нем.).

не поступал так в отношении близких и не скрывал своих истинных чувств. По этому поводу — что необычно — королева с горечью сказала младшему свояку, Фердинанду, которому было всего пятнадцать лет: «Я привыкла к его манерам, но когда один из моих братьев умер у него на службе, такое поведение *слишком жестоко!*» Неделями позже Фридрих написал короткое и чуть более теплое письмо: «Он был смельчаком. И я удивляюсь, что его не убили много раньше».

6 октября Фридрих возобновил марш на север, в сторону Силезии, и 19 октября его армия пересекла границу. Находясь на поле боя, он, помимо всего прочего, запросил письмом у Фредерсдорфа нюхательного табака. Король употреблял большое количество любимого испанского нюхательного табака, настолько обильно просыпая на себя, что его одежда, особенно когда он состарился, часто была вся в табачных пятнах. А Бихе не умерла. Через несколько дней, после множества тревожных запросов похитители вернули ее в лагерь Фридриха в нескольких милях к юго-западу от поля боя и без шума доставили в его ставку под Ротенбургом, когда король, ничего не подозревая, сидел в одиночестве и писал письма. Бихе кинулась к столу и положила лапы ему на плечи, и его увидели плачущим.

Фридрих внимательно наблюдал за действиями британского правительства в связи с Ганноверской конвенцией, которая теперь была ратифицирована. Ему обещали субсидии из Лондона, и он в конце октября стал настаивать, чтобы их выплатили на целый год вперед. Пока было незаметно, что мирные усилия Британии возымели какое-либо влияние в Вене. Фридрих всячески демонстрировал хорошие отношения с Лондоном. Он предложил 6 прусских батальонов для борьбы с якобитским восстанием. Эти войска должны использоваться только на территории Британии. Они вернутся в Германию, когда потребность в них иссякнет. Если их численность покажется Георгу II недостаточной, то Пруссия может послать значительно больше. Однако Фридрих вообще не мог послать никого, пока не установлен мир с Марией Терезией, — вполне недвусмысленный нажим на Лондон.

Между тем Фридрих знал от своих людей в Париже, насколько болезненно там воспринята Ганноверская конвенция. Он попытался апробировать идею о возможном мире между Францией и Британией, который изолировал бы Австрию, хотя

и знал, что шансы на это ничтожны. Существовал якобитский фактор, а также франко-британское противоборство на далеких континентах, которое все больше будет выступать определяющим моментом на протяжении столетия. На его собственных границах надежды на ослабление напряженности, казалось, почти не было. Прусский король понял, что австрийцы не согласятся окончить военные действия, несмотря на его победы под Гогенфридбергом и Соором. Русская императрица обязалась поддержать Саксонию против него, если она подвергнется нападению. Таким образом, Фридрих оказался перед лицом двух непримиримых женщин.

Шведский посланник в Саксонии на самом деле был агентом Фридриха в Дрездене. Он обо всем сообщал шведскому посланнику в Пруссии, а у того были прекрасные связи при прусском дворе. Фридрих вернулся в Берлин в конце октября и узнал из этого и других надежных источников, что Мария Терезия, вовсе не собираясь уступать давлению Лондона и не замечая настоятельных сигналов о необходимости поисков мира, поступавших с полей сражений, готовилась к зимней кампании. Ее планировали начать из Саксонии. Она должна была поставить под угрозу коммуникации прусских войск в Силезии и Богемии. В случае удачных действий и сам Бранденбург мог оказаться в опасности. И вот в начале ноября 1745 года Фридрих получил информацию, что австро-саксонская армия движется в северном направлении из Лусатии, района Саксонии вокруг Горлица и Бауцена, а австрийские войска тоже находятся на марше, намереваясь соединиться с силами саксонцев, расквартированными у Лейпцига. Необходимо подготовить контрход, возможно, иной, чем сражения, которые он проводил до того. «Более чем когда-либо, — написал король 6 ноября Морицу Саксонскому, признательный за поздравления «знатоку боевых действий» по поводу недавней кампании, — я уверен, что в каждой стране следует вести различную по виду войну». 16 ноября он покинул Берлин и поспешил в войска.

Армия, заплатившая дорогую цену за победу при Сооре, была отведена через горы на север, в Силезию. Фридрих решил вести ее на запад против восточного фланга неприятеля в Лусатии. 23 ноября он переправился через реку Кейсс у Наумбурга, служащую восточной границей Лусатии, и в тот же день его кавалерия обрушилась на саксонцев, расположившихся ла-

герем у Хеннерсдорфа, захватив почти 1000 пленных и армейские склады в Горлице. Тогда австрийцы отошли через Циттау к границе Богемии. Контрход благодаря скорости и энергии, с которыми он был осуществлен, принес успех.

Но враг не унывал. На западе австрийские силы — 6000 человек под командованием генерала де Грюнна — соединились с саксонцами под Дрезденом, а в начале декабря Фридрих узнал, что Карл Лотарингский вывел главные силы австрийской армии из Богемии на соединение с ними. Фридрих находился в Бауцене, почти в семидесяти милях от противника. Ближе к неприятелю находилась другая прусская армия в 25 000 человек, которую принц Ангальт-Дессауский, сам Старый Дессаусец, собирал довольно долго. Фридрих планировал, чтобы она вторглась в Северную Саксонию со стороны Галле. Старый Дессаусец уже был на марше. Он двигался в южном направлении вдоль Эльбы на Дрезден. Король поддерживал с ним связь через курьеров и передавал обычную информацию и тактические инструкции. 2 декабря он направил из своей армии войсковую группу, 50 эскадронов кавалерии и 10 пехотных батальонов во главе с генералом фон Левальдом, на соединение с опытным прищем Ангальт-Дессауским у Мейсена, а сам начал марш на Дрезден. Противнику будут угрожать с двух направлений.

13 декабря Ангальт-Дессауский подошел к Мейсену и соединился с Левальдом на западном берегу Эльбы — объединенные силы составили около 33 000 человек. С этим войском он разбил у Кессельсдорфа, южнее Мейсена, объединенную австро-саксонскую армию, проведя яростную фронтальную атаку на численно превосходящего противника. Пруссак потеряли 3500 человек, из них 1000 убитыми; саксонцы оставили на поле боя 3000 убитых, а 5000 попали в плен. Это был полный триумф. После битвы обе части прусской армии, Фридриха и Ангальт-Дессауского, соединились. Когда два полководца встретились под стенами Дрездена утром 17 декабря, Фридрих соскочил с коня и обнял славного старого родственника.

Это был счастливый исход после нескольких дней, в течение которых Фридрих пребывал в некотором расстройстве. Его раздражала кажущаяся медлительность движения западного крыла прусской армии под командованием его самого выдающегося — и самого старого — полководца. «Не стану притворяться, — написал он старому Дессаусцу 9 декабря, набравшись храбрости, — что я полностью доволен действиями Вашего

Высочества — Вы передвигаетесь так медленно!» Там были и другие, не менее обидные выражения, хотя на следующий день Фридрих прислал нечто вроде смягчающих поправок. Он был груб в отношении подчиненных командиров, невзирая на их заслуги. Старому Дессаусцу исполнилось шестьдесят девять лет. Многие из этих лет, начиная с осады Намюра в 1695 году, он провел на войне, участвуя вместе с Евгением Савойским и Мальборо в большинстве кампаний войны за Испанское наследство. Он был гофмаршалом с момента рождения Фридриха, воспитателем и наставником войск, имевших самую высокую репутацию в Европе, больше, чем кто-либо, сделал для воспитания несравненной прусской пехоты, которую Фридрих использовал с таким успехом. Старый Дессаусец чаще других вступался за кронпринца перед Фридрихом Вильгельмом. Теперь же кронпринц стал королем, главнокомандующим и отчитывал его, величайшего героя Пруссии, за медлительность!

Старый Дессаусец, конечно же, был для Фридриха в молодости духовным наставником в военном деле, но сейчас великий старик стал медлителен и осторожен. Он не приветствовал рискованную Силезскую кампанию. Повидав много войн, старый Дессаусец не хотел закончить свои дни, наблюдая поражение Пруссии. Истинный лютеранин, полководец всегда молился перед сражением и особенно горячо обращался к Богу 15 декабря 1745 года — и выиграл для Фридриха великую битву под Кессельсдорфом, свою последнюю битву, во время которой шел впереди полка, и три пули пробили его камзол. Королевские объятия знаменовали конец военной карьеры великого воина, умершего через два года, и конец Второй Силезской войны. Кессельсдорф решительно сместил чашу весов. Дрезден сдался Фридриху 18 декабря, и мир с Австрией и Саксонией был подписан здесь же в Рождество 1745 года. В соответствии с мирным соглашением Силезия и Глац признавались как владения Фридриха, а он принимал Прагматическую санкцию и признавал императором Франца Лотарингского.

Король Пруссии радовался заключению мира. В день Рождества 1745 года он написал резкое послание французскому послу, Валори. Во время недавней кампании, отмечал Фридрих, он был полностью покинут союзниками: получил недостаточные субсидии и не имел поддержки ни войсками, ни какими бы то ни было стратегическими маневрами. В таких условиях — Франция могла давным-давно это предвидеть — у него не оставалось

другого выхода, кроме заключения мира. Франция выказывала возмущение, но реакция Фридриха на это возмущение была справедливой. Пруссия в одиночестве вела войну в Центральной Европе, а Франция получала от этого выгоды. Он указал с ядовитой вежливостью и в равной степени твердо в послании Людовику XV, переданном в тот же день через Валори: *«Je n'entre point dans les raisons qu'elle peut avoir d'abandonner ses alliés à leur propre fortune; cela fait que je sens doublement le bonheur que j'ai de m'être tiré d'un pas très scabreux par la valeur de mes troupes»**.

В «Истории моей эпохи» Фридрих строго подошел к своим действиям во время Второй Силезской войны. Сразу после Дрезденского мира король некоторое время посвятил этой работе и написал, что ни один военачальник не допустил столько ошибок, как он. Фридрих недооценил сложности тылового обеспечения кампании в Богемии, проблемы, создаваемые труднопроходимой местностью, и проходы между Саксонией и Силезией. Он недооценил способности австрийских командующих, как и прежде, возложил слишком большие надежды на влияние французов на военные операции австрийцев. В стратегическом плане прусский король оказался изолированным перед лицом превосходящего по численности противника и из затруднительного положения вышел лишь благодаря армии и счастливой возможности, как он выразился, провести три сражения. Не будь этого, ему попытались бы навязать совершенно неприемлемые условия.

Здесь присутствует некоторое преувеличение. Оценки Фридриха в данном случае были ошибочными, но он исправил их последствия с похвальной быстротой и гибкостью и вернул себе самообладание. Запимаясь самобичеванием, он, однако, никогда не вишил себя в том, за что его критикуют многие историки, — за решение вообще пачать войну. Здесь его совесть была чиста. Ситуация складывалась не в пользу Пруссии, и, повинаясь долгу перед ней, он ударил первым, надеясь, что положение в результате улучшится. Тут он никогда не колебался.

Его положение на самом деле улучшилось непамяного. Дрезденский мир предоставил Пруссии передышку. Результаты вой-

* «Я не понимаю причин, по которым можно было покинуть своих союзников, предоставив их собственной судьбе; так уж получилось, что мне, как видно, вдвойне повезло, что меня выручила из опасности храбрость моих войск» (фр.).

ны продемонстрировали возросшую военную мощь прусской армии. Обладание Силезией было вновь признано — как часто случалось, но так же часто происходило и обратное в связи с очередной попыткой Австрии вернуть Силезию. Фридрих писал, что война необходима для удержания Силезии и обеспечения уважения к Пруссии, и эта точка зрения была вполне здоровой. При этом он понимал, что проблема все еще не решена до конца. Она состояла в нежелании Австрии признавать реальность возросшего авторитета и значения Пруссии, а также ее территориальные приобретения. Из Второй Силезской войны он вышел с ощущением опасности. Она дорого ему обошлась: казна была практически истощена, хотя и Австрии она стоила недешево.

Непосредственные интересы Фридриха лежали в стратегической и военной областях, но предстояло еще выполнить немало дипломатической работы. Король часто заявлял в письмах, адресованных прусским послам, что изумлен, насколько доверяют всякого рода злобным рассказам относительно его намерений. Он приписывал это главным образом недоброжелательности Австрии и в некоторой степени Ганновера. В течение нескольких лет после Дрезденского мира Фридрих был бдителен как никогда. Он с прискорбием понял, что окружающие суверены не доверяют ему, а он не доверяет им. Мольтке* позднее заметит, что вечный мир — это сон. Фридрих придерживался того же мнения. Его беспрестанно тревожили безопасность Пруссии, намерения Австрии и политика России.

Король Пруссии заключил оборонительный договор со Швецией, в равной степени непопулярный как в России, так и в Англии. К нему позднее присоединилась и Франция. В Курляндии, вблизи от прусских границ, находилась большая русская армия, к тому же Россия строила на Балтике целый флот. Для чего? Он с подозрением относился к поведению русских войск, особенно казаков и регулярных частей, когда те проходили рядом с его владениями. Ему доложили: поговаривают, что его мощь опасно возросла и он поглядывает в сторону Польской Пруссии. Почему? В то же время Фридрих передал наилучшие пожелания Елизавете, и, услышав, что у берлинских мастеров заказаны кареты для русского двора, король решил подарить ей специальную карету. Он всегда с крайним

* Мольтке (Старший), Хельмут Карл (1800—1891) — граф (1870), германский генерал-фельдмаршал (1871) и военный теоретик.

подозрением относился к близости России и Саксонии, будучи уверенным, что однажды это приведет к нападению на Пруссию. Его подозрение сбылось. Граф Брюль, главный министр Саксонии, был в глазах Фридриха «*Le dernier des misérables*»*, и он говорил Валори, что саксонцы столько раз обманывали французов, что можно сбиться со счета. Лишь в 1748 году в Европе установится некоторое подобие мира, и то на короткое время. Между тем в 1746 и 1747 годах письма и заботы Фридриха свидетельствовали, что он ощущает себя монархом, которого окружают военные тревоги, хотя на самом деле он войны не вел.

А большая часть Европы в действительности по-прежнему воевала. Время было непростым, и неуверенность и раздражительность Фридриха порой проявлялись в его грубости в обращении со своими послами. Обычно король держал себя вежливее, умел быть признательным и благодарным за исчерпывающее донесение, за проникательную оценку. Но — «я должен сказать, что недоволен (*mal content*) тобой», — написал он в Лондон Андри 10 мая 1746 года и продолжил: Андри, видимо, плохо информирован, а также неспособен противостоять различным вредным слухам, которые распускаются относительно короля Пруссии.

Он также был строг в отношении стиля и деталей. Его человек прислал из Вены длинную зашифрованную «апологию». Фридрих: «Я бы хотел, чтобы шифр использовался только в интересных случаях!» В отношении посла в Гааге, фон Аммонна, представлявшего Пруссию на переговорах по подготовке договора в Экс-ла-Шапель**, король категоричен до предела: «Вы должны позаботиться о том, чтобы избегать в ваших докладах мелких и ненужных деталей, вроде той, что вы провели ночь в Роермонде, — всех личных вопросов, которые для меня не представляют ни малейшего интереса!» Мардефельду в Санкт-Петербург он написал в июле 1746 года, что посол находится чересчур занятым для себя составление докладов о происходящем в покоях императрицы, которые в обычное время, может, и позабавили бы короля, но в критические периоды, подобные нынешнему, «*ne me paraissent guère intéressants*»***!

* последним ничтожеством (фр.).

** Договор, подписанный в Экс-ла-Шапель, ознаменовал окончание войны за Австрийское наследство. Переговоры шли долгое время. — *Примеч. авт.*

*** не представляют для меня особого интереса (фр.).

Фридрих держал послов в напряжении, и вряд ли они всегда радовались, получая от него корреспонденцию.

Порой они выказывали обиду. В письме к Мардефельду, датированном июлем, Фридрих, ссылаясь на более раннюю переписку, успокаивал посла: «Вы неправильно меня поняли, дорогой Мардефельд, если предположили, что я *хоть на один момент* сомневаюсь в вашей преданности». Вопрос заключался не в преданности, а в точности информации. Втайне шла подготовка австро-русского договора, и, поскольку был мир, Фридрих направил племянника главного министра, Отто фон Подевиля, в качестве чрезвычайного посланника в Вену, чтобы быть в курсе происходящего.

Подевильс докладывал в конце июля, что предложенные соглашения, кажется, носят исключительно оборонительный характер; он беседовал с большим числом других послов, включая британского посла, Робинсона, и его в этом уверили. Фридрих забеспокоился еще сильнее — во всяком случае, он был плохого мнения о Робинсоне, полагая, что тот без ума от Марии Терезии. Сделки между Австрией и Россией всегда требовали самого пристального внимания. Бестужев, и Подевильс в Вене с этим соглашались, стремились придать любому соглашению с Австрией более наступательный характер, но в настоящее время не мог сделать по-своему. Фридрих имел все основания для беспокойства: в соглашении были секретные статьи, о которых узнали позже, прямо направленные против Пруссии. Еще более усилили подозрения сведения, что Георг II в качестве курфюрста Ганновера предлагал присоединиться к этому соглашению.

Как участникам того, что с определенными допущениями можно назвать недавним антифранцузским союзом, австрийцам и британцам был обещан русский экспедиционный корпус в 30 000 штыков, который предположительно войдет в Нидерланды, примет участие в борьбе против французов. Фридрих смотрел на это безо всякого энтузиазма. Король сомневался, что русские выступят так скоро, как надеются союзники, но их реальная цель, он это знал, заключалась в том, чтобы удержать Пруссию от любых шагов в поддержку Франции против Ганновера. Это Фридрих считал понятным — на ранней стадии войны, которая теперь для него была окончена, он открыто настаивал на французской демонстрации против Ганновера, и контрдemonстрация с участием русских войск правомерна, хоть и нежелательна; однако теперь все было совсем по-другому.

Политику Франции он считал лукавой. Она, казалось, никак не могла решить, нужен ли ей всеобщий мир, за который выступал Фридрих, или же продолжение войны в той или иной форме, в том или ином месте, ради отдельных целей. На самом деле Франция постепенно подходила к пониманию необходимости всеобщего мира, но некоторые примеры предательства французов, как это понимал Фридрих, в недавней кампании заставляли его держаться настороженно. Тем не менее французы по-прежнему вели военные действия во Фландрии, и король Пруссии с величайшим вниманием следил за их ходом. Он с восхищением наблюдал за маневрами Морица Саксонского и написал ему в октябре 1746 года полное лестных отзывов письмо, подписавшись «*votre affectionné ami, Frédéric*»*. Саксонский, теперь уже маршал, нанес поражение командующему армией голландских государств в мае 1747 года. За ним последовала революция в Голландии, вновь приведшая к власти дом Оранских, вручив им трон штатгальтеров. Теперь французы владели в Нидерландах полной инициативой, несмотря на поддержку Британией австрийцев и голландцев.

С военной точки зрения она была не очень большой, и в июле 1747 года союзная армия — австрийцы, голландцы и британцы под командованием герцога Камберленда — была разбита под Лауфельдтом. «Это научит Камберленда, — писал Фридрих, — отличать смелость (*audace*) от безрассудства (*témérité*)». Бытовало мнение, раздражавшее прусского короля, что может быть заключен брак между Камберлендом и его сестрой, Амелией, которая так и не вышла замуж и позднее стала аббатисой в Кведлинбурге. Британцы разочаровались в войне и в значительной мере в борьбе Марии Терезии, что радовало Фридриха. Переговоры, затем увеичавшиеся Экс-ла-Шанелльским** договором, начались в январе 1748 года, и в том же месяце Фридрих направил кузену, принцу Уэльскому, восторженное письмо и свой портрет в качестве подарка. Он всегда надеялся, что после смерти Георга II появится возможность наладить отношения между Британией и Пруссией.

В действительности наследником Георга II стал не старший сын, а внук, Георг III, и лишь в 1760 году. И все же в то время

* ваш любящий друг (фр.).

** В отечественной историографии мирный договор, по которому закончилась война за Австрийское наследство, называется «Ахенский мирный договор».

был установлен один контакт, который, возможно, мог оказаться полезным в будущем. Британское правительство направило в Берлин в качестве посланника Генри Легга, личного секретаря сэра Роберта Уолпола. Он был лордом Казначейства и Адмиралтейства, готовился стать на несколько лет канцлером Казначейства, включая период Семилетней войны, и рассматривался в качестве самого умелого финансиста своего времени. Легг был уполномочен вести переговоры относительно денег, которые Силезия якобы задолжала Британии, о Силезском займе. Они оказались безуспешными; но Легг имел также задание выяснить у Фридриха его отношение к возможности союза между Британией и Пруссией, когда война будет окончена, то есть после ратификации Экс-ла-Шапелльского договора. Пока они беседовали, по словам Фридриха, *«particulier a particulier»**. Власти Ганновера постоянно озабочены исходящей из Пруссии угрозой курфюршеству — есть ли для этого основания, хотел знать Лондон. Легг был близким другом Уильяма Питта, будущего графа Чэтэма, занимавшего в то время невысокие должности в британской администрации, но ему предстояло стать духовным лидером британской политики и преданным другом Фридриха. Легг, несмотря на свидетельство**, что король обошелся с ним не очень хорошо, видимо, оставил у Питта благоприятное впечатление о нем. Он доложил, что Пруссия особенно опасается мощи России.

Территориальные приобретения Фридриха были подтверждены Экс-ла-Шапелльским договором, заключенным Францией и Британией как основными договаривающимися сторонами. К нему с некоторыми сомнениями присоединились их союзники. Скромные цели, ради которых затевалась война, были достигнуты, он всегда ставил перед собой реальные задачи. Британия предприняла новые усилия, чтобы заставить Фридриха в полном объеме принять Прагматическую санкцию, по-прежнему главное устремление Марии Терезии, однако он ответил, что кое-что оставит за собой, поскольку Австрия так и не выполнила перед ним свои обязательства, вытекающие из Дрезденского договора, по которому империя должна гарантировать ему силезские владения. Фридрих ранее согласился принять ее, но ожидал обещанного австрийцами признания. Для него было важно, чтобы ситуация, возникшая в результате

* частное лицо с частным лицом (фр.).

** Горация Уолпола. — *Примеч. авт.*

силового превосходства Пруссии, осталась неизменной. Австрия была непримиримой. Ганновер — враждебен. Россия представляла растущую угрозу. Франция оказалась неспособной дипломатически использовать сильные военные позиции в Нидерландах в конце войны. Она бы несколько не сожалела, увидев, что Фридрих вновь втянут в войну с соседями.

Внимание Фридриха к деталям и овладению нюансами европейской дипломатии вызывало уважение, но таило и опасности. Он обладал информацией, которой не имели его чиновники. Поэтому они перед лицом подобной компетентности, соединенной с властным и зачастую нетерпимым характером, стремились строить доклады так, чтобы сообщения совпадали с мыслями короля, то есть говорили то, что он хотел услышать. Письмо, начинающееся словами *«vous méritez mon approbation»**, несомненно, грело сердце посла, однако за этим могло последовать поздравление, что посол разделяет мнение, которое, как всем известно, принадлежит Фридриху. Король умел наводить ужас — неизменное свойство властной натуры — и таким образом подвергался риску уменьшения искренности получаемых советов.

Но он всегда умел внушать любовь, знал, как подсластить пилюлю, если чувствовал, что обидел незаслуженно. «Не сердись так на меня! — писал он ле Шамбрие в Париж. — Черт не так страшен, как его малюют в Женеве! Помни, что если ложное усердие присуще фанатизму, то терпение — атрибут истинного христианина!» Ле Шамбрие сообщил, что говорили во Франции о религиозных воззрениях Фридриха, и король ответил очень резко, но добавил этот смягчающий постскрипtum. Тем не менее он держал ле Шамбрие — и всех послов — в определенном напряжении. «Должен тебе сказать, — писал он ему, — что мне надоело читать в твоих депешах почти слово в слово то, что я написал тебе!» Король указал Шамбрие, что тот должен говорить французским министрам; посланник доложил о выполнении задания, но при этом повторил данные ему инструкции. Фридриха было легко рассердить.

Более серьезное послание он написал ле Шамбрие в конце 1748 года относительно ситуации во Франции. Есть ли у французов возможность при всех их огромных ресурсах держать под ружьем большую армию и к тому же стремиться соперничать с Британией на море? Не ослабит ли себя Франция в Европе и

* Вы заслуживаете мое одобрение (фр.).

дома, стараясь сохранять позиции в Индии и в других местах? Не могут ли во Франции в таком случае рассматривать сложившуюся сегодня в Европе ситуацию скорее как перемирие, а не как пастоящий мир? Фридрих со своих позиций мог бы полагать, что Франция, вовлеченная в великое соревнование на море и в колониях, имеет все причины стремиться к миру в Европе, но он так не считал. Напротив, был убежден — до того момента его самый большой в жизни просчет, — что Франция никогда не отступится от соперничества с Австрией на континенте, в то время как между Францией и Британией невозможны ни мир, ни доверие. Фридрих не видел причин для разрыва отношений с ними или содействия их взаимопониманию. Он чувствовал, что в соперничестве и невероятных амбициях великих держав заложена фундаментальная нестабильность.

В июле 1749 года надежный источник сообщил Фридриху, что российская императрица Елизавета, обеспокоенная угрожающей ситуацией в Швеции, решила направить русские войска в Шведскую Финляндию в качестве меры предосторожности. Его тревога усилилась, ее едва ли смогло уменьшить сообщение о поддержке Саксонией России против Швеции. Из всего этого ничего не вышло. Разразившийся было кризис сошел на нет к февралю 1750 года, отразив, однако, хрупкость общей ситуации. Различные государства наблюдали друг за другом с нарастающей подозрительностью, а Пруссия находилась в их окружении. Фридрих внес свою лепту во всеобщую первозность, его репутация, связанная с дерзкими, предвосхищающими действиями, лишь усиливала напряженность в Европе. Несмотря на окончание войны, началом которой послужили действия Пруссии, континент походил на военный лагерь.

Потому неудивительно, что сразу после заключения Дрезденского и Экс-ла-Шанелльского договоров основное внимание Фридриха было приковано к стратегическим и военным вопросам. В это время, в возрасте всего тридцати пяти лет, как полагали, он перенес легкий инсульт, который больше никогда не повторялся, но его энергия осталась прежней. Он приступил к дальнейшим работам в Верхней Силезии — в Швейднице была построена новая крепость, укреплен Нейссе; занялся пополнением личного состава армии — в основном за счет простого и грубого способа, заключавшегося в мобилизации австрийских и саксонских военнопленных. К тому же король начал описывать уроки войны.

Фридрих был автором многих работ по военному делу. Они использовались для справок, пересматривались и исправлялись с течением времени. Вышедшие из-под его пера «Военные наставления короля Пруссии его генералам» и «Специальные наставления офицерам армии» были опубликованы лишь много лет спустя, а писались непосредственно после Второй Силезской войны, и включенные в них специфические правила поведения и инструкции за редким исключением легко соотносятся с событиями этой войны. В первых главах «Военных наставлений...» рассматривались основные принципы войны. Они носили всеобъемлющий характер. Фридрих также начал составлять «Первое политическое завещание», законченное в 1752 году. Оно включало обширный военный раздел. Некоторые из его работ содержат повторения, однако, взятые вместе, показывают состояние ума и опыт, которым Фридрих располагал в то время. Работы писались на французском, их приходилось переводить на немецкий язык.

В «Военных наставлениях...» Фридрих довольно подробно останавливается на характеристике прусских войск, на их достоинствах и недостатках и устанавливает конкретные, очень гуманные принципы отношения к ним. «Постарайтесь сделать так, чтобы кавалерия и пехота ладили друг с другом, — писал он. — Пехота больше приучена к невзгодам, и если с ней хорошо обходиться, то она будет драться за то, чтобы сохранить такое отношение к себе!» Командуя полком в мирное время и пройдя две военные кампании, король хорошо узнал армию. Ему доставляло удовольствие идти среди солдат, беседовать с ними у бивуачных костров, обмениваться шутками. Для них он был Фриц — затем все чаще Старица Фриц. С солдатами ему было легко, хотя все знали его требовательность. «Где ты был сегодня утром, мы тебя не видели!» — как-то после одного сражения окликнул солдат; Фридрих сардонически улыбнулся и распахнул шинель; оттуда выпали две австрийские пули. Он сносил, даже с удовольствием, фамильярности на марше. Это еще отчетливее позволяло солдатам видеть: их король делит с ними опасности и трудности, что невозможно в других армиях. Эта черта делает его в глазах всех великим. Солдаты в любое время знали, где он, чувствовали его присутствие, до мельчайших подробностей ощущали безмерную заботу о них.

Фридрих упоминал в «Военных наставлениях...», что одна половина прусской армии состояла из нашего собственного наро-

да, а другая — из иностранцев, служащих за деньги (он мог бы добавить «и не всегда добровольно»). Армия из собственного народа формировалась по кантональному принципу, по крепкой и жесткой территориальной системе, объединявшей армию и народ, однако людские потери во время кампаний делали необходимым включение в ее состав лиц непруссского происхождения. Пруссия была небольшим государством, и одна из причин расширения территории любыми способами — стремление увеличить базу для пополнения армии. Не только Фридриху, но и многим другим монархам приходилось *целыми подразделениями* рекрутировать в свои армии военнопленных. В эпоху, когда понятие национализма в современном смысле еще было практически неизвестно, большинство военных-германцев состояло на службе у любого суверена, это являлось намного более легкой процедурой, чем может показаться, хотя сказывался местный и религиозный патриотизм. Тем не менее следует подчеркнуть, что эта система неизменно несла в себе опасность — потенциальную долю дезертирства. Оно составляло значительный процент потерь во всех армиях. Одной из первоочередных задач офицеров Фридриха было снижать число дезертиров; вероятность несанкционированного ухода солдат зачастую ограничивала выбор тактических действий, поэтому частые переклички уменьшали возможность бегства, а наказания были суровыми. Когда войска находились на казарменном положении, дезертира обычно пороли силами караула. Крестьяне получали денежное вознаграждение за выдачу дезертиров. Во время похода дезертир мог надеяться найти убежище в сельской местности или даже вступить в другую армию. Если он вновь попадал в плен и устанавливали его личность, то рассчитывать на пощаду не приходилось. Однако дезертирство можно было уменьшить и путем создания привлекательного образа армии — достойным обращением и хорошим управлением. Фридрих и из практических целей, и соображений гуманности четко понимал необходимость должного отношения к солдатам. Им следовало регулярно выплачивать жалование. Они должны быть накормлены лучше, чем в любой другой армии Европы, — он знал, в какой степени пища рождает у человека чувство удовлетворенности и влияет на его поведение. Солдат, уверенный, что в конце дня получит солидную порцию пищи, лучше исполняет свои обязанности. Фридрих доходил до мельчайших деталей, составляя приказы о походных пекарнях, полевых кухнях, рационе питания, транспортировке и защите продовольствия системой конвоев. Он забо-

тился о создании соответствующих и правильно организованных запасов зерна. Питье почти так же важно, как и еда. Наставления Фридриха затрагивали необходимость введения на всех винных и пивных заводах системы реквизиций за хорошую цену, чтобы солдат всегда имел порцию спиртного, если это допустимо.

Забота о лошадях настолько же важна для обеспечения эффективности армии, как и о людях. В соответствии с расчетами Фридриха армии в 100 000 человек требовалось около 50 000 лошадей. Он не верил в воловь упряжки, и ломовые, а также артиллерийские лошади были особенно важны для него. Предусмотрительность и запас фуража имели первостепенное значение. Фураж означал территорию, и фуражирские команды, для подготовки которых составлялись подробнейшие инструкции, часто задавали направленность отдельных фаз кампании. К тому времени он хорошо изучил особенности местности в Силезии, Саксонии и Богемии. Фридрих знал, какая территория может дать корм лошадям, а какая нет. Система пополнения конского состава тоже играла важную роль в планировании и контроле.

Условия местности влияли не только на тыловое обеспечение. Помимо расположения ценных сельхозугодий и пастбищ, Фридрих изучил все топографические особенности, способные воздействовать на ход военных операций в Центральной Европе. Король наметил несколько «лагерей», привязанных к определенной местности, где он или вероятный противник могли концентрировать войска, защищать их, поддерживать с ними связь, проводить вылазки, а также основные линии стратегических коммуникаций, главным образом реки. Фридрих был теперь знаком с горными проходами между Богемией и Саксонией, Силезией и Моравией. Он знал, что силезские деревни, состоявшие из разбросанных на большой площади приземистых домов, невозможно защищать. Во время кампаний лично осмотрел обширные территории и советовал своим офицерам никогда не манкировать этим. Фридрих говорил, что «возит свои карты в голове». Он проделал большую работу по изучению местности и собрал целый свод информации о ней, включая карты городов. В будущем ему это очень пригодится. В «Военных наставлениях...» король много места посвятил вопросам разведки, писал о потребности для офицера находить важные пункты. Сколько войск можно там разместить? Какой из них имеет ключевое значение? Каким образом лучше расположить войска, чтобы они имели свободу действий и никакие

естественные преграды не стали помехами? Вильруа пренебрег этим при Рамийи и разместил левый фланг за болотистой низменностью*, где его войска оказались беспомощными.

Находясь в пунктах сбора и размещения, войскам следует пребывать в полной боевой готовности. В этих местах должны быть подготовлены необходимые полевые сооружения и укрепления для защиты войск, хотя характер и приобретенный опыт Фридриха все более отчуждали его от оборонительных, укрепленных позиций за исключением случаев крайней нужды. Все решает, писал он, сражение, а сражение означает маневр и атаку. «Именно сражение решает судьбу государств». Тем не менее Фридрих был скрупулезен в вопросах подготовки полевых укреплений, выбора места постройки, разведки путей подхода и отхода; особое внимание уделял патрулированию, в деталях разрабатывая организацию патрулей раннего предупреждения и систему кавалерийских разъездов. Последние, говорил он, настолько важны, что командующий лично, если это представляется возможным, должен инструктировать и по возвращении опрашивать их. В отношении почтовых патрулей Фридрих также очень подробно прописывал организацию, давал примерные цели, образцы экипировки и обмундирования. В задачу некоторых разведывательных патрулей входили захват пленных и получение от них информации.

Столь же детально Фридрих разбирал порядок размещения войск в передовом охранении, их численность, подготовку, где и когда они должны расседлывать лошадей; вновь подробно говорил о постоянной бдительности войск в лагерях и на квартирах, о необходимости того, чтобы они знали, что делать в случае тревоги, о тренировках в темноте и сумраке. Многие из написанного, конечно, отражало положения уставов полевой службы, постоянно действующих приказов. Однако все это показывало его позицию: король в ответе за все. Не менее точен он был в отдаче приказов войскам на марше. Во время выдвижения к месту реального контакта с противником войска передового охранения должны иметь конкретные приказы о том, где следует спешиваться, где поить лошадей и так далее. При этом необходимо соблюдать абсолютную тишину и воздерживаться от курения. Охранение, состоящее главным образом из гусар и гренадер, устанавливает местонахождение противника

* Предположительно за рской Грит — резкое замечание, справедливость которого следует поставить под вопрос. — *Примеч. авт.*

и проводит предварительную разведку; затем командующий отдаст приказы для основных сил, когда те подтянутся.

Фридрих твердо выступал против зимних кампаний. Он откровенно писал, что сам начал такую кампанию — Первую Силезскую войну. Тогда политическая ситуация не оставляла ему выбора. Промедли, и понадобилось бы несколько кампаний для достижения желаемой цели. В целом же, однако, зимние кампании ставят перед людьми и тыловым обеспечением практически невыполнимые задачи. Выход на зимние квартиры предоставляет возможность для восстановления сил, отдыха, подготовки и починки снаряжения и конской упряжи.

Кроме наставлений и набора постоянно действующих приказов, которые с небольшими изменениями окажутся пригодными по крайней мере до Второй Силезской войны, Фридрих разработал несколько более общих тактических правил, и они тоже вызывают большой интерес, а порой заслуживают внимания и сегодня. *Целью* военных действий, писал он, является разгром неприятельской *армии*. Какие бы маневры ни предпринимались, задачей должно быть сражение на благоприятных условиях с основными силами противника. Обходные марши, искусные маневры оправданы, однако рискованы, так как усложняют координацию действий, ведут к дроблению войск и требуют времени. Он мог бы добавить, что они изматывают собственных солдат еще до того, как придет время сражения. А дробить силы всегда опасно: «Тот, кто дробит свои силы, будет бит по всем статьям». Он приводит собственные недочеты, особенно в сражении при Сооре: «Я должен был быть разбит, и это было бы по заслугам. Меня спасли присутствие духа генералов и храбрость войск». Совершенно естественно, что в его оперативных правилах приводились примеры из его же предшествующего опыта. Он понимал и писал, что Мольвиц был не чем иным, как упущенным шансом, — ему следовало после сражения раздавить австрийцев.

Понимание необходимости нанесения ударов сосредоточенными силами уже давно укоренилось в голове Фридриха, и он старался следовать этому принципу, но честно признавал, что не все сражения замышлялись — или планировались — им самим. Два из четырех были навязаны неприятелем. «Я не пишу панегирик самому себе. Я часто допускал оплошности. Мои офицеры должны извлечь уроки из моих ошибок, и они могут

быть уверены, что я приложу все усилия, чтобы их исправить». Такие обезоруживающие признания, хотя поначалу они предназначались лишь для его собственных глаз, могли принадлежать, возможно, Тюренну; Слим — несомненно. И Фридриху. В его явно скептическом отношении к маневру, упору на огневую мощь, массовость и атаку можно усмотреть отсутствие воображения и изобретательности. Неверно. Фридрих был приверженцем военных хитростей, рейдов и отвлекающих действий, всего, что способно привести противника в замешательство, запутать, заставить его рассредоточить силы. У него хватало и хитрости. Он избегал почных атак. Конечно, с имевшимся в то время вооружением они производили не столь впечатляющий эффект, как в эру скорострельной артиллерии или автоматического оружия, но Фридрих, признавая элемент внезапности и зачастую используя темноту для сближения с противником, не любил перазбериху, порождаемую почными атаками, и, видимо, полагал, что они усиливали возможность дезертирства. Главным условием победы для него была великолепно обученная и дисциплинированная прусская пехота, прекрасно владевшая оружием. Максимальное воздействие на противника она имела при дневном свете, когда ее можно было видеть и ужасаться. Каждый пехотинец был обучен делать 4 выстрела в минуту; этот стандарт увеличивался в некоторых случаях до 5—6 выстрелов. Затем следовал чередующийся огонь, взвод за взводом каждый взвод стрелял залпом*.

Более всего Фридрих верил в наступление: в скорость, энергию, движение. Он продумал различные тактические маневры. Мог быть вариант атаки двумя линиями, следующими одна за другой. В этом случае первая может демонстрировать перешителность, отход, побуждая противника к преследованию и, таким образом, подставляя его под жесткий удар второй, свежей линии атаки. Что-то подобное, писал он, произошло под Гогенфридбергом. Здесь Фридрих явно отображал ретроспективный порядок событий, особенно в том, что касается действий принца Леопольда Макса. Каждый командующий «причесывает» сражение, когда описывает его. Как отметил Эрвин Роммель двумя столетиями позже, «лучший план — это тот, который приходит в голову после окончания сражения». В этих наставлениях Фридрих впервые написал о той косо́й атаке, которая стала ассоциироваться с его именем. По сути, этот

* См. также главу 5. — *Примеч. авт.*

маневр состоял из «отказа» от одного фланга и усиления другого, чем теоретически достигался перевес сил в выбранном месте, которые врезаются во фланги противника и, получая постоянное подкрепление на этом *Schwerpunkt*, «сворачивают» линию противника.

Продолжаются споры, когда и насколько часто он применял этот маневр. Одни считают, что его применили уже под Хотузицем, даже под Мольвицем, другие — в 1757 году. Так или иначе, однако теория появилась в работах Фридриха, написанных в 1750-х годах, сразу после силезских войн. Косая атака впоследствии отрабатывалась на учениях: усиленный фланг армии наступает эшелонами, при этом передовой батальон находится в двадцати шагах впереди от соседнего и так далее. Впервые король продемонстрировал ее на параде в Потсдаме в августе 1751 года. Затем Фридрих неустанно искал и отрабатывал альтернативные движения — это сегодня назвали бы тренировкой сомкнутого строя, — перестройка из походной колонны в боевую линию и обратно; сосредоточение, построение в рассредоточенную линию за передовыми ротами. Прусская пехота, он был в этом убежден, должна быть абсолютно управляема на поле боя, а ее эффективность не может уменьшаться перешливыми или плохо продуманными движениями.

Король добавлял в оперативные правила большое количество чисто тактических директив. Избегай атаковать в зонах застройки: в них войска растворяются. Если кавалерии приходится атаковать противника в деревне, она должна избегать его сторожевых постов, влетать в деревню на всем скаку, стрелять во все окна, производить максимально возможный переполох; и — очень характерная для Фридриха ремарка: предпринимай необходимые меры для предотвращения грабежа и насилия, или твои силы иссякнут. Если предстоит захватить город, то существенной предпосылкой является детальное знание его плана, а также укреплений; успех Леопольда Макса в Глогау приводился в качестве положительного примера в этом отношении. Что касается взятия Праги самим королем, то это было нетрудно — гарнизон был слишком мал для обороны всего периметра города.

Фридрих много и по разным случаям писал об использовании кавалерии, всегда прекрасно понимая дороговизну ее как рода войск. Он постоянно требовал, чтобы к ней относились с заботой, лелеяли ее, держали в стороне от артиллерийского огня неприятеля, оставляли в резерве во время атаки оборонитель-

ных позиций противника, сохраняли как свежую силу для того момента, когда пехота и артиллерия расчистят ей дорогу. Кавалерия должна быть хорошо обучена, кавалерийские офицеры для этого прикомандировывались к другим родам войск и познавали всю структуру сражения. Легкая кавалерия, гусары, не была приспособлена для прямого столкновения с тяжеловооруженной, тяжело оснащенной кавалерией противника и должна главным образом использоваться для выполнения задач патрулирования, в качестве передового, сторожевого охранения, быстрых налетов на противника. Фридрих тем не менее признавал, что она, используя метод атаки галопирующим аллюром вкупе с искусством наездников и всепокрушающей мощью натиска, в буквальном смысле была весомой силой.

На основе многих стандартных военных операций Фридрих выработал еще несколько правил: «Ничто так не трудно, если не сказать невозможно, как оборонять берег реки». Он полагал, что предприимчивый противник всегда найдет способ, как и где переправиться через реку, а обороняющемуся придется размещать много людей в бесполезной попытке обеспечить линейную оборону. Атакующий после проникновения на обороняемый берег будет иметь прекрасную возможность атаковать фланги обороны. Для выполнения этой задачи следует организовать методичное патрулирование, использовать минимальное число войск для обеспечения статичной обороны и рекогносцировать направления контрударов с распределением ролей. Все это звучит очень современно. По поводу оперативной обороны Фридрих мудро напоминал, хотя и без особой претензии на оригинальность, о необходимости введения противника в заблуждение; о маскировке размеров «лагерей», создании впечатления о большей, чем на самом деле, растянутости линии обороны, демонстрации повышенной активности при желании в действительности уклониться от сражения и, наоборот, внушении противнику чувства ложной безопасности, готовясь его атаковать. При наличии ряда укрепленных пунктов противника размещать войска таким образом, чтобы они могли одновременно угрожать сразу несколькими из них.

Это были великолепные образцы наставлений. В них Фридрих рассказал то, что ему удалось узнать о военном искусстве. Оставаясь верным себе, он сопровождал их длинным стихотво-

решением под названием «Искусство войны» («L'Art de la Guerre»), опубликованным в качестве отдельной работы в 1751 году. По его словам, оно было навеяно произведением Морица Саксонского «Размышления» («Pensées»). Однако, помимо выработки теории и инструкций, в армии предстояло произвести реальные организационные изменения, провести учения.

Еще раньше Фридрих значительно усилил артиллерию. Он снабдил пехотные батальоны полевыми орудиями для непосредственной огневой поддержки. Реорганизация артиллерии будет продолжаться практически в течение всего периода его правления. На этой же стадии — между окончанием Второй Силезской войны и началом Семилетней в 1756 году — многие перемены — скорее намерения, чем конкретные дела, но он уже над ними работал; это был постепенный процесс. Он стремился придать 2 шестифунтовые пушки каждому пехотному батальону первой линии вместо трехфунтовых и тяжелую батарею из 10 двенадцатифунтовых орудий на каждые 5 батальонов. Реорганизация батальонов второй линии состояла в замене трехфунтовых пушек на шестифунтовые*. Как и в случаях со всеми программами, связанными с дорогостоящим оборудованием, выполнение этой требовало времени. В 1759—1760 годах Фридрих создал легкую артиллерию, сравнимую с британской выючной. Этот вид войск должен был меньше чем за минуту приводиться в готовность к бою. С точки зрения применения артиллерии король особо важное значение придавал скорости ее развертывания и свертывания, а также тренировкам артиллеристов во взаимодействии с другими видами войск.

Для уничтожения крепостей и укрепленных пунктов Фридрих повелел сводить тяжелую артиллерию в осадные батареи. В ходе наступательных операций задачей артиллерии являлось обеспечение сосредоточенного огня, как прямого, так и продольного, по флангу противника, выбранному для *Schwerpunkt*. Во время оборонительных операций ее роль чрезвычайно важна, а артиллерия второй линии (определение неточное и зависящее от организационного строения и построения войск в то время) должна была противостоять возможным прорывам противника и прикрывать фланги войск.

В течение всей жизни он много размышлял о подготовке, подборе и обучении офицеров и о системе управления армии в целом. Существовали всеобъемлющие инструкции для прус-

* См. также главы 5 и 16. — *Примеч. авт.*

ских офицеров. Прусский офицер был и должен остаться столпом государства, и на трон возлагалась ответственность за подбор, подготовку, карьерный рост и образование офицерского корпуса. «Король Пруссии, — писал Фридрих в «Первом политическом завещании», — по необходимости должен быть солдатом и стоять во главе армии. Постыдно, когда мягкотелые и бездеятельные монархи передают командование армией другим, и качество подготовки офицерского состава играет важную роль». Основываясь на опыте, Фридрих полагал, что в сражении поведение полковых начальников решает судьбу империй. Офицеры его армии принадлежали к прусской знати. Во время войны он несколько ослабил к этому внимание, но с наступлением мира вернулся к данному вопросу.

Фридрих был слишком разумен и не считал, что только те, в ком течет голубая кровь, могут обладать нужными для офицера качествами. Временами он бывал особенно резок в отношении *Adel*, дворянства Пруссии; столь же язвителен бывал и в отношении царственных родственников и знакомых. В «Первом политическом завещании» Фридрих называл их «сортом земноводных, зовущимся принципами крови, ни суверенами, ни подданными; ими трудно управлять, их следует исключить из общественной жизни и давать под команду воинские части лишь в случае, если у них есть к этому способности». Порой он противоречил самому себе — в 1769 году написал, что, поскольку служба по юридической, финансовой и дипломатической части является похвальным стремлением дворянства, «все в государстве будет потеряно, если рождение будет цениться выше всякой меры». Класс землевладельцев представлял значительную силу. Каждая семья с множеством ответвлений ее — местный центр. Фридрих стремился привязать эти семьи к прусской короне, чтобы для их отпрысков стало естественным желанием получить офицерский патент в его полках. Традиционным для этого сословия должно быть не самообогащение, а самоотверженная служба. Если поместье продавалось недворянской семье, то покупатель приобретал не только землю, но и соответствующие обязанности. Например, один из сыновей будет — обязан — служить в армии. Прусское общество под тонким слоем Просвещения все еще оставалось феодальным. Таким образом, как кантональная система связывала армию с обществом в целом, так и офицерский корпус фактически являлся продолжением

дворянской иерархии. Фридрих поэтому ожидал, что дворянская молодежь будет носить его мундиры, если этому не помешают веские причины.

Потому с течением времени Фридрих узнал все дворянские семьи. У него была прекрасная память на имена и лица. Он выделял обладавших талантами и готовых продвигаться по служебной лестнице молодых людей. Король уделял повышенное внимание подготовке офицеров всех уровней и требовал, чтобы к ним, невзирая на возраст, относились с почтением. Фридрих жестко и детально регламентировал их обязанности в полку; они должны всегда, например, присутствовать в конюшнях при чистке лошадей. Эта система и связанные с ней традиции разрабатывались, направлялись и контролировались королем. Дуэли были запрещены еще Фридрихом Вильгельмом. Фридрих тоже считал их варварством и полным абсурдом, но полагал, что в отдельных случаях они возможны, и отменил этот запрет.

Жалование офицеры получали невысокое, пока не дослуживались до звания капитана, обычно примерно в возрасте сорока лет, однако для имевших выдающиеся заслуги производство, как правило, ускорялось. Отношение Фридриха к комплектованию офицерских рядов как в зеркале отражалось на высших эшелонах гражданской службы, где практически все посты были заняты представителями знати. Эти люди — им запрещалось заниматься торговлей и коммерцией — были, по мнению короля, членами семей, на которых держалось государство, и поэтому оно обязано их лелеять при условии, что они ведут себя лояльно короне, не эксплуатируют ближних и не стремятся к самообогащению. Фридрих говорил: «Многие хотят командовать, не научившись подчиняться!» Командиры всех уровней должны учиться у старых опытных солдат. Солдаты всегда ворчат, но как только у командира появляется причина заподозрить настоящее недовольство, он должен немедленно выяснить повод. Прежде всего «получают ли они ими заслуженное?» Награды и наказания должны быть справедливыми и своевременными.

Фридрих много размышлял о разведке. Он часто писал, используя вполне современные термины, об обращении с источниками и агентами, уделял большое внимание деталям. В отношении источников он всегда был недоверчив. Веллингтон писал, «в том, что называют добычей информации, много шарлатанства», и Фридрих разделял это мнение. Обычные агенты,

напаятые за деньги, говорил он, вероятно, способны передать простую, практическую информацию о противнике: «Где?», но не более того. Имеются агенты «по принуждению», чья надежность может варьироваться от случая к случаю. «Важные» агенты — у Фридриха временами было несколько таких — могут оказаться бесценными, но при обнаружении противником их всегда возможно перевербовать, и командиру следует быть готовым к такому развитию событий. Двойных агентов, работающих с обеими сторонами, можно использовать осторожно, для дезинформации, для ввода в заблуждение.

Фридрих также работал над внедрением агентов в зарубежных столицах: «снящие», которые могут быть активизированы в случае нарастания напряженности или ухудшения отношений; «соблазнитель» — он держал в Вене некоторое число симпатичных молодых людей, способных развлекать высокопоставленных дам австрийского двора и получать у них информацию. Король всегда следил за секретностью шифров. Если их раскрывали, то лично руководил работой по сведению ущерба от этого к минимуму. Он являлся шефом собственной разведки, хотя всю координацию осуществлял полковник фон дер Гольц. В течение десятилетия, когда отношения с Францией были еще в целом хорошими, он часто преднамеренно делился секретной информацией с французским послом.

В области военной разведки, писал Фридрих, главное заключается в толковании. Физическое состояние противника — одно дело, будущие намерения — другое. Чтобы правильно понять последние, необходима экспертная оценка на перспективу: не только «где располагается, где легкие войска, его рекогносцировочные партии?», но также «где создает базы? Каковы потенциальные возможности?» Фридрих выводит важное правило: «Исходите из того, что разумный противник предпримет такие действия, которые скорее всего доставят вам самые большие неприятности». Будь готов, другими словами, воспользоваться случаем, но отметай желательные варианты и удобные предположения.

В области надзора за обучением и подготовкой армии Фридрих во многом опирался на генерала Ганса Карла фон Винтерфельда. Винтерфельд, грубоватый полевой командир из Померании, был несколько старше Фридриха и обладал большим обаянием. Он играл роль помощника в конфиденциальных делах и был своего рода начальником отдела кадров; понимал Фридриха с полуслова, был аккуратен, опытен в военных вопросах и спо-

собен переводить теоретические замыслы в практическую плоскость. Винтерфельд впервые познакомился с Фридрихом в те далекие дни, когда кронпринц в 1734 году приехал в действующую армию и встречался с принцем Евгением Савойским. Кое-кому в прусской армии, да и в королевской семье он казался несколько подозрительным, что связано с работой в разведке, но с тех дней он был очень близок с Фридрихом, показывавшим ему рукописи по военным вопросам для замечаний, а в его преданности и способностях не было никаких сомнений, как и в ненависти к французам.

Теперь Фридрих считал себя опытным *Feldherr**. Он получил солидную практику реального механизма управления войсками. Его система с приобретением опыта несколько преобразилась, однако ее черты оставались неизменными. Если представлялось возможным, накануне сражения король проводил совещание, на котором практически говорил он один, посвящая подчиненных в замыслы и ставя конкретные задачи. Он, по его словам, не верил в военные советы как таковые: командующий, как правило, прибегает к военным советам, когда не хочет сражаться.

Обычно Фридрих очень хорошо спал перед битвой. В день сражения он располагался там, где, как полагал, личное влияние будет наиболее необходимым. Присутствие короля, его голос, возвышающийся над громом битвы в критические моменты, несомненно, имели положительное воздействие. Приказы, естественно, могли быть доведены посыльными лишь до ближайшего окружения, и он спешивался, наскоро писал записки, зачастую на спине находившегося поблизости штабного офицера, словно на письменном столе. Он проводил в седле многие часы и ездил смело и быстро. Фридрих предпочитал коней английских пород, по возможности вороных или гнедых, и имел примерно 20 скаковых лошадей. В походы отправлялся налегке — несколько мундиров, 6 сорочек, пара бархатных сюртуков для торжественных случаев, полдюжины неизменных табакерок (у него их было около 130). Все это рисует человека беспокойного, бдительного, нетерпеливого и сообразительного; храброго, находчивого и мастера своего дела; приверженца дисциплины и порядка, перемежающего остроумие с суровостью, заботливого и чувствительного.

Фридрих настаивал на инициативности. Старший по должности командир не может находиться повсюду. Генералы мо-

* полководцем (нем.).

гут быть в любое время убиты. Командир, если он способен оценить ситуацию, должен принять на себя ответственность за действия там, где находится. Воспитание инициативности независимо от официальных инструкций возводилось Фридрихом в принцип и лишь в 1905 году было признано его бессмертным наследием для прусской армии.

Фридрих мог стерпеть грубость, когда она означала искренность. Однажды он послал пажу с наградой к капитану, чья храбрость и поведение в бою его восхитили. Капитан отослал пажу и награду обратно королю с письмом. Существует, сообщал он, общеизвестная традиция. Пажу, привезшему награду, благодарный получатель дает подарок: обычный тариф — 11 дукатов. Тот капитан, небогатый человек, не мог себе этого позволить. «Скажи королю, что я выполняю свой долг без такого рода украшений. Мне нужны деньги, а этого мне не нужно!» Многие суверены пашли бы столь бесцеремонные манеры возмутительными, да и вряд ли бы к ним таким образом обращались. Фридрих же опять послал пажу с наградой и запиской: «Мой дорогой, я совершенно запямятовал, что должен тебе 100 дукатов! Прости меня, вот они». Паж за работу получил плату в двойном размере — 22 дуката. Никто никого не обманул; однако Фридрих имел щедрое сердце, и армия это знала.

Часть III

1750—1756

Глава 9

ЭСТЕТ СО ШПАГОЙ

Во время военных кампаний Фридрих управлял государством из полевой ставки. Король выполнял обязанности главнокомандующего, суверена и законодателя одновременно, хотя неизбежно, пока шла война, военные заботы являлись приоритетными. Он старался сократить административную переписку. «Собирайте деньги в казну, все остальное оставьте в покое и не донимайте меня пустяками», — говорил Фридрих, но дел всегда было много. Его твердая линия на то, что экономическая и общественная деятельность должна продолжаться, порождала дополнительное напряжение, и не в меньшей степени для него самого, а на политику неизбежно влиял недостаток людей и ресурсов, который был следствием военных действий. Кроме того, отсутствие короля — председателя Генеральной дирекции, хоть и редко участвовавшего в ее заседаниях, — неизбежно и неблагоприятно сказывалось порой на ведении дел. В начале 1746 года Фридрих вернулся в Потсдам и в течение следующих нескольких лет мог полностью посвятить себя, находясь в благоприятных условиях, мирным заботам, правда, не забывая об обеспечении безопасности. Главная забота, по его мнению, — состояние дел в области правосудия.

Фридрих при всей своей деспотичности был тем не менее страстным приверженцем принципа равенства перед законом. Он основал смешанные военные и гражданские суды для разбора беспорядков, в которых участвовали войска в городах, где

имелись воинские гарнизоны. Фридрих с гордостью называл себя *l'avocat du pauvre* и *le roi des gueux* — защитником бедняков и королем попрошаек. Он гневался, когда человеку отказывали в его справедливых правах; то же происходило, когда виновный избегал наказания. Фридрих по природе был гуманным человеком — в самом начале правления запретил использование в судебной практике пыток. Он вместе с «великим канцлером», Самуилом Коччеги, работал над юриспруденцией. Коччеги, писал Фридрих, — человек, чьи «добродетели и честность достойны золотого века Римской республики», и, хотя суверен являлся единственным законодателем в прусском государстве, он тщательно консультировался, прежде чем ввести новый закон. Его интересовали не реформирование или трактовка законов, а их беспристрастное исполнение. Король считал, что законники повсюду обладают слишком большой властью и получают слишком большие деньги. Позднее он высказал мнение, что дворянство во Франции будет повержено в прах и уступит свое место алчным законникам.

Фридрих писал, что, когда он взошел на прусский престол, богач мог купить правосудие или по меньшей мере услуги велеречивого адвоката, способного выиграть дело в его пользу. Он ввел новый судебный кодекс, названный его именем, и изменил саму процедуру. С тех пор адвокаты не могли задействовать ораторское искусство. Красноречию, по мнению Фридриха, в правосудии нет места. Адвокаты имеют право формулировать причины и аргументы, подтверждать или опровергать заявления на основе доказательств перед судебными заседателями. Король как должностное лицо не может влиять на отправление правосудия — он ответствен за формирование мудрой законодательной базы, хотя и должен обеспечить, чтобы отбор судей происходил с непогрешимой честностью. Смертный приговор утверждался лично королем; и в сравнении с другими европейскими правителями Фридрих давал согласие на приведение в исполнение таких приговоров в отношении значительно меньшего числа подданных — не более десятка в год. За двадцать лет его правления смертные приговоры утверждались исключительно в случаях, когда убийство совершалось солдатами.

Реформы Фридриха сделали все суды королевскими. Судебные издержки оплачивались в общую казну, а служащие судов получали фиксированное жалованье. С задержками с

исполнением правосудия — затягиванием судебных процессов — было покончено. Продвижение по службе зависело от способностей — требовалась академическая квалификация, — а не от протекции. Были расширены полномочия Департамента правосудия — вышестоящие суды в каждой провинции являлись последней инстанцией в назначении пасторов, а также учителей; кроме того, была основана Консистория высшего образования, дававшая государству значительные полномочия в отношении университетов.

Общие суды, церкви, образовательные учреждения, таким образом, были поставлены под эгиду прусского государства. Возникали неизбежные трения между системой управления, унаследованной Фридрихом — Генеральной директорией, — и новым стилем руководства; особенно между министром, управлявшим Пруссией при Фридрихе Вильгельме, и Кочеги, чьи выдающиеся способности сделали его законодателем реформ. Сам Фридрих, как бы горячо он ни выступал за реформы, порой становился преградой на их пути.

Кодекс Фридриха (*Code de Frédéric*) был принят с восхищением. Тем не менее заслуживающая похвалы решимость короля оставаться в стороне в конкретных делах подчас нарушалась его же усердием в защите прав. В одном известном случае, приключившемся в поздний период его правления, один померанский мельник по имени Арнольд, ранее служивший солдатом, возбудил дело против землевладельца, графа фон Шметтау. Арнольд — Фридрих понял это лишь позже — был известный сутяга. Он заявил, что фон Шметтау сдал землю в аренду другому графу, фон Герсдорфу, который отвел воду из ручья, а берег ручья принадлежал фон Шметтау. Это действие якобы сделало невозможной работу мельницы Арнольда. Суд встал на сторону Шметтау, постановив, что если Арнольду действительно причинен ущерб, то он может вчинить иск против Герсдорфа, но сначала должен заплатить полную арендную плату, мельник сделать это отказался и подал апелляцию. Новый вердикт был вновь принят в пользу Шметтау.

Фридрих, услышав об этом деле, потребовал бумаги для ознакомления. Затем направил собственную следственную комиссию для расследования обстоятельств дела и доклада. Она сообщила, что факты подтверждают заявление мельника и его хозяйству действительно нанесен ущерб.

Фридрих писал в «Первом политическом завещании», что «суверен становится соучастником преступления, если не наказывает за него», и теперь в тревоге вмешался в дело, решив разобраться с фактом злоупотребления властью со стороны силы и высокомерия, когда механизм закона действует против маленького человека, то есть настало время применить королевскую власть как последнюю инстанцию в защите правого. Он послал за судьями, принявшими вердикт в пользу Шметтау, лишил их постов и приказал арестовать, пересмотрел их вердикт и принял его в пользу мельника. Фридрих приказал землевладельцу оплатить все расходы и вернуть ручей Арпольда в прежнее русло.

Затем начались толки, и на месте провели дополнительное расследование. К смущению Фридриха, было обнаружено, что мельница Арпольда располагалась вверх по течению от земель графа и отвод ручья никак не мог сказаться на работе мельницы. Судей освободили. Выплаты графом издержек и ущерба отменили. Вердикт был восстановлен. Король заслужил упреки.

Этот случай, хорошо известный в свое время, очень ярко демонстрирует некоторые черты характера Фридриха, как положительные, так и отрицательные. Он мог быть поспешным, импульсивным. Фридрих начал действовать, не проверив выводы комиссии, сделал это из-за того, очевидно, что они совпадали с его предубеждением, — он предположил, что столкнулся со случаем злоупотребления положением. Затем король высокомерно и непростительно поступил с судьями, чьи поведение и выводы оказались непогрешимыми. Все это подтверждает деспотизм и противоречит постоянно провозглашаемому главному намерению Фридриха — Пруссия должна стать правовым государством (*Rechts Staat*), построенным на основе закона.

И тем не менее побуждения Фридриха были благородными. Король верил, его власть существует, чтобы делать добро, исправлять несправедливость, защищать угнетенных. Он вынес ошибочный вердикт, однако его намерения были добрыми. Он искренне верил в торжество закона и своими действиями хотел этому способствовать. Произошедшее продемонстрировало, однако, опасность личного вмешательства короля в юридический процесс. Другой мельник владел участком земли рядом с Сан-Суси, который Фридрих пытался заполучить, занимаясь расширением и обустройством дворца. Представители короля беседовали с мельником, но тот отказался продать уча-

сток. «Разве он не знает, — сказал им Фридрих, — что я могу *взять* его, если будет необходимо?» Но когда его слова передали мельнику, он ответил: «Нет, я этого не боюсь. У нас в Берлине есть *суды*!» И это сильно порадовало Фридриха.

Фридрих использовал зачастую остроумие для урегулирования претензий по поводу несправедливости со стороны преследуемых людей. В Силезии католики с подозрением отнеслись к его приходу к власти, хотя он по большей части развеял их опасения равным отношением к обеим религиям. Однажды солдат-католик, явно искренне верующий, был обвинен в воровстве драгоценных камней со статуи Девы Марии в одной из церквей. Он отрицал свою вину и заявлял, что Богородица чудесным образом вручила их ему. Этот случай привлек внимание короля.

Фридрих созвал теологов и спросил, возможно ли, что Богородица отдала сокровища, преподнесенные ей? Они ответили: это скорее всего невероятно, но в доктрине нет положений, определявших бы такое как невозможное! Король поблагодарил их. Солдату уже вынесли приговор, но его рассказ не опровергли. Фридрих был готов допустить подобное чудесное объяснение, коль скоро с точки зрения теологии оно допустимо. Посмеиваясь про себя, он аннулировал приговор. Он сказал, что, естественно, не в его власти запрещать Деве Марии дарить, но впредь карать смертью всякого солдата и любого другого, кто будет *принимать* подобные дары!

Фридрих несправедливо, реальную и мнимую, не только в области отправления правосудия; его гнев вызывало любое злоупотребление властью со стороны высших чинов. У него была организована прекрасная система почт и связи. Почтовые лошади нанимались путешественниками через агентства смотрителей местных почтовых станций во всех городах. Эти должности занимали главным образом отставные армейские офицеры. Они отвечали перед королем за сбор средств, правильную оплату собственникам лошадей, а также за набор кучеров и управление ими. Система работала хорошо и приносила доходы. Интересен один случай. Фридриху, находившемуся в Бреслау, должны были доставить послание русской императрицы. Ее курьером был прославившийся в будущем генерал Суворов. В дороге он немного задержался из-за бездельника-форейтора. Суворов возмутился, и в ответ ему надерзили. Тогда он побил форейтора тростью.

На следующей остановке курьера Елизаветы арестовали, прозили судом, однако позволили продолжать путь, когда он назвал себя. Добравшись до Бреслау, Суворов предстал перед Фридрихом, который принял его с великим почетом. Король спросил, было ли путешествие приятным, и Суворов поведал ему свою историю.

Впоследствии он говорил, что перемена во Фридрихе была удивительной. Король сказал холодно: «Генерал, можете считать, что вам повезло!»

А Суворов понял, он находится перед монархом, для которого законы и уложения так же священны, как и установленные права государственных служащих, независимо от их ранга. В обязанности короля входила защита фореиторов, когда они исполняли свои обязанности, от кого бы то ни было. Позднее Фридрих услышал историю о том, как известный французский путешественник ударил кучера, а тот выбросил его из экипажа вместе с чемоданом. Француз с возмущением написал королю, посоветовавшему ему впоследствии быть поосторожнее. «Что за дикая страна эта Пруссия, — говорил француз, — где нельзя ударить кучера, чтобы не получить тумак в ответ!» Фридриху это очень понравилось.

Теоретически Фридрих управлял Пруссией через министров департаментов. Тогда не было «кабинета» в современном смысле разделения обязанностей, однако, проводя совещания и непрерывно ведя переписку, Фридрих вводил всех в курс происходящего. Его главные министры составляли Генеральную директорию Пруссии. И следует отметить, что в мае 1748 года Фридрих составил инструкцию для Генеральной директории, которая явилась одним из руководящих документов для государственного механизма и оставалась таковой в течение многих лет. Он уделял неослабное внимание местному, региональному управлению и в деталях сформулировал принципы формирования «земельного» (*Land*) и «окружного» (*Kreis*) управления и полномочия, которыми ландрат должен или не должен располагать.

В центральном правительстве имелись министры по военным, финансовым, религиозным вопросам, министры почт и коммуникаций. У шефов департаментов служило примерно по пять советников по финансовым вопросам. Это были государственные департаменты, и каждый имел соответствующий под-

департамент в провинциях королевства. Кроме того, каждую провинцию курировал один из министров Генеральной дирекции. Таким образом, в министерские обязанности входили и функциональные, и территориальные вопросы, а министр отвечал за несколько провинций. Пруссские владения, настолько разобщенные и разбросанные — от Восточной Пруссии и Померании до располагавшихся в Рейнской земле территорий Клева и Марка, — что некоторая децентрализация и различия в местной практике управления были неизбежны. Помимо этого, Фридрих организовал новый, Пятый департамент Генеральной дирекции, не занимавшийся вопросами территорий. В его обязанности входили вопросы экономической политики, координация промышленных программ и перевода военных на гражданское положение. Создание Пятого департамента отражает одну из сторон характера Фридриха и его образа правления. Он часто бывал поспешен в стремлении реформировать системы управления, унаследованные вместе с престолом, и считал укоренившуюся в них бюрократию консервативной и мешающей его деятельности. Король создавал новые органы, подотчетные лично ему, для решения специфических проблем. В результате часто возникали обиды. Люди начинали роптать и сожалеть о временах Фридриха Вильгельма. Плелись интриги за влияние в конкретных областях, существовало неизбежное недоверие между отдельными группировками. Оно, естественно, находило отражение и в провинциальных органах, созданных по образцу Генеральной дирекции. На каком-то этапе Фридрих стал приглашать к себе для обсуждения дел председателей провинциальных органов управления, что вызывало вполне предсказуемое негодование.

Фридрих часто неверно оценивал степень, до которой испытанная и устоявшаяся система — даже при наличии в ней недостатков — может быть заменена импровизированными механизмами или органами, созданными по принципу *ad hoc*, чтобы при этом не ослаблять ее эффективность. Прусская традиция — это традиция коллегиальности обсуждения и разделенной ответственности. Несмотря на взрывной характер Фридриха Вильгельма, он ее придерживался и лично председательствовал в Генеральной дирекции. Фридрих делал это редко. У него появлялись идеи — порой очень хорошие, — и он искал одаренных людей для их реализации. Часто такой подход не срабатывал, и Фридрих вновь возвращался на традиционный.

Например, король делал попытки усилить Пятый департамент и превратить его в департамент по эффективному экономическому планированию и развитию. В конце концов ему пришлось согласиться с тем, чтобы он стал статистическим и информационным центром.

Таким образом, Фридрих обновлял систему управления скорее импровизациями, чем путем фундаментальных структурных изменений. К нему поступали документы, на полях некоторых из них появлялись краткие замечания, отражающие принятые решения. Его хорошо обученные и трудолюбивые секретари оформляли волю короля по любому вопросу в подходящие распоряжения. В действительности Пруссия управлялась из королевских покоев.

Финансы и экономика занимали значительную часть мыслей и времени Фридриха. С самого начала он понял необходимость и сильной армии, и здоровой казны: если последней не будут правильно управлять, то первая ее просто проглотит. Вскоре после Силезских войн Фридрих пересмотрел «Генеральные наставления...», чтобы покончить, как он считал, с недостатками управления. Он полагал, что имеется слишком много плохо составленных финансовых балансов и поверхностных отчетов о налоговых поступлениях. Чиновники не сотрудничали между собой; король подозревал их в недобросовестности.

В Пруссии отсутствовали прямые налоги. Фридрих считал акцизные сборы самым справедливым путем получения доходов, но они должны регулироваться политическими методами. Например, сырье, необходимое для индивидуальных производителей, освободить от налогов. Импорт товаров, которые Пруссия сама в состоянии производить, обложить пошлиной. Его доходы, как и доходы современных ему суверенов, складывались из этих налогов, а также из сборов за проезд по мостам и каналам, почтовых сборов и налогов на продажу определенных товаров, своего рода налогов на добавленную стоимость. Каналы имели огромное значение; Бранденбург лежит на равнинной местности, и великие водные пути по Эльбе и Одере с их притоками нуждались в систематизации и связи между собой. Соответствующие проекты были выдвинуты и, несмотря на вполне предсказуемые бюрократические «подковерные войны», доведены до исполнения не в малой степени благодаря энергии короля.

Существовали сданные в аренду концессии различных видов и приносящие доход государственные монополии на отдельные производства, особенно на производство шелка, шерсти, фарфора и, конечно, оружия. Позже Фридрих создал орган, регулирующий производство и продажу табака, что тоже приносило хороший доход. Доходы поступали также и из королевских поместий. Личные расходы Фридриха оплачивались из его собственных средств, а поскольку он был, безусловно, крупнейшим землевладельцем в Пруссии, то пользовался значительной большей финансовой свободой, чем другие суверены.

Король старался избегать регламентаций, если это не оказывалось абсолютно необходимым. Он поощрял инициативу, и его целью было управлять в сотрудничестве с министрами и чиновниками. Кое-какая поддержка оказывалась отдельным отраслям — горнодобывающей, лесному хозяйству, производству льняных тканей, — в которых, как справедливо считалось, заложен хороший потенциал, но условия временно мешают ему развиваться. Она могла принимать форму контроля за импортом или централизованного управления распределением вырубок в случае производства древесины. Фридрих допускал ошибки; один французский советник, Гай де Луней, позднее говорил ему, что для Пруссии было бы лучше ликвидировать протекционизм и государственные субсидии. «Это преждевременно», — ответил Фридрих. Так или иначе, Пруссия, аграрная страна, в течение нескольких лет после приобретения Силезии стала самодостаточной в промышленном отношении, и Силезия играла в этом очень важную роль.

Фридрих несколько преувеличивал значимость вопросов денежного обращения, в которых, вероятно, не все понимал. Он пытался управлять движением денежных потоков путем издания указов. Например, в 1747 году установил порядок, при котором никто не мог вывезти из страны более 300 талеров. Через два года назначил директором монетного двора выходца из Брауншвейга, Йозефа Грауманна, который многому научил Фридриха. Его встретили с враждебностью. В 1753 году был основан центральный банк; впереди страну ожидали трудности военного времени и сопутствующая им инфляция.

Позднее* Фридрих ввел государственную лотерею, которую организовал итальянец, специально нанятый для этой цели

* См. главу 18. — *Примеч. авт.*

и успешно занимавшийся этим в Генуе. Он понимал, на что идет — казне были обещаны огромные прибыли, — и создал группу банкиров и бухгалтеров для надзора. Как и многие другие проекты Фридриха, этот путь к безболезненному получению доходов обернулся разочарованием.

Фридрих всю жизнь отстаивал необходимость жить по средствам, прекрасно понимал, что войны невозможно оплачивать за счет текущих доходов и они часто ведут к необходимости покрывать дефицит. Король всегда старался в мирное время собирать фонды для ведения войны, откладывать определенные средства из госдоходов на случай непредвиденных расходов во время войны. Фридрих относился к этой стороне обязанностей, как глава компании, заботящийся о своих накладных расходах, движении наличности, балансах. Из-за того что он до такой степени опекал финансы Пруссии, его имя стало притчей во языцех, чуть ли не синонимом скряги. Фридрих поощрял торговлю, поддерживал мануфактуры, так же как и сельское хозяйство.

На вновь приобретенных территориях, где часто наблюдался недостаток населения, Фридрих проводил политику активной колонизации. За период его правления в Пруссии было основано 900 новых деревень, и более 300 000 человек из других земель преумножили ее население. Крестьяне-поселенцы становились собственниками земли. Фридриха не интересовало, откуда они прибывали, коль скоро новые подданные хорошо трудились. Люди приходили из разных частей Германии и других стран — католики, протестанты, мусульмане из татарских степей. Он рассчитывал, что этим займется Пятый департамент Генеральной директории. Были рады всем, кто работал и мог приспособиться к существующим условиям.

Все прусское хозяйство и его отдельные отрасли требовали четкого управления, ведущегося со скрупулезной честностью. Прусский чиновник проходил определенные испытания, однако больше всего ценилась честность. Если он оказывался виновным в финансовых нарушениях или закрывал глаза на некоторые временные процедурные нарушения, чтобы, например, покрыть дисбаланс в счетах, Фридрих бывал безжалостен. «Считать, что мир населен одними мошенниками, было бы бесчеловечно, но полагать, что всякое двуногое существо без перьев является честным человеком — слабоумие!» Он понимал, что

чиновники, как строго их ни контролируй, при случае мошенничают. Ни одна система от этого полностью не застрахована.

Фридрих пригласил в Берлин знаменитого француза, Клода Гельвеция, пользовавшегося известностью в связи с искусством управления государственными доходами. Благодаря его методическим советам Фридрих создал солидную инспекцию для надзора за акцизами. Мера, как говорили, не пользовалась популярностью. Правда, непонятно, было ли это связано с тем, что многие инспектора — французы, не знакомые с прусскими обычаями, или же с нарушениями, которые они обнаружили. Некоторые наблюдатели, хотя они и были лояльны Фридриху, полагали отдельные идеи Гельвеция ошибочными и в конечном счете контрпродуктивными.

Забота Фридриха о финансах государства в целом достойна уважения; его подготовка к будущим событиям, включая возможность войны, была примером предусмотрительности, хотя в результате оказалась недостаточной. Если его просили выделить войска в помощь другому суверену, он всегда называл их точную цену. Когда в 1750 году явился случай оказать содействие Швеции, он объявил Департаменту внешних сношений, что 10 эскадронов драгун обойдутся в 140 000 экю, пехотный полк — 1750 человек — 75 000 в год. Однако тщательной экономии Фридриха окажется недостаточно для оплаты *продолжительной* войны, а она начнется в 1756 году. Поэтому Фридриху придется просить субсидии у союзников или девальвировать валюту со всеми вытекающими отсюда долгосрочными последствиями. Он введет поборы на оккупированных территориях, особенно это касается Саксонии, что вызовет возмущение. Все это уготовано в будущем.

Некоторые проблемы уже просматривались. Финансы были не единственной движущей силой войны, которую предстояло вести Пруссии. Из опыта Силезских войн Фридрих знал, что для поддержки армии в условиях войны — задача Генеральной директории — нужен отдельный государственный департамент: фураж, снабжение, заготовка. Поэтому в 1746 году он создал еще один — Шестой — департамент. Фридрих неизменно заботился о заготовлении зерна, транспортных средствах, системе снабжения армии, стратегических коммуникациях Пруссии и ее армии, если она выходила в поход. Но был еще вопрос материального и военного снабжения. Производственные мощности страны, особенно это касается пороха, через некоторое время

окажутся недостаточными, и Фридриху потребуется импортировать необходимое из Голландии и Британии. Во время прошлой войны заводы Пруссии были укрупнены, но окажется, что и на этот раз необходимо закупать оружие в Швеции и Голландии.

Главной движущей силой войны было население. Расширение территории со времени Силезских войн привело к увеличению численности подданных Фридриха на целых 50 процентов*, но во Франции людей было в четыре раза больше, в Австрии — в три раза, а в России — неисчислимо.

Но пока было мирное время, и Фридрих занимался его проблемами. Он построил в Берлине инвалидный дом (*Invalidenhaus*) для 600 армейских пенсионеров и много времени отдавал заботе о людях, потерявших здоровье на государственной службе, возложив специальные полномочия инспектора на одного из генералов. Замок Шлосс в Потсдаме являлся его главной резиденцией, когда он не был в самом Берлине, однако в мае 1747 года король переехал во вновь отстроенный Сан-Суси. Этот созданный в стиле рококо чудесный дворец, представляющий пизвергающийся каскад галерей и явившийся источником многих споров с его архитектором, Венцеславом фон Кнобельсдорфом**, стал местом, с которым больше всего ассоциируются правление Фридриха и его личность. Авторитет короля Пруссии, правителя, полководца, либерального мыслителя и покровителя искусств, в Европе был очень высок; и в это время его начали называть Великий.

Обычный распорядок в Сан-Суси ничем не отличался от быта Фридриха в любом месте, где бы он ни располагал штаб-квартиру или двор, так как, когда король бывал на войне, многие из официальных лиц, нужных для ведения государственных дел, сопровождали его. Однако главный министр — в то время по-прежнему Подевилльс — оставался в Берлине и практически каждый день обменивался письмами со своим хозяином. Иностранные послы порой ездили с королевской свитой. Лишь военные действия нарушали заведенный порядок.

* Население Пруссии, как полагают, к концу его правления удвоилось, несмотря на опустошительную войну. — *Примеч. авт.*

** Он украсил старый Шлосс в Потсдаме, спланировал новую резиденцию в Рейнсберге, позже подаренную принцу Генриху, а также спроектировал новое крыло во дворце Шарлоттенбург в Берлине. — *Примеч. авт.*

По стандартам того времени у Фридриха было совсем не много прислуги: пять лакеев, шесть «скороходов», которые могли работать посыльными и бежать впереди кареты короля во время прогулок, и два паж. Камердинеров не было вовсе. Фридрих по-отечески относился к слугам, часто обращаясь к ним *mein Kind*, дитя мое. Однажды солдату-дневальному дали деньги специально для покупки часов: в его обязанности входило следить за временем, чего он не делал. Вместо того чтобы купить часы, он отослал деньги домой. Фридрих тут же об этом узнал. Над солдатом нависла большая угроза, но он был прощен и оставлен дневальным. Некоторое время спустя король слег с лихорадкой, ему прописали лекарство, но пациент отказался его принимать: «Уберите это прочь!»

На посту оказался тот самый дневальный. Он услышал, что жизнь короля зависит от приема лекарства, и силой влил его в рот Фридриху, и когда тот пришел в себя от негодования, гнева и приступа лихорадки, то наградил солдата.

Всю жизнь, где бы он ни находился, король просыпался рано, хотя и позволял себе немного понежиться в кровати — маленькой, узкой кровати в Сан-Суси, — когда ему было уже за шестьдесят. Летом он вставал в 5 утра, иногда раньше; зимой — в 6. На одевание тратил всего несколько минут — сразу надевал одежду, а не халат. Обычно король носил один и тот же голубой мундир 1-го полка лейб-гвардии с красным воротником и обшлагами и со звездой Черного Орла. Как правило, он был в бриджах и сапогах, редко начищенных, а не в чулках.

После того как процедура одевания заканчивалась, паж вносил громадную кучу писем и документов, адресованных королю. Фридрих, просматривая корреспонденцию, раскладывал ее на 3 стопы: просьбы, с которыми нужно согласиться, на которые следовало дать отказ, и бумаги, требующие дальнейшего рассмотрения. Он быстро решал, в какую из стоп нужно положить ту или иную бумагу; к некоторым просителям проявлял удивительное терпение и доброту. «Он терзает меня так часто и бесстыдно, — говорил король об одном из них, — что не может быть совершенно не прав!»

Ровно в 8 часов выпускали кабинет-секретаря, Августа Фридриха Эйхеля, добродушного, невозмутимого и очень аккуратного. Он происходил из простой семьи, был сыном армейского сержанта и считался в Пруссии человеком, знавшим больше

всех о происходящем и о том, что у короля на уме; он прослужил долгие годы и умер за работой в 1768 году.

Эйхель получал три стопы бумаг с указанием о предварительном решении короля, а затем передавал их четырем секретарям, работавшим в соседней с апартаментами короля комнате. Они просматривали письма и громко, так чтобы Фридрих за завтраком — чашка шоколада и немного фруктов — слышал, выкрикивали их краткое содержание. Фридрих сразу диктовал ответ, назвав секретаря, которому поручалось записывать. Затем делались копии.

Новый личный секретарь Фридриха, Клод Этьен Дарге*, заменил любимого Жордана в январе 1746 года. Дарге стал очень близок к нему и часто выступал скорее литературным советником, чем секретарем. Королю, естественно, на этой должности был нужен человек с хорошим знанием французского языка. Немецкий язык Фридриха — это видно по письмам к Фредерсдорфу — неэлегантен и неграмотен, поэтому секретари переписывали его тексты, делая их ясными и правильными с точки зрения официальных требований. Времени у них хватало лишь на то, чтобы быстро съесть тарелку супа и поужинать вечером. В 4 часа дня все письма относились Фридриху на подпись, этот процесс обычно занимал полчаса. Он подписывался «*Friedrich*», если текст был на немецком языке, и «*Frédéric*» — если на французском. В 5 часов письма, подписанные и запечатанные, передавались курьерам.

Секретарей отпускали из кабинета каждое утро в 9 часов, и входил адъютант, один из генералов. В 10 часов устраивали «парад», смотр гарнизона Потсдама или дворцовых войск, во время которого Фридрих часто лично командовал одним из гвардейских полков, в этом отражался характер Фридриха-полководца. В полдень король обедал.

Обед был продолжительным, официальным мероприятием, длившимся до двух или даже трех часов дня. Иногда легкую закуску подавали в китайский чайный домик, построенный до того, как в 1756 году разразилась великая война; однако обед был центральным событием дня. В нем принимало участие значительное количество людей, велись оживленные и приятные беседы. На службе у Фридриха состояли 12 поваров,

* Дарге ранее был секретарем французского посла, Валори. Но король, видимо, не сомневался в его честности и преданности. — *Примеч. авт.*

хорошо оплачиваемых, из разных стран: немцы, французы, итальянцы, англичане и русские. Они работали под руководством управляющих кухней, важных должностных лиц. По стандартам королевских домов Фридрих вел сравнительно простой образ жизни, который часто высмеивали за скупость; тем не менее он проявлял интерес к пище. Его письма к Фредерсдорфу часто касались поисков каких-либо продуктов или специй. Ему нравились хорошо переченные блюда, а также фрукты (в Сан-Суси король посадил большое количество фруктовых деревьев). Во время десерта около его тарелки клали карандаш и бумагу, и он лично отдавал распоряжения по обеденному меню на следующий день. Всем другим винам Фридрих предпочитал французские, особенно шампанские, в которые иногда добавлял немного воды. Он любил токайское вино и посылал его в качестве подарка многочисленным членам семьи. Фридрих пил много кофе.

Кое-кто находил беседы в Сан-Суси несколько натянутыми и претенциозными в своей порой казавшейся показной, вычурной изысканности. Они, однако, устраивали Фридриха, ужасно скучавшего по собеседникам, когда те уезжали.

После обеда до начала процедуры подписания бумаг Фридрих гулял или ездил верхом. У него случались сильные приступы ипохондрии, необъяснимого страха болезни, и он очень внимательно относился к своему здоровью. Его письма к Фредерсдорфу полны сообщений и указаний на этот счет. Он сильно страдал от желудочных колик, верил в пользу регулярных физических упражнений.

Во время прогулок Фридриха сопровождал один из придворных. Эта привилегия была не из желанных, поскольку король ходил очень быстро и его всегда раздражала медлительность компаньона. Когда он ездил верхом, его обычно сопровождал лишь конюх. Говорили, что его езда не отличалась элегантностью и явно ему падала. Однако он ездил смело и быстро, прищипывая коня, чтобы разогнать его в галоп. Фридрих любил лошадей, предпочитая вороных и гнедых английских пород, хотя не забывал и старого Мольвиц-Грея. Король лично придумывал лошадям имена. Двумя его многолетними любимцами были Цезарь, умерший незадолго до самого Фридриха, и Цербер, особенная привязанность Фридриха, который в течение почти всей Семилетней войны ходил у него под седлом. Он любил своих коней и всегда беспокоился о них в походах; и

хотя скакал на Цезаре или Цербере на марше, перед боем менял их на других. Против правил он приказал седлать Цербера в августовский день 1759 года, когда состоялся бой у Кунерсдорфа, ставший одним из самых страшных поражений Фридриха. В последнюю минуту что-то заставило его передумать, и он сел на другого коня, Сципиона. Сципион в бою был ранен. Цербер остался невредимым.

Фридрих продолжал ездить верхом всю жизнь, но, став старше, прежде чем сесть в седло, заставлял в течение получаса объезжать выбранного коня. В сражениях его лошадей часто ранили; а у Хотузица, Гогенфридберга, Гохкирха, Лейпцига и Торгау — убивали. Единственное серьезное происшествие, правда, не в бою, случилось с ним в 1755 году в Потсдаме, когда он ехал в Сан-Суси, чтобы навестить мать, вдовствующую королеву. Король был на повой лошади и неудачно упал с нее, ударившись головой. Он быстро оправился и — что характерно для него — не стал винить никого, кроме себя, за такую неловкость. Однажды, проскакав галопом от Потсдама до Шарлоттенбурга, он упал прямо перед замком, в песок. «Конь не виноват», — тут же сказал он обеспокоенному шталмейстеру. «Ну-ка берегись, не лезьте под копыта!» — кричал он стайкам мальчишек, которые собирались вокруг, когда он выезжал из ворот Потсдама. «Вам сюда, Ваше величество, — галдели они. — Вот сюда! Мы покажем вам дорогу!»

А по вечерам, как когда-то в колонии Ремюсберга, был ужин — неформальный, приятный — и музыка. Фридрих иногда ужинал в маленькой комнате в Сан-Суси, где стол был сделан так, что опускался вниз для перемены блюд, поэтому слуги в комнате не присутствовали.

Особая заслуга монархии в том, что, когда в ней присутствует необходимая доля автократии, а во главе ее стоит высокообразованный и утопченный государь, она способна по инициативе монарха собрать целое созвездие выдающихся людей и образовать из них блестящий двор. Его личный патронаж, не требующий никакого чиновничьего участия, открывает возможность смелого выбора и обеспечивает им содержание; поощрение с его стороны освобождает и подвигает ученого или художника к свершениям гораздо энергичнее, чем какая-либо бюрократия или рыночные отношения. Так было при королях династии Стюартов, особенно при Якове I и его сыне, пока его

самым печальным образом не захватила политика. То же можно сказать и о Людовике XIV. Так же было и при Фридрихе, более ограниченном с финансовой точки зрения, однако обладавшем не менее развитым вкусом.

При дворе прусского короля было сравнительно немного развлечений, но музыка продолжала играть огромную роль в его жизни. Игра на флейте способствовала развитию сутулости и особой посадке головы, известным по многим портретам. Он любил импровизировать, прохаживаясь по комнатам перед утренним визитом кабинет-секретаря, считая, что немного игры на флейте стимулирует работу ума и воображения. Его адажио, медленные движения восхищали всех. Ему всегда нравилось сочинять — сонаты, фуги, церковную музыку.

Как исполнитель, подобно многим другим, он иногда допускал ошибки. Однажды выдающийся придворный музыкант Иоганн Иоахим Кванц, флейтист и дирижер, приехавший в Берлин еще при Фридрихе Вильгельме — мать Фридриха переманила его из Дрездена для обучения кронпринца, — присутствовал на концерте оркестра, в котором играл и Фридрих. Он исполнял соло на флейте в новой, еще не отрепетированной пьесе, допустил ошибку и сбился. Кванц, не отличавшийся терпением и тактом, скорее профессиональный музыкант, чем придворный, громко хмыкнул. Карл Филипп Иммануил Бах, сын великого Иоганна Себастьяна, также находился при дворе Фридриха и постарался сгладить неловкость, симпровизировав несколько фраз на фортепиано. Остальные музыканты невозмутимо продолжали играть, и Фридрих закончил свое соло. Первой скрипкой был Франц Беида, один из двух великих братьев-музыкантов при дворе прусского короля; Фридрих попросил его несколько дней спустя честно сказать, правда ли, что он переврал пьесу, допустил ошибку.

«Да, сир».

«Тогда лучше ты перепиши партитуру заново, — сказал Фридрих, — и на этот раз вставь туда простуду Кванца!»

Фридрих любил и оперу, и балет, беседовал о них со знатоками. В Берлине он построил новое здание оперы. Берлинскую оперу король содержал на личные деньги — вход был по бесплатным билетам. Партер в основном заполнялся солдатами и их женами, последние усаживались на плечи своих мужей, были, конечно, и заказные ложи. Оперный театр спроектировал Кнобельсдорф.

Король к тому же с удовольствием занимался тем, о чем, кроме близко знавших его, почти никто не догадывался. Берлинский карнавал начинался каждый год в декабре и длился шесть недель. Фридрих вместе с директором Берлинской оперы, Карлом Генрихом Граупом, работал над некоторыми аранжировками и пьесами, ставившимися во время карнавала. В 1751 году партию Федимы в «Митридате» должна была исполнять певица, с которой вечером накануне выступления произошло несчастье: она упала, была очень слаба, но не хотела подводить труппу в этот важный день, собрала все силы и вышла на сцену. Однако в третьей сцене первого акта девушка изменила особо трудную для исполнения арию.

Фридрих это заметил. Певица не была в числе тех, кого он особо выделял, но происшествие взволновало его и заставило поинтересоваться, в чем дело. Никто не дал внятного ответа, и после окончания первого акта король послал выяснить это за кулисы и узнал, что девушка явно нездорова. Фридрих сказал, что ее следует заменить дублершей, но певица отказалась и продолжала выступление.

«Она *не* должна петь через силу, — сказал король. — Она должна ехать домой!» Он был обеспокоен и, зная, что девушке осталось отработать совсем немного, громко сказал: «Скорее бы все закончилось!» Перед третьим актом послал за капельмейстером: «Арию Федимы в третьем акте пужно *вырезать!*» Так и сделали. На следующий день Фридрих заботливо послал узнать, все ли в порядке. Ведь артисты были для него как дети.

Годы спустя король познакомил с венским балетмейстером Новеррой. Он очень обрадовался: «Мы знаем его! Мы видели его в Берлине! Он изображал каждого, в том числе и нашу балерину, так, что все умирали от смеха!» Новерра не знал, как к этому отнестись, и Фридрих тотчас же сделался серьезным и выказал профессиональный интерес: «Ваши балеты хороши, ваши танцоры грациозны, однако эта грациозность дается им *через силу* — вы заставляете их слишком много работать плечами и руками...»

Фридрих очень хотел заполучить в Берлин известную — и очень красивую — танцовщицу, Барбарину Кампанини, *La Barbarina*. У нее было много любовников, включая принца де Кошти, и Фридрих ее фактически похитил. Ей прекрасно платили, в любое время по желанию позволяли путешествовать и давали отпуск на пять месяцев в году; и Фридрих дал повод к

появлению силетти, что она являлась его возлюбленной. Балериина поменяла своего любовника-шотландца, Джеймса Маккензи, на друга Фридриха, Альгаротти, и в конце концов вышла замуж за сына королевского канцлера Коччеги.

Фридрих всегда любил танцы. Они были запрещены при дворе Фридриха Вильгельма, и он учился танцевать тайком. Тема танцев всплыла однажды в беседе секретарем де Каттом в один из критических моментов военных действий: «Я покажу тебе правильные па! — сказал король и выполнил обещанное. А потом добавил: — Что скажут люди? Ну, разве я не сумасшедший?» Де Катту, как и всем остальным, очень нравились такие контрасты в характере Фридриха.

Фридрих был неравнодушен к картинам. Он довольно глубоко изучил историю живописи и в 1754 году начал собирать великолепную галерею в Сан-Суси; потолки в ней расписал Ван Лоо. Фридрих предпочитал иметь дело с художественным агентом Готчковским. У него были связи по всей Европе; он также время от времени играл роль особо доверенного дипломатического курьера для доставки корреспонденции специфического характера. Готчковский, которого считали самым богатым человеком в Берлине, раздобыл для короля две картины Рафаэля из коллекции в Риме. Фридрих захотел посмотреть на них, прежде чем согласиться на покупку. Римский владелец не хотел рисковать, посылая картины на предварительный показ, пока не была обговорена цена и не заплачены деньги. Более того, король Польши, Август III, уже предложил за них 30 000 дукатов. Готчковский указал на то, что в Польше покупатель платит налог на стоимость, если же картины приобретет король Пруссии, то продавец получит чистую сумму. Как бы ни велись расчеты, сделка состоялась, и Фридрих получил картины, а в 1742 году он купил известную коллекцию античных статуй и артефактов, собранную кардиналом де Полиньяком.

Но больше, чем к картинам и мрамору, его душа лежала к книгам. Он содержал идентичные библиотеки в Сан-Суси, Потсдаме, в Берлине, в Шарлоттенбурге и в Бреслау. В них книги были расставлены в одном и том же порядке, полка за полкой, чтобы он мог быстро найти то, что ему нужно. В основе системы Фридриха лежало разделение книг по принципу «наука» и «развлечение» — последние он читал лишь раз, к первым возвращался, изучал, делал пометки. Потому он покупал по пять экземпляров нужной ему книги.

Неприятное отношение к немецкому языку, проявлявшееся у Фридриха в течение всей жизни, породило немало критики. Германцы полагали, что такой образованный монарх должен и может больше делать для исконно германской культуры, а не сверять вкусы и деятельность с французской. И в самом деле, Фридрих был слабым знатоком немецкого языка, его письма на нем были едва понятны. Французский язык служил критерием литературных вкусов короля. Он с пренебрежением относился к пьесам Шекспира, «этим чуждым фарсам, достойным канадских дикарей, которые грешат против правил театра», но обожал Расина, чьи произведения читал вслух, часто заливаясь слезами; наслаждался Мольером — появившиеся позже такие французские комедиографы, как Бомарше, считал Фридрих, просто жалки в сравнении с ним. Он любил переложить в уме поэзию на прозу, чтобы проверить ее смысл, прежде чем всецело отдаться ее музыке. Фридрих, за исключением французского, не питал особой склонности к языкам: время от времени писал письма на латыни другим суверенам, но при нем должен был находиться помощник; и совершенно не знал греческого.

Король планировал создать в Берлине первую Королевскую библиотеку, и в 1774 году она наконец была построена. Ему требовался знающий и уважаемый библиотекарь, и два французских мудреца, Вольтер и д'Аламбер, постоянно поддерживали кандидатуру отца французского Просвещения, аббата Делилля де Салля, автора книги «Философия природы» (*«Philosophie de la Nature»*). Фридрих спросил аббата, кого из немцев тот знает. Аббат, по всей видимости, зная о пристрастиях короля, ответил: «Никого!» Место предназначалось для чиновника, который будет иметь дело с учеными в Берлине. Должность отдала другому человеку. Король был настолько же практичным, насколько и предубежденным.

Фридрих уделял много времени учению, отдавая предпочтение академическому образованию. Он чувствовал, что оно является необходимой предпосылкой и культуры, и процветания. Взойдя на трон, он был полон решимости превратить королевство в храм просвещения и наук. Став королем, в 1741 году Фридрих уговорил швейцарца Леонарда Эйлера*, вели-

* Эйлер, Леонард (1707—1783), математик, механик, физик и астроном. По происхождению швейцарец. В 1726 г. был приглашен в Петербургскую АН и переехал в 1727 г. в Россию.

чайшего математика своего времени, приехать в Берлин из Санкт-Петербурга и занять должность профессора математики, которая оставалась за ним в течение двадцати пяти лет. Фридрих «коллекционировал» мыслителей, как другие люди коллекционируют марки. К ужасу многих, в 1773 году король предложил убежище иезуитам после того, как их орден по папскому интердикту был запрещен в некоторых, в том числе католических, странах: в 1759 году — в Португалии, в 1764 году — во Франции, в 1767 году — в Испании; он восхищался успехами иезуитов в области образования, их приверженностью наукам и просвещению. Вольтер теперь с ним переписывался регулярно. Дидро — также великий представитель рационалистической философии, выступавший против традиционного христианства, — в своей «Энциклопедии» не очень учтиво говорил о Фридрихе, и в Берлине его не любили. Однако Фридрих увлекался не только скептиками — он с великим удовольствием читал Фенелона*.

Король пахотил удовлетворение и в работе Академии наук, во главе которой он поставил Мопертюи**, и в подборе кандидатур для нее. Его непрестанные усилия собрать в Берлине лучшие умы Европы свидетельствовали о неистребимом желании ввести академическое образование, и он сделал много для основания в Берлине «гражданско-военной академии для молодых людей из хороших семей». Фридрих лично разрабатывал детали учебного плана: безупречная грамматика; риторика; история свободных искусств; логика; древняя и новая история; география; делопроизводство. Такие предметы, как метафизика и мораль, должны были преподаваться с целью привить юным умам противоядие от всякого рода предрассудков. В программу входили физкультура, верховая езда, танцы, игра с мячом. Молодых людей нельзя подвергать побоям, если они заслуживали наказания, но можно сажать на хлеб и воду, заставлять носить дурацкий колпак, лишать привилегий. Он хотел сделать учебу удовольствием.

В сфере общего образования, однако, достижения Фридриха были не столь эффективными. В Пруссии, несмотря на за-

* Фенелон, Франсуа (1651—1715), французский писатель, архиепископ.

** Мопертюи, Пьер Луи Моро де (1698—1759), французский ученый, иностранный почетный член Петербургской АН (1738). В 1741—1756 гг. работал в Германии, президент Берлинской АН (1745—1753).

кон, введивший всеобщее образование, значительная часть населения была неграмотна: закон — это одно, а средства его реализации — другое. Фридрих основал большое количество новых деревенских школ, увеличил жалование учителям и улучшил условия их жизни, но, когда он умер, еще оставалось сделать очень многое, и, возможно, именно присущий королю интеллектуализм — зависящий от построения деспотизм — не позволил ему с энтузиазмом заниматься развитием народного образования. Пруссия по-прежнему оставалась по большей части феодальным обществом, где единственным сельскохозяйственным рабочим оставался крепостной крестьянин, прикрепленный к помещичьей земле, одетый и достаточно предприимчивый, но обязанный три дня в неделю отрабатывать на землевладельца.

Самые радостные и счастливые минуты Фридрих проводил в компании избранных друзей, хотя многие из «любезных членов Баярдской группы» уже умерли. Королю было всего тридцать четыре года, когда завершилась последняя военная кампания, однако некоторые из его фаворитов были старше его, и их число сокращалось. Дитрих Кайзерлингк, Цезарец, умер во время войны, 3 января 1746 года скончался любимый наставник Фридриха, Жак Эгид Дуан де Жанпюан, один из четырех или пяти человек, которых Фридрих желал видеть, возвращаясь с войны, и просил Фредерсдорфа в письмах организовать встречи с ними. Он сделал Дуана директором академии в Лейпциге и попросил его сообщать, о чем говорили люди, когда он отправился на Первую Силезскую войну. Фридрих Рудольф фон Ротенбург умер зимой 1751 года — новообращенный католик, он был другом Фридриха со времен осады Филлипсбурга с тех далеких дней, когда кронпринц сопровождал отца во Фландрию и встретился с Евгением Савойским. «Вчера в моей богдельне умер Ротенбург», — написал Фридрих Вильгельмине 29 декабря. Сестра лучше других понимала, что значит потеря старых друзей для ее любимого старшего брата. В ноябре 1751 года в возрасте сорока трех лет скончался Жюль Оффрэ де ла Меттри, писатель, изгнанный из Голландии, бывший военный врач французской армии, написавший книгу, в которой старался описать все страшные явления с чисто материалистических позиций. Он, вероятно, был единственным признанным атеистом в окружении Фридриха. Король считал его работу

поверхностной: «Хороший доктор философии, но плохой писатель. Можно наслаждаться его компанией, если не читать его книг». Король находил де ла Меттри, большого шутника, обладавшего сообразительностью и воображением, забавным, хотя тот однажды совершил непростительный проступок — болтал с посторонними о беседе за королевским обеденным столом.

Некоторые друзья покинули его. Альгаротти, симпатичный и довольно хвастливый венецианец, покоровший Фридриха своим обаянием, приехавший в Рейнсберг в счастливые «ремюсбергские» дни, потерял голову от любви к прекрасной Барбарине и в 1753 году уехал из Потсдама в Италию, где и остался, несмотря на все приказы Фридриха. Они продолжали переписываться; Альгаротти организовал поставку из Венеции рыбы — Фридрих особенно любил тунца, — но так и не вернулся.

Приятную компанию королю составлял д'Аржан — Жан Батист де Бойе, маркиз д'Аржан, в том числе и в годы Семилетней войны. Д'Аржан, родом из Прованса, был философом-вольнодумцем, написавшим «*La philosophie du bon Sens*», но получившим известность благодаря другому сочинению — «Еврейский шпион». Подвергшись преследованию со стороны французских властей, он поселился сначала в Голландии, потом в Вюртемберге, а в 1740 году переехал в Берлин. Фридрих назначил д'Аржана заведовать кафедрой философии в академии и постоянно проявлял к нему знаки внимания, посмеиваясь над его пользовавшейся широкой известностью ипохондрией и суеверностью, например, тот приходил в ужас, если за стол садились 13 человек. Но он был веселым, добродушным человеком, общение с ним приносило королю спокойствие. Д'Аржан считал своей задачей поддерживать у Фридриха хорошее настроение и время от времени его развлекать. Жизнерадостность и хорошие манеры провансальца во многом определяли атмосферу в Сан-Суси, где, как при любом дворе, происходили раздоры. Кое-кто считал его ненормальным, но, как говорят, за тридцать лет службы у Фридриха д'Аржан ни разу никого не поставил в неловкое положение, никого не обидел и, несомненно, всей душой любил короля.

Фридрих получал удовольствие от глупых розыгрышей. Д'Аржан какое-то время был директором театра в Берлине и в 1749 году женился на талантливой, но некрасивой балерине, мадемуазель Кошуа, которая сначала Фридриху не понравилась.

лась, но потом он тепло отзывался о ней — «она полна остроумия, знаний, талантов». Однажды д'Аржан взял красивое платье, в котором его супруга исполняла на сцене роль королевы, и переделал его в роскошный халат для себя. Как-то он беззаботно отдыхал, надев халат, и послал сказать, что чувствует себя неважно и не придет вечером на ужин к королю. Фридрих тут же надел черную одежду, заставил несколько человек из своего окружения сделать то же самое и прошел в апартаменты д'Аржана, где нашел маркиза возлежащим на кровати в халате. Визитеры встали вокруг него, словно для причастия больного, и палили масла ему на халат «в знак отпущения грехов» на смертном одре. Подобные грубые шутки развлекали льстецов, но были неприятны для тех, над кем шутили. Д'Аржан, однако, относился к ним снисходительно, так как они исходили от человека, которым он восхищался и которого любил. У д'Аржана в Сан-Суси были комнаты, в них уединенно проживала его семья. Фридрих обставил покои новой мебелью и повел других их показывать, специально сделав остановку в библиотеке, где несколько полок были уставлены рядами произведений отцов церкви. Прекрасные переплеты книг заключали пустые страницы — очень характерная для Фридриха шутка.

Другая обычная для короля шутка была разыграна над одним пастором из Померании, назвавшим короля Иродом. Пастора вызвали в церковный суд, где председательствовал переодетый Фридрих. Там «председатель» подверг несчастного пастора допросу. Ирод? Интересная аналогия. Который из Иродов? Ирод Антипас? Антипатер? Когда проживал тот Ирод, которого имеет в виду пастор, и что именно заставило его провести такую параллель? Бедняга, продемонстрировав полное невежество, бежал в свой приход.

Д'Аржан многое сделал для поддержания у Фридриха душевного равновесия в трудные времена, особенно военные. Когда они вместе были с войсками под Лейпцигом, маркиза встревожило, что король ничего не ел за ужином. Это был кризисный момент для всей кампании. Он отправился в королевские покои и нашел Фридриха сидящим на полу с блюдом фрикасе и кормящим собак. Он заставлял их соблюдать очередь при помощи тросточки. Д'Аржан радостно хлопнул в ладоши: «Пять величайших держав Европы объединились против курфюрста Бранденбурга и, несомненно, спрашивают себя, что он делает в данный момент? Строит опасные планы на следующую кампа-

пию? Собирает на нее деньги? Пополняет склады, людской и конский состав? Готовится к переговорам, чтобы разобщить противников? Нет! Он преспокойно сидит на полу и кормит собак!»

В этих словах, прозвучи они в устах других людей, можно было бы заподозрить подхалимаж, но не у д'Аржана. Он боготворил Фридриха и чем дольше находился рядом с ним, тем больше находил качеств, восхищавших его. Комментируя письма короля, маркиз сказал: «В них я по-настоящему столкнулся с его величественным духом». Ему Фридрих адресовал строки в трудный для пруссаков момент, после того как австрийцы захватили в 1761 году Швейдниц:

*Aujourd'hui des revers le poids nous importune;
Demain l'inconstante fortune
Nous favorisera, Marquis, et nous rirons!
Ne murmurons donc plus, et cessons de nous plaindre
D'un mal qui ne saurait durer.*

«Все обстоит ужасно сегодня, но завтра мы будем смеяться, и удача повернется к нам лицом». Как бы ни отпелся д'Аржан к стихам, их содержание вызывает уважение. Он умел быть преданным товарищем, в чем Фридрих очень нуждался в такие минуты, понимал переживания короля из-за отчаянного политического и военного положения, оставлявшего мало надежды, и потребность его артистической натуры, заставившей короля в то же самое время написать строки:

*Esclave scrupuleux de devoir qui me lie,
Un joug superbe et dur m'attache à ma patrie*.*

Такое настроение могло вызвать циничное отношение или просто раздражение, но д'Аржан достаточно хорошо знал этого человека, чтобы определить здесь сочетание искренности и полета фантазии. Он почитал Фридриха, но не льстил ему, с пониманием относился к его своеобразному остроумию. «Говорят, что короли являются подобием Бога на земле, — заметил Фридрих. — Я смотрю в зеркало и говорю: «Тем хуже для Бога».

* Я верный раб долга, который приковывает меня оковами пышными, но крепкими к моей родине (фр.).

Близкими по духу Фридриху были два брата-шотландца, Джордж и Джеймс Кейты. Джордж Кейт, девятый граф Марिशаль, на девятнадцать лет старше Фридриха, в ранней молодости служил у Мальборо. Кейт был протестантом, но не смирился с тем, что британский трон заняла ганноверская династия, и принял участие в якобитском восстании в 1715 году и — вместе с братом Джеймсом — в короткой экспедиции испанцев, пришедших на помощь шотландским горцам в 1719 году; ее разгромили под Гленшиелом. Джорджа Кейта после восстания 1715 года за измену государству лишили всех наград, титулов и земельных владений. Он был приговорен *in absentia* к смертной казни и жил в Испании до тех пор, пока в 1747 году в возрасте пятидесяти четырех лет не поступил на службу к королю Пруссии.

Фридрих полностью доверял ему. Он называл его милорд Марिशаль, лорд Марिशаль д'Экос, награждал орденом Черного Орла и в 1751 году направил в качестве прусского посла в Париж. Фридриху сказали, что его дядя, Георг II, возражает против этого назначения, — в Лондоне действительно обсуждался вопрос о разрыве дипломатических отношений. Король Пруссии направил своему посланнику в Лондоне письмо, в котором предлагал дяде не вмешиваться. Он добивался выплаты Марिशалю пожизненной ренты с отобранных шотландских владений, подтвержденной принцем Чарлзом Эдуардом в качестве компенсации за преданность якобита, — значительной суммы, поскольку семья Кейта была очень состоятельной. Марिशаль нуждался в деньгах, хорошее жалование было просто необходимо. Джорджу Кейту, полностью зависевшему от прусского короля, удалось — необычайный успех — уговорить Фридриха увеличить ему как послу в Париже содержание до 4050 эку. После службы в Париже Фридрих назначил его губернатором в принадлежащее Гогенцоллернам княжество Нойшатель в Швейцарии, где Марिशаль находился до того, как этот пост перешел к бывшему послу Пруссии в Лондоне, Мишелю.

Странное совпадение — в одно и то же время Фридрих поддерживал дипломатические связи с Францией через двух дворян-якобитов, шотландского графа Марिशала в Париже и ирландского графа Тирконнела, который в течение двух лет был французским послом в Берлине. Оба правились Фридриху, особенно Марिशаль, беспокоившийся, что его прежние политические пристрастия могут породить сомнения в преданности интересам Фридриха. Король успокоил его — он никогда не

вступал в переговоры с Францией или с кем-либо другим относительно прав Стюартов. В то время у якобитов существовало немало различных планов свержения правительства в Лондоне при поддержке Франции, и Маршала часто просили разъяснить отношение к ним Фридриха. Одним из таких визитеров был богатый землевладелец из Оксфордшира по имени Доукинс, археолог, исследователь Пальмиры и Месопотамии, но Фридрих считал такие проекты безрассудными; когда принц Чарлз Эдуард нанес секретный визит в Берлин, он встречался с Джеймсом Кейтом, братом Маршала, а не с королем. В знак признательности Маршал был прощен Георгом II в 1759 году, в 1760 году наследовал основную часть фамильных земель, а в 1764-м выкупил остальные земли. «Я верю, что даже лукавый пересмотрел бы осуждение за государственную измену, если бы он обратился к королю Пруссии!» — писал Гораций Уолпол. Несмотря на это, Маршал в конце концов вернулся в Потсдам. Фридрих построил для него дом, где он до самой смерти в 1778 году находился рядом с человеком, которого почитал больше всех в мире. Король часто ходил рядом с его коляской, когда он был стар и слаб.

Брат Маршала, Джеймс Кейт, был на три года моложе его. Он тоже принял участие в восстании 1715 года, получил звание полковника в испанской армии, а затем оставил ее, поступив на службу к Петру Великому. Он дал ему под команду полк русской гвардии. Джеймс Кейт стал генералом и снискал большой почет в войне со Швецией. Он был заместителем генерала Мишиха, которого порой величают «принцем Евгением России». В 1747 году Джеймс вместе с братом перешел на службу к Фридриху, и тот немедленно произвел его в фельдмаршалы — авторитет Кейта был очень высок. Для умелого и амбициозного профессионального солдата, представителя знатной семьи, практически не существовало преград в виде национальности; а Джеймс Кейт, помимо военных способностей, обладал еще и лингвистическими, имел обширные связи в литературных обществах Европы. Шотландцы особенно часто служили при иностранных дворах на высоких постах. Когда Джеймс Кейт состоял на русской службе, его посылали в качестве главы посольства для переговоров с Османским султанатом. Он был принят представителем султана, великим визирем. Кейт выразил высокие и дружеские чувства от имени русского императора. Представитель султана ответил тем же. Во время

непродолжительной паузы Кейт услышал, что турецкий посол что-то бормочет. Он прислушался: «Ах, Джеми, — шептал его собеседник. — Я страшно рад так далеко от дома встретить того, кого помню мальчишкой в Киркалди!» Отец великого визиря служил в том городе звонарем, звали его Джеймс Миллер.

Джеймс Кейт был как раз из тех людей, которых Фридрих хотел иметь в своем окружении, и вскоре он стал губернатором Берлина. Кейт обычно переводил для Фридриха различные речи, присылаемые с заседаний британского парламента. Кейт всю жизнь оставался одним из ближайших друзей Фридриха. Он погибнет в бою, сражаясь за короля.

Ричард Тэлбот, граф Тирконнел, был назначен в Берлин в апреле 1759 года. Он симпатизировал якобитам, и в 1746 году его взяли в плен при попытке присоединиться к принцу Чарльзу Эдварду, позднее обменяли. Затем граф участвовал в сражении при Лауфельде, в сорок лет стал французским послом, но был явно неопытен в политике. Фридрих это заметил, но Тирконнел ему нравился. Однажды он сказал брату Августу Вильгельму, что посол кажется милым, но в нем чувствуется подспудная печаль, которую Фридрих противопоставлял жизнерадостности Валори и приписывал почему-то примеси английской крови. Меланхолия Тирконнела могла иметь и физические корни; он умер в 1752 году в Берлине от кровоизлияния. Фридрих как-то задним числом назвал его — по непонятным причинам — «*méchant*»*, и было ясно, что их отношения не всегда были безоблачными, хотя он неизменно с любовью говорил о короле. Тирконнела заменил некто Латуш, который, как заметил Фридрих по его приезду, «больше подойдет нам, чем Милорд».

Тирконнел сменил Валори, который долго был бессменным послом Франции при дворе Фридриха и очень хорошо узнал короля. Приняв должность у одного из фаворитов Фридриха, Валори сначала надоедал королю неиссякаемым потоком военных воспоминаний, однако раздражение сменялось благосклонностью, и теперь, когда в 1750 году тот уходил в отставку, чтобы поселиться в Этамне, Фридрих был опечален. Он называл Валори «королем приспешников Англии» («*toutou*»**) за его готовность защищать точку зрения Британии и писал ему, что в

* злюка, грубиян (фр.).

** собачка, которая служит (фр.).

будущей, тихой, философической жизни Валори продолжит вспоминать о войне за Испанское наследство; сам Фридрих Вильгельм сражался на ней. Цветник Валори в Этампе может превратиться в сад Гесперид, а его дом — во дворец Антония, однако он и тогда не должен забывать философа из Сан-Суси. Французским послам в Пруссии в это десятилетие между войнами пришлось немало потрудиться, поскольку союзы и отношения между государствами были подвижны и неустойчивы.

Британские послы, с точки зрения Фридриха, по своим качествам отличались друг от друга. В бытность его крошпринцем, во времена неудачного «английского марьяжа», был сэр Чарлз Хотэм, уехавший после яростной стычки с Фридрихом Вильгельмом. Его заменил полковник Гай Диккенс. К обоим, к Хотэму и Диккенсу, Фридрих приходил в минуты отчаяния, и оба сочувствовали ему, но были осторожны; Гай Диккенс сначала поправился ему, но позже, когда он служил при русском дворе, Фридрих говорил о нем, что тот вспыльчив, раздражителен, несдержан и при этом совершенно пустой и предубежденный против Швеции человек. Был еще Джон Кармайкл, граф Хиндфорд, игравший роль посредника на переговорах во время Силезских войн, чьи усилия в значительной мере способствовали подписанию Бреславского мира. Тем не менее Фридрих считал его неприятным. Среди британских послов был и Томас Вильер, ставший позднее графом Кларендоном, короткое время служивший в Вене и Дрездене. В 1746 году он приехал в Берлин. Фридриху новый посол поправился с первого взгляда: «Манеры мышления Вильера и поведения как раз таковы, чтобы вызвать мое доверие». Он смог задержать его при себе на два года, вплоть до 1748 года. После этого в Берлине всего несколько месяцев пробыл сэр Чарлз Ханбери-Уильямс, который, хоть и слыл в Лондоне острословом и пиитом, был противен Фридриху. Впоследствии он служил в Дрездене и Санкт-Петербурге, и Фридрих сочтет его присутствие там чрезвычайно полезным для Пруссии. Фридрих советовал своему человеку в Лондоне не игнорировать Ханбери-Уильямса, хотя тот и кажется незначительным человеком: «Маленькие люди часто доставляют больше проблем, чем большие». К счастью и для Британии, и для Пруссии, один из выдающихся дипломатов своего времени, проникательный, смелый, благородный и близкий по духу Фридриху, в скором времени получит назначение в Берлин.

* * *

Д'Аржан, Альгаротти до своего отъезда, де ла Мотт Фуке, братья Кейт были близкими друзьями Фридриха, находились всегда при нем; послы, чьи личные отношения с королем имели большое значение; а еще — частые гости. Стоило Фридриху услышать, что какая-то интересная личность находится неподалеку от Потсдама, он немедленно загорался желанием встретиться. Маршал Мориц Саксонский нанес ему визит в 1748 году; позднее брат Фридриха, Август Вильгельм, подарил ему книгу Саксонского о войне под названием «*Rêeries*» («Мечты»), и он держал ее на столике у кровати, заявляя, что она помогает рождению его собственной поэмы «Искусство войны». Были избранные советники. И еще члены семьи.

Братья и сестры почитали Фридриха как главу Бранденбургского дома. Он был им *in loco parentis**, строгим братом. Старшая сестра, Вильгельмина, его, несомненно, любила; брат, Август Вильгельм, принц Прусский, на десять лет моложе, любимчик отца, несколько побаивался Фридриха; брат, Генрих, моложе короля на четырнадцать лет, немного завидовал. Генрих уже сражался под Хотузицем и Гогенфридбергом и считал, что во Фридрихе нет тепла и братской любви. Король подарил ему владения в Рейнсберге, а также великолепный дворец в Берлине; позже несколько прекрасных комнат в потсдамском Новом дворце. В очень молодом возрасте он занял высокую должность в армии, позднее получил прекрасные дары от Фридриха, однако при этом он страдал от постоянно подавляемого чувства обиды, зачастую присущего младшим сыновьям, особенно одаренным, а Генрих был чрезвычайно одаренным человеком. Подобно Фридриху он обладал талантами в самых различных областях, отличался утонченностью, имел музыкальные способности. Генрих организовал в Рейнсберге блестящий двор, способный соперничать с королевским; был очарован Францией и всем французским. Он станет одним из самых выдающихся полководцев Пруссии. Довольно хрупкий внешне, симпатичный и самолюбивый, Генрих имел очень привлекательную жену, которую впоследствии оставил, не интересуясь ею как женщиной. Он будет со временем расходиться со старшим братом по многим вопросам политики и стратегии.

* вместо родителей (лат.).

При дворе и в семье Фридриха часто плелись интриги, вызываемые завистью и антипатией. Король наблюдал за ними с удовольствием и порой, несомненно, поощрял их. Ему нравилось стравливать людей друг с другом, издеваться над человеком и ждать, как долго предмет насмешек будет это безответно спусить. Фридрих любил провоцировать людей. Он обожал спорить и спорил грубо, настаивал на своем, проверяя силу и обоснованность аргументов, наслаждаясь словесной перепалкой. Его собеседникам приходилось быть осторожными, и наиболее опытные прекрасно знали, насколько далеко можно зайти. Фридрих не выносил чрезмерной фамильярности; заявления противной стороны должны были быть вежливыми, а не прямыми и жесткими. Более всего ему не нравилось, когда содержание разговора доводилось до лиц, не принадлежащих к его окружению. Но Фридрих умел быть в высшей степени деликатным, особенно с незнакомцами, неуверенными в себе или растерянными. Бедный учитель-викарий шел в Потсдам из Йены, находящейся за 250 миль, с какой-то жалобой и совершенно без денег; в садах Потсдама он был представлен королю несколькими находящимися в увольнении офицерами, которые, желая подшутить, сказали ему, как себя следует вести. Фридрих внимательно выслушал все, удовлетворил его жалобу и лично позаботился, чтобы голодного викария накормили в Сан-Суси.

Те, кто имел опыт, знали, что лучше дать королю возможность выговориться и помолчать, когда на него находит охота пошутить, им было известно, что Фридрих уважает искренние мнения с разумной аргументацией, а откровенность самого Фридриха является своего рода комплиментом — король считал, что двусмысленность оскорбительна. Все высоко оценивали широту его взглядов и способ ведения беседы, вежливые обороты речи, остроумие, красоту выразительного голоса — если не считать некоторую эксцентричность: Фридрих произносил «т», как «д». «Он облагораживал любую тему, — говорил принц де Линь, сам приятный и одаренный человек. — Он мог подхватить первые сказанные вами слова и повернуть их так, чтобы извлечь из них очень интересный предмет для разговора». Все находили занимательным беседовать и, видимо, спорить с Фридрихом, даже когда это было страшно.

Как и при других дворах, здесь возникали неловкие ситуации. Но никогда не было ничего подобного тому, что произошло в июле 1750 года, когда в Берлин вновь приехал Вольтер.

Глава 10

РАСПЛАТА ЗА ИЗВЕСТНОСТЬ

Фридрих, занятый войнами и управлением королевством, теперь реже обменивался письмами с Вольтером. Тон посланий короля становился все более самоуверенным, твердым, все менее просительным, не как при обращении ученика к учителю, а как равного искателя истины к равному. И возможно, именно этот изменившийся тон поразил и несколько смутил адресата. Вольтер прекрасно осознавал свое положение — он император европейской мысли. А императоры не терпят равных себе. Фридрих теперь без опаски высказывал мнение в отношении какой-либо книги в бескомпромиссных выражениях человека, не ожидающего возражений. Это продолжалось несколько лет. «Анекдоты о личной жизни Людовика XIV доставили мне удовольствие, — писал он в декабре 1746 года, — однако не могу сказать, что я нашел там нечто новое... в каждом столетии авторов-современников обвиняют в том, что они становятся жертвами либо горькой сатиры, либо глупой лести». *«J'ai été ravi, — говорил король Вольтеру, — de voir les changements et les additions que vous avez fait à votre ode»**. Это вовсе не язык робкого ученика.

Фридрих тем не менее дал понять, что ожидает еще одного визита этого маститого мыслителя в Берлин: *«J'ai la folie de vous voir!»*** — написал он в июне 1749 года. Как в прежние

* Я порадовался, увидев, какие изменения и дополнения к своей оде вы сделали (фр.).

** Я мечтаю вас увидеть (фр.).

дни, они обменивались литературными замечаниями, и Фридрих спрашивал одобрения или совета по поводу собственных сочинений, особенно стихотворных. В ответах Вольтера сквозила лесть: «*J'ai toujours pris la liberté de vous aimer*»*, — по оп тут и там постоянно вставлял язвительные замечания. Он прослышал, что д'Аржан, имевший прозвище Исаак, позволял себе делать нелюбезные замечания о предыдущем посещении Вольтером Берлина. Д'Аржан и вправду раскусил его, но... «Я от всего сердца прощаю его, лучшего в мире друга», — говорил Фридриху этот славный малый каким-то уж слишком сладким голосом.

Вольтеру было пятьдесят шесть лет. В последнее время условия его жизни и репутация были изменчивыми. После нескольких неудач Вольтера в 1746 году избрали во Французскую академию, ему удалось ненадолго вновь завоевать расположение Людовика XV, написав в 1745 году либретто для комедийного балета на музыку Жака Филиппа Рамо к свадебной церемонии дофина. Однако он по-прежнему оставался объектом как глубоких симпатий, так и антипатий, и некоторая благосклонность двора далеко не везде способствовала росту его популярности. Вольтер жил в доме своей любовницы, маркизы де Шатле, в Лотарингии.

10 сентября 1749 года маркиза умерла при родах, младенец также вскоре умер. Ей было сорок три года**. У него больше не было причин отказываться от поездки в Берлин, если Фридрих так этого хочет, но Вольтер не знал, насколько без личных контактов в течение шести лет сохранились их прежние отношения. Его не порадовали бы слова Фридриха, сказанные Альгаротти, что благородный гений в Вольтере уживается с низкой душой — «злой об обезьяны, но он мне пужен для занятий французским языком». Вольтер попросил Фридриха почтить его крестом *Pour le Mérite* (За заслуги), высшей наградой Пруссии и не дождался никакого ответа.

В конце декабря 1749 года он получил от короля длинное и вежливое письмо, в котором тот выражал надежду, что Вольтер придет в Берлин в течение будущего года, затем последовало другое, содержавшее восемьдесят четыре строки королевских стихов. Вольтер был в восторге. Потребовалось время, чтобы урегулировать дела во Франции, но уже в июне 1750 года он отправился

* Я всегда оставляю за собой право восхищаться вами (фр.).

** Отцом ребенка был маркиз де Сен-Ламбер.

в Пруссию. Его решение прохладно встретили при французском дворе, а Людовик XV отвернулся от него. В Париже уже не надеялись, как когда-то, что обласканный королем Пруссии Вольтер сможет влиять на политику в полезном для Франции направлении.

В их отношениях появился холодок. Вольтеру более, чем прежде, требовались деньги; кардинал Флери, пуждавшийся в его услугах, умер. Фридрих казался вежливым, но гораздо более уверенным в литературных вопросах, в которых раньше признавал себя учеником. Он очень чувствительно относился к оценкам своих сочинений, особенно стихотворных. Его пугала мысль, что произведения попадут не в те руки. Когда Вало-ри попросил подарить ему написанную королем поэму, о которой он слышал и хотел послать Людовику XV, Фридрих вежливо отклонил просьбу, сказав, что питает к Людовику XV самые добрые чувства, но книга может попасть к теологам, политикам, суровым критикам! Тогда насколько ценою все может обернуться! *Король* — и пишет поэму шестистопным стихом, открывает рай и ругает землю! Немец — и пытается рифмовать по-французски! Щепетильность Фридриха в отношении своего положения и репутации — как и щепетильность Вольтера — вполне понятна.

Вольтер добрался до Берлина 10 июля 1750 года и в тот же день отправился в Потсдам, где ему передали приветственное четверостишие от Фридриха. Его племянница, молодая вдова мадам Дени, с которой он состоял в любовной связи, получила распоряжение распродать личные вещи во Франции и приехать к нему, как только сможет. Сначала все, казалось, шло прекрасно. Вильгельмина посетила в августе Берлин и была очарована Вольтером. Фридрих, тоже в августе, назначил его управляющим королевским двором. Положил жалованье в размере 20 000 франков и пообещал 4000 для мадам Дени, полагая, что она будет жить с Вольтером и присматривать за его домом. К двенадцати элегантным строкам —

*L'éclat n'est rien pour vous: votre belle âme n'aime
Que la sublime gloire et l'immortalité*, —*

были приложены ключ управляющего и крест «За заслуги».

* Известность для вас ничто: вашей прекрасной душе любезна лишь возвышенная слава и бессмертье (фр.).

Поначалу они поддразнивали друг друга школярскими загадками: «*P/viens a Ci/sans (Viens souper à Sans Sousi!)*», — писал Фридрих и получал ответ: «*J a P (J'ai grand appétit!)*»*. Не ясно, до какой степени Вольтер не понимал, насколько Фридрих скептически относится к нему. Ни его, ни короля не могла обмануть цветистость комплиментов — это было игрой, вести ее предписывали хорошие манеры. Вольтер, вероятно, полагал, что его репутация и интеллектуальное превосходство обеспечат относительную безопасность. Фридрих, любитель интриг, мастером которых был Вольтер, наслаждался натянутостью отношений, раздорами, царившими среди талантливых людей, окружавших его. Вопрос заключался в том, будет ли перейдена черта.

Вскоре это случилось. В феврале 1751 года Фридрих из Потсдама написал Вольтеру, чей дом находился в Берлине, язвительный ответ на письмо, в котором содержалась его жалоба на клевету. Королю донесли, заявлял он, что он, Вольтер, допустил финансовые нарушения. Некоторые лица в королевском окружении, недостойные своего положения, вводят его в заблуждение. Он назвал имена.

Это явилось кульминацией. А произошло вот что. Вольтер пытался заработать немного денег незаконным путем. Он попросил одного еврейского ювелира по имени Гиршель приобрести для него со скидкой несколько векселей Саксонского казначейства, подлежащих оплате по номиналу прусским подданным и таким образом гарантировавших определенную прибыль. Вольтер не являлся прусским подданным, и сделка была незаконной. В качестве оплаты он передал Гиршелю чек Парижского банка, а в залог до получения саксонских ценных бумаг принял несколько бриллиантов. Бумаги задержались и не пришли. Тогда Вольтер аннулировал чек. Гиршель потребовал вернуть бриллианты и обвинил Вольтера в подмене нескольких из них худшими по качеству камнями. Он угрожал довести дело до суда, хотя в данном случае вопрос был урегулирован. Скандал дошел до Фридриха. Возмутительность ситуации привела его в бешенство — явная уловка Вольтера, пытавшегося представить себя прусским подданным в целях мошенничества, аннулирование чека, заявление потерпевшей стороны о подмене камней — сам факт сделки и связанных с ней обвинений, ставший известным в Саксонии и Берлине, касался фаворита и

* Приезжай ужинать в Сан-Суси! — У меня хороший аппетит! (фр.)

доверенного лица короля. Фридрих был в ярости. Он по-прежнему считал Вольтера гением, но тот оказался жалким мошенником. И вот тогда король получил от Вольтера письмо, в котором тот жаловался, словно был пострадавшим, а не пойманым за руку виновником происшествия.

Его ответ был ледяным. Вольтер, писал он, имеет паглоть указывать на то, кто должен или не должен быть доверенным слугой короля. Поступая таким образом, он мстительно возводит вину на невинных людей, против которых затаил злобу. Однако это Вольтер позволил себе финансовую нечистоплотность и оказался недостойным. Более того, самым непозволительным образом обсуждал с русским послом вопросы, которые его совершенно не касались, и намекнул при этом, что действует в соответствии с инструкциями короля. Он также вмешивается в личные дела его придворных. Фридрих заканчивает письмо словами: «Если вы способны решиться жить как философ, я буду счастлив видеть вас. Если, однако, вы предаетесь пылу ваших страстей... то не доставите мне удовольствия приездом сюда и лучше оставайтесь в Берлине».

После этого все письма — и стихи — Вольтера льстивы и раболожны. Посланий от Фридриха немного, они коротки и посвящены главным образом литературной критике. Лишь в октябре 1751 года он прислал двенадцать стихов поздравительной оды, написанных почти в прежней манере: «*Quel avenir t'attend, divin Voltaire!*»*

Вольтер понимал, что его влияние на Фридриха практически исчезло. Он пытался лестью вернуть расположение короля. Когда умер Ротенбург, как он знал, человек, близкий королю, Вольтер рассказывал, насколько восхищался им и что покойный согласился быть его, Вольтера, душеприказчиком. С д'Аржаном у него ничего не вышло, тот никогда не любил Вольтера, но Фридрих заметил, что их силы не равны. «Д'Аржан вернулся из Франции, — писал он Вильгельмине, — и уже схватился с Вольтером — крапивник**, наскакивающий на орла! Можно догадаться, кто вышел победителем!» Фридрих однажды сказал, что Вольтера следует поместить в клетку, как попу-

* Какое будущее ждет тебя, божественный Вольтер! (фр.)

** Крапивник — одна из самых маленьких (в два раза меньше воробья, масса около 9 г) и очень подвижных птиц с коротким вздернутым хвостом.

гая, «и быть осторожным в высказываниях, находясь рядом с ним!»

Осенью 1752 года буря разразилась вновь. В сентябре Вольтер написал мадам Дени, находившейся с визитом в Париже, что он ведет при посредничестве герцога Вюртембергского переговоры по страхованию их жизней, дяди и племянницы. Страховка будет оплачена из средств, которые он намерен перевести из Берлина, предположительно в Штутгарт. Она может рассчитывать на его близкий отъезд. Вольтер горел нетерпением.

Кроме этого, он был еще и в крайней степени встревожен. Письмо, полученное от Фридриха в декабре 1752 года, объясняет, почему. Оно начинается со слов: «*Votre effronterie m'étonne*»*. Развязка приближалась. Причиной скандала стала вражда между учеными. Вовлеченными в него оказались и Вольтер, и президент Прусской академии наук, протеже Фридриха, Мопертюи.

Пьер Луи Моро де Мопертюи, бретонец из Сен-Мало, был математиком и ученым с международным именем. Человек довольно скандального характера, он одним из первых был приглашен Фридрихом в Пруссию. «С того момента, как я унаследовал трон, — в июне 1740 года написал ему король, — мое сердце и мои намерения разжигали во мне желание видеть вас здесь». Мопертюи подготовил планы создания академии. Над ними Фридрих нетерпеливо работал во время Первой Силезской войны. Их переписка и стихи были полны очарования и остроумия. Он, говорил Фридрих, до жестокости честен, хоть и ходит с самым недовольным в мире видом. Теперь ему было пятьдесят четыре года, и Вольтер называл его занудой. Мопертюи согласился принять назначение в Берлине по практическим мотивам, а также из-за того, что влюбился в прусскую дворянку, пекую фон Борке, и женился на ней. Фридрих считал его равным Ньютону.

Мопертюи вывел математическое правило, известное как «наименьшее действие». И вот профессор из Гааги, Самуил Кениг, заявляет, что истинные составные этого правила сформулированы не Мопертюи, а Лейбницем в письме математику Гейманну в 1707 году. Таким образом, отрицалось авторство Мопертюи; было объявлено, что Кениг в своей работе прибегает к фальсификации (письмо Лейбница). Кениг обращается к общественности, и Вольтер, хорошо знавший его и недолголюбивший Мопертюи, встает на сторону ученого из Гааги и пуб-

* Ваше бесстыдство меня изумляет (фр.).

ликует анонимное письмо «К ученому в Париже». Мопертюи глубоко задет этим, так сказать, ударом в спину, и Фридрих, не на шутку встревоженный нападками на научный авторитет и честность президента его академии наук, неблагоразумно публикует ответ — тоже анонимный. Однако всем было известно, что он принадлежит перу короля. Тяжба стала публичной, скандальной и недостойной.

Вольтер написал памфлет, усиливший атаку на Мопертюи. Он назвал его «*Diatribе du Docteur Akakia, Mèdecin du Pape*»*. В нем не затрагивались математические аспекты проблемы. Это была насмешливая буффонада, нацеленная на то, чтобы сделать работу Мопертюи объектом критики со стороны инквизиции. Фридрих, услышав об этом, велел не публиковать памфлет, хотя приказал прочесть произведение для себя вслух и с удовольствием смеялся, слушая его. Однако это был жестокий удар по Мопертюи, и Фридрих пришел в ярость. 27 ноября Вольтер написал письмо, полное раскаяния, обещая вести себя хорошо, но к тому времени дело уже вышло из-под контроля. «Диатриба...», вышла в свет в Париже и Лейпциге. В Пруссии Фридрих приказал скупить все экземпляры и уничтожить, предав книгу публичному сожжению. Вот откуда «*Votre effronterie m'étonne!*».

Вольтеру было сказано, что он может покинуть Берлин в любое удобное для него время. Он написал, что нуждается в отдыхе на водах в Пломбьере; Фридрих холодно ответил, что необходимость в предложениях отсутствует. Вольтер волею ехал куда угодно. Однако он должен вернуть королю крест «За заслуги», ключ управляющего дворцом и томик сочинений Фридриха, переданный в конфиденциальном порядке. В том же письме Фридрих заметил, что, не обладая ни тщеславием, ни глупостью отдельных авторов, он может рассматривать распри между литераторами лишь как позор для литературы. Послание доставил паж, которому было приказано дожидаться, пока письмо не будет прочитано; Мопертюи в то же время написал мадам Дени, что ей следует не допускать, чтобы ее дядя ставил себя в глупое положение.

Фридриху было необходимо получить назад рукописи сочинений. Не только из-за насмешек Вольтера. В них содержались не слишком лестные оценки суверенов и известных в Европе лиц, что могло повлечь неприятности, окажись они не

* Диатриба доктора Акакия, лскаря папы (фр.).

в тех руках. В письме Вольтера Фредерсдорфу из трех строк высказана признательность за назначенный пенсioen в 3000 экю. 26 марта 1753 года он покидает Берлин, чтобы уже никогда больше не вернуться.

Вольтер и мадам Дени, которую Фридрих называл Медеей, ехали через Готу, Лейпциг и Франкфурт. Когда они были в пути, Фридрих обнаружил, что его обманули и ослушались приказа. Вольтер увез с собой доверенный ему ключ управляющего, а также конфиденциальный экземпляр стихотворений Фридриха, которые, как король опасался — имея на то основания и пылая гневом, — могут быть опубликованы без его разрешения и, возможно, в сопровождении насмешливых замечаний. Парочка добралась до Франкфурта, свободного города империи, находящегося вне юрисдикции Фридриха. Пруссия имела там постоянного представителя по имени Фрейтаг.

Фрейтагу из Берлина направили указания изъять у путешествующего философа и его попутчицы важные предметы, увезенные ими. Он пришел со своими требованиями в гостиницу, в которой остановился Вольтер, тот объяснил, что его багаж еще не прибыл из Лейпцига, и обещал оставаться во Франкфурте и дожидаться его. Это произошло через две недели, и все искомые предметы были переданы из рук в руки.

Хотя у Вольтера было разрешение на путешествие, Фрейтаг считал за лучшее задержать путников и ждать новых инструкций. Он силой пресек их попытку выехать из Франкфурта. Вольтер извлек максимум из создавшейся ситуации и заявил Фридриху — и всему миру, — что его незаконное задержание, а он не пожалел красок для его описания, является насилием и бесчестьем по отношению к мадам Дени. Фридрих поступил мудро, рассказав о произошедшем своему послу в Париже, милорду Маришало д'Экос. Он выразил сожаление о допущенной Фрейтагом ошибке — тот вышел за рамки данных ему инструкций, — однако остался совершенно равнодушным к возмущению Вольтера. Король приписывал поведение Вольтера его стремлению заменить Мопертюи на посту президента академии. Он также просил Маришала делать все возможное, чтобы нейтрализовать клеветнические измышления Вольтера, которые, несомненно, будут распространяться во Франции. Если книга с произведениями Фридриха вдруг обнаружится во Франции, то ее следует по возможности вернуть. Он называл Воль-

тера «*Le plus ingrat et le plus méchant des mortels*»* и извинялся за то, что ставит перед своим послом столь абсурдные задачи, «*ridicules commissions*». Они, насколько это стало возможным, были выполнены. Фридриха не смутило известие о том, что Вольтер подал прошение о приеме на службу к Марии Терезии, но порадовался ее ответу; королева остроумно, как с удовольствием говорил Фридрих Маршалю, ответила, что место Вольтера не в Вене, а на Парнасе.

Впоследствии Фридрих держал Вольтера на расстоянии. Тем не менее, несмотря на обстоятельства, при которых они расстались, и поступающие время от времени доклады о насквилях, циркулировавших в европейских столицах — он легко определял авторство Вольтера, — Фридрих всегда помнил, какое значение для него имели мысли и произведения Вольтера. Он называл Вольтера «самым злобным сумасбродом»; «омерзительной личностью, притворщиком, обманщиком»; «величайшим плутом из всех живущих», но знал, что общался с гением и в период его становления великий деятель европейской культуры подробно комментировал его работы, страницу за страницей, а порой и слово за словом: ему выпала редкая честь. Фридрих с глубочайшим восхищением продолжал читать произведения Вольтера и даже написал отзыв о них автору.

В своих письмах впоследствии они периодически намеками возвращались к ссоре. Фридрих следил за успехами Вольтера в борьбе против религиозной нетерпимости и предрассудков. Это сражение их свело, но, приобретя опыт правителя, он стал сознавать, что позволять кому-либо нападать на устоявшиеся понятия нельзя; свобода может слишком легко спровоцировать беспорядки и привести к еще более худшему злу. Терпимость желанна, но не следует позволять произвола в отношении того, чему люди поклоняются — осознанно или нет. В 1766 году Вольтер написал: «Я прощаю ему все!»

Когда Пигалю был заказан великолепный бюст Вольтера, Фридрих сделал особенно крупный взнос, и это растрогало Вольтера. А на смерть Вольтера в 1778 году Фридрих написал возвышенную «Элегию», прочитанную перед собранием Берлинской академии специально приглашенным оратором. Он сочинил ее во время военной кампании.

Мирный период, наступивший после Силезских войн, дал возможность Фридриху уделить больше времени собственным

* Самый неблагодарный и самый злобный из смертных (фр.).

историческим работам. Он написал «Историю Бранденбургского дома», охватывавшую значительный отрезок времени, и частенько возвращался к ней, внося изменения. Полное издание было напечатано с королевского соизволения в 1751 году в Берлине. В книге описывалась история Гогенцоллернов вплоть до смерти Фридриха Вильгельма и восшествия на престол Фридриха. В работу включены описания многочисленных сделок, посредством которых курфюрсты приращивали или утрачивали территории. Эта работа, таким образом, играла роль своего рода заявления исторических прав, если речь заходила о приобретениях Юлиха, Берга, Клева, Равенсбурга. Изложение «Истории Бранденбургского дома» становилось страстным и драматическим, когда рассказывалось об ужасах Тридцатилетней войны, разграблении Магдебурга войсками Тилли в 1631 году: «Все, на что только способна солдатня, когда ничто не ограничивает ее гнева, что рождает в человеке дикая жестокость, когда его чувствами владеет единственно слепая ярость, — все это определяло поведение имперских войск, когда вооруженные люди носились по улицам, избивая стариков и младенцев, мужчин, женщин, детей...»

Произошедшее в Магдебурге и впрямь было ужасно, и Фридрих писал прочувствованно. Минуло сто лет, но враг у Пруссии оставался, по его мнению, все тот же. По многим направлениям — в его интерпретации истории польского вопроса, в отношении к шведским претензиям на Померанию — Фридрих в форме недавней истории изложил параметры, как он их видел, европейской ситуации, унаследованной от предшественников. Выписанные портреты крупных деятелей прошлого века — Ришелье, Конде, Великого курфюрста — убедительны и пропихательны. Фридрих восхищается достижениями французов: «Франциск I пытался привлечь искусства во Францию; Людовик XIV закрепил их там. Его покровительство искусствам было впечатляющим, греческий вкус и римская элегантность получили повое рождение в Париже». Для деда, Фридриха I Прусского, ненавидевшего все французское, нашлись лишь резкие слова. Когда он доходит до описания правления своего отца, Фридриха Вильгельма, становится очевидной его сыновья почитательность. Фридрих подробно пишет о благотворительных организациях, созданных королем для солдат-ветеранов и их семей, о его заботе о кадетских корпусах, об усилиях по организации армии, хотя отмечает, что Фридрих Вильгельм кавалер

лсрии уделял меньше внимания, чем другим родам войск. Однако в своей основе «История Бранденбургского дома» была изложением фактических событий. В ней Фридрих отдавал должное предкам. Работа с первого предложения отражает гордость за свой род: «Бранденбургский дом, или дом Гогенцоллернгов, является настолько древним, что его истоки теряются в дымке времен». Это было тщательно продуманное сочинение, не ставящее под сомнение успехи реформ в Пруссии.

В 1748 и 1749 годах Фридрих пристально следил за событиями в Скандинавии. Казалось, что между Швецией и Россией вспыхнет война. Фридрих ясно дал понять, что в случае такого развития событий он останется нейтральным, по крайней мере первоначально. Король считал необходимым на случай непредвиденных обстоятельств отдать распоряжения своим войскам, находящимся в Кёнигсберге и Восточной Пруссии, и их командующему, генералу Левальду. Любая война на Балтике стала бы опасным и ненужным предприятием, и тревога не покидала его в течение нескольких лет, вплоть до 1752 года. За раздорами в этом регионе он видел — как и везде — руку Австрии. Фридрих подозревал, что австрийцы, прикрываясь договором с Россией 1746 года, создают напряженность на Севере и Пруссия может легко оказаться втянутой в этот конфликт. Он с глубоким недоверием наблюдал за отношениями — слишком теплыми, по его мнению, — императрицы России и императрицы-королевы Марии Терезии. В 1749 году Фридрих получил известие, что Елизавета, встревоженная опасной ситуацией в Финляндии, готовится направить русские войска в Шведскую Финляндию. Она только что, к некоторому неудовольствию своего двора, приняла решение на год переехать из Санкт-Петербурга в Москву; Фридрих предположил, что такое решение связано с внутриполитическими соображениями. Он опасался, что поход на Финляндию станет предвестником войны. «*Voilà les Russes qui vont entrer en Suède et par cosèquent la guerre qui va commencer!*»* Но планы русских оказались некоторым образом спутанными, и грозящий кризис миновал.

Тем не менее ситуация в России продолжала беспокоить, и Фридрих с удовольствием узнал о заключении между шведами и турками союзного договора, который должен был в какой-то мере уравновешивать напор России на Скандинавию. Ему так-

* Итак, русские входят в Швецию, и, как следствис, пачинается война! (фр.)

же стало известно — и это доставило меньше удовольствия, — что в России говорят об обещанных Фридриху 20 000 французских солдат, если он примет участие в войне на Севере. Это не соответствовало действительности, и король заподозрил интригу. Сам он твердо придерживался мнения, что Пруссии *не* следует принимать участие в Северной войне, еще лучше, если никакой Северной войны вообще не будет. В мае 1750 года он установил цену, на каждое подразделение в отдельности, военной помощи Швеции, если такую придется оказывать*. Запретил послу в России обсуждать русские намерения в отношении Финляндии с кем-либо из числа российских официальных лиц; все должны были думать, что ему ничего не известно. Фридрих хотел остаться в стороне: «У меня очень веские причины для того, чтобы давать вам такие распоряжения». Фридрих ранее провозгласил дружбу со Швецией и потому подозревал, что эти демонстративные действия России имели целью показать бесполезность добрых отношений с Пруссией. В августе 1750 года его посол, фон Варендорф, оценил возможность русской агрессии как маловероятную.

Все, что происходило в России, вызывало у Фридриха интерес. В декабре 1750 года он прослышал о планах подписания нового секретного договора между Россией, Австрией и Британией, по которому каждый участник будет гарантировать владения всех других от любых посягательств и непредвиденных опасностей, — договора, к участию в котором, как он понимал, могли быть привлечены Голландия и Польша — король Польши, то есть Саксонии. Вероятно, он узнал об этом из корреспонденции, направлявшейся в Вену, — австрийские дипломатические коды были раскрыты. Это заставляло его нервничать — хоть и в перспективе, по любые конституционные изменения в Швеции, где шла борьба между роялистами и республиканцами, можно было рассматривать как причины заключения такого договора.

Фридрих получил также информацию о том, что в Санкт-Петербурге развернута беспрецедентная кампания против проституток и беспутных женщин. Почему? Чего ради затеяли это «*grande persécution contre ce sexe féminin*»***? К чему такие строгости? Все делается по приказу императрицы? Русского министра Бестужева? В чем смысл? В апреле 1751 года умер старый король Фридрих Шведский, и сестра Фридриха, Ульрика, ста-

* См. главу 9. — *Примеч. авт.*

** масштабное гонение на представительниц женского пола (*фр.*).

ла королевой. Прусский король направил ей соображения относительно обороны Финляндии, а она попросила, чтобы его друг Кейт поделился с ней советами и мыслями, поскольку он был экспертом по России. Финляндия занимала огромную территорию, и войск было явно недостаточно. Ульрика имела собственные коды и подробно обо всем информировала Фридриха.

Фридриху не нравились усилия России привлечь Данию к альянсу, чтобы тем самым оказать давление на Швецию, однако были у него также и сомнения относительно очевидного желания Франции заручиться шведской поддержкой — было неясно, во что все это может вылиться. Он хотел, чтобы в Балтийском регионе и на северных границах Пруссии не накалялись политические страсти. Самое главное, чтобы Швеция не давала России ни малейшего повода рассматривать свою политику как враждебную, и Фридрих в ноябре 1751 года строго-настрого предупредил об этом Ульрику. Несомненно, писал он, что вооруженная австрийцами Россия является ее реальным противником, но у нее не должно быть никакого *«prétex de pouvoir vous attaquer»**. Он соглашался, что открытая агрессия в настоящее время, может быть, и маловероятна, но Россия — и Австрия, — безо всякого сомнения, надеются сделать Швецию зависимой от России.

Фридрих писал Ульрике, что в их частной переписке следует отказаться от всяких церемоний. Он был доволен, что ее муж, Адольф, пообещал сохранить конституцию. Переписываясь с сестрой, Фридрих был благодарен, спокоен, возможно, несколько встревожен, никогда не допускал никаких агрессивных высказываний. Фридрих, однако, как всегда, не питал никаких иллюзий. Когда ему сообщили — на этот раз не сестра, а посольство в Стокгольме — о предложении, чтобы маленький принц Густав, его четырехлетний племянник, был официально обручен с принцессой Магдаленой из Дании, которой тоже было четыре года, Фридрих язвительно написал, что Швецию еще не защищали марьяжи с принцессами, не вышедшими из младенческого возраста. Самой насущной необходимостью остается наращивание войск в Шведской Финляндии.

Семейные вопросы были неотделимы от дипломатических сделок. Самой любимой родственницей Фридриха всегда оста-

* повода, чтобы Вас атаковать (фр.).

валась Вильгельмина. Он был ее *«très fidèle frère et serviteur»**. Только она, писал он в октябре 1747 года, способна возродить в нем любовь к жизни, которая, казалось, уже умерла. Вильгельмина обратилась к нему за советом, когда ее мужа, маркграфа Байрейта, в начале 1751 года Франция попросила дать обещание, что на имперских совещаниях он не станет выступать против ее пожеланий. За это маркграф получит субсидию, достаточную для содержания 15 000 солдат, — 30 000 экю в мирное время и вдвое больше во время войны. У короля Франции было естественное и неослабевающее желание влиять на германские дела, хотя единственным официальным обоснованием этого был статус гаранта Вестфальского договора, который поставил точку в Тридцатилетней войне. Что по этому поводу думает Фридрих?

Он уже сталкивался с предложениями такого рода. В октябре того же года в связи со сходным предложением с ним советовался герцог Вюртембергский, ему Франция в случае войны обещала оплатить содержание 4000 солдат; герцога обидело нежелание Франции дать какую-либо часть денег в виде аванса. В то время монархи не могли иметь влияния, если были не способны выставить войско или предложить военную помощь. Фридрих знал, что Байрейт очень нуждается в деньгах. Он посоветовал Вильгельмине, что вполне допустимо немного поторговаться. Солдаты могли бы быть указаны лишь на бумаге, а призваны — на что, собственно, придется тратить деньги, — когда появится реальная необходимость — это один вариант. Другой вариант заключается в том, чтобы настаивать на увеличении размеров субсидии, но Фридрих считал это маловероятным; он знал, что Франция контактирует со многими германскими монархами и вряд ли пойдет на уступку, но попробовать стоит. Что касается его собственного кошелька, быстро добавил он, то он пуст***! Письмо заканчивалось приглашением Вильгельмине нанести ему неофициальный визит, *«une visite de bonne amitié fait en robe de chambre»****, который намного приятнее холодных официальных визитов с их церемониалом и этикетом, скучных для обеих сторон. Их следствием бывает лишь благодарное облегчение после того, как все закончено.

* преданным братом и слугой (фр.).

** Байрейт в конце концов договорился не о 30 000, а о 35 000 экю (примерно 10 700 фунтов). — *Примеч. авт.*

*** дружеский визит в домашней одежде (фр.).

Он всегда писал Вильгельмине, не сдерживая эмоций. «Ты была совершенно права, предположив, что маркграф Шведта (их зять: женат на сестре Софи) останется верен себе, — написал ей Фридрих в феврале 1752 года. — Он заставил своего брата приехать к себе и принял его с непристойной вульгарностью, которая тебе хорошо известна. И скажи мне, отчего это маркграф Ансбах так хочет, чтобы я продлил срок действия наших семейных договоренностей? Он прислал сюда какого-то лунатика, которого называют министром кабинета, некоего фон Гюттера...» и так далее. Несомненно, для него было большим облегчением иметь возможность излить тревоги и презрение к соседним монархам перед тем, кого он любил и кто его понимал.

1752 год, закончившийся разрывом с Вольтером, начинался matrimonialными предложениями к младшей сестре Фридриха, Амелии, красивой девушке. За несколько лет до того ее прочли в жены герцогу Камберленду. Теперь рассматривался союз Амелии с королем Дании, вдовцом. К нему Фридрих относился безо всякого энтузиазма. Из этого ничего и не вышло. В мире европейской политики многочисленные действующие лица подобно танцорам двигаются то в одну сторону, то в другую, не допуская при этом изменений мизансцены. Фридрих был строгим главой семьи, и все остальные перед ним трепетали. Он бывал и резким, и деликатным. Август Вильгельм однажды обратился к Фридриху за разрешением съездить в Швецию и получил отказ — с политической точки зрения такой визит в то время мог породить проблемы. Пространное письмо Фридриха с объяснениями — «твоя просьба невинна, обоснованна и чиста; мне ужасно неприятно, что приходится говорить тебе, что это невозможно», — написано откровенно и по-братски. В это время его письма к Августу Вильгельму, принцу Прусскому, были живыми и полными теплых чувств.

Дипломатические сделки, маневрирование, выбор позиций — все это занимало у него много сил и времени. Переговоры с Австрией представлялись неприятными. Фридриху периодически давали понять из Вены, что недовольны его управлением в Силезии, нередко это касалось отношения к религии. Такие обвинения он твердо отметал, уверенный в проведении там изначальной линии веротерпимости. В 1750 году велась активная переписка о титуле «короля римлян» для сына Марии Терезии, Иосифа. Эта проблема обсуждалась на имперских заседаниях, выполнявших роль своего рода игровых площадок,

на которых германские князья-выборщики и их покровители в Германии и за ее пределами разыгрывали политические карты, в большинстве случаев при относительно небольших ставках. Мария Терезия твердо стояла на своем. Ее помимо прочих поддерживал король Британии Георг II. Этот вопрос начал играть роль лакмусовой бумаги для определения симпатии к Габсбургам и стал предметом для германских споров. Фридрих, демонстрируя определенную нейтральность, предложил подождать, пока молодой человек подрастет, — он родился в 1741 году.

Затем Фридрих получил секретное донесение от своего человека в Дрездене, фон Мальцапа, в котором говорилось, что австрийцы надеются посадить Карла Лотарингского, зятя Марии Терезии и старого противника Фридриха, на польский престол. Этот план поддерживают русские, и его реализация потребует голосования в польском сейме. Брюль, старый враг Фридриха при саксонском дворе, активно поддерживал в Польше семью Чарторыйских, фактически уже управлявшую страной и тесно связанную с Санкт-Петербургом. Чарторыйским жестко противостояли другие знатные польские фамилии — Радзивиллы, Потоцкие, Любомирские, изображавшие в этой раздробленной стране квазисуверенов. Фридрих подозревал, что Брюль вовлечен в сговор по продвижению кандидатуры Карла Лотарингского, независимо от того, как это отразится на интересах Саксонии. Он был озабочен и 18 декабря 1751 года написал Людовику XV письмо, целиком посвященное польскому вопросу. Если правда, что Австрия и Россия планируют посадить Карла Лотарингского на польский трон силой оружия — а это неизбежно, — то можно ли с этим примириться? Фридрих полагал, что нет. Какова будет реакция Франции? Он изложил военные варианты ответа.

Для защиты Польши от возведения на престол нежеланного суверена можно сформировать коалицию в составе Пруссии, Франции и Швеции. Она была бы способна противостоять мощи Австрии и России. Последняя могла бы создать численное превосходство в важнейшем регионе, в Польше. Франция может попробовать заключить другие сделки, но это скорее всего лишь усложнит проблему, вызвав враждебные действия со стороны Британии и тех германских монархов, которых Британия сможет переманить или купить, а также голландцев. Швеция мало что способна противопоставить России на Севере — ее защищают естественные рубежи. В итоге вся тяжесть такой войны ляжет на Пруссию, которая не способна одновременно

противостоять Австрии и России. Война в составе коалиции за Польшу, таким образом, выглядит невозможной, но к союзу можно было бы привлечь Оттоманскую Турцию. Этот план трудновыполним, но дает лучшие шансы на сохранение мира в Центральной Европе. Непрерывное оттоманское брожение* на южных рубежах Российской и Габсбургской империй могло быть полезным и для Пруссии, и для Франции.

Вот такое занимательное письмо Фридриха. Незадолго до того он направил послание более общего содержания Людовику XV. В нем говорилось, что мир в Европе висит на волоске и его беспокоят сообщения о коалиции — Россия, Австрия, Британия, — направленной против него самого. Однако письмо Фридриха, где он рассматривает все «за» и «против» и в результате отбрасывает мысль о коалиции для защиты Польши, приводит в замешательство. Позднее король Пруссии предположил, что его содержание стало известно в Вене, это вполне вероятно, но сильно усложняет дело. И если все было специально подстроено Фридрихом, то возникает естественный вопрос: «Для чего?» Его письмо начиналось с утверждения о создании австро-русского заговора, нацеленного на установление господства над Польшей путем избрания королем Карла Лотарингского; далее заявлялось, что такое развитие обстановки неизбежно, но ни Франция, ни Пруссия его терпеть не намерены; потом делается вывод, что военные действия здесь не помогут. Заканчивается послание предположением, далеким от реальности, но теоретически вполне допустимым, — проблему можно было бы решить путем привлечения оттоманских турок, которые еще относительно недавно опустошали большие территории Южной России и доходили до Вены. На Фридриха, обычно столь прагматичного, это не похоже: начать с твердого заявления и закончить очевидным бредом. Возможно, истинной целью письма было желание определить, по-прежнему ли сильно неприятие Бурбонами претензий Габсбургов — и, может быть, Романовых, — как он надеялся. Один из способов это узнать — поднять шум вокруг Польши.

В конце письма к Людовику XV от 18 декабря Фридрих не без патетики заявил о том, каким позором для Европы обернется подобное усиление Австрии, а затем, уже спокойнее, заметил, что, вероятно, было бы менее рискованно с этим

* Добавить дрожжей в Константинополь — собственное выражение Фридриха. — *Примеч. авт.*

смириться. Его письмо можно интерпретировать лишь как попытку встревоженного человека измерить температуру и, возможно, найти слабое утешение. Его тревогам очень скоро было суждено сбыться.

В это время отношения Фридриха с Британией и Ганновером были скорее корректными. Он всегда уповал на то, что они улучшатся, когда Георг II отойдет в мир иной. Король Пруссии неплохо знал английскую конституцию, но полагал, и небезпричинно, что характер и расположение суверена играют не последнюю роль. Потому он опечалился, узнав о смерти принца Уэльского, «бедный Фред» умер в марте 1751 года. Фридрих очень надеялся на потепление отношений с переходом трона к нему. Теперь наследником предположительно становился тринадцатилетний мальчик, и он с тревогой пытался выяснить его настроя. В конце года Фридрих получил известие о подготовке нового союза: Россия, Австрия, Британия с Голландией и Саксонией. Фактически это было предложением оживить прежний альянс, а затем затащить в него Швецию, удержав ее таким образом от установления дружественных отношений с Францией, и, конечно, обеспечить сдерживание Пруссии. Этого не произошло, но беспокойство Фридриха не ослабевало и он о нем много писал. По его мнению, склонность к единению *Les deux cours impériales**, Вены и Санкт-Петербурга, вызывала озабоченность, в то время как Лондон не утратил, как он выразился, своих необъяснимых *симпатий* к Вене. Фридрих надеялся, что это из-за враждебности к Франции.

Он уделял много времени и места в переписке такому предмету, как деньги. Иногда это касалось внутренних проблем: король следил за расходами Пруссии так пристально, что это становилось предметом пасмешек. Фридрих мог написать резкое письмо послу по поводу его личных трат, но бывал очень щедр, если считал дело стоящим. Порой он занимался вопросами внешней торговли, например просил посольство в Париже изучить жалобу торговцев из Штеттина о французских пошлинах на вино. Время от времени возникали проблемы долгов Силезии — Фридрих называл их «*dettes anglaises hypothèques*»**, деньги, которые требовала Британия в связи с так называемыми силезскими долгами***. По этому поводу лорд Хиндфорд —

* Двух императорских дворов (фр.).

** долги по английским закладным (фр.).

*** См. главу 8. — Примеч. авт.

прежде посол в Берлине, а теперь в Санкт-Петербурге — в январе 1750 года посетил Пруссию. Фридрих с головой уходил в детали финансовых операций, когда дело касалось подобных международных споров, и казалось, что ему нравится их вести. В отношении некоторых вопросов он бывал покладистым, но в случае с Силезией напомнил Хиндфорду о пиратском поведении на морях некоторых английских кораблей. Разве это не уравнивает спор? Разве не стоит рассмотреть возможность списания некоторой части долгов в качестве компенсации для его силезских подданных? Он считал, что стоит.

Фридрих тратил также много времени на вопросы обеспечения безопасности и секретности. Он разбирался с этим лично, быстро, с необычайной эффективностью и решительностью и мнил себя экспертом в таких делах. Король делал выговоры послам и министрам, если считал, что шифры используются неверно, или переписке, в современных терминах, присваивается завышенный уровень секретности. Если шифр оказывался раскрытым, Фридрих лично направлял инструкции о том, как ограничить понесенный от этого ущерб. И поскольку король время от времени посвящал в крайне секретную информацию привилегированную третью сторону — обычно французского посла, когда отношения между двумя странами были очень близкими, — то он прекрасно осознавал опасность ее разглашения.

Примером тому стал случай, произошедший в феврале 1750 года. Надежный и опытный Валори еще пребывал в Берлине. Фридрих после обычных клятв о неразглашении и недопустимости ссылок на источник информации показал ему одно сообщение. Позже Фридрих узнал, что австрийскому правительству стало известно, какой именно информацией прусский король поделился с французами. Это произошло благодаря тому, что его человек разгадал австрийский дипломатический шифр. Встала задача, как определить источник сведений австрийцев и не выказать им своей осведомленности о наличии такого источника, а главное, скрыть факт расшифровки их кодов. Такие проблемы возникали во все века. Фридрих проверил всю цепочку до Ганновера, где, как он предположил, раскрыли французские коды и таким образом узнали, о чем он поведал Валори, — та информация затем либо была доведена до австрийцев, либо они заполучили ее каким-то другим образом. Фридрих написал Валори скорее с сожалением, чем гневаясь на него, и предложил поменять все шифры для его преемника, Тирконшела.

Но паибольший интерес для Фридриха представляло составление концентуальных политических документов, помогавших освежать мысли, правильно оценивать европейскую ситуацию и расставлять по ранжиру специфические проблемы, стоящие перед Пруссией. Первый из них, названный «Первое политическое завещание», написан в 1752 году.

«Первое политическое завещание»* — большой документ. Он начинается с изложения принципов, которыми Фридрих руководствовался в управлении Пруссией. В нем были разделы, посвященные законам, финансам, механизму управления, различным людям из подвластных ему территорий. Он перечислил правила, определяющие поведение дворянства, принципы справедливости, которым должны следовать и дворяне, и крестьяне, а также обязанности и тех и других. Фридрих много писал о промышленности и местной экономике каждой провинции Пруссии. Здесь в глаза бросается явная пристрастность, хотя, видимо, и вполне объяснимая: Силезия рассматривалась, как *Cette belle province* — здесь было меньше, чем где-либо коронных владений, дворянство платило в казну больше, чем крестьяне. В документ включен и раздел по военным вопросам, во многом дублирующий другие произведения и инструкции, касавшиеся военного дела. Имелся также большой раздел, посвященный положению в Европе и вариантам развития международной обстановки, перед которыми оказывалась или могла оказаться Пруссия. Европейская ситуация менялась уже тогда, когда Фридрих работал над документом, и о непростых решениях, которые примерно через четыре года ему предстоит принимать, в 1752 году пельзя было даже помыслить. Тем не менее «Первое политическое завещание» во многом отражает образ его мыслей в то время.

Фридрих начинает раздел по внешней политике с Австрии. Все державы являются потенциальными противниками, но Мария Терезия — «*La plus sage et la plus politique entre elles*» — самый главный среди них. К ней, своему основному противнику, Фридрих относился с настороженностью и восхищением. Ее отец оставил государство в таком хаосе, что дочь оказалась в полной зависимости от английских субсидий, но теперь она без устали трудилась над тем, чтобы уменьшить эту зависимость. Ее супруг, избранный императором, был в меньшей сте-

* Полностью опубликовано лишь в 1920 году. — *Примеч. авт.*

непи, чем она, предубежден против Пруссии, но в расчет следовало брать именно Марию Терезию.

Личное восхищение сувереном не влияло на отношение Фридриха к Австрии и австрийцам. Он знал, что Вена непримирима. Австрия является «единственной из держав, которой мы нанесли большую обиду». «Я повстречался с молодым Лобковицем, — писал король об одном подающем надежды молодом дворянине. — Он разумен, совестлив и настолько приятен, что с трудом верится, что он австриец!». Фридрих знал, «*la cour de Vienne raisonne*»*.

Король полагал, что из всех держав он мог с определенной уверенностью рассчитывать лишь на Францию. Вражда Франции с Австрией была неизменным фактором в европейских делах, а это означало, что Берлин при любых обстоятельствах должен поддерживать теплые отношения с Парижем. Трудности же существовали. Фридрих не изменил отношения к поведению французов во время недавней войны, когда, как он думал, ему пришлось принять на себя неоправданно большую часть тягот. Сказать, что прусский король не доверял Франции, значит не сказать ничего, — во внешней политике он считал доверие совершенно неуместным; но он дал беспристрастную оценку французской политике и заявил как о принципе, что, имея дело с французами, всегда необходимо быть начеку. «Цель их политики заключается в том, чтобы выдвинуть нас, союзников, как можно дальше вперед, а потом дать нам роль *«derrière le rideau»***», которая нам не подходит, но выставляет нас открытыми для возмущения со стороны других держав и отдает нашу судьбу в руки французов».

Тем не менее, видимо, для Пруссии было правильнее оставаться с Францией в близких отношениях. Они были не только двумя государствами, связанными общей враждой с Австрией, они напоминали мужчин, женатых на сестрах, — в данном случае речь идет о Силезии и Лотарингии, обе провинции раньше принадлежали империи, — и были заинтересованы в общем деле. Хотя Франция является старой монархией и самым мощным в Европе единым государством, французская корона и правительство слишком зависимы от удачи и личностного фактора, писал Фридрих. Монархи плохо образованны. Отсюда худшей для Франции перспективой может стать закат правящей династии.

* На чем настаивает Венский двор (фр.).

** заднего плана (фр.).

В течение последних пятидесяти лет, продолжал Фридрих, движущими силами в европейских делах выступали Франция и Британия. Король Англии, Георг II, предубежден против короля Пруссии: его поведение высокомерно и неприятно, и как курфюрст Ганновера он надеется выдвинуть претензии на Мекленбург, как только прервется династия нынешних герцогов, и отделить его от Пруссии. При таком развитии ситуации Фридриху придется изгнать оттуда ганноверские войска и оккупировать герцогство *«L'èrèe à la main»**. Он бы не колебался — было нетрудно доказать права Пруссии, — но это не должно стать неотвратимой угрозой. Так или иначе, английские короли скорее всего будут все в меньшей степени заинтересованы в Ганновере. Невозможно с уверенностью сказать, сохранит ли Британия большое влияние в Европе. Ее уважали при Кромвеле, а после него с ней стали считаться меньше. Династический вопрос, кажется, урегулирован и перешел в плоскость по большей части религиозную — и Франция использует его просто для того, чтобы дестабилизировать обстановку в Англии. Фридрих резко отреагировал на идею о возможном приезде претендента на английскую корону из дома Стюартов в Пруссию. Ее в мае 1748 года выдвинул эмиссар якобитов Грэм. Англия и Франция соперничали на далеких океанах и континентах. Причины к тому, что эта вражда напрямую приведет к войне в Европе, не было, но они могли возникнуть.

Что касается России, то глубинных причин, способных породить вражду между этой империей и Пруссией, не было, но Пруссия должна постоянно следить за ситуацией на своих восточных границах. Потенциально Россия всегда будет представлять большую угрозу. Войны с ней следует избегать — она располагает войсками, состоящими из беспощадных татар и калмыков, которые жгут и разоряют все на своем пути. Для сдерживания России Пруссия пуждается в защищенной восточной границе, достаточном влиянии в Польше, чтобы иметь реальный оборонительный рубеж по Висле. А Польша задавала загадки, плодила неразбериху и проблемы. Существовала польская конституция, которая отдавала власть группировкам влиятельных семей, реакционерам, далеким от европейской цивилизации и настроенным анархично. Польша — эта тема непрерывно поднималась Фридрихом и неизбежно должна была всплыть в «Первом политическом завещании» — вполне могла

* со шпагой в руке (*фр.*).

породить следующую большую войну в Европе. Шляхта разделена на приверженцев России, например Чарторыйские, и приверженцев Австрии. Королей избирают. В настоящее время королем является германский монарх, курфюрст Саксонии, хотя Фридрих в своих письмах *Majestè* и королем Польши упорно величал Станислава, герцога Лотарингского, изгнанного с польского престола. Саксонская королевская семья Веттихов перешла в католицизм, чтобы таким образом, получить право избираться на польский трон. Ситуация в Польше была чрезвычайно важна для Пруссии еще и потому, что польская территория отделяла часть Пруссии от всего королевства.

Россия будет всегда претендовать на Польшу. Но внутри России должны произойти большие изменения — Фридрих поместил в этой части документа некоторые нелюбезные замечания в отношении императрицы Елизаветы. Более всего интересам Пруссии отвечала бы гражданская война в России и ее разобщенность. Сильная Швеция, скандинавский противовес России на Балтике, тоже на руку Пруссии.

Внутри Германии, внутри собственно империи, Фридрих обращал внимание на Саксонию. Она является ближайшим соседом Бранденбурга — от Берлина до нее всего день пути. На границе с ней часто возникали конфликты — прусские офицеры, пересекавшие границу, преследуя дезертиров, время от времени становились объектами жалоб, в отношении которых, как полагал Фридрих, его министры чересчур следовали букве закона и слишком внимательно относились к точке зрения саксонцев. Саксонцы часто вели себя нелепо. Например, Саксонский двор направил в Рим жалобу по поводу того, что папскому нунцию в Дрездене не дали кардинальской шапки, как в Вене, Мадриде, Лиссабоне и Париже, и пригрозил, что если ситуация не будет исправлена, то миссию нунция придется закрыть! Подобные смехотворные вспышки ничего им не принесут, писал Фридрих. Он считал это типичным для саксонцев.

Тем не менее Саксония значила многое. Если Пруссия будет занята на другом направлении, то она может оказаться беззащитной перед лицом саксонского противника, тогда как окажись Саксония под прусским контролем, то значительно бы углубилась стратегическая оборона. Отсюда, писал Фридрих, не нужно и даже не желательно присоединять большие территории к западу от Эльбы. Если Саксония присоединится к Марии Терезии для войны с ним, то будет нетрудно занять

эту страну. Другое необходимое территориальное приобретение, если позволят обстоятельства, следовало произвести на востоке — Польшая Пруссия. Они сделали бы Пруссию более защищенной — от России и Австрии. Пруссия не имела флота, но на Балтике всегда существует потенциальная угроза, и Пруссия должна заполучить Данциг и построить небольшой прибрежный флот, несмотря на расходы. Пруссии не следует приобретать заморских колоний.

Фридрих высказывается относительно возможных территориальных приобретений — Саксония, Шведская Померания — *Rêveries politiques**. Неудивительно, что историки цитируют это как доказательство — вопреки его заявлениям, — что война, начавшаяся в 1756 году, была не оборонительной или превентивной против крупной коалиции противников, а с самого начала спланированной, агрессивной, завоевательной войной.

Может быть, не стоило тратить столько чернил на *rêveries*, но Фридрих ведь писал не для широкой публики. Он доверял свои самые сокровенные мысли бумаге, несмотря на их опасность. Эта часть «Первого политического завещания» 1752 года стала камнем преткновения для историков, выдвигавших свои версии его истинных намерений, а значит, и степени его вины или невиновности в том, что произошло потом. Может, было бы лучше не увлекаться изучением умозрительных фантазий Фридриха, а сконцентрировать внимание на факторах мощи, на балансе сил, как они виделись королю Пруссии, когда он писал эту работу. Фридрих постоянно возвращался к Австрии — к дому Габсбургов, к императорской короне. В настоящее время, писал он, никто не может соперничать с Габсбургами в борьбе за эту корону — даже не стоит пытаться. Это не та цель, к которой должно стремиться королю Пруссии, хотя не было никаких законных причин, чтобы исключать из списка претендентов протестанта Гогенцоллерна. Но это было бы ошибкой. У Пруссии нет естественных защитных рубежей, и ей следует быть сильной в собственных пределах, а значит, компактной. Ее суверен должен быть занят обороной этих пределов, а не гоняться за миражами, за которыми нет реальной власти. Возможно, однажды какой-нибудь баварский монарх, особенно если с Баварией объединится Палатинат, по-другому посмотрит на претензии Габсбургов, но не теперь. В настоящее время Австрия, с империей или без нее, своего не уступит.

* политическис фантазии (фр.).

«Первое политическое завещание» производит большее впечатление, когда Фридрих пишет о практических правилах монархического правления в Пруссии, чем когда он занимается обзором современной ему эпохи. Его послышки слишком субъективны в условиях меняющихся обстоятельств, а многие из его прогнозов просто неверны. Однако для современного читателя многое звучит удивительно знакомо. Например, тревога за внутреннюю хрупкость Польши, ощущение ее уязвимости, которая при этом может в любое время предоставить *casus belli**. Тут же восхищение Францией, сочетающееся с пониманием того, что Франция всегда способна использовать других в качестве заслона, оставляя себе свободу рук и скрывая намерения. Вопросительный знак поставлен против политики Британии в Европе. Еще больший вопросительный знак перед будущим России: угроза? или хаос? А главное — это понимание: Пруссия окружена непредсказуемыми силами. Здесь же глубокие афоризмы: «Не бросайся угрозами: собаки, которые лают, не кусаются»; «Политика по большей части состоит из извлечения выгод из благоприятных ситуаций, чем из работы по их предварительной подготовке».

Фридрих еще красочнее живописал бы Австрию, имей он возможность посмотреть на год вперед, а чувство окружения потенциальными противниками и недоброжелателями было бы еще более выраженным. Первые месяцы 1753 года отмечены слухами, циркулировавшими, как докладывали Фридриху, в Париже, Дрездене, Вене, Лондоне и Санкт-Петербурге: Фридрих готовится вторгнуться в Саксонию. Более того, говорили — он полагал, что в этом заслуга его дядюшки, Георга II, — что он одновременно обдумывает вторжение в Ганновер.

Фридрих из всех сил старался опровергать эти слухи как смешотворные, но для него они были зловещими. Они усиливали в нем ощущение одиночества и недоверчивости. Он пристально следил за передвижениями войск неподалеку от его границ в Ливонии, в Богемии. Европа буквально переполнялась подозрениями. Были времена, когда намерения Пруссии вызывали лишь интригерманский интерес. Эти времена прошли — Силезские войны и личность Фридриха все изменили. Он сделал королевство постоянным участником европейской жизни, а это представляло возможности и вело к неприятностям.

Для тревог у Фридриха были и другие причины. В 1753 году Венцель Антон, граф — позже принц — фон Кауниц-Рейт-

* повод для войны (лат.).

бург* становится у Марии Терезии государственным канцлером, а также ее главным политическим советником.

Кауниц, того же возраста, что и Фридрих, прежде занимал пост губернатора Австрийских Нидерландов, а затем представлял Австрию на мирных переговорах в Экс-ла-Шапелль в 1748 году. В 1750 году он был послом в Париже, где сформулировал два положения, в дальнейшем в значительной степени определивших его жизнь и карьеру. Первое — величайшей опасностью для Австрийского дома является король Пруссии. Второе — для того, чтобы противостоять Пруссии и, если будет возможно, уничтожить ее, Австрия должна вступить в союз с Францией.

Попытки создания союза с Францией на посту посла имели скромный успех. Париж был еще не готов к смене союзников, что подразумевало нахождение взаимопонимания с традиционным противником в Вене, а также разрыв договоренностей с партнером в Берлине. Но для Кауница безопасность Габсбургов означала ослабление Пруссии и возвращении Австрии Силезии. С его точки зрения, это диктовало необходимость формирования любыми средствами крупного антипруссского альянса. Кауниц воплощал в себе все, чего опасался Фридрих, он предоставил королю повод к действию. Фридрих уважал Кауница как человека выдающихся дарований.

Посланник Фридриха в Вене, Клингграффен, первое время докладывал о медоточивых речах и приятных высказываниях Кауница о Фридрихе, которые можно было услышать повсюду. Однако Фридрих скоро уяснил, что, пока такой человек является советником Марии Терезии, мир будет передышкой между войнами.

Потребовалось время, чтобы политические принципы Кауница стали реализовываться; Фридрих сначала не очень понимал, с какой гибкостью действовали противники. Он не удивился, получив в апреле 1754 года сообщения о том, что австрийский генеральный интендант обещает Марии Терезии всего за шесть недель обеспечить оснащение и сбор 50-тысячной армии в Богемии, он может выделить ей в поддержку восемь полков венгерских гусар. Была также информация о закупке артиллерийских

* Кауниц, Венцель Антон (1711—1794), австрийский государственный канцлер в 1753—1792 гг., определявший австрийскую политику при Марии Терезии. Содействовал сближению Австрии с Францией и Россией.

лошадей, Фридриху сообщили цифру 1600 голов. Все происходило явно с молчаливого одобрения России. Фридрих пока не понимал, делалось ли это, чтобы произвести эффект, оказать давление или для ведения войны. В ответ он сам начал покупать лошадей и передал информацию Франции — конечно же, по-прежнему надежной союзнице в противостоянии с Австрией. Французские министры отнеслись к известиям несколько легкомысленно, и Фридрих, опасаясь прослыть паникером, заявил, что и он не очень серьезно относится к этим донесениям, но все-таки был бы благодарен, если бы Францию полученные сведения хоть немного заставили задуматься.

Французы оказались перед дилеммой. Они не хотели вступать в большую войну с Британией, но события, происходящие в Америке и Индии, подталкивали именно к этому. Франция, как и Британия, была морским государством, ее омывали Атлантический океан и Средиземное море, а также колониальной и торговой державой. Теперь Франция участвовала в частых конфликтах на морях. Они происходили под различными предлогами. Время от времени британцы захватывали французские торговые корабли. Под угрозой оказались крупные французские поселения и торговые пункты в Северной Америке и Южной Индии. На таком фоне Франция не хотела быть вовлеченной в еще одну европейскую войну — мир в Экс-ла-Шапель завершил продолжительную войну и почти не было поводов для начала другой. Что касалось ситуации в Центральной Европе, то Франция была не более чем прежде заинтересована в целостности владений Габсбургов. Габсбурги были соперниками, конкурентами, потенциальными противниками. Гогенцоллерны до последнего времени оставались, хоть и спорадическими, но союзниками. Перед Кауницем стояла непростая задача.

Однако игра продолжалась, на столе были карты, которыми можно было играть, а играл он умело. Личностные факторы в ряде случаев не благоприятствовали установлению мира или дружественных отношений между Францией и Пруссией. *Maitresse-en-titre** Людовика XV, мадам де Помпадур, обладала громадным влиянием: в декабре 1750 года Фридрих отправил тревожное письмо в Париже Шамбрие, попросив срочно проанализировать ее влияние на внешнюю политику. К 1751 году де Помпадур, как равная с равной, обменивалась письмами с

* Официальная любовница (фр.).

Марией Терезией. Докладывали, что она действует в интересах Британии и настроена особенно враждебно по отношению к Пруссии. Фридрих наказывал Маришало, находившемуся в то время в Париже, не вмешиваться в интриги между мадам де Помпадур и утонченной мисс Мерфи. Мадам де Помпадур прекрасно знала, что король Пруссии в избранном кругу обычно отзывается о ней в оскорбительных выражениях. Она симпатизировала идеям Кауница, но одна женщина, какой бы влиятельной она ни была, не способна сразу изменить политику большого государства. Одна из главных посылок, на которых Фридрих строил свои планы, продолжающаяся вражда между Францией и Австрией, оказывалась под все большим вопросом.

Следующая сценка в этом спектакле разыгралась в Северной Европе. Фридрих справедливо предположил в своем «Первом политическом завещании», что Гапсбург все меньше будет интересоваться Британию, — это не тот вопрос, которым британский суверен мог разбудить страсти в британском парламенте. А одно из положений британского закона о содержании королевской семьи специально исключало возможность ведения Британией войны в защиту территорий, не принадлежащих короле, другими словами, в защиту Гапсбурга. Тем не менее Гапсбург все еще оставался политическим фактором, и в течение 1753 года в письмах Фридриха, особенно в Стокгольм и Санкт-Петербург, неизменно упоминались подозрения Георга II относительно намерений Пруссии. Оснований для таких подозрений не было, однако они использовались для подготовки соглашения о субсидиях между Британией и Россией, которое двумя годами позже выльется в полновесный англо-русский договор. Этот договор называли оборонительным против Пруссии или Франции, но он явно был направлен на то, чтобы создать противовес именно Пруссии. Британский посол* в Санкт-Петербурге старался получить гарантии, что русский корпус появится в Ливонии и начнет военные действия в Балтийском регионе в поддержку Гапсбурга против Пруссии, если появится такая необходимость. Эта проблема активно обсуждалась в августе 1753 года. По мнению Кауница, окончатель-

* Гай Диккенс, который прежде был послом в Берлине, а теперь, по мнению Фридриха, являл собой неуравновешенного, суетливого, раздражительного человека, настроенного явно недружественно по отношению к Пруссии и делающего все возможное, чтобы доставлять неприятности. — *Примеч. авт.*

ный разгром короля Пруссии — его цель — потребует сотрудничества с Россией. Австро-российские отношения и впрямь улучшились и, если бы не Польша, были бы почти хорошими. Россия имела территориальные притязания на Балтике, а также в Польше. Ей не хватало денег. У Британии денег было много.

Фридрих надеялся, что австро-российские бумаги — у него были все копии, — если их послать Маршалю для информирования Парижа, помогут прояснить неприятности, перед лицом которых он оказался. В декабре 1753 года и в июне 1754 года он предъявил соответствующие документы французам. Однако становилось все более очевидным, что они не произвели ожидаемого эффекта и не послужили росту сочувствия со стороны Парижа. В депешах Маршала порой содержались намеки на холодность и скептицизм главного французского министра, маркиза де Сен-Контеста. «Меня не удивляет, — писал Фридрих в октябре 1753 года, — что он ничего не знает об этих переговорах, но я могу ручаться за достоверность того, что ты ему показал». Срок действия франко-пруссского договора — оборонительного Бреславского договора — истекал в марте 1756 года.

Предполагалось, что самая важная для Фридриха *point d'appui** в это время находится в Париже. Очень большое значение имели качество его представительства там и надежность связи. К сожалению, Фридрих допустил в этом отношении ошибки. Его послом был высокочтимый милорд Маршалль. Более преданного слуги найти трудно, но Фридрих не полностью использовал его способности. Он обращался к Маршалю по таким вопросам, как поиски умелого повара, специалиста по соусам! Король сопровождал эту личную просьбу извинениями — Маршалль уже подал прошение об отставке, и прощальное благодарственное письмо Фридриха являет собой пример элегантности и уважения. Но в то же время он дал указание одному из дипломатов в парижском посольстве, барону фон Книнхаузену, направлять ему регулярные подробные личные доклады о происходящем во Франции. Вопрос об измене не стоял — Книнхаузен должен был выполнять эту работу под присмотром Маршала, — однако это показывало, что между ними не было полностью доверительных отношений. Доклады Книнхаузена какое-то время принимались как удовлетворительные, но вскоре ему стали выговаривать за то, что он не делает

* точка опоры (фр.).

их более интересными! Беда, связанная с международными отношениями, которая уже незаметно подбиралась к Фридриху, наверняка в определенном смысле коренилась в недостатках его связи с Парижем.

Маришаль по собственному желанию ушел в отставку. Доклады Книппхаузену недолго удовлетворяли короля. Они, говорил Фридрих, противоречивы и поверхностны — они походили на сплетни, собранные у одной-двух знакомых женщин, и страдали отсутствием серьезного анализа; король был не доволен. Во Франции появился новый министр — Сен-Контест умер, и министром иностранных дел стал граф де Руай. Фридрих надеялся, что Книппхаузен заведет новые полезные знакомства среди окружения Руайя, но посланник не торопился. 26 октября 1754 года король потребовал от Книппхаузену лучше относиться к обязанностям по службе, иначе его придется заменить.

Несчастный Книппхаузен попытался сделать свои доклады интереснее и обогатить их некоторыми рассуждениями о ситуации в Польше, но ему ответили, что Фридриху не требуются наставления по Польше. Он ожидает информации о происходящем во Франции. 26 ноября Фридрих милостиво написал Книппхаузену, что его последняя депеша была интересной. Свое письмо он закончил более общим положением — Книппхаузен должен особо обратить внимание Руайя на то, что Фридрих всегда работал в интересах мира и дружбы с Францией.

Фридрих был встревожен. Он послал шталмейстера Сенсона в Англию покупать верховых лошадей. Были приобретены две партии, в 22 и 28 лошадей. На осенних маневрах 1753 года в Доберице король собрал 61 эскадрон кавалерии, 49 батальонов пехоты и 51 артиллерийское орудие — такого количества войск на маневрах еще не бывало.

Стремясь наладить дружественные отношения между Австрией и Францией, Кауниц неизбежно сталкивался с проблемой Британии, традиционно выступавшей союзницей Австрии и врагом Франции. Вставал вопрос, как новый альянс, если он родится, будет встречен в Лондоне и как это отразится на отношении британцев к Пруссии, неизменно остававшейся в зоне политики Кауница.

С его точки зрения, общие обстоятельства были изначально благоприятными. Дядя Фридриха, Георг II, не любит его, и

он это знает. В британском парламенте в адрес Фридриха периодически допускались нелюбезные высказывания, к которым он всегда относился с должным презрением. А позиция Фридриха в деле о силезских долгах расценивалась британскими министрами как оскорбительная. Но самым важным было то, что в основанном на деньгах англо-русском договоре сквозила скрытая враждебность к Пруссии. Потому в определенном смысле Британия оказывалась на антипруссских позициях, которые можно было повернуть в пользу Австрии, особенно если вдохнуть новую жизнь в давнюю австрийско-британскую дружбу, на что кое-кто в Британии надеялся. Британцы сделали некоторые дружественные жесты. Они поддержали действия Марии Терезии в вопросе о титуле ее сына — «король римлян», заключили соглашения о предоставлении субсидий с Баварией и Саксонией — видимо, рассчитывая, что при определенных обстоятельствах эти государства сообща выступят против Франции. Для Кауница, должно быть, вопрос стоял так: способны ли эти тенденции и жесты перевесить глубоко укоренившуюся враждебность Британии к Франции? Будет ли эта враждебность проецироваться на будущего союзника Франции — если все пойдет как нужно — Австрию?

Планы Фридриха требовали, чтобы Британия была нейтральной. Он пытался этого добиться, избегая угрожать Ганноверу и поддерживая взвешенные отношения с противницей Британии, Францией. Прохладная корректность с нейтральной Британией, прохладная близость с Францией, корректная осмотрительность с Россией — если такое положение удастся сохранить, то Пруссия будет способна устоять перед враждебностью Австрии, и баланс европейских сил может оказаться непоколебимым. Таковы его расчеты 1754 и 1755 годов, и поразительно, как долго Фридрих не мог понять, что готовится. Некоторые вещи он видел довольно отчетливо. Он был совершенно прав в том, что Британия основное внимание уделит борьбе с Францией на торговых коммуникациях. Ему не нравился англо-русский договор с его антипруссской направленностью, но он не воспринимал Россию как серьезного противника. Фридрих часто заявлял, что между Пруссией и Россией не существует реального столкновения интересов, и был склонен относиться к докладам из Санкт-Петербурга о военных приготовлениях в России, как к *«une illusion toute pure»**. Меры воен-

* чистой воды фантазиям (фр.).

ного плана, писал он, предпринимаются русскими, чтобы оправдать британские субсидии, не более того. Несмотря на подобные мысли, Фридрих понимал, что незащищенные границы Российской империи рождают чувство уязвимости, которое может привести к поиску путей усиления безопасности в проводимой Россией политике упреждения, и британские субсидии способны ее поддержать. Стали появляться свидетельства усиления русской армии вблизи восточных границ Пруссии, как это было во время напряженности в отношениях между Россией и Швецией в 1749 году.

Польша почти при любых обстоятельствах выступала дополнительным источником опасности; внутренняя ситуация в стране часто складывалась таким образом, что давала то одному, то другому соседнему государству повод для вмешательства; конституция в вопросе престолонаследия неизбежно порождала интриги. Бестужев — враг и австрофил. Русская императрица ленива и предается удовольствиям. Фридрих был информирован агентами в 1753 году о секретных положениях австро-русского договора 1746 года, предусматривавших расчленение Пруссии по соглашению с Россией или с ее молчаливого согласия.

Тем не менее Фридрих думал, что в состоянии справиться с существовавшей русской угрозой. Он не верил, что все так страшно, как кажется. Прежде всего русские едва ли получают от англичан столько денег, на сколько рассчитывают. В игру могут включиться британский парламент и братья Пелхэм — герцог Ньюкасл и его брат Генри, — а последний, считал Фридрих, симпатизирует Пруссии и является противником денежных трат. Денеша из Парижа, полученная в 1754 году, его несколько воодушевила. Британский посол во Франции, граф Элбемарл, сказал Сен-Контесту, что никакого англо-русского соглашения о субсидиях нет. Француз ответил, что если бы Пруссия вследствие такого соглашения была действительно атакована Россией под предлогом помощи Ганноверу, то она могла бы рассчитывать на поддержку Франции. Фридриху хотелось — ему было просто необходимо — получать такого рода сообщения, в которых между строк говорилось бы о франко-прусском взаимопонимании. «*Recht! Sehr gut!*»* — написал он на полях.

Его трагедия заключалась в том, что он в это верил.

* «Верно! Хорошо!» (нем.)

Глава 11

КАДРИЛЬ ПОД ОТДАЛЕННЫЙ ГРОМ ОРУДИЙ

Фридрих в определенных ситуациях приходил в совершенно недиبلوماسية ярость. Его гнев вызывало все, что он мог счесть обидным для чести семьи, в равной степени его раздражал любой чиновник, злоупотреблявший своими обязанностями и положением, причем не имело значения, является он служащим Фридриха или какого-либо иного монарха. Такой случай произошел в октябре 1754 года — незначительный сам по себе, но очень показательный с точки зрения того, как он вел дела.

Барон фон Зекендорф, главный министр маркграфа Ансбаха, зятя Фридриха, написал министру Фридриха, Подевильсу, возмущаясь финансовыми злоупотреблениями и долгами другого зятя Фридриха, маркграфа Байрейта. Они находились в ссоре, и в письме содержался намек на то, что Фридрих как глава Бранденбургского дома, к которому оба принадлежали, мог бы помочь поправить дела.

Подевильс доложил обо всем Фридриху в осторожных выражениях. Если правда, что Байрейт растрчивает семейные и государственные средства, то это, видимо, не может совсем не касаться короля. Но король может пожелать остаться в стороне. Какова будет королевская воля?

Ответ Фридриха был очень резким. Он изумлен нелепостью письма Зекендорфа. Большая наглость говорить о злоупотреблениях Байрейта, учитывая, что Ансбах сам является

почти банкротом. Этот мерзавец Зекендорф — который был племянником старого врага Фридриха по «английскому марьяжу», — пытается посеять рознь между двумя маркграфами, да еще вовлечь короля в свои жалкие козни. Хотел бы Фридрих, чтобы Ансбах узнал, каков на самом деле Зекендорф! В заключение — указание Подевиле: «Пошли ему копию этого письма». Подевиле так и сделал, искренне посоветовав адресату более не поднимать этой темы! Фридриха никак нельзя обвинить в том, что он прячется за спины своих чиновников. Это дело его особенно возмутило, потому что касалось Вильгельмины, у которой он недавно гостил несколько дней. Она была нездорова, ей требовалось для лечения ехать в Авиньон, а в письме Зекендорфа содержались инсинуации по поводу расточительности в ее доме, разгневавшие любящего брата.

Были и другие, более мелкие раздражители: молодой потомственный принц из Гессен-Касселя, зять Георга II, стал католиком, что могло только порадовать Вену. Основная же часть переписки Фридриха в конце 1754 года была оптимистична. Он получил информацию от Книппхаузена, что посол имел беседу с новым французским министром, Руайем. Фридрих направил ему благожелательное письмо, в котором содержалось нечто похожее на совет. Он выражал надежду на то, что французы не будут уступчивы в отношении своих американских владений, — когда британский флот с подкреплениями выйдет в море и достигнет того континента, французам едва ли удастся там удержаться! Это было нейтральное, но скорее дружественное по отношению к Франции письмо. Когда Фридрих 28 декабря 1754 года написал, для информации Руайя, жалуюсь на Австрию, он мог рассчитывать — почти надеяться, — что найдет сочувствие.

Начало нового, 1755 года совпало со смертью султана и с опасностью восстаний на Балканах. Фридрих надеялся, что разногласия между Францией и Британией смогут разрешиться мирным путем, но если война между ними неизбежна, то лучше пусть она начнется сейчас, пока Австрия переживает затруднения в связи с переменами в Константинополе, а не когда она освободится для проведения отвлекающих маневров. Он имел в виду — лучше для Франции. Отвлекающие маневры со стороны Австрии вероятнее всего вовлекут в войну Фридриха — на стороне Франции. Король направил новые коды и приказы командующему войсками в Глаце, де ла Мотт

Фуке, и дальнейшие секретные инструкции для применения во время войны командующим прусскими войсками в Швейцарии, Нейссе, Козеле, Берге, Бреслау и Глогау. Возможно, он умышленно много писал о франко-британском соперничестве в отдаленных землях и об отношениях Австрии и Турции, по мысли его всегда оставались с Силезией, Одером и Эльбой. В Константинополь же был направлен эмиссар, чтобы прозондировать в Порте возможность подписания оборонительного и торгового договора между турецким правительством и Пруссией.

В феврале 1755 года Фридрих написал своим послам в Лондоне и Париже, что он ставит десять к одному на то, что между Британией и Францией разразится война, возможно, непреднамеренная, и, видимо, она ограничится операциями на море. Иногда он называл войну неизбежной и делал расчеты, как она будет развиваться. Причиной войны станет морское и торговое соперничество, а также колониальное господство в Америке и Индии. Прусский король прекрасно знал количество кораблей, которые может выставить каждая из сторон. Это — и деньги — будет решающим фактором. Его симпатии принадлежали Франции.

Британия, полагал Фридрих, склоняется к войне. Британские предложения, насколько он о них знал, казались явно неприемлемыми, на это и был сделан расчет. Он надеялся, что Франции удастся достичь соглашения с Испанией, — ей не нужен рост мощи Британии в Америке. Фридрих всеми силами хотел избежать подозрений, что он подливает масла в огонь. Тем не менее теперь он писал о войне как об очевидном деле. 5 апреля в письме к Клингграффену, в Вену, Фридрих предположил, что король Англии и его министры попытаются превратить военные действия в масштабную войну. Британская политика нацелена именно на такое развитие событий и на максимально широкую коалицию против Франции. Он уже давно это предвидел. Германским монархам предлагались субсидии, денег им, как правило, не хватало, и они были готовы принять разного рода предложения. Фридрих всегда был в курсе событий. Война становилась неизбежностью.

Насколько он ее желал? Здравый смысл говорит о том, что не желал вовсе. Близились время возобновления франко-прусского договора, и если война между Британией и Францией распространится на Европу, то французы скорее всего будут

давить на него; он начнет военные действия против Ганновера, которые почти наверняка означают вступление в войну России, а это не предвещает благоприятных перспектив для Пруссии. Когда Руай поднял вопрос о наступлении на Ганновер в случае войны, Фридрих направил ему обескураживающий ответ. О таких операциях, заявил он, легче говорить, чем их осуществлять. В Курляндии, на границе с Пруссией, стоят 60 000 русских солдат, в то время как Саксония — ее южный сосед — имеет договоренность с Британией, не говоря уж об Австрии. Руай льстиво ответил, что да, угрозы Пруссии со стороны России и Австрии существуют, но действия обеих скорее всего будут слишком медленны и не помешают королю Пруссии! Благожелательные обмены мнениями с Парижем были все еще возможны, и Фридрих, очевидно, расценивал их, независимо от результата, как естественное состояние вещей.

Если, как теперь стало ясно Фридриху, Австрия в конце концов окажется втянутой в войну против Франции на стороне Британии, то и Пруссия, возможно, будет вынуждена вступить в нее. Он уже имел опыт военных действий против Австрии при незначительной поддержке со стороны Франции и познал их опасность, помимо всего прочего, было не ясно, какая роль отводится России. Фридрих был готов, если придется, вести войну на своих границах, но при этом военные действия между Британией и Францией лучше бы происходили на далеких морях и континентах или вообще не начинались, но сложившаяся ситуация делала столкновение неизбежным.

Что же касается конечного результата, то Фридрих был убежден, что позиции Британии традиционно сильнее. 7 апреля Книпхаузен прислал из Парижа обнадеживающую информацию о состоянии французских финансов, которую Фридрих нашел поверхностной и неубедительной. Положение Книпхаузена еще недавно было много лучше; произошел явный срыв, и ответ Фридриха и это показал: «Я получил ваш отчет от 7 апреля, поразивший меня рассуждениями, достойными сожаления, вы попытались сравнить благоприятные факторы, которыми располагают в Европе Франция и Британия, и я не желаю скрывать от вас, что никогда не получал ни от одного из моих представителей при иностранных дворах более ничтожного и безосновательного сообщения, чем ваше; ни одной столь переполненной очевидными ошибками и целеными преувеличениями работы даже от молодого человека без опыта и связей...»

* * *

Были еще более резкие моменты. Фридрих говорил, что он слушает *petits-maitres**, которые никогда не покидали Париж; столько же король мог узнать у любого мальчишки, который учится в школе. Фридрих смотрел на финансовую систему Франции глазами опытного эксперта, и он знал, что Книнхаузен ошибочно принимает желаемое за действительное. Это было характерно для молодого человека, видимо, поверженного в благоговейный трепет блеском двора, при котором он был аккредитован. Фридрих же, напротив, был прекрасно осведомлен о финансах королей Франции, об их зависимости от торговли должностями и монополиями, о приносящих деньги, но ослабляющих государство продажах должностей дворянам с дальнейшими налоговыми послаблениями; об их коррумпированности и мотовстве. Прекрасное управление порой исправляло пороки системы, но все это противоречило принципам Фридриха, и, восхищаясь многим во Франции, он счел оценки Книнхаузена пелеными. Король Франции, писал он, предпочитает не видеть плачевного состояния своих дел.

Мнение Фридриха было полностью обоснованным, но, возможно, свирепость выговора подсознательно имела и другую причину. Ему, видимо, необходимо было верить в большую силу Британии. Может, он уже ощутил холод изоляции, тревогу из-за долгих союзнических отношений с Францией. Как всегда, Фридриха особенно волновали известия об отношениях между Австрией и Россией; и он крайне подозрительно отнесся к сообщению о том, что престарелый русский генерал, командовавший войсками в Ливонии, Георг фон Браун, инкогнито посетил Кёнигсберг и теперь находился на полпути в Вену или Прагу, чтобы навестить своего родственника, фельдмаршала Максимилиана фон Брауна, старого противника прусского короля по Первой Силезской войне, когда он сражался под Мольвицем, а затем служил под командованием Трауна. Браун, которому исполнился пятьдесят один год, сын эмигранта из Ирландии, был произведен в фельдмаршалы после службы Марии Терезии в Италии и теперь достойно выполнял обязанности главнокомандующего войсками в Богемии. Не согласовывают ли они планы на случай непредвиденных обстоятельств? Тревога была вполне естественной, хотя, возможно, Георг фон Браун навещал дочь, которая училась в монастыре в Праге. Тем вре-

* щеголсй (фр.).

менем он с великим интересом наблюдал за всем, что мог узнать о мощи и передвижениях французского и британского флотов в Атлантике. В июне король объехал Рейнские провинции Клев и Везель, надеясь встретить Книпхаузена, который мог приехать туда из Парижа. Там Фридрих узнал от Подевильса, что французский посол в Берлине, Латуш, зондирует почву на предмет обновления Бреславского оборонительного договора между Францией и Пруссией, срок действия которого истекал в июне 1756 года.

К тому же, еще находясь в Везеле, Фридрих решил инкогнито с двумя сопровождающими отправиться в Голландию и посетить Амстердам. На корабле, направлявшемся по каналу в Утрехт, он познакомился с попутчиком, студентом Генрихом де Каттом, планировавшим навестить одного известного профессора в университете. Фридрих сам заговорил с ним: «Как вас зовут, сударь? Проходите сюда (у Фридриха была своя каюта), здесь вам будет удобнее».

Де Катт не имел ни малейшего представления, что за человек рядом с ним, и они говорили о политике, философии, религии, ситуации в Европе. Фридрих объявил, что он изучал философию, и они обсуждали ее основные постулаты. Он сказал, что в политике разбирается меньше и пригласил де Катта заглянуть к нему в гостиницу, чтобы разделить ужин. У де Катта были другие планы, и он не смог принять приглашение. Фридрих на следующий день ранним утром уехал в Арнем. Через шесть недель де Катт получил из Потсдама письмо и только тогда узнал, кем был незнакомец, который произвел на него глубокое впечатление аргументированностью своих высказываний. Фридрих предложил ему должность при дворе, чего он не смог принять по болезни, однако в 1757 году последует повторное предложение.

В ближайшем окружении Фридриха в Берлине ожидалось и другие изменения. Примерно в это же время Мопертюи с некоторым смущением вновь обратился к Фридриху за помощью. В Берлине несколько лет назад одна девица всем демонстрировала младенца и грозила конкретному господину, что объявит его отцом, если тот не заплатит. Шантаж. Теперь та же девица пыталась использовать аналогичный трюк с экс-президентом академии Мопертюи. Мопертюи был уверен, что *не* он отец — «Я тщательно предохранялся, как сделал бы каждый истинный муж!» — однако заплатил деньги, когда она в пись-

меньшой форме признала, что это не его ребенок. Девушка взяла деньги и вернулась, чтобы получить еще одно золотое яичко от курочки, которая уже заплатила восемьдесят экую. Ее арестовали и посадили в замок Шпаандау, но затем освободили, и Мопертюи в панике бросился искать защиты у короля.

Фридрих немало позабавился и подтвердил освобождение девушки, однако распорядился, чтобы ее строжайшим образом наказали, если она попытается опять приставать к Мопертюи. Он позволил Мопертюи в связи с состоянием здоровья отправиться в Италию. Поездка в Голландию была для Фридриха кратким отдыхом от насущных дел по обновлению договоров и угроз европейской войны. На официальное возобновление союза, хотя и оборонительного, с Францией, которая вот-вот будет втянута в большую войну; как виделось Фридриху, решиться было непросто. 8 июня 1757 года британские военные корабли вступили в прямое огневое столкновение с французскими у берегов Америки. Кризис, который в скором времени затронет большую часть Европы, первоначально разразился на море, как это и предвидел Фридрих. Сначала французское правительство проявило сдержанность, желая взвалить всю ответственность за военные действия на Британию и надеясь, что мир еще можно сохранить. Британские корабли во французских портах пока не захватывали, как предлагали некоторые французские министры. Фридрих видел в этом робость; такое поведение скорее отдалит, чем воодушевит другие государства вроде Австрии, Швеции, Дании. Фридрих говорил о них: «Так называемые союзники Франции» — ведь ни один из них не предпринял каких-либо шагов в ее поддержку. «В нынешних обстоятельствах поведение Французского двора едва ли может быть более жалким», — написал он Михею, своему человеку в Лондоне.

Фридрих ожидал, что в течение нескольких ближайших месяцев со стороны Руаяя последуют новые попытки заставить его двинуться на Ганновер в качестве отвлекающего маневра, и он тщательно проинструктировал своего посла. Сегодняшний момент неблагоприятен для такой операции. Не могла бы Франция вместо этого заручиться поддержкой Дании? Датский суверен питает личную неприязнь к Георгу II, чье курфюршество, Ганновер, непосредственно примыкает к Голштейнской провинции датского короля. И — замечательное предложение, которое, как было изначально ясно, ни к чему не приведет, — а нельзя ли эту *«funeste guerre qui selon toutes les*

*apparences entrainera la plus grande partie de l'Europe»** предотвратить совместным посредничеством Фридриха и Марии Терезии? Король изложил эту идею в письме Клингграффену в Вену 2 августа, а затем — в письме своему правящему герцогу Брауншвейгскому. Брауншвейг, думал он, мог бы передать ее через своих людей при Ганноверском дворе** — герцог пытался заручиться поддержкой Пруссии на случай угрозы со стороны Франции, и Фридрих использовал его в качестве посредника с Лондоном. Берлин и Вена в роли миротворцев? В это не верили при дворах Европы. Но Фридриха воодушевляли мысли о том, что британское правительство встревожено отсутствием у австрийцев энтузиазма в отношении антифранцузского курса Британии, который прежде связывал воедино Британию и Австрию. Если британцы, полагал Фридрих, беспокоятся по поводу своих связей и владений в Германии и если они озабочены нежеланием их бывшего австрийского союзника вступать в войну с Францией, то не это ли шанс для сохранения мира? По крайней мере на Европейском континенте? А для короля Пруссии сыграть полезную роль в этом мирном процессе? В конце концов он имеет значительное влияние в Германии. Его армия, возможно, лучшая в Европе, стоит на границах Ганновера, вотчины короля Англии, и Богемии, богатого владения Марии Терезии. Он племянник Георга II. Его дружба и союзнические отношения с Францией, даже если они еще формально не возобновлены, являются общепризнанным фактором европейской политики.

Все контакты Фридриха имели целью сохранить мир, который будет на пользу Пруссии. Он считал, что его позиции сильны. Король вновь написал Брауншвейгу в сентябре 1755 года, что снимает с себя всякую ответственность за то, что произойдет после истечения срока действия официального договора с Францией. Он свободен от обязательств и готов рассмотреть предложения Британии или любого другого государства. Фрид-

* зловещую войну, которая, судя по всему, охватит большую часть Европы (*фр.*).

** Брауншвейгский дом имел несколько ветвей. Георг II был курфюрстом Ганновера и герцогом Брауншвейг-Люнебургским; сестра Фридриха, Шарлотта, была замужем за братом его жены, герцогом Брауншвейг-Вольфенбюттельским, который, в свою очередь, приходился кузеном генералу Фридриха, герцогу Брауншвейг-Бернскому. — *Примеч. авт.*

рих явно не хотел обесценивать себя как посредника или друга. Он стремился узнать отношение к происходящему мадам де Помпадур. Книппхаузен сообщил о ее враждебном отношении к Британии — ранее полагали, что она расположена к этой стране, — но оно смягчается финансовыми затруднениями. Английский кредит был для нее очень важен; в соответствии с конфиденциальной информацией, которой располагал Фридрих, этой даме удалось перевести из Франции и вложить в английские ценные бумаги средства, эквивалентные 30 000—40 000 фунтов. Книппхаузен писал также, что мадам де Помпадур демонстрирует *le plus grand attachement** к Фридриху! Король не был склонен этому верить. Фридрих знал, как сильно ее возмущает грубый сарказм, который он часто позволяет себе в ее адрес. Король называл своих охотничьих собак «маркизами Помпадур», добавляя: «Но обходящимися не так дорого».

Фридрих считал возможным — и надеялся на это, — что Франция ограничит войну операциями на море. Если же она перекинется на континент, британцы вполне могут вновь разместить свои войска, вероятно, ганноверцев и германских наемников, в Нидерландах. Тогда враги окажутся на границах Франции. Конечно же, она должна быть заинтересована в предотвращении войны путем переговоров. В то же время он считал французскую реакцию на действия Британии ничтожной. Слабость сделает возможность мира еще более призрачной.

Все построения Фридриха были ошибочны. Он сохранил невозмутимость, получив информацию об обмене резкими посланиями между Лондоном и Венной; Австрия явно возмущена тем, что англичане планируют большую войну, предварительно не посоветовавшись с союзниками, одним из которых, конечно же, является Австрия. Фридрих считал, что все это укладывается в его схему — Австрия не хочет участвовать в военных действиях Британии сверх некоего необходимого минимума; она возмущена отсутствием консультаций и полна решимости установить огромную цену в британских субсидиях за любой шаг против Франции, который ей понадобится сделать. Но здесь Фридрих просчитался. Кауниц хорошо справился со своей задачей. Австрия не собиралась оставаться в стороне.

* очень сильную симпатию (фр.).

* * *

Кауниц добился окончательного разрыва отношений между Францией и Пруссией. Для него Пруссия была врагом. Франция, считавшаяся до этого также врагом Австрии, находилась на пороге войны с Британией, до недавнего времени являвшейся ее союзницей. Кауницу было нужно, чтобы французы восстановили отношения с Австрией и окончательно разорвали их с Пруссией. Он также рассчитывал на поддержку со стороны России, если удастся уговорить ее отказаться от британских субсидий. Таким образом, Пруссию можно изолировать. Она окажется окруженной врагами: Россией, Австрией, германскими государствами, теми, которые Кауницу удастся привлечь на свою сторону, и Францией. Только Британия окажется вне этого антипруссского лагеря, но она будет в первую очередь занята борьбой с Францией на море и в Америке и едва ли сможет помочь Пруссии — если только деньгами.

Это был великий, долго вынашиваемый план, с которым Фридрих никак не хотел считаться. В сентябре 1755 года — еще до того, как война между Францией и Британией была официально объявлена, — он любезно спрашивал в письме, намерено ли британское правительство предпринять какие-либо шаги, чтобы заручиться его нейтралитетом, или этот вопрос его не интересует, и с той же почтой писал об удовлетворении, испытанном им в связи с тем, что Бель-Иль, которого он высоко ценил, вновь списал благосклонность во Франции. Это были послания суверена, полагавшего, что он находится в благоприятных условиях, самому ему практически ничто не угрожает; он может сохранить нейтралитет и, как всегда, желает добра Франции.

В сентябре Фридрих получил сообщение от Клингграффена из Вены. Один из его друзей, проникший в хорошо информированные круги, слышал, как говорили, что Фридрих предостерег Францию от всяких покушений на Ганновер, которых он не допустит, и что это сильно охладило отношения между королем Пруссии и Францией. Слухи, сплетни, дезинформация, интриги, пустые и безосновательные, — все это, может быть, и так, но отчего это, резко спрашивал Фридрих, называя все рассказы чистой воды чепухой. Кауниц, как сообщалось, не ладил с британским министром в Вене, сэром Робертом Кейтом, и Фридрих предположил, что британцы, вероятно, возмутились по поводу цены, которую затребовали австрийцы за выступление

против французов. Такое объяснение вполне согласовывалось с его неизменным убеждением. Он продолжал думать и писать о том, что Франция демонстрирует слабость и сопливость, а в это время Британия захватывает ее корабли в море. Тем самым она вовсе не воодушевляет государства, которые желают Франции добра, но при этом уважают силу. Фридрих также узнал, что французы ведут переговоры с Саксонией, противником Пруссии. Здесь пахло деньгами.

Неужели Франция утратила курс, уверенность и уважение к себе? Новым французским чрезвычайным послом в Пруссии был назначен герцог де Нивернуа, и Фридрих приказал Книпхаузену выяснить, какие инструкции ему даны. Выполнение этого задания потребовало некоторого времени. Король предположил, что Нивернуа будет работать над заключением нового франко-прусского договора, когда в мае будущего, 1756 года истечет срок действия предыдущего; он очень хотел занять сильные позиции для заключения сделки. Пруссский посланник в Лондоне Абрам Михель проинформировал его о беспокойстве британцев. Они гадают, насколько далеко Фридрих может пойти в оказании помощи Франции, и с тревогой ожидают результатов посольства Нивернуа. Они поняли, написал Михель 30 сентября 1755 года, что, если русские, выполняя соглашение о британских субсидиях, соберутся ввести войска в любую часть Германии, Фридрих не останется сторонним наблюдателем и ситуация сильно осложнится. Таким образом, британцы объявили цену его дружбе, а французы направили высокочтимого герцога со своей ценой.

Фридриху правилась мысль, что великие противоборствующие державы могут соперничать из-за его дружбы. Он написал Михелю, что британцы правы — входящие в Германию русские войска заставят его воевать с британскими друзьями и казначеями России; он надеялся сохранить высокую цену. В отношении Франции Фридрих начал, к великой радости Кауница, проводить жесткую линию. Она явно вела переговоры о субсидиях с Саксонией, и 18 октября Фридрих написал Книпхаузену, что, если эти переговоры будут успешными, он не станет возобновлять договор с Францией.

Возможно, Фридрих слишком поспешил и более покладистое поведение могло бы отсрочить или не допустить разрыва с Францией, которого желали его враги. На данном этапе его дипломатия увенчалась ссорой с Францией и соглашением с

Британией, причем последнее, по мнению его критиков, явилось причиной первого. Трудно с уверенностью сказать, так это или нет, но уж точно можно утверждать, что на самом деле он утратил инициативу в международных делах; проиграл ее Кауницу, но в течение некоторого времени был не в состоянии заметить потерю.

Фридрих был явно встревожен. Он написал в ноябре Клингграффену в Вену, что австрийское правительство, похоже, не соглашается с планами британцев относительно войны против Франции, в то время как французское, кажется, не собирается проводить наземную операцию против Британии и Ганновера. Не затевается ли какая-нибудь афера? Какое-нибудь франко-австрийское соглашение о том, что Австрия не станет поддерживать Британию, если Франция согласится не начинать атаку в Нидерландах? Фридрих все еще продолжал мыслить категориями существования двух непримиримых противников, Австрии и Франции, которые, однако, ведут некий тактический торг, чтобы не допустить повсеместной войны между Францией и Британией. Он был прав, предполагая, что между Францией и Австрией идут активные контакты, но ошибался, думая, что их замыслы связаны с надвигающейся войной Франции с Британией. А замышлялось на самом деле — и это пока было для него тайной — уничтожение Пруссии.

Тем не менее осенью 1755 года у Фридриха усиливалось ощущение, что его изолируют и окружают со всех сторон. На юге непримиримая, как всегда, Австрия, а Саксония, находящаяся в союзе с Россией, видимо, ведет переговоры с Францией по поводу субсидий. На востоке Россия добилась соглашения с Британией, но в ноябре до Фридриха дошли слухи о переговорах между Веной и Санкт-Петербургом о расчленении Пруссии. Он надеялся сохранить свой нейтралитет между Францией и Британией и не торопился возобновлять формальный договор с Францией, однако вместе с тем всегда писал о проблемах Франции с сочувствием союзника. Германские государства империи, за исключением Ганновера, в основном поддались давлению Кауница и были готовы выступить против Пруссии. Именно в такой атмосфере Фридрих решил, что ему нужно больше друзей.

13 января 1756 года герцог де Нивернуа прибыл в Потсдам. Фридрих пошел его очаровательным — элегантным, остроумным, настоящим французом. Нивернуа был единственным ино-

страшным послом, которого пригласили остановиться в Сан-Суси. Нивернуа, со своей стороны, нашел Фридриха приятным человеком и был сразу же очарован красотой голоса короля и его дикцией, а также живостью его ума. Он полагал, что Фридрих несколько тщеславен и, возможно, горяч, но уважал в нем явное презрение к тому, что о нем думали другие. Когда герцога вводили в курс дел в Париже, ему было сказано, что прусский король может готовить некое официальное соглашение с Британией — эта перспектива беспокоила Францию. Ему было вменено в обязанность прояснить ситуацию и попытаться продвинуться в вопросе возобновления франко-прусского договора, несмотря на недавний отказ Фридриха. Никакие секретные договоренности с Австрией еще не препятствовали этому.

Герцог был принят с подобающей торжественностью. Во время первой встречи Фридрих держался свободно и дружески, вел беседу о философии, о великолепии Французской академии, на темы интересные, изысканные и нейтральные. Через некоторое время Нивернуа дал понять, что надеется на более содержательный политический разговор. Фридрих предложил позже провести еще одну, конфиденциальную, встречу, и Нивернуа с радостью согласился.

Она состоялась. Но в промежутке между двумя аудиенциями Фридрих решил подписать окончательный вариант того, что впоследствии станет Вестминстерской конвенцией, проект которой он одобрил десять дней назад, по которой Пруссия принимала на себя обязательство помогать защищать Ганновер, если он подвергнется нападению. Формально это было обещанием совместно с Британией противодействовать вторжению в Германию любых иностранных войск. Фридрих настаивал на термине «Германия», а не «Священная Римская империя». Он заявлял, что цель конвенции — в сохранении нейтралитета Германии. Британия этим эффективно обезопасила курфюршество от агрессии со стороны России. Большинство же в Европе конвенция в таком виде была безошибочно воспринята как декларация против Франции. Какие еще войска, кроме французских, могли вторгнуться в Германию? Только русские, но уже существовало русско-британское соглашение о сотрудничестве в защите Ганновера от внешних сил, а точнее, Франции или Пруссии. Теперь подписана конвенция с Пруссией, следовательно, оба договора направлены против Франции. Вестмин-

стерская конвенция обеспечивала безопасность Ганновера, и британцы надеялись, что, продолжая паразитовать противостояние с Францией, можно крепче привязать Фридриха к своему лагерю. Георг II с неохотой прекратил свои критические высказывания в адрес короля Пруссии: «...плохой друг, плохой союзник, плохой родственник, плохой сосед, самый недоброжелательный и опасный монарх в Европе».

На второй, конфиденциальной, встрече Фридрих рассказал Нивернуа о конвенции, чем привел француза в полное изумление. Во время той же встречи король воспользовался случаем, чтобы передать особенно прочувствованные послания Людовику XV, в которых говорилось, что Франции следует искать союзников где угодно, кроме Пруссии, и установление взаимопонимания между Францией и Австрией самый естественный выбор. До недавнего времени он предполагал, что неприязнь между Габсбургами и Бурбонами настолько глубока, что такого рода *ballon d'essai** может быть не более чем насмешкой. Времена изменились.

Критики с легкостью заключили, что подписание Фридрихом Вестминстерской конвенции нельзя ничем оправдать, поскольку это послужило причиной неизбежного разрыва с Францией и стало циничным шагом к европейской войне, на которую он уже решился из собственных соображений. На самом деле Нивернуа был убежден, что Фридрих искренне хочет мира, а не войны и, кажется, нет никаких веских причин сбрасывать со счетов собственное *exposé* Фридриха, которое он тогда сделал. Король говорил Нивернуа, что конвенция является выпущенным ходом, совершенно безвредным для Франции. Она не принуждала Фридриха к каким-либо военным действиям, если только их ему не навязжут. Это оборонительный договор, направленный на удержание России подальше от Германии, а нейтральная Германия, что и призвана обеспечить конвенция, не несет никакого вреда Франции. А что касается притязаний Пруссии, то ее военная мощь вполниту меньше, чем у противников, в число которых он, конечно, не включал Францию. К тому же общеизвестно, что у Фридриха имеются веские основания для спора с Британией и его дядюшкой. Ганновер захватил некоторые территории в Мекленбурге, на которые претендовала Пруссия: Пруссия оккупировала Остфрисланд, а на него Ганновер имел встречные претензии. Фридрих считал

* пробный шар (фр.).

также, что его матери причиталось наследство ее отца, Георга I, которое она так и не получила. Кроме того, Фридрих обычно с сарказмом отзывался о Георге II и его поведении во время сражения при Деттингене. Эти факты носят персональный, личностный отпечаток, являются, возможно, незначительными, но они ясно говорят об отсутствии у короля Пруссии каких-либо пробританских сантиментов.

Тем не менее Нивернуа вежливо указал, что Франция будет рассматривать сближение Фридриха с Британией как недружественный шаг.

Для открытого проявления враждебности французам потребовалось некоторое время, но, когда это случилось, Вестминстерская конвенция рассматривалась во Франции как оскорбление. Британия для Франции являлась врагом, хотя между двумя странами формально был мир. В январе Фридрих вновь выдвинул невероятную идею о посредничестве между ними. Сначала установилось некоторое затишье. 20 января Книнхаузен встретился с Руайем и решил, что тот склонен рассмотреть предложения Фридриха о нейтралитете Германии, как казалось прежде. Однако встреча вовсе не была приятной, и Руай выказал возмущение по поводу переговоров Фридриха с Британией втайне от своей союзницы, Франции. Франко-пруссский договор действовал до середины лета.

Фридрих ответил, что не видит причин для консультаций с Францией. Его договор с ней вот-вот утратит силу, и ничто в Вестминстерской конвенции ей не угрожает. Кроме того, он специально исключил дополнительной секретной статьей Австрийские Нидерланды из территорий Германии, которые должны будут стать нейтральными, так что у Франции развязаны руки для военных действий на традиционном для нее театре. Король не был склонен чрезмерно драматизировать французские протесты. Мадам де Помпадур твердо стоит за мир, опасаясь за свои долги. Франция, полагал Фридрих, отказалась от мыслей убедить его выступить против Ганновера в качестве союзника; серьезные причины для того, чтобы Франция противодействовала его политике, отсутствуют. 10 февраля 1756 года в письме Книнхаузену он спрашивает, действительно ли *démarche très innocente** восстановил французских министров против него.

* совершенно безобидный демарш (фр.).

Было именно так. Враждебная реакция французов отражалась в переданном Руайем протесте из семи пунктов: что Вестминстерская конвенция является страшной, противоречит духу договоров, подписанных между Францией и Пруссией, и не совместима с истинными интересами Пруссии. Если бы Пруссия подверглась нападению со стороны Австрии и России, Франция могла бы оказать ей помощь. Британия — никогда.

Фридрих направил сдержанный, но довольно острый ответ. Мсье Руайя, писал он, похоже, удивляет то обстоятельство, что королю Пруссии приходится принимать во внимание безопасность собственного королевства. Союзы основываются на взаимных интересах, а что касается обвинений Руайя по поводу нарушения соглашений, то ничего не было сделано в нарушение какой-либо статьи договора. Эту тему он развил пункт за пунктом. Французы злятся и удивляются лишь потому, что король Пруссии не испросил их разрешения, — беспрецедентная мысль. Фридрих находился в приподнятом настроении. Он считал увещевания Руайя бессмысленными и неуместными. Хотя сношения с Парижем поддерживались через Книпхаузена, милорд Маришаль по-прежнему находился во Франции, и Фридрих писал ему игривые письма относительно сложившейся ситуации. Из-за заключения соглашения с королем Георгом II «вам будут говорить, *Mon cher Milord*, что я стал в меньшей степени якобитом, чем был! Не ненавидьте меня за это!».

Фридрих некоторое время пребывал в уверенности, что у французов нет причин для беспокойства. Они могут вести борьбу с Британией по всему миру и концентрировать внимание только на этом — Фридриху до этого нет дела. Он не питал неприязни к Франции и даже обсуждал с Нивернуа возобновление франко-пруссского договора. И хотя французов, естественно, огорчила неожиданность и секретность действий Фридриха, едва ли можно принять их гнев как обоснованный. Вестминстерская конвенция некоторым образом облегчила стратегическое положение Британии, но фактически не повлияла на основной ход борьбы между Францией и Британией.

Тем не менее Фридрих вскоре написал Книпхаузену, что Франция обратила свои ненависть и гнев на него, а не на главного врага, Англию. Французы торговались с Австрией. Книпхаузен предложил Фридриху направить письмо непосредственно мадам де Помпадур, эту идею король воспринял с отвращением. Книпхаузен также докладывал об участившихся встречах меж-

ду австрийским министром в Париже, графом Старенбергом, и французскими министрами.

Но даже самые могущественные правители временами оказываются в заблуждении, часто бывают во власти впечатлений, сложившихся ранее, не считаясь с изменившимися обстоятельствами. Фридрих писал Кнппхгаузену в феврале 1756 года, что «остается постоянной и неизменной истиной, что никогда не будет в интересах Франции работать во имя или способствовать возвеличиванию Австрийского дома». Он по-прежнему скорее подозревал, чем ясно понимал, что ему угрожает, чувствовал изолированность, но рассчитывал на поддержку со стороны Британии. Да, он огорчил Францию, но если рассуждать логично, то это должно пройти. Тем не менее в середине марта король не на шутку встревожился, узнав, что французский министр в Вене, маркиз д'Обеттер, нарочито избегает контактов и протокольных встреч с представителем Фридриха, Клингграффеном. В конце месяца он *впервые* написал посланникам в Лондоне, Вене и Париже о поразительном факте: возможно, между Парижем и Веной создается ось! Д'Обеттер в Вене часто беседовал с Кауницем за закрытыми дверями. Имелись также признаки, что Австрия стремится объединить германских католических монархов, разделив империю по религиозному признаку, чтобы натравить их на Пруссию, — печальная перспектива.

Гнев французов проще объяснить их собственными преднамеренными действиями. Между французами и австрийцами вот уже несколько лет шли конфиденциальные переговоры, и французы, конечно, понимали, что улучшение отношений с Австрией свыше известных пределов будет не просто сочетать с дружбой с Пруссией. Однако когда австро-французское соглашение было подписано в Версале в мае 1756 года, французы заявили, что это Фридрих своим вероломством заставил их вступить в этот альянс; они сочли оскорбительными и возмутительными действия государства, которое притворно считали союзником. Подписание Вестминстерской конвенции не было предательством; она в первую очередь касалась нейтралитета Пруссии и мира с Германией. Фридрих в инструкциях своим послам настаивал, что это единственные цели конвенции и ее положения подтверждают его слова. Действительной причиной французской реакции и, как это называли, *Renversement des*

*Alliances**, было решение Франции бросить Пруссию на произвол судьбы и встать на сторону Австрии. Это была французская *перелицовка*.

Подписанный в Версале договор обязывал Францию и Австрию поддерживать друг друга в случае нападения со стороны третьего государства, за исключением Британии; это предохраняло Австрию от вовлечения в надвигающуюся франко-британскую схватку. В существовавшей ситуации это могло относиться лишь к взаимной помощи против Пруссии. Кроме того, при паличии этого договора у Австрии оказывались развязанными руки для возвращения Силезии с благословения Франции, хотя формально такого положения в тексте не было. Франция, казалось, практически ничего не получала от договора; поведение Австрии совершенно не менялось. Клингграффен сообщил Фридриху, что конвенцию, подписанную с Британией, Кауниц расценивает как неблагоприятную для себя. Маски были сброшены. В марте 1756 года Кауниц предложил России организовать совместное австро-русское нападение на Пруссию, ему ответили, что императрица полностью согласна с этой идеей. В июне 1756 года Австрия и Россия официально возобновили свой альянс, соответствующий договор был подписан только в январе 1757 года.

Тем временем Россия приступила к мобилизации армии, длительному и трудоемкому процессу. У Австрии таких трудностей не было: она недавно провела военную реформу, поэтому правительство отдало приказ о мобилизации в июле. Оба государства безо всякого повода готовились к войне. Большая наступательная коалиция против Пруссии находилась в процессе формирования. Фридриху теперь угрожал альянс, насчитывающий в целом 90 миллионов человек против прусских 5. Его единственным потенциальным союзником была Британия, мало заинтересованная в европейских делах, если только они не использовались во вред Франции.

Король Пруссии оказался в сложной ситуации. Фридрих, возможно, предвидел ее, когда соглашался на подписание конвенции с Британией, но его письма говорят, что он скорее договнялся, чем опережал события. Король сохранял вежливость и сыпал комплиментами, которые смягчали разногласия в восемнадцатом веке. Нивернуа оставался в Потсдаме, благодарный за прекрасный прием, который ему там был оказан. Фридрих

* Перелицовки союзов (*фр.*).

слал красивые послания с изъявлением своего неизменного уважения к славе и интересам короля Франции, а также продолжал заявлять — со все возрастающей энергией и верой в свои слова, — что он стремится только к миру и нейтралитету: миру для Германии и нейтралитету для Пруссии. Военственные шаги, о которых докладывали из Австрии и России, нельзя было оставлять без внимания, однако он мог с чистым сердцем говорить, что они не были ответом на какие-либо его действия.

Фридрих обратил внимание на военные приготовления австрийцев в Богемии и Моравии уже в декабре 1755 года, и теперь писал своему послу в Лондоне, указывая на Францию как на общего противника Пруссии и Британии. Он был, однако, по-прежнему самоуверен и паходился во власти иллюзий. По поводу австро-французского договора он писал, что альянс между Парижем и Веной настолько противоестествен, что вряд ли просуществует долго.

Беспокойной весной 1756 года было и еще одно более благоприятное для Фридриха событие: 11 мая в Потсдам прибыл новый британский посол, сэр Эндрю Митчел, первый за шесть лет. Фридрих узнал, что это назначение получил лорд Тироули, известный ирландский военный, ветеран многих кампаний. Ему было семьдесят четыре года. Вместо него Фридрих попытался заполучить Вилльерса, ранее занимавшего этот пост. И получил Митчела.

Эндрю Митчел, шотландец, имел юридическое образование, был начитан, хорошо воспитан, исповедовал католицизм и обладал уравновешенным характером. Будучи на четыре года старше Фридриха, он с 1747 года являлся членом палаты общин парламента. В Шотландии его близким другом был почитаемый, придерживавшийся умеренных взглядов лорд-президент, Форбс Каллоден. Вдовец, он был заместителем государственного секретаря по делам Шотландии и обладал обширным опытом в ведении государственных дел.

Митчел оставался при дворе Фридриха почти в течение всей войны, которая теперь представлялась трагической неизбежностью. Он стал одним из его близких друзей, любимым собеседником, который воспринимал короля без излишнего пиетета, но с искренним чувством. Митчел наблюдал Фридриха в самые трудные минуты его жизни и видел свою собственную задачу в том, чтобы установить настоящее взаимопонимание

между Британией и Пруссией. Он не перегружал свои допесения оскорбительными и злопамеренными сплетнями, а писал честно и со знанием дела. Митчел сообщал помимо прочего, что Фридрих, обладая многими другими привлекательными качествами, принимал литературную критику лучше любого другого автора! Говоря о дипломатии, он писал в Лондон, что с королем Пруссии необходимо быть искренним, говорить то, что думаешь, даже если это неприятно; и он это принимает хорошо. Фридрих, со своей стороны, любил и уважал его. Он называл Митчела англичанином, заинтересовавшим его больше, чем кто-либо другой, своими глубокими историческими и литературными познаниями и большой честностью; в конце жизни Митчел вернулся в Берлин и жил там до самой смерти.

Во время первой встречи, в день приезда, Митчел очень откровенно обменялся с Фридрихом мнениями относительно европейской ситуации. Они обсуждали симпатии германских монархов и военный потенциал, как Фридрих это видел, великих держав. Митчел сказал Фридриху, что вопреки его ожиданиям в любой войне на континенте Британия надеется на поддержку России. Если это означает, что британское влияние и субсидии способны предотвратить действия России против Пруссии, то Фридрих, естественно, это приветствует, однако он сомневается в таком развитии событий. Король скептически относился к нейтралитету России, но сказал Митчелу, что, по его мнению, в текущем году не случится ничего, что могло бы потревожить мир в Германии. Он произвел на посла впечатление своим явным стремлением к миру. Фридрих заверил его, что если, следуя англо-русским соглашениям, русские войска будут направлены в Северную Германию как союзники Британии в защите Ганновера, то Пруссия предоставит им все необходимое, но он надеется, что таких мер не потребуются. Одна давняя проблема была урегулирована Вестминстерской конвенцией. Долгий спор, замешанный на раздражении, вызванном проблемой силезского займа, наконец завершился, к тому же компромиссом, устроившим обе стороны. В секретной декларации Британия согласилась выплатить Фридриху разумную сумму денег, 20 000 фунтов, для того чтобы удовлетворить жалобы Пруссии на незаконные действия британских каперов. Взамен Фридрих согласился снять запрет на вклады, которые должны были идти на выплату Британии долга по займу — основного и процентов.

Дипломатические отношения между Францией и Британией были прерваны примерно за год до того, военные действия между ними велись на других континентах и на море. Формально же обе морские державы оставались в состоянии мира; тогда Митчелл сообщил Фридриху, что война будет вот-вот объявлена. Это произошло 9 июня. Они говорили и об Австрии. Митчеллу, как и Фридриху, было ясно, что главным мотивом действий Австрии является возвращение Силезии. Австро-французский альянс был задуман для того, чтобы обеспечить вторжение Франции в Германию, основной целью которого станет Ганновер. Они очень откровенно обсудили возможные шаги России. Если Россия, верная договоренностям с Австрией, вторгнется в Германию — не как британский союзник в защите Ганновера, — то Британия могла бы направить свой флот в Балтийское море. Британское правительство, однако, по-прежнему уверено, что Россия останется в мирных отношениях со своими соседями. Чем больше Фридрих внимал советам Митчелла о том, какой линии придерживаться, особенно в отношении России, тем больше в нем росло уважение к суждениям посла, хотя в последнем случае они оказались чересчур оптимистичными и ошибочными.

Это было удивительное время. Каждый двор и каждая столица вели внутренние споры, там имелись свои партии мира, сторонники той или иной великой державы. Книпхаузен докладывает: Париж переполнен сомнениями по поводу новых ориентиров французской политики, которые высказывают некоторые влиятельные люди. Бель-Иль, которым Фридрих так восхищался, вернулся во Францию и на службу. Он, говорят, настолько враждебно настроен к Австрийскому дому, что считает пышнее положение невыносимым. Но Фридрих, прежде готовый хвататься за соломинку, теперь уже ни во что не верил. Австрия полна решимости затянуть Францию в Германию в качестве союзницы против Пруссии, и ей это скорее всего удастся. В июне он написал, что у Габсбургов три неизменные цели — установить в империи деспотизм, уничтожить протестантизм и вернуть Силезию. Главным препятствием на пути к достижению всех этих целей они считают короля Пруссии. Довольно пессимистический анализ: Фридрих ощущал себя в отчаянном положении. Он чувствовал, что его недавние военные кампании были последними, когда события направлялись антагонизмом между Бурбонами и Габсбургами.

Пришло время заняться активной разведкой планов различных государств. У Фридриха были прекрасные источники информации в австрийском посольстве в Берлине — секретарь, Максимилиан Вайнгартен, влюбленный в прусскую девушку; и чиновник по имени Фридрих Менцель в саксонском министерстве иностранных дел в Дрездене, имевший ключи от сейфа. От них он узнал детали плана нападения на Пруссию. Австрийцы намеревались убедить русских начать военные действия в Восточной Пруссии, как только разразится война, а сами двинуться из Богемии через Саксонию, увлекая за собой саксонцев прямо на Бранденбург. Другая австрийская армия войдет в Силезию и соединится с русскими, которые в настоящее время концентрируются возле Смоленска и должны будут пересечь польскую границу. Фридрих понимал, что в Вене надеются позднее привлечь к союзу против него и Швецию.

Фридрих получал информацию также и из России, она тоже была тревожной. Британским послом в Санкт-Петербурге состоял его старый противник, Ханбери-Уильямс, у которого в то время были хорошие отношения с Бестужевым*; Фридрих извлекал из этого пользу через Митчела, имевшего регулярную и быструю связь с Ханбери-Уильямсом. В июне было получено сообщение о том, что австрийцы успешно настраивают Елизавету против Британии, а значит, и против Пруссии. Распространялись слухи о военных приготовлениях прусского короля на севере. Например, о том, что он собрал у Кёнигсберга 100 000 солдат; Фридрих узнал об этом от Менцеля и Вайнгартена. Русские сконцентрировали у Риги огромные силы, это подтверждало сведения, полученные Фридрихом от его австрийских и саксонских информаторов. Курьеры, едущие из Санкт-Петербурга в Берлин через Ригу, докладывали, что дороги забиты военными грузами. Это все больше убеждало в ошибочности оптимистических прогнозов Митчела, сделанных в прошлом месяце. Послу пришлось согласиться: его прежние оценки были неверны. Нынешняя оценка ситуации совпадала с собственным мнением Фридриха о том, что Австрия перевернет небо и землю, чтобы возбудить Россию против Британии, хотя скорее Пруссия, а не Британия занимает первую линию обороны.

* Хотя в конце года Митчел писал, что у Ханбери-Уильямса в Санкт-Петербурге в то время была плохая репутация. — *Примеч. авт.*

Фридрих, таким образом, полагал, что, какой бы повод ни был найден, русские и австрийцы решили его атаковать. Мобилизациям, которые они проводят, передвижениям их войск, всему, что ему удалось узнать о планах противника, нельзя пайти никаких других объяснений. Они начнут скоординированные военные действия против него на юге и востоке и двинутся через Саксонию и Богемию в Верхнюю Силезию и из Ливонии и Курляндии* в Восточную Пруссию. Отношения Фридриха с Францией оставались по-прежнему корректными, но прохладными. Король знал, в Париже открыто говорили о том, что он назвал французское правительство слишком слабым, чтобы оправдать чье-либо доверие, однако считал, что французы не станут торопиться вступать в военные действия на территории Германии. Он очень хотел понять, в какой момент Франция реально примет участие в большом заговоре против него. В том, что это произойдет, Фридрих не сомневался. Он не верил, что громадная концентрация русских войск в Курляндии и Ливонии, так же как и австрийских в Богемии и Моравии, проводилась втайне от Франции. По меньшей мере Франция выступала в качестве соучастницы в заговоре. Уже очень скоро крупнейшая держава Европы могла оказаться в числе его врагов. Фон Мальцан сообщал из Дрездена, что упоминание графом Брюлем о военных приготовлениях России было настолько фальшивым и неестественным, что не могло никого обмануть. Возможно, писал Фридрих в июне Книсишаузену, что секретные статьи австро-французского договора, подписанного в Версале, предусматривают, что Франция займется британцами и Ганновером, пока Австрия будет расправляться с Пруссией.

Ходили также разговоры об огромной французской субсидии — 800 000 флоринов, — предназначенной для возвращения Силезии Габсбургам. Боевые линии были намечены и, как всегда накануне войны, опасность и разногласия преувеличивались слухами и недоверием. Фридрих направил приказы фельдмаршалу фон Левальду, командующему войсками в Восточной Померании, и дал указание отозвать военнотружущих из отпусков, а также произвести предупредительные передвижения войск и собрать транспортные средства в Восточной Пруссии и Померании. 25 июня Левальд доложил, что, по его подсчетам, примерно 70-тысячная армия русских движется по

* Прибалтийские провинции, граничащие с Восточной Пруссией, расположенные на берегу Рижского залива. — *Примеч. авт.*

направлению к границе. Фридрих также разослал детализированные приказы своим командующим в Верхней Силезии, Шведнице и Козеле, в том числе и приказ о защите крепости. Эти приказы, естественно, заставили задуматься людей в Берлине. Неужели король вновь собирается выступить? Только Валори, вернувшийся к прусскому двору, поднял этот вопрос во время беседы с министром Фридриха, графом фон Финкенштейном. Не двинулась ли вся прусская армия? Что все это значит? Финкенштейн спокойно ответил, что ему наверняка известно лишь, что самая заветная мечта Фридриха заключается в сохранении в Европе мира.

Возможно, так и было, но он уже не надеялся добиться этого. В ходе длительной переписки с французским правительством в июле 1756 года в попытках оправдать свои действия Фридрих вновь перечислил причины недоверия к Австрии, которые и привели его к подписанию Вестминстерской конвенции. Оправдания прусского короля были в полном диссонансе с обвинениями, выдвигаемыми Францией, то ли из-за невнимательности, то ли из-за чрезмерных амбиций. Австро-французский Версальский договор предусматривал приобретения для Франции в Нидерландах, которые Австрия может себе позволить, а также расчленение Пруссии, отторжение от нее рейнских владений в пользу Австрии, Саксонии и Палатината. Фридрих выступал в качестве жертвы мощной объединенной атаки, которую будут оправдывать как защитную меру против агрессивных шагов короля Пруссии. Когда она начнется, будут решать его противники.

«Я нахожусь между миром и войной!» — писал он 6 июля Абраму Михелю в Лондон. Фридрих с удовлетворением узнал, что англичане, несмотря на трудности с военно-морскими ресурсами, надеются выполнить свое обещание о посылке на Балтику военной эскадры, но оно осталось невыполненным. Лондон все еще надеялся остаться с русскими в дружественных отношениях. Фридрих не разделял этого оптимизма, но продолжал направлять в Санкт-Петербург вежливые послания. Маневры и приготовления прусского короля вызывали пересуды в правительственных кругах Европы, а его этот факт совершенно не беспокоил. «Переговоры без оружия, — писал он, — это как музыка без инструмента». Прусская армия готовилась. Именно она являлась гарантией безопасности королевства.

* * *

Фридрих поступал в соответствии с собственными воззрениями. Он шел по пути храбрости и действий на опережение, очерченному в ранних работах. Если война может быть навязана ему в сроки и на условиях, благоприятных для противника, мудрый и ответственный монарх должен начать первым. О мире он уже не думал. 12 июля Фридрих написал важное письмо Вильгельмину: «Мы здесь готовимся ко всем непредвиденным обстоятельствам, пытаясь тем не менее не оскорбить тех, кто готов ими воспользоваться!» Ему было сорок четыре года.

Фридрих решил выдвинуть Марии Терезии нечто вроде ультиматума. Он во всех деталях перечислил приготовления, о которых ему было известно, в Богемии и Моравии, приказал Клингграффену в Вене испросить аудиенцию у королевы-императрицы и выяснить, что означают предпринимаемые ею меры. Не заявит ли она прямо, что намерена атаковать Пруссию в текущем, 1756 году или в следующем? Король информировал Эндрю Митчела в Берлине обо всех контактах, а на аудиенции 21 июля вручил ему проект соглашения между Пруссией и Британией, который шел много дальше неопределенных и условных положений Вестминстерской конвенции. Митчел сообщил в Лондон лорду Холдернессу*, что если Пруссия получит от Австрии ясный и благоприятный ответ, то Фридрих полагает, что он мог бы обеспечить мир в Германии в этом и в следующем году; и серьезно желает избежать разрыва с Францией.

26 июля Валори в Потсдаме имел аудиенцию у Фридриха, на ней присутствовал и Подевильс.

Валори: «Клянусь головой, что королева-императрица не имеет намерений нападать на Пруссию».

Подевильс: «*Гарантирует* ли это король Франции?»

Фридрих: «Не так! Обещает ли Франция не *помогать* королеве-императрице против меня, *если* я пообещаю не помогать королю Англии? Только я этого не сделаю. Я выполню свои обязательства перед ним!»

После этой аудиенции Фридрих говорил Митчелу, что у него нет желания прослыть болтуном, чтобы все судачили о том, какие договоры он выполняет, а какие нет. Король находился в прекрасном расположении духа. Он был уверен, что

* Роберт д'Арсн, четвертый граф Холдернесс, государственный секретарь. — *Примеч. авт.*

французы какое-то время и пальцем не шевельнут, чтобы помочь австрийцам, если вообще решат это сделать; Фридрих рассказывал Митчелу о том, как развивается его демарш в Вене. Он прекрасно понимает: Мария Терезия скажет Клингграффену, что ее меры посят чисто оборонительный характер и касаются исключительно Австрии. Тогда Фридрих предложит Клингграффену изложить ей все, что король Пруссии знает о планах австро-русского нападения на него, реализация которых откладывалась, как он был уверен, лишь из-за неготовности русских.

Открыв карты перед королевой-императрицей, Фридрих намеревался поведать французам о своей полной уверенности в том, что австрийцы и русские плетут интриги. Они, несомненно, были осведомлены о них, но, возможно, не знали, что именно известно Фридриху. «Это, естественно, послужит поводом для обмена несколькими посланиями между этими дворами, — сообщал Митчел в Лондон, — и он (Фридрих) считает, что к концу августа французы решат, что уже слишком поздно предпринимать вторжение в Германию в качестве отвлекающего маневра».

Теперь уже едва ли что-либо могло изменить ход событий. Оценка поведения Фридриха зависит от искренности его веры в то, что Австрия, Россия и в конечном счете Франция намерены в удобное для себя время напасть на него, а в этом практически не было сомнений. Король получал детальные сообщения от фон Мальцана из Дрездена о договоренностях между Австрией и Саксонией относительно развертывания войск, а также отчеты о беседах с Кауницем из Вены; а он с уверенностью говорил о грядущем объединении России, Австрии и Франции против Пруссии.

Фридрих с некоторым нетерпением ожидал доклада Клингграффена из Вены. «Я начал, — писал Фридрих Вильгельмине, — переговоры с моими противниками. Я хочу, чтобы они открыто объявили о своих намерениях и тем самым оправдали перед всем миром мои действия». На следующий день, 29 июля, он вновь написал ей письмо, которое было исполнено любви и тревоги о ее здоровье: «У меня много причин для волнений, но одной из наиболее терзающих душу являешься ты. Сделай милость, по крайней мере утешь мое сердце и будь уверена в том, что никто не любит и не печется о тебе больше, чем твой старший брат».

Аудиенция Клингграффена у Марии Терезии прошла во дворце Шёнбрунн 26 июля — королева-императрица записала свои слова на листе бумаги и зачитала их послу. Ответ был настолько несодержательным, что явно подразумевал бескомпромиссный отказ. «Все находится на грани кризиса. Королева-императрица сочла все эти меры необходимыми для безопасности ее самой и ее союзников. Они не угрожают никому».

В письме из Потсдама от 2 августа король потребовал от Клингграффена немедленно еще раз испросить аудиенцию и проинформировать Марию Терезию, не оставляя у нее никаких сомнений, обо всем, что известно Фридриху, и чем это грозит. Именно Пруссии угрожают 120 000 русских и 80 000 австрийцев. Он повторил свое требование дать торжественное заверение в том, что намерения напасть на Пруссию в этом или следующем году отсутствуют. В состоянии мира или войны находятся он и королева-императрица? Ей решать.

Фридрих не питал иллюзий и знал, как все будет развиваться. Его разведка раскрыла планы австрийцев и их намерения, поэтому не оставалось никаких сомнений. В тот же день, 2 августа, он назначил Шверина командовать 24-тысячной армией в Силезии и поручил ему организовать оборону, если австрийцы предпримут действия со стороны Богемии и Моравии. «Война неизбежна», — написал он Вильгельмине 9 августа. Был день рождения принца Пруссии, Августа Вильгельма, и Фридрих подарил ему картину работы Вувермана, принятую с большой благодарностью. Его семья, включая братьев-военных, Августа Вильгельма и Генриха, была встревожена. Они боготворили и до некоторой степени побаивались короля, но, хорошо информированные, понимали, с какими трудностями может столкнуться Пруссия. Генрих — всегда настроенный скептически и несколько завидовавший целеустремленности Фридриха — чувствовал себя особенно неуверенно; он думал, что на короля оказывает влияние Винтерфельд, идеи которого он не разделял. Подевилс также беспокоился. Не лучше ли подождать? Дела могут еще пойти хорошо, и противники рассорятся. Подевилс сохранял хорошие отношения с Валори, и старый маркиз, давний добрый друг, чувствовал себя несчастным. Озабочены были и британцы. Они все еще надеялись, что Россию можно удержать в своем лагере, и их волновал вопрос, сколько Фридрих может сделать для обороны Ганновера, если получит то, на что рассчитывает.

Король отвечал, что, как ему известно, враждебные государства согласились отложить военные действия. Они полны решимости напасть на Пруссию. Кауниц прекрасно понял его тактику — Фридрих намерен выставить Вену неправой стороной. Он пользовался достоверной информацией от людей, близких к австрийскому канцлеру. Полные достоинства дипломатические маски ничего не скрывали. Кауниц хотел показать всему миру Фридриха-агрессора, если он сделает первый шаг; прусский король был в курсе этого. И все же основная карта Фридриха, его единственная защита — нанести удар первым, положиться на собственную скорость и решительность, а также на выучку и дисциплину прусской армии.

Клингграффена в Вене мучили проволочками. Кауниц доложил Марии Терезии о его втором демарше, она потребовала представления в письменной форме; об этом Клингграффен доложил Фридриху. Король пришел в бешенство. Почему посол не заготовил пужную бумагу заранее? Из предварительных бесед с Кауницем уже было ясно, что она потребуется, а теперь время утрачено. «Вы спутали мне карты!» — написал Фридрих 13 августа, делая послу резкий выговор за некомпетентность. Клингграффен должен был немедленно представить королевеймператрице документ и проинформировать Фридриха об ответе не позднее 21 августа.

25 августа Фридрих получил ответ Марии Терезии на свое второе обращение. Он язвительно сообщил Клингграффену, что это ни в каком смысле нельзя назвать ответом. В нем не говорилось о главном — чего хочет Австрия, войны или мира. В послании отрицалось существование наступательного договора с Россией, но полностью отсутствовали указания на то, что Австрия не намерена атаковать Пруссию.

Фридрих поделился с Митчелом содержанием ответа и своими планами. Король приказал Клингграффену вновь потребовать аудиенции и повторить вопрос о гарантиях мира в том виде, в котором его уже ставили. Если такие гарантии будут даны, он вернет с марша все свои войска. Митчел, тонкий наблюдатель, был уверен в искренности этих заявлений. Пруссия изготавилась, писал он Холдернессу, хотя Фридриху ясно, что в конечном счете война ничего не даст, но в то же время он с болью понимает, что теперь уже ее не избежать. «И интересы, и образ мыслей заставляют его желать мира».

Несколько ранее Митчел виделся с королем в его кабинете. Фридрих указал на портрет Марии Терезии, который он постоянно держал там. «Эта леди хочет войны, — сказал он, — и она скоро ее получит». Он рассматривал свои действия как оборонительные и утверждал, что эта война была оборонительной. В такой ситуации только перешителный и пи на что не годный монарх остался бы в бездействии и позволил бы своим врагам самим определять ход и время событий. Кое-кто полагал, что, хотя стремление Фридриха к миру и было искренним, он никогда не упустил бы шанса прибрать к рукам Саксонию как территорию, слишком близкую к жизненно важным центрам Пруссии; более важную даже, чем Восточная Пруссия. Однако, каковы бы ни были приоритеты и планы Фридриха на случай непредвиденных обстоятельств в 1756 году, его главной целью стало укрепление оборонительных позиций в войне, которой он не хотел, но считал неизбежной. Его не удивило и не обеспокоило пришедшее неделей позже из Парижа известие о том, что, по мнению Руайя, условия его ультиматума Марии Терезии не оставили для нее возможности ответить так, чтобы сохранить достоинство. 24 августа Фридрих отдал общий приказ министрам из Генеральной дирекции об управлении королевством: «Руководствуйтесь моими инструкциями от 1748 года. Не планируйте никаких проектов экономического развития».

28 августа прусская армия вторглась в Саксонию. Она двигалась в сторону Богемии. Фридрих объяснял с некоторой театральностью, что это печальная необходимость, что его войска будут вести себя достойно и что его уважение к курфюрсту-королю и его семье так же глубоко, как и всегда. Началась Семилетняя война.

Часть IV

1756—1763

Глава 12

НА ВРАЖДЕБНУЮ ТЕРРИТОРИЮ

«Сегодня утром между 4 и 5 часами, — писал сэр Эндрю Митчел лорду Холдернессу 28 августа 1756 года, — я распрощался с королем Пруссии. Он отправился на смотр войск, сел на коня и после непродолжительных экзерциций встал во главе солдат...» На следующий день Фридрих повел свою армию через саксонскую границу. Кроме одного краткого визита в январе следующего года, он не появится в Берлине до конца марта 1763 года.

Фридрих находился в приподнятом настроении. *«Je vais rendre une petite visit a mon gros voisin»* — «еду с визитом к моему толстому соседу», курфюрсту Саксонии, — написал он Вильгельмину. Если здоровье было в порядке, то Фридриха всегда возбуждали физические нагрузки, связанные с походами, — его часто подводил желудок и мучили геморроидальные боли, но, когда пищеварение бывало в порядке, он с завидной стойкостью переносил все тяготы и неудобства. Ему частенько приходилось ставить клизмы и принимать порошки, но он твердо заявлял: «Нечего строить из себя неженюк» и оставался в седле дольше любого здорового человека. В ходе кампании против Австрии и Саксонии он разделил армию на три крыла общей численностью 58 000 человек. На правом фланге принц Фердинанд Брауншвейгский должен был наступать на Лейпциг. Герцогу Бевернскому на левом фланге предписывалось двигаться через Лусатию к восточному берегу Эльбы. В центре войска

под непосредственным командованием Фридриха шли через Торгау на Дрезден; точкой соединения Фридрих выбрал Пирну, к юго-востоку от Дрездена, на берегу Эльбы. Далеко на востоке Шверину с 25-тысячным войском было приказано удерживать Силезию.

Несмотря на уверенность, что русские планируют нападение на него, Фридрих был невысокого мнения об их инициативности. По его мнению, фельдмаршал Левальд с 20 000 человек в Восточной Пруссии сможет остановить или отпугнуть их. В тылу у Левальда, в Померании, находился резервный корпус из 8000 пехотинцев под командованием принца Гессен-Дармштадтского. Таким образом, для кампании против Австрии и Саксонии Фридрих выставил примерно 83 000 пехотинцев — при общей численности армии в 126 000; а в декабре — после проведенного сражения — он еще немного сократил свои войска, направив резервный корпус принца Гессен-Дармштадтского на зимние квартиры в Южной Саксонии.

Дрезден, крупный, хорошо укрепленный город, содержал пущий по численности гарнизон для обеспечения обороны. Через него протекала Эльба, главная линия коммуникации в любой кампании, в то время как на востоке над всеми подходами господствовали возвышенности, включенные в систему обороны. Дрезден был хорошо укреплен; но в сентябре 1756 года его никто не защищал: саксонцы отступили из своей столицы.

Какое-то время вооруженные столкновения не происходили. Фридрих старался как можно дольше сохранять вид дружественного монарха, который просто обеспечивает своим войскам благоприятные условия для ведения военных действий против непримиримого противника, Австрии. Август Саксонский, король Польши, на следующий день после перехода пруссаками границы, выразил надежду, что они продемонстрируют твердую дисциплину. Он, по его словам, был удивлен действиями короля Пруссии, которые он считал никак не соответствующими имеющимся между ними договорам, и хотел получить убедительные объяснения. Фридрих ответил, что всем известно его стремление к миру, однако враждебные намерения Марии Терезии вынудили его к действиям. Он сопровождал это заявление выпадом против главного саксонского министра, Брюля, «человека, чья злонамеренность мне очень даже хорошо известна». Переписка с Августом продолжалась в течение нескольких недель: Август заявлял, что к нему относятся как к

врагу и пруссаки должны оставить его владения, а Фридрих говорил, что это невозможно, поскольку его вынудили начать войну, а безопасность войск требует передвижений через территорию Саксонии и обеспечения снабжения на месте. Было предложено и отвергнуто много конкретных идей по таким вопросам, как свобода навигации на Эльбе. Август, который сначала вывел войска против Фридриха, старался быть покладистым в мелочах, но оставался тверд в основном требовании: пруссаки должны покинуть Саксонию.

9 сентября Фридрих вошел в Дрезден. Его непосредственной целью была Богемия и основная часть австрийской армии под командованием Максимилиана фон Брауна. Линии коммуникаций пруссаков с Богемией пролегли через Саксонию. Август запросил лично для себя безопасный проезд в Польшу, он ему был предоставлен безо всяких споров. Его протесты по поводу вторжения в королевские резиденции в Дрездене Фридрих походя отменял, он не забыл во время первой краткой остановки в Дрездене захватить саксонские государственные документы, о которых ранее узнал от своего агента Менцеля, и поделиться их содержанием с британским послом Митчелом, направившим затем копии в Лондон. Фридрих надеялся (напрасно), что содержащиеся в них прямые доказательства враждебных намерений Саксонии смогут усилить позицию его представителей в Париже при выполнении их задачи по оправданию прусской политики. Его поведение показывает, что в этом вопросе он выступал, как бы ни был уверен в злонамеренности Саксонии, оправдывающейся стороной, уделяя юридическому обоснованию своих действий особое внимание. Вопрос Силезии сравнительно прост — его позиций с точки зрения закона здесь были, по его убеждению, силыны. Вторжение в Саксонию, владения другого монарха — иное дело. Фридрих с удовлетворением узнал, что Митчел получил разрешение Георга II присоединиться к его свите. Все поступавшие теперь из Англии послания поощряли его действия.

Саксонская армия занимала позиции у Пирны, ставшей весьма хорошо укрепленным лагерем на гористой местности, по которой протекала Верхняя Эльба. Фридрих решил не трогать ее и продолжать марш к границе Богемии, двигаясь по западному берегу реки. Он предполагал — ошибочно, — что в Богемии будет много фуража. Фридрих не имел представления, где именно Браун сконцентрирует главные силы, но чув-

ствовал себя совершенно уверенно, заявив принцу Фердинанду, что его исходная задача в Богемии, возможно, будет выполнена примерно к 16 сентября. Его передовые части пересекли границу 13 сентября.

Шверин в Силезии расположился в районе Глаца, где, как он полагал, прикрывал Нижнюю Силезию и одновременно предупреждал действия австрийцев по переброске с востока подкреплений войскам Брауна в Центральной Богемии. У того явно не хватило бы сил, предпринимать австрийцы концентрированную атаку против него, однако Фридрих был уверен, что его собственные действия отвлекут противника от Шверина, и не ошибся.

Браун имел в своем распоряжении 34-тысячную армию. Он знал, что пруссаки будут действовать напористо и, вероятно, быстро, — Фридрих был этим знаменит. Ему следовало расположиться так, чтобы встретить неприятеля на выгодных позициях и, если повезет, предотвратить или задержать его дальнейшее продвижение, выиграть время. Он выбрал позиции к западу от Эльбы у городка Лобозиц. Для того чтобы пройти в Богемию по долине Эльбы, Фридрих непременно выбрал бы этот путь. Местность была пригодна для обороны, сильно пересеченная, она предоставляла немало укрытий. Браун надеялся вынудить пруссаков предпринять атаку, в которой, по его мнению, они не смогут одержать решительной победы, а тем временем послать саксонцам под Пирну мобильные подкрепления. Браун прикрывал позиции передовым охранением, в задачу которого входило остановить продвижение пруссаков, когда они появятся, и завлечь их на островки среди болотистой местности, лежавшей перед фронтом наступления противника с севера.

Австрийская армия со времени последней войны претерпела значительные преобразования. Теперь она была лучше обучена и более дисциплинирована, было усилено ее тыловое обеспечение и финансирование. Австрийской артиллерией, усовершенствованной и многое позаимствовавшей из опыта войны Фридриха, командовал принц Иосиф Венцель Лихтенштейнский, старый друг и наставник прусского короля. В распоряжении Брауна была огромная сила, а Фридрих не знал, где он находится.

24 сентября король Пруссии предположил, что противник расположен у Колина, в многих милях к востоку от Праги. К 28 сентября, однако, разъезды Фридриха примерно определили его расположение возле Лобозица. Король собрал армию у

Аусига, всего в десяти милях вниз по течению от Лобозица. У него было 60 эскадронов кавалерии и 28 батальонов пехоты. Аусиг, писал Фридрих, это место, не предназначенное для развертывания армии, и он намерен гокинуть его, найти врага и разбить.

Фридрих был уверен в себе — даже, возможно, слишком. 19 сентября он заверил принца Фердинанда, что бояться нечего. Его главной заботой являлось тыловое обеспечение. Он далеко углубился во вражескую территорию, а условия навигации по Эльбе, которая в любом случае предоставляла ограниченные возможности, были не до конца ясны. Его продвижение шло медленнее, чем он предполагал. Предпринимать рискованные операции в глубине Богемии, пока не обеспечены линии коммуникаций, опасно, и он не станет этого делать. Но успешный маневр, нацеленный на захват Лобозица, мог облегчить задачу поставки фуража с возвышенностей на равнину между горами и рекой. Фридрих сразу же отдал приказ разместить батарею, вероятно, около 10 орудий, на горе Гомолкаберг, прекрасном наблюдательном пункте, и поехал туда сам. Ясно было одно — любая атака на левый фланг Брауна будет осложнена речкой Мореллен-Бах, пересекавшей южную половину фронта, точно так же атака на правый фланг австрийцев окажется под огнем с горы Лобош.

Браун хорошо выбрал позицию. Он мог внести сумятицу в прусское наступление и заставить Фридриха нести потери еще до того, как столкнутся основные силы, если столкновение произойдет. Фридрих, не зная наверняка, чего добивается противник, видимо, действовал излишне самоуверенно. Он направил 8 эскадронов кавалерии и ещё несколько вслед за ними для разведки боем центра и левого фланга австрийцев. Этот маневр был сорван: австрийская кавалерия, своевременно выдвигнутая вперед, отразила атаку, при отступлении пруссаки оказались накрытыми прямым огнем артиллерии со скрытых позиций. Затем вторая волна прусской кавалерии — более 40 эскадронов — без приказа пошла в атаку между Лобозицем и Сулловицем. Она также не принесла успеха. Местность, на которой кавалерия Фридриха разворачивала наступление, была слишком пересеченной и труднопроходимой. Люди и кони начали вязнуть на болотистых берегах речки Мореллен-Бах, и австрийская контратака обратила пруссаков в бегство. Тем временем прицельный огонь австрийской артиллерии и пехоты

наносил тяжелый урон, и Фридрих понял, возможно, поздно, что изгнание противника с вершины Лобоша является предварительным условием любого успеха.

Фридрих так и поступил, но это был трудный бой. В его собственном отчете о сражении, составленном сразу после него, Фридрих описал действия своей кавалерии как успешные, несмотря на артиллерийский и ружейный огонь с флангов. На самом деле он поставил ее — или позволил ей оказаться — в неблагоприятную ситуацию, когда скрытый противник искусно использовал позиции для организации продольного огня. Захват горы Лобош в некоторой степени явился повторением атаки на Гранеркопфе под Соором — безрассудного, дорого обошедшегося броска под руководством герцога Бевернского*. Австрийцы попытались расстроить наступление патиском на левый фланг Фридриха, и это вынудило его направить два последних батальона на левый фланг и сместить влево основные силы, развернув их также палево, и укрепить ослабленный центр остатками тяжелой кавалерии. В конце концов прусская пехота одержала верх и пробилась к самому Лобозицу, сбив противника с горы Лобош. Войска к этому времени израсходовали все патроны и брали австрийцев в штыки.

Бой длился семь часов. Браун приказал отступить за Эльбу и Эгер, прикрываясь кавалерийским арьергардом и сжигая за собой все мосты. Его основные силы, расположенные за Мореллен-Бах, в бой не вступали. Лобозиц был нелепым эпизодом в военной карьере Фридриха — дорого давшейся битвой, которая в связи с отсутствием попыток преследовать неприятеля оказалась совершенно бессмысленной с точки зрения вторжения в Богемию. Основные силы австрийской армии оставались по-прежнему в целостности и сохранности, их передвижение — беспрепятственным, хотя сражение продемонстрировало, что могут сделать прусская дисциплина и решительность, когда дело доходит до драки. Фридрих писал Кейту 14 октября: он полностью уверен, что сможет продержаться в Богемии, создав численное преимущество. Казалось, что эта уверенность основывается скорее на оптимизме, чем на фактах или логических расчетах, однако Фридрих планировал значительное увеличение численности армии в течение зимы, когда она будет

* Кузен королевы — супруги Фридриха — их отцы, сыновья Фердинанда Альберта Брауншвейг-Беве́рского, были братьями. — *Примеч. авт.*

находиться на зимних квартирах. В январе он бодро сообщает Вильгельмину — пользуясь абсолютной секретностью, — что к середине февраля увеличит численность своих войск до 210 000 штыков, и именно поэтому он вел себя так тихо.

Фридрих мог претендовать на победу над саксонцами. Войска, которые Браун направил им на помощь к Пирне, были перехвачены кавалерийскими частями Фридриха, и теперь пруссаки сконцентрировали все необходимые силы против саксонской армии. Она капитулировала на почетных условиях в тот же день, 14 октября, когда Фридрих доверительно писал Кейту, хотя у нее в Пирне имелись запасы продовольствия на несколько недель. Заслуги за первую фазу кампании и ее относительный успех Фридрих, как всегда, приписал своей армии. Король в очередной раз порадовался тому, как она показала себя. «Ты их знаешь, — писал он Морицу Ангальт-Дессаускому, — после того, через что они прошли, все на свете им по плечу!» В отчете о сражении при Лобозице Фридрих говорит, что никогда еще не был свидетелем такой храбрости — это касается и пехоты, и кавалерии — всех, кем «ему досталась честь командовать». О потерях, которые они понесли, он, по его словам, не мог упоминать без слез. Все это наверняка искренне — потери глубоко взволновали Фридриха. Вместе с тем его отчет оставляет впечатление, словно король был несколько потрясен свирепостью сражения, как будто в этом присутствовал элемент неожиданности. Возможно, он не готов был к встрече с противником, подготовленным лучше, чем ожидал.

Сам Фридрих оставил поле боя еще до того, как была окончательно разрешена проблема Лобоша. Он поскакал к Пирне, остановившись, однако, в деревне Билинка, расположенной всего в нескольких милях к западу от лобошских позиций у подножия горы. Покинуть поле боя до того, как достигнут окончательный тактический успех, — странное поведение, но король был уверен в герцоге Брауншвейг-Бевернском, наблюдавшем за финальной стадией победоносной атаки на Лобош, а Фридриха беспокоила возможность усиления саксонцев и сосредоточение австрийцев на дальнем фланге пруссаков. Его критиковали за то, что он не воспользовался этой победой. Полагали, он мог двинуться маршем на Прагу и Вену — Прага находилась всего в сорока пяти милях к югу, — оставив Саксонию в покое; вместо этого он затупил свою шпагу в ненужном сражении, за которым ничего не последовало. Такое мнение не

учитывает общестратегическую ситуацию и уязвимость Фридриха, пока он смог лучше обеспечить себя с точки зрения тыловой защиты. Король был озабочен подвозом припасов и фуража. Кроме того, он всегда ясно давал понять, что считает зимние кампании, кроме случаев, когда без них абсолютно нельзя обойтись, нежелательным делом, дорогим и утомительным для армии.

Фридрих занялся упрочением победы над Саксонией. По условиям капитуляции был четко прописан вопрос о саксонских офицерах; их суверен, курфюрст, король Польши, сдался в плен и уехал в Польшу с семьей со всеми королевскими почестями — он отправился в Варшаву 18 октября. Условия касались дальнейшей службы офицеров и войск под их командой, что привело к обмену довольно язвительными посланиями между Фридрихом и генерал-майором фон Споркеном, ответственным в Варшаве за их выполнение со стороны Саксонии, — переписка была грубо прервана Фридрихом в декабре. «В этом вопросе я умываю руки! Это последний ответ, который Вы получили от меня!». Его также возмутили слухи, распространяемые Брюлем: якобы Август, несмотря на гарантии со стороны Фридриха, вовсе не находился в безопасности, — неслучайное обвинение, поскольку тот всецело был в милости короля Пруссии.

Саксонские солдаты после капитуляции должны были войти в состав прусской армии. Фридрих неосмотрительно сформировал из них 10 новых полков, договорился об ассигновании финансовых средств для покрытия соответствующих расходов и назначил командовать в них прусских офицеров, подготовленных не лучшим образом. Он недооценил патриотических чувств саксонских военных. Это создавало почву для вероятного роста дезертирства, что и не преминуло случиться. В начале 1757 года два взбунтовавшихся полка пришлось расформировать. Фридрих провел расследование и обратился за пополнением к ландграфу Гессен-Касселя. В Саксонии он ввел жесткую систему реквизиций, при помощи которой обеспечил покрытие более одной трети расходов на кампанию.

Фридрих запрещал разбои и грабежи. Он писал в резких выражениях командующему в Лусатии, генералу фон Норману, что ему стало известно о фактах грабежей, за немедленное пресечение которых Норман будет отвечать непосредственно перед королем. Супруга Брюля, которого он не выносил, написала ему лично, что гусары, состоящие на прусской службе,

утащили у нее некоторые предметы мебели. Фридрих немедленно ответил, что разберется в этих фактах и никогда не допустит, чтобы имущество кто-то незаконно присваивал или плохо обращался с ним. Переписка с семьей Брюля продолжалась еще некоторое время; в целом ее содержание было неприятным. Ведь выгоды от оккупации Саксонии могли быть получены и без вопиющих беззаконий. Любимый поставщик картин Фридриха, Готчковский, заполучил патенты на фабрике фарфора в Мейсене и наладил производство в Берлине — предприятие в конце концов оказалось неудачным, и король его перекупил.

Фридрих надеялся, что с дипломатической точки зрения будет полезна официальная публикация выдержек из документов, захваченных в Дрездене, показывающих вероломство и агрессивные намерения Саксонии. Фридрих, отослав в Берлин целый сундук бумаг, приказал Подевильсу и Финкенштейну* составить и опубликовать материал. Впоследствии он был крайне возмущен их работой, выговаривал за отсутствие всякого воображения. Вместо тщательно выверенного пропагандистского удара, действенного разоблачения бестактного поведения Саксонии, полностью оправдывающего вторжение Фридриха, они просто прислали на одобрение Фридриху выдержки из документов, которые, взятые сами по себе, совершенно не подходили для того, чтобы должным образом осветить проблему. Его министры подчеркнули вполне предвидимые трудности: для вскрытия злонамеренных фактов в саксонские бумаги желательно ввести дополнительную информацию, которой они располагают, но она получена из перехваченных дипломатических депеш. Приемлемо ли это? Министры поставили короля перед дилеммой.

Фридрих ответил резко. Он заявил, что ему нужна не простая подборка выдержек из документов, которую они представили, нужен убедительный полемический материал. Министры задерживают дело и впустую тратят время. Их инициативность должна была подсказать им, что следует сделать без обращения к вышестоящей инстанции, — «больше работайте и меньше советуйтесь! Действуйте и не ждите приказа! Adieu. Frédéric». Его настроение и нетерпеливость понятны. Стало-вось все менее вероятно, что спланированный им смелый ход — упреждающая война, нацеленная на то, чтобы воспре-

* Граф фон Финкенштейн был «альтер эго» Подевильса и его преемником. — *Примеч. авт.*

пятствовать образованию коалиции противников, приведет к желаемому результату.

Особенно внимательно Фридрих следил за Парижем и реакцией французов. В сентябре он в письме Книппхаузену не без самодовольства заявил, что французские министры, как и предполагалось, сначала неистово реагировали на вторжение в Саксонию, но в скором времени, вероятно, будет превалировать более сдержанный тон. Этого не случилось. 21 октября Книппхаузен был вызван к Руаю. Ему предписывалось покинуть Париж. Отношения между Францией и Пруссией прерывались. Валори отозвали из Берлина, он уехал в начале ноября после взаимного изъявления чувств, причем Фридрих, по его словам, писал просто старому другу, а не послу Франции. Будет ли этот разрыв иметь военные последствия, которые являлись постоянной угрозой и которые Фридрих надеялся предотвратить своим безрассудством, этот вопрос оставался пока без ответа.

По крайней мере открытая враждебность Франции подогреет дружественное отношение к Пруссии со стороны Британии, и Фридрих верил, что его операции будут восприняты в Лондоне как полезные по своей сути. Когда ему удавалось получать из своих источников во Франции сведения о намерениях французов в Индии, он, естественно, передавал их Митчелу — они, быть может, уже не составляли секрета для англичан, но создавали определенную репутацию Фридриху уже самим фактом передачи, так же как и сообщения о намерениях Франции в отношении Ганновера.

Противники Фридриха неспешно консолидировались, но политика России оставалась неясной. Информацию о ней он получал главным образом благодаря хорошо отлаженным связям между британским послом в Санкт-Петербурге, чуждым Фридриху по духу Ханбери-Уильямсом, и в высшей степени близким прусскому королю Эндрю Митчелом в Берлине. Через этот канал Фридрих узнал, что единственной причиной, почему русские до сих пор не выступили против него, была серьезная нехватка рекрутов. По мнению Ханбери-Уильямса, они не предпримут никаких действий до июня 1757 года. Русские, однако, *еще в январе 1756 года* обязались перед австрийцами выступить против Пруссии как только смогут.

Вследствие этого Фридрих был склонен к скептицизму. «Зима их успокоит!» — писал он, а Ханбери-Уильямс дал понять своим властям: канцлера Бестужева можно подкупить. Но

денеши из Санкт-Петербурга ясно свидетельствовали: у короля Пруссии там больше врагов, чем друзей. Фридрих надеялся, что британская дипломатия — и деньги — помогут ему с этой стороны. Ханбери-Уильямс, несмотря на личную неприязнь к Фридриху, теперь выполнял роль друга и в конце концов был награжден хорошо выполненным портретом короля, доставленным в Англию, к сожалению, уже после того, как посол умер. До Фридриха также доходили слухи о том, что у императрицы пошатнулось здоровье. Он сказал вдовствующей принцессе Ангальт-Цербстской, что надеется на возможное в будущем полезное влияние ее дочери.

В военном отношении Фридрих не был столь самодоволен. Он достаточно увидел под Лобозицем и понял, что австрийцы располагают грозной силой. Они искусно использовали рельеф и демонстрировали, когда было нужно, непоколебимую стойкость, их артиллерия наносила пруссакам громадный урон. Австрийцы по-прежнему оставались в поле, потревоженные, но не понесшие практически никакого ущерба, хотя Фридрих был уверен, что Браун ничего не попытается предпринять до весны. Снабжение прусской армии оставалось под вопросом, так как Северная Богемия могла предложить неоправданно мало — местность *totalement mangée**, писал он Вильгельмине 24 октября. Он решил зимовать в Саксонии. «Больше никаких сражений в этом году!» — сообщил он ей несколько дней спустя. У Фридриха уже появились некоторые сомнения относительно мощи его армии в предвидении тех задач, которые ей придется выполнять. Подготовка его солдат великолепна, но достаточно ли их численность? «Все, что мы сделали в этом году, является лишь прелюдией к следующему», — сообщил он Альгаротти. Фридрих верил, что грядущий, 1757 год будет решающим. А сестре Ульрике, королеве Швеции, он написал 4 января того года: его положение можно сравнить с положением Карла XII, когда он вступил на престол Швеции и обнаружил, что три великие державы выпашивают планы его уничтожения. «Именно это заставило меня пойти на эту войну, но мы еще ничего не достигли. В следующем году будет решена судьба Германии и моя собственная».

Вторжение Фридриха в Саксонию критиковали за неспособность добиться решающей победы, предоставление передыш-

* совершенно истощена (фр.).

ки врагам и возможность для Франции перейти в лагерь врагов Пруссии. Тем не менее он вывел Саксонию из войны; враждебность Франции теперь, к сожалению, была обеспечена Вестминстерской конвенцией, хотя Фридрих какое-то время полагал, что французы, увидя его в зените военной славы, передумают.

Фридрих управлял Пруссией и вел переговоры из Дрездена или находящегося неподалеку Локвица вплоть до 20 апреля. Между 20 ноября и 10 декабря 1756 года он написал несколько работ, которые служили ему для пояснений своих мыслей и посвящения в них министров. Они также задумывались для информирования британцев — Митчел получал копии. Фридрих свободно размышлял о том, что Британия могла бы сделать во имя, как он теперь считал, общего дела; он часто отвечал на послания из Лондона с благодарностью за щедрые оценки его трудов, но и с выражениями надежды, что за словами вскоре последуют и действия. Во время аудиенции, устроенной для Митчела 9 декабря, он прямо спросил, когда Лондон начнет шевелиться.

Тревоги Фридриха в отношении позиции Британии ясны. В Англии с пониманием отнеслись к его упреждающему удару, но Британия была старым другом Австрии, несмотря на новые отношения с Францией. И Фридрих без особого удивления узнал в феврале 1757 года: австрийцы пытаются доказать властям Ганновера — а значит, и их суверену, — что французов можно было бы под давлением Австрии убедить не нападать на британские владения в Германии. Он знал: некоторые ганноверские министры надеются найти взаимопонимание с Австрией, настолько им претила мысль о сотрудничестве с Пруссией. Это поставило бы Ганновер при помощи Австрии в положение, названное Фридрихом фальшивым нейтралитетом, обеспечило бы ему безопасность. Это и в самом деле был непостоящий нейтралитет — Мария Терезия предлагала обратиться к Британии — Ганноверу с просьбой о предоставлении беспрепятственного прохода 25-тысячной австро-французской армии через территорию Ганновера для нападения на Пруссию. Британия отказала, хотя, как доложили Фридриху, ганноверцы не были столь однозначны в своих симпатиях. Он в достаточной мере принимал в расчет исторически сложившееся недоверие между Ганновером и Пруссией, учитывал двой-

ственное положение Георга II как курфюрста и короля, в котором многие усматривали неопределенность баланса интересов королевства и курфюршества.

Фридрих изложил возможные намерения французов в памятке с комментариями 20 ноября 1756 года. В Германии, писал он, всего по-прежнему нужно добиваться. Заполучив остров Минорка, французы наверняка усилят свои войска в Мадрасе и Канаде, но их цель — заставить британцев обороняться в районе Ла-Манша, и они направят армию в 50, возможно, 60 тысяч на рейнские владения Фридриха, продвигаясь через Везель на Вестфалию и Ганновер. Они начнут военные действия в марте или апреле. Везель продержится не больше 10 дней. Однако можно будет собрать в Вестфалии антиавстрийскую армию германских государств для борьбы с французами — 5000 из Брауншвейга, 3000—4000 из Готы, 35 000 ганноверцев и гессенцев. Несмотря на занятость в Южной Германии и Силезии, он сможет послать 8000—10 000 пруссаков. Этого должно хватить; хорошо бы подключить к союзу Данию и Голландию; последняя могла бы продолжить, как он это называл, блокирование портов, чтобы помешать французам проводить военные действия: Остенде, Брюгге, Антверпен, Малин. Союзная армия первоначально сконцентрируется в районе Гамельна на Везере. Базы для операций на западном направлении следует подготовить там и в Дортмунде. Не стоит планировать крупных операций, в Вестфалии по линии реки Липпе нужно предусмотреть главным образом оборонительную кампанию. Возможно, Британия могла бы организовать несколько отвлекающих мероприятий, например десанты на побережье Нормандии или Бретани. Не сможет ли Британия в качестве компенсации за потерю Минорки в Средиземном море захватить там что-либо другое? Корсику? В течение всего этого времени следует каким-то образом удерживать в бездействии Россию, это является предварительным условием активного участия Пруссии. Делясь этими мыслями, которые в большинстве случаев можно по праву считать имеющими оборонительную направленность, король Пруссии, конечно же, демонстрировал Лондону, что он не замыкается только на интересах Пруссии; наоборот, мыслит широкими геостратегическими категориями. Фридрих намекал и о британском участии в разрешении германских проблем, отчасти из-за Ганновера, но в основном в интересах противодействия Франции. Совершенно ясно, писал он, пока

Франция готовит или предпринимает конкретные действия, Австрия будет стремиться к объединению максимального числа германских монархов *против* Пруссии. Мария Терезия соберет в Богемии 130-тысячную армию и потребует помощи от Франции — возможно, корпус численностью не более 24 000 человек, — чтобы изгнать пруссаков из Саксонии и утратить любые германские государства, дружественные Британии. Такими построениями Фридрих неизменно стремился подравнять британские интересы со своими. Австрийский план действий будет заключаться в том, чтобы напасть одной армией на Лусатию из Богемии и на Нижнюю Силезию — другой, направив хорватскую и саксонскую кавалерию в рейд на Верхнюю Силезию.

Местом для обсуждения действий германских государств являлся имперский конгресс. Он должен был состояться в Ратисбоне в начале 1757 года, и Фридриху предстояло максимально эффективно использовать свое влияние. «Я буду поддерживать их свободу вопреки им самим, — написал он Вильгельмину. — И пусть навсегда запомнят, что, пока жив хоть один пруссак, Германию есть кому защищать! Дай Бог, чтобы гордыня и деспотичный дух Вены оказались унижены!» Фридрих сражался за то, что считал добрым старым делом. Ганновер, надо полагать, теперь твердо, хотя и неохотно, был на его стороне; Брауншвейг тоже. Некоторые государства, например Бавария, принадлежали к лагерю противников. Саксония была оккупированной территорией. Некоторые князья-выборщики на конгрессе колебались. Фридрих написал гневное письмо зятю, Ансбаху, 17 января, когда узнал, что тот поддался на австрийские увещевания или запугивания и изменил инструкции своему представителю на конгрессе. Это письмо не было похоже на большинство других его писем, содержащих вежливые обращения даже к заклятым врагам. Оно заканчивалось бескомпромиссно: «Пусть никто не скажет, что ты оскорбил меня безнаказанно, и, если Бог даст мне остаться в живых, ты об этом пожалеешь — и скоро!» Фридрих был в ярости, узнав в ноябре, что герцог Вюртембергский, зять Вильгельмины, поддерживает контакты с австрийцами, надеявшимися на участие герцога в антипрусской коалиции. Он и впрямь вскоре оказался в австрийской армии, выступавшей против Пруссии.

Чаша весов в дипломатической баталии склонялась то в одну сторону, то в другую, но в основном не в пользу Фридриха. В январе конгресс одобрил планы создания германской ар-

мии «*Reichsarmee*» в 100 000 штыков для противодействия притязаниям короля Пруссии. Это было победой Вены, объявлением Пруссии войны, однако такой поворот событий несколько не тронул Фридриха. «Я смеюсь над конгрессом и его решением, — сообщил он Вильгельмине в феврале. — Я не боюсь этих грандиозных прожектов моих врагов. Люди увидят уже весной, что Пруссия, ее мощь и прежде всего дисциплина достойно встретят австрийскую численность, французскую горячность, русскую ярость и массы венгров — всех, кто встанет против нас». Шверину в Силезию король, однако, написал, что грядущая кампания будет «*très rude*»*. Ничто не могло заставить его отчаяться. Необходимы «*vivacité, prudence, intrépidité à toute épreuve*»**. Фридрих демонстрировал высокий дух. Его противники встретились со многими трудностями при сборе и снаряжении объединенных войск из небольших германских государств — Баварии, Вюртемберга, Гессен-Дармштадта, владений архиепископов, являвшихся выборщиками императора: Кёлы, Трир, Вюрцбург и Майнц, а также Палатинат. Некоторые небольшие территории — Брауншвейг, Гессен-Кассель, Шаумбург-Липпе и, конечно, Ганновер — находились на стороне Фридриха; и было, несомненно, трудно воодушевить *Reichsarmee*. «Против кого?» — спрашивали люди. А ведь для многих, помимо самих пруссаков, король Пруссии теперь был германским героем.

Число и потенциальные возможности врагов, однако, приводили в уныние, хотя Фридрих сомневался, что угрозы материализуются скоро. Могли быть задержки с выступлением французов. 5 января 1757 года некий сумасшедший злодей, Робер Дамьен***, совершил покушение на жизнь Людовика XV (ему была нанесена легкая рана). Фридрих выразил своему противнику и соседнему суверену уважительное сочувствие, ведь происшествие повлияет на ход операции французов в Нидер-

* очень непростой (фр.).

** неизменные подвижность, предусмотрительность и отвага (фр.).

*** Дамьен был вскоре после пыток подвергнут ужасной казни на Гревской площади в Париже в присутствии громадной и оживленной толпы. Перед казнью из его тела вырывали куски мяса огромными, раскаленными докрасна щипцами, причем в раны заливалось расплавленное олово. Затем несчастный был разорван лошадьми. Наказания за попытки покушения на королевскую персону, понятно, были очень жестокими. По кодексу Фридриха, достаточно суровому, подобной дикости не предусматривалось. — *Примеч. авт.*

ландах и Рейнской земле. Между тем он знал, что Франция надеется на присоединение к антипрусской коалиции Швеции, угрожая Шведской Померании, но Фридрих рассчитывал, что для предотвращения этого Британия сможет направить в Балтийское море эскадру королевского флота. Эта идея часто муссировалась, но так и не осуществилась, несмотря на настойчивость Митчела. Он предполагал, что в Германии, когда французы выступят, чтобы непосредственно поддержать Марию Терезию, они соединятся в районе Нюрнберга с отведенными из Нидерландов австрийцами.

Все это были догадки. Планы и намерения России были угрожающими, но туманными. Фридрих получил из Санкт-Петербурга информацию, что там рассматривают его отход в Саксонию после сражения у Лобозица как свидетельство ослабления прусской армии и считают, что вскоре — не ранее июня — наступит время посылать Марии Терезии давно обещанную помощь: вероятно, 80 000 русских солдат и более чем 30 000 регулярной конницы и казаков. Подписанная в Санкт-Петербурге конвенция обязывала Россию предоставить эти войска в качестве условия сделки с Австрией и сражаться до поражения Фридриха. В каждом договоре, который подписывали его противники, Силезия упоминалась как колючка в теле международного сообщества. Фридрих воспринимал это спокойно. «Я исполнил свою роль, а вы должны сыграть вашу», — сказал он Митчелу, передавшему эту информацию на Рождество 1756 года, и написал живое письмо в ответ на веселое поздравление от дяди, Георга II. Он знал: императрица отдала приказ фельдмаршалу графу Анраксину подготовиться к действиям против Пруссии, чего тот крайне не желал. Русская армия еще не готова выступить в поход, в ней мало знающих офицеров, она не в полной мере укомплектована, не хватает кавалерии. Экспедиция в Литву против Мемеля или в Силезию была бы для нее опасной. Не только Анраксин, но и молодые члены императорской семьи — великий князь Петр и его супруга, Екатерина, — были дружески расположены к Пруссии.

Фридрих не сбрасывал со счетов Россию. В конце января 1757 года ему стало известно, что Елизавета приказала Анраксину быть готовым выступить, в каком бы состоянии ни находились армия и дороги, и в любую погоду! Информацию сообщила правящая голландская принцесса, и он был благодарен ей. Это сильно контрастировало с его общим положением — король был окружен

«*femmes furieuses*»* — Елизавета, Мария Терезия, Помпадур. Фридрих ожидал марша русских войск на Литву, а оттуда на Варшаву; для России настало время отработать французские и австрийские субсидии, о которых он прекрасно знал. Число его противников и в самом деле было велико, а их намерения опасны; похоже, его наступательные операции не убедили их. Он разослал инструкции о том, что нужно делать в случае его смерти — все должно идти по плану — или пленения, — тогда не следует обращать внимания на приказы, которые могут исходить от него, и абсолютно никакого значения не надо придавать его личной безопасности.

Февраль 1757 года все же принес Фридриху хорошие известия. 18 февраля Уильям Питт, будущий граф Чэтэм, выступил в британской палате общин — это была сильная речь, призывающая Британию к поддержке короля Пруссии, который подвергается угрозам извне; 20 февраля Фридриху сообщили о твердом и окончательном решении Британии быть вместе с ним в войне против Австрии и Франции. Он понимал, что холодность в отношении сотрудничества со стороны некоторых ганноверских министров проистекала и из того факта, что они владели землями в Саксонии и соответственно были особенно чувствительны к проводимой там Фридрихом политике. Теперь появилась надежда на торжество более благоприятных настроений, хотя он понимал, что французы будут стараться увеличить противоречие между интересами короля Англии и его интересами как курфюрста Ганновера. Сам Фридрих с недоверием относился к ганноверцам, и следует сказать, что они отвечали ему тем же. Однако представителем в Ганновере у него был надежный человек.

Питт какое-то время был в Лондоне не у дел, но с декабря 1756 года занимал пост государственного секретаря и был лидером в палате представителей во время премьерства герцога Девонширского. Он вновь на два месяца лишился поста, с апреля по июнь 1757 года, его страстная решимость вести войну с Францией до победного конца имела мощную поддержку большинства в стране. Вернувшись во власть в июне, Питт встал во главе военного министерства и оставался на этой должности до 1761 года. И хотя он отличался скептическим отношением к интересам Ганновера и тем самым некоторым образом бросал вызов Георгу II, с точки зрения Фридриха, лучшего не нужно было и желать. Непримируемая враждебность Питта к Фран-

* неистовыми дамами (*фр.*).

ции была не особенно по душе Фридриху, но он видел у него решительность и гибкость ума; а это ему нравилось. После февральской речи Питта Фридрих направил послание с выражением признательности великому парламентарии. Приход Питта во власть принес Пруссии субсидии на сумму 700 000 фунтов. Это означало, что у нее есть друг и союзник, готовый действовать в Северной и Западной Германии, надежная поддержка с одним, однако, изъяном, о котором Фридрих, к своему счастью, еще не подозревал. «Англии потребовалось много времени и трудов, чтобы породить *человека*, но в конце концов она сделала это!» — некоторое время спустя Фридрих говорил Митчелу.

В письме с выражением признательности Георгу II Фридрих — он никогда не стеснялся выдвигать предложения по руководству другими армиями — настаивал на том, что следует обратить внимание на назначение командующим британской континентальной армией герцога Камберленда; рекомендация была принята к сведению, о чем, однако, у него будет повод сожалеть. В ближайшей перспективе тем не менее все выглядело обнадеживающе. Относительно расквартирования ганноверцев и гессенцев, служащих Британии в Вестфалии, Фридрих заявил, что будет счастлив сделать это безвозмездно и предложил Минден, Билефельд, Герфорд и небольшие населенные пункты вроде Петерсгагена. В марте в письме к Митчелу Фридрих сообщил: ганноверские министры, находящиеся в контакте с прусскими, прохладно относятся к интересам Британии — возможно, как и прежде, стремятся к фальшивому нейтралитету, идея которого муссировалась раньше. Это беспокоило его и, как он думал, должно было беспокоить и Лондон. Король осторожно выражал Митчелу недовольство тем, что британцы незаинтересованно относятся к делам в Европе. В феврале, однако, британский парламент поддержал посылку наблюдательной армии для защиты, если это потребуется, Ганновера; герцога Камберленда назначили командующим, и 10 апреля он отплыл в Германию. Инструкции от отца он получил через ганноверского агента, а не от британских министров.

В середине марта Фридрих направил Шверину генеральный обзор военной ситуации. Французы, теперь он считал так, переправят через Рейн 80 000 человек — больше его предварительной оценки в связи с тем, что к ним присоединятся австрийские войска из Нидерландов. 50 000 будут заняты осадой

Везеля, а 30 000 двинутся на восток в направлении Магдебурга. В Богемии Браун с основными силами австрийской армии не двинется с места, пока не сочтет, что Фридрих идет на французов. Он полагает, что в этот момент сможет сконцентрировать против пруссаков превосходящие силы. Браун, вероятно, рассматривает Фридриха в качестве дилетанта; монарха, который с удовольствием играет в солдатики. Его план состоит в том, чтобы держать австрийскую армию наготове для вторжения в Саксонию в пужное время, а небольшие силы будут направлены из Моравии для разорения Силезии. Если эти действия скоординировать с французским наступлением, то все обернется против Пруссии.

Для противодействия Брауну Фридрих разработал альтернативные «проекты» с конкретными вариантами развертывания противника и предложением контрмер. Он направил документы для замечаний Винтерфельду, чье мнение очень ценил, и Шверину в Нейссе. Браун мог стать в оборону и ожидать присоединения французов к его войскам; выйти навстречу французам; попытаться сам начать наступление на Саксонию. На все эти случаи Фридрих предлагал соответствующие контрмеры, ставил войскам конкретные задачи, назначал маршруты движения и так далее. Это был тщательно проработанный документ, основанный главным образом на предположениях. Он знал, что штаб-квартира Брауна расположена в Праге, а подчиненного ему принца Оттавио Пикколомини — в Колине, расположенном в тридцати милях к востоку от Праги на стратегической дороге, Кайзерштрассе. Фридрих думал, что австрийцы располагаются широким фронтом между Пльзеном, к западу от Молдау, и Кёниггрецем на Верхней Эльбе. В некоторых случаях, например, если Браун приступит к операциям в северном направлении в Циттау, в Лусатии, Фридрих был готов отойти к Бауцену.

24 марта Шверин из Нейссе прислал Фридриху вдумчивые комментарии по поводу его планов. Он видел риски, возникшие в каждом варианте контрмер Фридриха, и тот, в принципе соглашаясь с ним, поблагодарил его в письме — *«vous etes un vieux routier!»** Их переписка была очень важна для выработки Фридрихом идей, отличавшихся от планов, которые он разработал ранее.

* вы опытный специалист маневра (фр.).

Король решил не использовать ни один из своих «прожектов» в качестве ответа на действия Брауна. Вместо этого он предпримет наступление, и австрийскому командующему придется плясать под его дудку. Несмотря на огромный перевес сил противника на севере, западе, востоке и юге, пруссаки будут наступать. Они разгромят австрийцев еще до того, как вторгнутся французы или развернут наступление русские.

Фридрих теперь предлагал войти в Богемию, сделать это на широком фронте и очень скоро.

На правом фланге принц Мориц Ангальт-Дессауский с 20 000 штыков наступает из Западной Саксонии в направлении долины Эгера, создавая максимально большой переполюх. В центре — герцог Бевернский, войска которого Фридрих планировал усилить примерно до 16 000 человек, действует к югу от Рейхенберга и в направлении долины Изера: эти операции, масштабы которых будут изначально ограниченными из-за стоящих перед ними значительных сил австрийцев — возможно, до 30 000 человек, — поддерживаются маневрами Шверина. Он с 34 000 прусских войск движется из Силезии на запад, в сторону герцога Бевернского. Австрийцы, зная о наличии такой угрозы, постараются избежать клещей, которые должны сомкнуться где-то в долине Эльбы. Они побегут, и последующие операции будут зависеть от того, на какой линии остановится отступление. Фридрих в центре, по правее Беверна, пойдет маршем с 40 000 солдат вверх по левому, западному берегу Эльбы уже знакомым путем через Лобозиц. Неподалеку от этого места он соединится с Морицем, переправится через Эгер и устремится на Прагу. Его беспокоило положение со снабжением фуражом; объединенные силы будут насчитывать огромное количество людей и лошадей, а Богемия *до крайности истощена*.

Это был большой план, настоящая операция, и Фридрих прилагал значительные усилия для сохранения его втайне — *«notre affaire secreete»**, как он называл его в письмах к Шверину. В детали посвящалось минимальное число людей. Если дела пойдут, как запланировано, он ошеломит противника, но значительная часть его войск может оказаться в западной в районе Эгера, в месте его слияния с Эльбой; и его стратегическая идея, способная на первом этапе обеспечить важную победу над ав-

* наше секретное дело (фр.).

стрийцами, должна на втором этапе привести к их быстрому отходу в район Праги. На первом этапе выполнение оперативного плана, сопряженного со скоординированным перемещением разбросанных по широкому фронту войск, в значительной мере зависело от того, где расположены склады и хранилища припасов противника. Они были очень важны для его кампании, особенно те из них, которые находятся в районах Юнг-Бунцлау-на-Изере, Будина, Лейтмерица и Кёниггреца.

В письмах Фридриха чувствуется сильное волнение. В основе его амбициозного плана лежало решение о переходе в наступление, об игнорировании на какое-то время серьезных опасностей, угрожавших Пруссии с различных направлений, об организации вторжения в Богемию сильно рассредоточенными силами — все это разработано за несколько дней. В последнюю неделю марта план с учетом замечаний Шверина был готов. 7 апреля он принял Митчела и, не вдаваясь в детали, сообщил, что планирует *удар*, призванный воодушевить союзников, сорвать планы австрийцев, обескуражить французов и заставить русских дважды подумать, прежде чем начинать военные действия. Планы организации такой операции при наличии коммуникаций того времени — а ведь зимний период еще не окончился — на фронте в 140 миль, захватывающем значительную часть массива Ризенгебирге, и ее завершение менее чем за две недели ярко свидетельствуют об энергии и решительности Фридриха, а также о выучке и профессионализме его войск.

Фридрих практически ничего не доверял бумаге вплоть до момента, когда это стало абсолютно необходимо для того, чтобы своевременно двинуть войска, но даже тогда значительную часть плана он держал в уме. 10 апреля он поведал Георгу II столько, сколько счел возможным, прекрасно понимая, что детали могут меняться в соответствии с реакцией противника. Фридрих писал дяде, что Браун, судя по последним сведениям, похоже, разделил армию на четыре части. 30 000 базируются в городе Эгер и предположительно намерены в конечном итоге соединиться с французской армией,двигающейся от Рейна через Бомберг, а затем пойти на север через Эрфурт и угрожать западной границе Пруссии в районе Магдебурга; 50 000 стоят в Будине, в месте слияния Эгера и Эльбы, занимая центральное положение; 30 000, по его расчетам, находятся на границах Лусатии, вероятно, с намерением предупредить или

отразить вторжение пруссаков в Богемию с севера; 30 000 расположены в Кёниггреце, наблюдая и опекая пруссаков в Силезии и Глаце. В целом силы Фридриха намного уступали австрийцам в численности, и король знал об этом.

Он сообщал дяде — письмо от 10 апреля попало в Лондон, когда военные действия были уже в полном разгаре, — что, исходя из расположения противника и паличия у него складов, его правый фланг, Мориц Ангальт-Дессауский, должен своими действиями на Эгерском направлении отвлечь внимание противника на запад; это, говорил он Митчелу во время аудиенции неделей позже, по своей сути является отвлекающим маневром, который уже начал осуществляться. В центре сам Фридрих намеревался идти на Ауссиг и двигаться маршем по долине Эльбы на юг. На крайнем левом фланге Шверин обеспечит захват склада в Юнг-Бунцлау и соединится с Фридрихом у Лейтмерица, в то время как герцог Бевернский в центре с позиций у Циттау предпримет наступление на юг против австрийцев, стоящих перед Шверином, и, писал Фридрих, *«leur donnera la chasse»**, прежде чем соединится с последним. Брауна запутают эти операции на всех направлениях, и он отойдет на юг. Фридрих рассчитывал выйти к реке Бероун, южнее Праги, к середине мая, а затем по необходимости выбирать, против кого выдвигаться — французов или русских, и помогать союзникам.

В какой-то степени это, вероятно, писалось, чтобы произвести определенное впечатление, но давало достаточно точное представление об операции. Были показаны масштабы замыслов Фридриха, и они наверняка повысили его ценность как союзника. Но прусский король раскрыл свои карты лишь тогда, когда основные действия, которые, как он надеялся, и в самом деле приведут Брауна в замешательство, должны были вот-вот начаться. Это зависело не только от захвата Шверином Юнг-Бунцлау — в действительности его занял Беверн еще до того, как Шверин до него добрался, — но и от энергичного марша его войск на юг. Ему вместе с войсками герцога Бевернского надо было загнать австрийцев, разместившихся на границе Лусатии, в западную восточнее Эльбы или к северу от Эгера, успех плана зависел от конкретных действий каждого из командующих, их направления, выбора времени и скорости. Все эти вопросы было не просто координировать на расстоянии, и

* будет гнать их (фр.).

Фридрих мог лишь при помощи пера подстегивать войска. «Мы все готовы! — написал он Шверину 11 апреля. — Теперь поторопитесь! Не обращайтесь ни на что, кроме главного!» Войска Шверина, пополненные, если все пойдет хорошо, солдатами Баварии, должны идти к Эльбе и соединиться с войсками короля у Лейтмерица. Если этого не произойдет и Шверин по какой-либо причине отклонится к востоку, к средней Эльбе у Колина или Кёниггреца, Браун сможет отойти в Центральную Богемию, Фридриху, вероятно, придется опять отступить в Саксонию, и весь план провалится. Король требовал от Шверина, допуская подчеркнуто жесткий тон в отношении столь выдающегося полководца, чтобы его приказы выполнялись *au pied de la lettre**. Когда стали поступать сообщения о дезертирстве в саксонских полках, разгневанный Фридрих написал Шверину, что в такой момент не важно, что дезертировали какие-то 2000. «*Ne pensez point a ces f... Saxons! Pressez-vous donc!*»**. Все его внимание было сосредоточено на запланированном соединении Шверина с Баварией, предпочтительно за Изером, где-нибудь у Мюнхенгреца.

Но все шло хорошо, хотя и не совсем так, как планировал Фридрих. Герцог Баварский, двигаясь от Циттау, встретился к северу от Рейхенберга-на-Нейссе с 28-тысячной армией австрийцев и 21 апреля разбил в длившемся одиннадцать часов сражении, а вслед затем захватил склад в Юнг-Бунцлау, в направлении которого шел Шверин. В тот же день ликующий Фридрих написал Шверину: «Просто чудо, дорогой, что наш секрет остался нераскрытым и противник был застигнут врасплох!» На следующий день авангард его армии направился на юг на соединение с Морицем. Он форсировал Эгер у Коштица и вышел во фланг расположенным в Будине австрийским войскам. Этот маневр был нацелен на то, чтобы выбить войска Брауна с позиций у Вельварна, к югу от Эгера, и вынудить отступить в сторону Праги.

Замысел приходилось менять, и менять быстро. Поскольку ранее Фридрих предполагал, что Шверин и Бавария будут двигаться к Лейтмерицу-на-Эльбе и захлопнут сравнительно неглубокую западную, победа Баварии 21 апреля и его соединение со Шверингом означали, что это крыло прусской армии могло

* буквально, в буквальном смысле (фр.).

** Не думайте несколько об этих чертовых саксонцах! Поторопитесь же! (фр.)

составить восточную часть клещей, двигаясь от Юнг-Бунцлау на юг, а затем на запад. Войска Фридриха образуют западную часть клещей, которые должны замкнуться у столицы Богемии. Эти маневры, умно скорректированные, были призваны вытеснить австрийцев из Северной Богемии. Фридрих, как и предвидел, теперь преследовал противника, бегущего к Праге. В конце апреля он узнал, что австрийцы расположились лагерем на Вейссерберге, Белой горе, месте, где произошло сражение, положившее начало Тридцатилетней войне.

Браун, болевший туберкулезом, 30 апреля передал командование своей армией эрцгерцогу Карлу, оставаясь по-прежнему с войсками. 2 мая Фридрих вновь стоял под Прагой.

Под Прагой Фридрих оказался перед дилеммой. Для систематической осады ему потребовались бы значительные силы, развернутые, как осаждающая армия. Гарнизон города был велик, его периметр огромен. Пока основные силы австрийской армии находились поблизости, собранные или способные собраться для сражения, и господствовали над окрестными территориями, организовать осаду было фактически невозможно. В любом случае это требовало личного состава, оборудования и времени. Ничего этого у Фридриха не было. Он имел примерно 64 000 штыков, эрцгерцог Карл столько же, да еще гарнизон города. Фридрих надеялся разбить австрийцев в открытом поле: если он этого не сделает, то будет вынужден отступить. Такая дилемма часто встает перед полководцем, успешные маневры которого дают возможность окружить укрепленный пункт, однако силы не позволяют им овладеть.

Ища сражения с главными силами австрийской армии, Фридрих понимал, что противник занимает сильные позиции и непокоренный гарнизон Праги на фланге пруссаков или даже в их тылу еще больше усиливает их. Карл переправился через реку Молдау и развернул австрийцев к востоку от города лицом на север в сторону Кайзерштрассе, при этом их центр отстоял на несколько миль от центра Праги. Их линия проходила по плато, поднимавшемуся к горе Табор, невысокому холму непосредственно к югу от этой большой дороги.

Фридрих был полон оптимизма и приказал Шверину и Беверну идти к нему как можно быстрее. 4 мая он сказал Митчелу, что вот-вот произойдет решающее сражение между Габсбургами и Гогенцоллернами. Король надеялся принять бой к

западу от Молдау, однако маневры Карла означали, что столкновение может произойти только к востоку от Праги, а генеральное сражение — это именно то, что Фридриху нужно. Тем не менее он оставил Кейта с 30-тысячным войском западнее Молдау. Это давало ему резерв на случай, если ситуация изменится. Кейт мог перехватить австрийцев, когда те, будучи разбитыми, попытаются уйти на запад от Праги, а если дела пойдут не так, как задумано, то эти войска стали бы для Фридриха «твердой опорой». Такое решение означало, что для основной операции у него будет меньше сил, хотя после подхода Шверина его армия все же немного превосходила по численности войска Карла. Фридриха критиковали за это. Принятое решение ослабило его армию в решающий момент и оставило часть войск вне сражения. Веллингтона после Ватерлоо также критиковали за похожее решение о разворачивании корпуса Хилла к западу от того места, которое и стало, собственно, полем битвы. Однако критику легче, чем его оппоненту, тем более когда дело успешно завершено.

Фридрих начал маневрировать, предприняв широкое и глубокое движение вокруг правого фланга австрийцев. Ему были нужны солдаты Шверина и Беверна, чтобы сравняться с противником силами, и когда ранним утром 6 мая они подошли, совершив ночной марш, то образовали левый фланг прусской армии. Фридрих с основными силами переправился через Молдау по понтонному мосту, и к 6 часам утра 6 мая армия вновь объединилась.

Фридрих немедленно приказал Шверину с Винтерфельдом разведать местность к востоку в направлении, где, по его мнению, находился правый фланг австрийцев, деревень Гоставиц и Унтер-Почернец, расположенных чуть севернее Кайзерштрассе. Он хотел начать движение как можно скорее, и вскоре главные силы прусской армии восточнее Молдау тронулись на восток вдоль хребта Просек, практически на высоте Кайзерштрассе, но отделенные от нее узкой долиной, по которой протекал ручей Рокетницер-Бах. Совершая длинный обходной марш, они в определенном месте повернут на юг.

Движение не удалось скрыть, и австрийцам вскоре стало ясно, что происходит. Очень скоро — как скоро, зависит от быстроты продвижения пруссаков — на глубоком фланге австрийской армии возникнет угроза. В качестве контрмеры пехота с 12 кавалерийскими полками была перемещена к деревне Стер-

бохоль и заняла местность южнее ее. Обходное движение пруссаков возглавлял лично семидесятитрехлетний Шверин. Он был преисполнен решимости добраться до удобных позиций на плато, повернутом на запад, к югу от Кайзерштрассе. Фельдмаршал заставил кавалерию идти максимально быстро. Она почти не имела артиллерийской поддержки, поскольку орудия застряли в чрезвычайно слабом грунте, в котором вязли и колеса, и люди, и лошади, а также на узких улочках деревни Унтер-Почернец. Шверин торопил передовые 14 батальонов, чтобы любым способом добраться до места и расположиться фронтом на запад. Он стремился опередить прибытие австрийских войск.

Фридрих галопом прискакал в Стербохоль. Его беспокоила возможность раздробления армии, а также тревожили трудности и задержки наступления, однако он нашел Шверина столь же решительно настроенным, как и он сам. Если им удастся заполучить позиции для развертывания фронтом на запад южнее Кайзерштрассе, то «движущиеся стены» должны будут вновь решить исход всего дела.

Однако на этих позициях пришлось поставить крест. Огонь австрийской артиллерии с возвышенностей за Стербохолом был губительным для с трудом продвигавшихся вперед полков. Некоторые из них даже дрогнули, а около 11 часов ехавшего с авангардом Винтерфельда тяжело ранило мушкетной пулей. Шверин, вырвавшийся на коне вперед для восстановления порядка в полку, пал прямо перед строем, картечью ему снесло большую часть головы; и в это самое время австрийская пехота перешла в контратаку против пруссаков, выдвигавшихся с северной окраины Стербохоля.

Именно на этом этапе сражения пруссаки использовали свой шанс. Между правым флангом основных австрийских сил, обращенных на север, и левым флангом частей, перенацеленных для отражения обходного маневра Шверина, образовался разрыв. В этот разрыв, к востоку от горы Табор, начали втягиваться наступавшие в западном направлении из района южнее и западнее деревни Гоставиц 22 пехотных батальона прусских войск. Инициативу взяли на себя командиры полков, подбадривая друг друга в суматохе боя, общее руководство, которое невозможно было осуществлять во всех деталях, — Беверн. Пруссаки прорвались в порядки австрийских войск и приступили к свертыванию обращенной к северу линии австрийцев справа

палево. В это время свежие эскадроны прусской кавалерии под командованием генерал-лейтенанта фон Цитена обошли небольшое озеро на крайнем юге поля сражения и атаковали южные порядки австрийской кавалерии, передвинувшейся на этот фланг. Цитен, один из героев войны, уже давно был отмечен вниманием Фридриха. Маленький, внешне неприятный, с хриплым голосом, любитель поскандалить и выпить вина, он однажды без всякого повода убил человека. В Шпандау в 1753 году он решил не высказываться относительно новых маневров кавалерии, которые были предложены. Король приказал Цитену говорить, но тот отказался подчиниться: «Я буду знать, как действовать, когда для этого наступит время!» Фридрих охладил к нему, и он подал прошение об отставке, хотя война была не за горами. Король лично встретился с ним — «столь преданный офицер не может оставить своего короля и отчизну в такое время!» — и Цитен уступил, бросившись ему в ноги. Его репутация была полностью восстановлена: теперь это был известный кавалерийский командир, полный энергии и отваги.

Австрийцы заняли позиции фронтом на восток среди земляных укреплений к северу от Кайзерштрассе и к западу от Гоставица, 4 батальона пруссаков под командованием генерал-майора фон Манштейна обратили их в бегство. К началу второй половины дня австрийские войска были разбиты на правом, южном и восточном флангах в результате маневра пруссаков, предпринятого через Стербохоль и в обход его. В центре им удалось организовать отпор прусским войскам, сгруппировавшимся за оврагом, ведущим на север от Малешница, и нанести тяжелый урон, но первоначальные австрийские центральные позиции, обращенные фронтом на север, и правый фланг были прорваны вследствие атаки свежей прусской пехоты под руководством принца Генриха, создававшей для австрийцев угрозу с нового направления. К трем часам пополудни разбитая австрийская армия уже отступала в сторону Праги.

Фридрих нанес поражение численно равному ему по силам противнику, располагавшемуся к тому же на подготовленных — сильных — позициях. Сам он страдал от серьезного желудочного расстройства, и в течение дня ему несколько раз становилось дурно. К вечеру король чувствовал себя совершенно разбитым. Он выиграл сражение, которое в значительной степени прошло по его замыслу, но он потерял более 14 000 человек — как стало известно, больше, чем противник. Эффективность заградитель-

ного огня австрийцев пошатнула веру Фридриха во всеобъемлющий психологический эффект его атакующей пехоты. Утрата Шверина, когда-то сражавшегося под Бленгеймом, одного из величайших военачальников столетия, и гибель Винтерфельда, к которому он питал теплые чувства, произвели на него тяжелое впечатление. И пехота понесла ужасающие потери. Он называл сражение под Прагой одним из самых кровопролитных в истории.

Приступив к первоначальному маневру, определившему место сражения, Фридрих практически не вмешивался в него, да ему и не пужно было этого делать. По большей части все решили случай и инициатива, позволившие пруссакам воспользоваться разрывом на правом фланге австрийцев, что, в свою очередь, дало возможность кавалерии добиться успеха на юге, а принцу Генриху прорваться в центре, это была работа подчиненных и полковых командиров — Цитена, Манштейна, принца Генриха, но идея, приведшая к победе, конечно же, принадлежала Фридриху. Его армия теперь располагалась к востоку от защищенной гарнизоном Праги, к которой отошли австрийцы. Он, должно быть, надеялся, что в скором времени город ослабеет и капитулирует. Потеря Праги может оказаться важной причиной, по которой Австрия откажется от дальнейшего ведения войны. Браун, по собственной воле уступивший командование эрцгерцогу, был смертельно ранен и умер 26 июня.

Капитуляцию Праги можно ускорить при помощи бомбардировки, что пруссаки и сделали. К концу мая они установили осадные батареи с тяжелым снаряжением, доставленным по Эльбе и сухопутными путями от Лейтмерица, и открыли огонь из орудий и осадных мортир. Фридрих узнал, что другая австрийская армия под командованием фельдмаршала фон Дауна, как говорили, насчитывавшая 14 000 человек, появилась на его восточном фланге, но отошла в направлении Колина, еще на тридцать пять миль восточнее.

Глава 13

КОЛИН И ПОСЛЕ НЕГО

Приближалось лето 1757 года. Фридрих вошел в Саксонию девять месяцев назад. Он вторглся в Богемию, затем отступал и вторглся вновь; зимовал в неприятельской столице; провел и выиграл два сражения, не считая победы Беверна по дороге к Рейхенбергу.

Столица Богемии продолжала держаться, и австрийцы все еще находились в поле, но пока король Пруссии был способен поддерживать темп кампании, могло стать и так, что его дерзкая попытка спутать планы противника окажется успешной. «Я обязан, — говорил он Вильгельмине, — в одиночку защитить германские свободы, привилегии и религию. Германия в настоящее время находится в состоянии ужасного кризиса». Он сдерживал намного превосходящие силы противника, но почти в полном одиночестве и вдали от границ собственно Пруссии. Время от времени до него доходили сведения о ганноверских интригах — самой свежей была слух, что Фридрих ведет переговоры с Веней. Этим рассказам положил конец Митчел. «Король Пруссии, — написал он Холдернессу, — желает нанести своему теперешнему врагу максимально возможный ущерб». Митчел полагал, что ганноверские министры частенько обманывают и Пруссию, и Британию. Фридрих мечтает после того, как уничтожит Австрию, двинуться на запад, чтобы нанести удар по французам, пока они сами не готовы наступать. Все это полностью отвечало философии Фридриха: когда тебе угрожают, атакуй; когда ты в меньшинстве, выбери цель и опять атакуй.

Несмотря на неудачи и разочарования, его послужной список до того момента был непрерывной чередой побед. Британия его огорчила. Так и не было ответа на его просьбу направить на Балтику британскую военную эскадру, и он решил, что британцы не заинтересованы в союзе. «Англичане уже не те люди, — говорил он Митчелу в начале июня. — Стремление к согласию и стабильности выхолостили естественную силу вашей нации, и если такое поведение не изменится, то Англию более не будут считать важным фактором в Европе».

В течение следующих нескольких месяцев произойдут значительные перемены в характере войны и судьбе Пруссии. На севере Германии ее противники какое-то время действовали без помех, но в конце полугодия Фридрих серией блестящих побед разгромит крупнейшие государства Европы и сделает 1757 год самым славным в военной истории Пруссии между сражениями под Фербеллином (1675 год) и Лейпцигом (1813 год). Однако на начальном этапе Фридриху и его армии грозил полный разгром.

В начавшейся 29 мая бомбардировке Праги использовались двадцатидвух- и двадцатипятифунтовые орудия, которые произвели около 30 000 выстрелов. В дополнение к ним были установлены 12 тяжелых мортир, стрелявших большими пятидесятифунтовыми бомбами, их в армии насчитывалось 6000 штук. Вслед за бомбардировкой над Прагой пронесся ураган, разрушивший мосты и поставивший осаждающую прусскую армию перед угрозой оказаться разделенной на две части. Ураган вызвал многочисленные пожары, были немалые человеческие жертвы. Однако он не заставил город капитулировать и, таким образом, похоже, не оказал заметного влияния на ход событий. Фридрих в это время получил тревожные известия из Восточной Богемии. В первой декаде июня он узнал, что австрийцы на востоке собрали свежие силы. Это были не 14 000 солдат Дауна, поспешно, как полагал Фридрих, отступавших к Колину; это, как говорили, громадная армия — речь шла о численности в 55 000 человек, цифра, которую король подвергал сомнению. Тем не менее не было повода сомневаться в паличии угрозы с востока пруссакам, стоящим у Праги. Фридрих, ранее разместивший Беверна с 24 000 солдат в районе Колина, чтобы удерживать австрийцев на расстоянии от этого направления, задумался является ли эта мера достаточной.

Беве́рн тем временем захватил склады с припасами, включая один в Колине.

Австрийская армия, о которой шла речь, находилась под командованием Леопольда, графа фон Дауна. Он проявил себя в войне за Австрийское наследство осторожным, дальновидным военачальником, ему полностью доверял Траун, являвшийся для Фридриха объектом почитания. Даун сражался под Хотузицем, Гогенфридбергом и Соором, в 1754 году стал фельдмаршалом. Теперь часть войск, которой удалось уйти после разгрома армии эрцгерцога Карла под Прагой, присоединилась к нему, и он, как оказалось, шел в сторону прусской армии. Фридрих не много знал о Дауне как военачальнике, поскольку тот до сих пор занимал подчиненное положение, а он, будучи прощипательным человеком, видимо, знал о короле значительно больше. Фридрих думал, что у Дауна имеется приказ избегать сражения. Он ошибался. Фельдмаршал намеревался снять с Праги прусскую осаду, а это означало схватку.

Фридрих принял решение несколько усилить войска Беверна и «прощупать» обстановку на этом фланге. «Леопольд Даун получает подкрепления, — написал он 6 июня Кейту, находящемуся в войсках, осаждавших Прагу. — Мы должны не позволить ему [помешать нам], должны собрать все, что сможем, атаковать и преследовать, насколько будет возможно». Король оставил позиции под Прагой и 13 июня направился на восток с 16 эскадронами кавалерии, 15 орудиями и 4 батальонами пехоты. На следующий день он соединился с войсками Беверна, который двигался от Колина, где получил самую свежую информацию. Стало ясно, что это реальная угроза, к ней следует отнестись серьезно.

Он приказал принцу Морицу Ангальт-Дессаускому, находившемуся у Праги, присоединиться к нему и привести все войска, которые можно было бы безболезненно снять с позиций. Мориц действовал быстро, и через 48 часов у Фридриха было 35 000 человек. К наступлению темноты 17 июня он получил информацию, что Даун развернул армию — численностью более 50 000 человек, то есть пруссаки оказываются в меньшинстве — фронтом на север вдоль линии Кайзерштрассе, важной дороги, ведущей на восток от Праги к Колину, и примерно в 15 милях восточнее прежнего места сражения. Оказалось, австрийцы заняли позиции на нескольких невысоких холмах, тянущихся к югу параллельно Кайзерштрассе. Они по-

нижались к востоку, пока не сходили на нет в месте пересечения с дорогой. Две возвышенности господствовали над местностью — Пржеровская гора, отстоявшая примерно на полторы мили к югу от Кайзерштрассе, имевшая довольно большую протяженность с востока на запад, и гора Кржечхорц, поднимавшаяся сразу за западной околицей одноименной деревни и находящаяся примерно в миле от дороги.

Фридрих был абсолютно уверен в своей армии. Он знал, что она уступает по численности неприятельской. Фридрих полагал: если двинуть прусскую армию на восток, вдоль Кайзерштрассе, то в определенном месте появится возможность повернуть колонны направо — на юг — и начать подъем там, где склон будет наиболее пологим, и таким образом вывести их на позицию, господствующую над правым флангом австрийских войск. Продвинувшись достаточно далеко, он охватит фланг противника и сможет развернуться для наступления фронтом на запад. Затем непобедимая прусская пехота в очередной раз начнет теснить неприятеля с фланга. Левый фланг прусских войск, участвующих в обходном маневре, прикроет кавалерия, которая потом отойдет в резерв. Фридрих отдал приказы генералам и показал местность с верхнего этажа постоянного двора на Кайзерштрассе, находившегося к востоку от Планиана и в десяти милях к западу от Колина. Около часа дня 18 июня войска тронулись в путь вниз по Кайзерштрассе. Был особенно жаркий день.

Первоначальный заход правого фланга от Кайзерштрассе планировалось произвести против деревни Кржечхорц. За прусским авангардом, состоявшим из 7 батальонов под командой генерал-майора Гульзена, двигалась дивизия генерал-лейтенанта фон Трескова. Не успели они углубиться достаточно далеко, как стали очевидными две вещи. Первая — Даун явно передвинул позицию к правому флангу — к востоку; вторая — в Кржечхорце были австрийцы. Следовательно, выполнение первой фазы прусского маневра, обходного марша, будет труднее и займет больше времени.

И Фридрих принял роковое решение. Основная масса его войск по-прежнему находилась на марше по Кайзерштрассе. Фридриху показалось, что можно сэкономить время и достичь поставленных целей, изменив маршрут выдвижения. Непосредственно к югу от деревни Кржечхорц находился лес, Дубовая роща, и он отдал приказ батальонам Гульзена, идущим поход-

ной колонной, срезать путь. Они должны были двигаться прямо к Дубовой роще, где могли перестроиться для выполнения первоначального замысла, появившись на правом фланге австрийцев и получая подкрепления по мере подхода остальной прусской армии.

Этот план сработал бы, если бы австрийцы имели меньшую численность и практически бездействовали. В действительности Даун усилил правый фланг целой дивизией, и Фридрих вскоре понял, и, должно быть, с отчаянием, что он идет в гору навстречу свежим войскам противника, имея к тому же у себя на фланге деревню с вражеским гарнизоном.

Он реагировал на эту ситуацию следующим образом: приказал наступающим войскам развернуть взводы в линию и готовиться к столкновению. Принц Мориц, видя, что одна из прусских линий, двигаясь по склону вверх навстречу с изготовившимся многочисленным противником, вот-вот вступит в бой, заколебался, и Фридрих повторно прорывал приказ: «В линию!» Таким образом, пруссаки атаковали в лоб, вверх по склону, уступая в численности. Все было против них. Не оставалось ничего другого, как вложить все силы в этот отчаянный маневр. Солдаты Морица падали словно подкошенные под огнем тяжелых орудий и пехоты австрийцев, стрелявших сверху. Они, как и их командир, поняли, что это катастрофа, и зароптали, Мориц вскричал: «Сражение проиграно».

Дальнейшие неудачи превратили этот день в сплошной ужас. Хорватские стрелки преследовали пруссаков во время марша по Кайзерштрассе, и генерал фон Манштейн, возглавлявший часть, шедшую вслед за принцем Морицем, организовал быструю атаку, чтобы очистить местность. В результате в нее оказались вовлечены все 5 батальонов, находившихся под его командованием. Эта операция вылилась во вспомогательную атаку против центра австрийцев, которая далась очень дорого, хотя Манштейн захватил деревню Хоцениц и начал взбираться на Пржеровскую гору*. К концу дня прусская армия, растянутая в линию и пробивающаяся наверх по телам убитых и раненых товарищей, продолжала вести сражение, грозившее закончиться катастрофой. Тем не менее в 7 часов вечера прусская пехота достигла вершины горы Кржечхорц, предприняв

* Атака Манштейна была подвержена особой критике в описании этого сражения, составленном Генеральным штабом Германии (GGG, Vol.). — *Примеч. авт.*

атаку, в которую Фридрих бросил всех оставшихся в живых. Она наконец открыла нечто похожее на брешь в австрийской оборонительной линии.

Атаку возглавлял Беверн, чьи полки во время марша вдоль Кайзерштрассе находились правее центра Фридриха. У австрийцев уже кончались боеприпасы, и вдруг на короткое время показалось, что в последний момент прусская энергия и непреклонная, упрямая храбрость смогут вырвать невозможную победу. Австрийская кавалерия, контратаковавшая в направлении деревни Кржечхорц, сама была яростно и результативно атакована с правого фланга прусской кавалерией генерала фон Крозигка, убитого в этом бою. Но хотя батальонам Беверна и удалось пробить брешь, ею было невозможно воспользоваться. Прусская армия изнемогала от непрерывных атак и ужасных потерь. Неприятель ликвидировал брешь благодаря массовой кавалерийской контратаке, которую предприняли от Дубовой рощи австрийские и саксонские эскадроны. Около 8 часов вечера в тот день была применена последняя уловка. Небольшие группы пруссаков беспорядочно откатывались назад к Кайзерштрассе. Фридрих потерял 14 000 солдат*, австрийцы — всего 8000. Он также лишился 45 орудий, 22 знамен и важной победы. Австрийцы разбили лагерь на поле боя, которое осталось за ними.

Фридрих был потрясен. Когда он понял, что происходит — фронтальная атака, вверх по склону, на хорошо укрепленные позиции противника, к тому же имевшего намного превосходившие его силы, — он метался по всему полю, пытаясь воодушевить, сплотить войска и изменить ход событий. Когда прусская атака начала захлебываться на крутом склоне Пржеоровской горы, король выхватил шпагу и бросился вперед во главе Ангальтского полка. Батальонам Манштейна, остановившимся во время атаки на склоне, он прокричал: «*Kerls, wollt ihr denn ewig leben?*» «Парни, вы, что, собрались жить вечно?»** Король появлялся повсюду, и с каждым часом становилось все

* Потери включали убитых, раненых и пропавших без вести. В прусской армии под Колином было убито 9600 человек и 1600 лошадей. — *Примеч. авт.*

** История гласит, что один старый гренадер отозвался: «Слушай, Фриц, мне кажется, что за плату в тринадцать пфеннигов мы сделали достаточно!» — *Примеч. авт.*

более очевидно: он привел свою великодушную армию к катастрофе.

Фридриху сильно досталось за это сражение от критиков. Для чего он пошел на превосходящие силы противника, оставляя Прагу в осаде и держа там большое число солдат? Едва ли Фридрих понимал опасность: возможно, его чрезмерная самоуверенность, вера в свою победоносную звезду привели к тому, что он пропустил мимо ушей неприятную информацию. Почему он изменил свой план и маршрут выдвижения? Вероятно, его более всего заботил фактор времени. Почему Фридрих развернул атакующие войска в линию и повел их вверх по склону, невзирая на таившуюся в этом опасность? Скорее всего счел это наиболее безболезненным выбором, коль уж войскам приходится наступать оттуда, откуда он и не предполагал. Бой с австрийцами на высотах был неизбежен, а потому пруссакам нужно было создать боевой порядок.

Возможно, Фридрих решил, что у него появился хороший шанс, которого на самом деле не было. Он, очевидно, хотел застать Дауна врасплох. Для этого превыше всего нужны были быстрота, самый прямой и простой путь, самый высокий темп движения. Это соображение могло заставить Фридриха двинуть передовые эшелоны в сторону Дубовой рощи, надеясь, что с паходящимися в процессе разворачивания австрийцами удастся легко разделаться. Тогда бы он смог, захватив удобные позиции на правом фланге австрийцев, «питать» бой так энергично, что любая прусская часть создавала бы численный перевес там, где это было ему нужно. Но то, как развивалось сражение — превосходящие силы австрийцев, действия Манштейна, — все это превратило в пыль надежды, если Фридрих их лелеял.

В мыслях и мотивах Фридриха могли быть отдельные элементы перечисленного выше. Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем. Нам известно, что грозный король Пруссии потерпел серьезное поражение. Вкус поражения горек, но он без всяких экивоков сообщил Георгу II 20 июня: «После восьми выигранных сражений это первое проигранное. Но я не отчаиваюсь. Мне нужно лишь немного времени для восстановления сил, и я найду способ выправить положение». Милорду Маришалу король написал, что Фортуна повернулась к нему спиной — она ведь женщина, а Фридрих повел себя не по-рыцарски, и Фортуна вместо него улыбнулась дамам, которые с ним воюют.

* * *

С поля сражения под Колином Фридрих отправился в свою прежнюю ставку в Лиссе, к северо-востоку от Праги. Каждый год в день этой битвы, 18 июня, он будет предаваться мрачным воспоминаниям. Король лежал на охапке соломы и в течение какого-то времени был не способен что-либо предпринять. Ясно, армию следует отводить, и он приказал брату Генриху проследить за этим, что было безукоризненно исполнено. 20 июня сняли осаду с Праги, армия потянулась на север и остановилась у Лейтмерица.

Затем Фридрих начал приходить в себя. 25 июня он написал Кейту, что надеется выиграть достаточно времени и поправить дела. Ему нужно было восстановить свободу маневра для армии, чтобы обеспечить оборону Силезии, защитить коммуникации с Пруссией и обеспечить войска всем необходимым. До него доходили слухи, что Даун, как и ожидалось, движется маршем к Праге, но где именно он находится, Фридрих не знал. Король отдал приказ Августу Вильгельму, принцу Прусскому, взять под командование 35 000 солдат, примерно половину армии, и перекрыть подходы к Эльбе. Он сам присоединится к нему позже. Тем временем король отправился в Лейтмериц, где 27 июня устроил свою ставку во дворце епископа.

В Лейтмерице Фридрих пошел Митчела и рассказал ему о сражении. Рассказ был сдержанным и несколько приукрашенным. Фридрих не виновен других, хотя, по его словам, чрезмерное рвение отдельных частей армии, он имел в виду команду Манштейна, спутало пруссакам все карты. Его письменный отчет, датированный 22 июня, был честным и сухим. Позднее король говорил де Катту, что сражение можно было выиграть. «Теперь он, — сообщал Митчел Холдернессу, — пришел в себя». Он демонстрировал способность быстро восстанавливаться. «Я видел короля Пруссии великим в благоприятных обстоятельствах, но еще более велик он был в период неудач», — писал посол. Однако Фридрих понял: другого сражения не должно или пока не должно быть, если он не будет полностью уверен, что выиграет его.

Его также занимали финансовые проблемы. Для ведения новой кампании были нужны деньги. Он осторожно поинтересовался у Митчела о возможности получения британской субсидии, необходимой для продолжения боевых действий. Фридрих всегда отрицательно относился к идее займов и к зави-

симости, которую они означали, но понимал, что одновременное нападение Австрии, Франции и России может катастрофически сказаться на его финансах. Митчелл пообещал сделать все от него зависящее и был удивлен, заметив на лице Фридриха искреннее смущение. Фридрих написал в Берлине д'Аржану прочувствованные, полные философского смысла строки: «Будь я убит под Колином, то уже достиг бы гавани, и никакие штормы больше не были бы мне страшны». Живость и стилистика писем Фридриха, написанных непосредственно после Колина, показывают короля не потерявшим присутствия духа. Но судьба обрушила на него еще один удар. Его мать уже некоторое время была больна, а 28 июня Фридрих получил известие о ее смерти. Его горе было безграничным.

В течение нескольких недель Фридрих анализировал создавшуюся стратегическую обстановку. Одни опасности, грозившие Пруссии, носили непосредственный характер, другие находились в некотором отдалении. Самой прямой угрозой, конечно же, были Даун и его армия в Богемии, которая могла вторгнуться через Ризенгебирге в Лусатию, занять Южную Саксонию и угрожать собственно Бранденбургу. Фридрих полагал, что выделил достаточно сил Августу Вильгельму, чтобы он справился с этой опасностью, по крайней мере до тех пор, пока и сам не придет на помощь. Король попросил брата постараться удержаться в Богемии, если удастся, до середины августа. Очень важно, говорил он, прикрыть пути на север и обеспечить защиту складов и хранилищ — вся армия зависит от них. Если австрийцы пойдут на север, Августу Вильгельму следует занять сильные позиции, чтобы, подвергшись нападению, он мог встретить противника в выгодных для себя условиях, и после этого он должен стать в тылу австрийцев и создавать для них угрозу быть отрезанными. Фридрих не мог дать ему детальных указаний по разворачиванию войск, потому что все будет зависеть от действий противника в этом районе. Поэтому, когда Август Вильгельм в июле написал письмо и спросил, как ему следует маневрировать, Фридрих ответил, несомненно, с некоторым раздражением, что не может дать конкретных предписаний. У его брата есть разумные генералы и поставленная королем цель, которой следует добиваться.

В марте далеко на севере и западе французы силами почти в 70 000 человек под командованием графа д'Эстре начали марш

к Рейну. Затем они двинулись через Вестфалию на Ганновер, а на их пути оказались небольшие силы ганноверцев под руководством герцога Камберленда, командовавшего противостоявшими французам войсками в сражении при Фонтенца. Фридрих неоднократно горько сожалел, что практически ничем не может ему помочь, хотя небольшое количество прусских войск было выделено в помощь герцогу, но они были вскоре отозваны из армии наблюдения. 16 июля французы форсировали реку Везер.

На севере Швеция теперь также готовилась поддержать военными силами большую коалицию Кауница. 17-тысячный корпус влился в состав экспедиционных сил, нацеленных против Померании, где Швеция имела территориальные претензии. А на северо-востоке зашевелилась громадная русская армия, которая под командованием Апраксина теперь и в самом деле двигалась к Восточной Пруссии. Противник, таким образом, угрожал вторгнуться в Северную Германию с двух, если не с трех, направлений. Тем временем еще одна французская армия под началом Шарля де Роана, принца Субиза, наступала на восток из района Страсбурга для взаимодействия с имперской армией, *Reichsarmee*, созданной по решению имперского конгресса в Ратисбоне, чтобы разделаться, возможно, окончательно с королем Пруссии.

«То не армия, — писал Наполеон, — защищала Пруссию на протяжении семи лет. То был Фридрих Великий». Будет немало случаев, подтверждающих эту истину, и первый из них — месяцы, следовавшие после Колина.

Прямая угроза — австрийцы в Богемии и уязвимость прусских складов и хранилищ в Лусатии. В середине июля, в то время как французы в Ганновере наступали на войска Камберленда, Август Вильгельм вследствие неумелого маневрирования утратил важный узел дорог, Габель, к северу от Ниемеса и открыл превосходящим силам противника путь на Циттау, к северу от границы, где располагались важные склады пруссаков. Ситуация в Лусатии, таким образом, стала катастрофической. «Ты заставил меня дорого заплатить за доверие, оказанное тебе», — написал Фридрих в ярости. В последующих письмах также звучала глубокая горечь: «Ты никогда не будешь не кем иным, кроме как бездарным генералом!» В письме к Вильгельми-

не он говорил о *sottises** их брата. Фридрих помчался из Лейтмерица в Лусатию повидаться с Августом Вильгельмом и сказать тому, что он больше никогда не будет командовать армией. Принц Пруссии был, говорил Фридрих, подобен капризному ребенку. Август Вильгельм заявил, что уедет из армии, король ответил жестким письмом: «Ты хочешь сбежать? Упорхнуешь, когда мы сражаемся? Пока мы сражаемся, чтобы сохранить Пруссию для тебя и твоей семьи? Стыдись до глубины души того, что намереваешься сделать!» Позднее Фридрих заверил Августа Вильгельма, что не обвинял его в трусости, но слова были жестокими и многим казались несправедливыми. Произошедшее вызвало толки в Берлине. Как бы там ни было, вся армия оказалась под угрозой и ее снабжение в опасности из-за неумелых тактических действий. 30 июля он написал, что его брат своим *mauvaise conduite*** поставил все в отчаянное положение.

Август Вильгельм был возмущен таким обращением и считал его несправедливым. Его друзья полагали, что он получил неверные указания, а жестокость Фридриха, вероятно, связана с его душевным состоянием после Колина. Уехав из армии, Август Вильгельм через год умер от удара. Когда Фридриху об этом рассказали, он горько плакал, а потом долго в одиночестве скакал верхом. Он направил брату ясные инструкции, особенно относительно Циттау, но тот придерживался иного мнения, и теперь, после тех ужасных писем, он мертв. Август Вильгельм, говорил Фридрих, обладал лучшей в мире душой, но был перешителен и всегда чрезмерно волновался. Фридрих знал, что Генрих, который был особенно близок с умершим братом, возмущен случившимся, и написал ему письмо, в котором выражал сожаление; но трещину, возникшую в их отношениях, ликвидировать так и не удалось.

Беспокойство, однако, вызывали 100 000 австрийцев, разместившихся к северу от Циттау, в Лобау, и Фридрих решил их атаковать. Не делать этого его убедил принц Генрих. Он указал королю на стратегическую ситуацию, опасности, грозившие со всех направлений, неясную обстановку в Гашповере и Восточной Пруссии, информацию о свежей французской армии на западе и на сомнительность исхода сражения с австрийцами в данный момент. Фридрих любил и уважал Генриха,

* глупости (фр.).

** неумелым руководством (фр.).

который никогда не подвергался третированию со стороны отца, Фридриха Вильгельма. Фридрих считал, что Генрих несколько склонен к пессимизму, но любезен, всегда изыскал и наряден, величав, как король. Он принял его совет. Король решил, что австрийская позиция *«inattaquable»**. Он не стал нападать на армию Дауна. Фридрих перебрался в Дрезден и разослал новые приказы. Он предпринял необходимые меры, чтобы прикрыть Силезию, — Бевен с 40-тысячной армией будет ответствен за это и предупредит о любом движении с юга против Бранденбурга. Фридрих поведет остальную часть прусской армии, сократившуюся к тому моменту до 25 000 человек, на запад. Он найдет и разгромит французскую и имперскую армии, усилить которую французы и идут. Нельзя допустить их объединения с французскими силами, противостоящими Камберленду. После удачного сражения он мог бы двинуться на север, чтобы поддержать ганноверцев.

Фридрих объявил, что очень разочарован тем, как до сих пор проявляло себя правительство Британии. Разве не могли британцы организовать тревожащие атаки французского побережья? Конечно, нельзя бросить на произвол судьбы находившегося в Германии герцога Камберленда, сына короля Георга II, — Фридрих в июле сказал Митчелу, что он «не может поверить в то, что Англия будет покорно сидеть сложа руки». Король часто напоминал ему о действиях Мальборо — усиление войск Камберленда британской армией было бы самым эффективным способом для улучшения ситуации. Он говорил, что связал себя союзническими узами с Англией в период ее заката, а колебания Британии связывал с ее нежеланием восстанавливать против себя Россию. Митчел сочувствовал ему, а британской эскадры, направляющейся на Балтику, по-прежнему не было. В это время русские осадили и взяли Мемель. Затем, 26 июля, французы разгромили при Хастенбеке-на-Везере войска Камберленда.

Фридриху оставалось только надеяться, что его войска под командованием Левальда, размещенные в Тильзите для защиты Восточной Пруссии, не дрогнут перед русской армией, превосходящей их численно. Он со всех сторон окружен врагами, которых король Пруссии презирал. «Принц Карл, — писал он Кейту 11 августа, — пьет, ест, смеется и лжет!.. о, каким наслаждением будет стереть с лица земли этот высокомерный, занос-

* неприступна (фр.).

чивый род!» Фридрих воспринял от Митчела информацию о намерениях Британии предоставить ему субсидию* с подобающей благодарностью, однако посол был в угнетенном состоянии, его тревожили военные перспективы Пруссии. Митчел чувствовал, что Фридрих, находясь в таком отчаянном положении, мог оказаться вынужденным вновь искать согласия с Францией, что стало бы катастрофой для Англии.

Фридрих, собрав свои войска, меньшие по численности тех, которые он передал Беверну, двинулся маршем на запад, чтобы встретить и рассеять французов и имперцев. 25 августа он покинул Циттау и направился через Саксонию на запад. Успех этого предприятия во многом зависел от поведения противника: если тот начнет избегать встречи, то нужного удара не получится, и Фридрих будет вынужден отказаться от особо важной для кампании территории. Он надеялся, что Камберленд скует французов на севере, а также на относительную пассивность Дауна. Мощный, состоявший главным образом из кавалерии авангард двигавшейся на запад армии Фридриха возглавлял Фридрих Вильгельм фон Зейдлиц, быстро продвинувшийся по службе и хорошо зарекомендовавший себя под Колином. Зейдлиц был на девять лет моложе Фридриха и слыл в кавалерии помимо всего прочего *beau sabreur*** — высокий, стройный, щеголеватый, прекрасный наездник, обладающий знаменитым, мгновенно возникающим «чувством» тактического положения, практик безо всяких интеллектуальных претензий, сердцеед и живая легенда армии. Фридрих очень любил Зейдлица и смотрел с некоторым благоговением на независимого, обаятельного и одаренного молодого офицера. Зейдлиц, несомненно, был тем человеком, который мог возглавить дерзкую операцию, а экспедиция Фридриха на запад вполне могла обернуться именно таковою.

Пруссаки шли через Северную Саксонию, Эрфурт, Готу, а противник так ничего и не предпринимал в ответ. Марш напоминал триумфальное шествие, и Фридриха повсюду встречали с любопытством и большим энтузиазмом. Но сражения все не было. В Готе короля ждали тревожные новости: австрийцы двинули часть сил из Лусатии на север и начали наступление непосредственно на Пруссию. Численность их армии неизвестна.

* 4 миллиона талеров — около 170 000 фунтов в год с 1758 по 1761 год включительно. — *Примеч. авт.*

** лихим рубакой (*фр.*).

* * *

Фридрих, окруженный противниками, неизменно надеялся, что в какой-то момент появится возможность заключить мир на благоприятных условиях, хотя военная ситуация, в которой он оказался, делала это маловероятным. Тем не менее, по его мнению, было желательно поддерживать связи, несмотря на хаос и тревоги войны. 6 сентября король написал герцогу де Ришелье, принявшему командование французской армией на севере у д'Эстре, вежливое письмо. Фридрих понимает, что Ришелье в настоящее время не уполномочен вести переговоры, но племянник великого кардинала, несомненно, природой предназначен и для подписания договоров, и для побед в сражениях! Союз между Францией и Пруссией, сохранявшийся шестнадцать лет, должен оставить *«quelques traces dans les esprits»**. Послание, полное комплиментов, явилось призывом изучить возможности установления мира. Такой ход не мог порадовать Лондон.

Едва ли Фридрих слишком рассчитывал на положительный ответ. Ришелье писал с не меньшей вежливостью в том духе, что сделать вклад в установление всеобщего мира вместе «с таким героем, как Ваше Величество», было бы, несомненно, даже предпочтительнее для короля Франции, чем одержать победу, но герцог не представляет, как можно выполнить «столь желательную задачу!». Переписка продолжалась, сдержанная и вежливая. В действительности же Ришелье был на пороге выполнения еще более желательной задачи. Его войска вошли в Ганновер. Войска Камберленда после сражения под Хастенбеком были прижаты к побережью Германии, и герцог Камберлендский получил от отца, короля-курфюрста, разрешение подписать в Клостерцевене с французами соглашение о капитуляции, после чего боевые действия будут прекращены**, а войска Камберленда распущены. Французы же могут действовать по своему усмотрению.

Клостерцевенская конвенция в определенной степени стала продуктом переговоров двух очень набожных графов-лютеран, Линара и Реусса. Пруссак перехватили письмо Линара. В нем говорилось, что мысль о конвенции пришла к нему по

* кос-какие следы в душах (фр.).

** Капитуляция не была признана Георгом II как «постыдная», но это означало отказ от Камберленда, действовавшего на основании полученных полномочий. — *Примеч. авт.*

воле Святого Духа, пожелавшего остановить продвижение французов, как однажды Иисус Навин заставил солнце остановиться в своем беге, чтобы не дать проливаться ганноверской крови. «Мы могли бы поместить Липара где-нибудь между Иисусом Навином и солнцем», — резко бросил Фридрих. Он воспринял это известие, отметил Митчел, спокойнее, чем предполагали, но сообщение о капитуляции, поступившее к нему 17 сентября, стало зловещим событием. Он вошел в Готу и получил известие, что австрийцы приближаются к Берлину, хотя это оказалось не более чем обычным набегом и они пробудут там всего один день — 16 октября. На востоке Левальд 30 августа провел тяжелое сражение с русскими под командованием Апраксина у Гросс-Егерсдорфа, недалеко от Кёнигсберга. Оно принесло тяжелые потери обеим сторонам. Судьба Восточной Пруссии оставалась неясной.

Фридрих запретил много говорить о ситуации на Русском фронте, безуспешно пытаясь уменьшить количество плохих известий, скрывая их. Он понял, что должен отменить марш на запад, изменить направление, перераспределить силы в соответствии с новыми обстоятельствами. Король отдал распоряжение о переезде прусских министров и королевской семьи из Берлина в Магдебург. В день получения известия о сражении у Гросс-Егерсдорфа он написал письмо Ришелье. Теперь было совершенно ясно, что с французами придется драться. Фридрих решил опять идти на восток, по-прежнему готовый перехватить французов или имперцев, если представится случай, но двигаться в район Бауцена и для начала вытеснить австрийцев из Лусатии. Он приказал Морицу, стоящему в Торгау, и Зейдлицу из своей армии двигаться по направлению к Берлину, чтобы положить конец набегам австрийцев. Тем временем он подошел к Эльбе, миновав Лейпциг, перенаправился через реку в районе Торгау и разместил ставку в Грохвице, на восточном берегу. В Берлине при дворе пошли разговоры, что «вся Европа поклялась уничтожить нас», и многие бежали из города.

К октябрю новости, поступающие из отдельных районов, стали немного лучше. 23 сентября Фридрих узнал, что после сражения Левальда у Гросс-Егерсдорфа русские решили отойти на восток — их потери были огромны. Король направил своему генералу теплые поздравления. Он с глубокой горечью писал Георгу II о Клостерцевенской капитуляции и новообретенном нейтралитете Ганновера, указывая, что разорвал долговремен-

ные соглашения с Францией только из-за *toutes les belles promesses**, полученных от Англии. Берлину пока ничто серьезно не угрожает, так же как и Восточной Пруссии. Если ему еще раз удастся собрать армию, оставляя Силезию по-прежнему прикрытой, то мог бы представиться случай для проведения серьезного сражения, чего не случилось в ходе его кругового марша на Эрфурт, Готу и обратно.

Однако обстановка была все еще зловещей. Большая часть Пруссии была опустошена, он потерял приписанные доход провинции, на следующую кампанию ему не хватит денег, приходилось пользоваться резервными запасами. Фридрих написал Вильгельмине в начале октября, тревожась о состоянии финансов и давая ей несколько советов, — бриллианты теперь ненадежный залог под заем, никто их не принимает. Государственному министру Финкенштейну он в тот же день писал: «*Nous avons toute l'Europe sur les bras*»**. Проскальзывала и личная печаль: Винтерфельд, которого Фридрих очень любил, хотя его братья не разделяли этого мнения, «душевный человек, мой друг», был убит в стычке в Лусатии. «*Helas! Croyez-vous que les Graces favorisent les malheureux?*»*** — меланхолично написал он своей сестре Амелии. Фридрих упорно видел — так как его любовь к Франции никогда не ослабевала — причины враждебного отношения Франции в тлетворном влиянии Австрии.

Митчел сообщил 30 октября, что Фридрих, вернувшийся в Лейпциг, полон идей по поводу кампаний в 1758 году. Французы под командованием Субиза двинулись вперед вместе с имперцами во главе с принцем Иосифом Саксен-Гильдбурггаузенем, фельдмаршалом империи. Вот наконец и появилась цель: войска Субиза были, по информации Фридриха, усилены после Клостерцевена 20 батальонами пехоты и 14 эскадронами кавалерии из армии Ришелье.

Это удивительным образом помогло королю сконцентрироваться. Темные мысли о злонамеренности Австрии и пессимизм по поводу создававшейся ситуации, казалось, ушли сами по себе. Фридрих начал поговаривать о том, чтобы Левальд, изгнав русских, двинулся на запад, напал на шведов и выгнал из Померании; после этого мог бы идти к Эльбе, соединиться с войсками британцев и действовать против французов в Север-

* всех этих красивых обещаний (фр.).

** Мы возимся со всей Европой (фр.).

*** Увы! Верите ли вы, что Грации благоволят к несчастным? (фр.)

пой Германии под командованием либо Фердинанда Брауншвейгского, либо самого Фридриха. Фантазия в такое время? Возможно, но это зародыш идеи, который разовьется позднее под Минденом и Варбургом.

Неделей раньше Фридрих направил приказы Морицу в Берлин и Фердинанду в Магдебург, чтобы они присоединились к нему по пути у Галле. Теперь ему стало известно, что противник, французы и имперцы — Фридрих называл их «*Kreise*»^{*} — снова переправились на западный берег реки Заале. Улучшению настроя Фридриха часто способствовало приближение сражения. Король отдал приказ армии — снова сгруппированной — переправиться на западный берег Заале 3 ноября. Тем временем он выдвинулся к Вейсенфельсу, где провел некоторое время в сентябре во время своего прерванного марша на запад и обратно. Из Вейсенфельса он писал Кейту 31 октября: «Противник группируется напротив меня. Из моего окна видна вся его кавалерия!» Она составляла примерно 7000 человек в армии в 41 000, из которых 30 000 были французами.

Кейт с крупным контингентом войск отделялся от Фридриха для наблюдения за Заале у Мерзебурга. Теперь он возвратился, и под командованием короля была вся армия. Ему доложили, что объединенные силы Субиза и Саксен-Гильдбурггаузена насчитывают 60 000 человек по сравнению с 21 000 пруссаков. Силы противника были несколько преувеличены, но соотношение сил составляло более чем два к одному не в пользу Фридриха.

Фридрих знал, что противник сосредоточен к югу от Мюхельна, как он полагал, фронтом на север, и он разместил пруссаков в четырех милях от него, развернув фронтом на запад. Его правый фланг опирался на деревню Бедра, а левый находился в Росбахе, где он расположился со штабом. Местность открытая и слегка холмистая, склоны легко преодолимые, поэтому возвышенности не имеют особого значения, хотя и дают возможность обозревать окрестности. Имеется несколько препятствий для движения людей и лошадей. Перед фронтом правого фланга Фридриха, за деревней Шортау, находилась возвышенность, с вершины которой отчетливо просматривались

^{*} Войска, собранные в имперскую армию, ранее именовались по названию округов — *Kreise* — от которых они формировались. — *Примеч. авт.*

празднический лагерь и все передвижения противника. Фридрих выехал на нее на коне и увидел, что неприятель развернут на восток. Лицом к пруссакам. Он надеялся атаковать их правый фланг, но теперь стало ясно, что это невозможно. Позиции французов были сильно укреплены, и Фридрих решил пока наблюдать и ждать.

С рассветом пруссаки увидели, как противник строится в колонны и движется на юг, явно в направлении Цухфельда, который лежал напротив, примерно в трех милях от Росбаха. Намерения неприятеля были не ясны. Он мог отказаться от сражения, как делал до сих пор. Фридрих занял плато горы Янус за своим левым флангом и установил там батарею пушек. Затем он переместил на этот фланг почти всю кавалерию, которая передвигалась, прикрываясь склоном горы, и таким образом продлил левый фланг.

Сразу после полудня от наблюдателей с горы Янус пришло сообщение, что противник движется не только восточнее Цухфельда, но и северо-восточнее. Направление марша было изменено, и теперь стало ясно: он запланирован как глубокий охват левого фланга армии Фридриха, и это движение проводится на сравнительно небольшом удалении и является довольно рискованным. Впереди войск противника шла кавалерия.

Это был шанс, которого он ждал с того момента, когда узнал, что Субиз и имперцы идут в Саксонию.

Фридрих сделал две вещи. Он приказал Зейдлицу выдвинуться к восточной оконечности горы Янус, горе Польцен, с большей частью прусской кавалерии и быть готовым отразить приближающегося противника, отбить и изготавиться к контр-удару. Одновременно король отдал приказ Фердинанду Брауншвейгскому, командующему правым флангом, начать выдвижение пехоты на юг. Она займет позиции и встретит обходной маневр противника. Пруссакк будут двигаться по более короткому, чем противник, маршруту и смогут развернуться так, что образуют угол, в который противнику придется войти.

План сработал идеально. Прозорливость Фридриха, умение Фердинанда, искусство, инициативность и тактические способности Зейдлица, непревзойденная выучка и выносливость прусской пехоты сделали свое дело. Первая, а за ней вторая волна кавалерии Зейдлица — всего 32 эскадрона — ударили по кавалерии противника, как только она показалась на плато Янус, налетев на нее на полном скаку и заставив в беспорядке бежать

через Рейхгардсвербен. Затем Зейдлиц, не ожидая приказаний, расположил кавалерию южнее Тагевербена, откуда она могла атаковать южный фланг французов, когда те будут двигаться по направлению к тому месту, где они полагают пайти левый фланг пруссаков. Наконец и прусская пехота, проделав изнурительный дневной марш, достигла назначенных ей позиций западнее Рейхгардсвербена, где образовала, как и задумал Фридрих, острый угол, в который теперь начали входить французы и имперцы — без поддержки кавалерии. Они были встречены пехотой с фронта и с флангов.

Французские колонны подверглись резне. Бой продлился недолго. Бегство и избиение продолжались до тех пор, пока солдаты Субиза не добрались до Петтштадта. К наступлению темноты потери Фридриха составляли немногим более 500 человек, противника, включая значительное число пленных, — 10 000 человек, также были захвачены 22 штандарта и знамени. Французы понесли большие потери, чем имперцы. Фридриху в то время было выгодно представить победу как победу в первую очередь над французами, в результате которой у него были развязаны руки для отражения других угроз.

Изменилась вся ситуация в Саксонии. «Мы разбили их *вдребезги*, — писал Фридрих Подевилъсу. — Небо благословило правое дело. Пусть в Берлине, Штеттине и Магдебурге устроят благодарственные службы, артиллерийские салюты и *feux de joie!*»* Его планировали разместить в замке Бургвербена, неподалеку от поля битвы. Но когда он приехал на место, то увидел, что все помещения переполнены ранеными французскими офицерами. Король попросил их не беспокоиться и приказал поставить свою кровать в буфетной комнате в доме рядом с замком. Он увидел среди пленных французских солдат человека, в котором признал дезертира из прусской армии, и для него это могло кончиться очень печально. Фридрих спросил, почему тот дезертировал.

«Сир, уж очень плоха была обстановка».

«Иди повоюй за меня, — сказал Фридрих, — и если я проиграю, то на следующий день мы дезертируем вместе!»

Находясь в меньшинстве, Фридрих разглядел свой шанс и воспользовался им. Вплоть до 1812 года, до битвы при Саламанке, французской армии не панесут такого поражения при совершении флангового маневра. Фридрих, используя так-

* фейсверки (фр.).

нический талант Зейдлица, который был в бою легко ранен, но остался во главе кавалерии, до самого конца контролировал ход сражения. Это была расплата за Колин.

После боя Зейдлиц сказал королю: «Жаль, что Ваше Величество не всеведущи».

Фридрих вопросительно посмотрел на него.

«Просто, — заявил Зейдлиц, — Ваше Величество вчера получили орден генералу фон... Он заслуживает его меньше кого бы то ни было. Что его полк хорошо показал себя, так это заслуга его полковника и двух майоров, которые командовали батальонами. Генерал же фон... потерял голову». В этот момент к ним подъехал Цитен, и Зейдлиц попросил его это подтвердить, что тот и сделал.

Спустя несколько недель тот же полк вновь отличился. Фридрих дал Зейдлицу три ордена и поручил передать их полковнику и двум майорам: «Скажи им, что они еще раньше заслужили это».

Бегство неприятеля после Росбаха сопровождалось необычной жестокостью, по крайней мере в соответствии с докладами, приходившими к Фридриху. Разорению подверглось все без исключения, осквернялись церкви и алтари, деревенских жителей пещадно грабили, и все это, замечал Эйхель, делалось так называемыми освободителями Саксонии! Беглецов резали или брали в плен до самого Эрфурта.

Фридрих, конечно же, не мог позволить себе отдыха. Король послал указания на север Левальду по поводу развертывания войск и действий по обороне Померании. Он выслушал Митчела, передававшего предложение Британии о том, что ему следует идти на север, чтобы помочь освободить Ганновер, с тщателью скрываемым под маской вежливости раздражением. Он заметил, что ему придется бороться с врагом в своих собственных владениях, — поможет ли Британия в этом, если дело дойдет до драки? Конечно, ответил Митчел не очень уверенно. Король Георг II попросил его также предложить кандидатуру командующего для борьбы во имя общего дела с французами на севере, и Фридрих назвал имя своего свояка, Фердинанда Брауншвейгского, если он выразит согласие. Это было хорошее предложение. Хотя Фридрих еще не имел полномасштабного и формального договора с Англией, все шло именно к этому, и в апреле 1758 года договор подписали, чему способствовали прус-

ские победы. В Британии довольно сильным было течение, выступавшее за ограничение в будущем любых обязательств в Европе, ему противодействовало другое, требовавшее поддержки по-настоящему активного оппонента Франции.

Но для Фридриха главной требовавшей внимания проблемой являлась Силезия. Пока он изгонял противника из Саксонии и Лусатии на юге, австрийская армия эрцгерцога Карла пошла на восток в Силезию, разорила страну и нанесла поражения прусским частям под Ландшютом, Лейгницем, Швейдницем и Бреслау. Они явно делали что хотели с Беверном, командовавшим там войсками. Фридрих решил сразу после Росбаха немедленно идти в провинцию. «*J'y marche incontinent*»*, — писал он 7 ноября Георгу II, который был очень рад новостям из-под Росбаха. Фридрих выступил через Лейпциг, где собрал армию, затем через Торгау, Кёнигсбрух, Бауцен, Герлиц к Наумбургу на реке Квейсс, куда подошел 24 ноября после трудного марша. Король отправил Кейта почти с такими же силами, как и у него, в Богемию вести отвлекающие действия, то, что он называл «*Diversion und Luft*»**. Зейдлиц в это время лечился от раны в Лейпциге, находясь на попечении гостеприимной и очаровательной саксонской дамы.

В Наумбурге Фридрих получил известие: Беверн выиграл у австрийцев сражение под Бреслау — и всем сообщил об этом, заявляя, что теперь может вести боевые действия на полное уничтожение австрийцев. К сожалению, информация оказалась недостоверной. Беверн и в самом деле провел сражение, но потерпел поражение, его отбросили на восток за Одер, откуда остатки его войск пришли на соединение с войсками Фридриха, а он сам, выехав в одиночку на рекогносцировку, был захвачен в плен. Фридриху пришлось разослать письма, в которых выражались сожаления о допущенной оплошности.

Ситуация сложилась чрезвычайно серьезная. Оказалось, Бреслау капитулировал без сопротивления. После короткой осады австрийцы заняли Швейдниц. Беверн, как выразился Фридрих, из-за «*apprehensions frivoles*»*** был не в состоянии активно действовать. Фридрих отдал приказы собрать все возможные силы у Пархвица на реке Катценбек, притоке Одера.

* Я всей душой стремлюсь туда (фр.).

** удар и отход (нем.).

*** легкомысленных действий (фр.).

Сам он приехал в Пархвиц 28 ноября. При нем теперь было около 35 000 пруссаков: большая часть из них прошла 200 миль от поля битвы при Росбахе тремя неделями раньше.

В Пархвице 4 декабря Фридрих обратился ко всем генералам и командирам вплоть до батальонного уровня, и это обращение стало знаменитым. Он говорил на немецком языке. Прусской армии предстояло пайти и разбить основную австрийскую армию под командованием Карла Лотарингского. Она покинула временную базу, оставила обозы и двигалась на запад по направлению к пруссакам. «Лисица покинула свою нору, — сказал Фридрих принцу Фердинанду, — и теперь я накажу ее за самоуверенность!» Король знал, как и те, кто его слушал, что австрийцы имеют численное превосходство, но он недооценивал их перевес — на самом деле это превосходство составляло чуть меньше, чем два к одному. «Я должен победить или умереть, — заявил он своим офицерам. — Мы будем драться за нашу славу, за сохранность наших домов, жен и детей». Как у Шекспира в «Дне Святого Криспина» прозвучали его слова: «Если кто-нибудь предпочитает уйти, пусть уходит. Он навсегда утратит право на мою благосклонность». Фридрих завершил речь простым призывом, который вселил энтузиазм в души всех: «Удачи, господа. Скоро мы разобьем неприятеля или больше никогда не увидим друг друга». Все знали: наступил критический момент. Фридрих уже не в первый раз отдавал приказы о том, что следует делать, если он погибнет. Он просил, чтобы его похоронили в Сан-Суси ночью без помпы и церемоний, все командующие войсками должны присягнуть на верность принцу Прусскому. У него было около 12 000 кавалерии, сведенной в 128 эскадронов, и немногим меньше 24 000 пехоты; в артиллерии имелось около 160 орудий. Австрийцы численно превосходили по всем видам войск, особенно по пехоте. Всего в их армии насчитывалось 60 000 человек.

Стояли пронизывающе холодные дни. Ночью 4 декабря выпал небольшой снег, и Фридрих еще в предрассветной темноте двинул войска. Он приветствовал гвардию, стоя спешенным, пока не прошли первые колонны: «Доброе утро, гвардейцы». — «Вам того же, Ваше Величество». — «Как настроение?» — «Чертовски холодно!» — был ответ, и Фридрих вновь обратился к ним: «Терпение, парни! Скоро будет жарко!» В пять утра началось выдвижение на позиции.

Фридрих знал, что австрийцы выстроились в линию западнее Одера, фронтом на запад. Король хорошо изучил местность. Не считая Силезских войн, он в мирное время проводил здесь маневры и тактические учения. Он выстроил войска в четыре колонны, перед которыми расположил авангард, сам ехал с авангардом, даже чуть впереди него, с разведывательной командой гусар и легкой егерской пехоты. Фридрих повернул на восток в сторону Бреслау, чтобы найти австрийскую линию и определить расположение ее флангов. Затем он решил провести демонстрацию против австрийского правого фланга там, где ожидал его найти, проведя ложную фронтальную кавалерийскую атаку. Потом Фридрих предполагал повести армию на юг, чтобы обнаружить левый фланг противника, и, повернув, обходить его до тех пор, пока фронт прусских войск не установится под прямым углом к австрийской линии, и тогда начать «сворачивать» австрийцев. В значительной мере этот маневр повторял классическую косую атаку.

Утренний свет позволил Фридриху определить, что он приближается к точке правее центра австрийцев — подходящее место для ложной атаки, но требующее затем длительного марша основных войск на юг, чтобы достичь левого фланга противника. Фронт австрийских войск — продолжительнее, чем он предполагал, — был растянут почти на четыре мили. До начала флангового маневра пруссакам предстояло пройти на юг две мили. Кое-кто из наблюдавших за маршем посчитал это отходом перед лицом явно превосходящих сил противника.

Действовать приходилось на равнине, но Фридриху благодаря прекрасному знанию местности удалось частично скрыть движение на юг. «Демонстрация» к востоку от деревни Борне должна была симулировать маневр против правого фланга или попытку его обхода, и в этом она удалась — австрийцы усилили правый фланг, как того и хотел Фридрих. Миновав Лобетинц, главные силы пруссаков повернули налево и развернулись перед деревнями Кертшуц и Шрегвиц, частично вобрав их в свою линию и имея перед правым флангом деревню Загшуц. Теперь они стояли фронтом на север, растянувшись примерно на одну милю. Левый фланг австрийских войск лежал перед ними в 600 ярдах, а сразу за ним находилась деревня Лейтеп.

Большой обходной маневр потребовал времени. Марш начался затемно. Пока все происходило, Фридрих отправился верхом к небольшой роще у Радаксдорфа, находившейся внут-

ри угла движения войск, где попал под артиллерийский огонь с обеих сторон. Его беспокоил фактор времени — декабрьский день короткий. Тем не менее к часу дня армия вышла на позицию атаки, и первый натиск пруссаков на австрийский левый фланг начался; в дело пошли «живые стены» прусской пехоты. Ее — очень впечатляюще — поддерживали артиллерийские батареи, перемещавшиеся с одной огневой позиции на другую по невысоким грядам, параллельным фронту атаки. На правом, восточном, фланге Фридрих собрал большую часть прусской кавалерии под командованием Цитена, которая, двигаясь вровень с основными атакующими силами, отразила контратаку австрийской кавалерии, организованную с северного направления, из тыла первоначальных позиций австрийцев.

Удар был нанесен во фланг концентрированными силами пруссаков. Карл попытался перестроить войска фронтом на юг на линии Лейтена. Эту новую позицию прусские войска атаковали уже далеко за полдень. Упорный бой кипел вокруг домов, хозяйственных построек. Австрийцы установили на возвышенности за Лейтеном батарею, которая остановила атакующих левее центра, была также предпринята массированная кавалерийская контратака — 70 эскадронов под началом генерала Люкхезе, — которая угрожала левому флангу Фридриха из района севернее Радаксдорфа, но австрийскую кавалерию обратили в бегство 40 эскадронов прусской кавалерии под командованием генерала фон Дрейзена, стоявшего в резерве неподалеку от деревни. Тем временем Фридриху удалось установить на возвышенности под названием Буттерберг несколько орудий, которые нейтрализовали действие австрийских орудий, бывших с позиций западнее Лейтена.

Видя разгром своей кавалерии и натиск пруссаков, австрийская пехота, побросав оружие, побежала на восток. Она понесла ужасные потери. К четырем часам сражение закончилось. На поле господствовал Фридрих.

Шел небольшой снег. Фридрих был полон решимости продолжать преследование, чтобы даже с небольшим числом войск добраться до расположенного в пяти милях городка Лисс, где был мост через реку Швейдниц. Он надеялся прорваться на другой берег и не позволить противнику организовать линию обороны за рекой, и это ему удалось. Вместе с Цитеном он дошел до Лисса в восемь часов вечера и провел ночь в местном замке, где, как и в Росбахе, все помещения оказались заняты

ранеными австрийскими офицерами, которых Фридрих любезно поприветствовал: «Добрый вечер, господа, не пайдется ли здесь местечка для меня?»

Фридрих потерял менее 6000 человек, включая большое число легко раненных; его первые подсчеты послали оптимистичный характер, по ним его потери составили 2000 человек убитыми и ранеными*. Австрийцы потеряли 10 000 человек, и еще 12 000 были взяты в плен. Победа Фридриха была полной.

Войска продемонстрировали боевой дух, великолепную дисциплину и четкое взаимодействие между всеми видами. Совершенство выучки и порядок на марше, который поддерживала громадная масса людей, означали, что точная дистанция и график движения соблюдались в соответствии с замыслом Фридриха. Это свидетельствовало о прекрасной организации и подготовке. Командиры показали достойную похвалы инициативу, действовали, как Фридрих всегда их учил, исходя из непосредственной ситуации, которую они могут оценить быстрее и точнее, чем более высокое командование, каким бы одаренным оно ни было; контратака Дрейзена была предпринята на его собственный страх и риск. За этим стояли очень хорошая подготовка и высокий моральный уровень. Ведь всегда можно найти уважительные причины для колебаний и пассивности.

Противник недавно добился успеха, нанеся пруссакам ощутимое поражение под Швейдницем и Бреслау. Он упивался победой. А теперь австрийцы сами были сильно биты, причем врагом, численно им уступавшим. Однако побеждены они были одним из величайших полководцев. Фридрих спланировал сражение и полностью лично контролировал его ход. Один растерянный молодой офицер авангарда, практически окруженный австрийскими и саксонскими всадниками, у которого едва оставались силы удерживать знамя, вспоминал, как Фридрих неожиданно подскакал к нему. Его голос, который невозможно было спутать ни с чьим другим, словно посылал электрические разряды в ряды солдат: «Эй, дети, глядите бодрей (*frisch heran*) и с Богом вперед!» Он прекрасно рассчитал по времени все

* Даже в «Истории моей эпохи» он привел цифру в 2600 человек, почти наверняка заниженную, хотя число потерь всегда зависит от способа подсчета и обычно трудно поддается точному определению. В исторических записях Генерального штаба прусские потери определены в 6380 человек, включая 1175 убитых. Австрийские — 3000 человек убитыми. — *Примеч. авт.*

передвижения армии и безукоризненно оценил ситуацию с начального ложного выпада против центра и правого фланга австрийцев до бешеной скачки к мосту в Лиссе. Французы были буквально сметены с поля у Росбаха; а теперь и австрийцы искали, куда бежать из Силезии. Это был триумф, Фридрих разбил армии двух из наиболее значительных государств, входивших в коалицию его врагов. Это сражение, как сказал Наполеон, одно ставит Фридриха в ряд величайших полководцев всех времен.

В армии Фридриха, как и в большинстве германских армий, любили петь. В то время, когда прусские войска, еще с трудом верящие в масштаб своей победы, начали строиться и уходить с покрытого снегом поля, неожиданно послышался одинокий пронзительный голос солдата. К нему почти сразу же присоединилась вся армия в едином великом порыве благодарности и облегчения, который увлек и оркестры полков, грянувшие величественный гимн Ринкарта, который впоследствии будет известен как гимн Лейтена, — «А теперь все вместе возблагодарим Господа...»:

Nun danket Alle Gott
Mit Herzen, Mund und Händen!
Der grosse Dinge thut
An uns und allen Enden*.

* А теперь все вместе возблагодарим Господа,
Сердцами, устами и руками!
За то, что великое дело
Мы совершили все сообща (нем.).

Глава 14

ОМЕРЗИТЕЛЬНЫЙ ТОРГ

Австрийцев гнали мимо стен Бреслау, который 20 декабря капитулировал со всем своим гарнизоном в 17 000 человек*. За ним неделей позже последовал Лигниц с гарнизоном в 3400 человек. Полнота победы радовала душу; инструкции Фридриха Цитену, возглавлявшему преследование, касались «*grosster Confusion und Consternation*»** врага. Его письма были наполнены духом победы, особенно к Вильгельмине, все больше и больше угасавшей. Он надеялся ее порадовать: «*Adieu ma chère, ma charmante soeur*»***. Единственной надеждой и утешением, которые остались ему, — поцеловать ее перед смертью. (Она умерла в том же году.)

Фридрих прекрасно понимал, что этот час триумфа пройдет, а сделать еще предстоит многое. Тем не менее он чувствовал себя уверенно и был обнадёжен, но не возносился. «Он говорит, — писал Митчел, — со скромностью героя, чья слава не зависит от улыбок или насмешек судьбы». Король, как всегда, свободно критиковал любого, невзирая на лица. Кейту, прославленному ветерану, он 17 декабря написал о его неудачном и роковом решении отступить от Хемница к Лейпцигу: «Благодарение Господу, что ты еще не выполнил этот план, что заставило бы меня подумать, что ты потерял голову!» Поздравления от Августа Вильгельма были приняты с прежней суровостью: «Хотя ты и не мог командовать, но для твоей репутации было

* Включая 12 генералов и 300 офицеров. — *Примеч. авт.*

** максимального переполоха и уничтожения (нем.).

*** Прощай, моя дорогая, моя милая сестра (фр.).

бы лучше, чтобы ты по крайней мере там присутствовал». Он высмеял, хотя и мягко, принца Генриха: «Все люди делают глупые вещи (*sottises*)! Просто лучшие из них делают наименее прискорбные!» Фридрих также сказал Генриху, что тот видит общую обстановку в слишком мрачных тонах — «*trop noir*». Он отдал распоряжение Подевильсу в Магдебург о переезде королевской семьи в Берлин. В это время Митчел заподозрил, что Генрих вынашивает некий собственный замысел переговоров с французами, не поставив в известность Фридриха. Он всегда тонко чувствовал ревность Генриха к королю.

Месяцы, следовавшие вслед за Лейтенем, преподнесли немало примеров, подтверждающих стратегический характер проблем, стоявших перед Фридрихом, и наличие у него большого количества врагов. Они также показали, насколько легко просчитаться в выборе приоритетов.

Фридрих надеялся, что французы получили под Росбахом достаточно ощутимый щелчок и их повторное вторжение в Южную Германию стало маловероятным. Имперцы теперь почти ничего не значили. На севере, однако, куда он двинулся после Росбаха и Лейтена, Фердинанд Брауншвейгский с армией, состоящей из ганноверцев, брауншвейгцев и пруссаков, все еще вел кампанию по защите Ганновера, которая состояла из маршей и маневров, призванных угрожать французам с разных направлений и не дающих им возможности укрепиться на позициях. Конечная задача — заставить их отойти на запад. Фридрих, рекомендовавший Фердинанда в качестве командующего объединенными войсками, внимательно наблюдал за ходом событий, часто с тревогой. Он посылал письма, содержавшие оперативные советы или возражения. Они никогда не вносили напряженности в отношения между этими людьми. Фердинанд был свояком Фридриха, братом одинокой, несчастной королевы Пруссии, но это несколько не помогло бы ему, будь его личные способности не столь выдающимися.

Тем не менее Фридрих активно вмешивался в детали проведения кампании. Фердинанд, писал Фридрих, при определении направлений передвижения находился под влиянием ганноверцев. Он пошел на Целль: было бы лучше идти на Ниебург и Минден, что могло расколоть силы противника. Такого рода замечаний было много. Фридрих делал их безукоризненно вежливо, к тому же он был щедр на похвалы, когда считал,

что они заслуженны. Король называл Фердинанда *mon cher Ferdinand**.

Фердинанд, как и планировал, в конце концов, маневрами вынудил французов пойти на запад, прочь из Вестфалии. «Стоит вам повернуть к Падерборну, как они побегут к Дюссельдорфу и Рейну», — наставлял его Фридрих в марте 1758 года. И не ошибся. Он с гневом узнал о бесчинствах французов по отношению к гражданскому населению и горячо одобрил заявленные Фердинандом угрозы об ответных действиях: если французы еще что-нибудь сожгут, написал он, пруссаки ответят тем же, и, составив письмо, он направил его принцу Генриху для пересылки Ришелье. Фридрих получил информацию, что кардинал де Берни, который стал главным французским министром, верил в возможность достижения мира.

Тем не менее значительная часть энергии Фридриха на дипломатическом поприще была направлена на то, чтобы попытаться заставить Британию разместить войска в Северной Германии. Вполне возможно, что усилиями Фердинанда до поры до времени удавалось удерживать французов, но в будущем все могло измениться. Если в этом районе пришлось бы вести кампанию осенью 1758 года или в 1759 году, то участие Британии могло бы стать решающим фактором, говорил он Митчеллу. После Росбаха король был особенно критично настроен к англичанам. В отношении собственных сделок Фридрих был скрупулезен. Ганноверские послы вышли с предложением к его министрам в Берлине о том, что после войны некоторые епископства — Падерборн, Оснабрюк, Гильдешайм и часть Мюнстера — могли бы быть присоединены к Ганноверу в обмен на отказ Ганновера от претензий на Остфрисланд. Фридрих ответил, что подобные переговоры должны вестись в обстановке полной секретности и такие предложения могут рассматриваться лишь при наличии согласия Британии. В то же время он поинтересовался: где же британские войска?

Лондон придерживался мнения, что участие в военных действиях дорого обойдется, так как финансовая нагрузка помещает торговле. «Безопасность превыше торговли!» — заметил Фридрих, подчеркнув, что даже 8000 штыков будут иметь большое значение для баланса сил. Владения Фридриха находились под угрозой со стороны Швеции и России, точно так же как землям короля-курфюрста угрожала Франция. Британия

* мой дорогой Фердинанд (фр.).

была в мире со всеми, кроме Франции, но британские солдаты в Германии стали бы залогом того, что у короля Пруссии есть друзья, с их помощью в будущем можно будет воспользоваться случаем и ударить по французской армии, операция, которой британцы грезили.

Но пока Фридрих получил только британские протесты и требования, чтобы он сам делал больше для помощи Ганноверу. Король часто раздражался. «Вплоть до настоящего времени нет абсолютно никакой помощи от Британии ни на суше, ни на море, — писал он смущенному Митчелу 23 января, — с тем чтобы сделать свое собственное участие и мощные действия против нашего общего врага более весомыми...» Фридрих знал причины колебаний Британии. Хотя, как ему докладывали, общественное мнение в Британии склонялось в его пользу, Питт, главный министр, был настроен враждебно не к Фридриху, а к идее любого участия в наземных операциях в Европе. Ресурсы Британии, говорил он, потребны в первую очередь для морской и колониальной борьбы с Францией во всемирном масштабе. Питт скорее бы согласился купить иностранных солдат на субсидии, чем видеть хотя бы одного англичанина в Ганновере. Даже в вопросе об отправке британской эскадры на Балтику Питт создавал практические трудности. И когда Камберленд принял командование над наблюдательной армией, он свыкся с мыслью, что прусская поддержка должна быть больше.

Фридрих все это понимал и искусно использовал. Он проинструктировал своего человека в Лондоне, теперь туда в качестве полномочного посланника был направлен Книппхаузен: вопрос об участии Британии в союзных силах в Европе следует продвигать *pas a pas**; Питта «тошнит» от этой мысли! Но со временем британцы созреют. Когда Георг II несколько раз упомянул об отправке британских войск в помощь Фридриху, тот намеренно равнодушно ответил, что надеется на то, что это не понадобится. Книппхаузен имел инструкцию из трех пунктов: заполучить британскую эскадру на Балтику, добиться увеличения численности ганноверских войск и провести переговоры об увеличении размера ежегодной субсидии. Как только эти пункты будут выполнены, Фридрих подпишет официальное соглашение. Он, однако, не станет сверх необходимого выступать в роли *просителя*. Король Пруссии знал, что пужен британцам со своей армией, и назначал соответствующую цену.

* шаг за шагом (фр.).

Митчела на время заменили, и, когда новый британский посол в Берлине, генерал Йорк, доложил, что Фридрих решил отложить подписание соглашения, в Лондоне испугались.

Прибалтика продолжала отвлекать большую долю внимания Фридриха. Его сестра, Ульрика Шведская, написала в январе, что надеется, что он в скором времени освободится от пазойливости шведов, — это станет возможным благодаря небольшим кадровым перестановкам в Стокгольме. Однако тревога не исчезла, потребовались некоторые превентивные меры со стороны прусских войск. Ульрика с удовольствием писала, как вытянулись лица шведских министров, когда они получили известие о Лейтене. Но более важными были сведения о готовящемся повороте наступления русских, полученные в январе 1758 года. Его цель — Померания или Силезия, возможно, и та и другая одновременно. Фридрих знал, что у русских новый главнокомандующий, граф Фермор*. Русские войска уже входили в Восточную Пруссию.

Первоначально Фридрих воспринимал новости с востока с удивительной невозмутимостью. Левальд в Штралзунде, в Северной Померании, по-прежнему возглавлял армию, которая пережила Гросс-Егерсдорф, и Фридрих готовил для нее подкрепления. «Вряд ли стоит опасаться чего-либо со стороны русских, — писал Фридрих Вильгельмине в начале января. — Когда я разделаюсь со шведами, мои руки будут развязаны и можно будет послать любую необходимую помощь». Императрица Елизавета, как он слышал, была больна. Реально Россия соперничала со шведами за приобретения в Прибалтике, и Фридрих, успокоенный воспоминаниями о том, как русские отступили после тяжелого столкновения с Левальдом, был уверен в себе — чересчур. «Король Пруссии, — отмечал Митчел, — обладая всеми великими и превосходными качествами и величайшей проницательностью, никак не может быть свободен от общечеловеческой слабости верить с удивительной легкостью в приятное и с большим трудом в нечто, что расходится с его желаниями и интересами». И это было правдой.

* Фермор, Виллим Виллимович (1702—1771), граф, генерал-аншеф русской службы, сын выходца из Англии. В начале Семилетней войны командовал осадным корпусом под Мемелем и Тильзитом и дивизией при Гросс-Егерсдорфе. В 1757—1759 гг. — главнокомандующий русской армией, отстранен за пассивность и нерешительность.

Меньше всего Фридриха тревожил юг. Недавно он самым серьезным образом проучил австрийцев и тем выиграл время, однако у Австрии еще были большие силы, развернутые на широком фронте. Австрийская армия под командованием Дауна, который сменил эрцгерцога Карла, находилась по-прежнему в боевом положении. Неизбежны новые попытки вернуть Силезию и, возможно, изгнать пруссаков из Саксонии, если Вена не удастся подвигнуть к серьезным мыслям о мире. Для этого, думал Фридрих, нужен еще один впечатляющий военный успех, но его возможности ограничены, Южная Германия вообще могла оказаться без прусских войск. Как только Австрия восстановит силы, а она это непременно сделает, Силезия и Саксония окажутся в пределах ее досягаемости.

Денег на войну у Фридриха было немного. Он оккупировал всю Саксонию, и реквизиции, проводимые там, были нужны для пополнения казны, но часто они давались с трудом. Кейт сообщал о трудностях получения с Дрездена необходимых сумм, и Фридрих резко отвечал, что такт соблюдать бессмысленно. Деньги любыми способами должны быть получены или взяты. Его раздражали желчные послания от графини Брюль, жаловавшейся на разграбление одного из замков прусским полковником. Фридрих напомнил ей о бесчинствах саксонцев и о том, как союзники короля Польши грабили Пруссию. А полковник, о котором идет речь, сообщил о спрятанном в замке Брюля оружии. Он поступил правильно.

Однако несмотря на проблемы, существовавшие на оккупированных территориях, нехватку средств и наличие большого количества противников, Фридрих решил вновь предпринять наступательные действия против Австрии. Еще один эффективный удар мог создать условия для ведения переговоров о мире. На него не произвели впечатления любезности Кауница, написавшего в январе лично королю. Он предупреждал, что один французский виноторговец в Болонье — имя и нынешнее местонахождение не известно — публично вопрошал: «Неужели ни у кого нет пощады, чтобы избавить мир от короля Пруссии?» Это, писал Кауниц, дошло до ушей императора и императрицы, и они, потрясенные, распорядились предупредить его. Фридрих, зная из сообщений из Вены о том, что и сколько о нем говорят злые языки, не принял во внимание это не несущее никакой информации елейное послание и продиктовал ответ Кауницу: «Именно благодаря нашему цивилизо-

ванному столетию мы живем со страхом убийства», но было бы желательно, чтобы в этом столетии была устранена язвительность *«plumes indecentes»**, которые используются против великих монархов.

Фридрих решил вторгнуться в Моравию. У него еще оставались дела в Силезии, и он хотел вернуть Швейдниц; затем король предлагал двинуться через горы и осадить Оломоуц. Австрийцы, как он предполагал и на что надеялся, пойдут на помощь этому важному городу. Тогда Фридрих вновь окажется лицом к лицу с Дауном в открытом поле и, возможно, нанесет ему такое поражение, которое заставит Вену просить мира. Он был настроен оптимистически, возможно, ради Вильгельмины, в письме которой сообщил, что надеется в скором времени нанести Марии Терезии *«grand coup»***.

У него возникли проблемы с пополнением поголовья английских лошадей — торговец по имени Касл обычно продавал их по 75 фунтов, ему понадобилась помощь Митчела. Он рассчитывал сбить цену по меньшей мере на 25 процентов и написал британским властям, что преподнесенные в качестве личного дара Георга II 20—30 лошадей были бы красивым жестом.

Вторжение Фридриха в Моравию можно критиковать с разных позиций: оно не достигло поставленных стратегических задач, не смогло помешать Австрии восстанавливать силы и не заставило ее заговорить о мире. Он, видимо, недооценил трудности глубокого вторжения на вражескую территорию после непростой и дорогостоящей кампании, которая велась с лета предыдущего года. Ему не хватало денег и людей. Из 170 000 человек, числящихся в его армии, 50 000 были необходимы для формирования гарнизонов в городах.

Оломоуц потребовал бы осады. Фридрих принимал это решение, все еще осаждая Швейдниц. Он ощущал недостаток средств, ресурсов материальных и человеческих для ведения осадных работ. Король писал своему человеку в Гааге, ван дер Геллену, 24 декабря — не может ли он пайти на датской службе нескольких опытных инженеров, которые согласились бы служить у Фридриха? Он интересовался офицерами с хорошим

* непорядочных перьев (фр.).

** мощный удар (фр.).

послужным списком, лучше — протестантами. Он мог предложить майору 512 экю в год, капитану — 360*.

Кроме этого, имелись проблемы и в оперативном плане. Двигаясь на Оломоуц, Фридрих будет фактически пересекать фронт Дауна, разместившего австрийскую армию в районе Кёпниггреца. Это могло, как он надеялся, вынудить австрийцев выступить против его западного фланга. Но Даун мог принять решение о том, чтобы беспокоить пруссаков при помощи легкой кавалерии, которой всегда было в избытке, и в первую очередь угрожать обозам снабжения и колоннам подкреплений для осаждающих войск и мириться с разрешения Вены с осадой Оломоуца в течение неприемлемо длительного срока.

Следующей оперативной проблемой было время. Выдвижение и подготовка всего необходимого потребуют значительной части времени сезонной кампании. Быть может, оно и не было таким важным фактором, если бы не подступали другие опасности. Фридрих, хотя и бывал порой чересчур безмятежным, прекрасно понимал, что в течение 1758 года ему вновь придется столкнуться с русской угрозой. Сил, которые он держал на этом направлении, будет недостаточно, но он не сможет ничем помочь, пока будет занят непростой кампанией в Моравии.

К тому же существовали реальные оперативные угрозы, с которыми могли столкнуться прусские войска, осаждающие Оломоуц. Вести его осаду, снабжать войска и защищать их от нападений подвижных групп противника с тыла — все это потребует крупных сил и средств. Фридрих хорошо видел трудности предстоящей кампании, но он был не из тех, кто отказывается от попытки из-за опасности или сложности. По словам де Катта, стоило Фридриху сказать, что что-то непросто, как он тут же пытался это сделать.

16 апреля генерал фон Тресков принял капитуляцию Швейдница. Потери пруссаков составили 70 человек убитыми и 137 ранеными, они взяли в плен 3450 австрийцев, в том числе 250 офицеров. Еще австрийцы потеряли во время осады 3500 человек, главным образом из-за болезней. Она потребовала слишком продолжительного времени: Фридрих приступил к осаде 18 марта и планировал завершить к 1 апреля. Весенние дни стоили многого. Он попросил Кейта приехать из Саксонии, чтобы руководить операциями в последнюю неделю. Его штаб-

* Примерно 7000 фунтов в год в современном (1998 г.) эквиваленте. — *Примеч. авт.*

квартира была поблизости, и он теперь мог двинуться на Оломоуц через Нейссе, где сосредоточивалась армия, и через Троппау.

27 апреля Фридрих расположил свой штаб в Нойштадте, возле Нейссе. В Нейссе он выступил перед встречающими его служителями церкви. Он не верил им и не скрывал этого. Король сказал, что знает об их склонности к соглядатайству — постыдное дело! «Берегитесь! — заявил он. — Если я заподозрю измену, то повешу вас на одной из башен этого города!» Фридрих не слыл жестоким, но когда он говорил такие вещи, видимо, никто не сомневался в его словах. Однако многие отмечали его явное сожаление в связи со страданиями людей во время войны. «Нужно быть настоящим варваром, — замечал он в то время, — чтобы тревожить без причины несчастных, которые не имеют ничего общего с нашими славными ссорами!» Когда король встретил крестьянина, у которого *vivandiere** отняла лошадь — несомненно, его самое драгоценное имущество, — он подозвал капрала и приказал всыпать женщине двадцать ударов тростью.

Фридрих подошел к Оломоуцу 29 апреля. Обосновавшись в Шмиршице, в восьми милях к юго-западу от города, он разместил войска так, чтобы они прикрывали южное и восточное направления, в то время как Кейт держал север и северо-запад. Обоз, включавший тяжелую осадную артиллерию, двигался на соединение с ними под руководством де ла Мотт Фуке и прибыл на место 20 мая. Оломоуц блокирован, вся трудоемкая подготовка к осадным мероприятиям, принятым в восемнадцатом веке, была завершена к концу месяца.

С самого пачала осадные работы пошли неважно — медленно и плохо. Инженеру армии, генералу де Бальби, достались основная критика Фридриха и его неудовольствия ходом работ и действиями инженеров. Однажды король отчитывал несчастного Бальби почти целый час, и многие, включая Кейта, считали, что Фридрих к нему несправедлив. Для ведения работ не хватало оборудования и людей. Осадные работы требовали больших затрат труда: было необходимо копать траншеи до того места, где можно приступить к рытью параллелей, а затем опять вести траншеи до того, как они будут наконец подведены к штурмовым позициям. Кроме этого, они включали обустройство защищенных позиций для артиллерии. Не все не-

* маркитантка (фр.).

достатки и задержки происходили по вине Бальби — в конце концов, он прекрасно справился с работой под Швейдницею. Первые параллели были открыты 27 мая.

Прошел июнь. Фридрих с возмущением писал Кейту о неумелости офицеров осадной артиллерии. Появилась необходимость в срочной доставке пополнений и припасов для войск. Был организован огромный конвой — 3000 фургонов, движущийся с севера в направлении прусских позиций. Конвой неизбежно становился лакомой приманкой для противника, если у него сохранилась хоть какая-то способность к самостоятельным действиям. Австрийцы собрали значительные силы для атаки конвоя и напали на него 30 июня из засады между Домштадтлем и Альтлебе, лежащими на пути из Оломоуца в Троппау. Караван был полностью разгромлен австрийской кавалерией. Цитен, ранее подошедший из района Ландшюта, провел неудачную контратаку, а потом австрийская кавалерия под командованием генерала Лаудона с запада с заметным успехом контратаковала пруссаков. Их войска были отбиты со значительными потерями, которые составили 2300 человек. Прорвалось всего 100 фургонов.

Лаудону, сыгравшему решающую роль в этой операции, предстояло длительное время оставаться для Фридриха соринкой в глазу. Гидеон Лаудон был еще одним из европейских солдат удачи, чьи корни происходили из Шотландии. Семья из Эйшира обосновалась в Ливонии в четырнадцатом столетии. Он был на четыре года моложе Фридриха; его отец — генерал-лейтенант на шведской службе, а сам он обучался военному делу в России. Стремясь к производству в офицеры, в 1743 году Лаудон отправился в Германию, когда Первая Силезская война только что закончилась Бреславским миром. Двадцатилетний Лаудон сразу же поехал в Берлин, где ему удалось попасть на аудиенцию к королю Пруссии. Фридрих отказал ему: «Я не в силах дать по эскадрону каждому приехавшему в Берлин иностранцу!» Поэтому весной 1744 года Лаудон отправился в Вену, был принят Марией Терезией и получил капитанский чин в австрийской армии.

Лаудон сражался с французами в Эльзасе и к 1753 году получил чин подполковника, а вскоре стал генералом. К тому же он старательно изучал недавние кампании Фридриха, а также ход его военных реформ. Он во многом был противоположностью своему начальнику, Дауни: дерзкий там, где Даун бывал

осторожным, быстрый там, где Дауна можно было обвинить в бездействии. Несколько позже, в мирное время, Лаудон встретился с Фридрихом на банкете, на котором ему было отведено скромное место. «Подойдите сюда, фельдмаршал Лаудон, — обратился к нему король Пруссии. — Я предпочел бы иметь вас рядом с собой, а не против себя!»

До Фридриха известие о разгроме большого конвоя дошло 1 июля, и он принял его спокойно. Самоанализ и утрата уверенности в себе могут стать бичом для любого человека, когда годы берут свое, такое происходило и с Фридрихом. «Я более не знаю своей судьбы, — говорил он Маршалю в 1758 году. — Откуда я? Где я? Куда иду?» Но король Пруссии умел пережить крушение надежд. «Школа неудачи — хорошая школа», — замечал Фридрих, но в той конкретной ситуации он понимал, что проиграл. Он должен отказаться от своего плана. Осада Оломоуца будет долгим делом, возможно, невыполнимым; и казалось, было все труднее сохранять кольцо блокады. Австрийцы, двигаясь через Клейновиц и Добравиллиц, вплотную приблизились к осаждающим войскам, а на юге практически вошли с ними в контакт. Фридрих был вынужден признать, что подвоз припасов для осаждающих прерван, блокада прорвана и осаду нужно снимать. У него была надежда спровоцировать Дауна на решающее сражение, которое пруссаки могли выиграть, но Даун на это не пошел. «Я утратил преимущества, которые выиграл прошлой осенью и зимой», — сказал Фридрих, и это было горькой правдой. Он должен оставить Моравию.

Немалое искусство потребовалось, чтобы увести осаждающую армию и не оказаться перед необходимостью сражения на условиях Дауна и в выбранном им месте. Фридрих хотел избежать слишком очевидного маршрута отступления главных сил и потому повел армию не на северо-восток к Троппау, по пути ее прежнего движения, а на северо-запад через Цвиттау и Лейтомышль, в каждом из которых находились австрийские склады с припасами, через горы, разделяющие Моравию и Богемию. Он решил двигаться к Кёниггрецу на Эльбе, где ранее в укрепленном лагере располагался Даун.

Оттуда он решил повернуть под прямым углом на северо-восток к графству Глац и району Ландшюта. Фридрих добрался до пункта назначения в полном порядке, со всей артиллерией и имуществом. Вторжение в Моравию закончилось. Фридрих

вскоре узнал, что все складывалось одно к одному. Кризис обострялся повсюду. Русские под началом генерала Фермора опустошали территорию Пруссии к востоку от Одера.

Русское вторжение было согласовано с австрийцами на конференции, состоявшейся в апреле. Имевшиеся ранее планы предусматривали, что русские двинутся на помощь австрийцам в Моравию и Богемию, но их изменили в пользу прямого удара по Пруссии, который должен будет отвлечь прусские силы с юга, и — после захвата Франкфурта — завершиться наступлением на Берлин.

В начале апреля, прежде чем двинуться на Моравию, Фридрих написал письмо генерал-лейтенанту фон Дона, принимавшему у фельдмаршала фон Левальда командование войсками в Балтийском районе. Между офицерами существовали трения. Фридрих знал об этом и напомнил Дона, что фельдмаршал — пожилой человек и что это обязывает генерала следить за своим поведением.

В другом письме несколько недель спустя Фридрих написал Дона, что главной задачей являются австрийцы, — он писал из ставки у Швейдница, все еще осаждаемого пруссаками, — а противниками, которые могут его отвлечь от ее выполнения, являются русские и шведы. Потому Дона должен своими действиями сорвать их планы. Предположительно армия нового русского главнокомандующего Фермора насчитывала 45 000 человек, и ее нельзя пускать в Померанию. Дона обязан прикрывать порт Штеттин, находящийся в устье Одера. Шведов следует склонить к заключению мира, и, если перед Дона окажутся русские, их нужно разбить, а затем заняться шведами. Все это казалось сравнительно простым делом, и Фридрих ясно давал понять, что эти вопросы являются второстепенными по отношению к действиям против Австрии. Теперь все было по-другому.

Фридрих оставил принца Генриха, располагавшегося в Лейпциге, командовать в Саксонии, а маркграфа Карла Бранденбург-Шведтского*, брата своего зятя, — в Силезии. Сам же он пошел на север всего лишь с малой частью армии — 11 000 человек в составе 38 эскадронов кавалерии и 14 батальонов пехоты — на соединение с Дона. Дона командовал войсками,

* Титул маркграфа Бранденбург-Шведтского происходит от названия города Шведт, расположенного на реке Одер. — *Примеч. ред.*

насчитывающими 26 000 штыков: 29 пехотных батальонов, 36 эскадронов кавалерии, 2 полка тяжелой кавалерии и 128 орудий. С подкреплением, которое вел Фридрих, армия составит 37 000 и будет по-прежнему, в соответствии с имеющейся информацией, численно уступать русской армии Фермора. Король не хотел брать с собой больше войск, чтобы Даун не подумал, что он вовсе отказывается от Южной Германии. Стояла небывалая жара. Марш требовал много сил, но еще больших сил могла потребовать предстоящая битва с русскими. В то время он распространил жесткие приказы. Пехотные офицеры и младший командный состав получили приказ расстреливать на месте любого солдата, который, не будучи раненым, покинет строй и товарищей.

Пруссак 10 августа подошли к Лейгницу, 15 августа к Далке и к Кроссену-на-Одере — 18 августа. В дороге Фридрих читал Цицерона; когда он ездил в карете, то всегда много читал, а также учил стихи — король обладал феноменальной памятью и мог долго читать наизусть стихи. На каждого, кто видел его в это время, производила сильное впечатление его манера держаться. Фридрих был вынужден отказаться от ведения кампании. В его страну вторглись превосходящие силы, приходилось заново строить планы. Его сильно тревожили известия о плохом здоровье Вильгельмины — полные любви письма направлялись к ней почти с каждой стоянки, твердость и хладнокровие короля были очевидными и вызывали восхищение.

В Кроссене он больше узнал о несчастьях, обрушившихся на Пруссию. Деревни повсюду были разграблены и сожжены, насильники не щадили даже детей и женщин. Фридрих продолжал движение к Франкфурту-на-Одере, где уже были слышны звуки канонады, когда русские пушки обстреливали Кюстрин, островную крепость между Одером и Вартой. Там он провел некоторое время в молодости в заточении. Фридриху в эти решающие дни нужно было не допустить соединения шведов, разместившихся неподалеку от северного побережья, с русскими. Он старался также следить за развитием обстановки в районах, подконтрольных принцу Генриху. Фридриху нужно было так маневрировать войсками, чтобы противник не навязал ни ему, ни Доне сражения в неудобном для них месте. Он каждый день спускался с Дона. Если бы шведы и русские действовали умело, быстро и скоординированно, то он оказался бы в трудном положении.

Войска Дона и Фридриха соединились под Маншновом, к западу от Кюстрина, 22 августа. Солдаты за восемь дней марша преодолели 160 миль. Примерно в двадцати милях к северу от Кюстрина через Одер к 23 августа построили поитонный мост, но сам Кюстрин уже был сожжен дотла. Фридрих побывал там и осмотрел остатки своей бывшей резиденции.

Фридрих переправил армию через Одер у Альт-Густебейзе и направил ее в район сосредоточения к югу от этого населенного пункта и к востоку от деревни Дармейцель. К югу от нее речка Мейцель впадает в Одер в нескольких милях к северу от Кюстрина. Лесистая местность сильно затрудняла наблюдение, и у Фридриха не было ясности, как расположились войска Фермора. Он знал лишь, что русские находятся к югу от реки Мейцель, занимая весь восточный берег Одера. Фридрих опросил лесников — леса были государственными — и получил полное представление о местности и ее неудобствах. Он нанял их в качестве проводников, чтобы провести войска через леса, лежащие к югу и востоку от района концентрации армии. Вероятно, и сам Фридрих неплохо знал местность, изучив во время прежних наездов, когда знакомился с прусским местным управлением в свою бытность принцем-арестантом в крепости Кюстрина.

К югу от Мейцеля простирались густые леса, доходившие до трех деревень (с запада на восток) Квартшен, Цихер и Бацлов, располагавшихся примерно в двух с половиной милях друг от друга. В двух милях к югу от Бацлова находилась деревня Гросс-Каммин, а еще в миле южнее начиналась череда болот под названием Вартские болота. Юго-западнее Бацлова и в двух милях западнее Гросс-Каммина стоял населенный пункт Вилкерсдорф. В двух с половиной милях к западу от него — деревушка Цорндорф, она находилась примерно в трех милях к югу от линии, которую можно было провести через Квартшен, Цихер и Бацлов.

От Квартшена до точки неподалеку от западной оконечности Цорндорфа тянулась труднопроходимая болотистая низина, она называлась Цаберн Грунд. Похожая топкая местность — Лангер Грунд — лежала примерно параллельно первой, в двух милях к востоку. Поле боя, как потом стало ясно, грубо можно описать как прямоугольник со сторонами Квартшен — Цихер — Вилкерсдорф — Цорндорф, а основные события сражения произошли между низинами Цаберн и Лангер Грунд.

Фридрих верно предположил, что Фермор развернется для боя в стороне от лесов. У Фридриха не было намерения производить атаку непосредственно с севера. Где бы ни находились позиции и фланги Фермора — а Фридрих этого не знал, — он не мог пойти на марш сквозь чащу по лесным тропам, чтобы потом разворачиваться на глазах у неприятеля, возможно, в условиях приближающейся темноты. Ему требовалось пространство для нормального развертывания армии. Позиции, которые решит выбрать Фермор, и направление, куда развернут его строй, очевидно, будут соответствовать тем данным о передвижениях пруссаков, которыми он располагает, но казалось, что он станет фронтом на восток, потому Фридрих планировал маршем обойти район, где должны были стоять русские, с востока.

Фридрих решил нанести удар с юга, из района между деревнями Цорндорф и Вилкерсдорф. Для этого понадобится долгий марш, во время которого фланги армии будут прикрываться кавалерией. Переведя войска с севера на юг, он начал готовить косую атаку. «Оттянутым» флангом станет правый под командованием Дона, который вначале будет намеренно изображать пассивность. Он располагался между Цорндорфом и Вилкерсдорфом. *Schwerpunkt* атаки придется на левый фланг пруссаков, который ударит из района западнее и ближе Цорндорфа.

Schwerpunkt составят 2 эшелона. В первом пойдет авангард из 8 батальонов под командованием генерала фон Мантейфеля, за ним двинутся еще 15 батальонов двумя линиями под началом генерала фон Каница. Кавалерию разделили. Часть ее — 5 полков — вошла в состав правого, или «оттянутого», фланга под командованием Дона. Большая же часть — 36 эскадронов во главе с Зейдлицем — должна была перейти через Цаберн Грунд после того, как пройдет циркуляционным маршем со всей армией, и наступать на север параллельно с пехотой Мантейфеля, но за болотом и защищать атакующий левый фланг Фридриха от наскоков русской кавалерии. Артиллерии предстояло сыграть решающую роль в *Schwerpunkt*. Фридрих приказал организовать две крупные батареи из 60 орудий и разместить их к северу и северо-западу от Цорндорфа. Им предоставлялось «размягчить» ту часть российской линии, которая могла быть правым флангом развернутых на восток позиций, а на самом деле была правым флангом позиций, обращенных на юг, куда нацеливался прусский удар.

Вечером 24 августа, когда прусская армия уже находилась в районе концентрации или подходила к нему, Фридриху удалось переправить часть сил через Мейцель возле мельницы Ноедаммер, где он устроил штаб, и таким образом создать небольшой плацдарм в лесу на другом берегу реки, послуживший трамплином для большого марша на сближение.

Распланировав в общих чертах сражение, Фридрих приказал войскам начать движение в нужном порядке к позициям, которые он им назначил занять перед собственно атакой. Марш — примерно 8 миль — совершался из района сосредоточения войск на юго-восток, в направлении Бацлова. Обойдя Бацлов с запада и востока, армия затем под прямым углом повернет на юго-запад и возьмет курс на Вилкерсдорф. Между Вилкерсдорфом и Цорндорфом войска построятся фронтом на север, в то время как Зейдлиц поведет кавалерию левого фланга через Цабери Груд. Войска, предводительствуемые авангардом Мантейффеля, тронулись в 3 часа утра 25 августа. Фридрих ехал верхом с авангардом. Было очевидно, что видимость будет плохой независимо от погоды. Русские сожгли вокруг все деревни и перебили всех жителей, и черный дым вился повсюду, смешиваясь с пылью, которую неизбежно поднимала огромная армия копытами, ногами и колесами пушек.

Во время этого марша к выбранным позициям Фридрих у Вартских болот за Гросс-Каммин обратил внимание на большое скопление фургонов. Это явно был русский обоз с имуществом, необходимым для тылового обеспечения их армии, но все внимание короля сосредоточилось на предстоящем сражении. Он знал, что ни о какой победе не может быть и речи, если командующий будет отвлекаться на второстепенные цели. Плохая видимость, однако, сделала свое дело. Его предположения относительно того, каким образом Фермор расположит войска, оказались неверными. Фермор первоначально развернул армию фронтом на север, в сторону района сосредоточения прусских войск, поставив обоз в тылу за правым флангом. Теперь же, разгадав характер передвижений пруссаков, он быстро развернул армию кругом, фронтом на юг, и при этом обоз оказался прямо на его левом фланге. Некоторое время Фридрих считал, что найдет позиции Фермора обращенными на восток и когда он подойдет к Цорндорфу, то окажется вблизи правого фланга позиций противника. В этом же случае противники будут сто-

ять друг перед другом. В какой-то момент один гусар подсказал к Фридриху и заикаясь сообщил, что видел русскую батарею, входящую в соседний лес, и счел необходимым немедленно доложить королю. Фридрих не поверил: «Я уже слышал рассказы о многих батареях!» Гусар отправился восвояси, бормоча под нос: «Это урок для меня, чтобы больше не лез с докладами». Зейдлиц наблюдал за всем этим и сказал королю, что лично знает этого гусара: «Первоклассный вояка!»

«Верни его!» — приказал Фридрих, и когда тот подъехал: «Я не совсем понял твой доклад, сынок». И после разговора: «Прекрасный гусар. Он далеко пойдет».

Голова громадной колонны войск Фридриха миновала Цорндорф в восемь часов, а в девять часов утра 25 августа прусская армия заняла свои позиции. Орудия ее громадной батареи открыли огонь в северо-западном направлении, имея солнце за спиной. Снаряды упали с недолетом, и пушки были продвинуты вперед, канонада возобновилась. Оказалось, однако, что русские не дрогнули под этим обстрелом. Они держались стойко, и примерно в одиннадцать часов Мантейффель, а за ним Каниц двинулись вперед.

Вскоре все начало складываться не в пользу прусской армии. Левый фланг батальонов Мантейффеля по непонятной причине сдвинулся дальше от Цабери Грунд, чем было задумано. Это дало возможность русской кавалерии атаковать их левый фланг, и русские этим воспользовались — 14 эскадронов произвели великое опустошение. Видимость была настолько плохой, что батальоны Мантейффеля почти наткнулись на русскую линию, прежде чем дым и пыль рассеялись и был открыт огонь от русских позиций — ружейный и артиллерийский огонь в упор сопровождался неукротимыми атаками русской кавалерии против левого фланга, понесшего ужасные потери.

В дополнение к этим неприятностям батальоны Каница, имевшие задачу двигаться непосредственно за Мантейффелем для обеспечения глубины главной атаки, начали сворачивать правее от запланированной линии удара, через лес Штайн-Буш, что неизбежно повлияло на порядок построения и взаимодействия. Они пытались сохранить контакт с правым флангом армии, «оттянутым», флангом Дона. Это была не столь важная задача, как непосредственная поддержка Мантейффеля. В результате люди Каница, выбравшись из леса Штайн-Буш, оказались перед центром левого фланга русских войск, не

подвергавшихся огню прусской артиллерии; русские были вполне в силах справиться с ними, что и не замедлили сделать.

Таким образом, Фридрих пошел дела на своем левом фланге в полном беспорядке. Его пехота пыталась атаковать на слишком широком фронте и по слегка отклоненной оси под убийственным огнем превосходящих сил противника. Его батальоны оказались открытыми для жестоких кавалерийских атак и понесли огромные потери, а в некоторых местах дрогнули. Местность, разрезанная перелесками, создавала трудности для движения и контроля. Фридрих отсылал записки Зейдлицу за Цаберн Грунд, требуя вмешаться, но военачальник отвечал, что пусть лучше король доверит ему, Зейдлицу, судить, где, когда и как.

Когда Зейдлицу стало ясно, насколько опасно положение авангарда и всего левого фланга армии, он приказал всем своим силам, 36 эскадронам, переправиться через Цаберн Грунд. Перед ним была масса русских кавалеристов, перемешанных с пехотой, которые врубались в ряды батальонов Мантейффеля. Зейдлиц сформировал три колонны, каждая из 12 эскадронов, имеющих по фронту по 3 эскадрона. Он атаковал. Русские войска на правом фланге дрогнули и начали поспешно отступать в сторону лесов к югу от Квартшена или пробиваться назад к Мейцелю.

Фридрих пытался организовать прусские батальоны, которые, как он обнаружил, вели себя хуже, чем пристало пруссакам. Теперь он поскакал на правый фланг, где были построены «оттянутые» 15 батальонов пехоты и 5 полков кавалерии Дона. И в этот момент 36 русских кавалерийских эскадронов от своего левого фланга к востоку от Цихера обрушились на центр и правый фланг батальонов Дона южнее Лангер Грунд. Фридрих перебросил 2 полка с левого фланга от Зейдлица, которые, соединившись с полками Дона, нанесли русской кавалерии впечатляющий удар из района деревни Цорндорф.

Пришло время более решительного наступления. Любое наступление батальонов Дона отражалось и пресекалось, но теперь и сам Фридрих, и Мориц Ангальт-Дессауский начали их подгонять вперед. Сыновья Старого Дессаусца обладали вспыльчивыми характерами. Мориц — третий и самый младший сын. «Принц Мориц, который столь же храбр, как и его шнага, является очень *своеобразным* человеком, — как-то отметил Фрид-

рих. — Для него нет лучшего праздника, чем драка!» Батальоны Дона двинулись вперед через поле, на котором происходила неопишуемая резня. На поле у Цорндорфа никому не было пощады. Прусские солдаты, закаленные в боях, были потрясены яростью и ненавистью, которые проявились в тот день. Армии почти распались в дикой, безжалостной оргии, в которой кровь лилась, как вино. В 8.30 вечера пруссаки достигли местности между Квартшеном и Цихером, на которой располагались тем утром главные русские позиции, в то время как многие русские оказались после в основном непредусмотренных маневров ближе к Цорндорфу и, к рассвету, южнее противника. Потери с обеих сторон были ужасны. Когда удалось их подсчитать, оказалось, что пруссаки потеряли около 13 000 человек, русские — 18 000 человек*, еще было потеряно 2000 пленными, 24 знамени и захвачено 6 генералов. Армии разъединились с наступлением темноты, и 1 сентября Фридрих узнал, что Фермор отошел на восток к Ландсбергу, расположенному в 30 милях от Кюстрина. Существовала вероятность, что русские возобновят наступление, но их потери были пугающими, и Фермор отошел. Он организовал несколько незначительных осад на Балтийском побережье и не вернулся. Фридрих в уверенных выражениях писал о победе**. Митчел рассказывал британским властям о выдающейся храбрости, проявленной во время сражения королем Пруссии. Он подхватывал батальонные знамена и увлекал солдат за собой. «Его самообладание спасло все. Русские дрались, как сущие дьяволы».

Фридриха ужаснула дикая жестокость, проявившаяся в тот день. «Мы победили русских и не понесли больших потерь», — писал он Вильгельмине, хотя на самом деле был потрясен. Войны с Россией всегда следует, если возможно, избегать, считал король. «Они выставляют калмыков, татар, жестоких, свирепых

* Фридрих писал, что на поле боя они насчитали по меньшей мере 26 000 убитых русских. В истории германского Генерального штаба, более сдержанной, приводится цифра 6600 убитых, но также 12 500 раненых и еще 2500 пропавших без вести или взятых в плен. — *Примеч. авт.*

** В сражении при Цорндорфе, по мнению русской историографии, победила русская армия, которая оставалась на поле боя и была готова на следующий день продолжить сражение. Только после отступления Фридриха к Кюстрину русские отошли к Ландсбергу.

людей, которые все уничтожают и жгут*. Россия в конечном счете самая опасная из европейских держав». Поле Цорндорфа стояло у него перед глазами, когда несколько лет спустя он писал эти строки. Фридрих частенько пренебрежительно относился к военным возможностям России, теперь к страху и недоверию примешивалось немалое уважение. «Из всех наших врагов, — писал он Генриху, — австрийцы лучше всего понимают войну, французы являются слабейшими, русские — самые свирепые». Король приказал Финкенштейну попытаться опубликовать во французской и германской прессе побольше деталей о зверствах русских. Он писал о «варварстве, которое чинили эти дьяволы... избиении женщин и детей, вырезании пленных...» 27 августа он поехал в Тамсель, где когда-то семейство фон Вриха проявило доброту к печальному молодому принцу и где он испытал юношеское увлечение молодой фрау фон Врих. Дом был разграблен казаками, а тело убитой молодой женщины, над которой надругались и пронзили пикой, лежало перед парадным входом.

Фридриха беспокоило, что в пехоте отсутствовали прежняя непререкаемая дисциплина и боевой дух — некоторые вообще разбежались, несмотря на драконовские приказы, которые он отдал во время марша из Саксонии. Кавалерия и артиллерия, напротив, показали себя с хорошей стороны. Он был потрясен размерами потерь. Его любимого флигель-адъютанта, фон Оппена, принесли мертвым с двадцатью семью ранами на теле. Тем не менее на следующий день король спокойно рассказывал де Катту о ходе сражения, пообещал учить его военному искусству и редко упускал возможность побеседовать с ним на эту тему. «Знаешь ли ты другого такого монарха, — поддразнивал он его, — который был бы в такой степени педагогом, как я?» Сам Фридрих был, как всегда, повсюду. Непосредственное ведение боя, тактический план не вызывали сомнений. Марш к позициям был долгим и трудным, но дал возможность прусса-

* Фридрих не пов в попытках приписывать русским войскам жестокость и в отношении мирного населения. Факты истории и отчеты о поведении русских солдат на территории европейских государств свидетельствуют об обратном. Подобные оценки были явно нацелены на раздувание антирусских настроений не только в Пруссии, но и в других странах Европы. Распространение слухов о «зверствах русских» — это испытанный прием психологической войны, которым Фридрих мастерски пользовался.

кам развернуться в благоприятных условиях, и они понесли противнику больший урон, чем сами понесли. Пальму победителя, вероятно, нужно вручить Зейдлицу; но он сказал: «Король, это один король выиграл битву». А ведь Зейдлиц вовсе не придворный.

Цорндорф оставил в душе Фридриха неизгладимый след. Изображения на холсте или в театральной постановке сражений восемнадцатого века могут показаться элегантными, почти церемониальными сценами: разноцветные и блестящие мундиры, построение войск симметрично. В реальности поля сражений во все века были ужасным местом: земля усеяна телами погибших, истекающих кровью, людьми с оторванными или раздробленными конечностями, агонизирующими; воздух наполнен криками раненых — порой становилось еще страшнее от воя несчастных, которых пашли и мучают для развлечения победителя, пока смерть не избавит их от страданий; запах стоял, как на скотобойне. Под Цорндорфом ужасные крики раненых, жертв казаков, объезжавших поле битвы, были слышны на дальнем берегу Одера.

Фридриху стало известно, что его брат Генрих в Саксонии стоит перед сосредоточением 100 000 австрийцев и имперцев (под командованием принца Фридриха Цвейбрюкенского), командование которыми осуществляет Даун. У Генриха было примерно 45 000 войск, включая 24 000 под руководством Карла Бранденбург-Шведтского в Лусатии. Австрийцы концентрировали силы возле Дрездена среди скалистых гор, окружавших населенный пункт Столцен к востоку от города, на господствующей позиции был замок, оттуда просматривалась вся равнина между Дрезденом и Бишопсверденом. Королю также доложили, что Даун распорядился устроить салют в честь победы под Цорндорфом. «До крайности нелепо!» — заметил он. Теперь Фридрих уже прекрасно изучил местность в Саксонии, на которой велись кампании. Коммуникации Дауна с Богемией проходили через Циттау, с Силезией — через Бауцен. 2 сентября, запасшись достаточным количеством томов Цицерона, который должен был развлекать его в карете, Фридрих отправился в Саксонию. Он ехал в сопровождении 15 000 человек, оставив 21 батальон и 35 эскадронов кавалерии под командованием Допа для наблюдения за восточным направлением. В самой Пруссии происходили схватки, порой масштабные, со шведскими войсками, совершавшими рейды в Померанию. Вой-

ска численностью примерно 15 000 солдат под командованием графа Гамильтона проводили марши и контрмарши среди болот и озер южнее Штеттина, но их подвело тыловое обеспечение, и им не удалось соединиться с Фермором, это могло бы угрожать Фридриху в дни, предшествовавшие Цорндорфу. В начале октября он с удовлетворением услышал, что шведы получили хорошую взбучку, понеся большие потери, у Фербеллина от пруссаков, во главе которых был генерал фон Ведель. Гамильтон шел маршем через Нейруппин, где в свое время был расквартирован батальон Фридриха. Русская армия отошла на восток. Если не считать сил, выделенных для осады Кольберга на побережье, все войска Фермора к концу ноября будут стоять за Вислой.

11 сентября Фридрих соединился в Саксонии с принцем Генрихом. Армия Дауна имела численный перевес, и прусский король не собирался искать решающего сражения, если только не представится выгодный случай. Он выбрал маневр, чтобы при помощи контрпатрулирования держать на расстоянии кавалерийские разъезды Лаудона и угрожать коммуникациям австрийцев с Силезией и Богемией. Он получил известие об осаде Нейссе и сказал, что, несомненно, ему в скором времени придется опять поспешить туда! Он планировал все время наблюдать за Дауном. Фридрих стоял лагерем у Шёнфельда неподалеку от Дрездена, собирал доступную информацию и писал, обычно ежедневно, принцу Генриху. Когда он сядет на хвост Дауну, необходимо, чтобы его позиции перед лицом превосходящих сил противника были хороши для обороны и чтобы туда был обеспечен подвоз припасов (это в скором времени станет насущной проблемой). Наконец, рано утром 6 октября король выступил из Дрездена на восток. Даун был на марше, и Фридрих двинулся по направлению к Бауцену с небольшими силами, состоявшими из свободных батальонов и легкой кавалерии, рассчитывая, что остальные силы пойдут за ним. В первой стычке при форсировании реки его авангард потерял 320 человек, но зато он узнал, что Даун передвинулся с позиции среди скал Столпена, разместившись сначала у Ноештадта, недалеко к востоку от Столпена, а потом на позициях у Киттлица, к западу от Горлица. «Можешь быть уверен, — писал Фридрих Генриху 8 октября, — Даун со всей армией находится между Гохкирхом и Лобау». По его предположениям, Даун мог пойти на юг, в Богемию.

Теперь Фридрих полагал, что способен угрожать Дауну непосредственно с запада и в то же время выделить сильный отряд, чтобы препятствовать и, возможно, предотвратить дальнейшее продвижение австрийцев на восток, в Силезию. Он уже 28 сентября приказал генералу Ретцову с 9000 человек идти на Вейсенберг, к северу от которого, по имеющейся информации, стоял Даун, и таким образом появиться за его предполагаемым правым флангом. Ретцову следовало вести операции в направлении Рейхенбаха, между Лобау и Горлицем. Это ставило под угрозу не только коммуникации австрийцев с Силезией, но и коммуникации, идущие в южном направлении через Циттау в Богемию. Передвижения Дауна, казалось, соответствовали его замыслам, и 11 октября Фридрих повел всю прусскую армию, за исключением отряда Ретцова, на позиции в районе деревни Гохкирх, находившейся в пяти милях к западу от Киттлица. Там дорога из Плоцена пересекалась с меньшей дорогой, ведущей на юг от Родевица, расположенного в двух милях севернее Гохкирха. Левый фланг войск Фридриха находился вокруг Родевица, правый в Гохкирхе и вокруг него, а также на путях, ведущих на запад и юг. Штаб он устроил в Родевице.

Фридрих знал, что Даун располагается к востоку и юго-востоку от него, от пункта к югу от Вейсенберга, который предстояло занять Ретцову, до местности где-то южнее и юго-восточнее Плоцена. Австрийцы решили развернуться вокруг деревни Киттлиц, а она в действительности лежала за центром Дауна. По расчетам Фридриха, он откажется от позиции у Киттлица, когда почувствует, что пруссаки угрожают его коммуникациям. Перед правым флангом Дауна, южнее Вейсенберга, находилась господствующая высота, Штромберг. Фридрих приказал Ретцову занять ее, но тот, однако, обнаружил, что австрийцы уже сделали это.

Фридрих, планируя операцию, был уверен в успехе не только благодаря знанию характера Дауна, но также потому, что имел секретные сведения от его личного секретаря, подкупленного королем. Он передавал Фридриху исчерпывающую информацию относительно намерений австрийцев. Предательство личного секретаря было раскрыто предприимчивым Лаудоном, и Даун пообещал ему жизнь, если он продолжит поставлять Фридриху сведения, но под контролем австрийцев. Таким образом, его перевербовали, и Фридрих получал дезинформацию. В связи с этим Даун имел кое-какие причины для уверенности.

В его распоряжении были 63 батальона пехоты и 18 эскадронов кавалерии. Он знал, что численное превосходство на его стороне — у Фридриха примерно 35 000 человек против 80 000 у Дауна. Фельдмаршал находился на позициях уже несколько дней и успел неоднократно лично разведать местность. Он наблюдал за тем, как пруссаки, подойдя, располагались на позициях. Его правый фланг занимал господствующие позиции благодаря Штромбергу, который он занял и расположил там тяжелую артиллерию. Его левый фланг опирался на покрытые лесом горы, Куппицер-Берг, нависавшие над Гохкирхом на расстоянии меньше мили, он поставил в этом лесу легкую кавалерию. Даун решился на общую атаку. Он полагал, что может нанести королю Пруссии сокрушительный и, если повезет, внезапный удар. Более того, его атака замышлялась как вариант Фридриховой косой атаки. Даун будет демонстрировать силы 20 батальонов против предполагаемого центра и левого фланга пруссаков, вдоль дороги Гохкирх — Родевиц, а основную армию передвинет на запад под прикрытие лесов Куппицер-Берга и атакует в направлении на север во фланг правого крыла прусской армии в Гохкирхе.

Фридрих по причинам, которые казались ему вполне обоснованными, не верил в вероятность серьезной атаки австрийцев. Кейт и другие указывали ему на близость куппицер-бергских лесов к расположению войск вокруг Гохкирха; они предоставляли прекрасную возможность для скрытого подхода. Фридрих отвечал, что он, а не Даун сделает первый ход и заставит его отойти с занимаемых позиций. Кейт заявил, что противник заслужит виселицы, если не предпримет атаки, так хороши были условия. Фридрих не согласился. Следует отметить, что его немногочисленные поражения были следствием чрезмерной самоуверенности и недооценки противника.

Даун разделял оценку Кейта, хотя и не знал о ней. Он верил, что пробил его час. И был прав. Австрийцы, продвигнувшись через покрытые лесом горы к югу от правого фланга пруссаков, 14 октября в предрассветном тумане, когда часы на церкви в Гохкирхе пробили пять утра, пошли вперед.

Они добились внезапности. Выход австрийских войск к линии атаки был произведен в прекрасном порядке и полной тишине. Австрийская артиллерия приступила к обстрелу лагеря, когда там еще стояли палатки, а солдаты были без оружия и не построены в боевой порядок. Солдаты трех правогофланговых

батальонов метались в темноте и тумане под рев орудий, а передовые батальоны главных сил австрийской армии спускались с Куппицер-Берга. Правым флангом Даун наступал против пруссаков южнее Родевица, но главная атака развивалась на Гохкирх его основными силами, которые прошли маршем на запад, к югу от прусских позиций и теперь обрушились с юга превосходящими силами на правый фланг прусских войск.

Находившийся в Родевице Фридрих считал, что слышит звуки обычной стычки: хорватская и венгерская легкая кавалерия прощупывает его правый фланг. Услышав грохот австрийской артиллерии, он понял, но поздно, что это серьезная атака — Даун предпринял наступление, хотя Фридрих отказывался в это верить. Он во весь опор поскакал в Гохкирх, где застал бой вокруг церкви и церковного двора, стены которого стали оборонительным пунктом прусского батальона под командованием легендарного храбреца, майора фон Лапге. Кейт уже был там. Он и принц Мориц прискакали туда при первых залпах сражения и организовывали небольшие локальные операции. Попытаться наладить порядок в действиях, когда солдаты застигнуты врасплох и дезорганизованы, дело совершенно бесполезное. В Гохкирхе положение было еще более отчаянным, так как австрийские артиллеристы, вставшие за прусские орудия, захваченные во время атаки, развернули их и прямой наводкой, в упор начали бить из них по Гохкирху и его защитникам.

Вскоре после 6 часов утра 14 октября пруссакам кое-как удалось штыковым ударом отбить Гохкирх. Большая часть домов была объята огнем, повсюду царил неопиcуемый хаос. Очень скоро пруссаков выбили из деревни на север и восток. Кейт, выдающийся, обладавший недюжинным умом старый солдат, был сбит с коня мушкетной пулей и умер*. Морица, тяжело раненного, вынесли с поля боя. Одному из свояков Фридриха, Фридриху Франциску Брауншвейгскому, ядром оторвало голову; его серый конь с богато украшенной попоной метался без всадника более получаса. Фридрих, обычно безраз-

* К тому моменту, когда его нашла смерть, он уже был один раз ранен. В Гохкирхе ему поставил памятник близкий родственник, сэр Роберт Кейт из Крэйга, который с 1769 года был британским посланником в Саксонии после блестящей военной карьеры и чей отец, тоже сэр Роберт Кейт, замесил Робинсона в Вене, прежде чем получить в 1758 году назначение в Санкт-Петербург. — *Примеч. авт.*

лично относившийся к родственникам жены и этим обижавший ее, в адрес Фридриха Франциска за год до этого сказал, что тот однажды станет великим полководцем.

Правый фланг пруссаков был разбит наголову. Дорожка, проходившая мимо высокой стены церковного двора, превратилась в реку крови и впоследствии была названа *Blutgasse**. Кавалерийская контратака с запада против левого фланга австрийцев была отбита кавалерией Лаудона, действовавшей левее колонн австрийской пехоты. Примерно в 7 часов правое крыло австрийцев от позиций к северу от Киттлица начало наступление против левого фланга прусской армии, расположенного вокруг Родевица, и к 10 часам того ужасного утра этот фланг также начал отступать.

Король находился в гуще боя в Гохкирхе. Коня под ним убили, и Фридрих был весь в его крови. Он стремился ограничить число солдат, вовлеченных в бесполезную и дорого обходящуюся битву в собственно Гохкирхе. Король попытался организовать кавалерийскую контратаку, которая была рассеяна Лаудоном и австрийской кавалерией. Только теперь, после шестичасового боя, он отъехал немного назад, хотя его уже давно призывали это сделать. Он понял, что сражение необходимо прервать и вывести из него как можно больше войск и попытался организовать оборону вокруг Поммрица. Как только стало возможно, он собрал и отвел остатки армии. Было необходимо совершить марш через теснину в месте под названием Дрехса и сделать это на виду у неприятеля. Фридрих лично и очень хладнокровно провел эту операцию, послав вперед кавалерию и прикрывая общий отход огнем оставшейся у него артиллерии. Сразу за ущельем он занял оборонительные позиции у Добершюца. В этом проявился Фридрих-тактик, полностью контролирующий себя и складывающуюся ситуацию, он вызвал восхищение как у пруссаков, так и у австрийцев.

Фридрих потерял 9000 человек. Он лишился многих из своих лучших офицеров, а также 28 пар знамен, 2 штандартов и более 100 орудий. Он потерял Джеймса Кейта, духовно близкого ему человека. Мориц Дессауский раненым попал в плен и в 1760 году умер от рака. В тот вечер король показал де Катту маленькую золотую шкатулку, в которой были пилюли, содержавшие яд. Он послал ее на ленточке на груди и не раз был близок к тому, чтобы воспользоваться пилюлями. «Как мне

* Кровавый переулоч (нем.).

омерзителен этот торг, на который я обречен!» — сказал он. Фридрих раздумывал о вещах, которые мог бы сделать по-другому. Он понимал, что катастрофа — его вина. «Не думайте, что я пытаюсь оправдываться, — обращался Фридрих к своему *Vorleser**, описывая события того страшного дня, — я допустил ошибки, просчеты. Пусть Бог сделает так, чтобы они стали последними! О Боже! Дай мне способность их исправить — блестяще!» Он молился «за прекращение этого безумства с обеих сторон! Потом все могли бы спокойно разойтись по домам». Но тем не менее он говорил, бравируя или с достойной похвалы твердостью, что Даун не сможет извлечь из Гохкирха никакой выгоды, и это было справедливо, поскольку австрийцы потеряли почти столько же людей. Это сражение не стало поворотным в ходе войны. Теперь Фридрих возлагал надежды на активные действия турок на Балканах в направлении Дуная, которые спутают планы Вены.

Прусский король допустил серьезные просчеты. Он уменьшил армию, выделив отряд Ретцова, и таким образом ухудшил свое положение. Фридрих говорил Генриху, что победил бы, будь у него еще 8 батальонов, но его подвели собственная непредусмотрительность и нехватка сил. Он имел неверное представление относительно способностей и намерений Дауна. Фридрих игнорировал разведанные о противнике на Купшницер-Берге и положился на благоприятную информацию. В стратегическом плане ему не удалось прекратить усиления австрийской группировки в Силезии.

В тактическом отношении Гохкирх стал катастрофой. Стратегически или в оперативном плане сражение не принесло австрийцам больших выгод. Психологически же Фридрих был побежден, и пруссаки, истекая кровью, покинули поле боя. Это было серьезной проблемой, и он откровенно говорил Генриху, что у него сейчас немало полков, на которые он не может полагаться. Фридрих через Митчела сообщил в Лондон — неохотно, — что ему нужна финансовая помощь, чтобы продолжать войну, в которой до сих пор он несет основное бремя.

Но несмотря на моральную победу австрийцев, у них по-прежнему не возникало желания вновь встретиться с Фридрихом в открытом бою. Фридрих, отправив обоз с имуществом в Лусатию, двинулся маршем на Горлиц, где переправился через Нейссе и Квейсс в Силезию, которую опустошала кавалерия

* читателю (нем.).

Лаудона. Он был усилен 8 батальонами и 5 кавалерийскими эскадронами из числа войск принца Генриха и теперь торопился снять осаду с Нейссе, окруженного австрийцами. Он сделал это 7 ноября.

Пришло время возвращаться в Саксонию. Даун, как узнал Фридрих 13 ноября, стоял перед Дрезденом и безуспешно призывал гарнизон сдаться; командующий обороняющимися войсками, генерал фон Шметтау, исполнил угрозу поджечь большую часть предместий, чтобы ослепить австрийцев и расстроить их атаку. Пруссакки подошли к району Дрездена 20 ноября 1758 года и обнаружили, что Даун и основные австрийские силы передвинулись на юг, в Богемские горы. Имперцы отошли к Лейпцигу.

17 октября, сразу же после Гохкирха, Фридриху сообщили о смерти Вильгельмины*. «Я потерял всех, кто был дорог мне, — говорил он де Катту, всхлиывая. — Одного за другим!» Он час-тенько мрачно посматривал на золотую шкатулку.

* Прекрасная дочь Вильгельмины, Елизавета, стала герцогиней Вюртембергской, которой восхищались все, и, возможно, самой любимой племянницей Фридриха. — *Примеч. авт.*

Глава 15

«Я ПРОПАЛ, ПРИТВИЦ!»

Фридрих решил провести зимние месяцы в Бреслау. Армия расположилась на квартирах либо в Саксонии, либо в Силезии вокруг Ландшюта, а Фридрих в холодную зиму конца 1758 года страдал от жестокой, похожей на грипп горячки. Ему советовали ехать в карете, а не верхом, но он резко отверг предложение, хотя это было совершенно необходимо: «Вы считаете меня пожилой дамой? Что скажет армия?» Отмечали, что король, которому только что исполнилось сорок семь лет, в последние месяцы сильно сдал. В то время он также мало обращал внимания на свою внешность. Его шинель была, как обычно, занята табаком, но он гордился еще и заплатами на своей старой одежде. «Когда была жива мать, я выглядел опрятнее! — честно признавался он. — Теперь все это смотрится изрядно потрепанным и старым, но мне оно нравится в сто раз больше, чем новое!» Фридрих получил соболезнования по поводу кончины Вильгельмины от Вольтера. «Неразделенная любовь должна поддерживать в несчастье», — с пониманием отмечал он. В письме Вольтера говорилось, что, несмотря на старость, его сердце, которое никогда не состарится, навсегда останется с Фридрихом и с *«l'adorable soeur que vous pleurez»**. Фридрих попросил Вольтера сочинить посвящение Вильгельмине — не удовлетворившись первым вариантом, он потребовал другой, и когда текст в марте 1759 года был получен, Фридрих сказал, что это первое истинное утешение, которое он встретил. Вольтер по-прежнему

* с любимой сестрой, которую Вы оплакиваете (*фр.*).

му обладал волшебным пером. Он написал Вольтеру ответ, приложив оскорбительное стихотворение о Людовике XV, написанное, чтобы доставить философу удовольствие, — «*Votre faible monarque, jouet de la Pompadour*»*. Его, однако, убедили, что это принесет ненужные неприятности и что лучше стихотворение не прилагать к письму**.

Фридрих, как обычно, восстанавливал душевное равновесие и избавлялся от тревог при помощи чтения и литературного труда. В это время он занимался исследованием о Карле XII. Он также развлекался, сочиняя сатирические произведения о своих недругах, включая якобы письмо от мадам де Помпадур к Марии Терезии, в котором высказывалось требование упразднения воображаемого колледжа целомудрия. Он говорил с обычной для него издевкой об Августе Польском — «мой великий брат, чья идея развлечения заключается в пинках по задам его шутов!»

Фридрих, подверженный различным недугам, был заботлив по отношению к другим. У гвардейского барабанщика был сильный жар, который медики никак не могли сбить. Фридрих предписал ему каждые полчаса пить большой стакан воды с несколькими каплями купороса, и барабанщик поправился. В мирные времена Фридрих любил споры, словесное фехтование, философические дуэли, причем менял мнение часто и с удовольствием. Он говорил, что убедил отца пересмотреть работы Кристиана Вольфа, философа, который защищал принципы конфуцианства и был отстранен от преподавания в Галльском университете. Фридрих Вильгельм прислушался к нему.

Фридрих в эти дни часто мысленно возвращался к отцу и обычно защищал его. Как-то король рассказывал о повторяющемся вновь и вновь сне: его схватили солдаты, связали и увели из комнаты, чтобы отпавить, он знал это, в Магдебург. Его проступок заключался в том, что он слишком мало любил отца. Здесь — явная связь с кошмаром Кюстрина. Смерть Вильгельмины также часто вспоминалась ему.

Фридрих проводил время за чтением и декламацией французских поэтов и драматургов; самым любимым был Расин. Он говорил, что любит в уме переводить поэзию в прозу, чтобы оценить ее смысл и эмоциональность, прежде чем просто отдаться ее музыке. Когда король читал вслух или декламировал,

* Ваш слабый монарх, игрушка для Помпадур (фр.).

** Но несколько месяцев спустя он послал стихотворение! — *Примеч. авт.*

то делал это с великим мастерством и чувством, хотя и мог поиздеваться над не поправившейся ему фразой, гротескно подчеркивая ее голосом. Он обладал прекрасной памятью на стихи. Как и большинство людей, Фридрих злился на себя, когда не мог припомнить какое-нибудь имя: «Это чепуха! Ведь я прекрасно его помню!» Однажды ему не удалось вспомнить название какой-то оперы, и он сказал, что не успеет, пока название не всплывет в памяти. В час ночи в дверь де Катта постучали — посыльный короля с запиской: «Это «Монтесума»! Теперь я смогу уснуть и хотел бы уберечь от бессонницы *тебя!*» Де Катт прекрасно спал, пока его не разбудили.

Фридрих всегда любил помогать старым друзьям, особенно если их постигало несчастье. Джеймс Кейт был убит под Гохкирхом, и Фридрих вновь попытался убедить Георга II восстановить его старшего брата, милорда Маришала, в правах и вернуть конфискованные владения. Он написал, тщательно подбирая выражения, тактичное и убедительное письмо своему дяде Георгу, в котором просил за Маришала, который всегда надеялся на восстановление права наследовать одному из своих кузенов Кейтов, графу Кинтору, только что умершему. Маришала собирались послать в качестве представителя Фридриха в Испанию, а оттуда он бы присылал доклады об испанских интригах, полезных для Британии. Безо всякого сомнения, именно благодаря этим обстоятельствам он в мае получил прощение короля Георга II.

Той зимой в Бреслау прошло много концертов. Фридрих часто возвращался мыслями в Сан-Суси, свое любимое детище. Он набрасывал отдельные детали дворца для своих свитских. Фридрих говорил, что намерен построить там мавзолей; и во всех своих завещаниях он подчеркивал неизменно, что должен лежать именно в Сан-Суси. Он цитировал Шолье: «*La Mort est simplement le term de la vie, un asile sûr, la fin de nos maux*»*. Однако он понимал, что такой эскапизм** — явление временное. Новый, 1759 год принесет немало новых бед. «Этот прилизанный век по-прежнему очень жесток», — говорил он д'Аржану. В последний день 1758 года между Австрией и Францией был заключен новый союз.

* Смерть — это всего лишь прекращение жизни, надежное пристанище, конец наших невзгод (фр.).

** бегство от жизни.

* * *

Век и в самом деле был по-прежнему жесток. В Северной Германии Фердинанд Брауншвейгский в конце 1758 года провел очень удачную военную кампанию, пересекая Рейн то в одном, то в другом направлении и удерживая инициативу в своих руках. Фридрих был доволен. «Ход событий должен убедить короля Англии, — говорил он Фердинанду, — что есть и другие способы защищать Ганновер, кроме сидения за Везером... Действуй, как Арминий, дорогой Фердинанд, который в том же районе сражался за свободу своего отечества; и проследи, чтобы Субиза и Контада постигла судьба Вара!»*

Фердинанд, теперь уже фельдмаршал Пруссии, усилил войска. Было увеличено количество артиллерийских орудий, а общее число пехоты доведено до 60 батальонов, кавалерии — до 77 эскадронов. Фердинанд надеялся получить возможность атаковать французов, вновь вторгшихся во Франконию с запада. Идея ни к чему не привела — на самом же деле французы побыют Фердинанда у Бингена в апреле 1759 года. Тем не менее Фридрих верил, что Фердинанд, защищая Ганновер, продержится, и часто в письмах воодушевлял и подбадривал его. Эта вера подвергнется испытанию в июне, когда французская армия снова перейдет в наступление через Гессен в Вестфалию и захватит Мюнстер, а затем Минден. Фридрих ничем не мог помочь, только советом.

Принц Генрих в Саксонии располагал 30 000 человек и предлагал с приходом весны провести рейд через границу Богемии, чтобы разгромить австрийские передовые посты и склады, — операции у Ауссига, Лобозица, Лейтмерица и в других местах, проведенные с благословения Фридриха с большим искусством. Генрих в мае и июне совершал марши и предпринимал ложные выпады против имперцев — больших сражений не происходило, но тылам противника был нанесен большой ущерб. За всем этим наблюдал не скупившийся на поздравления Фридрих, который большую часть весны провел в Ландшюте. Инициатива была за Генрихом, и оккупированная пруссаками Саксония, казалось, находилась в надежных руках. В Силезии старый друг Фридриха, де ла Мотт Фуке, с

* Арминий — вождь одного из германских племен — херусков, служивший в армии римлян. В 9 г. н.э. поднял восстание и в Тевтобургском лесу вырезал три легиона Квинтилия Вара. В 21 г. был убит во время одной из межплеменных войн.

13-тысячной армией, впоследствии увеличенной до 22 000 человек, подстегиваемый королем, почти не уступал принцу Генриху в успешности рейдовой тактики. Основные силы, примерно 50 000 человек, Фридрих удерживал при себе, чтобы двинуться туда, где потребуется подкрепление или срочная операция. Операция против Фермора. Или против Дауна. «Не успевал провалиться один проект, как у него был готов другой; никакие разочарования не могли обескуражить его, никакие успехи не воодушевляли сверх меры», — писал Митчел Ньюкаслу в мае. Но в то же время он сообщал Холдернессу о том, что Фридрих страстно желает мира: «Невозможно описать усталость тела и ума, которую ежедневно испытывает этот герой-король».

Фридрих, как обычно, лично занимался работой разведывательной службы — не всегда с успехом, как показал Гохкирх. Он проводил много времени, обдумывая сведения, проверяя их информацией из других источников, пытаясь определить намерения противников. Теперь он планировал внедрить одного брауншвейгца в штаб русских войск под видом голландского офицера, на время прикомандированного к русской армии. Его задание — списать доверие главнокомандующего. Фридрих разработал для него подробные инструкции и придумал, каким образом он мог попасть к Фермору. Агент был уполномочен предложить Фермору 100 000 экю* с выплатой в рассрочку и годовую ренту в 10 000 экю. Если деньги его не убедят, то следовало предложить должность фельдмаршала на прусской службе. В случае согласия Фермора он должен своевременно предоставлять информацию обо всех передвижениях русских войск. Инструкции, которые надлежало применять в соответствии со строгими правилами конспирации, Фридрих отдавал на хранение *sine die*** официальному прусскому представителю в Гамбурге. К сожалению, еще до того как ими можно было воспользоваться, Фермора сменил на посту генерал Салтыков***, пользовавшийся особым расположением Елиза-

* Около 30 000 фунтов. — *Примеч. авт.*

** на неопределенный срок (*лат.*).

*** Салтыков Петр Семесович (1698—1773), русский полководец, генерал-фельдмаршал, граф. Участвовал в походе в Польшу против Станислава Лещинского (1734), в русско-шведской войне 1741—1743 гг. В Семилетней войне был главнокомандующим русской армией. В 1760 г. смещен с должности из-за разногласий с австрийским командованием.

веты. Существовала ли связь между этим событием и задуманным Фридрихом планом, можно только гадать: российская контрразведка всегда была на высоте. К тому же некоторые, включая Митчела, полагали, что Фридрих слишком экономит на оплате информации. «В этой армии шпионам платят скупо, соответственно получаемые сведения не высшего качества».

Салтыков, которому был шестьдесят один год, командовал 70-тысячной армией. Перед ним стоял Дона. Было ясно, однако, что при любом наступлении русских Дона окажется перед лицом превосходящих сил неприятеля, если ему не дать подкреплений: его армия насчитывала 23 000 человек. Ситуацию могли поправить небольшие по масштабам мероприятия, и в марте Фридрих послал генерала Воберснова с отрядом в глубокий рейд по территории Польши с целью ликвидировать пункт снабжения в Познани. Как он знал, и русские, и австрийцы в больших масштабах закупают и складировуют зерно.

Но Фридрих находился в знакомой обстановке. «Мои враги усиливаются со всех сторон, — говорил он Митчелу в январе 1759 года, — и они ближе ко мне, чем были в прошлом году!» Противники и в самом деле, похоже, будут численно превосходить пруссаков в любом отдельно взятом столкновении, но могут его также проиграть стремительному королю Пруссии, способному усилить любое угрожаемое направление, действуя на внутренних коммуникациях. Теперь же, однако, наблюдались решительные, хоть и запоздалые попытки русских и австрийцев комбинировать, координировать действия. По общей численности войск они во много раз превосходили армию Фридриха. Все, что требовалось, — это не допустить, чтобы Фридрих усиливал один фронт, угрожая при этом другому. План был выработан; трудоемкий и непростой, как любое планирование действий союзных войск, но он определенно обещал принести успех. «Европа объединилась, чтобы раздавить меня, — время от времени заявлял Фридрих, несомненно, принимая театральную позу, — но у меня есть в запасе две вещи — моя маленькая золотая шкатулка и немного моей старой удачи!»

Он часто говорил о своей маленькой золотой шкатулке с отравленными пилюлями. Что касается старой удачи, то вскоре станет ясно: ее-то и не хватает. Фридрих постоянно упоминал о необходимости мира в выражениях, которые Митчел и

другие находили трогательными и убедительными. Он не раз повторял, что очень верит в честность Питта.

Давая отпор врагам, Фридрих обоснованно надеялся на расхождение между ними в политических целях. По поводу французов он с горечью высказывался о том, что Шуазель, французский министр, теперь является рабом Вены. Французы, естественно, желали, чтобы Ганновер находился под угрозой нападения и тем самым отвлекал бы Британию, их главного противника. В июне Фридрих написал письмо Георгу II. В нем он сокрушался по поводу непримиримости их общих врагов и предлагал выдвинуть некие совместные британско-прусские мирные инициативы. Русские хотели расширить свое влияние на Балтике, а также в Польше: их взоры устремлены на Восточную Пруссию и Силезию. Австрийцы стремились возвратить Силезию, они желали этого и будут желать всегда. В конце апреля Фридрих предпринял небольшую экспедицию, чтобы помочь генералу Трескову снять австрийскую осаду с Нейссе.

Эти расхождения в интересах давали Фридриху, как он полагал, шанс, так как координация действий Австрии и России может оказаться непростой. «Это счастливое стечение обстоятельств, — писал он Фердинанду в начале года, — что наши враги не в состоянии выработать свой оперативный план на следующую кампанию!» Тем не менее и русские, и австрийцы угрожали Силезии; они также думают, что шведы добавят ему проблем, атаковав Штеттин.

В течение какого-то времени Фридрих надеялся, что проблемы противников приведут к их пассивности и позволят ему оставаться в обороне. Его воодушевило известие о разгроме принцем Генрихом австрийских складов. Это могло повлиять на способность Австрии вести военные действия. «Они не смогут доставить тебе много неприятностей, — писал король Генриху в конце апреля, — и Даун будет ждать, пока не двинутся русские». Однако Даун — «великий фельдмаршал», или просто Леопольд, как Фридрих насмешливо его называл, несомненно, с обидой за Гохкирх, — был способен предпринять наступление в течение 1759 года. У него было 100 000 штыков. Он мог организовать — что и сделал в мае — масштабные рейды через границу Лусатии. Западный фланг Дауна прикрывали 35 000 имперцев из *Reichsarmee*, располагавшие силами, чтобы угрожать Лейпцигу. Если его операции будут скоординированы с действиями русских войск Салтыкова в Польше, то Фридрих в

Силезии окажется перед лицом превосходящих сил противника. Фридрих узнал через Фердинанда (сведения из секретного источника), что именно в этом и состоял окончательный замысел. Французы связывают действия пруссаков в Северной Германии, а австрийцы во взаимодействии с русскими напоят еще один мощный удар в Силезии. У прусского короля не хватало сил, чтобы противостоять такой комбинации. Здесь даже мелочи были полезны, и в марте он запросил у датчан 10 000 солдат за 300 000 экю в год*.

Салтыков, обладавший непроницаемым характером, придворный фаворит, имевший репутацию медлительного человека, держал свои основные силы в Центральной Польше, с базой в Познани. Австрийцы, развернутые фронтом на север, разместили правый фланг у Ноештадта, на границе Глаца, а левый — вокруг Траутенау. Фридрих знал, что они покинули зимние квартиры в мае и их разведчики часто наблюдали за прусскими лагерями с вершин Ризенгебирге. Если Фридрих без подготовки предпримет военные действия против одного из противников, то откроет дорогу другому. Он предполагал, что они ожидают от него паступательных действий, и решил выждать. В июне он получил сведения о подготовке армий неприятеля к наступлению: русские в направлении Одера у Глогау, австрийцы — на Лусатию. Все лето поступали такие сообщения, причем некоторые были ложными. Тем временем Фридрих занял удобные для обороны позиции у Шмттсейффена, неподалеку от истоков Квейсса. Он понимал, что необходимы какие-то меры, чтобы предотвратить соединение русских и австрийцев, но если он предпримет их слишком рано, то удар не даст нужного эффекта.

Затем, в середине июня, Фридрих получил сообщение, что на востоке русские и в самом деле идут вперед — уже в течение нескольких недель. Дона в этих обстоятельствах намеревался двинуться им навстречу. Фридрих надеялся, что Дона отвлечет Салтыкова и станет угрожать его коммуникациям, но тот отступал, не давая сражения.

Фридрих послал генерала Воберснова помочь Дона в начале июня, и он предпринял операцию против линий снабжения русских войск, но она закончилась безрезультатно. Король направил ему письмо. В нем он называл генерала некомпетент-

* Около 100 000 фунтов. В просьбе было отказано, со смехом говорил Фридрих Митчелу. — *Примеч. авт.*

ным алкоголиком, нерешительным растяпой и примером для всей армии в том, как не следует поступать: «*Alle sottisen die man im Kreig Thun kann haben Sie gethan!*» Письмо состояло из двух страниц и было очень резким. Теперь Фридрих, питавший отвращение к Воберснову и разочаровавшийся в Дона, заменил последнего генералом фон Веделем. Ведель понял — несколько упрощенно, — что король ждет от него наступательных действий. Ему были переданы все прусские войска за Одером — примерно 28 000 человек. Тем временем Даун, по информации Фридриха на конец июня, тоже начал движение, мишуя южный фланг Фридриха, в сторону Лусатии.

Затем пришло известие о том, что Ведель не оправдал возлагавшиеся на него надежды. Салтыков его переиграл. Русские, как стало очевидным, обошли Веделя и заняли сильные позиции между пруссаками и Одером у Кроссена. Когда пруссаки начали прорыв, русские установили артиллерию на прямую наводку и после кровавого столкновения под Пальцигом 23 июля разгромили пруссаков наголову. Сражение стоило Веделю 8000 человек. Несчастный Воберснов погиб в бою, искупив жизнью свои прошлые прегрешения. Русские наступали на Франкфурт.

У Фридриха не было сомнений в том, что следовало делать. У него не было выбора. Он должен был быстрым маршем со всеми имевшимися подкреплениями идти на Нижний Одер. Принц Генрих, на которого Фридрих полностью полагался в оперативных вопросах, должен занять позиции для отражения любой прямой угрозы Лусатии со стороны Дауна, а де ла Мотт Фуке получил приказ со своими войсками — в общей сложности примерно 20 000 штыков — сдерживать австрийцев в Южной Силезии. Фридрих оставил принцу Генриху около 40 000 человек и 31 июля пошел на север. С ним было 29 батальонов пехоты, 35 эскадронов кавалерии и 70 орудий, он планировал объединиться с остатками войск Веделя и выступить против Салтыкова, войска которого, безо всякого сомнения, подкреплены Дауном для кампании на Одере.

Даун пока медлил, выгадывал время, как казалось Фридриху, в ожидании сравнительно неторопливых русских. Теперь он мог одновременно начать смелее действовать против принца Генриха или де ла Мотт Фуке и направить подкрепления русским. В данном случае он послал два корпуса — всего 40 000 человек, — и одним из них командовал Лаудон. Лаудон снялся из Лаубана, неподалеку от лагеря самого Фридриха, и двинул-

ся маршем на север по долине реки Квейсс через Саган. По имевшейся у пруссаков информации, он, располагая 3 кавалерийскими полками и 10 батальонами пехоты, пошел на север, а затем вернулся назад.

Фридрих уважал его. «Я надеюсь, что нам представится случай предать забвению все это *Landonnerie*», — написал он 18 июля. Его надежды не сбылись. Лаудон вскоре опять будет на марше, и Фридрих расстроился в связи с тем, что не смог его догнать и перехватить, хотя он захватил обоз другого австрийского корпуса — генерала Гадика, шедшего на поддержку армии Салтыкова. Когда австрийцы, перейдя 2 августа на восточный берег Одера, соединились с русскими, объединенная австро-русская армия стала насчитывать 64 000 человек. Потери Салтыкова в борьбе против Веделя в Польше были более чем компенсированы таким пополнением. Даун тем временем получил личный приказ Марии Терезии идти со всеми войсками навстречу королю Пруссии и разбить его, но понимал, что у пруссаков все еще имеются значительные силы в Саксонии и Южной Силезии. Он уже отослал два корпуса на Одер и занял пока выжидательную позицию.

Фридрих соединился с войсками Веделя на западном берегу Одера 6 августа. Ситуация, по его словам, представляла «*une crise terrible*»*. Король разозлился, узнав о поражении Веделя под Пальцигом, — весть принес молодой штаб-офицер, и Фридрих вначале даже вскрикнул, так как это показалось ему глупостью. Он был разочарован, поскольку полагал, что Ведель — молодой, напористый — обладает качествами, которые он надеялся встретить после неповоротливого и непредприимчивого Дона. Фридрих, однако — хотя Ведель потерял его доверие, — был великодушен. Он простил его, понимая, что сам переоценил способности этого человека. Теперь к нему присоединились войска, прибывшие из-под Берлина под командованием генерала Финка, и таким образом численность прусской армии на Одере была доведена до 48 000: 53 батальона пехоты, 95 эскадронов кавалерии и 140 тяжелых орудий. В целом Салтыков превосходил его по силам в соотношении три к двум и еще больше по количеству пушек, которых в распоряжении русских было 250 единиц.

* ужасный кризис (фр.).

Это не остановило Фридриха, он решил, что у него нет выбора: надо переправиться через широкую реку и атаковать. Противник находится на расстоянии короткого марша от Берлина, а он знал со времен Цорндорфа, что значит русская оккупация для несчастных жителей Пруссии. В ночь на 10 августа пруссаки направились на север и перешли через реку по pontонному мосту в Герице, к югу от Кюстрина, затем повернули на юг и двинулись параллельно реке по восточному берегу. По имевшейся у Фридриха информации, Салтыков разместил войска вдоль гряды, протянувшейся на юго-запад от деревни Куперсдорф, и король лично удостоверился в этом во время рекогносцировки 11 августа. Противник, как оказалось, укрепился вдоль линии холмов, образывавших Куперсдорфскую гряду. Между ней и пруссаками лежала заболоченная низменность, прилегающая к узкому водоводу, Гухнер-Флейсс. Фридрих намеревался обойти их с востока, затем повернуть на запад и развернуть войска фронтом на запад с тем, чтобы господствовать над восточным крылом противника. Это, как и при Цорндорфе, требовало обходного марша по покрытой густыми лесами местности. Марш к выбранным позициям было намечено начать в 2 часа утра 12 августа.

Стояла очень жаркая погода. Ночь принесла немного прохлады, но сильно дожимали комары. 12 августа Фридрих, находившийся среди передовых сил, смог впервые увидеть местность в запланированном для атаки секторе, у восточного фланга русских войск. Он решил, что, как только противник, реагируя на нападение, повернется фронтом на восток, его позиции будут очень сильными. К востоку и юго-востоку от русской линии располагались небольшие пруды, к югу от Куперсдорфа. Они будут в значительной мере сковывать действия наступающих войск. Северо-восточный фланг противника опирался на низкий холм, Муль-Берге, расположенный примерно в 500 ярдах от собственно деревни, а кроме того, деревня, пруды, окружающие леса создавали много преимуществ для обороняющихся и мало для нападающих. Это явно был не тот случай, когда уязвимый фланг подвергнется косой атаке усиленным прусским *Schwerpunkt*.

Фридрих сел на своего коня, Сципиона. К половине двенадцатого ему удалось подвести тяжелую артиллерию, более 60 орудий, и расположить их для поддержки атаки. Орудия установили на трех позициях на трех небольших холмах, коль-

цом охватывающих Мульт-Берге, и их задачей было подавление при помощи концентрического огня русской артиллерии на Мульт-Берге и нанесение потерь войскам северо-восточного фланга противника. Прусская линия атаки формировалась к востоку от Кунерсдорфа фронтом на запад. В то же время крупные силы — Финк — были размещены под прямым углом на севере фронтом на юг за Гунхер-Флейсс, на пути марша прусских войск к позициям. Планировалось, что Финк предпримет специальный маневр, отвлекая русских на северное направление, в то время как Фридрих нанесет по ним удар с востока.

Прусская артиллерия успешно справилась со своей задачей. Пушки на Мульт-Берге замолчали. Русские войска в этом районе — пять больших полков — понесли огромные потери, а затем были смяты прусской пехотой правого фланга Фридриха; и теперь Фридрих мог разместить часть своих орудий на Мульт-Берге. Царила обычная неразбериха, вызванная дымом и пылью, усиленная изнуряющей жарой, по все, казалось, подчинено дальнейшему напору правого фланга войск Фридриха против северо-восточного крыла противника к северу от Кунерсдорфа. Фридрих решил лично вести войска и одновременно приказал Финку перейти Гунхер-Флейсс и вступить в бой. Время перевалило за полдень.

К западу и северу от Кунерсдорфа, однако, по другую сторону линии атаки прусской пехоты, лежала плоская равнина, Кух-Грунд. На ней Салтыков сформировал локальный фронт — узкий, прикрытый деревней справа и болотами слева. На него он поспешил направить значительные подкрепления с запада и юго-запада. Сражение теперь превратилось в дикую свалку на ограниченном участке местности и на невообразимо узком фронте.

Фридрих попытался избежать давки, для чего направил батальоны центра и левого фланга через деревню Кунерсдорф. Местность была слишком неудобна для эффективных действий кавалерии, за исключением небольшого, сравнительно открытого пространства к югу от деревни среди многочисленных прудов. Здесь происходили беспорядочные мелкие, из-за неудобства местности, кавалерийские стычки, которые не имели решающего значения. Зейдлиц был ранен, его преемник, принц Вюртембергский, тоже, командование кавалерией принял генерал фон Платен. В конце дня Платен попытался атаковать другую небольшую возвышенность — Гроссер-Шпицберг — в

глубине русских позиций, к западу от Куперсдорфа, но был отбит артиллерийским огнем и контратакой австрийцев и казаков, руководимых Лаудоном. Прусская атака утратила организованность. Батальоны Финка, которые храбро наступали, были остановлены и отброшены. Утомленные войска несли ужасные потери от русской артиллерии, пускавшей снаряды в смешавшуюся толпу своих и чужих, а также от огня в упор превосходящей по численности русской и австрийской пехоты. Потом прусская кавалерия побежала с поля боя под напором торжествующих австрийских кавалеристов и казаков. Фридрих попытался организовать несколько батальонов и закрепиться на Муль-Берге и вокруг него, но этот фланг теперь был буквально залит огнем русских пушек, бивших прямой наводкой. Пруссаки проиграли сражение, и разгром был подчеркнут разразившейся ужасной грозой.

Под Фридрихом убило двух коней, он сам чудом избежал ранения. Его шинель была в нескольких местах пробита мушкетными пулями, одна пуля угодила в табакерку. Он несколько раз чуть не попал в руки казаков. В одном случае его жизнь и свободу спасло подразделение гусар Цитена, которым командовал капитан Притвиц: «Я пропал, Притвиц!». «Нет, ваше величество, пока мы дышим, не пропали!» Пруссаки в беспорядке, небольшими, разрозненными группами пробивались на север через Гухнер-Флейсс. В тот вечер, 12 августа, сам Фридрих переправился на западный берег реки у Рейтвейна, уверенный, что все потеряно для него и для Пруссии. Ночной воздух над Куперсдорфом, как и над Цорндорфом, был наполнен ужасными криками несчастных пруссаков, которых мучили и добивали казаки.

Фридрих написал Финкенштейну, что больше не способен обеспечивать руководство войсками. У него уцелело всего 3000 солдат, и армия бежит. Короче, командование переходит к Финку, и войска с этого момента должны подчиняться прищцу Генриху. Чтобы хоть как-то предотвратить панику во время переправы на западный берег, он как мог передавал приказы. Но — «жестокая превратность судьбы! Я не переживу этого. Думаю, что все пропало. *Adieu pour jamais*»*.

Возможно, это единственный случай, когда Фридрих на войне полностью утратил самообладание. Не все пропало, но

* Прощай навсегда (фр.).

потери были страшными. На следующий день Фридрих вернулся на восточный берег. Уцелели около 18 000 солдат, которых можно было свести в организованные части. Он потерял 19 000 человек — 6000 убитыми — вместе со 172 пушками и 28 парами знамен. Среди погибших — три генерала и много офицеров, в том числе выдающийся поэт, командир батальона, Эвальд Христиан фон Клейст, чьи лирические стихи, посвященные красоте природы, были опубликованы тремя годами раньше. Кунерсдорф стал катастрофой, причины которой крылись в тактических просчетах. У Фридриха не было надежной кавалерийской разведки, и он ошибался относительно значимости рельефа местности. Эти обстоятельства вкупе с его обычной уверенностью, что противник падет после его первых мощных ударов, привели к поражению. У русских же после потери Мюльберге открылось второе дыхание.

16 августа, через четыре дня после сражения, Фридрих, несмотря на депрессию, вновь вернулся к командованию войсками. В тот день он написал Фиккенштейну, что, если русские переправятся через Одер и начнут наступать на Берлин, «мы будем драться с ними — скорее ради того, чтобы умереть под стенами города, чем в надежде их одолеть». В тот же день Салтыков и главные силы русских действительно переправились на западный берег: Лаудон с австрийцами закончил переправу днем раньше. Теперь противник концентрировал крупные силы в пятидесяти милях от Берлина.

Фридриху удалось собрать около 33 000 человек, включая легко раненных, но способных держать оружие в руках, и двинуться к Фюрстенвальде-на-Шпрее, расположенному в двадцати милях к востоку от столицы. Некоторые пруссаки плохо действовали во время сражения и побросали оружие. Фридрих приказал дать по двадцать палок каждому из таких солдат — в тех обстоятельствах сравнительно легкое наказание. Даун, как стало известно королю, шел маршем на север из Саксонии с остальной частью австрийской армии. Он подсчитал, что имеет дело не менее чем с 90-тысячной армией неприятеля, в то время как его собственные войска разбиты. Единственным проблеском в стратегической ситуации — слишком маленьким и мало что значившим для Бранденбурга — было известие, что Фердинанд Брауншвейгский с англо-ганноверскими войсками 1 августа разгромил французов под Минденом. Это известие Фридрих получил 4 августа. Тем временем Салтыков, Лаудон

и Даун наступали на Берлин с востока и юга. Ввиду успехов Фердинанда французы не могли их поддержать наступлением с запада. Но едва ли им это было нужно.

Тем не менее противники Фридриха потеряли почти 20 000 человек. Людвиг Эрнст Кепер, состоявший при Эйхеле кабинет-секретарем, 21 августа писал из Фюрстенвальде, что ситуация не казалась абсолютно отчаянной. И тут произошло то, что сам Фридрих назвал чудом дома Бранденбургов.

Враги Фридриха каким-то необъяснимым образом оказались не способны развить победу. Вместо того чтобы воспользоваться успехом и занять Берлин, Бранденбург или какой-либо другой город, австрийцы и русские повели себя пассивно, а затем начали отходить. В сентябре неприятель отступил на всех фронтах.

Помимо божественного промысла, были тому и другие причины. Кунерсдорф обошелся противнику не менее дорого, чем пруссакам. Разногласия союзников по поводу приоритетных задач, разлад, на который рассчитывал Фридрих, начали проявляться. Дауна волновали линии коммуникаций с южного направления и присутствие принца Генриха в Саксонии и Южной Силезии; а он, узнав о катастрофе под Кунерсдорфом, немедленно пошел на север, к Сагану, с базы в Шмттсейффене, чтобы угрожать этим коммуникациям. Салтыков по австро-русскому соглашению также в определенной степени зависел от южных коммуникаций и разделял озабоченность Дауна. Он не хотел заходить слишком далеко на запад от Одера и вскоре отошел к Висле, откуда начал наступление. Неминуемый кризис, казалось, миновал, когда Даун пошел на юг, чтобы вести операции против Генриха в Саксонии.

Генрих и Фридрих были довольны, что удалось отвлечь внимание Дауна на южное направление. Следующие несколько недель принц выделял своего рода балетные па перед австрийцами, что было характерным для военных действий в восемнадцатом веке. Войска Генриха не принимали участия в битве под Кунерсдорфом, а его оценки и решения оставались непогрешимыми. Фридрих почти каждый день писал ему, координируя движения, обмениваясь мыслями относительно непосредственных возможностей, обсуждая, каким образом можно поставить Дауна в наиболее неудобное положение и как лучше прерывать коммуникации между Дауном и русскими. С от-

ступлением Салтыкова это стало ненужным. Постепенно восстанавливалась уверенность Фридриха в себе. Он никогда не упывал, но его жизнерадостность подверглась жестокому испытанию после Кунерсдорфа. Фридриху не доводилось испытывать такого ощущения непоправимой катастрофы, стоять буквально на грани самоубийства. Но уже в конце августа и по прошествии сентября в его письмах вновь зазвучали ноты восстановившейся душевной бодрости. «Неудивительно, — писал он Генриху 1 октября, — слышать, что русские перешли Одер, но что с ними ушел Лаудон! Они пойдут в Польшу, а Лаудон в Верхнюю Силезию, целясь на Троннау и Ягерндорф. Пока не могу сказать, что буду делать...» Фридрих вновь брал ситуацию под контроль. Когда он писал Финкенштейну о трудностях в наборе войск для противодействия шведам, то просто добавил: «Но я сделаю все, что в моих силах!» Фридрих снова был спокоен. Он заметил де Катту, что на войне не стоит ни слишком надеяться, ни слишком отчаиваться: «Немного твердости и удачи, и все будет восстановлено!»

Возникали новые неприятности. 4 сентября в Дрездене сдался имперцам генерал фон Шметтау, решив, что ранее получил такое разрешение от деморализованного короля. Он ошибся, и Фридрих показал это очень ясно сценой беспричинной вспышки ярости. В середине октября Генрих отошел к Торгау-на-Эльбе, и Фридрих написал ему: «Местность между Торгау и Лейпцигом очень ровная, и именно там ты можешь атаковать неприятеля. Если ты не станешь рисковать, то ничего не добьешься!» Это могло показаться несправедливым по отношению к удачливому полководцу, чьи суждения Фридрих уважал, но Генрих и сам в это время пребывал в подавленном состоянии и видел все в мрачных красках, король умышленно вносил в письма оптимистические ноты, особенно после британских успехов в борьбе с французами в Канаде. «Противник отступает в Саксонии и Богемии. Вот увидишь, французы запросят мира, им он нужен не меньше, чем нам. О собственной ситуации не тревожься — я могу подойти к тебе с кавалерийскими подкреплениями за четыре часа. Через восемь дней все из черного станет белым — у нас будет мир еще до наступления весны». Во всем этом содержались элементы моральной поддержки, но Фридрих понимал, что некоторые его приближенные, и Генрих относился к их числу, находятся в депрессивном состоянии и настроены пессимистически в отношении продолжения войны.

На самом деле в армии уже пошли разговоры, что принц Генрих мог бы более успешно возглавлять ее, чем король, — проигранное сражение является сильным ударом по репутации Фридриха. К тому же всем было известно: между братьями существует и всегда существовала ревность. Митчел позднее писал, что предпочел бы, чтобы они всегда находились в разных армиях: «На одном небосклоне не может быть двух солнц».

Письма Фридриха в этот период полны мыслями о мире и отражают его оптимистический настрой. В конце октября он писал Финкенштейну, что в результате британских успехов в Америке, на море и в Германии Франция понесла урон и примет любые условия Британии: «А что выгодно *нам*, в Европе? Британия будет играть доминирующую роль в Германии, которую до сего времени играла Франция. Это хорошо, поскольку поставит барьер против влияния России. Британия и Россия способны быть подходящим противовесом Австрии». Чтобы содействовать такому развитию событий, Фридрих, используя третьи страны, пытался убедить русских министров, что французы недалеко ушли от австрийцев и хотят заключения мира, поэтому русские могут «оказаться в двойном выигрыше» (*left in the lurch*) (выражение Митчела). Некоторые сообщения, приходящие из России, намекали на то, что и русские тоже могли бы согласиться на мир. А может быть, деликатно спрашивал Фридрих, был бы полезен разумно предложенный кому-нибудь в Санкт-Петербурге подарок в денежном выражении? Все это являлось следствием неудач Франции в Канаде: 12 сентября британцы захватили Квебек.

Прусская армия также начала восстанавливаться. У Генриха было около 60 000 человек, и в ноябре Фридрих после нескольких длительных и тяжелых маршей присоединился к нему у Эльстерверды, к северо-западу от Дрездена. Короля воодушевили победы Фердинанда над французами, и он подталкивал его к более активным действиям, нацеленным на полное вытеснение их из Германии, в то время как Фридрих и Генрих будут беспокоить Дауна, угрожая коммуникациям между Богемией и Саксонией и пытаясь принудить фельдмаршала покинуть Дрезден.

Существовали и другие неприятности, помимо сдачи Шметтау Дрездена. В ноябре 1759 года Фридрих послал Финка с 15-тысячным войском к Максену, западнее Пирны-на-Эльбе. Максен расположен на возвышенности, поэтому армия, удержива-

живающая его, могла контролировать дороги из Богемии в Дрезден. «Там у тебя будет хорошая, защищенная позиция», — писал Фридрих Финку. К сожалению, Даун оказался более расторопным. Он понял при Гохкирхе, что если часть прусской армии изолировать от основной, как отряды Финка, и противопоставить ей превосходящие силы, то ее вполне можно победить. Он занял все высоты, господствовавшие над путями отхода пруссаков с позиций, и 20 ноября атаковал их с юго-запада, в то время как генерал Ласи начал атаку с юго-востока и севера. У каждого из них — у Дауна и Ласи — было столько же солдат, сколько у Финка, к тому же он проспал марш австрийцев к линии атаки. Подвергшись массовому натиску превосходящих сил неприятеля, Финк потерял половину орудий и часть людей. На следующий день он сдался с оставшимися войсками — 13 000 человек. Последующие годы войны Финк провел в австрийском плену, в конечном счете предстал перед военным судом и был приговорен к году заключения в крепости. Письма Генриха содержали мало приятного для Фридриха. «Кто бы ни командовал под руководством короля, обязательно потеряет из-за этого честь и репутацию», — это написано их брату Фердинанду. «Он швырнул нас в жестокую войну, и только отвага генералов и солдат способна вытащить нас из нее...» Генрих полагал, что Финк развернулся на невыносимой позиции. И вскоре Митчел вновь писал домой о непримиримых разногласиях между королем Пруссии и его братом. Сказано несколько преувеличенно, но то, что на какое-то время страсти накалились, не вызывает сомнения.

Максен стал тяжелым ударом для Фридриха, находившегося во Фрейберге, к юго-западу от Дрездена. Он уныло писал Финкенштейну о возможности утраты Саксонии. За Максеном последовало меньшее по масштабам, но также печальное событие у Мейсена, где командовал генерал Дерик. Дерик, подвергшись нападению сильного противника, капитулировал с 1500 солдатами. Фридриха разгневали эти две унижительные неудачи. Наступила зима — в начале декабря были сильные снегопады, — и войска находились в самых неблагоприятных условиях.

1759 год стал годом кровавых поражений. Русские отошли, но могли и вернуться, если их не удастся склонить к миру. Австрийцы слишком часто добивались удачи. Даже французы продемонстрировали твердость в противодействии Фердинанду.

ду и отбросили его назад, к Ганноверу — у них теперь был другой главнокомандующий, герцог де Брольи, обладавший хорошей репутацией. В декабре появилось сообщение: Кауници считает, что король Пруссии вот-вот будет уничтожен.

Помимо триумфа Фердинанда под Минденом, в этом мрачном году Фридриха радовали успехи англичан в борьбе с французами в Канаде. Однако он знал, что британцы не желают возобновлять свои обязательства в Европе. Они не хотели дразнить Россию и Швецию и ставить под угрозу торговлю лесом военными действиями на Балтике, о которых так часто просил Фридрих. Между тем французы также планировали, как понял Фридрих, ограничить вмешательство в германские дела, чтобы иметь возможность сосредоточить силы против Британии, и намеревались вновь создать англичанам некую угрозу вторжения, отвлекая этим их внимание от боевых действий в Канаде.

Все это, казалось, не давало ничего Фридриху, а случись любая серьезная угроза Британии со стороны Франции, это можно было бы расценивать как неудачу, хотя такой поворот событий казался ему маловероятным. Французские планы зависели от усиления позиций Франции на море, но ее флот был почти полностью уничтожен 29 ноября в сражении в заливе Киберон-бэй. Война опустошала казну и Франции, и Британии, и Пруссии. 1 января 1760 года Фридрих написал Генриху, что у него вышли почти все ресурсы. Финансы Пруссии — особая гордость короля — сейчас пребывали в плачевном состоянии, и король с сожалением отдал приказ о понижении стоимости валюты и искусственном повышении инфляции, что решало его непосредственные бюджетные проблемы за счет долгосрочного падения репутации прусской марки.

Стремление Фридриха к миру не вызывает сомнения, и в первые месяцы 1760 года он предпринимал активные действия в этом направлении. Король полагал, что и Франция, и Британия, несмотря на соперничество, могут пойти на переговоры, и он делал различные предложения Лондону и, через третьи страны, Парижу — даже пытался писать личные послания к доверенному посреднику* во Франции. Через него король получал письма от Шуазеля. В них говорилось, что Людовик XV очень хочет мира, но самым верным путем к нему были бы прямые

* Белли де Фролсё, который был приближен Фридрихом в Потсдаме. — *Примеч. авт.*

переговоры между Францией и Британией. Это Фридриху приходилось учитывать с оговорками. Шуазель, говорил он, является креатурой Вены, хотя изо всех сил это опровергает, заявляя, что не он подписывал Венский договор.

Он много беседовал с Митчелом, писал своему большому другу, герцогине Саксен-Готской. Фридрих спрашивал у миллорда Маришала, находившегося в Испании, как европейские дела видятся оттуда. Центральным вопросом его контактов был вопрос: нельзя ли инициировать установление всеобщего мира в ходе конференции, совместно созданной Францией и Британией при поддержке Пруссии? Территориальные проблемы, которые нельзя было бы уладить при наличии доброй воли, отсутствуют, а эта ужасная война должна быть как-то остановлена. Он писал — и в это время верил — Австрия и Россия откажутся от участия в такой конференции. Фридрих стремился, чтобы всякие переговоры, ведущие к миру, принимали в расчет интересы Пруссии, и нет оснований подвергать сомнению его искренность; он считал войну к тому времени не выгодной никому. Его письма содержат варианты мирных планов, проекты гипотетических разменгов территорий, он консультируется с послами в Лондоне, Гааге или с Финкенштейном. Фридрих, как и все, вовлеченные в военный конфликт, опасался, как бы Британия, его единственный союзник, не пошла на *сепаратный* мир, не заботясь о Пруссии. Он обрадовался поэтому, узнав, что в ходе конфиденциальных контактов в нейтральных столицах между представителями Франции и Британии полностью отрицалось всякое стремление заставить Фридриха на мирной конференции отказаться от Силезии. Король искренне страшился продолжения войны. Он говорил Фердинанду Брауншвейгскому, что смотрит на такую перспективу с содроганием.

Это и понятно. Он назвал кунерсдорфскую кампанию самой ужасной из своих кампаний. Пруссии по-прежнему противостояла огромная коалиция врагов. Русские находились в Польше, готовые снова атаковать, грабить и жечь, если военные действия возобновятся; эти действия становились фактически приемлемыми для Восточной Пруссии. Она как бы превращалась в провинцию, желающую войти в состав Российской империи. Позже Фридрих, чувствуя целояльное отношение, никогда не посещал ее. Мария Терезия была по-прежнему непримирима, а Силезия находилась в опасности. Австрийцы

готовились осадить Нейссе. Если ничего не получится из мирных инициатив с Францией — а Фридрих подозревал, что французы лишь выгадывают время, — они, вероятно, в течение года вновь станут угрожать Ганноверу. Король Пруссии время от времени обдумывал возможность достижения каких-либо договоренностей с Турцией, которые можно было бы снова использовать для отвлечения внимания Австрии.

Таким образом, у Фридриха хватало серьезных забот, а здоровье его было слабым. В сорок восемь лет он выглядел изнуренным стариком. Зиму 1759—1760 года король провел в Саксонии, во Фрейберге, иногда встречаясь с Генрихом и обмениваясь записками и мыслями. Груз непрерывных походов и сражений сильно сказывался на здоровье Фридриха. Он страдал от подагры, артритных болей в колене и руках. Младший брат, Фердинанд, тревожился о здоровье короля, но получил от него твердый ответ: «Я всего лишь человек, дорогой брат. Чувства движут твоей заботой обо мне, но государство существовало до меня, и, если Бог будет милостив, переживет меня!» Иногда докучали призраки старых ссор. Де Катту анонимно прислали копию стихов Фридриха, один из тех томиков, которые тот очень хотел получить обратно у Вольтера, — особенно засекреченный из-за содержащихся в нем оскорбительных выпадов в адрес европейских деятелей. Фридрих предполагал, что Вольтер слишком свободно распоряжается ими: «Негодяй! Вольтер!» Но потом он задумался, не виноват ли кто другой. Дарге? Он очень хотел лучше думать о Вольтере. Вольтер в апреле 1760 года прислал ему «Кандида», и Фридрих, четыре раза перечитав его, заявил: это «единственный роман, который можно читать и перечитывать». Вольтер время от времени присылал королю письма, содержавшие идеи относительно политических переговоров. Фридрих читал их, смиряя раздражение.

Армия восстанавливала силы. Ее численность росла главным образом за счет массового зачисления в ее ряды австрийских и саксонских пленных, а также призыва совсем молодых кадетов. Фридрих, заметив, что некоторые юные офицеры его гвардии шалят словно дети, подтрунил над одним из них: «Не подрать ли тебе уши?» «Сир, я молод, но моя отвага стара», — был ответ, который и порадовал, и опечалил короля. Он страстно хотел, чтобы наступило такое время, когда ему не нужно будет вести на войну детей. Фридрих почерпнул кое-какие знания в

области переплетного дела и начал пробовать сам переплетать книги. «Мы должны попробовать все, — говорил он де Катту. — Браться за все».

Проходила реорганизация. Фридрих сократил некоторые пехотные полки до одного батальона, несколько полков слил воедино и проделал сходные операции, правда не столь масштабные, с кавалерией. Он реорганизовал артиллерию, сгруппировав тяжелые орудия в артиллерийские бригады и приказав отливать новые пушки; сформировал конную артиллерию, о которой уже довольно давно мечтал, — легкие шестифунтовые пушки, перевозимые шестью лошадьми, на трех из них верхом сидят ездовые. Фридрих прекрасно понимал, какие опасности поджидали его при проведении следующей кампании, если не будет мира. Он сказал в феврале Митчелу, что численность его противников может составить в общей сложности 230 000 человек, если они будут действовать слаженно, чего, вероятно, они смогут достичь к середине лета, в то время как он сможет противопоставить им 90 000 штыков. Король подумывал остаться в обороне столько времени, сколько представится возможным. Митчел пашел его, как всегда, здравомыслящим и откровенным. Фридрих понимал, Даун надеется возобновить взаимодействие с русскими весной или в начале лета, хотя считал, что тот, как и прежде, не станет предпринимать самостоятельных действий, пока не будет уверен в поддержке со стороны русских; русские же генералы отъехали от войск в отпуски до 1 июня. Таким образом, до генерального наступления, вероятнее всего в Силезии, еще оставалось время. Мир мог наступить ближе к концу года, но скорее всего после того, как грянут новые бури. Фридрих, зная о подавленности и пессимизме, царящих в его армии, тем не менее не хотел, чтобы Лондон счел дело проигранным, но при этом было важно показать тяжесть стратегического положения Пруссии. До сих пор Питт твердо стоял на своем.

К концу апреля 1760 года основные силы армии Фридриха общей численностью 55 000 человек находились на позициях у Мейсена. Генрих с 35 000 располагался в Сагане, между Нейссе и Одером, и мог наблюдать за русскими. Генерал-лейтенант Генрих Август де ла Мотт Фуке еще с 12 000 человек стоял неподалеку от силезских крепостей вокруг Ландшюта в горах Ризенгебирге. У противника Лаудон в Верхней Силезии располагал 40 000 штыков. Даун с основными силами австрийцев,

примерно на 25 000 человек превосходящими по численности прусскую армию, концентрировался вокруг Дрездена. До Фридриха доходили сведения, что у Дауна имеются серьезные проблемы с тыловым обеспечением и он даже может отойти в Богемию. В июне Даун отправил часть войск — генерала Ласи — на восточный берег Эльбы. Фридриху это было известно. Он знал также о движении крупных сил имперских войск из Центральной Германии на помощь Дауну. Он решил переправиться через Эльбу, оставив на западном берегу два отряда. Атаковать Ласи до прихода к Дауну подкреплений. Король форсировал Эльбу севернее Дрездена 15 июня. Полагали, что Ласи стоит у Морицбурга, к северу от города.

У Фридриха было несколько причин для такого шага. Прежде всего надежда не допустить усиления Дауна. Имелась к тому же информация о том, что Лаудон угрожает Глацу, что де ла Мотт Фуке нужны подкрепления и что 16-тысячный корпус русских войск переправился через Вислу и идет на Познань. Опасность угрожает запасам в Виттенберге, а также Лейпцигу и территориям вокруг Гальберштадта и Магдебурга. Все это подсказывает ему, говорил Фридрих Финкенштейну, необходимость действовать, *quelque coup hardi**. Он был направлен против Ласи.

Франц Мориц Ласи — австрийский военачальник, выходец из Ирландии. Его отец последовал за Яковом II, состоял на русской службе. Он сам в двадцать пять лет стал полковником на австрийской службе и участвовал в сражениях при Лобозице, Лейтене и Гохкирхе. И теперь Ласи ловко отвел свой корпус, так что операция Фридриха прошла вхолостую, хотя ему удалось захватить обоз Ласи. В глубоком разочаровании Фридрих писал, что находится в плачевном положении. Лаудон явно шел на Бреслау, а Фридрих не мог уйти из Саксонии, пока там оставался Даун, в то время как русские войска находились на марше. Он устроил штаб в Гросс-Добрице, немного восточнее Дрездена.

Через семь дней, 26 июня, последовал новый страшный удар. Австрийские войска под командованием Лаудона 22 июня атаковали и наголову разгромили прусские войска в Верхней Силезии.

* какой-нибудь смелый удар (фр.).

Глава 16

ДОВЕРИЕ ВОССТАНОВЛЕНО

Гидеон Лаудон считал своего начальника, Леопольда Дауна, медлительным и непредприимчивым человеком. Он сам решал, какую стратегию избрать. При помощи непрерывных ударов следовало заставить Фридриха метаться: австрийцы наступают в Саксонии и Силезии, русские войска — в направлении Берлина. Эти удары должны быть не только непрерывными, но и жесткими, Фридриху не останется ничего другого, как, отражая их, ослаблять позиции. Теория была проста, и именно так действовали союзники в недавней кампании. На практике этот вариант требовал энергичности и тактической изобретательности. Лаудон полагал, что Даун не обладает этими качествами, несмотря на победу при Гохкирхе.

На протяжении мая и июня 1760 года Фридрих как мог поспеивал за передвижениями этого быстрого и искусного военачальника. 8 мая он предположил, что Лаудон находится в Лусатии, очевидно, соединившись с другим австрийским корпусом в Циттау. В качестве альтернативы он приготовился идти в направлении Нижней Силезии, в этом случае де ла Мотт Фуке пужно будет передислоцировать войска, чтобы прикрыть Бреслау и Швейдниц. Фридрих до некоторой степени игнорировал информацию о маневрах Лаудона, считая их почти непостижимыми. Он говорил, что создается впечатление, будто Лаудон движется сразу ко всем населенным пунктам в Глаце и Силезии и изучает каждый из них в плане возможной осады, хотя Фридрих знал, сил для этого у него нет. Для чего нужны мар-

ши, обращался Фридрих с риторическим вопросом к Финкенштейну и Зильбергу. Все это было до крайности непонятно. Предположительно конечной целью является захват Нейссе, возможно, в июне.

Одно тем не менее было ясно. Если Лаудон предпримет действия, собрав все имеющиеся у него силы, то де ла Мотт Фуке с ним не справится. Ситуация складывалась, как всегда, сложная — слишком много противников, слишком много мест, которые нужно прикрывать. И он, Фридрих, как обычно, решил дезорганизовать неприятеля и сместить баланс сил посредством победоносного сражения, одной *heureuse action**. Она устрасит врагов, и инициатива вновь перейдет к нему. «Наше положение омерзительно, — писал он Генриху из Мейсена 30 мая. — Непонятно, куда направляться». Фридрих не оставлял надежды на вмешательство турок, способное отвлечь Вену, и вел длинную переписку со своим человеком в Константинополе, Карлом Адольфом фон Рексином.

Без гарнизонов крепостей и хранилищ прусские войска в Силезии насчитывали 13 000 человек. Расквартированные в Бреслау, Швейднице и Нейссе, они удерживали позиции в Богемских и Моравских горах, контролируя графство Глац из Ландшюта и Верхнюю Силезию к югу от Бреслау. Это была громадная территория, требовавшая значительного рассредоточения войск. Ранним утром 23 июня пруссаков, находившихся вокруг Ландшюта, внезапно с разных направлений атаковал Лаудон, несколько отрядов были разгромлены. К концу дня де ла Мотт Фуке с 8000 солдат оказался в плену у австрийцев; 2000 человек пали на поле боя. Генерал-лейтенант, получивший три удара саблей, сражался как герой. «Он показал пример, — писал Фридрих, — того, что может сделать отвага и сила воли перед лицом превосходящих сил противника, каким бы перевес ни был. Его действия в тот день можно сравнить с действиями Леонида у Фермопил». Меньше тысячи уцелевших пруссаков пробились на север к Бреслау. Лаудон захватил и разграбил Ландшют. Вновь прекрасная провинция, казалось, лежала на блюдечке перед врагом. Через неделю Фридрих, находившийся в Гросс-Добрице у Мейсена, двинулся на восток, в направлении Силезии.

3 июля он покинул Гросс-Добриц и 6 июля переправился через Шпрее у Нидер-Гунца, неподалеку от Бауцена. Там ко-

* счастливой операции (*фр.*).

роль получил сведения о продвижении Дауна с основными силами австрийской армии к Силезии. Он находился впереди него. Это означало, что если Фридрих продолжит марш, то наткнется на уже развернутые против него превосходящие силы противника. Поражение де ла Мотт Фуке временно лишило его Силезии, но он вернет ее — никто не мог сомневаться в его решимости сделать это. Однако пока ничего нельзя было добиться: пруссаки находились в заведомо проигрышном положении. Его непосредственная задача должна заключаться в том, чтобы сохранить армию и умело использовать ее там, где позволят обстоятельства. В данный момент — не в Силезии, но восточный марш Дауна ослабил австрийцев в Саксонии, и Фридрих решил вести войска к Дрездену. Потеря саксонской столицы по-прежнему оставалась кровоточащей раной, и теперь у него могло оказаться достаточно людей и орудий, чтобы создать локальный перевес сил и захватить город. Гарнизон Дрездена насчитывал 14 000, однако неподалеку находились Ласи с 20 000 штыков и примерно столько же имперцев. Фридрих полагал, что серьезная угроза Дрездену отвлечет Дауна от Силезии и предоставит возможность восстановления там статус-кво. 19 июля он расставил орудия и приступил к бомбардировке столицы Саксонии. Фридрих надеялся на быструю капитуляцию города: у него не было необходимых средств для серьезной осады.

Прага в свое время не пала после бомбардировки. Дрезден тоже не сдавался. Город охватили пожары — многие здания были деревянные, и целые районы прекрасного города выгорели дотла. Гарнизон не соглашался на капитуляцию. Фридрих оказывался в опасности, пытаясь сохранять блокаду. Даун, как и надеялся Фридрих, отреагировал на западный марш пруссаков. Он повернул армию вспять и пошел обратно тем же путем. Вскоре фельдмаршал уже разворачивал войска неподалеку от Дрездена, на высотах к востоку от Эльбы. Оттуда австрийцы получали возможность атаковать позиции обстреливавшей Дрезден артиллерии, и 21 июля Фридрих был вынужден отвести орудия, потеряв при этом 3 батальона прикрывавшей пушки пехоты.

Нападение Фридриха на Дрезден не удалось. Он подвергся международной критике за бомбардировку города. Король отвлек Дауна от Силезии, но теперь, казалось, австрийцев уже ничто не удержит от того, чтобы вернуться туда вновь. 29 июля

Лаудон после нескольких часов боя захватил крепость Глац и вслед за этим взял Лигниц и Пархвиц. Даун соединился с Ласи, и объединенные силы двинулись навстречу победоносным войскам Лаудона. Австрийская армия насчитывала 90 000 штыков.

Фридрих мог предпринимать лишь ответные действия. С неприятным ощущением, что поступает так, как от него ждет противник, он снова двинулся на восток. В это время у него оставалось всего 30 000 человек, но он надеялся на соединение с принцем Генрихом и его 35-тысячной армией. Войска принца были развернуты так, чтобы не допустить движения русских войск в западном направлении, в сторону Одера. Узнав о судьбе де ла Мотт Фуке, он сразу понял, что главные события произойдут в Силезии, и 5 августа заставил австрийцев снять осаду с Бреслау. Его интуиция, как всегда, была великолепна, а действия рискованны. Полагали, что Салтыков идет на запад с позиций вокруг Познани, куда отошел после Кунерсдорфа, и что он отрядил корпус численностью в 25 000 человек под командованием генерала Чернышева* для совместных действий с Дауном, Ласи и Лаудоном в Силезии.

Несколько порадовал Фридриха Фердинанд Брауншвейгский. 16 июля в Гессене, под Эмсдорфом, он разбил численно превосходящие силы французов, захватив 9 знамен и много пленных. В конце месяца король вновь пошел на Силезию, покинув ставку в Даллвице, неподалеку от Дрездена, и 1 августа переправился через Эльбу у Хирхштена. Фридрих чувствовал себя очень неважно — он упал с лошади, отдавившей ему ногу, и был весь покрыт ссадинами. Он гнал армию вперед — многие солдаты теряли сознание от жары — и через пять дней достиг Бунцлау в Силезии. Он хотел разместить войска так, чтобы не допустить соединения русской и австрийской армий, и занять при этом выгодные позиции. Ничто не могло изменить дисбаланс сил. Он говорил Генриху, что решающее сражение должно произойти где-то в междуречье рек Квейсс и Бобер.

Австрийцы и пруссаки вновь спешили параллельными маршрутами в Силезию, главный театр военных действий кампании. Даун занял прежний прусский лагерь в Шмттсейффене. Австрийцы теперь сосредоточивались между Вальштадтом и Кос-

* Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784), граф, генерал-фельдмаршал (1773). В 1760 г. командовал отрядом при взятии Берлина. С 1763 г. — вице-президент, с 1773 г. — президент Военной коллегии.

сенденем, к юго-западу от Лигница, а Фридрих располагался в небольшом местечке под названием Хохендорф на реке Кацбах, притоке Одера, протекавшем через Лигниц. Оттуда король 9 августа 1760 года писал Генриху, что все решится через несколько дней. Он переместил штаб в Лигниц и решил идти в направлении Мерхвица, который находится на северо-востоке от Пархвица, и добыть припасы в Глогау. Затем Фридрих намеревался переправиться через Одер. Предполагалось, что русские уже стоят у Волау, в десяти милях к востоку от реки против Пархвица, и он планировал обойти их и идти на соединение с Генрихом, чтобы силы были вновь сосредоточены. Если русских там нет, то Фридрих намеревался двигаться туда сам — это был выгодный пункт на пересечении дорог и пойм рек. После этого действия будут зависеть от поведения австрийцев и, может быть, русских. Главное, чтобы маневры его и Генриха были скоординированными. Поразительно, насколько откровенен Фридрих с братом. В их переписке не заметно никакого соперничества.

Но все это осталось теоретизированием, планами на случай непредвиденных обстоятельств, и операции к востоку от Одера так никогда и не были осуществлены. Русский корпус Чернышева переправился на левый берег Одера, затем вернулся на восточный. Даун, как узнал Фридрих, послал Лаудона с 24 000 человек через Кацбах, приказав развернуться фронтом на запад и сдерживать продвижение Фридриха, пока фельдмаршал с главными силами армии не начнет наступление на пруссаков, как верно было определено, у Лигница — с юга. Прусская армия состояла из 30 000 человек; у Дауна было 80 000, и он знал о своем численном превосходстве. Австрийцы полагали, что Фридрих попал в западню между Дауном и Лаудоном.

Фридрих, однако, довольно точно понял замысел неприятеля и в предутренней тьме 15 августа выступил на север. Он занял высоту у населенного пункта под названием Пфаффендорф и выставил вокруг усиленные караулы. В два часа ночи сообщили о приближении с востока, от Бейновица, вражеских колонн кавалерии и пехоты. Это был Лаудон. Тогда Фридрих занял еще несколько возвышенностей, господствовавших над дорогами, по которым двигался неприятель. Еще в темноте пруссаки доложили, что враг находится примерно в 600 ярдах. У Фридриха к этому моменту на позициях уже было несколько орудий, и они открыли огонь. На юге, где на правом фланге,

развернутом фронтом к реке Кацбах, Фридрих поставил командовать Цитена, контакта с противником не было. Фридрих по необходимости разместил войска фронтом и на восток, и на юг, но столкновение произошло только на востоке.

Атака Лаудона против центра прусских войск к западу от деревни Пантен была отбита. Австрийцы понесли большие потери — примерно 2000 убитых, к тому же пруссаки взяли в плен более 5000 человек. Контратака пруссаков проводилась левым флангом и была направлена в сторону Кацбаха. Она сокрушила правое крыло Лаудона около Бейновица, к которому австрийцы отошли после первоначального натиска на левый фланг пруссаков, который имел некоторый успех, затем атака была отбита. После этого бой развернулся вокруг оси, причем прусский левый фланг прорезал правый фланг австрийцев, а австрийский левый фланг удерживался левым флангом пруссаков. И прусские войска одержали победу.

Фридрих остановил наступление пруссаков на подступах к реке — все сражение длилось лишь два часа и завершилось к шести утра. Столкновение происходило между Фридрихом и Лаудоном — основные австрийские силы не участвовали в деле. Даун собирался двинуться вперед сразу после рассвета, но заколебался и потерял драгоценные минуты. Сражение у Лигница в определенной степени было выиграно благодаря артиллерии, своевременно выведенной на позиции и готовой к встрече атаки, а также благодаря своевременно поступившим донесениям разведки, позволившим Фридриху правильно распределить силы, направленные против Лаудона и Дауна. Не последнюю роль сыграло и то, что Фридрих назвал, возможно, несколько самодовольно, изумительной точностью, с которой он и его оппоненты могли предсказывать ход мысли друг друга: «...противники, находящиеся в состоянии войны в течение нескольких лет подряд, приобретают ясное представление о том, как они оба думают, какие планы замышляют». Не он, а наблюдатели говорили, что победы удалось добиться благодаря личной храбрости, проявленной самим Фридрихом в ходе боя: лошадь убита, шинель прострелена, ядром убита лошадь пажа, его личные коноводы смертельно ранены. Выиграть сражение помогло также моральное превосходство, которое, казалось, вернулось к пруссакам. Даун знал, что Фридрих развернул войска перед ним, уступая в численности. Но это был Фридрих, и фельдмаршал заколебался, а тот, кто колеблется, проигрывает.

Лаудон отступил, и австрийцы приготовились отходить из Силезии. Даун надеялся отрезать Фридриха от его крепостей и припасов, прежде всего от Швейдница; надежды оказались напрасными. Прусский король получил возможность свободно передвигаться по Южной Силезии. Он подошел к Бреслау, где его войска временно соединились с войсками приица Генриха, затем разместил штаб в Бунцельвице, в нескольких милях к северу от Швейдница, но вскоре переехал в Диттмансдорф. 16 августа он одобрил специальный приказ по армии, содержащий особые поздравления и похвалы. А на следующий день он написал письмо Ласи, утратившему 11 августа багаж и карты:

«...хотя я и являюсь оппонентом делу, за которое Вы сражаетесь, но не настолько слеп, чтобы отказать Вам в справедливости в отношении ваших высоких достоинств. Такими людьми чести, как Вы, движет не надежда на получение выгод, и я понимаю, что утрата багажа для вас не важна; но, поскольку я уверен, что можно вести войну галантно, даже и находясь по разные стороны линии фронта, я стараюсь, когда позволяют обстоятельства, приносить в профессию, которая сама по себе довольно трудна и жестока, вежливость и хорошие манеры. Когда интенсивность военных действий в этой кампании несколько спадет, топографы моей армии скопируют Ваши карты, и я сочту за удовольствие послать их Вам, как только работа над ними будет завершена...»

Победа под Лигницем, как и многие другие в этой бесконечной войне, не имела решающего значения. Она не привела к окончательному смещению баланса сил в пользу Фридриха, но восстановила ситуацию в Силезии и до некоторой степени позволила отплатить за де ла Мотт Фуке. Однако война продолжалась. Тем не менее Лигниц делал честь Фридриху, и доверие к нему в армии стало быстро восстанавливаться. Это сражение продемонстрировало скорость и энергию, с которой он ответил на потери своих войск в Силезии, когда был захвачен де ла Мотт Фуке, а также твердость его духа, несмотря на разочарование в связи с неудачей, постигшей его под Дрезденом. Фридрих проявил талант и смелость перед численно превосходящими силами противника. Его марши и маневры, а также тактическая мысль вызывали восхищение. Он бодрствовал всю ночь перед сражением, подъезжая в темноте к разным полкам, спешил, когда они находились на позициях, говорил с солдатами у бивуачных костров, шутил, подбадривал. Для армии

король был *Alter Fritz*, примером для подражания, наставником и талисманом. Одним словом, взаимопонимание между Фридрихом и армией было восстановлено.

Русские вновь отошли на восток за Одер, и в сентябре 1760 года стычки в основном происходили в Силезии. Фридрих, действуя с надежной базы в горах, опоясывающих Глац, ставил задачу не давать отдыха австрийцам на Силезской равнине. Он отдал приказ принцу Генриху оставить на восточном берегу Одера 14 000 человек и присоединиться к нему с остальными силами. В конце августа король имел под личной командой около 50 000 штыков. Происходили отдельные столкновения, некоторые весьма серьезные. Атака прусской колонны 8 австрийскими батальонами была успешно отбита 2 полками пруссаков, в том числе полком принца Генриха, при этом победителям достались 16 австрийских пушек. Фридрих вновь завоевывал господствующее положение.

Но смещение основных военных действий в Силезию принесло с собой и неизбежные проблемы. В начале октября русские генералы Тотлебен и Чернышев предприняли с 17-тысячной армией рейд на Берлин. К ним вскоре присоединился Ласи, который шел маршем с юга, имея в своем распоряжении 18 000 австрийцев, и достиг прусской столицы 7 октября. Фридрих тактически переиграл и побил Дауна и Лаудона. Теперь Берлин, Потсдам, Сан-Суси находились в руках неприятеля, по-прежнему чувствовавшего себя относительно свободным на значительной территории Германии. Лаудон начал движение на юг Верхней Силезии, чтобы осадить город Козель в верховьях Одера, однако главная опасность грозила Бранденбургу. Фридрих покинул позиции в горах к югу от Швейдница и выступил на север за день до того, как войска Ласи подошли на помощь русским в Берлине. 11 октября он достиг Сагана. Ласи шел на запад, а затем на юг от Берлина, а Даун увел главные силы австрийцев после поражения под Лигницем в Саксонию, двигался маршем от Бауцена на соединение с ним. Имперские войска направлялись через Лейпциг на запад. Русские отошли от Берлина, но, вероятно, задумывали еще одно, более мощное, наступление из Польши в направлении Одера. Даун, соединившись с Ласи, будет располагать армией, состоящей только из австрийцев, — ситуация, в которой Фридрих ока-

зался у Дрездена. Даун и Ласи планировали соединиться на Средней Эльбе, возможно, у Торгау.

Фридрих считал это удачей — он прекрасно знал позиции у Торгау и понимал их выгодность. Про русские войска ему не было известно ничего. Где они находятся после рейда на Берлин? Когда предпримут новый бросок и в каком направлении? У него была информация, что они замышляют глубокое наступление в Южной Саксонии, но это казалось маловероятным. Однако это вскоре все же произошло. Следовательно, русские в районе Франкфурта-на-Одере. Фридрих отослал приказ командирующему в Силезии, генерал-лейтенанту фон Гольцу, предпринять марш и отрезать Лаудона от баз снабжения, если он действительно наступает на Козель.

Оккупация Берлина была кратковременной и довольно мягкой. Гарнизон города под командованием генерал-лейтенанта фон Рохова по большей части состоял из очень молодых, очень старых и выздоравливающих солдат. После отражения первых атак стало совершенно очевидно, что он не в состоянии обеспечить длительную оборону. Большая часть защитников — примерно 16 000 человек — вечером 8 октября 1760 года вышла из города на запад и проскользнула мимо русских войск. Фон Рохов затем провел переговоры о сдаче города.

Жители были обложены контрибуцией в размере 4 миллионов талеров*, но поставлявший Фридриху картины блестящий коммерсант Иоганн Готчковский сумел договориться с русским командующим о дисконте примерно в 60 процентов. Наблюдались отдельные случаи грабежа и беспричинного вандализма, в том числе в Шарлоттенбурге и во дворце королевы в Шенхаузене, но случаев насилия над жителями почти не было**. Гвардию из полка «Кайзер» принц Эстергази послал на Потсдам. В Шарлоттенбурге была уничтожена коллекция классических скульптур Фридриха, но общественные здания не пострадали. Многие кони достались новым, русским, хозяевам, а деревни вокруг подверглись грабежам. Главное, рейд был очень

* Около 700 000 фунтов. — *Примеч. авт.*

** Хотя 100 кадстов — мальчиков одиннадцати- и двенадцатилетнего возраста были отправлены в Кёнигсберг русскими в плачевном состоянии; а Фридрих сообщал Финкенштейну — и требовал это опубликовать — о варварстве казаков или хорватов, включая разрушение могил. — *Примеч. авт.*

кратким по времени, а это произошло благодаря реакции противника на известие, что к Берлину идет Фридрих.

Армия Фридриха, передвигаясь из Силезии на север, получила войсковые подкрепления из района Берлина. Теперь в его распоряжении было около 50 000 солдат и 250 орудий, и ему стало понятно, что следует идти к Эльбе. Было неясно, где именно будут соединяться противники, но силы Дауна вместе с отрядом Ласи составят примерно 55 000 штыков, а потому на какое-то время шансы уравниваются. Русские находились в Польше, за ними наблюдал принц Генрих. Имперские войска отошли на запад. Даун в ожидании атаки Фридриха займет стратегически важные оборонительные позиции. Возможно, это будет Торгау. Фридрих двинулся маршем на запад, оставив Саган 11 октября, пройдя через Люббен (80 миль), где 17 октября остановился на пять дней. Затем, через три дня, он подошел к Виттенбергу (65 миль). Поскольку ему был нужен мост, чтобы переправиться через реку, он направился к Косвигу, расположенному на восточном берегу, 26 октября переправился, а 28 октября устроил штаб в Кемберге, на западном берегу. Оттуда Фридрих двинулся на юг, к Дубену, а потом к Эйленбургу, в 18 милях к юго-западу от Торгау. Там он отдал детальные приказы для наступления, которое наверняка обернется еще одним генеральным сражением.

Торгау — укрепленный населенный пункт на западном берегу Эльбы. Капитальный мост через реку разрушили, но вместо него был наведен понтонный. Фридрих хорошо знал Торгау и вскоре уже наметил основные пункты размещения австрийских войск — противник располагался, или расположится, когда Фридрих начнет наступление на небольшой возвышенности к западу от города, развернувшись фронтом на юг. Его левый фланг опирается на укрепления Торгау, а правый — на несколько лесистых холмов, между которыми лежат деревни Супиц, Гроссвиг, Вейденхайн и Ройцш, отстоящие от самого Торгау на восемь миль. На передних склонах гряды раскинулись виноградники, а у ее подножия — пруды, болота и заболоченные низменности.

Даун понимал, что первые атаки пруссаков будут организованы с запада и юго-запада. С тактической точки зрения река и укрепления Торгау исключали любую попытку обхода его левого фланга, а заболоченные низменности и леса справа за-

трудняли это по отношению к правому флангу. С его основных позиций — горной гряды — открывался прекрасный обзор, к тому же они имели несколько естественных преград для передвижения как обороняющихся, так и атакующих; однако деревни Цинна и Веслау, расположенные на гряде ближе к Торгау, также осложняли задачи атакующей стороны. Позиции Дауна были сильно растянуты, но неплохо укреплены.

Фридрих осознавал, что любая попытка обойти фланги противника потребует движения вокруг его правого фланга, или западной оконечности. Лесистые холмы предоставляли там единственную возможность скрытного подхода, хотя это был бы очень долгий марш — своего рода Цорндорф. Вопрос заключался в том, как добиться хоть какой-то внезапности, но ответа он мог и не иметь; внимание Дауна наверняка сосредоточится на западном направлении, на правом фланге пруссаков. Фридрих решил, что лучшим вариантом будет *мощная* демонстративная атака на центр позиций Дауна, вокруг Суптица, с юга и юго-запада. Потом может появиться возможность обходного марша вокруг правого фланга Дауна и атаки с тыла — снова Цорндорф, но, возможно, на этот раз более удачный.

Этот план предусматривал необходимость разделения армии. Фридрих назначил Цитена командовать отвлекающей атакой и выделил ему 18 000 человек, из которых 7000 составляла кавалерия. Ему предстояло атаковать австрийцев на возвышенности с юго-запада, причем с такой решительностью и настойчивостью, чтобы у Дауна не осталось ни единого шанса перебросить или перегруппировать силы для отражения натиска пруссаков с севера. Было крайне важно выдержать график демонстративного наступления. Точно не известно, какие инструкции дал король Цитену на этот счет, но все это не сработало.

После выделения отвлекающих войск Цитена у Фридриха осталось всего 30 000 человек основных войск, из которых 6500 составляла кавалерия. Главным силам нужно было пройти примерно двенадцать миль, прежде чем они достигнут линии развертывания для атаки, — громадное расстояние с учетом предстоящего сражения. Король сформировал из них 3 отдельные колонны. С первой колонной, 15 батальонов, ехал сам Фридрих. Второй, 12 батальонов, командовал генерал фон Гульзен. Третью, смешанную колонну, состоявшую из 4 батальонов пехоты и 38 эскадронов кавалерии, возглавлял принц Георг Людвиг Гольштейн-Готторпский. Основную атаку с севера

Фридрих собирался провести с «оттянутым» правым флангом и *Schwerpunkt* от левого. Во время марша к позиции, однако, и с поступлением свежей информации Фридрих пересмотрел план сражения. Оказалось, войска Дауна были сконцентрированы в большей степени, чем предполагалось, и прикрывали три направления, включая западное, кроме того, *Schwerpunkt* со стороны прусского левого фланга, как то было запланировано, против правого фланга австрийцев мог оказаться бессмысленным — Даун подобрал фланги. Эти известия привели к пересмотру приказов, и развертывание войск к сражению произошло лишь во время марша, спустя какое-то время. Это стало причиной некоторой задержки.

Фридрих двинул основные силы армии из лагеря у Ланген-Рейхенбаха, расположенного в девяти милях юго-западнее Торгау, в 6.30 утра 3 ноября 1760 года. Цитен в то же самое время начал подход к своим позициям. Погода была сырой и холодной. Выдвижение Фридриха и Цитена в скором времени обнаружили патрули Дауна и легкая хорватская кавалерия — фельдмаршал надежно прикрылся передовыми постами, и у пруссаков едва ли вообще существовала возможность застать его врасплох. После этого Даун понял, какая опасность ему грозит. Большая часть прусской армии двигалась в обход его западного фланга и в какой-то момент должна была оказаться у него в тылу. Тем временем другая часть прусских войск, возможно, равная по численности, подходила к его южным и юго-западным позициям. Даун произвел небольшие изменения в размещении войск, направив 18 батальонов на прикрытие северных и западных позиций. Фридрих вышел в пункт развертывания примерно в час дня, противник в это время занимал позиции, прикрывавшие все сектора, намеченные им для атаки.

Тем не менее король решил, что атака должна быть произведена с севера, как и было задумано. В 2 часа он послал вперед первую линию — 10 пехотных батальонов, наступавших в виду оборудованных позиций австрийской артиллерии, в то время как прусские орудия их фактически не поддерживали в связи с особенностями рельефа местности. Когда батальоны остановились, началась мушкетная перестрелка с австрийцами на короткой дистанции, и примерно половина передового эшелона пруссаков была выбита — в самые первые минуты битвы. Фридрих приказал идти вперед второму эшелону — его войска все

еще подходили на позиции после утомительного перехода через леса, во время которого им приходилось отбивать контратаки австрийской кавалерии.

Прусская кавалерия несколько отстала из-за трудностей марша и в связи с изменениями, которые Фридрих считал необходимыми, когда ситуация стала ему более понятной. В 3.30 кавалерия подошла вместе с пехотой и вступила в дело, однако ее контратаковали, в свою очередь, австрийские кирасиры. Примерно в это время Фридрих — он, как обычно, находился в самой гуще событий — был контужен шальной мушкетной пулей и упал с коня. Король оттолкнул кинувшихся ему на помощь — *«ce n'est rien, ce n'est rien»**, — но у него была сильная контузия, невыносимо болела грудь, и его пришлось временно вывести с поля боя. Под ним были убиты три коня. В 4 часа начало смеркаться. Фридрих, уже знавший об огромных потерях, в какой-то момент подумал, что битва проиграна. Он поехал к церквухе в Элспиге, расположенной между полем сражения и Эльбой, и в свете свечи принялся готовить приказы об отступлении.

Они не понадобились. Цитен — уж непонятно, в соответствии с каким указанием касательно его графика действий, — отложил атаку примерно до 4 часов, и, когда он пошел вперед, его людям удалось немного продвинуться. Австрийцы на плато, казалось, стояли твердо, и он начал тревожиться за свой левый фланг. Цитен не понимал, как и все остальные, что происходило с главной атакой, и послал часть своих сил по дамбе между прудами в сторону западного фланга австрийцев, удерживавших гряды. К тому времени в обеих армиях царил невообразимый хаос. Солдаты начали потихоньку отставать от своих частей, повсюду лежали убитые и раненые, была практически полностью утрачена согласованность руководства боем. Даун, легко раненый, тоже покинул поле сражения. Австрийцы в полутьме и плотном дыму стреляли в упор в людей Цитена, те отвечали.

Но в этот момент генерал фон Гульзен, который несколько раньше был ранен, взобрался на орудие, приказал ближайшим солдатам катить его вперед, а барабанщикам играть атаку. Достаточно большое количество прусских солдат услышали сигнал и начали наступление, в конце концов австрийцы стали в беспорядке отходить, причем теперь в их рядах замешатель-

* это ничего, это ничего (фр.).

ство было не меньшее, чем в рядах противника. Они отступили к Эльбе, а затем переправились на другой берег. Некоторые, говорят, добежали до Дрездена, который находился в 50 милях. Они достаточно повоевали.

Фридрих потерял по меньшей мере 17 000 человек, хотя большая часть отставших возвратилась в свои полки, как часто случалось, а улучшившееся медицинское обслуживание в сравнительно короткое время вернуло солдат в строй. Австрийцы потеряли 18 000 — неделей позже Фридрих оценил общие потери противника в 20 000 человек и 50 орудий. Он полагал, что выиграл сражение. «Мы побили Дауна и австрийцев», — написал он Финкенштейну в тот вечер. Однако было ясно: это не решающая победа. Сначала король недооценил размеры прусских потерь, назвав цифру 9000 человек и 1500 пленных: они были намного больше, и прусская пехота, как всегда, понесла наибольший урон*. Фридриха обвиняли и в том, что он вообще начал сражение; но, как часто бывало, он хотел сохранить моральное превосходство. Идти на зимние квартиры, когда Даун находится в Дрездене и контролирует большую часть Саксонии, означало отказ от такого превосходства.

Фридриха критиковали и за то, что он разделил армию, хотя мощная демонстрация, ради которой он это сделал, была наверняка единственным средством, способным отвлечь неприятеля. Похоже, что имела место слабая временная координация атаки Фридриха и маневра Цитена, но такие вещи очень трудно организовать, тем более условия местности затрудняли передвижение. Смещение Фридрихом центра своей атаки было также неудачным, оно повлекло потерю времени, но наступать на сильно укрепленную позицию Дауна не имело смысла. Продолжение атаки при ужасающих потерях тоже критиковалось, как бывало после многих сражений Фридриха, Мальборо, Наполеона или Хэйга. Обстоятельства меняют планы. Раз уж войска сражаются за тактически важный пункт, каким было Торгауское плато, то атака должна быть либо отбита со всеми вытекающими последствиями для морального духа армии, либо окончиться победой. Фридрих после недолгого колебания решил продолжать атаку и выиграл. Победы до печального часто

* Он также преувеличил потери противника и сообщил о них принцу Генриху, уточнившему цифры, но отрицавшему какой-либо преднамеренный обман. — *Примеч. авт.*

достаются слишком дорогой ценой, и войны пестрят многочисленными смертями и страданиями. Некоторые из подданных короля Пруссии открыто полагали это сражение глупостью — без него можно было обойтись, тем более приближалась зима, но, с точки зрения Фридриха, Даун, засев в Торгау, отрезал его от ресурсов Саксонии, а он в них пуждался.

Фридрих, не считаясь с сильной болью, 8 декабря верхом отправился в Лейпциг, а прусская армия встала на зимние квартиры в Саксонии и в Южной Силезии. Еще в октябре он сказал д'Аржану, что, хотя ему удалось вернуть Лейпциг, Виттенберг, Торгау, Мейсен, противник удерживает Дрезден и пограничные горы и это позволит ему перейти в наступление в следующем году: «Королева Венгрии твердо стоит за войну». Казалось, практически не было никаких сомнений в том, что во время кампании 1761 года, если она начнется, Фридриху придется находиться в обороне. Маневры будут главным образом направлены на то, чтобы защищать свои пути снабжения и угрожать коммуникациям противника. Дрезден по-прежнему был в руках австрийцев, и надежды Фридриха на то, что Даун сочтет выгодным для себя покинуть город, остались только надеждами. По имевшимся у него данным, Даун весной будет располагать в Саксонии 60 000 солдат, а Лаудон в Силезии еще большими силами, вероятно, 70 000 человек. Прусские крепости и пункты снабжения — Бреслау, Швейдниц, Нейссе — окажутся под угрозой; постоянная нехватка людей никогда не позволит иметь необходимые по численности гарнизоны, чтобы обезопасить их от вероятного масштабного нападения, которое может быть предпринято неприятелем.

Что касается объединенных австро-русских операций, то скорее всего, как и прежде, австрийцы будут ожидать действий русской армии, а они обычно начинались в разгар лета.

Через 2 дня после сражения при Торгау Фридрих узнал, что король Георг II Английский умер 25 октября 1760 года. Для Фридриха смерть его дяди не была тяжелым ударом. Они никогда не любили друг друга, и Фридрих раньше часто задумывался над тем, что англо-пруссские отношения могли бы улучшиться после перехода власти к принцу Уэльскому. На престол взошел юный принц, Георг III. С тех пор, однако, как Британия стала союзницей Пруссии, ее наиболее ценный вклад за-

ключался в предоставлении Фридриху значительных субсидий: чуть меньше 700 000 фунтов в год на момент смерти Георга II.

Они позволяли Фридриху играть свою роль в коалиционной войне; без Британии, предоставившей такую помощь, даже не участвуя большими силами в военных действиях в Европе, Пруссия осталась бы действительно в одиночестве. Размеры субсидий, естественно, становились предметом частых переговоров, и Фридриху время от времени приходилось обосновывать свои запросы. Корпусу из 40 000 человек требовалась на кампанию сумма чуть меньше 6 миллионов экю*. Она включала стоимость фуража, питания и жалованья, при этом ничего не оставалось для компенсации расходов принимающим участие в кампании монархам. Фридрих полагал, что калькуляция, которую он показал Митчелу, вполне оправдывает его позицию в вопросе о размерах субсидии. Однако, выделяя деньги, Лондон должен быть уверен, что поддержка Фридриха в интересах Британии; и следующие месяцы он в основном использовал для дипломатических и политических контактов, призванных укрепить такие представления.

В связи со смертью дяди Фридрих направил приличествующее моменту послание в адрес Георга III. Он также лично написал Питту. Король Пруссии понимал: поддержка, которую он имеет в Британии, во многом существует благодаря энергии и политическому курсу Питта, и в письме — не только из вежливости — Фридрих подчеркивал, что Питт, возможно, является единственным человеком в Европе, обладающим достаточной мудростью и темпераментом, чтобы привести эту разрушительную войну к почетному завершению. Фридрих выразил ему свое полное доверие, хотя прекрасно знал, что судьба министров зависит от настроения монарха. Великая борьба между Британией и Францией за господство на море и в колониях развивалась по британскому сценарию, результатом этих успехов может стать новая волна недовольства британских министров по поводу вовлеченности в европейские дела, а значит, и поддержки Пруссии. Война дорого обходилась всем, и даже британский кошелек не был бездонным. Многие в Британии рассматривали войну на континенте как гражданскую войну в Германии, в которой друг Британии, Фридрих Прусский, держится с трудом, в то время как Британия везде одерживает победу.

* Немного меньше 2 миллионов фунтов. — *Примеч. авт.*

Питт решительно выступал против французских притязаний. Его курс способствовал увеличению размеров британских владений, интересов и амбиций. До сих пор он оставался верным другом Фридриха, а Франция — врагом. Французы, как сообщалось, были обескуражены успехами пруссаков под Лейпцигом и Торгау. Они поддерживали маневрирование армии де Броуи и имперцев в Центральной Германии, особенно при оккупации Гессена, и представляли в этом секторе угрозу Ганноверу, к судьбе которого Лондон не мог относиться безразлично. Но в самом ли деле французы хотели бесконечной войны? Фридрих надеялся и верил, что нет. Ему не доставляло удовольствия находиться с Францией в состоянии войны, и, когда его послы в Швеции, Голландии, а также источники при русском дворе и в Вене сообщили, что Франция хочет мира, он захотел в это поверить. Первые слова о мире должны сказать Франция и Британия. Позиции Британии были сильны, и в январе 1761 года он сказал Митчелу, что не имеет никаких принципиальных возражений по поводу подобных переговоров.

Но если они начнутся, то необходимо оговорить все условия. В последующие месяцы Фридрих часто возвращался к этому вопросу. Должен быть всеобщий мир, а не просто прекращение военных действий между Францией и Британией. Франция должна уйти из Вестфалии, вывести войска из Германии и не оказывать помощи Марии Терезии. Фридрих знал о существовании старых союзнических связей между Британией и Австрией, воспоминания о которых у англичан были еще свежи, и к тому же он высоко ценил Кауница — «умная голова и очень большой политик». По оценкам Кауница, Пруссия находится почти на грани истощения всех ресурсов. Фридрих должен доказать, что Кауниц ошибается, а Австрия тоже испытывает большие экономические трудности.

Таким образом, Фридрих положительно относился к идее мирной инициативы: он поддерживал ее и понимал, что, судя по состоянию дел, она должна исходить от Британии и Франции. Он опасался — не без причин — переговорного процесса, из которого его могут исключить и не будут учитывать ситуацию на континенте, оставив Пруссию по-прежнему в изоляции. В весенние месяцы 1761 года состоялось немало контактов по вопросу о мирной конференции с участием воюющих стран, и Фридрих ее приветствовал, при условии, что это приведет к истинному и всеобщему

миру. За конференцией, говорил он, должно последовать всеобщее перемирие между *всеми* сторонами. Ему были не по душе предложения по организации продолжительной, многословной конференции, во время проведения которой будут вестись военные действия, где все продолжают маневрирование силами для улучшения своих позиций за столом переговоров.

Между тем перспективы мира и общеевропейское соотношение сил неизбежно находились под воздействием текущей военной ситуации. Прусская армия была на зимних квартирах, так же как и большая часть австрийской армии. Однако в Центральной Германии принц Фердинанд и ганноверцы должны были противостоять французам и имперцам, оккупировавшим Гессен-Кассель. Фридрих довольно резко отзывался о достойной сожаления пассивности в действиях по выдворению оккупантов. В войсках Фердинанда находился прусский отряд, и король не видел смысла оставлять его там, если принц не активизирует действия. Это было и в британских, и в германских интересах, и он стремился сделать все, чтобы Питт знал его позицию. Конечно, трения между Францией и Ганновером в Северной Германии способствовали поддержанию заинтересованности Британии в участии в военных действиях в Европе, но существовала и обратная сторона: военные успехи Франции приведут к неуступчивости французов и нежеланию добиваться мира, к чему их будут подталкивать из Вены и Санкт-Петербурга.

Военная ситуация в этой части Германии, таким образом, помимо собственно стратегической, играла важную роль в дипломатии. В феврале 1761 года войска Фердинанда добились некоторых успехов в Готе и Гессен-Касселе; ганноверцы генерала фон Шпоркена и пруссаки генерала фон Зибурга разбили франко-имперскую армию, захватив 3000 пленных и 4 знамени, — довольный Фридрих назвал это «*Cette belle expédition*»* и написал сестре Ульрике, что французы точно хотят мира и это желание еще более усилится «теперь, когда мы погнали их из Гессена». Достижения Фердинанда, писал он герцогине Саксен-Готской, вероятно, станут важным элементом в процессе поиска мира, который желателен «во имя блага Германии, во имя человечности и всех воюющих государств». Он обычно обращался к ней «*mon adorable Duchesse*»** и мой любимый корреспондент.

* эта прекрасная экспедиция (фр.).

** моя очаровательная герцогиня (фр.).

Оптимизм Фридриха оказался преждевременным. К началу апреля против Фердинанда в Вестфалии действовала уже не одна французская армия, а две. Фридрих считал ситуацию трудной и полагал, что она поможет Австрии в подстрекательстве к продолжению войны, а также ослабит переговорные позиции Британии и Пруссии. Поэтому потребность в переговорах ставилась еще более настоятельной. Британия все еще оставалась сильной стороной, но при этом он отмечал в письме к Книнхаузену, что «большинство британских министров обладают лишь общими сведениями относительно того, что происходит за пределами Англии!» Лорда Холдернесса на посту государственного секретаря в Лондоне сменил граф Бьют, и Фридрих не знал точно, какова его точка зрения на происходящие события. Он писал сестре Амелии, что, несмотря на предложения о мирной конференции, Австрия не намерена серьезно смотреть на перспективу ее проведения. Грядет шестой год его войны, и приходится надеяться только на самого себя.

Фридрих был до крайности раздражен, когда ему доложили в июне, что Питт, которым он восхищался, открыто обратился к Книнхаузену с просьбой выяснить, на какие жертвы ради мира Пруссия готова пойти. «Ни на какие!» — был ответ, его следовало передать англичанам без всяких недоговоренностей. Сообщение достигло цели, хотя Фридрих полагал, что было бы правильно написать в июле письмо непосредственно Питту, сославшись на то, что его посол в Лондоне «все понял не вполне верно», и ясно изложить позицию и ее исторические обоснования. Саксония роптала, Генрих и многие другие, включая Митчела, считали, что требования Фридриха к населению необоснованно жестки: в Лейпциге арестовали пятьдесят торговцев под залог выплаты городом требуемых 2 миллионов крон. Фридрих не стал обращать внимания ни на какие увещевания. Война продолжалась, и ее нужно было оплачивать.

В Константинополе фон Рексин 2 апреля подписал договор между Османской Портой и Пруссией. Эффект был скорее демонстративным, чем практическим, но Фридрих считал, что он имеет некоторую ценность. Он получил сведения, что австрийцы и русские собираются повторить кампанию 1760 года.

У Фридриха появился новый источник информации относительно планов России. Генерал Тотлебен, командовавший

русскими войсками во время совместного австро-русского рейда на Берлин в 1760 году, был поставлен во главе экспедиции против Кольберга на Балтике. В какой-то момент с ним удалось установить контакт через уважаемого еврейского торговца, *le juif Sabatky**, состоявшего на службе у Фридриха. Тотлебена убедили уговоры Сабатки и деньги Фридриха, и он согласился давать информацию о намерениях русских. Деньги ему платили не только за информацию, но и за обязательство гуманно относиться ко всем подданным прусского короля, которые окажутся в зоне его действий. Что касается планов русских, то они, похоже, предполагали вновь послать 25-тысячный корпус на соединение с Лаудоном в Силезии, в то время как другой проследует через Померанию в направлении Кольберга. Основные силы армии, вероятно, пойдут в Силезию, но все это станет возможным, только когда зазеленеет трава.

Фридрих получил эту информацию в начале мая 1761 года. Он знал, что в русской армии и политической системе произошли изменения. Салтыкова заменил фельдмаршал граф Бутурлин, и он, видимо, будет располагать 25 000 человек. Система тылового обеспечения и снабжения русской армии, как говорили, также серьезно улучшена. На южном фронте Лаудон к началу мая покинул зимние квартиры и приступил к военным операциям в Силезии. Становилось очевидно, Фридриху вновь придется метаться с армией то на восток, то на север, чтобы противостоять численно превосходящим войскам неприятеля в Силезии и Саксонии.

А если все будет складываться плохо, то и в Бранденбурге. 21 апреля Фридрих направил приказы принцу Генриху, находившемуся в Саксонии. У него должно было быть в наличии 30 000 человек, и Фридрих понимал, что Даун намеревается собрать собственные силы в Саксонии, в то время как Лаудон — с 70 000 штыков, — как следовало из сообщений, остается в Силезии и готовится к взаимодействию с русскими войсками. Все было знакомо, и положение Фридриха оставалось таким же трудным, как и всегда. Он решил идти в Силезию с остатками армии — 30 000 — усиливая тем самым войска местного командующего, генерала фон Гольца. В течение некоторого времени король находился в лагере в Мейсене, затем 4 мая переправился через Эльбу, 8 мая подошел к Горлицу, а потом разместил

* жиды Сабатки (фр.).

штаб в Кунцендорфе, неподалеку от Швейдница, расположив армию на бивуаках вдоль близлежащей горной гряды. У него было несколько кавалерийских полков, и он пытался пополнить пехотные батальоны, сформировав 8 новых, которые вошли в строй с 1 мая. Это были подразделения из добровольцев и авантюристов из разных стран, обладавших неодинаковым опытом, их подготовка оставляла желать лучшего, и армия Фридриха образца 1761 года была уже не таким превосходно обученным и дисциплинированным организмом, как прежде.

Король Пруссии намеревался пресечь попытку русских и австрийцев соединиться, что должно было случиться в Юго-Восточной Силезии. Он почти каждый день писал Генриху относительно маневров, которые могли помочь предотвратить это, и с нетерпением ожидал известий от Тотлебена. 30 мая Эйхель послал графу зашифрованную депешу — Фридрих был «Патроном», а Тотлебен — «Другом». Пойдут ли русские на Бреслау? Или на Глогау? Или на Франкфурт? Была бы полезна информация и относительно планов австрийцев.

Тотлебен также передавал информацию через посредничество Готчковского, вездесущего поставщика Фридриха, сыгравшего определенную роль в сокращении размеров контрибуции, положенной русскими на Берлин. 20 июня Фридрих получил повости от Тотлебена, подтвержденные другим источником. Даун планировал войти в Лусатию, в то время как русские направляются к Одру, к Гроссену, отправив один корпус для взаимодействия с Лаудоном, а другой — к Кольбергу. «Это тот же расклад, что и в 1759 году», — писал Фридрих. До того как король 7 июля переедет из Кунцендорфа в Пльзень, юго-западнее Швейдница, он получит еще сообщение о дальнейших планах противника и об их изменении. Лаудон уже приступил к действиям. Известия с севера были неплохими — 16 июля Фердинанд опять разбил французов в Вестфалии, недалеко от Липпштадта.

Лаудона назначили главнокомандующим в Силезии, и теперь он отчитывался непосредственно перед Веной, а не перед Дауном. Он получил приказ ожидать момента, когда можно будет приступить к операциям вместе с Бутурлиным, а ожидание затягивалось — Бутурлин оказался еще более тяжелым на подъем, чем Салтыков. Ко второй декаде июля русские по-прежнему находились в нескольких милях к югу от Познани, хотя обещали идти на юг, в сторону Берга. Лаудон надеялся выма-

пить Фридриха с позиций у Швейдница, угрожая прусским коммуникациям с Нейссе. Он понимал, что Фридрих постарается не допустить его соединения с русскими войсками. Первым делом Лаудон занял позиции у Франкенштейна, между Бреслау и пограничными горами. Русские обещали переправиться через Одер на западный берег у Лебуса, в тридцати милях от Бреслау, что и произошло 12 августа, когда Лаудон и Бутурлин встретились.

Фридрих понял намерение Лаудона — соединиться с русскими и не допустить генерального сражения, пока соединения не произойдет. Он сознавал, что может оказаться невозможным предотвратить этот маневр. И оказался прав. Соединение произошло 19 августа. Фридрих, конечно, атаковал бы Лаудона на марше, если бы представился такой случай. Он признавался, что перемещения Лаудона несколько озадачивали его, но это было характерным для маневренной войны, войны угроз и контругроз, маршей и контрмаршей. Снабжение сдерживало маневр. Фридрих получал все необходимое из Нейссе, Швейдница, Бреслау, Лаудон — из Богемии, и перевалы в Ризенгебирге были для него жизненно важны.

Соединение австрийской и русской армий привело к созданию объединенной армии численностью в 130 000 человек, и Фридрих принял решение занять выгодные оборонительные позиции, чтобы противостоять попыткам атаки со стороны неприятеля. Эти маневры стоили противнику времени и ресурсов, а он отвлекал, не неся никаких потерь, намного превосходящие по численности силы. Фридрих начал оборудовать укрепленный лагерь в Бунцельвице, расположенном всего в 2 милях от Швейдница, где на некоторое время останавливался после сражения у Лигница; работы начались 20 августа. Это была открытая позиция, опирающаяся на деревни, с соединенными друг с другом хорошо оборудованными траншеями и окопами внутри восьмимильного внешнего периметра. За оборонительным периметром были установлены взрывные устройства, рогатки и вырыты ловушки. Фридрих всегда старался постигать искусство полевой инженерии, но редко имел возможность применять его на практике.

Все стороны лагеря были прикрыты артиллерией — 450 орудий с перекрывающимися секторами обстрела, а прусская армия, 66 батальонов пехоты и 43 эскадрона кавалерии, стояла за линией обороны. Внутри оборонительного периметра жизнь

протекала непросто, пищевые рационы были экономными. Бунцельвиц превратился в хорошо укрепленный пункт. Лаудон тем не менее старался убедить Бутурлина организовать совместную атаку, были даже согласованы ее дата и план; но осуществить ее так и не рискнули.

Когда Фридрих понял это, то решил двигаться в сторону Нейссе для пополнения запасов. В них ощущалась большая необходимость. Нахождение в обороне было трудным для пруссаков — слишком большое количество людей в течение долгого времени было на небольшом пятачке, и среди них стали распространяться болезни. Однако Фридриху удалось за три недели отвлечь две неприятельские армии, заплатив за это ничтожную цену.

Оставив Бунцельвиц, Фридрих намеревался не только пополнить запасы своей армии, но и поставить под угрозу коммуникации Лаудона с Моравией. К несчастью, ему противостоял военачальник, столь же одаренный, как и он сам. Как только король повел пруссаков к Нейссе, Лаудон тут же напал на Швейдниц и в ночь на 1 октября блестяще организованной атакой овладел им. Австрийцы захватили 4000 пленных и 200 орудий. Швейдниц являлся важным пунктом снабжения, укрепленный Фридрихом еще во время силезских войн, его утрата привела Фридриха в смятение, а Мария Терезия немало этому пораздовалась. Он считал потерю Швейдница *presque incroyable** и скептически относился к докладам, что гарнизон сделал все от него зависящее**. После этого ни одна из сторон в Силезии не могла считать себя достаточно сильной для генерального сражения, и в декабре обе армии встали на зимние квартиры. К сожалению, со взятием Швейдница австрийцы заняли зимние квартиры по эту сторону границы Силезии.

Фердинанд Брауншвейгский успешно противостоял французам на севере Германии, маневрируя в бассейнах рек Липпе и Везер, но общая стратегическая ситуация Фридриха была плоха. Он жаждал мира и в некоторых письмах выражал по этому поводу оптимизм, но мир на тех условиях, которые он мог принять, казался недостижимым. Прусская экономика бла-

* почти бессмыслимой (фр.).

** В своей «Истории» Фридрих относил потерю Швейдница на счет того, что австрийцам была передана информация итальянским майором Рока, воспопленным, который путем подкупа получил немало секретных сведений. — Примеч. авт.

годаря правильному управлению важнейшими отраслями и хорошей организации достаточно легко перенесла эти годы, но теперь находилась в плачевном состоянии, и прошла еще одна вынужденная девальвация валюты. После Торгау Фридрих ни разу не нанес врагу поражения, а сражение у Торгау далось дорогое, и некоторые полагали его пирровой победой. Он потерял ценную крепость в Силезии. Принц Генрих был изгнан Дауном из лагеря в Мейсене. Русские отошли в Польшу, но на Балтике граф Румянцев* с войсками атаковал и вынудил к сдаче Кольберг. Тот оказался в руках русских, и Балтика стала чем-то вроде русского озера со всеми вытекающими последствиями в плане уязвимости Померании и Северного Бранденбурга. Шведы, номинально участвовавшие в войне, могли лишь в малой степени его беспокоить, и пруссаки небольшими силами сдерживали их; но северное побережье было открыто для противника. Фридрих уже давно, но безуспешно старался убедить Британию направить на Балтику военную эскадру, а Питт — это было самым тяжелым ударом — в августе ушел в отставку, его сменил граф Бьют. Питт, которого Фридрих называл единственным британским министром, сочетавшим твердость и умение, требовал, чтобы Британия немедленно объявила войну Испании, но так и не смог убедить кабинет.

Бьют, которого все считали любовником вдовствующей принцессы Уэльской, Августы Саксен-Готской, обладал влиянием на молодого короля. Он был известен как сторонник мира с Францией и выхода Британии из войны. Фридрих мог это принять в принципе, но если Британия не будет верна прусскому союзнику, то могут оказаться под вопросом претензии, ради которых Пруссия так долго сражалась, уменьшится размер субсидий, и Пруссия вновь окажется в одиночестве перед Австрией и Россией. По значимости в альянсе Британия в связи с успехами на море имела преимущества: Пруссия из-за напряжения 5 лет войны и понесенных потерь находилась в упадке, и ее позиции на переговорах с союзницей были относительно слабы. Имеющиеся контакты с Санкт-Петербургом оставляли мало надежды. Небо было покрыто тучами, и обзор стратегиче-

* Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796), граф, выдающийся полководец, генерал-фельдмаршал. Во время Семилетней войны успешно командовал бригадой в Гросс-Егерсдорфском (1757), дивизией в Кунерсдорфском (1759) сражениях и корпусом при осаде и взятии Кольберга (1761).

ской ситуации, отосланный Фридрихом Финкенштейну 10 декабря, был невеселым:

«Австрийцы владеют Швейдницею и горами, русские стоят за Вартой на всем протяжении от Кольберга до Познани... ко мне каждый тюк соломы, мешок денег и партия рекрутов поступают лишь по доброте или недосмотру неприятеля. Австрийцы контролируют горы в Саксонии, то же самое имперцы — в Тюрингии, уязвимы все наши крепости в Силезии, Померании, Штеттин, Кюстрин, даже Берлин зависит от милости русских...»

Все страны стремились к миру.

Фридрих все еще надеялся на некие масштабные действия турок против русских и балканских владений Марии Терезии. Его письма в Константинополь и к представителю у татарского хана, Боскампу, становились все длиннее. Он рисовал картины кампании на будущий год с учетом смешанного турецко-татарского войска в 200 000 человек, в том числе 30 000 татар. Это скорее всего было фантазией, и мало кто разделял такие планы. Война казалась пескомчаемой, а будущее Пруссии по-настоящему мрачным. Британский историк так написал о том периоде:

«Маленький, отчаявшийся, измученный человек с немудрым лицом, в старой испятнанной грязью и испанским шохатыльным табаком одежде все еще болтался среди Силезских гор с остатками потрепанных войной ветеранов, столь же оборванных и отчаявшихся, как и он сам...»

И этот «маленький, отчаявшийся, измученный человек» с болью осознавал, какое количество солдат унесла война. Из имевшихся в 1756 году 5500 прусских офицеров 1500 были убиты. В боях пали больше 100 000 его солдат. Он потерял 120 генералов. Сам Фридрих довольно сильно сдал, бывали случаи, когда его подчиненные, включая принца Генриха, жаловались, что приказы короля порой запутанны и сбивают с толку.

В январе 1762 года произошло второе чудо дома Бранденбургов.

Глава 17

ВТОРОЕ ЧУДО

«**М**ессалина Севера мертва», — отметил Фридрих без всякого рыцарства. «*Morta la Bestia*», — написал он Книппхаузену 22 января 1762 года. Елизавета Петровна, Государыня Всея Руси, уже какое-то время болела. Она взошла на престол в 1741 году благодаря личной смелости и предприимчивости, дочь Петра Великого убедила гвардейцев Преображенского полка встать на свою сторону во время дворцового переворота. Красивая, сладострастная, экстравагантная и ленивая, Елизавета сыграла значительную роль в русской политике во время войны и оказалась вовлеченной, в немалой степени из-за недоверия к Фридриху, вместе с Австрией и Францией в антипрусскую коалицию. Она проводила политику дружбы с Австрией и непримиримой вражды к Пруссии; подписала секретное соглашение, по которому Восточная Пруссия должна была отойти к России. Елизавета умерла 5 января 1762 года в возрасте пятидесяти двух лет.

У нее не было законных детей. Она провозгласила своим преемником племянника, Петра, сына любимой сестры, герцогини Гольштейн-Готторпской; и именно ему Елизавета просила Фридриха подыскать невесту. Была рекомендована юная принцесса Ангальт-Цербстская, которая сочеталась с ним браком, родила сына Павла и списала благосклонность императрицы Елизаветы. Теперь ее супруг занял трон.

В отличие от своей тетки Елизаветы новый суверен, нареченный Петром III, был преданным почитателем короля Прус-

сии — как он писал, «одного из величайших героев, каких видывал свет», открыто называл Фридриха «мой наставник». Его приверженность к военным мелочам казалась карикатурой на Фридриха Вильгельма Прусского. Он посыл прусский мушкетер и пытался ввести прусскую мушкету в армии. Фридрих знал об этом, но первое время не мог понять, какое воздействие на европейскую политику и ход войны будет иметь смена монархов в России. Однако он надеялся на лучшее, и причины на это у него были. Поскольку Пруссия и Россия находились в состоянии войны и прямая связь между ними была затруднена, ему удавалось получать послания по сложным каналам связи через Лондон — Британия не воевала с Россией. Король поспешил направить теплые поздравления через британского посла в Санкт-Петербурге, сэра Роберта Кейта. Фридрих назначил своим специальным посланником барона фон Гольца, дав ему инструкции поддерживать тесный контакт с послом Британии и приступить к переговорам по вопросу об окончании войны между Пруссией и Россией и усиливать недоверие к Австрии и Саксонии. Вскоре ему стало известно, что Петр III был бы в высшей степени благодарен за пожалование ему ордена Черного Орла, который сам Фридрих посыл постоянно. Король Пруссии удовлетворил это пожелание. Его личные письма становились все теплее, однако Георг III получал об этом полную информацию. «Я отношусь с полным доверием к Вашему Императорскому Величеству, — написал Фридрих Петру III 20 марта. — Кому еще я могу довериться? Я клянусь в искренней и неувядающей дружбе», — и взывал к «истинно германскому сердцу» императора. Петр подготовил для Фридриха резюме донесений русского посла в Лондоне, князя Голицына. Из него следовало: правительство Бюта будет оказывать Фридриху ограниченную помощь; Бют рассчитывает, что военное давление России на Фридриха усилит его стремление к миру. Направляя Фридриху эти материалы, император добавил, что лично он готов к миру.

Все это работало на Фридриха, хотя не улучшало англо-прусские отношения. То, что англичане не особенно стремятся ему помогать, он знал; они также вели секретные переговоры с Австрией, предлагая ей беспристрастное посредничество в вопросе о Силезии. Митчел это из всех сил отрицал, к неудовольствию короля. Британцы пытались скрыть проведение мирных переговоров, в результате которых, если они пойдут успешно, Фрид-

рих останется в изоляции. В ходе этих контактов к тому же они признавали, что Пруссии следует несколько умерить притязания в Силезии, — это больше всего злило Фридриха.

Но были проблемы с внезапным и энергичным улучшением отношений с Санкт-Петербургом. Значительная часть переписки короля в последнее время приходилась на фон Рексина, его представителя у татарского хана; и все эти письма (кстати, на них не было ответов с ноября) были нацелены на активизацию турецких и татарских сил. Теперь же попытки организовать масштабное вторжение в земли Петра III никак не вязались с обретенной любовью между Гогенцоллерном и Романовым. Фридрих требовал от фон Рексина переориентировать Турцию на действия против Австрии, во всяком случае, в настоящее время. Он также приказал фон Гольцу в Санкт-Петербурге все в полной мере объяснить повому монарху — отчаянное положение, в котором находится Пруссия, тонкости ее отношений с Портой и так далее. Это должно было стать в тот момент неотложной дипломатической задачей. Фридрих еще в феврале писал принцу Генриху о близящемся *bonne diversion** турок против России.

Но эти затруднения были ничтожны по сравнению с громадной выгодой, которую несло устранение прямой угрозы со стороны России. Соглашение о перемирии было достигнуто в марте, а 15 мая заключен договор о мире между Россией и Пруссией. Фридрих, естественно, был доволен таким дипломатическим ходом, но он мало об этом говорил и держал в секрете ход предварительных переговоров, даже от британцев, пока все не свершилось. 24 мая король распорядился, чтобы Митчелу вручили копию договора. На это событие Лондон отреагировал довольно прохладно. Митчел был озадачен, получив от своего правительства инструкции провести демарш относительно поведения прусских официальных лиц в Англии. «Что они натворили?» — запрашивал он и не получал удовлетворительного ответа. Ответ заключался в том, что они обнаружили заигрывания британцев с Австрией. В англо-пруссских отношениях появилась трещина, и одним из следствий этого стало решение английского кабинета, принятое в апреле, не возобновлять выплату субсидий Фридриху — как угрожал Бьют, — если он не откажется от готовящегося договора с Россией. Но Фридрих

* добром ударе (фр.).

вовсе не намеревался этого делать. Решение было принято главным образом по настоянию Бьюта, в то время как Ньюкасл высказывался против. К этому моменту британцы хотели как можно быстрее выйти из европейской войны.

Потеряв субсидии, Фридрих приобрел другое. Русские войска выводились с прусской территории. Но дело пошло даже дальше этого: 1 июня между двумя государствами был подписан договор, согласно которому русские войска численностью 20 000 человек под командованием Чернышева будут взаимодействовать с пруссаками против австрийцев в Силезии. Фридрих взял на себя обязательство обеспечить тыловую поддержку. Из противников русские превратились в союзников. Восточный фланг оказался в безопасности.

Фридрих мог оказать услуги своему новому другу в других затруднительных случаях. Петр III начал делать воинственные жесты в сторону Дании. Между ними оставался неразрешенный спор относительно герцогства Гольштейн. Российский император предлагал Берлин в качестве места проведения переговоров под патронажем Фридриха. Король считал это приемлемым и стал в письмах давать указания Финкенштейну по подготовке к международной конференции. Петр III, сообщал он, предпочитает за обедом бургундское вино и с удовольствием после еды выпивает стакан английского пива. Принц Фердинанд Прусский* встретит его императорское величество на границе Пруссии и Померании. Сам Фридрих, к сожалению, вынужден быть на войне, но прусское гостеприимство будет теплым.

Весна и начало лета принесли новые благоприятные новости. 24 июня войска Фердинанда Брауншвейгского, находясь в численном меньшинстве, провели удачную, хотя и не решающую, операцию против французов под Вильгельмскалем. В конце мая мир с Пруссией заключили шведы. «А была ли на самом деле у меня война со Швецией?» — спрашивал Фридрих: в последнее время они практически не беспокоили его. В Константинополе дела двигались очень медленно — 12 мая он написал принцу Генриху, что соглашения сдерживаются неким новым для него явлением, под названием Рамадан, которое явно мешает прохождению любых дел при дворе султана. Тем не менее настроение у него было бодрым. Перегруппировка коа-

* Младший брат. — *Примеч. авт.*

лий вернула королю надежду, и он писал Фердинанду Брауншвейгскому: «питка четок», альянс врагов, начинает распадаться. Его радовал также приезд в ставку, находившуюся в Бреслау, племянника, Фридриха Вильгельма, сына Августа Вильгельма, матерью которого была принцесса Брауншвейгская, сестра прусской королевы. Фридриху правился этот высокий молодой человек* — он любил музыку, и король говорил, что одна-единственная военная кампания значительно укрепит его физически и духовно. Печально, по этому покровительству не было суждено длиться долго.

Однако ситуация в Германии по-прежнему оставалась угрожающей. После смерти Елизаветы Фридрих оптимистично писал Генриху, что теперь можно почти ничего не бояться в Саксонии, где находился принц. У Генриха там было немало проблем. Прусские поборы легли тяжелым бременем на народ, и он часто против них возражал. Фридрих указывал брату на его неуместную доброту и без обиняков говорил, что ему нужны деньги, его, помимо прочего, раздражало намерение Генриха оставить командование войсками в Саксонии. Он напоминал брату, что французы творили в Гессене, как вели себя на оккупированных прусских территориях, как обращались с населением русские. В Силезии продолжалась война, и там открылась новая кампания.

Армия Фридриха, расположенная в Силезии, насчитывала 76 000 человек. У Дауна было больше 80 000. Он удерживал Швейдниц, ключевой пункт кампании, и с 40 000 солдат занял выгодные позиции к северу и востоку от него, в старом лагере Фридриха в Кунцендорфе. Численность армии Лаудона превышала 20 000 человек. Она находилась у Зильберберга, к северу от Глаца. Австрийский генерал фон Брентано имел примерно 7000 человек на плато Цобтенберг, к северу от Швейдница и южнее поля, где проходило Лейтениское сражение. У Фридриха не было намерения атаковать превосходящего по численности противника. Он хотел дожидаться подкреплений от нового союзника, России, под командованием Чернышева, а потом, имея численное превосходство, вынудить Дауна уйти с позиций. Если план удастся, то Швейдниц будет отрезан от основных сил австрийцев, и ситуация в Силезии кардинально изменится.

* «Рядом с ним мы все выглядим, как пигмси!» — написал Фридрих в сентябре.

Следующий шаг, таким образом, зависел от прихода русских войск. 29 мая Фридрих писал Петру III о предстоящем соединении армий, которое наверняка вынудит Дауна отойти; 19 и 30 июня русские форсировали Одер и двинулись в направлении прусских союзников. Армии соединились и начали наступление на австрийцев, занимавших позиции у Бюркерсдорфа. Фридрих считал, что Дауна можно было выманить с позиций при помощи операций против его тыловых складов в Богемии с использованием прусской кавалерии и казаков из корпуса Чернышева. Австрийцы держались стойко. Даун хорошо укрепился на горах к северо-востоку от Ландшюта, и стало очевидно, что необходимо сражение, чтобы изгнать его оттуда.

Бюркерсдорфская позиция была неплохо оборудована. Даун, развернувший войска фронтом на север и северо-запад, в связи с маневрами Фридриха был вынужден выделять специальные отряды и на момент боя оказался в численном меньшинстве. Однако покрытые лесами горы и несколько деревень усиливали его правый фланг. Изломанная горная гряда сразу за глубокой долиной, протянувшаяся через Диттманнсдорф и Рейссендорф, создавала естественный оборонительный рубеж с северо-западного направления, а узкая долина, по которой протекала небольшая речка Вейстриц, представляла защиту и укрытие для войск в северной части позиции. Фридрих при полной координации с Чернышевым, наступавшим с севера, составил диспозицию и разослал приказы об атаке. Ее намеревались провести 18 июля.

Поведение Петра III вызывало недовольствие подданных, и после недолгого периода правления его жена Екатерина стала настолько же популярной, насколько он презираемым. Однажды июльским утром он поехал в Петергоф и обнаружил, что дворец пуст. Екатерина при помощи любовника, Григория Орлова, сложила на свою сторону два гвардейских полка и привела их к Казанскому собору, где испуганный архиепископ провозгласил ее императрицей. Через несколько часов она получила от мужа письменное отречение от престола; а через несколько дней он, как сообщали, умер от несварения желудка. На самом деле его убили. С этого момента Екатерина, которой было тридцать три года, стала Государыней Всея Руси. Одним из ее первых решений было немедленное заключение мира с Австрией; и повости об этих драматических событиях

дошли до Чернышева, который готовился к сражению у Бюркерсдорфа.

18 июля Чернышев получил приказ из Санкт-Петербурга о передислокации войск, об уходе от пруссаков. Фридрих написал новой императрице несколько строк с выражением дружбы и надежды, что вновь установленные отношения между двумя странами сохранятся, и пересмотрел свои планы. Русские войска получили приказ двигаться через Смоленск назад в Россию из Силезии, избегая вступления в пределы Пруссии. Чернышев понял: новая императрица намерена сохранить мир с Пруссией и прекратить войну с Австрией — не *«se mêler dans la guerre présente»**. Фридриху надо было скрыть от Дауна, что он остался у Бюркерсдорфа без поддержки русских союзников.

18 июля он послал за Чернышевым и убеждал его не увести русские войска в течение трех дней. Фридрих мог бы попытаться, но не сделал этого, вовлечь русского генерала в действия против австрийцев — это означало бы неподчинение, граничащее с изменой. А если бы он, однако, просто остался в бездействии, просто *присутствовал* в месте возможного сражения, то Даун мог подумать, что они до сих пор союзники. Убедить генерала было непросто, но усилия Фридриха принесли успех. Сила его личности, его обаяние, голос — все имело значение. Чернышев вышел после аудиенции со слезами на глазах, восклицая, какой чудесный человек король Пруссии и как он хотел бы быть у него на службе. Русские не покинут лагеря в течение трех дней. И в это время Фридрих не двинет с места прусские войска.

Фридрих предпринял атаку только 21 июля. Его маневр сработал хорошо. Русские войска Чернышева оставались на позициях на западном фланге, около деревень Зейтендорф и Зейферсдорф. Они воздерживались от столкновения, но надежно приковали внимание австрийцев к северо-западу. Они *«Spectateurs geblieben»*** , как Эйхель сообщил Финкенштейну, описывая впоследствии сражение. Фридрих тщательно подготовился к главной операции с точки зрения временного графика и сочетания компонентов. Он атаковал тремя отдельными колоннами, под командованием генералов фон Вида, фон Моллендорфа и фон Мантейффеля, соответственно с северо-восто-

* вмешиваться в нынешнюю войну (фр.).

** оставались наблюдателями (нем.).

ка, севера и северо-запада. Атака с северо-востока — фон Вид — должна была положить начало операции и стать сигналом для других; и сам Фридрих, во весь опор верхом посившийся между колоннами, присоединился к фон Виду. Атака Виду будет развиваться, опираясь на деревню Лейтманнсдорф, Моллендорф нанесет удар в направлении небольшой долины реки Вейстриц за деревней Бюркерсдорф; одновременно с этим колонны Мантейффеля двинутся с северо-запада через Хохгирсдорф.

Все сработало великолепно. Сразу после полудня австрийцы отступили, и бюркерсдорфские позиции оказались в руках пруссаков. Сражение было отмечено прекрасно спланированным маневром далеко отстоящих друг от друга колонн, имеющих отдельные и отличающиеся задачи. Их решение зависело от командиров. Оно стало важной вехой в карьере Фридриха. Даун отступил в графство Глац и оставил Швейдниц на произвол судьбы. Он капитулировал 9 октября после длительной и напряженной осады. За ее ведением по большей части наблюдал лично Фридрих, пруссаки широко использовали подкопы и мины.

Фридрих победил. Даун предпринял лишь одну попытку выйти на Силезскую равнину со своих позиций в горах, но 16 августа был изгнан Фридрихом. Пять его батальонов, предводительствуемые прицем Бевернским, побили пять австрийских батальонов — все остальные значительные силы оставались сторонними наблюдателями.

Несколько следующих месяцев Фридрих по большей части посвятил дипломатии, и в первую очередь отношениям с Британией. Фридрих питал великую неприязнь к новому министру Георга III, Бьюту, и полагал, что тот при любой возможности будет мешать их союзу. Король считал, что Бьют был инициатором решения о прекращении предоставления ему субсидий и к тому же уговаривал русских не уводить войска даже после того, как они договорятся о мире с Австрией, чтобы Фридрих испытывал на себе большее давление. Бьют также, по сведениям Фридриха, намекал русским, что Британия была бы просто счастлива видеть Восточную Пруссию в составе Российской империи. Добиваясь мира, Бьют приносил в жертву британских союзников, Фридрих писал с возмущением Ульрике Шведской 20 августа 1762 года: «Англия на грани заключения мира с Францией». Британия, видимо, соглашалась на вывод войск из Вестфалии и из района Нижнего Рейна, принадлежавшего

Пруссии — а именно Везеля, — упрощая тем самым Франции задачу оккупации, если не будет подписано специального соглашения, знаков стремления к которому Бьют не подавал. Он заявлял, когда ему задавались прямые вопросы, что Фридрих сможет пресечь любые поползновения Франции при помощи Фердинанда Брауншвейгского; но Лондон не отдал никаких распоряжений Фердинанду, и Фридрих раздраженно говорил о невозможности для него, короля Пруссии, распоряжаться войсками, находившимися на службе короля Англии, ради союзных целей. Почему британцы не могли ясно довести свою мысль до Фердинанда? Тем не менее Фридрих попросил его поступать точно так, как было предложено, несмотря ни на что.

Существовали и другие взаимные обвинения. Фридриху ставилось в вину заключение мира с Россией и Швецией без каких-либо консультаций. Здесь он в известной степени был уязвим, хотя и давал распоряжение, чтобы Кейта, британского посла в Санкт-Петербурге, проинформировали об этом. Фридрих, однако, указывал, что это Пруссия, а не Британия находилась в состоянии войны с этими двумя государствами. Совершенно другое дело Франция, с которой Пруссия и Британия долгое время воевали, и Британия вела с ней односторонние переговоры с возможным ущемлением интересов Пруссии. Более того, Британия, Фридрих был в этом уверен, тайно спонсировала Австрию и, видимо, соглашалась с австрийскими претензиями на Силезию. Такого рода контакты в сентябре и октябре зафиксировали самую низкую точку в англо-пруссских отношениях на заключительных стадиях войны. Фридрих называл Бьюта человеком с металлической головой и бронзовыми внутренностями; грубо переименовав его имя, он звал его «задиристым деревенщиной» («*Butor*»), который заставлял Фридриха утрачивать веру в человечество. Он надеялся, что британский парламент в ноябре заставит этого министра уйти с поста. Бьют, говорил Фридрих, жертвует интересами своей страны ради Франции и в то же время представляет как добродетель стремление дистанцировать британскую политику от европейских дел. Он был любовником принцессы Уэльской и потому обладал значительным влиянием. Бьют вел себя вероломно по отношению к союзнику, королю Пруссии, пагубно пользуясь завоеваниями великого Питта. И еще он был слишком непопулярен, чтобы долго продержаться на высоком посту.

Фридрих попросил Книнхаузена описать нового государственного секретаря, лорда Галифакса, и верил: Бьюту осталось недолго пребывать на своем посту*.

Война все еще продолжалась, и Генрих в Саксонии потерпел небольшую неудачу в октябре, но в конце месяца одержал над австрийцами *une petite victoire*** . Он вынудил имперские войска покинуть позиции, которые они занимали в горах на саксонско-богемской границе южнее Фрейберга, забрав много трофеев и 4000 пленных. Фридрих торжествовал, получив от него сообщение об этом: «Твое письмо сделало меня на двадцать лет моложе!» Их племянник, высокий и неуклюжий Фридрих Вильгельм, находился теперь у Генриха. «Заставляй его *танцевать*, если будет возможно! — писал Фридрих. — Хотя не думаю, что во Фрейберге много балов». В октябре Фридрих послал из Силезии Вида с сильным подкреплением — 20 пехотными батальонами и 50 кавалерийскими эскадронами. Он все еще надеялся отобрать Дрезден.

Но в поябре возникли новые обстоятельства — лучше, чем можно вообразить. Барон фон Фритш, один из высокопоставленных саксонских дипломатов, прибыл в ставку Фридриха. Прусский король ушел из Силезии и переехал в Торгау, затем в Мейсен, а потом в Лейпциг. Фритш имел полномочия обсуждать искреннее стремление Марии Терезии к миру.

Это не стало для Фридриха полной неожиданностью. Он писал Финкенштейну, что предвидит в скором времени необходимость иметь в Вене умного переговорщика — *un homme habile****. Европа устала от войны. Потери были страшными. Казна опустела. Государства были разорены. Народы изведены до жалкого состояния. Король 21 и 22 декабря встретился с Фритшем, и в результате в саксонском королевском замке в Губертусбурге была созвана мирная конференция.

Фридрих без колебаний согласился на обсуждение условий, хотя и понимал, что торг будет непростым. Он направил императрице в Санкт-Петербург письмо, в котором изложил основные исторические основания прусских притязаний — до него доходили слухи, что в России существуют определенные

* Бьют и вправду был непопулярен, но сохранял должность до апреля 1763 года. Камберленд тоже полагал, что с Фридрихом во время мирных переговоров поступили плохо. — *Примеч. авт.*

** одну маленькую победу (фр.).

*** способного человека (фр.).

силы, стремящиеся настроить Екатерину против него. Война, писал он, подобна пожару, и очень важно убрать подальше легко воспламеняющиеся предметы, то есть ее причины.

Торг длился в течение нескольких недель — очень недолго, если учесть продолжительность и ожесточенность войны. В какой-то момент Фридрих подумывал уступить по вопросу о рейнских герцогствах и принять взамен Мюнстер, но до этого дело не дошло. Он стойко боролся за Глац и горные ущелья в Богемских горах. И победил. Было много споров относительно палогов и пошлин на продукцию Силезии. Однако переговоры опирались на Бреславские и Дрезденские соглашения, подписанные после Силезских войн, и право Фридриха на владение Силезией не оспаривалось. Сам он проявил своего рода добрую волю, предложив вывести прусские войска из Саксонии! А ведь он и вправду какое-то время думал оставить ее за собой.

Король писал милорду Маришало, что переговоры идут непросто, но он полон надежд. «Мы обо всем договорились и на следующей неделе приступим к подписанию, — сообщал он Генриху 2 февраля, — и эта война, которая стоила такой крови, боли и потерь, будет завершена». Церемония подписания состоялась 15 февраля. Фридрих знал, что Мария Терезия и Кауниц устали от войны, но напомнил принцу Генриху притчу о кошке и мышке: «Кошка всегда остается кошкой!» В конце марта король отправился из Бреслау в поездку по Силезии. Только после ее завершения он вернется в столицу Пруссии.

Война принесла большие выгоды Британии — господство на море и расширение владений империи в Индии, Америке и на Карибах. Франция понесла убытки. Испания, выступившая в 1761 году на стороне Франции, вынуждена была расплачиваться владениями в Вест-Индии. Россия вышла из войны не ослабленной, но настороженной, как и Швеция; в следующем году Россия и Пруссия подписали договор сроком на 8 лет. Австрию война сильно потрепала. Она окончательно потеряла Силезию, понесла огромные убытки, а главное, утратила — возможно навсегда — надежду занять прежнее высокое место среди германских государств и европейских держав. Это произошло благодаря усилиям прусской армии и решимости ее командующего и суверена.

Пруссия, несмотря на ужасные материальные и людские потери, вышла из войны победительницей. Прусских солдат теперь уважали и боялись во всей Европе, а военное искусство их короля превозносили до небес. Война в Европе, как утверждал Фридрих, велась с целью уничтожения Пруссии. Коалиция величайших европейских держав сложилась, чтобы раздавить поднимающее голову северное королевство. Однако его король первым нанес удар и продолжал наносить их один за другим. Пруссия, маленькая, не имеющая естественных оборонительных рубежей, с этого момента стала державой, с которой считалась вся Европа: Фридрих в «Истории» писал, что война обошлась Пруссии в 180 000 человек и она пострадала больше других.

Он во время войны допустил немало ошибок и в моменты благодушия признавался в этом, однако продемонстрировал наступательный дух. Фридрих решительно навязывал на поле боя свою волю, когда такое бывало возможно. После Колина король понял, что это будет затяжная война. Он быстро усваивал уроки и применял усвоенное с редким талантом. Король полагал, что всегда сражается за достойную жизнь Пруссии.

Теперь король, которого не видели дома так долго, возвращается. Он защищал страну, каждый час посвящая служению ей, — это настроение было широко распространено среди населения Бранденбурга. Оно устало от войны и страдало от нее, но чувство долга, присущее Фридриху, стремление работать во имя его было столь же легендарно, как и военная доблесть. Берлинцы знали, что 30 марта 1763 года король наконец вернется к своему народу в свою столицу. Город украсили, приготовили блистающую новой позолотой карету, в которую король сможет пересесть из походного экипажа. Собирались толпы людей. Нетерпение нарастало. Сначала Фридрих проедет в главный, но нелюбимый берлинский дворец. В то утро его ожидали вскоре после 10 часов. Но утро прошло. День начал клониться к прохладному вечеру. Стало смеркаться.

О Фридрихе не было ни слуху ни духу. А он просто решил, что не пужно шумихи, празднеств, никаких изъятий радости. Д'Аржан, один из немногих, кто всегда мог откровенно говорить с ним, дружески пенял ему за это. Это великий момент, Пруссия вела войну почти семь лет. Ее существованию угрожала большая коалиция врагов, столицу захватили и разграбили. Последующим освобождением она всецело обязана своему

суверену, и он должен выйти к народу, дать ему возможность поприветствовать того, кто сражался ради него. Игнорировать эти чувства — значит проявить высокомерие и неучтивость.

Фридрих оставался непреклонным. Он говорил д'Аржану, что тому прекрасно известно его нежелание устраивать ажиотаж. Король решил возвращаться домой кружным путем и поздно вечером, чтобы избежать толп народа и празднований. Ему не нужны были триумфальный въезд, оvation. Вероятно, это проявление суровости, презрения к массовому изъятию чувств, которые впоследствии заставили Веллингтона сокрушаться по поводу всеобщего ликования, устроенного в его честь: «Я ненавижу оvation. Если они рукоплещут по одному случаю, то освищут по другому». А может, Фридрих устал сильнее, чем казалось. Часы и дни, проведенные в седле в любую погоду, непрерывные стрессы и тревоги, несомненно, сделали свое дело; он казался стариком. На портретах этого времени совсем другой Фридрих: не тот круглолицый, приятный и здоровый человек, каким он был в пору Силезских войн. Теперь его лицо стало морщинистым, приобрело циничное, беспокойное выражение. Он более сгорблен и сутул, чем раньше. Ему всего пятьдесят один год, но он побывал в самой гуще десяти наиболее страшных сражений столетия с их грохотом и волей, громом пушек, криками мучающихся и умиравших людей и лошадей, сумятицей, сверхъестественным напряжением сил и ума. По пути в Берлин Фридрих сделал крюк и посетил поле Кунерсдорфского сражения — Кунерсдорф, где всем казалось, что он намеренно ищет смерти, после которого он сдал командование армией, сославшись на болезнь, но на самом деле страдая острой депрессией. Воспоминания Фридриха были живыми и разнообразными, многие — ужасными, хотя в трудные моменты ему всегда удавалось находить утешение в музыке, литературных трудах, поэзии. Он сочинил милое короткое стихотворение для де Катта во время недавнего кризиса в ходе войны, а его письма, независимо от напряженности ситуации, бывали часто украшены остроумными и красивыми, пышными фразами, *jeux d'esprit**.

Возможно, теперь знакомые лица людей, служивших ему и любимых им, чередой проплывали перед глазами. Такое случается, особенно в час триумфа. Победа может вызывать, сме-

* игрой ума (*фр.*).

шающее чувство печали и опустошенности, которые сильнее облегчения и удовлетворения. Радость представляется неуместной. Каковы бы ни были его мысли, король поздно вечером без шума приехал в замок, где собрались дипломатический корпус и некоторые члены семьи. Он кратко поприветствовал их, поел и в полночь встал из-за стола.

В темноте раннего утра впервые за почти семь лет в окне кабинета Фридриха можно было увидеть свет, который едва пробивался из-за плотно задернутых штор. Обычное дело. Король Пруссии находился за рабочим столом.

Часть V

1763—1786

Глава 18

СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ

Пруссия пострадала ужасно, потеряв примерно десятую часть своего населения. Более 160 000 пруссаков погибли на поле боя или от ран, от болезней или лишений. Некоторые благородные фамилии практически исчезли, настолько высокой была смертность среди офицеров. Армия лишилась почти 60 000 лошадей.

Первой задачей Фридриха было восстановление экономики Пруссии и ликвидация последствий огромного ущерба, нанесенного войной. Этим он занялся лично и незамедлительно. Несмотря на девальвацию валюты и неизбежную инфляцию, огромные материальные потери и государственные расходы, которые далеко не полностью покрывались субсидиями, содержание крупных армий — несмотря ни на что, Фридрих вышел из войны с достоинством.

Имелась настоятельная необходимость в большом строительстве. Пруссия, как и большая часть Германии, была разорена войной. Часть ее территории в ходе войны находилась в руках врагов, причем саксонцы вели себя на захваченных землях хуже русских. Города и деревни лежали в руинах, леса вырублены, пашни вытоптаны; и Клев пострадал, так же как Бранденбург. Но после поездки в Силезию в 1764 году Фридрих писал, что из числа сожженных во время войны домов уже восстановлено 2000, 4000 домов вновь построены в Новой Марке и еще 2000 планируется построить. Оказалось заброшенным

сельское хозяйство — находясь в походе, Фридрих неизменно замечал это и даже во время сражения при Кунерсдорфе обратил внимание на плохо обработанные земли за Одером. Теперь он принимал меры по реконструкции дренажных систем, дамб, лесного хозяйства. Под впечатлением услышанного о прогрессивном сельском хозяйстве в Англии он вводил его методы в Пруссии, но результаты были разочаровывающими. Земли Бранденбурга и традиции сельской общины не способствовали появлению коков и норфолков.

Не все подданные вели себя подобающим образом. Известны случаи, когда в отдельных провинциях земельные комитеты — ландраты — разбегались или сотрудничали с врагом еще до того, как форс-мажорные обстоятельства делали это неизбежным. В Восточной Пруссии официальные лица были принуждены принять присягу на верность оккупационным властям.

Порой природные катаклизмы вмешивались в восстановительные работы. В ноябре 1764 года огромный пожар в Кёнигсберге многих оставил без крова, и глубоко озабоченный Фридрих делал все, чтобы помочь несчастным, небывалый разлив Одера нанес громадный ущерб Силезии незадолго до его смерти и заставил направить средства из других статей государственного бюджета на ликвидацию его последствий. Специально для борьбы с такого рода несчастьями он создал особый финансовый резерв.

Кроме этого, Фридрих приступил к возведению нового величественного дворца в Потсдаме, *Neues Palais*, официального и красивого здания в стиле барокко, специально спроектированного для торжественных случаев и больших праздников. Он обошелся в 3 миллиона талеров, и его строительство было завершено в 1769 году. Однажды дворец использовался еще до окончания работ — Фридрих в июле 1768 года присутствовал на премьере оратории Хассе* «Раскаяние Святого Августина». «Музыка была прекрасна, — сказал он. — Но что касается Августина, то в некоторых работах он проповедует терпимость, в других преследование за веру; предопределенность в одних и

* Хассе Иоганн Адольф, родившийся неподалеку от Гамбурга, пользовался известностью в Дрездене, Италии и в Лондоне. В Дрездене его жена, прекрасная певица, стала одной из многих любовниц курфюрста Августа Сильного. Оттуда Хассе с женой переехал в Вену. Многие его рукописи погибли во время прусской бомбардировки Дрездена. — *Примеч. авт.*

свободную волю в других! Главный смысл божественной милости должен заключаться в том, чтобы подправить неверные рассуждения!» Его настоящей столицей был Потсдам, и однажды он навеки упокоится там в гарнизонной церкви, которая по своему убранству в первую очередь была военной и в которую король редко приходил молиться.

Внимания Фридриха требовал каждый вопрос государственного хозяйства. Сокращалось население, и нужны были неотложные меры по стимулированию его роста. Он хотел улучшить жизнь крестьян, но это не всегда было просто сделать, не создавая проблем в отношениях с землевладельцами, которые, между прочим, понесли большие потери, находясь на службе в его армии. Фридрих часто находил проблему не поддающейся решению, а результаты специальных мер иногда не получались такими, к каким он стремился. В «Первом политическом завещании» он писал, что суверен должен поддерживать равновесие между крестьянами и дворянами, а это было трудно. Фридрих всегда имел вкус к реформам, хотя с точки зрения общественных отношений был убежденным консерватором, запрещавшим без разрешения отчуждать поместья благородных семей.

Валюта обесценилась; Фридрих сожалел об этом шаге, но так уж случилось. В 1760 году, в самый разгар войны, серебряная марка стоила 30 талеров вместо 18 довоенных, то есть валюта обесценилась примерно на 65 процентов. Приходилось обращаться за займами — с этим успешно справился консорциум финансистов, которые на этом сильно обогатились: Эфраим с сыном, Мозес Исаак, Итциг, Гумпертц и вездесущий Готчковский. Росла инфляция, прежде всего в городах; и спекуляция векселями. Финансирование военных действий происходило почти неизбежно в обход Генеральной директории и находилось в руках разворотливых дельцов. Расцветала коррупция, делались большие деньги.

Теперь Фридриху приходилось восстанавливать фискальную честность. Ему помогало то обстоятельство, что прусская бюрократия была наиболее подготовленной в Европе, что являлось в основном достижением Фридриха Вильгельма, но он при этом полагался на иностранный опыт в реорганизации финансовой и палоговой систем. «Вы находитесь в стране, — писал он в Лондон Книнхаузену, — где скопилось множество человеческих особей, в чьих сердцах природа и любовь к сво-

боде породили идеи, неизвестные другим особям» — и велел ему подыскать финансиста, человека, способного изобретать системы, давать советы. Именно в то время он экспериментировал с лотереей; Кнппшаузен предложил кандидатуру не англичанина, а итальянца, Калсабиджи, который реформировал работу системы лотереи в Генуе. Фридрих нанял его, но лотерея провалилась. Он привлек к работе и Гельвеция, известного французского мыслителя, который прежде назначался генеральным откупщиком Франции. Гельвеций, попавший во Франции в опалу из-за своих либеральных взглядов, прибыл в Берлин с высокой, но несколько подмоченной репутацией, и Фридрих в течение короткого времени полагался на его признанный опыт и знания. Государство, как понимал Фридрих, обманывают коррумпированные акцизные чиновники, которые за взятку закрывают глаза на незаконный импорт, а Гельвеций предложил создать инспекцию и помог подобрать кадры для нее. Ее организовали — непопулярная мера. Она состояла почти из 5000 инспекторов: такой орган был необходим, поскольку возникла потребность в ограничении импорта и искоренении коррупции.

Реформы Гельвеция привели не только к созданию инспекции, но и к возникновению новой системы, Генеральной акцизной администрации, которая отделилась от Генеральной дирекции — в сущности, стала отдельным министерством. Это был «налоговый откуп» по французской модели, которым на высшем уровне руководил умный француз. Новый орган отобрал у традиционной бюрократии значительную часть работы по сбору доходов в казну и, естественно, навлек ненависть многих. Отделение государственных, таможенных и акцизных сборов от финансового ведомства — правительства — с точки зрения увеличения государственных доходов доказало свою эффективность. Тем не менее мера была непопулярна и казалась многим доказательством предубежденности Фридриха к немцам в пользу французов не только в области литературы, но и в государственном управлении. Однако трения ускорили уже имевшуюся положительную тенденцию — повышение профессионализма чиновников прусской государственной службы.

Фридрих также учредил плату за перевозки по Рейну — еще одна непопулярная у рейнских государств и торговцев мера. Нововведения короля в финансовой сфере — многие считали,

что они часто плохо продуманы — не достигли цели: цены возрастали и жизнь в Берлине дорожала. В 1765 году был основан Прусский государственный банк под гарантии казны.

После войны по Пруссии прокатилась волна банкротств. Даже Готчковский оказался в затруднении. Он сделал на спекуляциях огромное состояние, закупил у русской армии большое количество зерна, а цены затем изменились не в его пользу. Фридрих это беспокоило, но он понимал, что не может действовать напрямую, а другие финансовые дома не хотели помогать. В конце концов он купил фарфоровые фабрики Готчковского. В 1764 году была основана *Königliche Porzellan Manufaktur* — КРМ*. Король организовал специальную Следственную комиссию по надзору за процессами банкротства. В результате известный коммерсант заплатил 50 процентов долга.

Фридрих объехал большую часть владений. Его здоровье было подорвано: сгорбленный, седой старик, которого мучили хронические проблемы с желудком. «Я очень стар, дорогой брат, — писал он Генриху. — Я бесполезен для мира и обуза для самого себя». Такая меланхолия вполне понятна, она коренилась в немалой степени в том, что многих самых любимых друзей и соратников уже не было с ним. Здания знакомы, но атмосфера, царящая в них, уже не та. «Я здесь чужой, — писал он сестре, Ульрике Шведской, вернувшись в Берлин. — Семь лет войны изменили все».

Сан-Суси, однако, доставлял ему большое удовольствие. Король часто возвращался мыслями к дворцу во время походов, с готовностью описывая детали его убранства де Катту и другим. Он гордился виноградом, который выращивали в стеклянных оранжереях, и часто посылал его в подарок Генриху в Рейнсберг. Ульрике Фридрих написал, что чувствует, как распадается семья: «Наша несчастная семья долго не протянет. Сестра Ансбахская (Фредерика) все больше превращается в полную развалину; сестра Брауншвейгская (Шарлотта) и я уже почти без зубов; сестра Шведтская (София) страдает водянкой; бедняжка Амелия (аббатиса Кведлинбургская) чувствует себя не лучше, несмотря на воды Эксла-Шапелль; брат Генрих ипохондрик; брат Фердинанд лишь в короткие промежутки времени чувствует себя здоровым. Через десять лет никого из

* Королевская фарфоровая мануфактура — КФМ (нем.).

пас не останется!» Не все письма родственникам были столь мрачно-шутливыми, но в них чувствовалась подавленность. Вильгельмина и Август Вильгельм уже умерли. Колебания настроения от отчаяния и жалости к себе до грубости происходили у него всегда очень резко. Вероятно, никогда не удастся узнать, являлись ли они свидетельством маниакальной депрессии.

Фридрих проявлял интерес к младшим родственникам, к племянникам, племянницам, и тон его в общении с ними был полон любви. «Мое дорогое дитя, — писал он любимой племяннице, принцессе Оран-Нассауской*, после того, как она вышла замуж, — все родные пребывают в здравии и были рады услышать о восторге, которым сопровождался твой въезд в Гаагу, — люди сообщают, что «принцесса покорила все сердца...». Мне доставляет радость слышать, что тебя, дорогая моя, так любят и ценят. Какое наслаждение ты доставляешь старому дядюшке...» И послал ей токайского вина из собственных подвалов. Позднее принцесса присылала из Голландии селедку — король всегда любил рыбу, — а он писал ей, что она «дочь брата, которого я всегда любил», и превозносил ее зрелый не по годам ум. Сватовство в их большой семье занимало значительную часть его времени; браки давали возможность заключения союзов и могли оказывать влияние на политику; но при этом Фридрих старался учитывать и эмоции. Король был одинок.

Он питал особые чувства ко второму сыну Августа Вильгельма, племяннику Генриху, умершему в 1767 году восемнадцати лет от роду от оспы. Фридрих сочинил в память о нем панегирик, который прочел вслух перед Дьедонне Тьебо, и сердце его при этом явно разрывалось от горя. Брату, Генриху, он написал: «Это как *coup de foudre***». Я любил его, как собственного сына»; его письмо, содержащее извещение о смерти, все было залито слезами. Фридрих надеялся, что однажды состоится женитьба между племянником Генрихом и его племянницей, дочерью Ульрики Шведской. Король приказал, чтобы сочиненный им панегирик зачитали перед большим скоплением народа, на публичной сессии Берлинской академии. Его «*Eloges*», или траурные речи, были великолепы: у Фридриха появится пе-

* Дочь брата Фридриха, Августа Вильгельма. Она в значительной мере определяла политику Голландии. — *Примеч. авт.*

** удар грома (фр.).

утолимая потребность выступать на поминальных службах. Это бывало не только в отношении известных людей — он написал прочувствованную речь о сапожнике, Мэтью Ренгарте, за его способности, благочестие и добродетель, благодаря которым он достоин большего, чем монархи.

Фридрих был всегда готов поддержать в беде членов семьи. Когда Доротея Вюртембергская — тоже родственница — пожаловалась на правящего герцога, уже давно не выплачивающего ей положенного содержания, Фридрих разразился резким письмом*. Король серьезно относился к семейным обязанностям и обладал такой репутацией, что мало кто осмеливался противоречить ему. Доротею он посоветовал не ездить на воды во Францию, так как расходы, связанные с поездкой, дадут герцогу прекрасный повод заморозить ее средства. Позднее у него были и другие причины быть недовольным Доротеей.

Семья становилась источником беспокойства, но в то же время и давала утешение. Фридриха раздражала политика Швеции, и он винил в этом сестру Ульрику, королеву. Он считал опасным и пеленым, что шведы почти не предпринимают усилий, чтобы оставаться в хороших отношениях с русскими: «Я пытаюсь не допустить вашей ссоры с огромным государством, лежащим у вашего порога!» Он знал, что эти рассуждения раздражают Ульрику, но сказал, что, будучи честным братом, обязан их высказывать. В феврале 1768 года Фридрих рассматривал ситуацию, в которой находится Швеция, не как монарх, а как брат: «В Швеции существуют прорусская и профранцузская партии. Если первая почувствует слабость, то обратится к императрице Екатерине, которая вышлет ей на помощь 20 000 солдат. Есть ли у Швеции средства, чтобы противостоять России? И если Швеция освободится от русского ярма, то не для того ли, чтобы оказаться во французском? Вы заставляете меня трястись от страха за вас!» Ульрика была настроена воинственно по отношению к России, и Фридрих подозревал, что она получает субсидии от Франции, 200 000 экю.

Фридрих любил сестру Амелию, хотя ее отношение к нему не отличалось постоянством; он искренне тревожился о ее здо-

* Три брата, герцоги Вюртембергские, наследовали друг другу. Доротея вышла замуж за младшего, Фридриха Евгения, и родила сына, Фридриха, и трех прекрасных дочерей, чьи браки доставляли Фридриху беспокойство. Доротея была урожденной Бранденбург-Шведтской — дочерью сестры Фридриха, Софии.

ровье. Поразительно красивая женщина, которая никогда не состояла в браке, она походила на самого Фридриха — была категорична в разговоре и любила подшучивать над другими. Ей нравилось узнавать предсказания судьбы, гадая на картах, результатами гаданий она делилась с Фридрихом. Возможно, из-за того что Амалия бывала порой так близка к нему, остальные члены семьи, особенно Генрих, относились к ней с некоторым недоверием.

Шарлотта, герцогиня Брауншвейгская, маленькая и энергичная, «почти беззубая», разделяла любовь Фридриха к литературе и училась у него. К несчастью, ее любимая дочь Елизавета неудачно вышла замуж за кузена принца Пруссии, старшего сына Августа Вильгельма и впоследствии наследника Фридриха, и считалась неверной женой. Брак распался, и Фридрих осудил ее и приговорил к заключению в крепости Кюстрина за распутство. Ее старший брат Вильгельм — еще один племянник Фридриха — считал, что попустительствовал вызывающему поведению сестры — супружеской неверности, — и из-за этого попросил отставки из прусской армии — он командовал гвардейским полком*. Брауншвейги время от времени создавали и другие проблемы. Фердинанд, свояк и соратник Фридриха, как-то разгневался на одного кавалерийского полковника, найдя его полк недостаточно хорошо подготовленным. Принц приказал ему два дополнительных часа тренировать полк; тот отказался выполнять приказ; Фердинанд посадил полковника под арест; отсидев, тот обратился к Фридриху, который его поддержал. Фердинанд заявил, что его авторитет подорван, и ушел в отставку. Его возмущение понятно, но между ними в конце концов восстановился мир. И хорошо. Фердинанд был выдающимся полководцем и известным покровителем наук и искусства. Он навещал Фридриха в последние годы жизни, пережил короля и умер в 1792 году в возрасте семидесяти одного года сравнительно бедным человеком.

Эти семейные перепалки создавали Фридриху проблемы, а двору давали пищу для сплетен, но при этом спасали от скуки и серости будней. В послевоенном Берлине кипела светская жизнь с костюмированными балами и другими развлечения-

* Отставку не приняли. Позже он добровольно находился на русской службе и умер молодым во время военного похода. — *Примеч. авт.*

ми. Короля это почти не затрагивало, не было людей, некогда возбуждавших его ум, отвечавших на его остроты, разгонявших сгущавшиеся тени. Мопертюи, язвительный и блестящий бретонец, умер в 1759 году, но Вольтер и в 1760 году все еще ядовито писал о нем Фридриху. «Какова же злоба, по-прежнему вдохновляющая вас против него!» — ответил ему Фридрих в апреле. Переписка с Вольтером продолжалась. Их письма были переполнены взаимными обвинениями то в прозе, то в стихах. Последнее написано Вольтером в 1778 году, когда мыслителю исполнилось восемьдесят четыре года. Оно заканчивалось восторженными словами: «Живите дольше меня! Пусть Фридрих Великий будет Фридрихом Бессмертным!»

Милорд Маришаль, к великой радости Фридриха, в 1764 году вернулся в Потсдам из Абердиншира, где он после восстановления в правах на имения влачил безрадостное существование. Фридрих подарил ему участок земли, прилегающий к территории Сан-Суси, на котором тот построил маленький домик. И там старый шотландец старался выступать миротворцем в беспрестанных ссорах, возникавших между Жан Жаком Руссо и Дэвидом Хьюмом. Все оказывали Маришало уважение — Руссо обращался к нему «отец». Фридрих не очень любил напоминания о вражде философов.

Альгаротти, из прежнего ремюсбергского кружка, где его называли Лебедем из Падуи, покинул Фридриха и больше никогда не возвращался. Он был компаньоном прежнего, полного замыслов, еще не остепенившегося Фридриха — как давно они вместе инкогнито ездили в Страсбург, когда Фридрих путешествовал под именем *Commandant Dufour*. Человек энциклопедических знаний, пользовавшийся успехом и уважением, он умер в 1764 году. Верный д'Аржан все еще был при дворе. И Фридрих продолжал теплую переписку с д'Аламбером, возможно, величайшим ученым своего времени, посетившим в 1763 году Потсдам, но устоявшим перед приглашениями Фридриха перебраться к его двору. Он не принял такие же приглашения Екатерины II. Фридрих впервые встретил д'Аламбера в 1755 году в Везеле, и тот ему очень понравился. «Очень приятный человек!» — сообщил он по этому случаю Вильгельмине. Их переписка продолжалась до самой его смерти в 1783 году. «Ваши труды будут жить, мои — нет», — писал ему Фридрих, и д'Аламбер был потрясен его скромностью, а также широтой зна-

ний. Но корреспондент не компаньон, к тому же д'Аламбер был привязан в Париже к утопченной мадемуазель де Лепинас.

Винтерфельд, умный, тонкий, одаренный военный, пал в сражении, как и многие другие, включая Кейта, Шверина и значительное число родственников Фридриха. Генрих поселился в Рейнсберге, который Фридрих преподнес ему на свадьбу с Вильгельминой Гессен-Кассельской и где тот создал блестящий небольшой двор, соперничавший с королевским.

Фридрих читал так же жадно, как и всегда, и пытался приобщить к этому брата:

«Чтением скупец наполняет память, а не мешки. Честолюбец побеждает зло и может поздравить себя с тем, что господствует по праву; сластолюбец находит в поэзии удовольствие для чувств и легкую печаль; мстительный человек может лелеять оскорбления, которыми в полемике обмениваются ученые мужи; ленивец читает романы и комедии, которые развлекают, но не могут утомить; политик странствует по истории и может в любой эпохе найти людей, столь же безумных, тщеславных и ошибающихся в своих жалких предположениях, как и в наше время!»

Тяга Фридриха к справедливости не убывала. Его «Кодекс», *«Project des corporis Juris Fredericiani»*, над которым так много потрудился великий Самуил Коччеги, стремился соединить римское и германское право и был завершен в 1751 году, хотя в действие будет введен только в 1794 году, уже после смерти Фридриха. Но он был, как всегда, настороже, борясь со злоупотреблением властью, положением или статусом. Одна из его племянниц просила за голландца из хорошей семьи, который, как оказалось, грубо вел себя на дорогах Клева и из-за этого попал в неприятности. Фридрих сказал ей, что сделал все, что ему позволяла совесть. Он изучил дело и вдвое сократил срок приговора — до восемнадцати месяцев тюрьмы: «Это не наказание, порочащее честь, а расплата за преступление. Что станет с общественной безопасностью, если мы будем наказывать простолюдинов и прощать знатных людей?» Король сохранял чувство юмора в любой ситуации. Судейские в маленьком городке Бранденбурга арестовали и приговорили одного жителя за злословие в адрес Бога, короля и мирового судьи. Дело дошло до Фридриха. «Злословие в адрес Бога, — написал он, — это свиде-

тельство невежества и выйдет боком самому обвиняемому. Я с легким сердцем прощаю злословие в свой адрес. Но злословие в адрес мирового *суда* заслуживает *примерного* наказания. Полчаса на хлебе и воде в Шпандау!» Фридрих несколько не изменился. Он оставался таким же острым на язык, как и раньше, по отношению к другим германским монархам. «Принц Цербстский — лунатик, и если бы не его сестра-императрица, то его уже давно бы держали взаперти». «Герцог Вюртембергский будет столько глупить, сколько живет!» И так далее.

Д'Аржан, один из немногих оставшихся от прежнего круга близких людей, был с Фридрихом до 1769 года*. Живой, общительный, гостеприимный, он считал своей задачей поддерживать у короля хорошее настроение, и чаще всего это ему удавалось. Он мог свободно, а если требовалось, и критически говорить с ним; понимал его и обращался к нему с такими вопросами, что, если бы они исходили от других, скандал был бы неизбежным. Д'Аржану тоже не всегда удавалось избегать недовольствия Фридриха. Однажды король схватил его за нос, когда заподозрил, что того подкупил некий челобитчик, и несколько раз провел по комнате: «Вот так тебя водят за нос все, кто хочет тебя одурачить!» Один раз, вскоре после возвращения Фридриха в Берлин, д'Аржан вручил ему прошение. Оно было от некоего Моисея Мендельсона; и это д'Аржан — доверенный друг — посоветовал ему написать прошение королю и вызвался его передать.

Мендельсон, математик и блестящий философ, был известен как германский Сократ. Он состоял членом берлинского «Общества среды», ассоциации выдающихся литераторов, был бескомпромиссным защитником свободы слова и морали. Мендельсон являлся почитателем английской философии, в первую очередь Локка. Маленький, уродливый, родившийся в бедности еврей, прошел путь от простого уборщика до управляющего крупного торгового объединения, а также приобрел обширные знания. И теперь он был одной из первых фигур еврейской общины в Германии.

Мендельсон к тому же являлся видным защитником прав евреев. Восемнадцатое столетие было временем нарастающей эмансипации евреев, особенно это касалось Германии, однако для них по-прежнему существовали законодательные ограни-

* К раздражению Фридриха, он вернулся во Францию, где и умер два года спустя. — *Примеч. авт.*

чения, связанные по большей части с правом проживания. Лидеры европейского Просвещения не особенно их жаловали, считая приверженцами предрассудков и мракобесия. Просвещение вовсе не ликвидировало традиционного антисемитизма. Тем не менее в Пруссии Фридриха к евреям были терпимы, как, вероятно, ни в одном другом европейском государстве.

Но в отдельных районах евреи пуждались в королевском разрешении на брак, и, кроме того, если они проживали в Берлине, то были обязаны купить определенное количество фарфоровой посуды берлинской фабрики. Давно стало аксиомой: проживающие в каком-либо городе евреи создавали мощное финансовое сообщество, способное принести ущерб людям другой национальности, поэтому им требовалось разрешение на проживание и, таким образом, они находились под определенным контролем. Это требование особенно больно било по бедным евреям, богатых же еврейских торговцев принимали с распростертыми объятиями. Когда Фридрих занял некоторые районы Польши, то издал эдикт, в соответствии с которым евреи, обладавшие капиталом меньше 1000 крон, подлежали высылке с данных территорий.

Мендельсон стремился к получению статуса *Schützjude*, защищенный еврей, который давал бы ему право свободно проживать в Берлине. Он обладал признанными достоинствами и прекрасными связями, Лессинг — старейшина германских философов — был его близким другом. Благодаря нескольким переводам из Библии Мендельсон стал известен не только как германский Сократ, но и как Лютер немецких евреев. Его обращение за *privilegium*, как называли статус свободного проживания, казалось, будет обязательно удовлетворено, хотя он говорил, что его печалит необходимость испрашивать то, что должно по праву принадлежать любому человеку, готовому стать законопослушным гражданином. В 1750 году был обнародован новый эдикт, в котором, помимо прочего, устанавливалось, что статус *Schützjude* становится наследственным, но может быть передан только одному ребенку.

Но здесь имелось одно затруднение. Мендельсон был большим другом выдающегося еврейского лингвиста Рафаила, а он выступил против еврейских старейшин. Еврейская община очень жестко управлялась собственными властями, и некоторые евреи, включая и Мендельсона, боролись за освобождение братьев по вере от еще более непреклонных и нетерпимых традиций

и правил, установленных их единоверцами, а также чтобы ввести евреев в основное течение общеевропейской культуры. Пока Фридрих был на войне, старейшины попытались удалить Рафаила из Берлина, и д'Аржан по-дружески взялся помочь. Однако высылка состоялась, королевские суды, как было заявлено, не имели права ее предотвратить — это внутриеврейское дело. Д'Аржан решил, что постановление суда несправедливо. К тому же он опасался, что прецедент может быть распространен и на пользовавшегося международной известностью Мендельсона, который тоже состоял в конфликте со старейшинами. Потому он и убедил Мендельсона обратиться к королю с прошением о *privilegium*.

Сначала Мендельсон отказывался. Он полагал, что это будет выглядеть навязчиво. Король все еще возглавлял армию — война не окончилась — и «какое право имею я, — говорил он, — просить об особом отношении, если страна имеет важнейшие причины ограничивать число лиц моей национальности?» Однако д'Аржан уговорил его написать прошение, и в апреле 1763 года, когда война завершилась, передал его Фридриху.

Потом наступила пауза. Д'Аржан знал, Фридрих восхищен трудами Мендельсона, и не верил в то, что король не захочет явить справедливость, пусть даже это заденет руководителей еврейской общины. Он как-то остановил Фридриха, когда тот шел в свои апартаменты. Фридрих кивнул: «Мендельсон получит *privilegium*. Прошение, должно быть, потерялось».

Д'Аржан написал новое прошение, уже от своего имени: «Плохой католик и философ просит плохого протестанта и философа даровать *privilegium* плохому иудею и философу».

Он вручил прошение Фридриху со словами: «Не потеряйте его опять!» Мендельсон получил статус *Schützjude* и *privilegium* в октябре 1763 года. Он обожал короля, так же как и король его. Когда обсуждали агностицизм Фридриха в вопросе о вечной жизни, он говорил: «Король *заслуживает* того, чтобы верить в бессмертие души!» Вера как награда. Порой он критически отзывался о литературных работах Фридриха, которые в целом считал хорошими. Первую синагогу в Потсдаме построили в 1766 году, и Фридрих разумно заметил: «Угнетение евреев никогда не приносило пользы ни одному правительству!» Процветание и культурная интеграция еврейской общины стали заметнее в годы, последовавшие за окончанием Семилетней войны. Тем не менее король признавал, что у других со-

храняется предубежденность. Когда кандидатура Мендельсона была предложена в Академию на кафедру философии, Фридрих выступил с возражениями. Это первые академические выборы после тех, на которых была официально выбрана императрица России, и он решил, что такое соседство может быть расценено как оскорбление. Мендельсон высказался однозначно. «Я живу, — писал он, — в государстве, где один из мудрейших суверенов, когда-либо управлявших человечеством, заставил расцветать искусства и науки, а разумное свободомыслие распространил настолько широко, что оно достигло самого ничтожного жителя его владений». В сходных терминах Кант писал о заботе Фридриха о свободе совести.

Постепенно, по мере того как мир и вежливость брали верх над войной и кризисом, вновь стало складываться сообщество, похожее на окружавший Фридриха прежде круг единомышленников. В марте 1765 года в Берлин приехал Дьедонне Тьебо. Он имел рекомендации от д'Аржана и надеялся получить место профессора литературы в Академии. Он проделал длительное путешествие и был принят королем немедленно по прибытии, чтобы подвергнуться безжалостному двухчасовому допросу. Фридрих его удивил.

«Дайте слово чести, что не будете изучать немецкий язык!» Тьебо не говорил по-немецки, и Фридрих заявил, что это полуварварский язык с бедной и подражательной литературой. Они говорили о других известных европейских литераторах. Фридрих сказал, что Жан Жак Руссо сумасшедший. «Он бедствовал! Мы предложили ему кров и пенсioen». Милорд Маришаль все устроил, а Руссо в ответ дерзко спросил, что делается для тех, кто был изувечен на службе у Фридриха. Это было в 1762 году, и Фридрих сильно разгневался.

Тьебо получил место профессора, и король в его обществе наслаждался словесными упражнениями. Иногда в них участвовал полковник Карл Гвишардт, бывший офицер волонтерских батальонов, сын чиновника из Магдебурга, который был очарован Фридрихом и служил для того предметом шуток. Гвишардт был хорошо начитанным человеком, историком и натуралистом, но, к несчастью, как-то ранее, продемонстрировав претензию на истинность своих суждений, стал мишенью для упражнений в остроумии. Он воздал хвалу выносливости римских легионеров за то, что они могли на марше нести по

сравнению с прусскими солдатами большой груз. Фридрих сыронизировал: «Правда?»

Король приказал войти одному из солдат гвардии, снять с себя снаряжение и надеть его на Гвишардта: «Наш полководец, может, в будущем не будет делать столь легковесные заявления!»

Фридрих заставил его стоять в полном снаряжении целый час. Было известно, что Гвишардт вел заметки о придворной жизни, и когда в 1775 году он умер, Фридрих купил все бумаги покойного.

Фридрих называл Гвишардта Квинтом Ицилием, по имени знаменитого центуриона 10-го легиона, сражавшегося при Форсале, и порой говорил, что устал от разговора с ним, не будут ли Квинт Ицилий и Тьебо любезны побеседовать вдвоем — их интеллект в скором времени вновь разогреет его. Они начинали разговор, но через какое-то время Фридрих в него вмешивался. И уж потом говорил не останавливаясь. Он вел беседу, затрагивая одну тему за другой.

«Почему Господь не дал человеку способности предвидеть час своей смерти?»

Квинт Ицилий пытался привести в тему заряд излишнего цинизма, что полагал оригинальным. Фридрих резко и безапелляционно обрывал такие попытки. Однако, заставив собеседника почувствовать некоторое унижение, Фридрих становился тихим и покладистым. Он менял тему. Его настроение, как всегда, менялось очень быстро. И ему нравилось испытывать свои новые сочинения на Тьебо. Тот смеялся.

Фридрих: «Что, сир? Над чем это вы смеетесь?» И все продолжалось в том же духе. Частью интеллектуальные упражнения и литературный диспут, частью игра по ролям и полная нелепица. Скучно бывало очень редко. Католик Тьебо часто отказывался рукоплескать литературным шуткам Фридриха. Он был всегда готов — уважительно, но твердо — подвергнуть сомнению ценность письменных упражнений Фридриха. Но всегда впечатляло, с какой критичностью он относился к чтению и литературным занятиям.

Фридрих по-прежнему любил подшучивать. Он был большим озорником. «Что нового в Берлине?» — как-то за обедом в 1767 году бросил Фридрих.

«Ходят разговоры о том, что скоро снова будет война, сир».

«Что за чепуха! Они говорят о войне потому, что им больше не о чем поговорить!»

Фридрих обладал талантом мистификатора. Он попросил доверенного друга направить сообщение в две наиболее уважаемые берлинские газеты: «Я продиктую сообщение!»

Дело, как сообщалось из Потсдама, состояло в том, что 27 февраля прошла буря с громом, молнией, ливнем и градом, причем такой силы, какой никто не помнит. Небо потемнело, и один из двух быков, которых крестьянин гнал в город, был убит молнией. Были и многочисленные человеческие жертвы. Пивовар сломал руку. Все окна на одной из улиц были разбиты.

Сообщения, сочиненные Фридрихом, опубликовали, и какое-то время люди больше ни о чем другом не говорили. Между газетами существовали регулярные почтовые связи, и европейская пресса тоже подхватила сообщение. В следующем году это было упомянуто в книге профессора из Вюртемберга. Фридрих давился от смеха. Это отвлекло внимание публики от абсурдных и нежелательных спекуляций на тему войны.

Пришел мир, но король оставался воином — вождем народа, верховным главнокомандующим. Он устроил грандиозный банкет, развлекал на нем генералов и, как каждый полководец, вновь и вновь проигрывал минувшие сражения. Король беседовал со старыми соратниками о битвах, которым те были свидетелями, о допущенных ошибках, победах, разных случайностях. В Берлине Фридрих воздвиг памятники в честь Зейдлица, Кейта, Шверина, Винтерфельда. Он работал над очередным «Политическим завещанием», законченным в 1768 году, в нем будет отведено место военным вопросам.

На банкете присутствовал принц Генрих, и Фридрих обратился к нему: «А теперь давайте выйдем за единственного генерала, который не допустил ни одной ошибки!» Это было поразительное признание. Фридрих и Генрих частенько резко расходились во мнениях. Генрих считал, что войну можно было бы закончить раньше, если бы Фридрих проявил готовность к компромиссу. В сравнении с королем принц был больше склонен к осторожности, не любил рисковать, но его суждения во время сражений отличались точностью, он также обладал способностью предвидения. Гуманный человек, он полагал жесто-

ким обращение с Саксонией, осуждал проводимые там реквизиции и не боялся говорить об этом. Поэтому Генрих завоевал добрые чувства саксонцев. Как и другие братья, он был склонен считать Фридриха падменным и бесчувственным. Как и они, он не доверял некоторым близким к королю людям, особенно влиянию Винтерфельда. Генрих возмущался отношением Фридриха к Августу Вильгельму. Он обладал немалыми амбициями, и был очень чувствительным, страдал от ревности, присущей младшим братьям, и, когда принц, бывало, обижался, Фридрих подшучивал над ним. Генрих посчитал себя обиженным, когда Фридрих после войны в резкой форме напомнил ему, что он является полковым офицером и должен быть одет соответственно званию. Маленького роста, внешне приятный и обаятельный, принц выиграл крупное сражение при Фрейберге. Фридрих очень высоко его ценил и в большинстве случаев делился с ним сокровенными планами и относился к нему хорошо; и вот теперь — единственный генерал, который не допустил ни одной ошибки! Его переписка с Генрихом, которая во время войны в основном состояла из вопросов ведения военных действий, была полна доброжелательства, слезен и семейных новостей. В завещании он отписывал наследство «победителю Фрейберга». Печально, но часто их отношения омрачали ревность и обида.

Инспекции полков в Потсдаме возобновились с прежней строгостью. Люди надолго запомнили жуткий, немигающий взгляд его очень синих, очень холодных и невероятно красивых глаз Фридриха, когда он расспрашивал смущенного офицера о том, как тот командует, об обязанностях и подчиненных. Его одежда часто бывала неопрятной, но Фридрих оставался требовательным в отношении военных дел и формы. Как и при всех дворах, в Потсдаме существовали свои правила поведения. Два приехавших в Берлин французских офицера нарушили соответствующую случаю форму одежды, Фридрих неприязненно оглядел их с ног до головы: на одном были чулки, а не сапоги, и взгляд Фридриха остановился на нем.

«Ваш полк?»

«*Régiment de Champagne, sire*»*.

* Шампанский полк, сир (фр.).

«Ага, — сказал Фридрих, — вижу, мы не забыли старой поговорки: «Шампань смеется над порядком»!»

Не было никаких сомнений — условия военного времени снизили качество подготовки армии. Война способствует приобретению опыта, боевого и организации тылового обеспечения. Однако неизбежно что-то ухудшается. Это теперь нужно было исправлять, и такая работа проводилась. Фридрих писал в 1767 году — со времени окончания войны прошло четыре года — положение дел улучшается, дисциплина и подготовка совершенствуются, но чтобы армия стала такой, как прежде, потребуется еще года три.

В начале войны Фридрих провел реформу прусских кадетских корпусов. Он с большим вниманием относился к этому вопросу, и около 3000 человек прошли в них выучку за время его правления. Они пополнялись за счет кадетских школ в Столпе в Померании и в Кульме в Восточной Пруссии. После выпуска из корпуса кадет служил, имея временное офицерское звание и должность, пока не получал производства — *Fähnrich**. Первое звание — лейтенант с низким жалованьем; очень важная ступень — звание капитана, что давало право командовать ротой. Система хорошо показала себя в войне, но нуждалась в надзоре, совершенствовании и сохранении. Она основывалась на однородности офицерского корпуса как братской общности, подкрепленной единым *духом*, в которой четко соблюдалась иерархия обязанностей. Форма прусских офицеров была одинаковой независимо от звания.

Фридрих постоянно заботился об армии. Он требовал, чтобы солдатам платили регулярно жалованье. Король хорошо знал особенности солдат из различных регионов королевства. Меньше всего он ценил берлинцев, больше померанцев — лучшая пехота в мире. Согласно его личным оценкам, следующими шли солдаты из Галберштадта и Магдебурга, из районов, лежащих за низовьями Эльбы. Потом — силезцы, лютеране из Нижней Силезии и за ними католики из Верхней Силезии и Глаца, новобранцы из Восточной Пруссии. Затем — выходцы из Западной Пруссии и Вестфалии, среди которых особой похвалы заслуживали уроженцы Миндена и Герфорда. При этом Фрид-

* Возможно, это сравнимо с гардемарином в Королевском флоте Британии. — *Примеч. авт.*

рих понимал, что исконый — прусский — элемент в его армии составлял меньше половины, он зависел от иностранцев, дезертиров из других армий и завербованных военнопленных.

Его также занимали вопросы образования и грамотности. В «Политическом завещании» 1768 года он возвращается к воспитанию монархов. Правитель, писал он, начиная с двадцати лет должен получить опыт реального управления и, поскольку ему предстоит быть военачальником, военного командования. Затем он должен познакомиться и оценить младших офицеров, ведь кто-то из них станет генералом. Те, в свою очередь, обязаны поощрять воспитанность и грамотность нижестоящих чинов — командиры полков в согласии с должностной инструкцией открывали полковые библиотеки. Заботой окружались семьи солдат. Определенное число жен могло сопровождать мужей в походе*, остальные оставались в месте расположения полка, на квартирах, и получали небольшое вспомоществование от государства деньгами и продуктами. Жены офицеров тоже жили в расположении полка. Письма военным служащим мужьям переправлялись бесплатно. Для вдов и сирот в 1758 году Фридрих основал в Потсдаме военный сиротский приют. В нем проживали 2000 детей погибших или нуждающихся солдат. Войны — страшное испытание, а тогда впереди было еще четыре года войны. Проблема брошенных младенцев также очень занимала его — в 1768 году он основал в Берлине, Бреслау и Кёнигсберге специальные дома для ухода за ними и придавал большое значение их управлению.

В «Политическом завещании» 1768 года Фридрих вновь проанализировал стратегическое положение Пруссии. Кое-что изменилось в лучшую сторону. Некоторые угрозы померкли. «Я поздравляю моих преемников с тем, что у Пруссии нет колоний в Африке или Америке, — писал он. — Ей нужна хорошая армия, но не флот». Его слова отражали личный опыт — он правил уже двадцать восемь лет. Прусская компания «Левант» со штаб-квартирой в Эмдене, созданная специально для торговли с Китаем в 1765 году, просуществовала недолго, а прибрежная торговля и мореплавание во времена Фридриха успешно развивались. Он, однако, никогда не отступал от своей точки зрения: Пруссия

* Как, например, в британской армии. В Пруссии обычно пять человек в кампанию. — *Примеч. авт.*

является континентальным государством, и временные обстоятельства не должны соблазнять ее двигаться в каком-либо другом направлении. Качество подготовки армии и ее командиров — вот что имело значение.

Внимательно следя за действиями своих офицеров, особенно старших, Фридрих в «Политическом завещании» делал заметки относительно характера и возможностей некоторых из них. Рамин, Вунш, Штуттергейм, например, были «недурны». Моллендорф, один из героев Бюркерсдорфа, Ластвиц и Вольферсдорф — первоклассные офицеры, хотя последнему «никогда не следует доверять оборонительные позиции». Бюлов великолепен. Манштейн — «*tres bon*»*. Другие удостоивались оценок: «храбр», «неважное зрение», «слишком мягок». Тадден — офицер, «прекрасно подготовленный, когда не пьет». Цазтров и Альвенслебен — «хороши», большинство других — «середнячки». В кавалерии Зейдлиц не имел равных.

Всегда есть опасность, когда после большой войны армия оказывается во властных руках полководца, обладающего авторитетом и одержавшего ряд побед; чем руки более властные, тем больше опасность. Самоуверенность и достижения могут укрепить во мнении, что залог успеха лежит в повторении апробированной формулы, верность которой доказана. Личные впечатления, уроки, извлеченные из обстоятельств, оказываются довлеющими. Авторитет становится непогрешимым. Все это вполне может возникнуть в уставших от войны стране и армии, готовых признать ненужность и ошибочность новых идей. Британия, к примеру, пережила такой период после наполеоновских войн, когда темп Веллингтона едва не остановила военный прогресс. Люди интересовались, а что бы сделал герцог, отказываясь при этом думать сами.

Такие времена ведут к застою, концентрации внимания на деталях и прецедентах, а не на объективности и инновациях. Опасность усиливается, когда недавний герой не только суверен, но и, подобно Фридриху, человек, имеющий вкус и склонность описывать впечатления, опыт, главные причины побед в письменных трудах, приобретающих по меньшей мере в глазах автора почти такой же авторитет, как Священное Писание. Это прекрасно для грядущих поколений, но скорее всего явилось

* очень хорош (*фр.*).

несчастьем для Пруссии. Фридрих, ставший теперь для всей Европы военным авторитетом, писал много и скоро о военных проблемах Прусского королевства. Его успехи, деяния и труды не защитили от бед Йены и Ауэрштадта.

Было бы, однако, ошибочно считать, что поздний Фридрих — теоретик и реакционер. Он часто писал Генриху об экспериментах в боевой подготовке, построениях кавалерии, проводящихся в Потсдаме. Король пробовал осуществлять атаки построением каре на русский манер. «Это, может быть, и неплохо против турок, но не против европейского противника, располагающего значительной артиллерией». До 1785 года он проводил маневры в Силезии, на следующий год Фридрих умер. В том году, развлекая иностранных знатных особ, как всегда, он в проливной дождь возглавил атаку прусской кавалерии, ругаясь, что она движется недостаточно стремительно. Ему было семьдесят четыре года. Александр Бертье, молодой французский кавалерийский капитан, который станет превосходным начальником штаба у Наполеона, присутствовал на маневрах 1783 года и обратил внимание на невероятную живость взгляда короля. Три года спустя на последних маневрах Фридриха побывал другой французский представитель*, молодой маркиз де Лафайетт, запомнивший самые прекрасные глаза, когда-либо виденные им. Фридрих до самого конца жизни безжалостно относился к своему телу и мозгу.

Из «Политического завещания», завершеного в 1768 году, видно, что Фридрих почти не изменил скептическое отношение к человеческой природе, мирским делам, религии. Его предубеждения, свойственные человеку эпохи Просвещения, остались при нем. Христианство — «старый метафизический роман, в котором полно чудес, противоречий и целеностей, рожденных воспаленным воображением азиатов». Фридрих-мыслитель был по-прежнему готов сразиться с любым интеллектуалом, который бросил бы ему вызов, хотя, как тонко заметил один из его читателей, скептицизм короля демонстрируется так часто и нарочито, что можно подумать, что он по этому поводу чувствует некоторую неуверенность, даже смущение.

* От Британии присутствовал герцог Йорк, сын Георга III, который женился на внучатой племяннице Фридриха и был долгое время главнокомандующим британской армией и до 1803 года епископом Оснабрюкским. — *Примеч. авт.*

В «Политическом завещании» он говорит об обязанностях монарха. Он должен быть «не только первым слугой государства, но и последним защитником для несчастных и сирот, поддержкой для вдов, обязанным заботиться о самых ничтожных и самых неудачливых». Нет причин сомневаться в искренности Фридриха, и его подданные это знали, точно так же как знали и уважали его деяния, даже когда ворчали по поводу его военных запросов или шутили в связи с его бережливостью. Он был «Фрицем», хозяином, отцом; грубоватым, честным, ничего не ищущим для себя; победитель в сражениях, повелитель, но одновременно и один из них.

Прусская пресса подвергалась строгой политической цензуре, однако король не обращал внимания на выпады против него лично, и Пруссия в этом отношении была самым толерантным государством в Европе. Однажды, выезжая из Потсдама с копытом, Фридрих увидел группу людей, смотревших на что-то, наклеенное высоко на стене. Повинуясь приказу короля, копыто выяснил, что это, и доложил: люди рассматривают карикатуру, высмеивающую подлость Фридриха. «Повесьте ее пониже, — громко сказал король, — чтобы они не выворачивали шеи!» По толпе пронесся гул приветствий, и карикатуру немедленно порвали. Он контролировал сочинения на военные темы, которые писали находившиеся на службе офицеры. Полковник фон Манштейн попросил отпуск для публикации воспоминаний о службе в России. «Да, — было решение Фридриха, — если, конечно, там не будет выпадов против влиятельных людей». Цензура необходима, чтобы не нанести вреда международным отношениям.

Терпимость короля в значительной степени распространялась и на критические замечания в его адрес со стороны офицеров. Один полковник во время войны написал откровенные и острые замечания о прусской стратегии, его бумаги были захвачены вместе с багажом во время налета австрийской кавалерии, а затем отбиты пруссаками и направлены Фридриху. Он, составив аннотацию на замечания полковника, послал документы ему — «Это, кажется, ваше!» — и в качестве награды назначил изумленного полковника командиром полка.

В послевоенное время, шестидесятые годы, Фридриха, как всегда, занимали международные дела. На западе его тревожили французы, хотя в 1768 году Пруссия и Франция пытались заключить торговый договор. Но так и не подписали из-за, как

полагал Фридрих, перешительности и некомпетентности французского министра Шуазеля. Он предполагал, что действия французов в Средиземноморье, где они овладели Корсикой, вызовут недовольство Британии и, быть может, приведут к войне; однако этого не случилось. Восстановление официальных отношений и обмен послами потребовали некоторого времени и состоялись в 1768 году. И в конце концов Фридрих пришел к заключению, что проигравшей стороной в войне стала Франция, ничего не получившая в Европе и многое потерявшая на далеких континентах. К тому же она значительно ослабла внутренне.

В отношении британцев Фридрих еще долгое время испытывал жгучую обиду по поводу поведения министра Бьюта, хотя война была уже позади; и когда ему доложили, что Лондон не приветствует восстановления его отношений с королем Франции, он объявил, что это его совершенно не волнует. Когда лорд Рошфор* заговорил о прежних субсидиях и будущих отношениях, Фридрих высокомерно ответил: «Король Пруссии берет субсидии только тогда, когда на него идет войной вся Европа». К тому же с англичанами никогда не знаешь, с кем же все-таки имеешь дело — министры, политические деятели, мнения меняются, как в калейдоскопе. Книнхauзен по требованию британцев уехал из Лондона вслед за тем, как отозвали Митчела, и Фридрих был сильно рассержен. «Я не понимаю, — говорил король послу графу фон Мальцану в январе 1767 года, — как британское правительство рассчитывает приобрести новых союзников, когда так обмануло тех, кто сослужил громадную службу Англии». Он часто, казалось, не замечал огромной разницы между целями Британии и Пруссии. Британия боролась с Францией по всему миру, в этой борьбе европейское соотношение сил было лишь одним из факторов, а король Пруссии — незначительной фигурой на шахматной доске. С другой стороны, Пруссия билась за выживание, и Британия являлась ее единственным союзником. Сам Питт пришел к мысли о необходимости изменить негативное отношение к вмешательству в европейские дела.

* Уильям Нассау фон Цуйлештейн, четвертый граф Рошфор, государственный секретарь с 1766 года. По общему мнению, не отличался большими способностями. — *Примеч. авт.*

Предубеждение против Бьюта оставалось. Фридрих радовался, когда он оказывался в пеловком положении. Вторая дочь Бьюта вышла замуж за сэра Джорджа, позднее лорда, Макартнея, который с 1764 года в течение трех лет был посланником в Санкт-Петербурге, но послом так и не стал. Фридрих говорил, что русские пашли его невыносимым из-за заносчивости и высокомерия. Он возмутил императрицу своим поведением. Возможно, Макартней не настолько возмутил императрицу, как того хотелось Фридриху, поскольку она подарила ему прекрасную табакерку; но у него имелись и другие амбиции. Он пытался получить место в палате общин и уже предложил взнос в размере 2000 фунтов. Его назначение в Санкт-Петербург было отменено, и вместо него направили лорда Кэткарта, ветерана сражения при Фонтенуа и бывшего адъютанта Камберленда.

Фридрих надеялся, что Бьют будет унижен таким отношением к Макартнею; возможно, это и мелко для короля, но в полной мере отражает его глубокую неприязнь и недоверие к графу. Ему рассказали, и он с готовностью поверил, что Бьют получал взятки от французов во время переговоров, которые привели к заключению Губертусбургского мира. Услышав о поездке Кэткарта в Россию морем, Фридрих решил, что это Бьют заставил того ехать в объезд Пруссии. Таким образом, между Фридрихом и его бывшим британским союзником сохранялись натянутые отношения, и он редко пропускал случай, чтобы не высказать обидное замечание в адрес британцев. Харрис в 1772 году говорил о ненависти Фридриха к Англии. Она выразилась и в том, что он ввел пошлины на британский импорт в порту Данцига, где британские торговцы всегда пользовались привилегиями.

Ненависть — это слишком сильное слово. Король Пруссии серьезно интересовался происходящим в Англии. Он быстро улавливал признаки враждебности. Фридрих считал политические позиции Британии слабыми. Его ужасали слухи о публичных оскорблениях и насмешках, которым порой подвергается английский король, и он заявлял, что предпочел бы быть простым джентльменом, чем править такой страной. Кроме этого, его удивляло, что англичане недостаточно серьезно воспринимают, как он считал, грядущие многочисленные проблемы с американскими колониями. Он внимательно, с некоторым злорадством и беспокойством следил за внутренней ситуацией в

Британии, деятельностью парламента, ажиотажем вокруг Джона Уилкса. Фридриху были не по душе восстания, где бы они ни происходили. Он полагал, что англичане демонстрируют слабость в Америке, а это может воодушевить французов воспользоваться ситуацией; но в то же время отмечал, что в том положении, в каком оказались британцы, жестокие репрессии способны привести к еще более тяжелым последствиям, чем казалось сначала. Фридрих тщательно отслеживал изменения в иностранных правительствах. С лета 1765 года в Лондоне был новый кабинет министров, но он долго не верил в падение Бьюта, проводившего политику в отношении Пруссии, которая по *суги мотивации* не отличалась от курса Питта.

На самом деле новые британские государственные секретари герцог Графтон и генерал Конуэй не были настроены враждебно к Пруссии. Вполне вероятно, говорил Фридрих фон Мальцану, но пока Бьют является членом Тайного совета, о настоящей доброй воле не может быть и речи. Конуэй летом 1767 года на короткое время оставил пост, и Фридрих надеялся, что на должность государственного секретаря вернется Холдернесс, однако этого не случилось. Когда Графтон и Конуэй получили назначение, Фридрих написал, что «эти люди попытаются создать противовес Франции, Австрии и Испании. Они постараются объединиться с Голландией, Россией и Пруссией!» Это мнение казалось обоснованным. Конуэй позднее, в 1774 году, посетил Потсдам и был поражен элегантностью и симметрией, которые господствовали там, включая дома скромных ремесленников.

Между тем сэр Эндрю Митчел вновь был в Берлине и делал все, чтобы привести теплоту в прохладные отношения. Митчел вернулся в Шотландию для встречи с выборщиками Киштора в родном Абердиншире и получил всю возможную помощь, какую только мог оказать ему милорд Маришаль теперь, когда земли Кейтов — а они включали и Киштор — были возвращены ему; эти двое людей особенно тепло отнеслись друг к другу. Британцы в шестидесятые годы хотели сформировать в Северной Европе новый альянс — Британия, Пруссия, Россия, — чтобы уравновесить влияние Бурбонов Франции и Испании. Этот союз получил название «Семейное единение». Некоторые германские принцы, а также скандинавские монархи могли бы быть привлечены к такому союзу. Фридрих хотел выяснить, не может ли Австрия каким-то образом присоеди-

питься к «Семейному единению»? Он без особой тревоги принял сообщение (в 1766 году) о браке, состоявшемся лишь в 1770 году, между французским наследником, сыном дофина, и австрийской эрцгерцогиней, Марией Антуанеттой. Тем не менее за взаимоотношениями Вены и Версаля нужно было наблюдать. Его реакция на британское мнение, доведенное до Митчела во время аудиенции 4 декабря 1766 года, состояла в том, что предполагаемый союз вызывает опасения. Британцы сочли его лицемерным. Союз имеет оборонительные цели. Они предлагали пакт в интересах поддержания стабильности, установившейся в Европе. С точки зрения Фридриха, он предвосхищал ситуацию, когда континент вновь разделится на враждующие лагеря.

Фридрих считал, что британская политика была постоянно нацелена на создание максимально большего количества сил, потенциально враждебных Франции. А его цель состояла в обеспечении максимальной безопасности Пруссии. Ее залог — дружба с Россией. Такой альянс таил и некоторые негативные моменты. В мае 1766 года у него состоялась долгая беседа с русским послом, бароном фон Зальдерном, и в ней затрагивались вопросы создания, как предлагали британцы, «*systeme du Nord*»*. Ее цель — создание условий для устойчивого мира и равновесия сил.

Фридрих все еще сердился на Британию. «В настоящее время она ничто! Король — самый ничтожный из живущих людей, он меняет министров как рубашки. Только что произошла очередная смена — герцог Графтон ушел**! Вероятно, Эгмонт*** займет его место. Умоляю, не возлагайте никакой надежды на Британию!» Когда была упомянута Саксония, как сообщал Зальдерн, король резко изменился и сказал, что знает, как надо поступать с ними. Король убеждал посла в безобидности «Семейного единения». Габсбурги и Бурбоны ослаблены. Угроза войны невелика. Так для чего создавать коалиции?

* Северная система (фр.).

** Он подал в отставку примерно в то время, когда происходил этот разговор, однако в скором времени вернулся в правительство в роли первого лорда Казначейства и стал фактически премьер-министром после того, как здоровье графа Чэтэма пошатнулось. — Примеч. авт.

*** Джон Персиваль, граф Эгмонт. — Примеч. авт.

В данный момент это, может, и справедливо, отметил Зальдерн, но ситуация меняется. Война может начаться и не в Европе, но «войны в Америке, как правило, заканчиваются в Европе». Фридрих ответил, что такое положение не будет сохраняться вечно. Он питал оптимизм относительно мирных перспектив и в апреле 1767 года писал брату Генриху, что австрийцы не станут вмешиваться в какую-либо заваруху. *Messieurs les Russes** могут быть сколь угодно активными, не ожидая отсюда никакого сопротивления.

Смерть суверенов иногда вносила изменения в плавный ход событий. 7 октября 1763 года Фридрих получил известие о смерти короля Польши, курфюрста Августа III Саксонского. «Я вскочила с места, когда мне сообщили об этой новости, — писала Панину** Екатерина, — а король Пруссии, как говорят, выскочил из-за стола!» Последствия этого события, непосредственные и отдаленные, определяли весь переходный период; и будут владеть мыслями и заботами Фридриха почти все последующее десятилетие, отзвуки его слышны и поныне.

Август III, курфюрст Саксонии, сын Августа Сильного, оставил старшего сына, унаследовавшего курфюршество. Одна из его пяти дочерей вышла замуж за дофина Франции и стала матерью будущего короля, Людовика XVI. Его супруга, из рода Габсбургов, была дочерью императора Иосифа I и кузиной Марии Терезии. В течение всего правления Август находился под влиянием Брюля, противника Фридриха, он умер всего через несколько недель после своего суверена. Сын и наследник Августа, курфюрст Фридрих Кристиан, был, по словам Фридриха, мягким и благожелательным человеком, пережившим отца лишь на один месяц, оставив единственного сына, которому было тринадцать лет. Польский трон, хозяин которо-

* Господа русские (фр.).

** Панин Никита Иванович (1718—1783), выдающийся дипломат и государственный деятель. В 1747—1759 гг. посланник в Дании, затем в Швеции, 1760—1773 гг. — воспитатель великого князя Павла Петровича. Принимал активное участие в возведении на престол Екатерины II, был ее ближайшим советником по внешнеполитическим делам, возглавлял Коллегию по иностранным делам, затем находился в скрытой оппозиции престолу. Сторонник «Северного аккорда» против Франции и Австрии.

го избирался, оказался свободным, период саксонского правления в истории Польши подошел к концу.

Он не был счастливым для нее. Август Сильный Саксонский предложил свою кандидатуру на польский трон в 1697 году, когда Саксония переживала не лучшие времена из-за войны со Швецией. Целые курфюршества были заложены или отчуждены, доход давала только созданная в 1710 году фарфоровая мануфактура в Мейсене. Польская корона, кроме титула, мало что давала саксонским правителям. Тем не менее Август пошел на этот шаг.

Это соединило судьбы Саксонии и Польши. Конституция Польши была составлена таким образом, что гарантировала практически недееспособное правительство. Судьба страны по большей части решалась богатыми землевладельцами из старинных родов. Они или их представители собирались в польском сейме, собрании, где все были равны. Каждый член сейма обладал правом налагать вето, *Libertum Veto*, на любое решение. Эта система требовала единогласия, но вела к тому, что фактически никакого согласия ни по одному значительному вопросу не достигалось. В сейме почти не было споров или дебатов: если хотя один его член говорил «нет» — ничего поделать было нельзя. Тогда единственным путем чего-то добиться становилось посредничество высшей власти или применение реальной силы одной или несколькими соперничающими семьями или теми, кто их поддерживает.

Фридрих называл систему управления в Польше худшей в Европе. Поляки, писал он в письме к Генриху, отличаются заносчивостью, чрезмерной тягой к пышности и, кроме того, перьяшливостью, рабованием и подобоострастием перед лицом силы — суждение сомнительное, написанное под влиянием сильного раздражения. Тем не менее многие согласились бы с его точкой зрения на внутреннюю ситуацию в Польше. Беспомощность Польши в международных делах устраивала тех, в том числе и Фридриха, кто предпочитал видеть эту страну слабой и разобщенной.

Различные силы в Польше искали поддержки извне; они представляли знатные семьи, этаких маленьких суверенов по праву и истинных с точки зрения абсолютной власти, которой они располагали на подвластной территории, — Чарторыйские, Радзивиллы, Потоцкие, Любомирские. Князь Чарторыйский, человек большого обаяния, имел в то время дом в Варшаве, где ему прислуживали 375 личных слуг. Аристократы время от вре-

мени интриговали, стремясь сместить Августа с престола. На протяжении всего саксонского периода правления, теперь подошедшего к концу, Чарторыйские занимали господствующие позиции; их часто поддерживал русский двор.

Чарторыйские выступали за конституционную реформу, в том числе против права *Libertum Veto*, что должно было усилить центральную власть. Это соответственно уменьшило бы власть других князей-соперников. Им не удалось отстоять свою точку зрения, и они уповали на помощь России, возможно, и военную. Вопрос о том, кто займет польский трон, был важен для соседей Польши. Чарторыйских поддерживал Санкт-Петербург, хотя русские не очень хотели усиления польской королевской власти. Дворы Вены и Берлина тоже не оставались сторонними наблюдателями. Было известно, что и французы пытались договориться с саксонцами, которые стали рассматривать польский трон как нечто принадлежащее им по наследству.

После смерти Августа Фридрих немедленно написал Екатерине II и дал ей совет. Императрице следует очень ясно заявить свою позицию. Если существует оппозиция Чарторыйским, у русских появляется прекрасный повод направить войска в Польшу. Военный конфликт опасен в столь стратегически важном районе. При войсковой операции могут возникнуть проблемы с тыловым обеспечением, и Фридрих будет счастлив оказать помощь. В ответ он получил письмо от Екатерины. В нем она благодарила его и просила содействия, чтобы не допустить ввода в Польшу саксонских войск. Это была просьба, с которой он без всяких раздумий согласился, но вежливо уведомил о ней саксонцев. Все это происходило в первые месяцы после смерти Августа. В сентябре 1764 года, к вящему неудовольствию, кроме прочих, венского двора, королем Польши был избран Станислав Понятовский, бывший фаворит Екатерины, от которого она имела ребенка. Его мать происходила из семьи Чарторыйских. Одновременно посланником в Польшу назначили Николая Репнина*, которому Санкт-Петербург дал самые широкие полномочия.

* Репнин Николай Васильевич (1734—1801), князь, выдающийся воспитатель и дипломат, генерал-фельдмаршал (1796). Участник Семилетней войны. В 1762—1763 гг. — посол в Пруссии, в 1763—1769 гг. посол в Польше. В 1775—1776 гг. — посол в Турции. При его посредничестве заключен Тешенский мир 1779 г. между Австрией и Пруссией. Участник русско-турецких войн.

Станислав был коронован в ноябре 1764 года, и Фридрих направил ему поздравление. Он также написал Екатерине: Вена и Версаль будут вне себя от злости. Он понимал, что Екатерина не станет вносить радикальные изменения в конституционную систему Польши. Это его устраивало. Втайне он полагал, что амбиции Чарторыйских безграничны и их влияние на Станислава, возможно, чрезмерно, но новый русско-польский договор был в процессе подготовки, и Фридрих заявил о готовности к нему присоединиться, если в нем не будет ничего противоречащего его интересам. Он уже с марта состоял в союзном договоре с Россией, а в 1765 году присоединился к этому новому договору и подписал с Россией оборонительный союз, как оказалось, долгосрочный, который предусматривал, что оба суверена являются защитниками польской свободы.

Одним из условий союза был тариф, установленный польским сеймом на весь экспорт, что делало некоторые товары для Пруссии более дорогими, в частности лошади, которых для пополнения армии Фридрих в 1765 году был намерен закупить в Польше и в Польской Украине и которые теперь значительно подорожали. Он возражал, заявляя, что это заставит его принять ответные меры, и убедил русских польская *douane générale** была введена лишь частично — русское влияние было значительным. Ответная мера, которой угрожал Фридрих, — введение пошлины на плавание по Висле в районе Мариенвердера, к югу от Данцига. Он предложил предоставить право беспошлинного плавания для русских транспортов с тем, чтобы при поддержке России начать переговоры по более широкому соглашению. Он обрадовался, узнав позднее, что его предложение о закупке лошадей встретило одобрение в Польше.

Вопрос о престолонаследии затрагивал судьбу и ориентацию Польши. У Фридриха были две основные задачи: чтобы Польша не стала районом, из которого для Пруссии исходила бы угроза, и сохранение хороших отношений с Россией.

В течение некоторого времени он был убежден, что будущее Пруссии заключается в дружбе с Россией. В переписке со своими послами он явно стоял на стороне русских. Когда фон

* генеральная пошлина (фр.).

Род, его представитель в Вене, в апреле 1764 года сообщил о скором вводе русских войск в Польшу — это не стало неожиданностью для Фридриха, — он объяснил, что это делается для того, чтобы защитить их республику и свободы. Под этим он подразумевал избрание русского кандидата, Чарторыйского, на польский трон.

Фридрих не питал иллюзий в отношении России. Он прекрасно помнил свои кампании за Одером и Цорндорф. Разъясняя в 1766 году Финкенштейну свое отношение к Екатерине, Фридрих писал: «Я намерен сделать так, чтобы эта дружба не стала бы оковами для меня самого». Однако он знал, что это не просто сделать. В случае с поляками король считал, что их конституция хрупка и абсурдна и любая твердая рука предпочтительнее нестабильности. Фридрих не думал, что ситуация чревата какими-то серьезными опасностями. На участие в игре претендовала и Саксония, но ни Вена, ни Версаль это не поддерживали. У французов, несмотря на то что женой дофина была саксонская принцесса, имелись другие заботы. Австрийцы опасались вступить в конфронтацию с Россией.

Претензии Саксонии высказала вдовствующая герцогиня, принцесса Баварская, вдова курфюрста Фридриха Кристиана, сына Августа III, который был курфюрстом всего месяц. Письма Фридриха к ней с характерными для него нотками иронии любезны, хотя не всегда убедительны. *«Élevé dans les camps et dans la Tumulte des armes, — писал он ей, — je n'y ai point appris l'art de déguiser mes pensées. La érité naïve, la conscience intime de mes pensées passent dans mes paroles ainsi qu'au bout de ma plume...»** и так далее. Она возмущалась действиями русских, расценивая их как бесстыдное давление на поляков: «Не проще ли было бы оставить за поляками выбор их короля и не вмешиваться?» Фридрих отвечал цветистыми уверениями в своем восхищении ее проникательностью. Он парировал ранее высказанные протесты, отметив, что, видимо, не должен писать столь знаменитой монархии со всей открытостью, поэтому будет делать вид, что отвечает саксонскому фельдмаршалу, давно умершему, по имени фон Вакербарт. Под этим прикрытием король

* Выросший на бивуаках и среди грохота сражений, я не научился искусству скрывать мысли. Наивная правда, сокровенная суть моих мыслей проглядывают в словах и таятся на кончике моего пера... (фр.)

продолжал громить точку зрения Вакербарта, то есть вдовствующей герцогини, самым безжалостным образом, заканчивая словами: «А теперь, мсье граф Вакербарт, Вы можете вернуться в райские кущи».

В следующий раз Фридрих писал:

«Польские дела настолько запутанны и являются предметом стольких различных интерпретаций, что я оставляю их политическим умам, более искушенным, чем мой. Вопросы, которые ставит передо мной Ваше Королевское Величество, меня несколько смущают. Если спросить почтенного старца, почему Бог Авраама, Исаака и Якова отверг Исава еще во чреве матери в пользу Якова, старец, несомненно, ответил бы, что такова воля провидения и не дело людей вникать в явления Божественной благодати. Практически то же самое я могу сказать и о Польше. Бог, который, оказывается, не хочет, чтобы партия Чарторыйского проиграла, побудил императрицу направить в Варшаву русские войска ему в поддержку. Что касается меня, мадам, то, подчиняясь указаниям провидения, я просто молюсь и храню спокойствие...»

Фридриху правилось поддразнивать ее нарочитыми комплиментами по всякому представлявшемуся поводу: «Ваше Королевское Величество универсально и находит себя вполне на месте как в качестве главы коммерческого коллежа, так и в компании Ришелье или рассуждая о музах Парнааса...» Едва ли вдовствующая герцогиня принимала все это с удовольствием. Принц Саксонский, брат покойного курфюрста, вполне мог бы претендовать на Польшу. Фридрих считал, что она имеет виды на польский трон для своего сына. Однако Фридрих был полон решимости сделать все возможное для укрепления дружественных отношений с Россией.

Прежние сделки Пруссии с Османской Портой стали конечно же известны в Санкт-Петербурге и вызвали беспокойство, но Фридриху удалось оправдаться. Летом 1765 года он обменивался с Екатериной длинными посланиями и с удовольствием узнал, что в Санкт-Петербурге разочарованы Веней. В Польше, казалось, все успокоилось; Станислав утвердился на польском троне; недовольство Австрии, Саксонии, Франции не достигло высшей точки. Его союз с русскими был не по душе австрийцам, но он полагал, что сможет все удержать под конт-

ролем. В Вене в августе умер император Франц, супруг Марии Терезии. «Вскоре забытый всеми, — писал Фридрих, — кроме его вдовы».

Однако ситуация в Польше оставалась нестабильной; и Фридрих оказался перед необходимостью расплачиваться за то, что сделал Пруссию одним из главных государств на европейской сцене.

Глава 19

«ОЧЕНЬ ВЗДОРНЫЙ НАРОД»

Период между 1766 и 1772 годами для Фридриха стал одним из самых трудных, и, хотя он не был отмечен военными действиями с участием Пруссии, почти постоянно возникала опасность новой общеевропейской войны. Порой она казалась неизбежной. Фридрих часто подавленно писал о том, насколько хрупки и шатки перспективы мира.

Ситуация напоминала запутанный клубок, и непросто было найти и ликвидировать корни проблемы, решить, что является ее причиной, а что следствием. Как часто бывало, все началось и закончилось в Польше, хотя события распространились далеко за пределы этой несчастной страны. Изначально польский вопрос возник как внутриполитический. На польский трон взошел новый король, Станислав, католик, как и большинство его подданных. Около 12 миллионов человек, примерно десятая часть населения Польши, с точки зрения религиозной принадлежности считались изгоями — «диссидентами», — в основном протестанты в Польской Пруссии или православные в Польской Литве; независимо от социального статуса их вера лишала их всяких политических прав. Екатерина через Репнина требовала, чтобы к ним относились как к равным. Без какой-либо дискриминации. Она выступала защитницей православных. Соответствующий закон был составлен и передан на одобрение сейма. Кроме этого, *Libertum Veto* — как предполагалось реформами Чарторыйского — должно быть отменено.

Представители католической знати, заседавшие в сейме, считали подобные предложения возмутительными. Некатоликам следовало указать их место, и *Libertum Veto*, краеугольный камень привилегий, свобод, должно быть сохранено. Сейм отверг закон.

Фридрих оказался в неловком положении. Король надеялся, что польские внутренние дела, которые, как он часто подчеркивал, его нисколько не беспокоили, не затронет русская поддержка, оказываемая повому монарху. Австрийцы поддерживали позиции польского сейма. Фридрих понял это, как и то, что Екатерина сочувствует православным. Он опасался австро-русского столкновения, которое может возникнуть главным образом на религиозной основе.

Но опасался король и конечных результатов попыток России навязать перемены Польше. Фридрих конфиденциально заявлял, что непримиримость позиции Екатерины трудно оправдать, хотя он понимает ее, как и неприятие дискриминации, которая якобы служит ее основой. Однако это рождало тревогу. Когда Зальцери на аудиенции в мае 1766 года сказал, что политика России совершенно ясна — усилить некаатолическую партию и предоставить королю Польши необходимую военную поддержку для подавления оппозиции, — Фридрих выказал обеспокоенность: «Зачем создавать проблемы? Оставьте Польшу в ее сонном состоянии». Фридрих не стал противопоставлять себя русской линии: он слишком ценил отношения с Россией, но оказался в неудобном положении. Король говорил, что его реакция была «*complaisance, non pas faiblesse*»*.

Положение все более обострялось. Сейм не намеревался демонстрировать *любезность*. После отказа ратифицировать предложенный закон одна из фракций обратилась к Екатерине с петицией, где просила гарантировать польские свободы. Князя Репнина паделляли полномочиями выше всех остальных властей, включая сейм. Он их получил и приступил к проведению закона в жизнь, действуя фактически как диктатор, заработав репутацию человека, который преследует поляков, включая высородных, и падок на польских дам. Репнин приобрел величественные манеры: начало представления в театре откладывали, когда он опаздывал, несмотря на то что король Польши уже паходился в ложе.

* любезностью, а не слабостью (фр.).

Обращение к Екатерине — явная попытка одной фракции сокрушить другую. Русские провели повальные аресты тех, кто выступал против закона; были предприняты меры по предоставлению прав «диссидентам»; отменены эдикты, направленные против них. *Libertum Veto* восстановили. Гарантом предпринятых мер выступала императрица.

В результате произошло то, чего опасался Фридрих. Начался мятеж патриотически настроенных сил против поддерживаемого русскими режима. Фридрих еще до событий увидел его ростки, когда были предприняты попытки сформировать внутри сейма постоянный совет, своего рода фракционное совещание с исполнительными полномочиями. Король считал его учреждение нежелательным — он мог действовать именем короля, однако усиление власти короля Польши в любом случае должно быть ограничено. Эта точка зрения полностью совпала с мнением Екатерины. Она относилась к Фридриху с подозрением, но уважительно, как и он к ней, и каждый из них ценил часто демонстрируемые друг другу знаки дружеского расположения. Фридрих в мае 1767 года пригласил Екатерину в крестные матери к дочери его племянницы, супруги принца Прусского. К тому же Екатерина, как и Фридрих, активно переписывалась с представителями интеллектуальной элиты Европы: с Вольтером, Дидро, д'Аламбером. «Россия, — заявила она в 1767 году, — является европейским государством» и «вводила при своем дворе все французское» точно так же, как это делал Фридрих. У них было много общего.

Восстанием, как часто бывало в польской истории, руководили несколько епископов. В феврале 1768 года создается «Конфедерация», целью которой были утверждение прав поляков и борьба с неприкрытым господством России. Первую «Конфедерацию» возглавлял Красинский, ему помогал Потоцкий, поддерживаемый Францией. Вскоре началось вооруженное восстание в сельской местности, в ходе которого, как полагал Фридрих, царила исключительная жестокость «конфедератов» — как пазывали себя восставшие — по отношению к «диссидентам». С военной точки зрения оно, возможно, и было незначительным по масштабам, но принесло немало проблем. Восстание продемонстрировало разобщенность страны и нестабильность. Фридрих считал наиболее рациональным решением немедленную ликвидацию вооруженного восстания «конфедератов»; но это могло оказаться свыше сил и искусства

властей — польских, но не русских. Его подход был, как всегда, прагматичен. Различные польские вельможи с той или иной стороны искали его поддержки, но он был очень осторожен. Фридрих дорожил отношениями с Россией — он предложил тыловую поддержку русским войскам, когда те входили в Польшу во время выборов короля, — но хотел иметь на руках козыри. В душе он соглашался с Австрией, хотя и неохотно, в ее критике России. Король писал Золмсу, своему послу в Санкт-Петербурге, что Екатерине следует осознать реальность ситуации и дилемму, которая стоит и перед ней, и перед ним. Если поляков — или «политически активную часть нации» — полностью настроить против себя, то они поддержат любого противника России в будущей войне.

Вооруженное восстание «конфедератов», хотя и не несло прямой угрозы России, имело опасные последствия. В сельской местности происходили вооруженные столкновения. В июне 1768 года русские войска, преследуя «конфедератов», вошли на территорию Силезии. Фридрих был готов принять это за простую ошибку и ограничился формальным представлением Репнину. Но в августе другой русский отряд погнался за «конфедератами» на территории Османской империи, дошел до Дубоссар в Молдавии и сжег город после избиения турок, татар и поляков. Глубоко возмущенное османское правительство отдало приказ о разворачивании 20 000 войск на границе с Польшей.

В Константинополе, как говорил Фридрих, было неизбежно *grande fermentation**. Он гадал, насколько реально открытое столкновение. Земли, лежащие между Адриатическим и Черным морями, издавна являлись предметом спора Османской и Габсбургской империй; в то же время территории на северо-западном и северном побережьях Черного моря оспаривались Османской и Российской империями. Великие империи, чьи границы в течение нескольких веков то увеличивались, то уменьшались, сходились на Балканах и в Южной России. Рядом, непосредственно в точке их соприкосновения, лежала Польша.

Европа могла кое-что получить от продолжительной войны на Балканах и Украине между Турцией и Россией, и Фрид-

* великое брожение (фр.).

рих внимательно наблюдал за военными приготовлениями. Король знал о сосредоточении турецких войск в Боснии, и он полагал, ошибочно, что скорее следует ждать выхода турок на побережье Далмации, чем нападения на Россию или на русские войска в Польше. Он, как оказалось, принимал желаемое за действительное: пока было не ясно, как это могло помочь «конфедератам» в Польше или досадить России. Этого и не случилось. Фридрих надеялся, что действия турок будут носить периферийный характер и события не выйдут из-под контроля; можно было бы предложить русские деньги, чтобы убедить турок не вмешиваться в действия России против «конфедератов». Король говорил русскому послу Чернышеву, если русские войска не подойдут слишком близко к оттоманским границам, то турки не станут интересоваться событиями внутри Польши, и, таким образом, мир не будет нарушен.

Здесь он тоже принимал желаемое за действительное. Спустя несколько недель, в октябре 1768 года, Фридриху сообщили, что турки просили Австрию не препятствовать и не противодействовать передвижению их войск — 300 000 человек — из Боснии и Валахии через Трансильванию для развертывания на границах Польши.

В Вене Кауниц лично уверял Рода, что согласия на это не дали. Однако Кауница удивляло поведение русских. Они попытались навязать Польше некую чуждую ей систему. Затем вторглись в Польшу и принялись чинить насилие; стали выходить за ее границы и задевать других не только на турецкой территории, но и в Венгрии. Фридрих, прочитав это, был вынужден согласиться. Политические соображения привязывали его к России, но теперь он считал, что война неизбежна. Русские ошиблись в расчетах и не предусмотрели реакцию турок. «Конфедераты» примут участие в любой войне против России. Теперь они, как он говорил Екатерине, охвачены энтузиазмом в ожидании турецкой поддержки и чуда, которое она сотворит.

Тем не менее, хотя «конфедераты», возможно, и имели на своей стороне польские традиции и сочувствие многих, Фридрих несколько не разделял этих симпатий. Он сожалел о вероятных последствиях действий России по подавлению восстания, если только сами действия не окажутся быстрыми и эффективными. Когда польские руководители написали ему письмо с просьбой о помощи, он ответил резко и к тому же постарался сделать так, чтобы его реакция получила широкую

известность. В отношении к «диссидентам», писал король, эти польские вельможи являются апостолами нетерпимости. Он не видит никаких свидетельств оскорбления их, «конфедератов», религиозных чувств. Напротив:

«Ни императрица России, ни король Польши не желали урезать свободы католической веры. Христианство не в насилии, а в веротерпимости... первые христиане были самыми миролюбивыми людьми на земле. Они старались обратить еретиков, а не карать их. Англия — протестантская страна, Голландия — протестантская страна, однако это не мешает католикам, православным и сотням других отправлять свои религиозные культы. Поэтому вам не покажется страшным то, что я, кто очень терпим, нахожу малоубедительными ваши аргументы...»

В то время в протестантских странах и их законодательстве было немало фанатизма, и для некоторых подход Фридриха мог показаться лицемерным, хотя веротерпимость давно стала для Гогенцоллернов традицией, которая еще более укоренилась благодаря «просветительским» убеждениям короля. Но он считал поляков столь же капризными, сколь и пазойливыми. «Очень *вздорный* народ, эти поляки», — мягко заметил Иосиф Сталин во время союзнической конференции в середине Второй мировой войны. Он только что тайно уничтожил несколько тысяч представителей их элиты и обрек бесчисленное множество других на смерть или депортацию. «Очень *вздорный* народ!» — кивнул бы головой Фридрих, услышав такое суждение, хотя и ужаснулся бы преступной дикости, которую прикрывали эти слова.

Фридрих не видел почти ничего полезного в русско-турецкой войне, каким бы ни был ее результат. Турция, вероятно, аннексирует Подолию, граничащую с Молдавией и Черным морем. Россия направит войска через венгерскую границу и тем спровоцирует Вену. Союзный договор обязывал Фридриха выплачивать субсидию в 400 000 рублей, пока Россия будет находиться в состоянии войны. Он говорил, что готов к переговорам по продлению этого договора, срок действия которого истекал через три года, возможно, это лучшее время заручиться у Санкт-Петербурга взаимными гарантиями, например о поддержке в вопросе о престолонаследии в Байрейте и Ансбахе.

Перспектива серьезного и затяжного русско-турецкого противостояния будоражила европейские дворы; и вот теперь Оттоманская Порта объявила России войну. Считалось, что кризис возник из-за ситуации в Польше, вышедшей из-под контроля. Русское правительство, казалось, было застигнуто врасплох реакцией Турции на политику России и действия русских войск. Фридрих направил Екатерине письмо с наилучшими пожеланиями, добавив некоторые ценные наблюдения по важнейшим практическим вопросам, которые следовало учитывать при подготовке кампании против турок. Особенно это касалось тылового обеспечения и оперативных оценок полевых командиров, возможно, им придется прикрывать слишком большую территорию. В каждом письме он подчеркивал, что никоим образом не замешан в польских событиях, просто выполняет обязательства по договору с Россией, находящейся в состоянии войны, которая, он надеется, скоро закончится. В феврале 1769 года король направил в Санкт-Петербург в качестве специального посланника графа Линара. Линар, автор ряда философских трудов, большую часть жизни провел на датской службе, но снискал известность как постоянный участник международных переговоров, миротворец и человек, способный находить оптимальные решения. Однажды он сыграл активную роль в обсуждении положений Клостерцевенских соглашений, был способным политиком, которого король уважал. Теперь у него появились кое-какие идеи, пока еще смутные, по поводу того, каким образом, сделав Австрии и России некоторые территориальные предложения за счет Польши, можно привести войну к удовлетворительному финалу.

Британцы спрашивали Фридриха, не намерен ли он послать войска в поддержку русским. «Нет», — отвечал он, только субсидии, которые обязан предоставлять по договору. Французы, как ему стало известно, планировали направить в помощь польским «конфедератам» 100 офицеров во главе с маркизом де Конфлансом и, таким образом, посодействовать туркам. Между тем внутрипольские дела, как бы ни откровенничался от них Фридрих, практически неизбежно могли вызвать раздоры или трения далеко за пределами Польши. Россия при поддержке Фридриха начала сразу после смерти Августа проводить там наступательную политику упреждения, но теперь ее действия толкнули значительную часть поляков в объятия ее противников, и турки отреагировали на бесчинства русских на их тер-

ритории, совершившиеся из-за осознания русскими необходимости подавить мятеж в Польше и последующей неуклюжести их действий.

В течение нескольких лет, вплоть до 1772 года, главное внимание Фридриха было приковано к трем крупным, взаимосвязанным проблемам. Во-первых, русско-турецкая война: как она будет развиваться, к чему приведет, как ее можно ограничить по масштабам и последствиям и остановить? Во-вторых, ситуация в Польше, ставшая причиной войны и требовавшая какого-то окончательного урегулирования, чтобы предотвратить рецидив. И в-третьих, отношения между Пруссией и Австрией: здесь подходы Австрии к польскому вопросу и русско-турецкой войне, а также к урегулированию любого конфликта на Балканах. Другие факторы — позиции Франции и Британии, ситуация в Прибалтике, — все они с точки зрения Фридриха играли некую роль, но в каждом случае она была периферийной. В центре всего стояла Австрия, а в ней с 1765 года положение изменилось. Австрийский император Франц Лотарингский умер, после него главой Габсбургского дома стал сын его и Марии Терезии, Иосиф: он теперь номинально считался «королем римлян». Ему, когда он вззошел на престол, исполнилось двадцать четыре года.

Смерть суверенов всегда влияла на международные отношения, правда, в разной степени. Когда через пять месяцев после смерти Франца умер король Дании, Фридрих писал своему послу в Копенгагене, что это «событие, скажу только для Вашего сведения, едва ли большая потеря для *système publique** Европы». Но вакантный императорский трон — совершенно другое дело. Императрице-королеве Марии Терезии было только сорок восемь лет, и она была, как всегда, энергична, но ей, полагал Фридрих, не хватает денег, и ее наследник столкнется с большими трудностями; он подсчитал, что Франц мог оставить 15 миллионов талеров наличными**, но эта сумма делилась между всеми его детьми. Он не ожидал немедленных изменений в политике Австрии, однако предполагал, что Иосиф будет испытывать сильную зависимость от матери и станет скорее всего действовать, во всем опираясь на великого Кауница —

* политической системы (фр.).

** Около 2 500 000 фунтов. — *Примеч. авт.*

«столь блестящего в больших делах и столь мелочного и смешного во всем другом», как заметил Фридрих. Кауниц, вдовец, был всецело поглощен страстью к молодой певичке. Многие зависят от личных качеств Иосифа.

За несколько дней до смерти Франца Фридрих получил от Рода, прусского посла в Вене, словесный портрет молодого эрцгерцога. Иосиф, как оказалось, нуждался в непрерывных развлечениях и в деятельности. Утром он отправлялся на верховую прогулку и большую часть дня проводил на конюшне. Пока была жива его первая жена, он выказывал интерес к чтению и музыке — она, принцесса Пармская, умерла очень молодой в 1763 году. Потом этот интерес пропал. Род к тому же сообщал, что молодой человек, похоже, тяготится новой женой, принцессой Баварской, младшей сестрой корреспондентки Фридриха, вдовствующей герцогини Саксонии. Посол предполагал скорую супружескую измену.

Фридриху был не по душе баварский брак Иосифа. После смерти его первой жены Фридрих предположил, что Иосиф поступит по собственному желанию. Наиболее перспективными претендентками, как ему казалось, были принцессы из Савойского или Португальского домов, но выбрали из Баварского, что, как он считал, все усложнит. Однако Род не сообщал, что у Иосифа на уме.

А интересного на этот счет было немало. Иосиф, молодой и несколько поверхностный в своих вкусах, как и Фридрих, многому научился. Он вчитывался в работы *мыслителей*, особенно Вольтера, пришел к твердой убежденности в необходимости религиозной терпимости, уверовал в силу во имя пользы государства, способную преодолеть личные и групповые интересы. В то время идеалом для Иосифа являлся рациональный, великодушный и просвещенный деспотизм; его, видимо, разделяли многие из его современников, просвещенных суверенов, включая и короля Пруссии. Иосиф был добрым, идеалистически настроенным, упрямым и не очень умным человеком. Он рано стал проявлять нетерпение в том, чтобы начать реформы во имя здравого смысла, это можно было сравнить с нетерпением французских революционеров, которые придут через четверть века. Мария Терезия наблюдала за сыном с некоторым беспокойством; а Фридрих, вполне благожелательно относившийся к Иосифу, велел повесить у себя в кабинете его портрет, сказав

Нугент поинтересовался, не может ли посредник из третьей страны посодействовать восстановлению взаимопонимания. Герцогиня Саксонии? Он имел в виду вдовствующую герцогиню, с которой Фридрих часто переписывался. Нельзя ли запланировать проведение встречи во время маневров прусской армии у границы Силезии, которые намечены на следующий год? Эта идея пришлась Фридриху по душе — она означала, что встреча может состояться в сентябре 1769 года. Рассказывая о разговоре Финкенштейну, он сдержанно написал: «Давайте идти шаг за шагом».

Главные события в то время разворачивались в Санкт-Петербурге, где у Линара было много работы.

У него был план, предложение, которое, как он говорил, можно было бы обсудить с русскими и на следующем этапе — с австрийцами. По этому плану Россия предложит Австрии район Цинс в Австрии, номинально принадлежащий Польше, а также город Леополь. Взамен Австрия поддержит ее в борьбе против Турции на Днестре. Это означает отторжение от Польши некоторых окраинных районов и ослабление напора на Россию со стороны турок за счет Польши. Линар считал, что это будет способствовать устранению подозрительности между империями. Более того, для возмещения расходов по ведению войны с турками Россия может — с одобрения Австрии и Пруссии — аннексировать любые другие части Польши. В этом заключался план Линара.

Его долгое время обсуждали в Санкт-Петербурге и Берлине. Министр иностранных дел России, граф Никита Панин, которого некоторые считали креатурой Фридриха, хотя самому Фридриху так не казалось, высказывал сомнения относительно полезности для России предлагаемых территориальных приобретений. Панин не был против идеи попытаться гармонизировать отношения между Австрией, Россией и Пруссией, но считал, что стратегической целью нынешней войны должно быть изгнание турок не только за Днестр, как предусматривалось, а вообще из Европы. России, говорил он, не нужно больше земли. Она хочет освободиться от потенциальной угрозы со стороны Турции. Фридрих скептически отнесся к предложениям Панина. Помимо всего прочего, а военная обстановка в тот момент была совершенно неопределенна, изгнание турок из Европы привело бы к соперничеству Австрии и России на Бал-

канах; и Фридрих сомневался в приемлемости плана в его теперешнем виде для Австрии. Фридрих согласился с идеей возобновления договора с русскими, но возразил против некоторых сопутствующих деталей; и Панину, похоже, предстояло немало потрудиться над этим вопросом.

Медлительность на всех фронтах, и военном, и дипломатическом, была отличительной чертой русских. Между тем Фридрих предполагал, что на Балканах они в скором времени переправятся через Днестр и займут оттоманские провинции Молдавию и Валахию*. Развернутая там русская армия, угрожающая нижнему течению Дуная, будет неприятна для Венны, и он надеялся, что ход русско-турецкой войны и в конечном счете неизбежные русско-турецкие переговоры не создадут опасности этому району. Тем временем русские выиграли незначительное сражение под Хотином. Фридрих сообщал принцу Генриху, что медлительность действий русских коренится в неумелости министров и расхождении мнений на самом верху. Их спасает только еще большая неповоротливость и перешителность Турции.

В Польше, писал Фридрих Екатерине, поведение «конфедератов» становится возмутительнее изо дня в день: «Они убивают, устраивают резню «диссидентов», их можно уподобить лишь рою ос...» Ему казалось, что русская императрица плохо информирована о происходящем в Польше и слишком легко относится к тамошним делам — «*elle traite trop en bagatelle*»**. «Конфедераты», когда «за ними гнались по пятам», все чаще пересекали его собственную границу. Он также предполагал, что «конфедератов» вдохновляет Франция и в какой-то степени Австрия. Панин, писал он Генриху, ничего не понимает в польских делах, и это плохо для Екатерины; он ничего не понимал и во многом другом. Русские сравнивали его с Ришелье, тогда как на самом деле эти двое диаметрально отличались друг от друга. Панин и императрица полагали, что все можно решить силой. Они были гордецами. А пужна находчивость. Тем не менее письма Фридриха к Екатерине были по-прежнему пылки, и в январе 1769 года он предложил послать в Россию пять-шесть прусских офицеров в качестве волонтеров; он имел

* Нынешняя Румыния.

** Она подходит чересчур легкомысленно (фр.).

в виду советников. Фридрих понимал, что многие хотели бы посеять рознь между ним и Россией. В Голландии широко обсуждалось распространённое прессой сообщение, что Фридрих готовит договор с Францией и Испанией, а также Австрией!

Фридрих подозревал в распространении слухов Шуазеля. Переговоры о торговом соглашении между Францией и Пруссией продвигались медленно, и в апреле Фридрих прекратил обсуждения. Он был настолько скептически настроен относительно французских финансов, что сомневался, сможет ли Франция принимать эффективное участие в европейских делах еще какое-то время, не говоря уж о том, чтобы затевать войну. Прусский посланник в Париже, фон Гольц, пытался заполучить торговый договор и несколько раз встречался с Шуазелем; теперь он сообщал Фридриху о планах помощи французов туркам против России. Они будут стараться привлечь и Пруссию, предложив ей епископство Варми и герцогство Курляндское, — нереалистичные предложения, как Фридрих презрительно отметил: «Это показывает, как мало разума в настоящее время у Франции!» Французы поддерживали в Польше движение «конфедератов», имевшее антирусский характер. Когда Фридрих узнал, что принц Карл Курляндский, дядя герцога, едет через Глогау, чтобы присоединиться к «конфедератам», он приказал арестовать его вместе со спутниками и предложил герцогу прислать кого-нибудь для сопровождения их домой. Принц Карл, женатый на одной из родственниц Красинского, был ярым сторонником «конфедератов».

Фридрих повсюду усматривал руку Франции. Шуазель, писал он, не имеет устойчивых позиций, ежедневно меняет точку зрения и действует бессистемно. И он хладнокровно реагировал на поведение французов, выходящее за рамки его протокольных стандартов. Французский посланник в Берлине, граф де Гин, обратился непосредственно к королю с просьбой о разрешении представить ему двух приехавших французских офицеров, и Фридрих переадресовал ее Финкенштейну: «Я не намерен принимать письма от иностранных министров, которые по случаю оказались здесь, или вступать с ними в непосредственную переписку». Шуазель стал для Фридриха чем-то

вроде Бьюта, *bête noire**. Король говорил, что он сует нос не в свои дела, глупый, самонадеянный путаник. В его характере много *malignité***. Фридрих поведал Генриху немало рассказов о зверствах французов на Корсике. Французские войска, писал он, позволяли себе без разбора избивать корсиканцев, убивали всех, включая грудных младенцев. Его отношение к Франции было прохладным, и ему не нравились заявления французов о намерении принять сторону Турции в русско-турецкой войне. Они также активно поддерживали «конфедератов», и среди плененных русские обнаружили девять французских офицеров.

В это время Фридрих с не меньшей прохладой относился и к Британии. В апреле 1769 года король говорил, что мысль о контактах с Британией ему глубоко отвратительна, поскольку она во время войны заставила его потерять к ней всякое доверие. Он не желал допускать Британию к договорам, какие мог заключить с Россией, — это могло слишком усилить последнюю. Его, однако, очень интересовали нарастающие трудности Британии в отношениях с американскими колониями. Он спрашивал Митчела, действительно ли британское правительство надеется уладить свои дела там. «Да, — отвечал Митчел, — наши шансы там хороши». К этому Фридрих относился скептически. Во время недавней войны между колониями Британской Америки и Францией пышным цветом расцвела контрабандная торговля, и как следствие там были усилены контроль и гарнизоны; на колонии распространили британский гербовый сбор. Фридрих не сомневался, что вызвавшее этим открытое возмущение в скором времени выплеснется на поверхность, и говорил об этом. Он считал британское правительство лорда Норта слабым и ни на что не способным и несколько не удивился, услышав, возможно, с определенным злорадством, о проблемах Британии, возникших в связи с беспорядками в Бостоне, вспыхнувшими на следующий год. «Им потребуется великое искусство, чтобы избежать последствий», — сказал король и выразил сомнение, что англичане им располагают.

Фридрих сосредоточился на грядущем визите императора Иосифа; было уже обговорено, что встреча состоится в Нейссе,

* предметом ненависти, жупелом (фр.).

** злобы (фр.).

в Силезии, начиная с 25 августа 1769 года, во время маневров прусской армии.

Фридрих к этому времени пользовался среди европейских суверенов большим личным авторитетом. Тем не менее он беспокоился о деталях подготовки к визиту главы дома Габсбургов. Это был не государственный визит. Иосиф прибывал по приглашению другого монарха посмотреть на войска, участвующие в полевых учениях, и получал возможность воспользоваться его гостеприимством. Но такого рода события при всех попытках создания неформальной атмосферы и освобождения от протокольных норм могли быть более показательны, чем самые строгие церемонии, и Фридрих забрасывал Рода вопросами. Является ли подходящей резиденцией дворец епископа в Нейссе? Слуги двора Фридриха будут предоставлены в распоряжение императора — будет ли это сочтено правильным? Он предлагал устроить орудийный салют из крепостных пушек. Захочет ли император обедать тет-а-тет с хозяином или с членами семьи? Собирается ли Иосиф брать с собой верховых лошадей или предпочтет воспользоваться лошадьми Фридриха? Все должно быть сделано так, чтобы визит стал успешным и приятным.

Все прошло великолепно. Фридрих встретил гостя на ступенях дворца епископа с гостеприимной учтивостью. Иосиф очень хотел увидеть прусских солдат, и его любопытство было в должной мере удовлетворено. В семь утра он выехал с королем инспектировать войска на учениях; и особое удовольствие получил от бесед с Фридрихом, от его скромности и обаяния. Иосиф слушал, как Фридрих, вспоминая свои кампании, отдавал должное генералам. Король представил ему знаменитых героев войны: Зейдлица и других, чьи имена теперь были на устах у всей Европы. Он слушал, как король анализировал сражения, оценивал полководцев Иосифа — критиковал Брауна, превозносил Дауна, Лаудона, Ласи, а больше всех — Трауна. Иосиф отметил гуманность Фридриха, хотя было очевидно, что многие слова Фридриха рассчитаны на то, чтобы произвести эффект: он хочет заставить Иосифа быть осторожнее в отношениях с Россией. Несмотря на собственную прочную пророссийскую линию, король часто возвращался к русской опасности. Опыт времен австро-русского *согласия* оставил неприятные воспоминания.

Фридрих был доволен гостем и тем, как сам Иосиф оценил визит. Король гордился выправкой войск. «Ваш полк находился в великолепном порядке, *mon cher ami*», — писал он де ла Мотт Фуке. «Он в высшей степени изыскан, — говорил Фридрих об Иосифе, — своими манерами он покориł сердца». Однако он сказал Финкенштейну, что у этого молодого человека большие амбиции и он несколько тяготеет положением, в которое его поставила грозная мать; Иосиф наверняка пустится в какое-нибудь крупное предприятие, когда освободится от опеки. Венеция? Бавария? Силезия? Лотарингия? «Европу охватит огонь, когда он возьмет бразды правления в свои руки». Это не предвещало ничего хорошего, но Фридрих понял: в настоящее время император пользуется лишь ограниченной властью; и он пообещал свое доброжелательное отношение и нейтралитет в случае конфликта между британской и французской монархиями. В ходе визита было решено, что ответный визит было бы желательно провести в следующем году.

Реальных дел было сделано немного; встреча имела символический характер. Пруссия и Австрия были непримиримыми врагами в течение десятилетий, и молодой Габсбург, развлекающийся в обществе короля Пруссии, завершал целую эпоху. Дел предстояло выполнить много. Фридрих полагал, что никакого более или менее решительного поворота в ходе русско-турецкой войны в 1769 году не произойдет, а в октябре подумал, что русские почивают на лаврах своих незначительных побед и перемещают войска в Яссы для поддержания порядка в Молдавии. Успех русских не впервые был для Фридриха подобен воде, которая едва сочится из трещины, но может превратиться в грозный поток. Он призывал Екатерину активно действовать в Польше и быть непреклонной в отношении «конфедератов». Король решительно поддерживал Россию в последовавшем противостоянии с турками. Но, как многих, его ужаснуло, с какой жестокостью проводилась русская политика. «Лучше бы эти проклятые русские не вылезали из своей берлоги, а императрица ограничилась тем, чтобы приказывать русским и не пыталась навязывать законы полякам, над которыми у нее нет законной власти», — писал он принцу Генриху в сентябре 1769 года. Король узнал, что в планы русских входит организация мятежа против турок в Черногории, а также восстания в Грузии. Ему докладывали, что они собираются послать флот для нападения на Константинополь. Фридрих запрашивал Рода,

насколько спокойно смотрят на все это австрийцы. Он был союзником России, выделяя субсидии и проявляя сочувствие, но не участвовал в войне. Больше всего Фридрих пужался в мире.

Разговоры о посредничестве в русско-турецкой войне продолжались со дня ее начала. Австрию в качестве соседней и заинтересованной державы, но не вовлеченной в военные действия, некоторые считали естественным посредником, и Фридрих не возражал против этого. Он полагал, что русское влияние в Польше вполне способно стать чрезмерным и Австрия в качестве посредника могла бы этого не допустить. В этой роли рассматривали и Пруссию, и Фридрих сначала отнесся к такой точке зрения положительно, но позднее охладел к ней. Он был убежден, что войну следует остановить, но видел и трудности: это надо сделать, соблюдая интересы и воюющих сторон, и всех остальных, особенно Австрии, озабоченной балансом сил в Восточной и Юго-Восточной Европе. «Лучше, чем это, не придумать, — писал он Роду в октябре 1769 года. — Россия назначает меня посредником для того, чтобы прекратить их войну с турками, а те — Австрию». Фридрих верил в возможность такого посредничества, понимая его сложность.

Вопрос о Молдавии и Валахии был центральным в русско-турецкой войне, и их судьба становилась ключевым вопросом на любых мирных переговорах. Русские отбили их у турок в ходе кампании 1769 года и, вероятно, постараются оставить за собой. Чтобы ситуация переменилась, потребуется либо успешная контркампания — это выглядело маловероятным, — либо дипломатическое и, возможно, военное давление извне; прежде всего со стороны Австрии, как самой заинтересованной в деле. Это были дунайские княжества, но, как Фридрих понимал, турки собирались вернуть их; и чтобы не допустить их превращения в еще одно яблоко раздора, еще одну Силезию или Лотарингию, потребуется немалое искусство. Прусский король в начале 1770 года заявил русским: если они планируют оставить княжества за собой после войны, то перед ними появится перспектива другой войны — с Австрией.

Фридрих не церемонился с собственными чиновниками и послами, когда считал их поведение неадекватным, неумным или предвзятым. «Я доверил вам коды для важных сообщений, а не для бормотания, — написал он в Париж фон Гольцу. — Вы

молчите по вопросам, достойным внимания... у вас ничтожный выбор источников информации — я недоволен вашими докладами...»

Он задумал отозвать фон Гольца, но когда Золмс в Санкт-Петербурге позволил себе дерзость комментировать это намерение, Фридрих был особенно резок: «Я направил вас в Санкт-Петербург не для того, чтобы вы давали мне советы по вопросам, комментировать которые вас не просят. Я послал вас туда, чтобы вы выполняли мои приказы, и я не обязан доказывать к вашему удовольствию мое неудовольствие!» Столь же резко реагировал он на попытки других государств вмешиваться в его назначения. Когда Финкенштейн сообщил ему, что русские очень хотели бы, чтобы пост прусского посла в Дании не оставался вакантным, Фридрих незамедлительно отреагировал: «Вы не должны так пресмыкаться перед русскими. Вы хотите быть рабом? Перед русскими нужно держаться твердо, они сбавляют тон, когда видят, что у них ничего не получается... стыдитесь этой достойной сожаления слабости! Краснейте!» Если он будет показывать такую бесхребетность, говорил Фридрих, то его заменят, как самого трусливого и бесполезного из министров. Ни одно государство, писал король, не должно считать, что может вмешиваться в его назначения.

Фридриха раздражала частая необходимость соглашаться с мнением русских: его усердное «ухаживание» за Екатериной может быть сочтено слабостью и раболепством. Он щедро делал различные жесты в ее сторону — остроумно подарил императрице кое-что из берлинского фарфора («the Prussian Service»*), которым очень гордился. Он сохранял форму посуды близкой к стилю любимого им Ватто. Фридрих был верен отношениям с Россией. Тревога толкала его к восстановлению отношений с Австрией, но он понимал, что не следует слишком быстро идти в этом направлении. «Шаг за шагом», — говорил король Финкенштейну; и когда принц Генрих описывал выгоды прусского союза с Австрией, который станет барьером для Франции, Испании и Англии и будет достаточно мощным для того, чтобы его не смогла преодолеть Россия, Фридрих сказал ему, что черед этому, может быть, придет, но, вероятно, уже после него. Мария Терезия должна для этого отказаться от

* «Прусский сервиз», вероятная игра слов, может быть переведено как «прусская служба» или «прусская услуга».

привычки, выработанной за тридцать лет, привычки ненавидеть его! Молодой император казался доброжелательным, но все могло измениться.

Осенью 1769 года Фридрих действовал осторожно. Он связывался с Веной, правда, не на самом высоком уровне и без всяких обязательств по поводу возможности австрийского посредничества между русскими и турками — идея, которую он в течение некоторого времени принимал в расчет, а затем отказался от нее. Фридрих сделает со своей стороны «все, что в его власти, чтобы помочь», — говорил он Финкенштейну и Герцбергу, однако он все более ощущал «приближение старости. Людовик XIV в конце правления не делал ничего, только болтал чепуху. Великий Конде думал, что он кролик. Мальборо совершенно потерял память. Когда Евгений был главнокомандующим на Рейне, в его костре еще вспыхивали отдельные угольки, но Евгения Савойского, которого видели Кассано, Турин, Цейте, Белград, больше не было».

Годы, а он приближался к шестидесяти, делали его особенно приверженным миру, Фридрих хотел обезопасить Пруссии в более стабильной Европе. Он часто бывал одинок, хотя и не сожалел об этом и наслаждался перепиской с любимыми родственниками, особенно с принцессой Оранской: «Я здесь одинок... у нас нет ни одной дамы, которая играла бы на скрипке, нет английских герцогинь!» Он добавлял, что «у нас есть герцог Девонширский*, глупейший из людей, едва ли сделанный по подобию Божию!» Говорил, что очень ждет писем от нее, в которых хочет прочесть такие слова: «У меня все хорошо, я счастлива и по-прежнему люблю моего старого дядюшку».

1770 год начался с блестящей и очень дорогой свадьбы дофина Франции, будущего короля Людовика XVI, с австрийской эрцгерцогиней Марией Антуанеттой. Подобные праздники, осторожно писал Фридрих, помогут привести Францию к финансовому краху. А французы, к раздражению Фридриха, теперь отсылали деньги в Константинополь, помогая туркам в войне.

Ситуация в Польше была, как всегда, тревожной. «Конфедераты» вели себя по отношению к «диссидентам» с неопишущей жестокостью — и даже по отношению к католикам, которые

* 4-й герцог, будущий супруг Джорджины Спенсер. — *Примеч. авт.*

были заподозрены в добрых чувствах к России. Они предполагали принудить Станислава, короля, отречься от престола, если тот не поддержит их борьбу. Для этого, предупреждал его Фридрих в январе 1770 года, достаточно утвердить решение последнего польского сейма, что поставит его в открытую оппозицию к России. Видимо, польский вопрос можно было бы урегулировать только после установления мира между Санкт-Петербургом и Константинополем. Фридрих направил русским свои соображения о посредничестве, но они не дали определенного ответа, хотя он был уверен, что Екатерина не откажется от мира, если будут предложены приемлемые условия. Турки, писал он принцу Генриху в мае 1770 года, «вот-вот начнут переговоры о мире». Много означала бы добрая воля австрийцев.

6 мая Фридрих принял австрийского посла, графа Нугента, который отъезжал. Король лестно отзывался о молодом императоре Иосифе и с восхищением упоминал о гениальности Кауница, «величайшего государственного деятеля, какого уже давно не было в Европе». Он говорил о русско-турецкой войне.

«А теперь по секрету — скажите их величествам, что турки стремятся к миру и примут посредничество Австрии». Пруссия, сказал он, союзница России. Как и Британия. Франция слишком вовлечена в поддержку турок, чтобы стать достойным доверия посредником. Фридрих, если будет желательно, может помочь установить контакт с Екатериной. Австрийцы не хотят иметь русских соседями, а между тем действия русских войск на Балканах делают это вполне вероятным. Нугент ответил, что Австрия тщательно сохраняет нейтралитет. Он, однако, также спросил, «будет удобной для Пруссии территория, которая получится, если провести линию через Грауденц, Торн, Познань к Глогау?». В большинстве разговоров, касавшихся окончания русско-турецкой войны и связанного с ним вопроса о будущем Польши, теперь как бы вскользь звучали предположения, намеки, которым однажды предстояло принять конкретные очертания. *Partage*. Раздел. Но это требовало времени, и Фридрих, очевидно, не хотел в этом вопросе играть первую скрипку. На данном этапе его определенные предложения, доведенные до Санкт-Петербурга в сентябре 1770 года, заключались в таком урегулировании польских противоречий, когда «диссидентам» не позволят становиться сенаторами, а в обмен на это мятежники-«конфедераты» уступят королевской власти — Станиславу — или будут принуждены, главным обра-

зом силой русского оружия, подчиниться. Гарантами выступают Австрия, Пруссия и Россия. Территориальные изменения пока не упоминались, но концепция сговора трех держав в урегулировании польского вопроса уже получила право на существование, хотя до этого было еще далеко.

До встречи короля с послом произошли два важных события. Фридрих намеревался посетить Иосифа с ответным визитом в Ноештадте. А принц Генрих после поездки к сестре, Ульрике Шведской, принял приглашение Екатерины нанести визит в Санкт-Петербург: «чисто дружеский визит». «Не думаю, что ты можешь отказаться!» — написал ему Фридрих, хотя полагал, что это может стать не очень приятной поездкой, но ошибся.

До отъезда Фридрих написал брату письмо с краткими инструкциями и предложил специальный шифр для переписки. Генрих должен был сделать все возможное, чтобы убедить Ульрику использовать свое влияние в пользу мира между Швецией и Россией, чего Фридрих непрерывно добивался от нее, а также попытаться подвинуть Екатерину к миру с Турцией и к скромности в возможных территориальных требованиях, скорее всего в Молдавии и Валахии. При этом необходимо выражать глубочайшее восхищение Екатерине и России. Фридрих передал ему полное лестных слов письмо: «...Средиземное море покрыто сплошь русскими кораблями и знаменами, которые, будучи водружены среди руин Афин и Спарты, станут вечными свидетелями величия Вашей славы...» Константинополь будет вскоре трепетать при виде русского флота. В этом было больше пыла, чем искренности. Фридрих и раньше использовал образ трепещущего перед русским флотом Константинополя, когда ему нужно было продемонстрировать твердость в дружбе к императрице.

У Екатерины может не хватать денег, писал он Генриху, и принц должен как бы невзначай выяснить у иностранных послов все о состоянии русских финансов. Пруссия могла бы оказать ей помощь, если она будет более сговорчивой. Отдельное письмо он написал Панину, сетуя на неоплаченные долги русского посла в Берлине, князя Долгорукова. Его позабавили слухи, ходившие в Польше, что принц Генрих едет ко двору императрицы в надежде получить от нее в дар власть над Молдавией и Валахией после того, как русские побьют турок, а также что некоторые польские офицеры хотели видеть Генриха

своим королем. Но еще до того, как принц приехал в Россию, Фридрих сам напес визит императору Иосифу.

Визит Фридриха в Ноештадт осенью 1770 года стал памятен в значительной степени чередой бесед с давним противником короля Пруссии, князем Кауницем.

Фридрих посвятил деталям этого визита столько же времени, сколько и визиту Иосифа в Нейссе. Его сопровождал брат, принц Фердинанд, которому он дал строгие инструкции, касавшиеся в том числе и одежды. Чтобы сделать приятное хозяину, Фридрих намеревался облачиться в австрийский мундир — он имел почетное звание в австрийской армии — и потребовал от Фердинанда сделать то же самое: белый китель с серебряными галунами и вышивкой без звезд и любых других знаков отличия. Ноештадт располагается близ Оломоуца в Моравии, и Фридрих проскакал верхом весь путь от Бреслау. Всем хотелось увидеть легендарного короля Пруссии, маленького старика в австрийском мундире, проделавшего 100 миль верхом по полям былых сражений, чтобы повидать молодого императора.

Князь де Линь, выдающийся солдат и хорошо образованный и начитанный человек, находился в свите Иосифа, и у него немедленно установились прекрасные отношения с Фридрихом. Он был именно из тех людей, которых Фридрих особенно отличал, — солдатом, хорошо разбирающимся в европейской истории и литературе, остроумным, забавным. Линь заставлял Фридриха смеяться, прекрасно рассказывая исторические анекдоты. Он мог — и часто это делал — цитировать из Вольтера, и король отвечал тем же — самый благодарный способ сблизить умы. Линь отмечал, что Фридрих, восклицая «*Mon Dieu*»*, с удовольствием хлопал в ладоши и всегда был смущенным, озадаченным и остроумным, разговор с ним облагораживал любую тему. Он был очаровательным собеседником, добрым и очень мягким человеком.

Со своей стороны, Фридрих остался очень доволен знакомством с Линем.

«Это было ваше имя, ваше письмо к Руссо, напечатанное в газетах?» Руссо написал Фридриху довольно дерзкое письмо, в котором бранил короля за то, что тот не стремится к миру.

* Бог мой (фр.).

«Сир, я не настолько известен, чтобы мое имя упоминалось!»

Фридрих скептически отнесся к такой скромности. Он всегда был добр по отношению к Руссо, восхищался гением, сильным умом мыслителя и в то же время не испытывал симпатии к его философии. «Бедного несчастливца следует оставить в покое, — писал он милорду Маришалоу в 1762 году. — Его единственное прегрешение в том, что у него имеется особое мнение!» Они говорили о том, кем каждый больше всего хочет быть в этой жизни. Все зависит от возраста, сказал Линь. До тридцати лет, вероятно, красивой женщиной. И конечно, до шестидесяти лет — удачливым и умелым военачальником. После этого, до восьмидесяти лет, кардиналом! Фридрих оценил это. Они обсудили австрийских генералов. Король, как и в разговоре с Иосифом в Нейссе, восхвалял Лаудона, Ласи. Даун, сказал он, казалось, побаивался его, словно у Фридриха, как у Юпитера, всегда в руке могла оказаться молния. И именно «ваш старый маршал Траун» научил Фридриха, как он выразился, «всему тому немногому, что я знаю. Какой человек!»

Фридрих интересовался, не стали ли французы лучше как солдаты, и Линь поведал ему, что дисциплина у французов хуже, чем когда-либо, они не те, что были во времена Тюренна. Фридрих кивнул — это соответствовало его собственному впечатлению, которое французы оставляли в то время в военном отношении, — плохая административная система, посредственные командные кадры. «И тем не менее они все еще побеждают под Вандомом».

«Да, но они подобны людям, желающим петь, не зная музыки».

«А мне нравятся непоставленные, естественные голоса, — заметил Фридрих, — в них врожденный талант, смелость, легкость манеры... невозможно не любить их».

«Им необходимо, чтобы их поддерживали немцы или швейцарцы, сир», — сказал Линь.

Линь никогда не упускал возможности затронуть политическую тему. Он нашел во Фридрихе, вспоминал князь много позже, человека, обладавшего волшебным даром вести беседы, такими сильными, живыми и блестящими чертами характера, каких прежде не встречал; и лишь набравшись смелости сказал: «Если бы вы и император объединились, сир, всей Европе

пришлось бы быть более осмотрительной!» Однако эту тему Фридрих оставил до встречи с Кауницем.

Обсуждать кампании с прежними противниками всегда интересно, и австрийские полководцы получали от этого не меньшее удовольствие, чем Фридрих. Они обратили внимание на его заявление об осторожности: «Я не столь уж храбр, как вы думаете!» Им доставляло радость наблюдать за тем, с какой легкостью король переходит на другие темы — искусство, литературу, религию, философию — даже садоводство: «Я пользуюсь «Георгиками» Вергилия в качестве руководства по садоводству!» Лишь заметил, Вергилий был великим поэтом, но плохим садовником, и Фридрих признался, что садовник в Сан-Суси сказал ему: «Ты глупец, и книга твоя глупая!» Конечно же все дело было в климате, и он его всегда подводил: «И кто бы мог поверить, что Бог или солнце *мне* в чем-то откажут?» Австрийцы вспоминали, как Фридрих рассказал какую-то нелепицу, чтобы перевести все в шутку, и заставил их посмеяться; отмечали к тому же его очаровательный голос — низкий, мягкий, ясный, — а также широту поднимавшихся им в разговоре тем.

Первая встреча Фридриха с Кауницем состоялась 4 сентября 1770 года. Как и ожидалось, знаменитый австриец был человеком в высшей степени разумным, умевшим все трезво оценивать. При этом, как говорилось в депеше Роду, очень самоуверенным — «этаким политический оракул, тогда как все остальные школяры, которых ему нужно поучать». Фридрих понял, что для Кауница он является простым солдатом, которого требуется инструктировать. Здесь, видимо, соединились манеры Кауница и способность Фридриха быстро схватывать суть, поскольку едва ли король показал себя прямолинейным воякой.

Их беседа длилась очень долго. Фридриху нужно было заразить собеседника своей верой в то, что мир является неотложной необходимостью и должен быть установлен, если возможно, уже будущей зимой. Субсидирование России все более истощало его кошелек, и если война продлится, русские скоро окажутся на Дунае, где австрийцы наверняка не желают их видеть, и снова возникнет опасность крупномасштабной войны, которая станет кошмаром для Европы. Нынешняя война, говорил Фридрих, достойна осуждения, в нее при проведении операций на территории Польши вполне может оказаться втя-

путой и Пруссия. Если бы военные действия ограничивались лишь Молдавией и Валахией, то, вероятно, и удалось бы остаться в стороне. Княжества потребовали бы независимости от Турции, и, найдя приемлемую формулировку, это удалось бы устроить без передачи их в руки России. Польский вопрос, возможно, урегулируется сам по себе.

Фридрих заявил, что, видимо, знает Екатерину лучше, чем Кауниц, — трудная женщина. Он высказался в том плане — предложение, которое Кауниц отказался рассматривать всерьез, — что Австрия могла бы попытаться помешать России угрозой разорвать отношения, если русские под командованием генерала Румянцева переправятся через Дунай, и потребовать в этом случае от Франции обязательства о посылке на помощь 100 000 солдат.

Конечно же, Кауниц был прав, что не принял предложение Фридриха близко к сердцу, рассматривая его как *ballon d'essai*, чтобы выяснить реакцию, австриец счел это глупым ходом. Он сравнил отношения Пруссии с Россией с отношениями между Австрией и Францией, главным образом оборонительные. Они помогают предотвратить распространение любой войны. Есть и другие выгоды — это устраивает Британию, поскольку содействует ее отстраненности от европейских дел. В нынешней русско-турецкой войне, согласился Кауниц, посредничество могло бы стать полезным, вероятно, и Австрия, и Пруссия сыграют определенную роль. Когда об этом попросит Константинополь. Такая линия была приятна Фридриху, который всегда беспокоился о возможности австро-турецкого альянса. Кауниц согласился с Фридрихом в том, что если приглашать в качестве посредника Британию, то придется обратиться и к Франции; а русские возразят против французов, так же как и турки выступят против участия англичан из-за их помощи России и русскому флоту.

Они много говорили о Польше. Фридрих был уверен, что ключом к урегулированию ситуации в этой стране является мир между Россией и Турцией. Кауниц же считал, что решить польский вопрос можно до заключения мира. А не могла бы Екатерина сама предложить нечто, выдвинуть инициативу и сообщить о ней в Вену и Берлин, скажем, об австрийских и прусских гарантиях при согласии заставить поляков силой их принять? Фридрих внимательно слушал. Кауниц настаивал — и с этим не было причин не согласиться, — что любое урегули-

рование в Польше должно удовлетворять интересам соседних государств. Его тон, как и ожидалось, все время был ровным и ясным.

Все это сильно отличалось от предложений, выдвинутых в июле прошлого года польским князем Сулковским*, посетившим Берлин с готовым вариантом решения; он заключался в том, чтобы лишить «диссидентов» всех привилегий, как было решено на сейме, и исключить всякое участие короны в вопросах управления финансами и руководства армией. Эти меры, неприемлемые для императрицы, которую Фридрих в полном объеме проинформировал о беседе, возвратили бы власть в руки враждующих магнатов из сейма. Сулковский, писал Фридрих, «самый настоящий пустомеля», «как и все поляки, каких мне доводилось встречать». Его идеи были очень далеки от холодного реализма Кауница.

Фридрих в сентябре 1770 года сообщил о беседе с Кауницем в письме в Санкт-Петербург и изложил мысли по польскому вопросу. Там в то время вспыхнула заразная болезнь, которая поражала скот, и соседние государства, в том числе Австрия и Пруссия, установили на границах военные кордоны, чтобы не допустить распространения болезни. Фридрих в кратком письме принцу Генриху рассказал о впечатлениях относительно австрийских войск: «Пехота выглядит значительно лучше. Артиллерия хороша. Кавалерия достойна сожаления». О Каунице: «Он знает, что умеет, и ожидает почтения, обращается с императором, как с сыном». Позднее до Фридриха дошел слух, что герцог Глочестерский, брат Георга III, находившийся в Ноештадте в то же самое время, счел поведение Фридриха в отношении его холодным. «Когда он бывал в Берлине, — заметил Фридрих, — ни разу не навестил меня! С какой стати я должен заговаривать с ним первым?»

* Сулковский изложил Фридриху свою точку зрения на срочной испрошенной аудиенции. Он также попросил кредит, но в ответ ему было сказано, что кредиты дают банкиры, а не короли. — *Примеч. авт.*

Глава 20

ДЕЛЕЖ ПИРОГА

Принц Генрих отправился в поездки в сентябре 1770 года, сначала в Швецию, затем в Россию. Его визит в Санкт-Петербург имел грандиозный успех. Он прибыл туда в октябре и оставался более трех месяцев. Генрих, как, впрочем, и все, был восхищен красотой нового благородного города Петра Великого и произвел самое благоприятное впечатление на Екатерину. «Герой, — сказала она, — он даровал мне свою дружбу» — и очаровал ее. Генрих, которого часто подозревали в гомосексуализме, обычно умел произвести впечатление и на женщин, и на мужчин, все зависело от того, на кого он обратил свое внимание. Позднее, в 1776 году, принц вновь нанесет визит по ее приглашению. Он обсуждал политические вопросы с императрицей и Паниным, пайдя русские требования к туркам весьма умеренными.

Когда настанет время для реальных переговоров, то, как полагал Генрих, посредничество может оказаться полезным, если, конечно, удастся найти приемлемых посредников. Последнее составляло проблему. Фридрих считал самой большой трудностью уговорить Россию согласиться на кандидатуру Австрии. Король иногда заявлял, что больше не настаивает на прусском посредничестве, хотя прежде активно продвигал и твердо верил в его приемлемость для турок, несмотря на то что Пруссия является верным союзником России. Он был совершенно искренен, говоря, что сделал бы все, чтобы содействовать миру, но отдельные связи могли иметь обратный эффект, в том числе

и его собственные связи. С другой стороны, Австрию — а он теперь усердно проводил идею об австрийском посредничестве — считали привязанной к Франции и Испании, к тому же она, к беспокойству Фридриха, возобновила договор с турками. Британия временами казалась заинтересованной играть роль посредника, но это потребовало бы участия в качестве противовеса Франции и автоматически привело бы к оппозиции России. Было непросто найти посредников, чьи интересы не вызвали бы немедленного недоверия или не сводили бы на нет готовящиеся переговоры. Принц Генрих иногда исполнял роль связного между Екатериной и Фридрихом.

В качестве советников Фридрих и Генрих играли полезную и прагматическую роль. В конце 1770 года русские, одержавшие над турками в июле решающую победу, выдвинули предложение о придании Молдавии и Валахии статуса спорных земель, что, как они полагали, могло стать шагом на пути к урегулированию конфликта; одновременно княжества избавились бы от власти османов. Фридрих — через Генриха — дал понять Екатерине, что это предложение, будучи выдвинуто *tout court**, может быть расценено Австрией как плохо прикрытый российский захват земель и наверняка приведет к войне между Россией и Австрией. Если он выйдет с такого рода предложениями, то потеряет доверие, и его станут рассматривать лишь как агента России; к тому же король дал ясно понять, что в таком случае, несмотря на дружбу с Россией, он не сможет считать это оправданным поводом для войны Пруссии против Австрии. В этот момент, говорил Фридрих, русские охвачены успехом. Необходимо восстановить умеренность. В личном письме к Екатерине он сообщал, что не может выдвигать перед Веной предложения, далеко выходящие за рамки ограниченных территориальных переделов на Черноморском побережье. Они еще пастойчивее будут толкать турок в объятия австрийцев, с которыми у них есть договор. Затем Турция уступит Австрии Сербию в обмен на совместные действия против России, и война не только не прекратится, но и угрожающе разрастется, а все надежды на австрийское посредничество растают. В первые месяцы 1771 года перспектива русско-австрийской войны сильно беспокоила Фридриха. Все началось в Польше, а теперь грозило повториться и на Балканах.

* так запросто (*фр.*).

* * *

Первая встреча Генриха с Екатериной в октябре 1770 года была посвящена по большей части ходу реальных военных действий. Принц обладал заслуженной репутацией опытного солдата, пенамного уступая грозному брату, и Екатерина хотела услышать его мнение. Она вскользь высказалась за установление мира, прекрасно понимая, что именно это желает услышать Фридрих; но если мир не приходит, что ей делать? Пересечь Дунай? Продолжать двигать армии на юг?

Генрих поставил ряд вопросов для обсуждения. Могли бы Молдавия и Валахия реально *поддержать* армию, перешедшую Дунай? И не будет ли рельеф местности к югу от великой реки труден для действий войск? Не станет ли продвижение России на юг причиной особого беспокойства для Австрии? А возможно, и Франции? Екатерина рассмеялась. Она отлично поняла, что Пруссия хочет подвигнуть ее к минимальным действиям и захватам.

«Что ж, лучше пусть будет мир!»

Потом они первый раз поговорили о Польше; и Генрих пообещал передать Фридриху точку зрения императрицы и попросить его как можно подробнее обсудить ее с Веной.

К моменту отъезда Генриха из Санкт-Петербурга Екатерина пришла к мнению, что надежды на мир в русско-турецкой войне принесут прямые переговоры между главными действующими лицами. А Фридрих пришел к заключению, что самое большее, на что он способен, — продолжать пытаться уменьшить требования России, используя для этого свое влияние. Он не мог, это теперь было понятно, играть роль посредника между Россией и Австрией и официального посредника между Россией и Турцией. Австрийцы узнали об идеях России в отношении Молдавии и Валахии и отвергли их. Но король Фридрих сказал австрийскому послу, фон Звейтену, что «они умерят свою позицию, поверьте в это. Они заявили принцу Генриху, что это не последнее их слово»; а Фридрих, верный союзник России, дал ей понять, что не поддержит действий, не имеющих оправдания. Фон Звейтен поинтересовался: разве русская экспансия не тревожит его в той же мере, что и Вену? Король признал это. Он работал над другим вариантом решения, который в результате оказался приемлемым. Молдавия и Валахия становятся независимыми княжествами, но, чтобы независимость не привела к господству России, они остаются под поми-

нальной властью оттоманов, которая не потребовала бы их высшего присутствия. Это значительная уступка; в выигрыше — Россия. Екатерина в конце концов согласилась с этим вариантом, но эта проблема едва не станет причиной войны уже в следующем, 1771 году и потребует от Фридриха всего его искусства миротворца.

Георх великоленно поработал в Санкт-Петербурге. Ему удалось в определенной степени проникнуть во внутреннюю жизнь русского двора: Екатерины, Папина, Орлова, влиятельного фаворита императрицы, который считал, что может сделать русскую монархию, и без того абсолютную, еще более сильной. Репутация Георха, его обаяние и характер произвели впечатление на Екатерину, и, хотя для достижения мира еще потребуется время, его визит положил начало процессу мирных переговоров, трудных и порой бесполезных. «Если бы удалось организовать союз, — говорил ему Папин, — между Пруссией, Россией и Австрией, то это было бы самое лучшее». Георх отвечал осторожно, но было ясно, в каком направлении начинает дуть ветер. Опасного противостояния Санкт-Петербурга и Вены, стоявших на диаметрально противоположных позициях, удалось избежать. Русские требования были умеренны. Появилась слабая надежда на балканское урегулирование.

А беседы о Польше — отдельный вопрос, однако к нему постоянно возвращались, — велись в дружеской манере, хотя и не давали непосредственных перспектив решения проблемы. Папин считал, что конфликтующие польские партии, «диссидентов» и «конфедератов», можно было бы свести вместе, чтобы они напрямую выработали соглашение между собой. Россия выступит гарантом такого соглашения совместно с Австрией и Пруссией. По мнению Папина, соседи Польши имеют общий интерес — и Екатерина с этим согласилась, чтобы польский вопрос стал темой австро-пруссских встреч. Она умерит пыл «диссидентов». А Австрия тем временем вступит во владение Циссом в Польше, исторически являвшимся частью Венгрии и помеченным на плане Липара у словацко-польской границы. Он был богатой полуавтономной областью, населенной по большей части саксонцами и лютеранами-переселенцами. Австрийцы также предъявляли права на Запдек возле Кракова; а русские заявляли, что если Австрия создаст такого рода прецедент, то для России и Пруссии будет грешно его не использовать. Фридрих думал о том же: «Если австрийцы захотят подтвердить права

на приобретения в Польше, то русские должны иметь свой кусок пирога». Главное, не допустить войны между двумя странами, но он не забыл и уговора с Кауницем, польское урегулирование должно отвечать интересам соседних государств. И по-прежнему важно было положить конец войне между Россией и Турцией.

По возвращении в Берлин Генрих получил от Фридриха письмо с выражением особой благодарности и восхищения в связи с успехом его визита. И — явный или скрытый — раздел Польши теперь открыто рассматривался в качестве средства для обеспечения полюбовного урегулирования отношений между ее соседями. Панин на этот счет не оставил у Генриха никаких сомнений. Что касается Пруссии, то ей не составит труда присоединить Польскую Пруссию. Если речь пойдет о других польских территориях, то могут возникнуть проблемы с остальными германскими государствами. Но, по словам Генриха, лед тронулся. Когда на небольшом балу 8 января 1771 года Екатерина подняла вопрос о *санитарном кордоне*, который, как известно, пруссаки воздвигли в некоторых провинциях Польши, чтобы не допустить распространения болезни скота, она просто спросила: «А почему не заять их?»

Семена соглашения по Польше были брошены в землю. Весь остаток 1771 года после возвращения Генриха, добравшегося до Потсдама 18 февраля, был посвящен уходу за этим капризным растением.

В феврале русские объявили о намерении вступить в мирные переговоры с турками. Это было бы неплохо, если дело удастся. Одной из препон являлось задержание турками русского посла Обрескова*, которого держали в Константинополе в нарушение дипломатического протокола и чьи освобождение и безопасность рассматривались русскими как предварительное условие для переговоров.

* Обресков Алексей Михайлович (1718—1787), русский дипломат. Около 30 лет прослужил в посольстве в Константинополе поверенным в делах и посланником. Осенью 1768 г. в связи с началом военных действий между Россией и Турцией был арестован; в мае 1771 г. освобожден. В ходе русско-турецких мирных переговоров 1772—1773 гг. добился согласия Турции на ряд русских условий: включение Кабарды в состав Российской империи, восстановление крепости Азов и др.

В Польше русские вышли с предложениями по урегулированию на тех условиях, о которых Панин говорил Геприху. Должно быть достигнуто внутреннее согласие между «диссидентами» и «конфедератами», гарантами которого выступают соседние государства; и — все еще на уровне намеков и предположений, а не твердых предложений — возможен пересмотр границ в интересах обеспечения безопасности соседних государств, а также для компенсации России понесенных во время войны расходов. Затем русские войска будут выведены из Польши.

Кроме того, в феврале русские выдвинули дополнительное условие заключения мирного русско-турецкого соглашения: свобода навигации в Черном море. Их предложения относительно приобретения территорий непосредственно у Турции касались, как они заявляли, земель, бесспорно принадлежащих России. Некоторые острова в Эгейском море должны перейти к ней в качестве перевалочных пунктов для русской торговли; и тогда Россия откажется от претензий на Молдавию и Валахию.

К тому же должен быть освобожден Обресков.

Этот вариант казался многообещающим и свидетельствовал о смягчении прежних позиций России, хотя не до той степени, на какую надеялся Фридрих. Все зависело от реакции Австрии. К тому времени австрийцы были до крайности обеспокоены экспансией России на Балканах и предупредили, что концентрируют армию на восточных границах Венгрии в качестве меры предосторожности, что также обеспечивало необходимую весомость для переговорной позиции Вены. Фридрих считал это полезным — пришло время разделить озабоченность Австрии по поводу русской экспансии, а не только беспокоиться относительно намерений австрийцев. А их интересовало, могут ли они полагаться на то, что Фридрих ничего не предпримет против их интересов, если им придется действовать *за пределами Польши*. Под этим подразумевалось — останется ли он нейтральным, если австрийцы решат предпринять шаги для обеспечения обороны на Балканах? Этот же вопрос был поставлен фон Звейтеном во время аудиенции 14 февраля, и Фридрих без труда дал ясный и исчерпывающий ответ. Договор с Россией обязывает его поддерживать короля Польши Станислава и помогать России субсидиями в ходе любой вой-

ны, которая возникнет из польской ситуации. Не более того. Никакого прусского вмешательства, например в Молдавии и Валахии, не предусматривается.

Между тем продолжался процесс оккупации австрийцами герцогства Цинс, значительной территории, включавшей несколько городов и девяносто семь деревень. Фридрих воспринял это безо всякого беспокойства. Либо Цинс будет возвращен Польше после заключения русско-турецкого мира, либо остальные возобновят претензии на польскую территорию. К тому времени у Фридриха не оставалось сомнений в том, какой сценарий будет наиболее вероятным. В феврале русские заявили, а он с этим согласился, что вопрос о сохранении целостности территории Польши больше не стоит. Фридрих решил подражать Вене. Он поднимет некоторые «стародавние права» и займет какую-нибудь маленькую провинцию, с тем чтобы вернуть ее, если так поступят австрийцы; или оставить за собой. То, что Австрия и Пруссия недавно оградили определенные районы Польши из-за страха перед распространением заболевания скота санитарным кордоном, могло оказаться полезным с административной точки зрения. Этим король отвечал на намек, сделанный Екатериной в беседе с Генрихом. «Поляки, — писал Фридрих, — будут единственными, кто вправе возмущаться, по их поведение не заслуживает внимания ни со стороны России, ни моего!» Он полагал, что при согласии крупных государств осуществить такую перекройку будет делом нетрудным и она будет способствовать поддержанию мира. Русские ранее официально обязались оставить Польшу в неприкосновенности, однако, если австрийцы вознамерятся прибрать к рукам польские земли, они поступят таким же образом. И Пруссия тоже. Для себя он хотел немногого, кроме земель, граничащих с Пруссией. Что конкретно, можно решить позже.

Теперь уже не было нужды ничего скрывать. Финкенштейн открыто советовал, на какие части Польши Пруссии следует смотреть. Нужно взять Мариенбург, Померанию до самого Нетце. Первоначально оккупация стала частью мер по устройству санитарного кордона, к чему приступили в 1770 году.

Все действия носили пробный характер, и турки все еще воевали. Реальность — развертывание на восточных границах Венгрии вновь мобилизованной австрийской армии и возможность, как писал Фридрих в Санкт-Петербург Золмсу в апреле,

ее выдвижения за Карпаты. В этом случае русские войска окажутся зажатыми между австрийцами и турками и будут вынуждены оставить Молдавию и Валахию. Это означает конец переговорам. Промедление с мирными переговорами давало австрийцам время, чтобы собраться с силами. В Вене говорили о войне, а французы старались ее затянуть. Цегелин из Константинополя сообщал, что французский посол не мог выехать из резиденции без сопровождения вооруженной охраны, настолько он был непопулярен.

Орлов настаивал, чтобы Екатерина поднимала планку своих требований. Она, возможно, в скором времени посетит Берлин, чего Фридрих не очень хотел. Для него не было тайной, что австрийцы и французы стараются посеять недоверие между ним и Россией, а в нынешних обстоятельствах это было довольно просто сделать, хотя он подробно информировал Кауница о своих планах. Он имел причины надеяться, что как только пруссаки и русские достигнут соглашения по Польше, то австрийцы присоединятся к ним, конечно, в том случае, если это не составит прямой угрозы Австрии. Русские должны иметь *«un morceau»** Польши — и Фридрих будет действовать лишь с полного согласия России. Австрийская армия на границе Венгрии была всего только фигурой на шахматной доске, средством давления, не более того.

Что касается княжеств, то любая формула, регулирующая статус Молдавии и Валахии, наверняка устроит остальные государства, если Россия сможет договориться с турками. Когда в июне с этим по-прежнему были проблемы, Фридрих почти в отчаянии предложил другое решение. Отдайте княжества Польше! Русские не хотят, чтобы там были турки, австрийцы не желают видеть там русских, такое перераспределение даст полякам в три раза больше, чем предполагается у них забрать! Трудно поверить, что Фридрих вполне серьезно выдвинул такое предложение, и австрийцы его отвергли.

К лету 1771 года Фридрих достиг соглашения с Россией в отношении территорий на севере Польши: Ливония отходила к России, Померания становилась прусской до самого Негце, в связи с чем владения короля распространялись до Вислы. Пруссия и Россия договорились выступить гарантами неприкосно-

* кусок (фр.).

внешности территорий друг друга и продолжить переговоры по более широкому кругу вопросов с Австрией, что оказывалось не просто. Говорили, что Кауниц был особенно недоверчив. Фридрих видел свою роль в том, чтобы, по его собственным словам, *calmer les premières vivacités** в Санкт-Петербурге и в Вене. Его по-прежнему беспокоило, что Австрия и Россия перейдут к военным действиям и все европейское урегулирование пойдет насмарку. Русско-турецкие мирные переговоры шли полным ходом, однако были все основания полагать, что этот процесс займет много времени.

Порой Фридрих приходил в отчаяние. Одни и те же проблемы возникали снова и снова, и он часто жаловался, что ведет диалог с глухим. «В начале нашего союза с Россией был только вопрос Королевства Польши. Затем проблема «диссидентов». Я предупреждал их тогда, что если они не будут осторожны, то получают войну с турками. Никто мне не верил. Война пришла... одно тянуло за собой другое» — это Золмсу. Панину, тоже в августе 1771 года: «Это единственный момент, чтобы избежать большой войны — в следующем году между Россией и Австрией из-за Молдавии и Валахии!» Если это случится, писал король Генриху, Пруссия окажется втянутой в конфликт. И все же он предложил и отстаивал приемлемую формулу для княжеств, спорные земли, а русские решили возобновить претензии на них. Теперь, однако, Австрия отказывалась обсуждать *какое-либо* расчленение Османской империи, что возвращало все проблемы к истокам. В то же время до Фридриха дошли слухи: турки перешли на северный берег Дуная со 120-тысячной армией, так что характер войны начинал меняться, а это вносило изменения в дипломатическую борьбу. Когда султан предложил Фридриху вечный союз между Османской Портой и Пруссией, тот, не задумываясь, резко отклонил предложение, напоминая султану о своих отношениях с Россией.

В сентябре Фридрих определил обстановку как экстраординарную. Если австрийцы решат порвать с Россией, то станут сотрудничать в военном отношении с турками в Молдавии и Валахии и оттеснят русских к северу от Днестра. Одновременно они постараются организовать антирусский союз сил «кон-

* охладить первый пыл (фр.).

федератов» в Польше, где потребуют избрать другого короля. Любой неверный ход со стороны Фридриха поднимет против него все остальные германские государства. Россия, писал он, хочет всего, Австрия не уступит ничего. Война казалась неизбежной, если только не появится шанс для примирения. Он без конца говорил русским о бессмысленности овладения или *демонстрации желания овладеть* Молдавией и Валахией. Княжества будет трудно защитить, а их отторжение от Турции сделает мир невозможным. Он паделся на успех. Ему совершенно безразлично, кому отойдут эти земли, как он ясно давал понять в ходе многочисленных бесед с австрийцами. Теперь король был сердит и на Екатерину, и на Марию Терезию и считал, что другие государства, не вмешиваясь в ход событий, безответственно слепы в отношении существующей опасности. «Я восхищаюсь безмятежностью британского правительства при пынешней ситуации в Европе, — язвительно писал он в сентябре 1771 года. — Это, однако, очень сильно отдает непростительной ленью, полной апатией». Британия, говорил Фридрих, «после славных кампаний могла бы стать одним из первых государств в Европе, стать арбитром. Вместо этого слабость и лень сделали ее жалкой, несведущей в том, что происходит в Европе, едва ли достойной числиться одним из ее крупных государств». Он наблюдал со скептической отстраненностью, как безмятежный наблюдатель, за спором между Британией и Испанией в Южной Атлантике, замечая, что Европе безразлично, принадлежит ли Фолкленд* Испании, Британии или же никому из них. Подобные далекие приобретения, так он писал о Новой Зеландии, потенциально дороги для заинтересованных государств и к тому же отвлекают от ключевого вопроса, мира в Европе. Там, где они дают коммерческие возможности, обычно возникают и причины для раздоров между морскими державами.

В январе 1771 года сэр Эндрю Митчел умер в Берлине. Он находился рядом с Фридрихом и в самые мрачные годы войны, и в минуты славы, и король Пруссии был в высшей степени привязан к нему. Заменить его должен был сэр Роберт Гантинг, чье назначение совпало с одним из самых холодных периодов в отношениях Фридриха с Британией и потому длилось

* Он использовал здесь единственное число. — *Примеч. авт.*

всего лишь до начала следующего, 1772 года. «У меня нет желания видеть *le Sieur Gunning*, и это касается всех англичан, кто здесь появится, их поведение не заслуживает ни малейшего тепла, совершенно ясно видно, какую зависть и ненависть они питают ко мне!» Ганнинг, как говорили, не имел никакого влияния ни на короля, ни на ход событий. Ему на смену в январе 1772 года прибыл Джеймс Харрис, ставший впоследствии 1-м графом Малмсбери, который энергично действовал в британском посольстве в Мадриде в вопросе о Фолклендах. Фон Мальцан писал Фридриху, что Харрис является «прекрасным молодым человеком, приятным и покладистым: протекже герцога Графтона». Он и впрямь был блестящим дипломатом.

Русские решили ознаменовать начало 1772 года вводом в Южную Польшу 50-тысячной армии в качестве ответа на притязания Австрии. Они надеялись, что этот ход в сочетании с предложением в конечном счете отказаться от претензий на Молдавию и Валахию убедит турок встать на сторону России в противостоянии с Австрией, хотя те все еще были в состоянии войны с Россией. Все было запутанно, извилисто и с точки зрения предшествовавших событий маловероятно. Фридрих занимали некоторые сравнительно небольшие, но значимые вопросы, в то время как проблема войны и мира между Россией и Австрией достигла апогея. Он надеялся получить Данциг, а русские тревожились, что может пострадать их торговля и хотели оставить его вольным городом.

Тень большой войны надвигалась на Европу, и Фридрих договорился с Россией о чрезвычайных мерах на тот случай, если Австрия прибегнет к оружию и предпримет наступление в Молдавии и Валахии. Русская армия в 70 000 штыков вторгнется в Венгрию из Польши. Тем временем, по отдельному соглашению, другая русская армия будет размещена между Краковом и Сандомиром. В случае возникновения войны Фридрих предпримет в качестве отвлекающего маневра ввод войск в Богемию и Моравию; эти территории ему были до боли знакомы. Одновременно велись переговоры с Санкт-Петербургом относительно условий, на которых будут оккупированы польские земли. Прежде Панин не предполагал, что формально это будет происходить в виде аннексии — просто занятие земель, предварительно отгороженных кордоном от болезни, *fait accompli**. Россия надеялась соответственно добиться русско-

* свершившийся факт (*фр.*).

турецкого мирного соглашения, определить реакцию на это австрийцев и скрыть от турок любое соглашение о расчленении Польши.

Фридрих смотрел на вопрос прагматически. Когда русская армия полностью развернется в Южной Польше, вот тогда, говорил он, настанет время действовать. Должно последовать совместное заявление России и Пруссии, что такие-то территории с определенного момента управляются как составные части владений Екатерины и короля Пруссии. На практике — аппексия. Должно быть организовано приведение к присяге на верность императрице, чтобы показать, что решение не временное, а окончательное. Поляки будут поставлены перед фактом, как в созданном австрийцами прецеденте с Ципсом. Австрийцев удержит от вмешательства присутствие русских войск в Южной Польше. Турок — армия генерала Румянцева в Валахии. Если, по этого он не ожидал, австрийцы перейдут к активным действиям, Фридрих, как было условлено, вторгнется в Богемию, и это решит все дело, то есть польский вопрос станет в основном военной проблемой.

В первые месяцы 1772 года русские изменили условия ввода армии в Южную Польшу и состав, несколько сократив ее количественно. Кауниц в Вене принялся говорить с русским послом, Голицыным, диктаторским тоном, требуя, чтобы большая часть вопросов русско-турецких мирных переговоров обсуждалась с ним. Фридрих полагал, что австрийцы хотят продлить противостояние для ослабления обеих сторон. Были еще контакты по поводу времени оккупации русскими и пруссаками польских земель — Фридрих считал, что это нужно делать, когда русские войска выйдут к Висле. Поляки пачнут *«jeter les hauts cris»**, но армия на Висле скоро заставит их притихнуть. Проекты конвенции по Польше пересылались между Берлином и Санкт-Петербургом в январе 1772 года, а затем происходил обмен замечаниями; все упиралось в вопрос, что следует делать, если вмешается Австрия.

Но она не вмешивалась, и опасения Фридриха развеялись. Австрия искала более практических выгод от соглашений, о которых Екатерина с Фридрихом с таким трудом договарива-

* громко возмущаться (фр.).

лись между собой. В январе австрийцы официально заявили, что необходимы равенство приобретений и письменные обязательства в этом отношении. Фридрих был полностью согласен. Могли начаться детальные обсуждения по поводу долей. Он чувствовал, что после стольких беспокойных маневров, угроз и контругроз австрийцы соглашаются присоединиться к проекту по разделу Польши. Между Фридрихом и Екатериной имелась договоренность, что оккупация территорий состоится в мае или июне.

До окончательного согласования конвенции австрийцы заявили, что могли бы принять Глац и часть Силезии и отказаться от претензий на некоторую часть Прусской Польши. Предложение встретило немедленную отповедь Фридриха. Король написал Золмсу, что контакты по этому вопросу прошли гладко, поскольку он имел возможность наемкнуть на 40 000 русских войск, размещенных в Польше.

Русско-прусскую конвенцию подписали в марте в Санкт-Петербурге, а Австрия выразила одобрение. Официальное присоединение ее к конвенции состоялось в начале августа 1772 года; Фридрих постоянно настаивал, чтобы австрийская доля была значительной. Поляки не должны видеть в Австрии защитницу и не возлагать впоследствии всю вину за свои потери, реальные или воображаемые, исключительно на Россию и Пруссию.

Таким образом, в Восточной и Юго-Восточной Европе установилась определенная стабильность. Фридрих наконец был признан не только королем «в Пруссии», но и «королем Пруссии». По достигнутым договоренностям Молдавия и Валахия номинально входили в состав Османской империи на предложенных Фридрихом условиях — турки также настаивали на включении сюда и Крыма, но Фридрих был уверен, что сможет с помощью фон Цегелина разубедить их, и разубедил. И в 1774 году при посредничестве Австрии и Пруссии, как изначально предлагал Фридрих, турки наконец подписали договор, который завершал русско-турецкую войну, получив территории на Черноморском побережье и выведя войска из Молдавии и Валахии. Вяло текущая война, угрожавшая равновесию в Европе и начавшаяся из-за беспорядков в Польше, была окончена.

Доли, отошедшие к соседним государствам по этому «первому разделу» Польши, были образованы отделением скорее внешних провинций, чем разделом основной территории. Смысл заключался в том, чтобы увеличить территорию и мощь государств, участвовавших в разделе, и оставить огузок на потом. Австрия получила Галицию, без Кракова, прирастив территорию в 1700 квадратных миль, которая по условиям была второй по величине. Львиную долю получила Россия, около 2000 квадратных миль, — большую часть Белоруссии, район Витебска. Пруссии досталась наименьшая доля, около 600 квадратных миль. Сюда входили приморские земли Польши, без Данцига, оставшегося вольным городом. Эта последняя уступка не нравилась Фридриху, но он ее принял. Географический результат заключался в соединении Восточной и Западной Пруссии.

Эти территориальные приращения сопровождались значительным ростом населения. В Пруссии оно увеличилось до 385 000. Возросло число жителей в Австрии — более 800 000 человек. Королевство Польша потеряло одну четверть своей территории и одну пятую населения. В результате Польша получила внутренне сбалансированную экономику, но ее внешнее влияние стало еще меньше. Конвенция также уполномочивала три участвующих в разделе государства ввести новую конституцию, и в стране установилась относительная стабильность. Там, однако, сохранялась выборная монархия и по-прежнему действовал принцип традиционного *Liberum Veto*, который гарантировал беспомощность Польши и соответственно был выгоден ее соседям.

Россия, Пруссия и Австрия избрали настолько решительную и, как некоторые сказали бы, жесткую линию в реализации соглашения, что возможность других государств вмешаться в польские дела была в основном сведена к нулю. Если бы Екатерина ранее выбрала твердый курс в вопросе Чарторыйского, думал и говорил Фридрих, то Польшу умиротворили бы быстрее. Раздел отодвинул внутренние раздоры на второй план. В ноябре 1771 года король Станислав был похищен «конфедератами» в самом центре Варшавы — с одобрения французов, как возмущению предположил Фридрих, но он смог скрыться от них. Многие, помимо прусского короля, считали, что ситуация нуждается в радикальных реформах. Польша погрязла в хаосе, писал он вдовствующей герцогине Саксонии, отмечая ее идею

1770 года о польском троне для сына; идею, которую Фридрих называл непостижимой. Никто не мог хотеть управлять Польшей. Теперь там был новый порядок.

Раздел Польши был расценен как безжалостное ограбление слабого сильным. В то время в Европе это не вызвало бурных страстей. Соседние государства — Россия, Австрия и Пруссия — пришли к взаимопониманию — с большим трудом — и согласились ограбить, в сущности, беззащитного соседа. Это был вполне показательный пример международных отношений, не учитывавших моральные факторы. *Raison d'état**, и только он, направлял политику Санкт-Петербурга, Вены и Берлина. Пример для тех, кто в будущем мог считать, что интерес, безопасность и материальная выгода на вполне законных основаниях оказываются превыше договорных обязательств и уважения, которое должно быть присуще одному государству в отношении к целостности или независимости другого. Критики Фридриха увидели в этой сделке его руку и приняли за очевидное свидетельство цинизма и хищнических наклонностей короля Пруссии: вполне последовательное продолжение его вторжения в Силезию.

Конечно, раздел можно лишь частично оправдать ссылаясь на закон, исторические условия и династические права; даже Финкенштейн, давая совет относительно границ Пруссии, должен был подстраховаться, он признался, что исторически претензии не очень сильны. Поговаривали, что Мария Терезия проливала слезы раскаяния, хотя, как заметил Фридрих, свое взяла, несмотря на них. В самом деле, спектакль, разыгранный тремя законными суверенами, попустительствовавшими насильственному расчленению земель четвертой страны, кое-что сделал для ослабления уважения к законности. И уж точно, возмущение, поднявшееся среди польских патриотов, которые были не в состоянии противиться разделу, в скором времени вылилось в сопротивление. Подчиняться конституции, навязанной внешними силами, трудно, и терпение не безгранично; пробуждение Польши приведет к еще одному восстанию, оно принесет настоящие, а не искусственные реформы и произойдет в 1791 году. К тому времени Фридриха уже не будет, а Европа претерпит еще более мощные потрясения.

* государственный интерес (фр.).

Однако на этот вопрос можно смотреть и по-другому. О результатах урегулирования можно судить как о примере разумного сотрудничества государств, каждое из которых имеет свой интерес. План Фридриха заключался не в том, чтобы ликвидировать Польшу, а в том, чтобы заменить аристократическую анархию, опасную для Европы. Несмотря на удар, нанесенный разделом по национальным гордости и чувствам, и неодобрение международных юристов и хроникеров, ситуация в Польше улучшилась. Введенная конституция, хотя и не совершенная, давала большие возможности для нормального управления. Материальное положение народа улучшилось, как и образование. Иностранные визитеры в скором времени обратили внимание на большие и благоприятные изменения, принесенные населению Прусской Польши прусским правлением. К тому же критики раздела должны принимать во внимание ту плачевную ситуацию, в которой пребывала Польша в предшествовавшие годы, — анархия в сочетании с местной тиранией. Фридрих смотрел на этот вопрос с прагматических позиций; реально Пруссия получила выгоды, хотя было жаль, что ей не достался Данциг. Раздел позволил принести мир в значительную часть Европы и облегчил переговоры об окончании войны между Россией и Османской империей, обеспечив молчаливое согласие Австрии. На другую чашу весов можно было положить только традиционные чувства «в самом слабом и разобщенном государстве в Европе», государстве, где «король торгует должностями, женщины занимаются интригами и решают все, а их мужья пьянствуют».

Эти слова, как и большая часть высказываний Фридриха о Польше, жестоки. В 1768 году он завершил работу над «Вторым политическим завещанием». Король постоянно трудился, дополнял и обновлял *«Histoire de mon Temps»*, записки о жизни и правлении. Цинизм в отношении человеческой природы в процессе работы не уменьшался, а нарастал: «Только человеку, ничего не знающему о людях, позволено им доверять!» Теперь он мог завершить двухтомник о Семилетней войне и приступить к следующему тому, в котором доведет повествование до 1774 года. Здесь нет и намек на раскаяние по поводу Польши. По мнению Фридриха, жители этой «легкомысленной и поверхностной страны» скорее выгадали; а с политической точки зрения это государство вполне заслужило потери.

Очевидная бессовестность, с которой три последственных суверена поделили между собой значительную часть чужого королевства, послужила причиной многочисленных порицаний и обвинений в цинизме. Екатерину и Фридриха называли безжалостными и жадными; справедливо или нет, но за Марией Терезией закрепилась репутация более моральной женщины; тем не менее все трое приложили руку к расчленению Польши. Фридрих писал, что никогда не бывало такого согласия в мнениях, как между ним и Папиным по польскому вопросу. «Возможно, никто не встречал, — писал он, — такого единодушия, которое имело место между мной и графом Папиным». Обстоятельства, в которых находилась Польша, являясь выборной монархией, были во многом связаны с построениями правителей государств, участвовавших в разделе. Аннексия просто из *raison d'état* — имелось еще несколько более или менее благовидных предлогов — королевства, где правит наследственный монарх, какие бы практические выгоды это ни давало, показалась бы грубым нарушением не только принципа собственности, но и принципа легитимности. Наследственные территории могли стать причиной споров, но они велись за титулы, и их можно сравнить с тяжбой о поместье. Избранный монарх, с другой стороны, хотя он и увенчан короной, приобретает легитимность лишь благодаря избирательному процессу. В случае с Польшей все признавали, что он является результатом закулисных сделок между влиятельными магнатами и подвержен влиянию внешних сил. Простые жители страны не имели права участвовать в голосовании. Позиции избранного короля на практике были намного слабее, чем у наследственных монархов, признававших взаимную легитимность в принципе. То, что Польша вследствие раздела стала в международном плане слабее, Фридрих, Екатерина и Мария Терезия восприняли с удовлетворением.

Едва ли где-либо рассматривали урегулирование как окончательное. «Нам не удастся так просто укротить этих поляков, — писал Фридрих в ноябре 1772 года в Санкт-Петербург Золмсу. — Я предвижу второй раздел. И если это случится, Вы сделаете все для того, чтобы моя доля была хорошей. Торн, Данциг, Висла до слияния с Вартой и все течение той реки».

Глава 21

ОТНОШЕНИЯ СО СТАРЫМ ВРАГОМ

В августе 1773 года Фридрих навестил Зейдлица в его доме в Мишковски, неподалеку от Олау. Король больше никогда не увидит великого кавалериста. Зейдлиц был несчастен в семейной жизни, с ним жили две разведенные дочери, и Фридрих редко встречался с ним в последние годы вплоть до его болезни — тот умер вскоре после визита короля, в ноябре. Герои и память о них уходили.

Мир и всеобщее согласие порой казались далекими. Все ворчали не только по поводу раздела Польши. Русско-турецкая война в конце концов закончилась в июле 1774 года Кючук-Кайнарджийским миром, но ситуация в Молдавии и Валахии оставалась хрупкой. Шли споры между Константинополем и Веной, Санкт-Петербург с глубоким подозрением относился к обоим. Австрийцы ранее по секретному договору с турками, к великому гневу русских, заполучили в этих княжествах плацдарм. Фридрих был уверен, что в планы Кауница входит расширение австрийских владений в Хорватии и, видимо, в Венецианской Далмации. В Польше Фридрих завершил свою часть раздела этой страны быстро и эффективно, но оставалась некоторая неудовлетворенность. Страны — участницы конвенции были не очень довольны долями. Фридрих, например, не примирился с ситуацией с Данцигом, и шли многочисленные переговоры о реальных границах территорий, о которых якобы было достигнуто соглашение.

Вполне вероятно, что в польской истории появятся новые главы, но пока это могло подождать. Главным в политике

Фридриха в этот период жизни — и одним из неизменных факторов — была решимость сохранить хорошие отношения с Россией. Он узнал от Генриха, что Екатерина скорее всего не пойдет на уступки в вопросе о Данциге, вздохнул и согласился, по крайней мере на время. Русские направили воинский отряд, чтобы защитить евреев, подлежащих выселению из варшавского предместья по приказу польского Постоянного совета*, его симпатии были на стороне русских, вынужденных затем отступить, впоследствии евреи были изгнаны князем Любомирским. Фридрих засыпал Екатерину письмами с поздравлениями по поводу победы в войне с турками. Король высказывал сочувствие русским в связи с выступлением бунтовщика Пугачева — *«cette hydre homicide!»*** — и выражал уверенность, что, когда тот будет схвачен, Екатерина предаст его смерти. Она так и сделала. И он узнал с большим удовлетворением о втором приглашении принца Генриха к ее двору. Его в сентябре 1774 года должны были передать во время празднований по поводу установления мира, и Фридрих всем сердцем хотел, чтобы брат поехал, хотя подозревал, что этот визит будет не совсем приятным. Сам он в это время наслаждался приездом сестры Шарлотты, герцогини Брауншвейгской, которую встречали светскими раутами, развлечениями, балами, концертами. Ее общество доставило Фридриху немалое удовольствие. «Она любит свою страну и семью», — писал Фридрих Генриху; к тому же ему нравилось выставлять напоказ культурные достижения Берлина — с 1771 года в Опере выступала певица, обладавшая необыкновенным вокальным диапазоном и сценическими способностями, Елизавета Шмелинг, и признание, которым она пользовалась, было предметом гордости короля. Шарлотта продолжила поездку, направившись в Рейнсберг к Генриху.

Фридриху с некоторым трудом удалось уговорить Генриха принять приглашение Екатерины; отношения с Россией были исключительно важны для Пруссии, а у Генриха установилось прекрасное взаимопонимание с императрицей. Фридрих был в это время особенно любезен с братом. Отдельные наблюдатели

* Постоянный совет учрежден после завершения раздела, состоял из 36 человек, которые выбирались в две палаты каждые два года. Председательствовал король. — *Примеч. авт.*

** этой смертоносной гидры (фр.).

отмечали периодические вспышки ревности между ними; в их переписке ничего подобного пельзя заметить даже при самом тщательном рассмотрении. Слова Фридриха, внимание, мягкий юмор — все являет доброжелательность, то же и у Генриха, превалирует восхищение и уважение. Фридрих очень хотел, и часто писал об этом, чтобы брат после его смерти исполнял в государстве некоторую контролирующую роль. Генрих был преданным и талантливым слугой Пруссии, и в каждой строке Фридрих дает понять, как король это высоко ценит. Генрих мог с ним спорить, возражать. Порой он полагал, что подозрительность Фридриха — особенно в отношении Австрии — немного болезненна, и открыто говорил ему об этом. Хотя в какое-то время Генрих был одержим мыслями об австрийском реваншизме, а Фридрих успокаивал его, говоря, что те или иные действия Австрии не выходят за рамки привычного. Никто из них не обладал абсолютными благоразумием и мудростью, но их отношения были честными и открытыми. Весной 1776 года, более чем через год после получения приглашения, Генрих снова отправился в Санкт-Петербург.

К тому времени Фридрих познакомился с бывшим фаворитом Екатерины, легендарным графом Орловым*, который приезжал в Берлин с визитом. Он всегда следил за судьбой Орлова. В 1773 году Орлов заболел, а Фридрих заметил, что тот, похоже, обладает прекрасным природным чутьем и «через год, как говорится, вернется ко всем своим обязанностям, кроме тех, которые исполняются в постели! Эту он утратил навсегда!» «Скажу откровенно, — написал король Генриху, — он поправился мне больше, чем большинство русских, которых я видел. Он производит впечатление прямоотой и искренностью...» Екатерина заменила Орлова на Александра Васильчикова, внавшего в немилость в июле 1774 года. После этого фаворитом стал непревзойденный князь Потемкин**. Граф Золмс, уже дав-

* Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), русский военный и государственный деятель, граф. Участник Семилетней войны. От связи с Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II) имел сына, ставшего родоначальником графов Бобринских. Активный участник переворота 1762 г., возведшего Екатерину на престол. Камергер двора, в 1763—1775 гг. — генерал-фельдцейхмейстер русской армии. С 1772 г. утратил прежнее влияние, с 1775 г. в отставке.

** Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), русский государственный и военный деятель; дипломат, генерал-фельдмаршал

но состоявший послом Фридриха в Санкт-Петербурге, сетовал, что требуется много времени, чтобы в Санкт-Петербурге было что-либо сделано. Он связывал это с «*dissipations amoureuses*»* императрицы, которые заставляют ее макировать делами. Через Золмса Фридрих подробно информировал Екатерину о том, что происходило в центральноевропейских делах, а Генрих в ходе второго исключительно успешного визита сумел все представить с полезной стороны.

Между тем при русском дворе имелись неотложные семейные дела. Невестка Екатерины, супруга великого князя Павла, недавно умерла при родах. Фридрих в свое время упорно работал над организацией этого брака. Утрата была печальна для него, как и для русского двора. Екатерина искала невесту для сына, ей предложили старшую из трех дочерей принца Фридриха Евгения Вюртембергского: семнадцатилетняя Софи была бы вполне подходящей кандидатурой. Ее мать — принцесса Шведтская; брат Фридриха, Фердинанд, был женат на другой принцессе Шведтской; а сестра Фридриха, София, замужем за маркграфом. Фридрих пристально следил за воспитанием всех трех братьев Вюртембергских, из которых Фридрих Евгений был младшим. В результате каждый по очереди последовал брату. Их отец, герцог Карл Александр, фельдмаршал империи, приняв католичество, женился на прекрасной принцессе Тюринг-Таксиской и умер, когда сыновья были совсем юными, в 1737 году. Все они получили образование в Берлине, потому влияние Фридриха на них и связи с ним были устойчивыми; старший брат, Карл Евгений, женился в 1748 году на дочери Вильгельмины, Фредерике, но брак оказался неудачным и завершился разводом.

София — красивая спокойная девушка, была уже помолвлена с Людвигом, принцем Гессен-Дармштадтским. Покойная жена русского великого князя тоже происходила из Гессен-

(1784). За участие в дворцовом перевороте 1762 г. получил чин поручика гвардии; за отличие в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. — чин генерала. С 1770 г. фаворит Екатерины, вице-президент, президент Военной коллегии, князь, генерал-адъютант, шеф иррегулярных войск. С 1776 г. — генерал-губернатор Новороссийской, Азовской, Астраханской губерний. От императора Иосифа II получил титул князя Священной Римской империи.

* «любовными утхами» (фр.).

Дармштадтского дома. Предстояло убедить Гессен-Дармштадтскую семью отказаться от помолвки и тем самым завоевать признательность и покровительство России. Людвигу предлагали жениться на одной из младших сестер Софии, еще не достигших брачного возраста. Фридрих взял это дело на себя, и была достигнута договоренность, что семья Вюртемберга со старшей дочерью приедет в Берлин, в то же время официальный визит в Пруссию напесет великий князь и познакомится со своей пареченной невестой. У Гессен-Дармштадта, говорил Фридрих, нет другого выбора, как подчиниться, — он испытывал острую пужду в деньгах.

Фридрих немало потрудился над организацией визита русского великого князя. Гости должны увидеть, что Берлин не уступает по великолепию Вене. Генрих приехал в Россию и остановился в Царском Селе; он должен был возвратиться с великим князем, и письма к нему Фридриха посвящены этому событию. Сколько блюд для обеда? Сорок? Или двадцать? Какой тип экипажа уместен и с каким количеством лошадей? Любит ли великий князь чай, кофе и какао? Фридрих разрабатывал церемониал по пунктам — почетный караул, размещение триумфальных арок, число сопровождающих лиц. Он печально признавал, что сам он уже не столь подвижен, как прежде, а ему придется сопровождать двадцатидвухлетнего молодого человека. «Принимать парад полков в Шпандау в одиннадцать часов и оставаться все это время в седле, — говорил он брату, Фердинанду, который должен был руководить одним из этапов церемонии. — Я не могу ходить! И будет хорошо, если можно устроить обед на нижнем этаже, — трудно бегать вверх и вниз по лестницам». Фридрих страдал от хронических болей в спине и геморроя. Приступы подагры наступали внезапно и были очень болезненными. В октябре 1776 года у него в промежности образовался нарыв размером с яйцо, это сопровождалось продолжительной лихорадкой. Но визит великого князя шел своим чередом — он прибыл в сопровождении принца Генриха в Берлин 21 июля 1776 года; и Фридрих сказал со всей искренностью, на какую был способен, что Павел заслужил восхищение всех, кто с ним встречался. Самым большим удовольствием, однако, стала досада, которая, по заявлению Фридриха, не сходила с лиц французского и австрийского послов. Он направил Екатерине письмо, полное теплых, хвалебных слов, однако, отметив с беспокойством естествен-

пую живость великого князя, которая становилась причиной обид; Фридрих старался тактично ее умерить. Тем не менее все прошло на подобающем уровне. София вышла замуж, получила русское имя Мария Федоровна и принесла великому князю четверых детей.

Фридрих теперь в большей степени, чем прежде, вел дела в условиях максимальной секретности. Его природная склонность к подозрительности усилилась. В общении он стал менее приятен, чаще допускал оскорбительные выражения, чем шутил, реже бывал счастлив, просиживая часами за обедом с близкими друзьями, у него случались перепады настроения. Он стал привередлив и вспыльчив в общении со слугами — новая черта в характере. Фридрих сломал флейту о голову гусара, любимого вестового, а бросил играть еще в 1772 году. В гневе он пинался и размахивал кулаками. Радушию, которым он когда-то славился, пришли на смену затворничество и раздражительность. Прежняя любезность сменялась резкостью и угрюмостью. Временами он вдруг становился совершенно рассеянным. Король мог сказать, что хочет присутствовать на учениях гвардии в Потсдаме и отменить решение в последнюю минуту. Слуги называли его *Brumm Bär*, Ворчливый Медведь. И, что было не похоже на прежнего Фридриха, он впадал в гнев, узнав о безобидных пасмешках, и наказывал за них. Когда он обнаружил, что вестовой в письме к возлюбленной назвал короля Медведем, то заставил его приписать постскриптум: «Несколько недель пройдет, прежде чем я увижу тебя, потому что я должен ехать в Шпандау», и затем провинившегося посадили под охраной в Шпандау, хоть и на короткое время. Такие вещи были неприятны. Они к тому же не соответствовали истинному характеру Фридриха. Более соответствовавшим его характеру был инцидент с новым садовником в Сан-Суси. Он ранним утром приступил к работе и не узнал человека, подошедшего к нему и заметившего, что тот очень рано начинает работать.

«А как же! Ведь если Ворчливый Медведь придет и увидит, что ничего не делается, то черта с два что-то заплатит!» Фридрих усмехнулся: «Совершенно верно! Заруби себе это на носу!».

Но, несмотря на случавшиеся вспышки гнева, ему в основном удавалось контролировать плохое настроение. Он стойко перенес потерю значительной части личной рукописи своей «*Histoire de mon Temps*» — глав, посвященных Семилетней войне,

когда по неосторожности пажа она сгорела во время пожара; он, немного помолчав, просто сказал: «Что ж, придется писать это заново».

Фридрих старел и понимал это. Он всегда был пренебрежителен в оценках других, и теперь это проявлялось еще сильнее. Король с изумлением узнал, что Вольтер написал несколько стихотворений, посвященных войне: «Я уверен, он хочет преподать нам некие уроки тактики!» Стихи Вольтера, которые Фридрих прочитал не сразу, были неучтивы по отношению к нему:

Неспревозденный мастер этого искусства, несущий ужас,
Он более воспитанный убийца в сравнении с Густавом и Евгением.

Оно заканчивалось словами: «Я ненавижу этих героев — нет смысла мне твердить о славных их делах. Пусть дьявол их возьмет».

Фридрих все более склонялся к мысли, что только он понимает жизнь и что в целом человечество ничемно. Это паверняка относилось к соседним монархам. «Не показывай, что удивлен, — говорил он Генриху, — когда император и датский король обмениваются остротами, — люди по глупости приписывают таланты людям, обладающим властью, а к ним следует относиться как к детям, еще и говорить толком не научившимся, тем не менее они получают одобрение за вещи, которые в зрелом возрасте были бы названы заурядными!» Король писал с нескрываемым удовольствием о слухах, что Мария Терезия обращается с императором как с непослушным мальчишкой. Однако несмотря на его скепсис в отношении лиц королевской крови, Фридрих твердо отстаивал монархические принципы и ценил уважение к традиционным обрядам и формальным символам.

Поездка Генриха в Россию завершилась эпизодом, вызвавшим особую тревогу семьи и ставшим неприятным для Фридриха. Несколькими годами раньше он получил известие, что 18 января 1772 года королева Дании, Каролина Матильда, по приказу мужа была взята под арест. Приказ Кристиана VII заставила подписать его мачеха, вдовствующая королева, когда узнала о намерении молодой королевы провозгласить себя регентшей в связи с немощностью мужа. С Данией существо-

вали тесные связи. Каролина Матильда была дочерью покойного Фридриха, принца Уэльского, сестрой Георга III Английского, кузена Фридриха. Свекровь Каролины Матильды, умершая за несколько лет до того, была также ее теткой, дочерью Георга II и кузиной Фридриха. Ее свекор, пыле покойный король Дании, женился на Юлиане Марии, принцессе Брауншвейг-Вельфенбюттельской, приходившейся сестрой королеве, супруге Фридриха; и именно эта дама, которая теперь была вдовствующей королевой, предприняла столь решительные действия в отношении супруги приемного сына.

Эта ситуация возникла не совсем неожиданно. Говорили, Кристиан VII часто принимал паркотические средства и на действительность реагировал неадекватно. «Вменяем ли король?» — запрашивал Фридрих представителя в Копенгагене, фон Арнима. Как бы там ни было, все это могло обернуться скандалом. Иоганн Фридрих Штруензее, блестящий философ и врач, занимал твердые позиции при датском дворе. Это он распустил слухи, которые некоторые считали преувеличенными, о безумии короля; нарочито запугивал его, к датчанам относился с неприкрытым презрением и фактически сделался диктатором Дании. Штруензее стал любовником запуганной молодой королевы Каролины Матильды, и все считали, что он является отцом ее ребенка.

Штруензее не был датчанином. Он родился в Саксонии, в Галле, и его ненавидели все. Однако он был необыкновенно умен: Фридрих написал *«dialogues des morts»** — эта форма ему нравилась — между Штруензее, Шуазелем, которого он не любил, и Сократом! Переворот, произведенный вдовствующей королевой, многие поддержали, а Штруензее приговорили к обезглавливанию, четвертованию и утоплению; приговор привели в исполнение в конце апреля 1772 года. Датские события вызвали ужас при дворах Европы, в том числе и у связанного с датским престолом кровными узами Фридриха, в самом трудном положении оказался король Англии. Фридрих говорил, что Георг III, несмотря на естественную тревогу за судьбу сестры, едва ли твердо встанет на ее защиту. Самая лучшая линия поведения — принять вещи как можно спокойнее. Он писал с некоторым *Schadenfreude***, племяннице, герцогине Оранской, о том, какое утешение знать, что не только их семье страдать от

* диалоги мертвцов (фр.).

** злорадством (нем.).

этого скандала! В Дании королевскую чету развели, а Каролина Матильда умерла, к явному облегчению Фридриха, в мае 1775 года.

Юлиана Мария, вдовствующая королева Дании, свояченица Фридриха, поддерживала с ним оживленную переписку; она была одной из немногих, кому Фридрих писал с полной откровенностью и доверием. Ее действия в 1772 году, несомненно, улучшили его отношение к ней. Порой он даже касался в письмах дел ее сестры, своей сунруги: «Она (Елизавета Кристина) не полностью оправилась от воспаления на коже — оказалось необходимым делать надрезы. Вы можете посмеяться над нами, парой увечных созданий, у которых из четырех ног не собрать и одной здоровой!» Было бы приятно думать, что Фридрих стал любезнее с этой грустной дамой, страдавшей к тому времени тяжелой ипохондрией и депрессией. Управляющий Лендорф называл ее «моя добрая, неугомонная, старая королева», признавая при этом, что общение с ней было пыткой. Фридрих иногда, обедая с женой, собирал всю семью, но удовольствия не получал; даже когда она показывала сады в Шенхаузене какой-нибудь заезжей принцессе, обязательно начинался дождь! Но большая часть писем Фридриха к Юлиане Марии касалась положения в Европе, и он сетовал, что она редко в своих письмах спрашивала его совета, не сообщала о затруднениях и душевных страданиях. «Я не стремлюсь, — как-то сказал король Финкенштейну, — быть ее политическим руководителем!» Порой он находил необходимым потакать прихотям Юлианы Марии. Она сочла прусского посланника, фон Арнима, якобы виновным в каком-то протокольном нарушении, и Фридрих, хоть и полагал, что тот просто стал жертвой интриги, отозвал его. Дела для фон Арнима складывались слишком неважно, чтобы он мог эффективно работать в Копенгагене.

В семейных делах особым — и во все большей степени — источником недовольства Фридриха было отсутствие взаимопонимания с его наследником, Фридрихом Вильгельмом, принцем Прусским; и еще он недолюбливал мать принца, свояченицу, сестру жены и вдову Августа Вильгельма. «У меня здесь теперь есть, — писал он сестре Амелии, — «добрая старая принцесса Прусская». Она настоящая обуза, и я бы хотел, чтобы она уже была в пути к себе в Берлин. Она и ее сын распространяют вокруг себя облако скуки и безвкусицы!» Брак Фридриха Виль-

гельма оказался неудачным и закончился разводом; он женился вновь, жена была из Гессен-Дармштадтского дома, но основное влияние на него в течение всей жизни оказывала любовница. Фридрих проявлял большой интерес к семье старшего племянника. В марте 1773 года он писал ему, что полностью согласен с идеей подыскать гувернера маленькому сыну, Фридриху Вильгельму, рожденному второй женой в 1771 году, и забрать его из женских рук — «если, конечно, будет можно найти подходящую персону — что непросто — и не торопиться с выбором». И он занимался подбором кандидатуры. Король очень хотел иметь наследника, которому мог бы доверять и любить его; таким был младший брат Фридриха Вильгельма, Генрих. По нему Фридрих не переставал скорбеть. По контрасту с ним он находил Фридриха Вильгельма большим, глупым и скучным, хотя относился к нему в основном дружелюбно и любезно. Сладострастному и экстравагантному принцу Прусскому всегда не хватало денег, как говорили, он не мог расплатиться с прачечной.

Фридрих испытывал тревогу из-за малочисленности молодого поколения Гогенцоллернов по мужской линии. После принца Прусского и его возможных потомков право наследования переходило к семье самого младшего брата Фридриха, Фердинанда. Двое его детей, сын и дочь, умерли, ходили неприятные сплетни об отношениях Фердинанда с женой, Елизаветой Луизой Шведтской. Графиня Гогенталь, впоследствии леди Пэдджет, написала в мемуарах: «Фридрих Великий испробовал все возможные способы, чтобы заполучить наследника по мужской линии для дома Гогенцоллернов, и возлагал надежды на свояченицу, Елизавету Луизу. Из своих офицеров он выбрал одного, майора фон Шметтау, и поручил ему эту деликатную миссию; вскоре бездетная Елизавета Луиза забеременела и произвела на свет дочь, которая впоследствии вышла замуж за князя Радзивилла...»

Имело это место или нет — вопрос спорный. Елизавета Луиза не была бездетной — она к тому времени уже родила двоих детей, умерших в детстве, до рождения этой девочки, которой суждено было стать княгиней Радзивилл. Елизавета Луиза между тем имела немало поклонников. Лендорф, управляющий королевы, посетив двор Фердинанда во Фридрихсфельде в 1771 году, через год после рождения ребенка, отмечал: «Я бы не хотел задерживаться здесь надолго — третий чувствует себя не-

удобно. Принц по большей части один, принцесса разогнала дам и проводит много времени, перешептываясь со Шметтау, в то время как принц предпочитает Марвица...»

Поэтому, вероятно, тревоги Фридриха имели причины. Тем не менее Елизавета Луиза родила вскоре сына, Фридриха Людвига, это обрадовало короля и было отмечено с великим весельем и артиллерийскими салютами.

За советами относительно браков, связей и споров в семье все чаще обращались к Фридриху. «Между нашей сестрой в Швеции и ее сыном происходят неуместные ссоры, — писал он Генриху в 1775 году. — Меня это очень раздражает. Шведские племянники еще очень молоды, у них мало доброжелательности. Боюсь, это может привести к разрыву с матерью, а я не смогу этого предотвратить...» К тому же король никогда не мог удержаться от острот. Когда Гессен-Дармштадтская принцесса, став невестой наследника российского престола, переходила в православную веру, Фридрих заметил, что существует старинный спор с западнохристианской ветвью по поводу центрального догмата веры, вокруг отношений внутри Троицы. Он услышал от ландграфини Гессенской: «Императрица (Екатерина) велела мне передать вам ваше величество, что как глава Греческой церкви она докажет вам, как дважды два четыре, что Святой Дух происходит от Отца, а не от Отца и Сына». Фридрих процитировал постановление Никейского Собора, на котором было решено изменить подход к этому вопросу, но «я обещаю, что никогда не стану делать из этого *проблем!*» Он разнообразил такого рода вещами трудную дипломатическую работу и семейные дела; это была смесь остроумия, нежности, значительности, а порой и научности, что придавало его письмам особый «аромат».

Семейные письма тоже являлись упражнениями в дипломатии. Его отношения с сестрой Ульрикой Шведской были неизменно теплыми, несмотря на то что Швеция присоединилась во время войны к коалиции его врагов. Когда его зять, Адольф Фридрих Гольштейн-Готторпский, король Швеции, умер в 1771 году, там случилось нечто наподобие конституционной революции. Новый король, племянник Фридриха, Густав, настроенный профранцузски, ввел в 1772 году ограниченную, но более жесткую монархическую систему. В этом видели некий триумф Франции и неудачу России. Фридрих неизменно поощрял дружбу с Россией и был озабочен, хотя

Густав впоследствии стал одним из наиболее талантливых суверенов своего столетия.

Фридрих по-прежнему любил смаковать сплетни. «У нас здесь есть одна англичанка по имени мадам Куку, — сообщал он Генриху в июле 1773 года. — Она может приехать в Рейнсберг, и ты будешь счастливее меня, она себя еще не показала...» Речь идет о леди Коук, урожденной Кэмпбел из Аргилла, невестки графа Лечестера, имевшего непоправимо испорченную репутацию, даме, известной эксцентричностью. Фридрих любил все знать о каждом посетителе. Король с удовольствием продолжал бранить своих послов за частые промахи, связанные с некомпетентностью, многословием или пудностью их докладов, а также за жалобы, которые они осмеливались присылать. Фон Аршим, будучи отозванным из Копенгагена, заменил фон Борке в Дрездене и принялся ворчать по поводу трудностей путешествия. Фридрих: «Я постараюсь исправить положение вещей и сделаю так, чтобы всю дорогу усыпали розами и другими цветами. Господа, у вас слабые нервы, здоровье и грудные клетки! Вас требуется хранить аккуратно! Вы экспонаты коллекций, драгоценные, боящиеся свежего воздуха. Свежий воздух только полезен для мужчин!»

Фридрих был доволен тем фактом, что в 1773 году приютил в Пруссии орден иезуитов; его деятельность на своих территориях запретили многие государства, в том числе католические, после того как папский престол распустил орден. Этот шаг возмутил многих. Фридрих всегда восхищался деятельностью иезуитов, особенно в сфере образования, и писал исповедовавшей католицизм вдовствующей герцогине Саксонии, своей постоянной корреспондентке и другу: «Если Ваше Королевское Величество одобряет деятельность папы (Пий VI был только что избран), то это одно уже настраивает меня в его пользу. Я лишь надеюсь, что он не станет преследовать приверженцев Общества Игнатия. Я спас их от полного кораблекрушения». Большая часть мира видела в этом его оппозиционность, усиливая тем самым удовольствие Фридриха.

С меньшим удовольствием он узнал, что вдовствующая Саксонская герцогиня вознамерилась писать мемуары и, *inter alia**, сообщить, что нынешний курфюрст на самом деле был сыном прежнего французского посла, маркиза Дезиссара. Фрид-

* между прочим (лат.).

рих реагировал на это так, как подсказывал здравый смысл. Герцогиня давно хотела сместить курфюрста Фридриха Августа и заменить его своим вторым и любимым сыном, Карлом Максимилианом, который поддавался ее влиянию. Кроме того, ходил страшный слух, которому король не верил, что она планирует отравить старшего сына. Фридрих счел эту абсурдную историю попыткой устроить судьбу младшего сына и дискредитировать происхождение старшего. То, что герцогине самой могут поставить в вину такое заявление, ее мало волновало. Это, говорил Фридрих, немыслимо. Если в подобных домыслах была хоть толика правды, то для разоблачения наверняка выбрали бы другое время. Произошедшее практически не повлияло на переписку Фридриха с этой дамой.

В течение всех этих лет король наблюдал с интересом, но в целом недружелюбно, за отношениями Британии с ее американскими колониями. Чувство, что он был предан, брошен Британией в Семилетней войне, в нем укоренилось очень глубоко. Фридрих почти всегда приписывал почти любой неблагоприятный поворот событий давнему влиянию Бьюта. «Их Бьют совсем сошел с ума, — писал он Генриху в ноябре 1772 года. — Я утверждаю, что он всегда был сумасшедшим, но по невнимательности они только сейчас это заметили!» Король беспощадно разоблачал то, в чем видел глупость британских министров. Она вела страну к катастрофе: неуклюжая политика в отношении американских колонистов, отсутствие силы и стратегической мудрости, необходимых, чтобы справиться с возникшей ситуацией. И он часто оказывался прав. В 1775—1776 годах Фридрих постоянно говорил фон Мальцану, находившемуся в Лондоне, что американский вопрос превратится в нечто большее и будет иметь далеко идущие последствия. Первоначально он думал, что в военном отношении колонисты долго не продержатся — регулярные войска и артиллерия, конечно же, сыграют решающую роль, но уже в августе 1775 года король писал, что, невзирая на сводки, колонисты победили британцев. Он был изумлен недальновидностью и медлительностью, как он считал, британских властей, казавшихся не готовыми к такому повороту событий и, похоже, не воспринимавших их серьезно. Его удивляло, что правительство не было сметено всеобщим негодованием, и он относил это на счет коррумпированности

парламента. Сначала он готов был ставить сто к одному на победу Британии. Теперь нет.

Фридрих также цинично наблюдал за попытками Британии набрать побольше войск. До него доходили слухи о переговорах относительно 30-тысячного русского корпуса в обмен на крупные британские субсидии, но он не думал, что Екатерина согласится. В Дании находилась шотландская бригада, которую, как полагал Фридрих, датчане будут не в силах удержать, так как скоро ее затребуют назад, но она была очень малосильна — 6 небольших батальонов, 2100 человек. В начале 1776 года прошло сообщение об отправке в Америку 12 батальонов гессенцев, а герцог Вюртембергский хотел знать мнение Фридриха по поводу британского запроса относительно отряда в 3000 человек. Король посоветовал хорошенько подумать и потребовать британских гарантий на случай, если французы — соседи Вюртемберга по Эльзасу — будут реагировать враждебно, что вполне могло случиться. Естественно, он принимал в расчет финансовые выгоды покладистости, а Вюртемберг был беден. Он полагал, что не многие германские наемники останутся верными своим знаменам, когда представится случай дезертировать. Война в Америке требовала больших людских ресурсов. Он заявлял о своей беспристрастности во всем этом деле, но, конечно, был против помощи Британии: «Только в самом крайнем случае я снова пойду на союз с ней», — поскольку прошлое продемонстрировало нечестность Британии в выполнении взятых на себя обязательств. Фридрих говорил, что не предоставит в помощь британцам и пары шеренг прусских солдат ни за какие миллионы. Они обращались с ним как с врагом, несмотря на коалицию; препятствовали его приобретениям и претензиям в Польше, особенно в вопросе о Данциге. Даже если французы вторгнутся в Ганновер, его это будет мало касаться.

У американских колонистов были агенты в Европе, имевшие цель организовать на первых порах торговое представительство, а также, без всякого сомнения, впоследствии и дипломатическое. Фридрих был с ними разумно осторожен. Эти идеи пока преждевременны, говорил он. Единственный нужный товар, импортируемый из Америки, — виргинский табак, к тому же он никогда не смог бы защитить трансатлантическую торговлю. Король не одобрял торговлю черными рабами, которую называл позором человечества. Однако Фридрих никак не

мог пойти на полный разрыв с Британией. Тем не менее уже через несколько месяцев он был уверен, что колонисты завоюют независимость и смогут ее отстоять, — британская политика ведения войны без союзников и общественной поддержки обречена на поражение и правительство лорда Норта будет отправлено в отставку.

На Фридриха не произвели впечатления военные операции Хоу, Корнуоллиса, Бергойна*, за которыми он внимательно наблюдал. Король предполагал, что Франция, в скором времени спровоцированная Британией, вступит в войну на море. Британцы намеренно это сделают для получения большей общественной поддержки и денег для войны. Во Франции теперь был новый главный министр, герцог д'Агильон, человек средних способностей. Борьба с французами могла задеть патриотически настроенных британцев за живое, чего не в силах была сделать война в колониях против друзей и знакомых. Фридрих не мог поверить, что Франция упустит такой случай, когда Британия настолько завязла в Америке. Поскольку он не был настроен помогать Британии, то, когда та обратилась к нему за разрешением на пропуск войск из Ганновера и Гессена через прусскую территорию, ответил отказом, сославшись на прецеденты: такие марши часто заканчивались беспорядками. Независимость американских колоний теперь была неизбежностью; Георг III, считал он, получил то, чего заслуживает. «Говорят, что Англия утопает в роскоши», — писал он с некоторой издевкой. Однако Фридрих был неизменно учтив с визитерами из Британии. Генерал Копуэй, некоторое время занимавший пост государственного секретаря, встречался с королем в Сан-Суси в 1774 году и отмечал, что был очень любезно принят. На Копуэя также произвел глубокое впечатление и сам Потсдам с его планировкой и изысканностью.

В Берлине в это время был новый британский посол. Харрис — «*Honnête homme*»**, — с одобрением писал о нем Фридрих, хотя они никогда не были близки — был направлен, к неудовольствию Фридриха, в Санкт-Петербург. Его преемником стал Хью Эллиот. «Бог знает какого легкомысленного шотландца они подберут», — говорил Фридрих. Сначала король

* Хоу, Корнуоллис, Бергойн — британские генералы, командовавшие войсками в ходе Североамериканской кампании 1775—1776 гг.

** порядочный человек (фр.).

ставил всяческие препоны, говоря Мальцану, что, как он понимает, Эллиот слишком молод, «всего лишь капитан», и не принадлежит к знатному роду; Фридрих говорил, что однажды покажет, что думает об этом, заменив фон Мальцана на какого-нибудь «старого капитана из волонтерского батальона», персона без всякой дипломатической значимости. Мальцан сделал все возможное, чтобы прояснить ситуацию. Да, Эллиот молод — ему двадцать пять лет; но он имеет прекрасные связи, происходит из древнего шотландского рода*, сын баронета, очаровательный и остроумный человек. Он прибыл на место службы осенью 1776 года.

Эллиот приступил к выполнению обязанностей в неблагоприятных условиях. Один из американских агентов, по имени Ли, находился с соратниками в Берлине. Их целью было обеспечение поставок оружия, и первой дипломатической задачей Эллиота стало наблюдение за ними. Июньским вечером 1777 года портфель Ли был украден из гостиничного номера, где тот проживал, а номер обыскан. В этом обвинили Эллиота, и он признал, что потребовал от своих сотрудников наблюдать за Ли, но не уполномочивал их на воровство документов. Посол оправдывался и говорил, что повторит оправдания перед королем. «Это то, что я называю государственным воровством», — сказал Фридрих. Он гневался из-за нарушения протокола, но искренность Эллиота произвела на него некоторое впечатление. Король отметил, что, несомненно, такому поведению учили *«dans l'école de Bute»***, и подчеркнул при этом, что его собственная терпимость находится в резком контрасте со злобностью, которую британцы демонстрируют в таких делах, как вопрос о Данциге! Но: «Не судите слишком строго», — сказал он своим министрам. Фридрих всегда обладал некоторой терпимостью к мошенникам.

Эллиот оказался умным и умелым дипломатом. Он в скором времени влюбился в прекрасную шестнадцатилетнюю жительницу Берлина по имени фон Краут и в 1778 году женился на ней. А потом красавица миссис Эллиот изменила мужу с симпатичным помощником принца Генриха, неким Клинхау-

* Он был младшим братом пресвого графа Минто, получившего титул в 1797 году. — *Примеч. авт.*

** в школе Бьюта (фр.).

зепом. Эллиот застал ее *in flagrante**, забрал ребенка, дочь, и вместе с младенцем переехал в Копенгаген. Оттуда он бросился преследовать влюбленных, направлявшихся в Мекленбург, и настиг их. Книппхаузен сначала отказывался принять вызов на дуэль, но, когда Эллиот побил его тростью, согласился. Они встретились на следующее утро, после того как Книппхаузен якобы пытался ночью бежать, и стрелялись. Первый же выстрел заставил Книппхаузена подписать письмо. В нем он слезно раскаивался в содеянном. В 1783 году состоялся развод, после которого эту даму не принимали в приличном обществе.

Принц Генрих очень разгневался из-за этого взбодоражившего его окружение инцидента. Подобного рода события оживляли жизнь дипломатического корпуса и не были столь уж редкими. «Берлин, — замечал Харрис, — это город, где нет честных мужчин и незапятнанных женщин. Женщины продают себя тому, кто больше заплатит, мужчины — бедны и сумасбродны». Харрис полагал, что такая ситуация существует отчасти благодаря нерелигиозности и пренебрежению моральными обязательствами, присущим самому Фридриху, и, быть может, по пуританским стандартам Фридриха Вильгельма Берлин действительно начал загнивать. Приезжие обращали внимание на преобладание беззастенчивой проституции, но также и на приятную простоту и неформальность, которую они здесь находили, — поразительный контраст с карикатурной прусской скованностью, которую они ожидали увидеть.

Фридрих никогда не упускал из виду Австрию. Он согласился — даже попустительствовал этому — с расширением австрийской территории за счет Польши в 1772 году, обратил внимание на приобретение территорий в Валахии по секретному договору с Турцией в 1771 году. Фридрих постоянно подчеркивал двуличие Кауница. «Они меняют своего человека в Санкт-Петербурге, Лобковица, потому что он честен! — писал он принцу Генриху. — Его заменят на сына Кауница, который станет интриговать против императрицы и нас!» Он считал, что если какое-то государство будет призвано еще раз положить предел австрийским притязаниям, то это неизбежно будет Пруссия. Невозможно убедить ни Францию, ни Британию высту-

* здесь — на месте преступления (англ.).

пить в оппозиции Австрии, писал король в начале 1775 года Генриху в длинном письме, посвященном ситуации в Европе. Заставить турок сопротивляться Вене — безнадежное дело. Французы оказались потопленными в легкомыслии, которое сопровождается финансовым хаосом. Британия завязла в Америке, и все ее проблемы там; Россия истощена, и императрица решительно сосредоточилась на реформе законодательной системы и раздает бесценные подарки фаворитам. Может случиться, что однажды Россия вновь окажется одна.

Поскольку австрийские притязания вновь стали весьма реальны, в июле 1775 года Фридрих писал в Санкт-Петербург: ходят слухи — не больше того, — что австрийцы имеют готовые планы о расчленении Баварии после смерти нынешнего курфюрста; раздел территорий с Францией, в том числе и Австрийские Нидерланды, — все в основном чепуха. Серьезно, однако, то, что Австрия планирует захватить Баварское курфюршество — самое богатое в Германии. Генрих был уверен, что так и случится, и этому следует противостоять. Фридрих, настроенный несколько скептически, сомневался, что такой шаг можно сразу же предотвратить. Это могло потребовать большой войны и создания антиавстрийской коалиции. Правильнее убедить других, например курфюрста Пфальца и его наследника, герцога Цвейбрюкенского, взять инициативу на себя. Пруссия могла бы действовать в поддержку, играть вспомогательную роль. Фридрих не хотел предвосхищать события. Он располагал прекрасным источником информации, им был посланник Пфальца в Дрездене, барон фон Халльберг. Он раздобыл у французского посла в Вене документ, в котором говорилось, что, когда умрет курфюрст Баварии, австрийские войска оккупируют ее и вернут земли, принадлежащие по праву Австрии, но такого не должно произойти. Король высказывал мнение, что, когда он сам умрет, у австрийцев появятся планы занять его владения, а именно — Силезию. Но сейчас лучше подождать, держа порох сухим. Генрих полагал, что Фридрих поддается обстоятельствам, но скоро его полностью заняла подготовка второго визита в Санкт-Петербург, который был организован как раз в это время, а также планов дальнейшего сближения России и Пруссии. Он, как и брат, был уверен, что Кауниц делает все возможное, чтобы посеять рознь между Фридрихом и Екатериной.

Тем не менее король приветствовал каждый дружественный жест Вены и был несказанно рад услышать, что Иосиф приказал произвести церемониальный ружейный залп 5 австрийских гренадерских батальонов, которым руководил его друг Нугент; это было сделано возле Праги, под деревом, где пал Шверин, и в его честь. Любезный, рыцарский поступок. Подобные почести были приятны, но Фридрих подозревал, что Иосиф однажды попробует себя в «авантюрах». Австрия оставалась постоянным источником опасности для Пруссии. Глава Третьего департамента Генеральной директории Фридриха — по сути, его министерства иностранных дел — Вильгельм фон дер Шуленбург, прощательный человек, в начале 1777 года докладывал, что в Вене решено захватить Баварию *coup de main**, как только умрет ее курфюрст. Фридрих всегда опасался России, несмотря на дружбу, на укрепление которой он потратил столько сил; однако Генрих развеял все его страхи, а он выступал своего рода экспертом по России. С Австрией было по-другому.

Иосиф запланировал неофициальный визит** во Францию. По мнению Фридриха, главной целью визита была нормализация семейных отношений между сестрой Иосифа, Марией Антуанеттой, и ее супругом, Людовиком XVI, к которому Фридрих питал презрение. Если бы, говорил он, Людовику XVI удалось найти великого министра, какого-нибудь Лувуа, он, быть может, и спас бы Францию. Но в настоящее время финансовые злоупотребления достигли таких масштабов, что какого-то рода революция неизбежна. Визит Иосифа мог, конечно, иметь и более зловещие мотивы, но, поскольку произошла своеобразная смена ролей, Генрих теперь писал об Австрии в примирительном ключе: «...австрийская политика всегда хорошо просчитана. Начинать войну против тебя было бы полной нелепостью!» Он отвечал на сообщение короля о высказывании Кауница: «Имперский двор никогда не потерпит мощи Пруссии. Чтобы обуздать ее, мы должны ее уничтожить». Недоверие Фридриха снова стало усиливаться. Принимая одаренного молодого итальянского музыканта, рекомендованного императором, он был любезен с ним. Итальянец искал места при прусском дворе, но

* решительным и смелым ударом (фр.).

** Под именем графа Фалькснштейна. — Примеч. авт.

Фридрих прекрасно понимал, что его настоящая задача — служить осведомителем Вены. Он провел с ним продолжительную беседу, отличавшуюся большим дружелюбием. Однако на следующий день итальянец получил распоряжение короля: «Уезжайте из Берлина сегодня же!»

Неясности в баварском вопросе возникли десять лет назад. В марте 1767 года в Берлин приехал некий граф Филипп Зинцендорф. Он был племянником Великого магистра мальтийских рыцарей ордена госпитальеров, древнего и уважаемого католического ордена, пользовавшегося в международном праве суверенными правами. Зинцендорф имел поручение изучить возможность размещения ордена в Силезии — прежний епископ Бреслау происходил из рода Зинцендорфов. Он должен был также вручить Фридриху верительные грамоты в качестве посла. Тайная же его миссия состояла в том, чтобы посеять недоверие между Россией и Пруссией, исподволь распространяя слухи об улучшении отношений между Венной и Берлином. Он действовал в интересах Кауница.

Зинцендорф относился к типу людей без четких принципов, но внушающих доверие и оставляющих приятное впечатление. Он был занимателем и популярен, появлялся на важных мероприятиях с таким видом, словно они были немыслимы без его участия. Перед отъездом Фридриха в 1769 году в Нейссе для встречи с Иосифом его посол в Вене, Род, заметил, что будет удивлен, если Зинцендорф каким-либо образом там не окажется, «чтобы встретить, путаться под ногами». И докладывал Кауницу.

Фридрих скептически относился к Зинцендорфу и сомневался в его полномочиях. Однако такие люди порой выбалтывают ценные вещи. И, когда в сентябре 1768 года до Фридриха дошли сведения, что Зинцендорф легкомысленно болтал о планах относительно судьбы Баварии после смерти ее курфюрста, он насторожился. По словам Зинцендорфа, на этот счет у Австрии имелся план немедленного ввода в курфюршество своих войск, чтобы заполучить его в собственность.

Это могло быть сплетней профессионального интригана, набивавшего себе цену и показывавшего, что располагает конфиденциальной информацией; интригой с непонятными мотивами; умышленным распространением слов Кауница. Род, когда король спросил его мнение, посчитал, что это не следует при-

нимать серьезно. Тем не менее что-то отложилось в голове Фридриха. «Меня занимает в последнее время, — писал он в августе 1769 года фон Гольцу в Париж, — как проникнуть в намерения Вены в отношении баварского наследства». И в декабре того же года Генриху: «Следующая возможность добиться выгод для нашего дома появится со смертью курфюрста Баварии»; предусмотрительно добавляя: «...чего, быть может, придется ждать сорок лет». Если появится возможность добиться выгод, заинтересованными сторонами станут и другие европейские государства, и Фридрих направил Паницу в Санкт-Петербург генеалогический *précis** заинтересованных королевских домов. Там были перечислены баварские и пфальцские фамилии. Обе, писал он, являлись различными ветвями рода Гвельфов**, «самой прославленной семьи в Германии». Нынешним главой одной из ветвей является герцог Цвейбрюкенский, другой — курфюрст Баварии. Габсбурги, подчеркивал он, не могут претендовать ни на Баварию, ни на Пфальц.

Это несколько упрощенно представляло запутанную проблему. Действительно, Карл Теодор, курфюрст Пфальца, возглавлял так называемую ветвь Родольфа, а наследником был его племянник, номинальный герцог Цвейбрюкенский. Главой другой ветви, так называемой ветви Вильгельмины, был курфюрст Баварии, Макс Иосиф. По изначальному соглашению, датированному пятнадцатым веком, земли одной ветви должны переходить к другой в случае отсутствия наследников. Были, однако, и более поздние соглашения, и более противоречивые факторы. Первый — территория самой Баварии с течением времени то увеличивалась, то сокращалась; император стал претендовать на Нижнюю Баварию в качестве имперского лена по договору 1426 года, якобы отмененному спустя три года. Второй — баварские герцоги приобрели различные земли, которые в случае спора могли бы также быть возвращены императору, а не передаваться с титулом герцога Баварского. Далее, Вестфальский договор 1648 года, который оставался священным каноном в германских делах, передавал Верхний Пфальц юго-восточному соседу, Баварии, но возвращал Пфальцу, если баварская линия прервется.

* очерк (фр.).

** Сегодня в большинстве случаев известен как Виттельсбах. —

Примеч. авт.

Все это относилось к сфере генеалогии, легитимности. Более поздним и важным событием было то, что баварский курфюрст, Макс Иосиф, составил в 1766 году семейное соглашение, подтверждавшее право курфюрста Пфальца наследовать в Баварии: Макс Иосиф — последний в роду. Это семейное соглашение было закреплено в 1769 году формальным завещанием и подтверждено в 1771 и 1774 годах. Вопрос, который казался нетрудным, осложнялся тем, что племянник и наследник Карла Теодора, Цвейбрюкен пользовался советами дяди, если возникнут любые вопросы по поводу этих договоренностей. Цвейбрюкен узнал — и сказал об этом Максу Иосифу, — что его дядя, Карл Теодор Пфальцкий тайно ведет переговоры с Австрией о наследстве, которое должно принадлежать ему, Цвейбрюкену. Кауниц и молодой император имели виды на Баварию.

Многие факторы, таким образом, влияли на ясную и простую позицию, которую Фридрих изложил в 1769 году. Прошло время, и стало ясно, что могут возникнуть аналогии с Польшей: указывали на относительную отсталость баварской экономической системы и управления, хотя Макс Иосиф, одаренный и гуманный человек, много сделал для реформы образования и экономики; подчеркивали наличие могущественных соседей. Австрия, как полагали, уже пыталась откупить претензии у курфюрста Пфальца, и не без успеха.

В обладании Баварией, считал Фридрих, имеются практические выгоды. Контроль над верхним течением Дуная представлял прекрасные стратегические позиции. Ежегодный доход в настоящее время — 6 миллионов экю*. Население способно содержать армию в 20 000 человек. Выскажи Австрия претензии в этом направлении, она, возможно, встретит возражения со стороны Франции, но ей всегда можно предложить — о чем часто ходили слухи — Австрийские Нидерланды, чтобы подсластить пилюлю, хотя такое предложение непременно встретит резкое неприятие со стороны Британии.

Кроме того, Австрия, конечно, столкнется с оппозицией германских государств. В первую очередь со стороны Пруссии.

Фридрих все еще выглядел очень внушительно, несмотря на возраст. На осенних маневрах 1776 года. «Верхом с 8.30 до

* Примерно 18 миллионов фунтов по курсу тех времен, или 1 млрд 100 млн сегодня (1999 г.). — *Примеч. авт.*

11.00, — записал один французский гость, — давал аудиенцию с 2.15 до 4.30 — все время стоя и ни на что не опираясь, даже руки на стол не положил, глаза ясные, цвет лица здоровый... во время беседы вскидывал голову и отводил назад плечи — говорил о поэзии, иезуитах, театре, образовании, литературных анекдотах...» Король во многом оставался прежним. Он неприязненно отзывался о поляках, а также с неувядаемой враждебностью вспоминал мадам де Помпадур.

В конце декабря 1777 года Фридрих написал в Вену Йозефу Герману фон Ридезелю: как он понимает, курфюрст Баварии заразился чем-то вроде оспы. Ночью 29 декабря Макс Иосиф умер.

«Если послышится звук охотничьего рожка, — сказал Фридрих Генриху, — то мы должны опять седлать коней!» Казалось, рожок вот-вот протрубит. Услышанный много лет назад рассказ Зинцендорфа, недавний доклад Шуленбурга, а также предвидения Генриха оказались правдой. Австрия намеревалась оккупировать Баварию.

Через несколько дней после смерти Макса Иосифа, 3 января 1778 года, Кауниц подписал с курфюрстом Пфальца договор, которым признавались его права как курфюрста Баварии, по нему же Австрии передавалась Нижняя Бавария. Так было и в том, якобы депонированном, просуществовавшем три года соглашении три с половиной столетия назад! Эти договоренности, если позволить им оставаться в силе, отрезали от Баварии треть площади, включая самые богатые земли, и признавали фактическую вассальную зависимость Карла Теодора от Вены. Это был договор о разделе, причем задолго до того запланированном. Он противоречил официальному заявлению, сделанному несколькими днями раньше курфюрстом Пфальца, о том, что Карл Теодор согласен наследовать только неразделенную Баварию.

15 января 1779 года австрийские войска вошли в Баварию. Зная об этом заранее, Фридрих немедленно написал в Санкт-Петербург, что это будет диаметрально противоположно положениям конституции Германской империи. Кауниц рассчитывал на поддержку Франции, которую так усердно обхаживал в годы войны и до нее; а также держал в уме, как часто предсказывал Фридрих возможность торга на случай затруднений: Австрийские Нидерланды для Франции в обмен на часть Баварии для

Австрии с согласия Франции. Франция, однако, разочаровала Кауница. Французы находились на грани войны с Британией в поддержку американских колонистов и в отношении раздела Баварии решили выбрать нейтралитет. Англичане, как и французы, были заняты Америкой. Они подозревали Фридриха в том, что он подстрекает французов помогать американцам. Дело Хью Эллиота и американского агента Ли не добавило британцам симпатий к Пруссии, и у них не было желания оказывать помощь в установлении преград на пути амбиций Австрии.

Берлин пребывал в тревоге. Все понимали, что Пруссия, которая столько времени сражалась за независимость и ограничение власти Австрии, не станет безмолвно сносить подобные односторонние действия. Договор о разделе явно продиктовали, а Карл Теодор был креатурой Вены. Возникла опасность насильственной перекройки Германии Австрией. «Можно было подумать, — писал Фридрих, — что раздел Польши станет последним знаменательным событием в годы правления короля. Судьба распорядилась иначе». Вся Германия теперь смотрела на Фридриха.

Глава 22

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ

Фридрих действовал осторожно. Кризис не был неожиданным, но он полагал, что в этом случае общественное мнение может иметь столь же важное значение, как и оружие. Было крайне желательно организовать максимальный протест в Германии — и не только в ней — против Вены.

Фридрих потребовал найти все относящиеся к делу документы, чтобы проверить имеющиеся у него факты: договоры начиная с четырнадцатого века, завещание императора Фердинанда III, который умер в 1657 году, тексты определенных статей Вестфальского договора 1648 года, копии законов империи, касающихся вопросов отчуждения и расчленения. Он срочно послал узнать о намерениях курфюрста Пфальца, проследил, чтобы Гольц в Париже был полностью проинформирован относительно легитимности ситуации для осведомления французов о ней. Фридрих подозревал, что они сотрудничают с австрийцами, но надеялся на поддержку Франции курфюрста Пфальца, если тот встанет на защиту своих прав. Французы являются, напомнил он всем, одними из гарантов Вестфальского мира, и если они останутся в стороне в данной ситуации, то не смогут надеяться на влияние на германские дела в будущем. «Покажите все свое красноречие! — убеждал он Гольца. — Франция от этого может даже выиграть!» Однако король думал, что она скорее всего окажется бессильной по четырем причинам: преклонный возраст восьмидесятилетнего главы кабинета министров Морепа; банкротство французской короны; занятость

соперничеством с Британией и австрийские связи королевы, Марии Антуанетты.

Фридрих ежедневно получал различные, порой противоречивые, сообщения. По одним, выдвижение австрийских войск было отменено — они выстроились на границе. По другим, курфюрст Пфальца уже уступил австрийцам все, что им причиталось по договору о разделе. Поступали обнадеживающие сведения: Франция решила поддержать курфюрста против расчленения его наследства. «Хаос!» — написал Фридрих. Он стремился стоять на парочито легитимистской позиции и несколько не удивился, получив из Вены столь же легитимистски звучащее заявление Кауница о претензиях Габсбургов. Его собственная позиция, дал ясно понять монарх, должна основываться на конституции империи.

Произошел экстренный обмен посланиями со всеми германскими дворами. Иосиф поправился Фридриху при первой встрече, но король полагал, что молодой человек слишком тороплив, каким был и он, когда взшел на трон Пруссии. «У него есть мозги, — говорил Фридрих, — и он мог бы далеко пойти. Жаль только, что всегда делает второй шаг раньше первого!» И король решил не действовать поспешно. В письме к датской вдовствующей королеве Юлиане Марии он процитировал императора Августа: «Торопитесь медленно». Фридрих не всегда действовал подобным образом, но в данном случае это было мудро. Он сохранял связь не только с курфюрстом Пфальца, Карлом Теодором, но и с племянником и наследником последнего, Цвейбрюкеном. Вся империя, и католики, и протестанты, писал он в Париж Гольцу, возмущена действиями Австрии. Значительная часть Баварии просто захвачена Австрией по соглашению с Пфальцским курфюрстом, которого тот не имел права заключать. Даже Саксония, так часто выступавшая слабым звеном, считает претензии Вены мошенническими и предлагает сотрудничество с Пруссией.

Фридрих планировал затягивать контакты с Веной, насколько будет возможно. Он написал Цвейбрюкену, призывая его не признавать договор о разделе, силой навязанный его дяде, и стоять за свои права; предлагал также поддержку Пруссии. Его усилия были вознаграждены — он узнал, что Цвейбрюкен сделал, как его просили, и, что важно, отказался принять от императора орден Золотого Руна — это было унижением для Иосифа.

И еще в руках Фридриха оказалось письмо от Карла Теодора к Цвейбрюкену, в котором тот признавал, что подписал договор по принуждению австрийцев. Цвейбрюкен, как Фридрих узнал от графа Герца, специального посланника в Баварии, имевшего подробные инструкции «на путешествие», во время которого тот должен был заводить нужные контакты, был готов «броситься в объятия короля Пруссии». Король направил ему послание с выражением горячей признательности. Он с радостью получил весточку с выражением поддержки от вдовы покойного курфюрста Баварии Макса Иосифа. Фридрих обо всем подробно информировал Екатерину, а в феврале направил Австрии официальный протест вслед за протестом, посланным Цвейбрюкеном в Имперский совет.

Фридрих был, по его словам, готов защищать законы и свободы Германии. Он радовался полученной поддержке, радовался, что может выступать защитником законных прав наследника, с которым несправедливо обошлись, Цвейбрюкена, и запуганного и одураченного претендента, Пфальца, а не как главное действующее лицо, вырвавшееся вперед других. Однако теперь война стала неизбежной. Отношение Австрии к баварскому наследству — недопустимо. Курфюршество было предательски отдано правителем под сюзеренитет Габсбургов. Он говорил Финкенштейну, что приготовился к холодному ответу Вены на свой меморандум и что он догадывается, как пользоваться шпагой.

Холодный ответ Вены Фридрих получил в Потсдаме 23 февраля 1778 года. Он был, говорил король, настолько плохо обоснован, что его мог бы опровергнуть молодой студент факультета права. Фридрих считал, что к этому времени большая часть монархов Германии объединилась ради дела, которое он ведет. Важна позиция, которую займет Франция, и он направил Гольцу австрийскую ноту, подчеркнув, что ему просто нужно знать, намерена ли Франция оставаться нейтральной, поддержать тирана Германии Иосифа или выполнить почетную миссию гаранта Вестфальского мира. Король подсластил послание несколькими дружественными, хотя и осторожными, пожеланиями Франции успеха в ее затруднениях с Британией.

Большинство германских монархов, возможно, и были с Фридрихом и Цвейбрюкеном, но он очень надеялся получить

поддержку Саксонии до того, как начнутся боевые действия. Фридрих с беспокойством узнал от своего представителя в Дрездене, фон Альвенслебена, что курфюрст Саксонии встанет на сторону Австрии в случае начала войны, несмотря на то что его сестра замужем за Цвейбрюкеном. Этому браку Фридрих активно содействовал. Такие сообщения, заявил он, «заставляли его краснеть от стыда за Германию». Король с горечью написал принцу Генриху о том, насколько «жалкими особями» могут быть эти имперские монархи. Альвенслебен, и это характерно, получил резкую записку, в которой говорилось, что король с большим удовольствием читал бы менее длинные и многословные депеши. Фридрих хотел узнать от представителя, куда и откуда движутся австрийские войска. 17 марта Фридрих составил 17 писем, половина из них адресовалась его генералам и содержала инструкции по организации и передвижению войск. Зима подходила к концу, и с приходом весны 1778 года должна была начаться новая кампания. Из Вены приходили сообщения о концентрации австрийских сил в Богемии, Моравии и Галиции*, образующих наблюдательный кордон вокруг юго-восточных пределов владений Пруссии. Фридрих воспринял это спокойно. Он не мог понять, что австрийцы собираются делать в Галиции, но ждал войны и был к ней готов. Король в сильных выражениях писал в Санкт-Петербург о слабости курфюрста Пфальца, о пугающей жадности Австрии и о надежде, возлагавшейся на герцога Цвейбрюкенского.

Фридрих понимал, что русская императрица дружески отнесется к занимаемой им позиции. Подход Франции, писал он, вял и непонятен, «сопливость и медоречивость». Они, кажется, «*petrifies*»** действиями австрийцев. Однако теперь Фридрих получал более благоприятные известия из Саксонии, несмотря на прежние заявления курфюрста. На саксонский демарш Вена даже не ответила, настолько высокомерен этот двор. Фридрих играл на страхе перед Австрией, предлагая свою дружбу и помощь, заявляя об отсутствии у него каких-либо амбиций, и в награду получил военную конвенцию между Пруссией и Саксонией, в которой рассматривались действия на случай войны. О ней вел переговоры полковник фон Цегелин,

* Южная Польша. — *Примеч. авт.*

** ошеломлены (фр.).

специально присланный для этих целей в Дрезден. Ее подписали в начале апреля.

Меры, о которых была достигнута договоренность с саксонцами, предполагали, что дело придется иметь с 76-тысячной австрийской армией в Моравии, между Оломоуцем и Кёниггрецем, с хорватской легкой кавалерией у Габеля, в Западной Богемии, к северу от Неймеса, и с 32-тысячной армией у Тешена. Если не было ошибки, Фридрих предполагал провести в основном саксонскими силами наступление через Лейтмериц и вытеснить хорватов из Габеля, а затем приступить к действиям против Праги и подготовиться к осаде города, если в Богемии не потребуются вести основных операций против австрийцев. Прусская армия из Верхней Силезии будет одновременно действовать с севера, угрожая Вене; саксонцы будут вести операции под командой пруссаков, и правый фланг объединенной армии, часть которого они будут составлять, поступает под командование принца Генриха. Армия в Верхней Силезии будет находиться под прямым командованием Фридриха.

Эти маневры вынуждали противника действовать сразу в двух направлениях. Момент для решающего сражения наступит, когда австрийцы ослабят одно из направлений, чтобы усилить другое. Общая концепция — стратегическое наступление с двух направлений. Оставалось еще узнать, станут ли помогать русские.

В апреле Иосиф перевел двор и ставку в Оломоуц, в Моравию.

Иосиф — новичок, преисполненный радостными чувствами, — был готов драться. До настоящего момента передвижения обеих армий характеризовались как предупредительные — маневры, призванные защитить справедливые претензии императора, или курфюрста Саксонии, от возможных враждебных попыток нарушить мир. Такова была традиционная риторика военной поры в восемнадцатом веке. В реальности же австрийцы оккупировали часть территории Баварии вопреки желанию большинства германских государств, и Пруссия, заполучив в союзники Саксонию, решила выступить против Австрии. Фрид-

рих ожидал, что кампания начнется в середине апреля. На тот момент с формальной точки зрения все еще находились в состоянии мира, но он полагал, что скоро под каким-нибудь предлогом австрийцы начнут выдвигаться в Саксонию, Силезию и Глац. Если нет, то он пойдет сам.

Иосиф, однако, продолжал делать попытки вступить в переговоры с Фридрихом. Перед императором не было монолитного блока противников, который Фридрих был бы рад иметь. Некоторые монархи, в частности ганноверский и гессенский, находились далеко, а их войска — на другой стороне Атлантики. Князья церкви, правители-епископы и правители-архиепископы, не были твердо настроены против Вены. Фридрих говорил, что они либо запуганы, либо коррумпированы. Позиция Франции остается двусмысленной. Русские могут вновь оказаться втянутыми в войну с турками. Иосиф никак не хотел верить, что все козыри на руках его противников. Он соглашался признать намеченных Фридрихом наследников в маркграфствах Ансбаха и Байрейта в обмен на его согласие с позициями Австрии в Баварии.

Ответ Фридриха был краток. Император, как и его предшественники, ответствен перед Германией. Прежде императоры смещались, если выходили за рамки законов империи. Фридрих, как и решил с самого начала, занимал позиции защитника имперской конституции, которую император попирает своими сделками в Баварии. Его непреклонное требование — отказ Иосифа от претензий на территории курфюршества. Описывая Золмсу в Санкт-Петербурге состояние дел, он писал, что, вероятно, уже будет вести жестокую борьбу с австрийцами, прежде чем русские вообще поймут, что война началась: «...взгляните на паглый ответ, который эти выродки мне прислали!» 5 апреля в Берлине король обратился к генералам, специально делая акцент на почти ностальгической ноте: «Большая часть из нас служили вместе с молодости и поселились на службе отечеству». Это было правдиво и трогательно, но не настолько, чтобы разжечь патриотический и воинственный огонь в сердцах его слушателей. 11 апреля Фридрих выехал в Глац и приказал устроить ставку в Шёнвальде, неподалеку от Зильберберга.

Противостоящие стороны старались не выглядеть агрессорами. «Агрессоры, — поспешно заявил Фридрих 13 апреля в письме Ридезелю в Вену, — те, кто узурпировал Баварию!» Оба

противника продолжали действовать с оглядкой. Обмен письмами, вежливый, как всегда, между Фридрихом и Иосифом, состоявшийся 14 апреля, практически не оставил сомнений в том, что их взгляды радикально разнятся. В отношении Баварии Фридрих не соглашался ни на что другое, кроме сохранения *status quo ante**. Дальнейшие обмены, полные льстивых слов, которые были проведены несколькими днями позже, ничего не изменили.

Фридрих тем не менее полагал, что до конца мая ограничится одними разговорами. Он заявил свою позицию, и время работало на него, поскольку возмутительный характер австрийских требований становился все более очевидным; они хотели заполучить большую часть территории Баварии. Поэтому король не имел ничего против того, что австрийский граф Кобенцль был послан в Берлин ожидать его приезда. Он считал это бесполезным, но инструктировал Финкенштейна: если будут предложения, которые по-настоящему удовлетворят требования Цвейбрюкена, он готов их выслушать. Нужно, чтобы Саксонию, которая теперь была важным союзником, в равной степени удовлетворяло то, что предложат австрийцы. Едва ли Фридрих ожидал каких-либо позитивных результатов от переговоров на этом этапе, но он не мог предстать не готовым договариваться. Тем временем армия продолжала концентрироваться, и король писал принцессе Оранской, любимой племяннице, что он и его пруссаки похожи на актеров, готовящихся сыграть новую пьесу, но занавес еще не поднят.

Среди этих актеров возникло некоторое смятение умов. Обычно Фридрих выступал как мастер деталей, но 12 мая Герцберг, коллега Финкенштейна, написал ему, что после прочтения последнего приказа короля относительно его контактов с Иосифом он мог сделать единственный вывод: Фридрих либо не читал недавнего письма Иосифа, либо забыл его содержание. Дело касалось предложений по поводу Ансбаха и Байрейта. Если в отношении короля прозвучит открытая критика, это непременно породит сомнения о возможности Фридриха продолжать контролировать дела. У некоторых австрийских официальных лиц складывалось мнение — во всяком случае, они так говорили, — что прусская политика теперь недостаточно хорошо скоординирована. Важных людей не информируют о

* все так, как было до данного момента, статус-кво (лат.).

принятой политической линии. Ведение дел было организовано неудовлетворительно. Кобенцль, австрийский посланник с чрезвычайными полномочиями, уехал в Берлин, а Фридрих, который был не из тех, кто передоверяет кому-либо ключевые вопросы войны и мира, находился в ставке в Шёнвальде, в Силезии. Переписка заняла несколько дней. Фридрих скорее всего не верил в так называемые переговоры, но продолжал их вести, изучая предложения и вырабатывая собственные контр-проекты. Они не содержали никаких уступок, и король тщательно следил, чтобы Санкт-Петербург и Париж ставили в известность об этом. Он, по его словам, провел пять месяцев, во время которых «одна неопределенность сменяла другую», но Фридрих затягивал время намеренно. Он доигрывал партию, но был уже поглощен предстоящей кампанией, которая наверняка вскоре начнется, а упущения, вроде отмеченного Герцбергом, свидетельствовали, что его мозг был уже не тот. Фридрих начинал сдавать. Ему было уже шестьдесят шесть лет.

Разведывательная информация, поступавшая к Фридриху, наводила на мысль, что австрийцы предполагают оставаться в обороне, по крайней мере на первом этапе. Неопределенность утомляла Фридриха, и это было заметно из его переписки. Раньше все определяли его собственные решения и действия. Теперь же нервы сдавали. В его письмах, как всегда изящных и изысканных, порой проскальзывали повторы, даже рассеянность. Фридрих часто неприязненно высказывался в отношении заносчивой гордости Австрийского дома, необузданных амбиций императора. «Венский двор не хочет мира! — заявил он 10 июня 1778 года. — Австрийцы делают неясные предложения только для того, чтобы потом сказать французам и русским, что они сделали ради мира все, что можно!»

Фридриха крайне раздражала пассивность Санкт-Петербурга, хотя это в некоторой степени объяснялось известиями о новых стычках между русскими и турками и турецком вторжении в Крым. Он ожидал несколько большего, чем просто нейтралитет, и от Версаля, кроме его постоянных напоминаний о том, что Франция является гарантом Вестфальского мира, который нарушен Австрией; французы, однако, фактически отказались помогать Вене. Теперь Фридрих, несомненно, жаждал снятия напряжения, его могли принести только военные действия. «Напрасный труд, — писал он Финкенштейну 14 июня,

ожидая ответа от Кауница. — Он будет столь же неадекватным, как и другие».

Вся ситуация оставляла впечатление переальности происходящего. При любом развитии кризиса неизбежно происходит определенное изменение в ощущениях людей, когда они начинают понимать, что споры, переговоры должны смениться реальными военными действиями, и момент для этого настал, и этого нельзя ни избежать, ни отложить. Прежние войны Фридрих в основном начинал первым, ставил противников перед *fait accompli* и потом определял ход событий. Теперь же войну приходилось начинать, так уж получилось, без подготовки. Фридрих доказывал, и очень доходчиво, что его дело вполне законно и справедливо. Но для того чтобы война разгорелась, необходимо высечь искру, а, несмотря на то что австрийцы оккупировали мирно и без сопротивления значительную часть территории Баварии, похоже, искры-то и не было. Братья Фридриха, Генрих и Фердинанд, были очень встревожены этой ситуацией; а Генрих, кроме того, беспокоился еще и о военных проблемах и трудностях со снабжением, которые предвидел. Фридрих пытался его успокоить — безуспешно. У Генриха, когда-то верившего, что ситуацию можно разрешить путем переговоров и территориального торга, сохранялся критический пастрой.

Возражали не только братья короля. Герцберг в Берлине 27 июня составил осторожный меморандум. Курфюрсту Пфальца подло, как со злостью выразился Фридрих, удалось договориться с Веной. Не мог бы Фридрих, спрашивал Герцберг, выйти с новым протестом к Имперскому совету? Указать, что Вена отвергла все его разумные предложения о мире. Он мог бы вновь изложить все юридические аргументы и потребовать формального вердикта не от императора — он был бы арбитром в собственном деле, — а от совета. Такая линия поведения скорее всего встретит одобрение со стороны Франции, России, Британии и большинства государств империи, независимо от того, католические они или протестантские; и будет выдержана в духе обязательств, принятых Фридрихом в отношении Саксонии и Цвейбрюкена. Австрии будет трудно противиться вынесению такого вердикта, но крайней мере без того, чтобы не навлечь на себя всеобщее порицание. Трудность, признавал Герцберг, заключается в том, что придется отменить военные меры, поскольку

ку это означало бы напрасные расходы; но, быть может, стоит пожертвовать парой миллионов, чтобы избежать войны и обеспечить общую поддержку.

Ответ Фридриха состоял из двух строк: «Отправляйся гулять и возьми с собой свои бесполезные идеи! Ты рожден, чтобы быть министром у таких трусливых созданий, как курфюрст Баварии. Не у меня!» Это был пастрой: «армия готова». Пастрой декабря 1740 года. 5 июля прусские войска перешли границу Богемии.

Пруссия и Саксония паходились в состоянии войны с Австрией. Война была объявлена 3 июля 1778 года. Бавария формально оставалась пейтральной.

План Фридриха был прост. Австрийцев следует заставить отказаться от претензий в Баварии апробированным способом: вторжением пруссаков в Богемию и Моравию при поддержке 20 000 саксонцев. Богемия хорошо защищена горами, лесами и естественным рельефом местности по северной, северо-западной и северо-восточной границе. Прусско-саксонские войска произведут вторжение по широкому фронту, запутав таким образом противника. Принц Генрих командовал Западной группировкой, правым флангом, действовавшим из района Дрездена в направлении Праги. Основная, Восточная группировка, левый фланг, под командованием Фридриха пойдет из Силезии и Глаца через Ризенгебирге на Верхнюю Эльбу, которая в этом месте не шире ручья, в районе Кёниггреца. Это соответствовало прежней договоренности с Саксонией.

Фридрих, выйдя из Глаца; пересек границу у Находа под аккомпанемент барабанов и оркестра. Наход входил во владения князя Пикколомини, австрийского военачальника, и играл роль главных ворот Силезии. В тот же самый день много западнее Генрих двинулся из Саксонии. Для обеспечения стратегической внезапности шансов практически не было. Не только предварительные переговоры и дипломатические контакты почти не прерывались, но австрийцы вели кампании в Богемии настолько часто в последние тридцать лет, что все напоминало многократно повторенные учения мирного времени. Два наиболее искусных австрийских полководца, Лаудон и Ласи, противостояли соответственно Генриху и Фридриху. Войска Лаудона были развернуты в Мюнхенгреце-на-Изере и охраняли саксон-

ско-богемскую границу, их центр находился в Ниемесе. Ласи — по заявлению Фридриха, самый способный австрийский военачальник своего поколения — находился на Верхней Эльбе, там, где она протекала с севера на юг, а затем поворачивала на Пардубиц. Обе части австрийской армии имели большую численность, чем предполагал Фридрих, и в целом превосходили по количеству штыков пруссаков и саксонцев, вместе взятых. Численность последних, которые были преднамеренно разделены между Фридрихом и Генрихом, доходила до 160 000 человек.

Австрийцы, причем Ласи и Лаудон прикрывали тылы друг друга, хотя их разделяло довольно большое расстояние, решили остаться в обороне, как это и предвидел Фридрих. Ласи занимал сильные позиции по линии Верхней Эльбы, протянувшиеся почти на семь миль между Яромиршем и Гогенэльбе, неподалеку от того места, где Верхняя Эльба стекает с гор. Кроме того, он укрепил эти позиции, используя все возможные средства, затрудняющие наступление. На западе Лаудон встал в оборону фронтом на север и на запад вблизи границы Саксонии.

В оперативном отношении кампании на Западном и Восточном фронтах велись изолированно друг от друга. На западе Генрих перешел богемскую границу недалеко от Дрездена, сделав вид, будто движется по основной дороге от Плауэна, к западу от города; переправился через Эльбу на восточный берег у Пирны и пошел маршем по горным проходам и проселочным дорогам через Румбург, Толленштайн и Габель в направлении Ниемеса. «Этот прекрасный план, — с восхищением говорил ему Фридрих, — просто дар Божий!» и заметил, что в своих операциях возьмет его за модель. Маневры Генриха вынудили Лаудона отступить к Изеру, и Прага оказывалась у него в руках, стоило лишь повернуть к югу. В этот момент, однако, Генрих решил, что ему следует на какое-то время встать в оборону.

На востоке Фридрих собрал армию у Вельсдорфа, примерно в четырех милях к северу от Яромирша, и разведал позиции Ласи. Они были невероятно сильны, к тому же фронт австрийцы расширили легкими войсками и патрулями на общее расстояние почти в тридцать миль. Их трудно обойти и столь же трудно взять штурмом. Фридрих провел пробную операцию 16 августа. Оставив ранним утром Вельсдорф, он двинулся

маршем на поле давнего сражения у Соора, а затем сделал большой крюк на север, чтобы подойти к реке, обойдя Гогенэльбе, где ему предстояло соединиться с войсками принца Карла Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского, возможно, у Ласи там не так много сил, и позиции не так сильно укреплены.

Это не помогло. Маневр по пересеченной, лесистой местности занял слишком много времени, движению войск к тому же активно мешали кавалерийские разъезды противника. Для того чтобы подтянуть прусскую артиллерию, потребовалось значительно больше времени, чем предполагалось. Когда Фридрих и его армия достигли намеченного для сражения пункта у Гогенэльбе, стало ясно, что Ласи проделал тот же маневр, двигаясь параллельно, и встал на другой стороне долины с равными силами. Практически не оставалось другого выбора, как встать в оборону. Фридрих ежедневно выезжал верхом на рекогносцировку, пытаясь пайти место, где мог появиться шанс нанести удар, — безрезультатно. Он горько сетовал, как и Генрих, на трудный рельеф местности, узкие ущелья, крутые склоны, отвратительные дороги — довольно целевые жалобы, если учесть, что оба прекрасно были знакомы с пограничной местностью Силезии и Саксонии, Эльбой, Ризенгебирге.

Фридрих настаивал, чтобы Генрих, который находился в Лобозице, развил прежний успех и наступал по крайней мере на Изер. Убедить Генриха не удалось. Принц считал операцию рискованной, а возможные выгоды туманными. Он удерживал Лейтмериц и мост и мог действовать на обоих берегах Эльбы. Как и восточный фланг армии Фридриха, западный теперь тоже перешел к обороне. Лаудон, огорченный, что Генрих его перехитрил, готовил войска к отражению нового наступления пруссаков на Изер и не собирался уступать. Прага была оставлена, но он не проявлял намерения идти в глубь Богемии, в сторону ее столицы.

Тем временем Мария Терезия решила взять дело в свои руки. Императрице-королеве не везло в войне. Она опасалась за безопасность сына и, как и ее противник, пережила достаточно смертей, разрушений и минут отчаяния. В середине июля она направила к Фридриху личного посланника с охранной грамотой и перечнем мирных предложений. Фридрих, как всегда,

был многословен в выражении признательности и уважения. Он не стал отказываться от этого канала связи с противником. Сепаратные переговоры велись министрами в Берлине, но в конце концов были прерваны, к некоторому облегчению Фридриха, в середине августа. Их отмечали, говорил он, «*finisses et faussete*»*.

Император Иосиф находился в войсках. Он подбодрил и поддержал Лаудона, впавшего в депрессию после неудачи с Генрихом, много сделал для налаживания стабильного управления войсками, завоевав уважение солдат бесстрашием и спокойным отношением к тяготам. Но крупных стычек не было. Ни одна из сторон ни на западе, ни на востоке не видела возможности для успешного маневра. Две — а точнее, четыре — громадные армии стояли друг перед другом. Приближалась зима. Люди и кони начинали голодать.

Тыловое обеспечение становилось решающим фактором. Главный пункт снабжения Фридриха находился в Находе, и транспортам требовалось три дня на дорогу туда и обратно. В каждом письме Генриха содержались жалобы на снабжение и на трудности местности, но утешения от брата он не получил никакого. 29 августа принц написал, что сможет продержаться до 10 сентября — не дольше. Солдаты добывали провиант в деревнях и выкапывали на полях непопулярный тогда картофель, почему и война эта стала известна как Картофельная. Погода в том году была сурова — в августе в Берлине было так же холодно, как обычно бывало в конце октября. Войска несли потери от голода, дизентерии и дезертирства. Кони страдали, как и люди, а фуражирские команды подвергались нападениям австрийской и хорватской легкой кавалерии. В сентябре и Западная и Восточная группировки прусско-саксонской армии начали отступать — Генрих с саксонцами от Лейтмерица шел через Циттау, а Фридрих выдвигался от Шацлара, примерно в десяти милях к северу от Траутенау, где он простоял несколько недель. Настроение у короля было отвратительное. Он вежливо отклонил просьбу тридцатипятилетнего герцога Глостерского, брата Георга III, о поступлении в прусскую армию волонтером, объяснив, что не в состоянии

* фальшь и лицемерие (фр.).

уделять должное внимание столь важной персоне; не будет нормальных условий, к тому же может обидеться Франция.

Фридрих надеялся, что у австрийцев закончатся деньги. «Кошельки великих монархов, — писал он в мае, — дают импульс для их храбрости (дерзости) или для их сдержанности». И король молился о том, чтобы кошелек Марии Терезии опустел. Он слышал от дезертиров и очень хотел этому верить, что и Иосиф тоже пребывает в мрачном настроении и императрица-королева подталкивает сына к миру.

В этих обстоятельствах от министра Герцберга в Берлине потребовалась немалая смелость, чтобы обратиться к Фридриху с еще одним меморандумом как раз в тот момент, когда армия начала отступать. «Сир, я слышу, что Вторая армия покидает Богемию, а Ваше Величество вынуждены отходить в Силезию. Таким образом, кампания проиграна, и каковы надежды на продолжение войны?» Далее Герцберг — уже не столь мудро — дает оценку военным операциям, основанную на подсчете войск и других факторах, признавая при этом, что не является ни военным, ни «паглем». Ответ Фридриха был резким: «Я не осуждаю ваше стремление излагать мне ваши мысли, но в будущем вы сделаете мне приятное, если займетесь вопросами политики и оставите военную ситуацию на мое усмотрение... каждый должен заниматься своим *métier**». Он добавлял, что люди вроде Герцберга ничего не смыслят в этих вопросах, они здесь столь же невежественны, как обычные тупицы. Военные экспедиции, задуманные министрами, обречены, «как экспедиция британцев в Америке», положение которой, по его словам, хуже изо дня в день. Однако выговор, похоже, не испортил их отношений. Стали ясны две вещи — Фридрих к тому времени убедился, что Герцберг был прав, хотя и по другой причине; страх, который Фридрих, несомненно, внушал подчиненным, смягчало у них понимание того, что честность встретит уважение.

Отступление в чем-то было сродни катастрофе. Генрих потерял 3000 гужевых и артиллерийских лошадей. Это произошло в результате, говорил он, плохой подготовки и некомпетентности офицеров, ответственных за конский состав. Фридриха это ужаснуло, а его брат сильно по этому поводу сокрушался. К октябрю Генрих заболел, и король очень тревожился за него.

* ремеслом (фр.).

Георх не скрывал отрицательного отношения к этой войне, но выполнял свою роль на Западном театре военных действий с присущим ему мастерством и умением; и Фридрих традиционно не скупился на поздравления в его адрес.

12 октября шел сильный снег, и обе армии, Восточная и Западная, пруссаки, австрийцы и саксонцы, были разведены по зимним квартирам. Фридрих решил перезимовать в Бреслау, как он часто делал в прошлом. Европейские государства без особого энтузиазма наблюдали за этим безрезультатным противостоянием за баварское наследство. В военном отношении, казалось, возник тупик, ни одна из сторон даже не задумывалась о решительном наступлении. Противники без особого успеха вели переговоры о более широкой поддержке. Франция, несмотря на настояния Фридриха занять ответственную позицию как гарант Вестфальского мира, явно планировала сохранять осторожный нейтралитет. Британия была поглощена американскими делами, а также Францией: она могла от имени Ганновера войти вместе с германскими монархами в антиавстрийскую коалицию, но в военном отношении она была бы не помощница. Ее флот не имел значения для непосредственного ведения кампании, к тому же он одновременно прикован к трем направлениям — предотвращение опасности французского вторжения, охрана владений в Вест-Индии, откуда поступает значительная часть ее богатств, и поддержание связи с армией в Северной Америке. Она была мало на что способна.

Русские, имевшие перед Пруссией обязательства, пока не предлагали материальной поддержки. Фридрих знал, что они все еще обеспокоены отношениями с турками, но после многих переговоров он добился малого — обещания сделать заявление Австрии о поддержке Фридриха и германских государств, противостоящих ей. Русские также предложили ввести свои войска в Галицию — Южную Польшу, занятую австрийцами после раздела Польши, — когда австрийские войска будут, как планировалось, выведены оттуда. Возможность российского присутствия, думал король, может оказаться полезной для давления на Вену. Все это происходило поразительно медленно и в целом неудовлетворительно. Фридрих, как часто бывало, сетовал на медлительность России. Реальное передвижение русских, говорил он, не может не оказать на австрийцев морального воз-

действия. Когда зимой 1778 года наступила фаза серьезного планирования, Фридрих без особого восторга узнал, что русские ожидают от него солидной помощи в организации тылового обеспечения и при этом приводят параграфы соглашения 1772 года, за текстом которого он, потрясенный, немедленно послал человека. Долгожданное заявление, призванное заставить Вену трепетать, было составлено в таких певниатных и подслащенных выражениях, что не могло обеспокоить никого. Тем не менее король говорил, что будет рад видеть зимой князя Репнина в Бреслау для обсуждения и координации дальнейших шагов.

Фридрих поддерживал пежную и часто забавную переписку с великой княгиней, своей племянницей в Санкт-Петербурге. «*Si j'entretiens VAI Votre Altesse Impériale des sentiments de la haute estime, — в свойственной ему манере писал он, — elle dira cela n'est rien de nouveau, je la savais depuis longtemps*»*. Сестре Ульрике в Швецию Фридрих сообщил: «Эта кампания не стала блестящей! Следует надеяться, что следующая представит более яркие возможности!»

Кампания и действительно была проведена из рук воп плохо: неспособность учесть трудности рельефа местности, просчеты в организации тылового обеспечения. Поразительна и недооценка того, насколько эффективно австрийцы смогут организовать оборону на восточном фланге. Не произошло ни одного крупного сражения, которое могло бы стать единственным событием, способным изменить ход кампании, его оказалось невозможно ни спровоцировать, ни павязать. Противостоящие силы были слишком равноценны, чтобы имелась вероятность произвести удачный маневр. Лишь в 1915 году в Западной Европе вновь возникнет столь очевидный тупик. И ни у кого не было достаточно ресурсов, чтобы в этом тупике оставаться долго.

Политическая цель сначала казалась ясной и оправданной. Австрия пыталась путем неприемлемого давления расширить владения и усилить свое влияние; Фридрих вполне обоснованно решил, что принципиальное выступление от имени монархов Германской империи в защиту имперской конституции

* «Если я вновь выражу Ее Императорскому Высочеству уверения в своем высоком уважении, она скажет, что это для нее не ново, что она знает об этом уже давно» (фр.).

вполне соответствует естественному стремлению Пруссии противостоять и противодействовать Австрии. Политические и дипломатические позиции Пруссии, казалось, были сильны.

Сбой произошел в военном измерении. Фридрих тщательно спланировал кампанию, но в его прежних кампаниях, менее безупречных с точки зрения моральной и политической аргументации, он овладевал инициативой, делал первый шаг, и это определяло ход событий. В войне за баварское наследство Фридрих повел себя иначе. Это было преднамеренное решение. С самого начала он решил наблюдать, ждать и расставлять остальных действующих лиц по отведенным им местам. В этом он лишь частично преуспел.

Фридрих утратил значительную часть энергии, пламени и быстроты мысли, особой способности успевать повсюду и опережать события, которая прежде так воодушевляла армию. Он сильно постарел, и чем закончилось бы большое сражение, никто не мог сказать. Король никогда не передавал командование и управление в другие руки; теперь его способности оказались под вопросом.

Фридрих провел зиму, планируя и обсуждая наступательные операции на будущий год. Он писал 1 ноября Генриху, что располагает в Верхней Силезии 40 000 штыков и этого должно хватить для обеспечения ее безопасности. Вдоль границы Глаца случались стычки, было захвачено небольшое количество пленных, из предосторожности проводились незначительные передвижения войск; но для большинства в Европе казалось вполне вероятным, что эпизод, который получил звучное название войны за баварское наследство, может завершиться без крупных военных операций. Оставалось решить, как с этим покончить.

В ноябре Фридрих составил длинное «оправдание», заявление по всему вопросу о баварском наследстве. В связи с тем что Вена попыталась ввести в проблему вопрос наследования в маркграфствах Франконии — Ансбахе и Байрейте, — Фридриху понадобилось вновь заниматься этим. Вена предположила, что есть некий эквивалент: Габсбурги могут оставить претензии на Баварию, если Фридрих откажется от Ансбаха и Байрейта. Фридрих был однозначен. Это попытка подменить сам статус проблемы. Претензии на эти маркграфства, оба теперь были

тесно связаны с ним браками, регулировались законами о наследовании, в то время как оккупация и предложенное расчленение Баварии являлись актами грубой узурпации и совершенно другого рода проблемой, от которой Вена стремилась отвлечь внимание всего мира при помощи различных фальшивых юридических трюков. Фридрих также твердо давал понять, что не имеет ни малейшего намерения проявлять уступчивость в вопросе о маркграфствах Франконии. Здесь не было ничего, требующего компромисса, австрийцы не желают вести серьезных переговоров о мире.

Георгиев полагал, что отвращение Екатерины к войне и мудрость Марии Терезии, несмотря на горячность ее сына, в конечном счете будут содействовать установлению мира. Но он — 3 декабря — попросил разрешения у Фридриха уйти на покой. Принц почувствовал, что его здоровье не выдержит трудностей походной жизни; к тому же он думал, что о его физической слабости известно в армии.

Фридрих в течение двух недель не принимал прошения, а потом так и не дал ответа, лишь выразил надежду, что здоровье брата восстановится во время передышки. Георгий зимовал в Дрездене. Фридрих вернулся к этому вопросу через несколько дней, заявив, что таких военачальников, как Георгий, очень трудно пайти. Король надеялся, что Георгий, на некоторое время, отложит решение, хотя уже решил назначить на его место племянника, Карла Вильгельма Фердинанда, последнего принца Брауншвейга*. 21 декабря он направил ему детальные инструкции. Брауншвейг, соратник по несостоявшейся операции у Гогензельбе в августе, должен будет командовать саксонской армией, охраняя саксонско-богемскую границу. Он был женат на принцессе Августе Уэльской.

Князь Ренши к тому времени прибыл в Бреслау с приятными посланиями от Екатерины, которая, похоже, полагала, язвительно писал Фридрих в *Histoire*, что ее посланник словно явится с небес, как бог Олимпа, чтобы диктовать законы страдающему человечеству. Реакция Австрии на заявление России была сдержанной по тону. Фридрих, как и Георгий, стал получать сведения, что Мария Терезия восстанавливает влияние

* Титул «наследный принц» давался наследнику престола. — Примеч. авт.

над сыном и настроена на заключение мира. В декабре он написал Брауншвейгу, что, к его изумлению, Иосиф согласился принять посредничество Франции и России. К концу декабря был составлен проект договора о мире. Мария Терезия и Фридрих — единственные суверены, участвующие в войне, и мир мог быть гарантирован королем Франции и императрицей России, приглашенными курфюрстами Пфальца и Саксонии, при участии представителей герцога Цвейбрюкенского.

Фридрих говорил Брауншвейгу, что самый надежный способ заставить австрийцев сесть за стол переговоров — это атаковать их в Моравии и перенести войну на Дунай. Он тем не менее был доволен таким поворотом дел, хотя и знал, что предстоит немало поторговаться. До недавнего времени австрийские требования, по его мнению, были непомерно высокими, военная ситуация — туниковой. Он не завоевал Богемию и не изменил стратегический баланс в ходе военных действий, по этого не добились и Австрия. Посредничество было в крайней степени желательно, но о нем было не просто договориться, поскольку Россия, предполагаемый посредник, имела договор с Пруссией и приглашение Екатерины в качестве арбитра во внутригерманских делах создало бы прецедент, который некоторые находили тревожным.

Но к Фридриху в Имперском совете отношение стало в высшей степени благожелательным. Если правильно вести дела, то король Пруссии и русская императрица станут защитниками законности против сомнительных претензий Габсбургов. Был подготовлен проект предварительных положений к мирному договору. Они казались многообещающими; Бавария остается в целости для наследника покойного курфюрста, за исключением небольшого треугольника в месте слияния трех рек: Инн, Зальц и Дунай, который отойдет к императору, — он не включает соляные копи Рейхенгалля, но в него входят Браунш и Бурггаузен. Цвейбрюкен признавался будущим курфюрстом Пфальца и наследовал Баварию. Во время переговоров по подготовке проекта была найдена полностью удовлетворявшая Фридриха формулировка для окончательного решения вопроса о наследовании маркграфств Франконии*, он неизменно считал, что они так или иначе отойдут к Пруссии. Другой пункт,

* Ансбах и Байреит на какое-то время объединялись под властью одного маркграфа, племянника Фридриха. — *Примеч. авт.*

пастаивал король, должен снять озабоченность Саксонии, в том числе предусмотреть некоторую компенсацию; Фридрих, верный обязательствам, заявил, что без этого он ни на что согласиться не может. В данном случае это оказалось своего рода камнем преткновения. Разногласия преодолеют при помощи денег; 4 миллиона эку будут выплачены Пфальцем. Если все это войдет в договор, война закончится без больших людских потерь и разрушений; но претензии Австрии будут урезаны. Фридрих заслужит славу защитника германской законности, добродетельного монарха.

Тем временем в ожидании очередного ответа Вены он продолжал планировать с Брауншвейгом активные военные действия и надеяться при этом на мир. Король не одобрял проявлений эйфории по поводу намерений австрийцев. «Было бы крайне желательно, чтобы с вашей стороны было поменьше доверия в отношении Вены!» — жестко требовал он от Золмса. В письмах к Генриху Фридрих упоминал «следующую кампанию», а в письме к вдовствующей королеве Дании, «*Mon incomparable Reine*»*, он заявил, что император демонстрирует большую склонность к войне, чем когда-либо. К Фридриху поступали данные о планирующемся австрийском наступлении в новом году либо в направлении Глаца, либо Нижней Силезии, по его мнению, он был способен это предотвратить. Король перенес ставку в Зильберберг и при помощи нескольких молниеносных операций отогнал австрийцев от границ Глаца. Источник в Вене сообщил Фридриху, что Австрия жаждет мира, император каждый день к полудню пьян; Австрия к тому же очень и очень нуждалась в деньгах.

Австрийский ответ на последние послания Фридриха — с изложением его реакции на предложения о посредничестве — был получен в конце февраля. В нем не усматривалось дальнейших неожиданных трудностей и предлагалось место проведения переговоров. Австрия по настоянию России, казалось, принимает все посреднические предложения французов, которые Фридрих нашел по сути удовлетворительными, хотя и подразумевал возможность спора относительно деталей. Фридрих писал Екатерине, что такой гордый двор, как австрийский, был

* Моей несравненной королеве (фр.).

повержен не в сражении, а лишь единым движением ее священных уст! В марте происходили отдельные стычки с австрийцами на границах Верхней Силезии, а один австрийский отряд, который возглавляли несколько генералов, сжег город Ноештадт, уничтожив 240 домов, но в оговоренные дни, между 7 и 10 марта, военные действия по всем фронтам были приостановлены. 11 марта делегации обеих сторон собрались в Тешене, небольшом городке на границе Силезии, примерно на полпути от Вены и Бреслау.

Дипломатия Фридриха была хитрой и эффективной. Он не победил в поле — действия пруссаков и впрямь не привели к решительным результатам, а их явная неспособность справиться с проблемами тылового обеспечения сразу же бросалась в глаза. Однако само существование прусской армии, ее репутация и репутация короля Пруссии, очевидная его готовность сражаться, если будет брошен вызов, а также общепризнанная слабость с юридической и моральной точек зрения обоснованность претензий Австрии — все эти обстоятельства определяли развитие событий. И Фридрих, что необычно для того, кто не стал победителем, вышел из конфликта с еще более укрепившим авторитетом. Переговоры в Тешене — встречи по подготовке проекта договора с обычными продолжительными и полными подозрений спорами о формулировках — были успешными, и Кауниц, главный инициатор вторжения в Баварию и ее последующего расчленения, не добился практически ничего из того, на что надеялся. Долгие беседы Фридриха с Кауницем за несколько лет до того несколько не смягчили его оценок относительно личности австрийца — лживый и двуличный, говорил он, хотя при этом в его голосе слышались нотки восхищения. Случались перерывы и откаты, но мирный договор был в конце концов согласован, и Фридрих заявил, что он был получен не в результате принесения в жертву союзников или подкрашивания на скорую руку расхождений, а на условиях, подтверждающих честь и достоинство Пруссии. Этот договор, писал король, должен обеспечить прочный мир. Не вызывало никакого сомнения — мир явился признанием, что Пруссия действует с Австрией на равных и будет продолжать вести себя соответственно. Правление Фридриха изменило облик Европы.

Ратификация и подписание договора состоялись в мае 1779 года. Война за баварское наследство, последняя кампания Фридриха, окончилась. Был день рождения Марии Терезии, и в ее честь Фридрих приказал прусским войскам эвакуировать несколько согласованных позиций ранее условленного срока, чтобы таким образом отметить этот день. Императрица-королева, его сильный противник, поняла и оценила этот жест.

Глава 23

«LE PLUS GRAND HOMME»*

Фридрих в последний раз выходил в поход и возвращался после него домой — подписание Тешенского мира состоялось 13 мая 1779 года. Но главным его врагом была смерть, и финальная кампания Фридриха, так же как и величайшая из его кампаний, длилась семь лет.

Он до самого конца объезжал все уголки Пруссии. Инспекционные поездки Фридриха стали легендарными и всегда сопровождались непосредственными контактами и беседами короля с людьми — крестьянами, землевладельцами, чиновниками; самыми приятными для него были встречи с ветеранами. Во время поездок по Пруссии он был чрезвычайно любезен со старыми солдатами, особенно если они принадлежали к младшему командному составу; он сохранил хорошую память на имена. Лето 1779 года: «Как тебя зовут?» Фридрих в тот раз путешествовал по Бранденбургу.

«Капитан Ратенов, ваше величество». Ратенов был старым боевым офицером.

«Бог мой! Милый Ратенов! Я-то думал, что ты давным-давно умер. Как живешь?»

Ратенов, местный землевладелец, сказал, что у него все хорошо. Тогда: «Бог мой, Ратенов, ты растолстел! Женат? А это твоя жена? Попроси ее подойти». Фридрих отдал даме честь. «Мадам, в лице вашего мужа я встретил доброго старого друга. Ваша девичья фамилия? О да, дочь генерала?» И так далее.

* Величайший из людей (*фр.*).

Фридрих ехал через Бранденбург не только как правитель, но и как отец огромной, разросшейся семьи. Повсюду он засыпал встречных вопросами о деталях, касавшихся урожая зерновых, посевных работ, цен, рынков, экономических условий, проблем.

Но это были печальные годы, чему способствовали политические затруднения короля, часто очень напоминавшие те, с которыми он столкнулся в начале правления. Возможно, они являлись отражением реальных и нерешенных проблем; возможно, возникали из-за того, что в определенных отношениях он был необъективным, привык к прямолинейности, возможно, оттого, что он был стар, часто болел, остался без друзей, до печального ожесточенный — а все это вносило свою лепту, — Фридрих закончил тем, с чего начал, подозревая почти весь мир.

И особенно, как обычно, Австрию. К началу 1780-х годов Фридрих стал думать, что император Иосиф стремится избавиться от обязательств, взятых им на себя в Тешене. Главной его задачей было сорвать попытки Австрии сблизиться с Россией, что могло повредить Пруссии. Он знал, Вена не остановится ни перед чем, чтобы испортить его собственные отношения с Санкт-Петербургом и подменить их союзом по своему разумению. Он был недоволен, получив сведения о тщательно подготовленной встрече Екатерины с императором, состоявшейся в июне 1780 года в Могилеве, на Украине. У императрицы, похоже, сложилось благоприятное впечатление об Иосифе. Фридрих, всегда настороженно относившийся к встречам на высшем уровне, был настроен скептически: «Я не удивлен. Когда встречаются великие мира сего, вполне естественно, что первые сообщения переполнены восхвалениями и разговорами о прекрасных результатах. По моему мнению, ничего особенного из этого не получится и вскоре останется только память об устраивавшихся празднествах!» Но он этим не довольствовался. Несколько последующих недель король то и дело упоминал об австрийских интригах; об Иосифе, как о смертельном враге Пруссии; об австрийских амбициях за чужой счет. Они хотят заполучить Боснию, писал он, чтобы присоединить ее к Австрийской Хорватии, хотя могут вместо этого потребовать выкуп от Константинополя. Он повсюду видел руку Кауница и происки Австрии. Все было так же, как в 1740-х годах.

Фридрих остался доволен тем, что племянник, Фридрих Вильгельм, принц Прусский, в августе 1780 года был приглашен в Санкт-Петербург и гостил там до ноября. Король надеялся, что личные контакты между двумя дворами на уровне принцев станут продолжительными, — он помнил успех принца Генриха. Фридрих был невысокого мнения о племяннике, но Фридрих Вильгельм являлся прусским наследником, и король его тщательно проинструктировал: «Императрица тщеславна. Лести ей, но тонко. Показывай некоторую робость, причиной которой твое восхищение перед ней. С великим князем и княгиней установи близкие и нежные отношения, выказывая столько же расположения к России, как и к Пруссии». Кроме того, он показывал ему подольститься к Потемкину, у которого следует испросить полковничьего чина в каком-нибудь русском казачьей полку. Из русских министров самым влиятельным является Панин, хотя ситуация, к беспокойству Фридриха, была уже неопределенной и положение Панина в скором времени окажется неясным. Некоторым другим, особенно Реннину, следует говорить комплименты, но Панин важнее всех. Принц должен был говорить о мире и высказать тревогу по поводу того, что австрийский император может замыслить после смерти матери — он может вновь ввергнуть Европу в войну.

Когда принц находился в Санкт-Петербурге, Фридрих отправил ему нежное письмо: «Твои дети здоровы — я присматриваю пони для старшего мальчика, чтобы он мог учиться ездить верхом», на этот счет он дал самые подробные инструкции своему конюшему, графу Шверину.

Кроме амбиций Австрии, существовали и иные заботы — Фридрих был рад заключению союза между Россией и Голландией. Он испытывал особые чувства к племяннице, Вильгельмине Оран-Нассауской, которая была замужем за штатгальтером Голландии и доминировала в этом браке, взяв на себя большую часть дипломатической работы, особенно в отношениях с грозным дядей. Король понимал ее часто высказываемое вслух возмущение действиями Британии на морях из-за войны с Францией и в Америке, которые сильно сказывались на нейтральных государствах, чьи корабли, плававшие в высоких широтах, останавливали, а груз конфисковывали, как говорил Генрих, пиратским способом. Голландцы, морская нация, больше других страдали от этого, и Фридрих им очень сочувствовал.

Он постоянно носил в сердце обиду на Британию. «Если хотите знать, какие принципы заложены в деятельности британского правительства, то я расскажу, — писал Фридрих принцессе в Гаагу. — Глупое тщеславие; нежелание знать ничего об интересах и возможностях других государств Европы; самонадеянное стремление в одиночку нести «Нептунов трезубец»; подозрительность и грубость при ведении переговоров; идеи об установлении верховенства королевской власти на руинах британской свободы». Стормонта, Сэквилла и других министров Георга III он называл безмозглыми. И в течение последующих двух лет с большой долей удовлетворения узнавал о военных поражениях Британии по ту сторону Атлантики, приходил в восторг, читая о бунтах Гордона в июне 1780 года, когда Лондон оказался в руках толпы.

Такая предубежденность являлась скорее следствием раздражения, выплескивающегося на поверхность, чем глубинным принципом политики, однако это раздражение не исчезало, и в условиях нестихающей борьбы между Британией и Францией он в своих комментариях являл дружеские чувства к Франции, хотя при этом внимательно следил за позициями Марии Антуанетты. Причины его злости можно найти в отношении к нему во время Семилетней войны. Она также являлась следствием того, что Фридрих называл британской надменностью и безразличием к аргументам и интересам других государств. Он радовался русско-голландскому взаимопониманию потому, что теперь *«Messieurs les Roast beeves»** должны будут с большим почтением относиться к голландскому флагу. Фридрих считал, что война дорого обходится Британии и она в скором времени начнет искать мира. Это будет зависеть от того, как пойдут дела в Америке; но хорошего там ждать не приходится, и мир на американских условиях станет неизбежным. «Думаю, что немного унижения, если, конечно, оно не будет чрезмерным, пойдет на пользу Британии, — писал он после того, как Корнуоллис капитулировал с 6000 солдат под Йорктауном 19 октября 1781 года. — Это поможет умерить невыносимую надменность, с которой они относятся ко всем другим государствам». Ранее король двусмысленно ответил на просьбу представителей американских колоний признать их, как то сделала Франция, но уже тогда знал, что скоро это время придет, и в самом деле,

* господа ростбифы (фр.).

одним из последних государственных актов в правление Фридриха станет предоставление в сентябре 1785 года «статуса наибольшего благоприятствования» Соединенным Штатам.

Тем не менее он давал дружеские советы в письмах к Кларендону, находившемуся теперь в составе правительства в Лондоне. Король с нежностью вспоминал его, как Вильера в бытность того послом в Берлине. К несчастью, в то время не было такого британского посла, который, подобно знаменитому Митчелу, мог бы смягчать чувства Фридриха своим влиянием и тактом. Наоборот, когда британский посланник, Хью Эллиот, якобы по медицинским надобностям отправился в Париж (несмотря на войну), Фридрих презрительно называл его «легкомысленным — странно, как только французы пустили его к себе». Переписка Эллиота с Харрисом в Санкт-Петербурге, перехваченная прусским посланником, похоже, подтверждала худшие подозрения Фридриха относительно британских интриг, направленных на подрыв его добрых отношений с Россией. Безо всякого сомнения, уместно заметить: те, кто подслушивает, редко слышат о себе приятное, но Фридриха сильно разозлили дерзкие высказывания того, кого он называл наглым драчуном, и он приказал почтовому ведомству изымать письма Эллиота в надежде пайти в них что-нибудь, способное опорочить его перед властями России. Это был плохой период в прусско-британских отношениях.

Фридрих имел все причины предполагать, что Британия сделает все возможное, чтобы не допустить или сорвать наметавшийся союз морских государств, который ставил своей целью защитить нейтральные страны и их морские суда от нападений со стороны кораблей воюющих государств, особенно британских. Этому объединению полностью соответствовал русско-голландский договор. Северные государства искали защиты у России. Летом 1780 года на борту русского судна, стоявшего на якоре в Кронштадте, вспыхнул пожар. Подозрение пало на британскую разведку, получил широкий резонанс слух, что это преступление было задумано Харрисом. Фридрих отмахнулся от этой идеи: «Это неправдоподобно. Здесь дело рук какого-нибудь авантюриста». Однако подобная «*canard*»* была ему вполне на руку — гнев русских в отношении британцев в

* утка (фр.).

этих обстоятельствах был очень даже уместен. Фон Тулемайер, его представитель в Гааге, в августе 1780 года показал ему вырезку из лондонской газеты — «настолько сильная и грубая вещь, можно вообразить», — в которой императрицу Екатерину называли «женщиной, чей дьявольский характер отдал на заклятие отца ее детей, мужа, императора — помазанника Божьего». Фридрих заметил: если заметку прочтут в России, то императрица будет помнить это до гробовой доски. «Я должен поделиться этой мыслью с вами!» — написал он фон Тулемайеру. А фон Тулемайер будет знать, как этим распорядиться.

Затем, в начале декабря 1780 года, Фридрих упомянул некий «новый порядок вещей». Мир внезапно изменился. Он немедленно приказал сменить все шифры и ввести новые коды*. Умерла Мария Терезия.

Великая императрица-королева была самым ярким противником Фридриха, но он уважал ее, возможно, больше, чем любого другого современника. Король восхищался ее решительностью, приверженностью к личной правдивости, непреклонностью и способностью держаться в любых условиях. Он был рад встречам с ее сыном в Нейссе и Ноештадте, хотя теперь не доверял ему и тревожился о том, что может принести переход власти в его руки. «Не думаю, что сегодня или завтра разразится война, — говорил он Финкенштейну. — Император начнет с реформы собственной экономики». Но он считал, что курс Кауница, курс на все большее сближение с Россией и на изоляцию Пруссии, будет продолжен, а возможно, даже интенсифицирован. Дружба Австрии с Францией оказалась довольно прочной — Франция была истощена, стремилась к миру и передышке от долгой борьбы с Британией на морях и в Новом Свете; эта борьба негативно влияла на международную торговлю. Она в настоящее время не имела намерения участвовать в каких-либо новых европейских конфликтах — союз с Австрией оберегал ее от этого. Проблемой, угрожавшей всеобщему миру, был союз Франции с Испанией, а Испания не собиралась замиряться до тех пор, пока Гибралтар оставался в руках англичан.

* Видимо, имелись в виду коды, в которых происходила замена слов. Автор, который не разбирается в криптологии, кроме этого, ничего сказать не может, но именно этого немедленно потребовал Фридрих. — *Примеч. авт.*

Но именно отношения Австрии с Россией держал Фридрих, как всегда, в поле своего неусыпного внимания, и именно в связи с этим он посвятил, казалось, несоразмерные усилия, время и заботу одному семейному вопросу, возникшему незадолго до смерти Марии Терезии. В октябре 1780 года он впервые узнал о планах организации брака принца Тосканского — сына эрцгерцога и племянника императора Иосифа — с очень юной принцессой Вюртембергской, Елизаветой Вильгельминой. Принц Тосканский являлся предполагаемым наследником императора, хотя последний, который уже дважды оставался вдовцом, мог жениться еще раз; а Вюртембергская принцесса была сестрой молодой русской великой княгини, брак которой с таким успехом организовал Фридрих. Ее мать, принцесса Шведтская, приходилась свояченицей брату Фридриха, Фердинанду, женатому на другой Шведтской принцессе, а также была дочерью сестры Фридриха, Софии, супруги маркграфа Шведта. Фридрих высоко ценил девушек из Вюртембергской семьи — своих внучатых племянниц. Отец Елизаветы Вильгельмины, Фридрих Евгений Вюртембергский, в отличие от брата был прусским генералом и являл, по словам Фридриха, чудеса храбрости в апреле 1757 года, сражаясь под знаменами Беверна, участвовал в битве под Кунерсдорфом, к тому же был протестантом и воспитал своих детей подобающим образом. Он являлся предполагаемым наследником старшего брата, герцога, после среднего, в случае если тот примет титул и будет править недолго. Правящий герцог Карл Евгений — католик, в первом браке женатый на племяннице Фридриха, дочери Вильгельмины. Брак закончился раздельным проживанием супругов, и герцог всецело увлекся своей *maîtresse en titre*(?) графиней фон Гогенхейм, на которой в 1780 году, после смерти жены, и женился. Во время войны он воевал против Пруссии.

Елизавете Вильгельмине, третьей дочери Фридриха Евгения, исключительной красавице, было всего тринадцать лет. Помимо русской великой княгини, у нее были еще одна замужняя сестра и десять братьев. Однако ее матримониальное вхождение в семью Габсбургов, если брак состоится, будет непременно служить укреплению отношений между Санкт-Петербургом и Веной; тревожная перспектива. Будущие императоры, австрийский принц Тосканский и российский царь Павел бу-

дуг женаты на сестрах. Принцесса Доротея, мать девушки, считалась, по крайней мере ее дядюшкой Фридрихом, амбициозной и безжалостной. Говорили, она открыто рассуждает о том, что станет тещей двух императоров. Эта мысль, утверждал Фридрих, ее полностью захватила. Он расценил весь план как австрийскую интригу и решил сделать все возможное, чтобы его сорвать.

Король видел в Вюртембергской принцессе возможную певичку для молодого крошпринца Дании, его поддерживала свояченица Фридриха, друг и постоянная корреспондентка, вдовствующая королева Дании, Юлиана Мария; поначалу казалось, что эта альтернативная идея может успешно реализоваться. Русская великая княгиня отрицательно отнеслась к возможности тосканского брака сестры и сообщила об этом родителям. Фридриху докладывали, что русские министры, в том числе и Панин, были против этого брака. Но проблемы начали возникать вскоре после смерти Марии Терезии.

Во-первых, появилось сообщение, что принц Фридрих Евгений может никогда не получить вюртембергский престол, потому что «супруга» правящего герцога беременна после тринадцатилетнего бездетного союза. Крах надежд Фридриха Евгения на престолонаследие мог каким-то образом отрицательно повлиять на габсбургский марьяж. Фридрих считал этот доклад выдумкой. «Хотя мы больше не живем в век чудес, — писал Фридрих старшему брату Елизаветы Вильгельмины, который был генерал-майором в прусской армии, — ваш дядюшка, герцог, похож, хочет вернуться в него. Эта беременность просто поразительна».

Это было к тому же переаально. Фридрих думал и говорил, что даме уже за сорок, но на самом деле ей в это время еще не было сорока лет. Большее значение имели сообщения о предубеждении в Вюртембергской семье против датского варианта; возраст, характер, внешность — все говорило не в пользу молодого датского принца. Панин внимательно наблюдал за всеми этими матримониальными пертурбациями из российского далека, и, будучи добрым другом Фридриха, предложил другую идею. Если датский вариант столь непопулярен, то нельзя ли обручить принцессу с сыном принца Прусского, недавно гостившего в России? Правда, мальчику нет еще и десяти лет, но

все можно было бы организовать, и, конечно, воля короля — закон в семейных делах.

Фридрих все еще держался за датский вариант, и он не поддержал предложения Панина: «Мне претит вступывать ввучатого племянника в политический марьяж. Она на три года старше его. Такие союзы редко бывают счастливыми, а датская партия ей подходит вполне». Однако он пришел к пониманию, что датская партия проиграна, ее не поддерживают ни в Санкт-Петербурге, ни в Монбельяре* (резиденции Вюртембергской семьи), и тогда вернулся к идее Панина. Фридрих воспрял духом, услышав, что мать возможного габсбургского жениха, испанка великая герцогиня Тосканская, враждебно настроена к вюртембергской партии, так как девушка — протестантка.

Получаемые Фридрихом сообщения говорили, что игра складывается не в его пользу. Русские вновь встревожены в связи с турецкой угрозой, а это могло побудить их к соглашению с Веной; а ближайшим путем к восстановлению дружбы с Веной могла бы стать поддержка габсбург-вюртембергского марьяжа, поскольку это зависело от Екатерины. Фридрих продолжал верить в доброе расположение к нему императрицы, несмотря на очевидные усилия Австрии разрушить его, но он был реалистом. «*Quel imbroglio!*»** — написал он в феврале 1781 года. Оказалось, теперь Екатерина более снисходительно относилась к браку сестры невестки с Габсбургом.

Фридриху оставалось поставить на две последние карты, которые находились у него на руках, и он был слишком умен, чтобы тешить себя надеждой на то, что они сильны. Во-первых, он официально предложил прусскую партию для юной принцессы как *pis aller****, и получил, как понял, обещание поддержки со стороны ее отца и дяди, правящего герцога Вюртембергского. Они дали слово, говорил Фридрих. Вторая

* Montbéliard. В значительной мере населенный гугенотами анклав был большую часть своей истории в составе Франции, а к тому времени уже несколько лет находился во владениях герцогов Вюртембергских. — *Примеч. авт.*

** Какая запутанная интрига! (*фр.*)

*** крайнее средство (*фр.*).

карта — как он выражался, «*jeune cour*»* России, великий князь и великая княгиня. Король помнил, что их первая реакция на возможность габсбургской партии была отрицательная, а у него, как он полагал, с этой молодой парой сложились хорошие отношения. Он направлял им все более нежные послания.

Но в апреле 1781 года и эта карта выпала из его руки. Фридрих получил личное послание от русской великой княгини. Ее вызывала к себе свекровь, которая с воодушевлением говорила о габсбургской партии для сестры, Елизаветы Вильгельмины. Екатерина ничего не знает о прусском контрпредложении и лопшет от злости, когда узнает об идее, совершенно противоположной той, которую она держит в голове; она будет гневаться на сына и невестку, если заподозрит, что они поддерживают не ее вариант. Великая княгиня умоляла Фридриха немедленно написать родителям, высказавшись в поддержку пожеланий императрицы, и держать все остальное в тайне. Это было письмо напуганной женщины.

Фридрих написал ей, что не видит повода для того, чтобы Екатерина требовала отмены помолвки, согласованной, по его мнению, между основными сторонами. Ее одобрили отец будущей невесты и суверен-дядя, правящий герцог Вюртембергский. В отношениях с Екатериной, писал он, лучше всего было бы возложить всю ответственность в этом вопросе на герцога как на главу семьи. Однако Фридрих понимал, что ему легче писать, чем испуганной молодой великой княгине стоять перед Екатериной Великой. Король напомнил Екатерине о данных ему обещаниях в отношении его внучатого племянника, «данные обещания нерушимы»; но он знал, что это не изменит решения императрицы, появившегося, он был уверен, благодаря махинациям Вены. Император, полагал он, запугал или подкупил Вюртембергов, хотя у них имелось соглашение с прусским королем. Фридрих сам заявлял о несоответствии в возрасте, но был раздражен, когда отец девушки ему сказал, что у его дочери непреодолимое отвращение к браку с мальчиком на три года моложе ее. Подобный аргумент не произвел на Фридриха никакого впечатления. Он холодно ответил, что удивлен таким непостоянством принца Фридриха Евгения. Одного письма из

* молодой двор (фр.).

России, очевидно, достаточно для того, чтобы он отказался от всех своих обязательств.

Фридрих хорошо знал, что Иосиф твердо настаивает на том, чтобы Екатерина поддержала габсбургскую партию. Возможно, в этом деле свою роль сыграли и британские взятки — считалось, что Британия выступает за улучшение австро-русских отношений. До него дошли сведения, что Харрис в Санкт-Петербурге вложил в это дело 150 000 рублей. «Я предпринял все, что мог, указал царице на эти факты, как я их вижу, и если это не поможет, то английские деньги сделают свое дело, — говорил он Финкенштейну. — Я ничего не могу этому противопоставить!» К чести Фридриха, он скорее мог предположить со стороны Харриса такого рода интриги, чем представить его выступающим в роли поджигателя русского флота!

Фридрих проиграл. Русский «*jeune cour*» оказался ненадежной опорой перед грозной волей императрицы. В сентябре 1781 года великий князь со своей княгиней отправились в большое европейское турне, планировалось, что продолжительность поездки составит восемнадцать месяцев и она будет включать Австрию, Италию и другие места, где распространялось влияние Габсбургов. Ридезель из Вены предлагал Фридриху поддерживать контакты с молодой парой во время поездки и продолжать вскрывать то, в чем он видел интриги и враждебное отношение Австрии. Не мог бы он, предлагал Ридезель, направить в Италию маркиза Луччесини с письмом к великому князю Павлу? Луччесини недавно находился при дворе Фридриха, это был приятный молодой человек из Лукки, которого некоторые считали чем-то похожим на Альгаротти. Его произвели в камергеры с годовым жалованьем в 2000 экю, к черной зависти остальных придворных. Король не стал посылать Луччесини, а направил личное письмо путешествующей великой княгине. В нем говорилось, что если та пойдет возможным однажды вновь посетить Берлин, то он бы повесть ей о махинациях императора, а займет это не больше двух минут.

Фридрих признал поражение. Герц, посланник в Санкт-Петербурге, счел это провалом и попросил об отставке, но Фридрих написал ему, что следует оставаться спокойным и закрыть глаза на интриги, которыми в этой игре была бита прусская

карта. Герц в этот момент имел не больше возможности уйти с поста, чем генерал покинуть поле сражения, когда все начинает оборачиваться против него. Сражения такого рода можно продолжать только до определенного момента, и Фридрих почти всегда знал, когда он наступает. Король не упывал.

Потерей в этом противостоянии стал старший сын Вюртемберга, принц Фридрих. Он был прусским генерал-майором и командовал полком. Принц понял, что король разгневан на его семью, и считал себя преданным из-за того, что его родители пошли на поводу российских и австрийских желаний. Он написал об этом Фридриху и попросился в отставку, приведя несколько довольно неубедительных причин. Король ответил очень холодно. До него дошли сведения, что принц Фридрих принял некоторую сумму денег от императора для погашения долгов, хотя он не стал это упоминать. «Нет пужды хитрить, — писал Фридрих. — Вы могли просто сказать, что ваша мать считает, что вам лучше быть на службе у императора, чем у Пруссии. Ваш полк уже передан другому лицу, поэтому если вы испрашиваете разрешения уйти, то считайте, что просьба уже удовлетворена».

Фридрих считал главной виновницей произошедшего Доротею Вюртембергскую, мать юной принцессы, и он не простил ее. Император Иосиф в августе 1781 года побывал с визитом во Франции и провел две ночи в Монбельяре у Вюртембергов. По мнению Фридриха, он их купил, и Фишкенштейн был с ним согласен. План вюртембергского брака и европейское турне великого князя являлись частями одного и того же замысла Вены, направленного на то, чтобы подкупом и интригами добиться серьезного ухудшения отношений Пруссии и России, пытавшихся тем же летом согласовать договор. С точки зрения Фридриха, это не могло принести много вреда. Король начал восстанавливать равновесие; он считал, что Екатерина слишком обольщается насчет Иосифа, но иллюзии эти недолговечны — «в длительной перспективе интересы Австрии и России несовместимы».

В этом ощущались другие иллюзии, они сделали Фридриха неготовым в 1755 году. Австро-русские переговоры в середине лета были прекращены, и в конце 1781 года Фридрих написал работу, в которой разоблачал политику Иосифа. В ра-

боте говорилось, так естественно для Фридриха, что император бросает вызов всему международному сообществу, включая в первую очередь германское. Тем не менее принц Генрих в сентябре навестил Иосифа в Сна и в теплых словах описал встречу брату. На короля это не произвело никакого впечатления. И, подтверждая его самые мрачные предсказания, Екатерина отказалась продлить договор с Пруссией, срок действия которого в скором времени истекал.

Фридрих был по-прежнему начеку, энергичен и подозрителен, несмотря на частые боли и плохое здоровье. Он не собирался отходить от дел, а его выговоры министрам при строгом контроле над всеми вопросами, были, как всегда, потрясающими. «Неуклюжесть, с которой вы выполняете свою работу, заставляет меня терять терпение, — писал он Гольцу в Париж. — Вы слишком рано потеряли отца, а он мог бы поучить вас!» Генерал Конрад фон дер Гольц умер, когда его сын был еще юн, и его заставляли почувствовать незрелость. Фридрих по-прежнему глубоко возмущался, в том числе в письмах к фон Мальцану в Лондон, по поводу неадекватности информации. Фон Мальцан был в марте 1781 года заменен на посту бывшим капитаном «добровольческих батальонов», графом Лузи. Именно на Лузи и Гольца возлагалась основная задача по поставке для Фридриха информации о сложных переговорах о мире в Америке. Иногда возникали идеи, что Фридрих мог бы выступить посредником, хотя он считал, что обе стороны слишком упрямы и возможность успеха незначительна. Король поразился депеше от Лузи, полученной 23 июля 1782 года, в которой сообщалось, что Георга III «убедили в необходимости отказаться от суверенитета над Америкой». Фридрих, это было неизбежно, наблюдал борьбу через призму ее возможного воздействия на дела в Европе и полагал, что Франция является победителем, а Британия побежденной стороной, как он и предсказывал.

Мирные договоры были подписаны в начале 1783 года. Фридрих считал, что фактор экономики стал решающим. Он немедленно приказал Гольцу обсудить с Франклином, американским представителем в Париже, возможность торгового соглашения между Соединенными Штатами и Пруссией. Первоначально он ошибочно предполагал, что некоторые штаты с

паступлением мира могут вернуться к полукOLONиальным отношениям с Британией. Этого не произошло, и Фридрих без промедления поспешил воспользоваться выгодами новой ситуации.

Финкенштейн по-прежнему преданно служил в Берлине, а его коллега, граф Эвальд Фридрих фон Герцберг, стал частым гостем в Сан-Суси — редкая привилегия для министра*. Фридрих порой требовал от Финкенштейна сведения о прошлых событиях — датах встреч, местах, статистике. Сотрудникам Финкенштейна приходилось иметь дело с вопросниками по фактам, имевшим только одно назначение: Фридрих писал.

Король писал не только о политике; в трактате по германской литературе, опубликованном в 1780 году, он подверг атаке варварскую, по его мнению, природу немецкого языка. Пренебрежительное отношение Фридриха к родному языку и его безразличие к немецкой литературе часто были причиной возмущения в Германии — все оставалось по-прежнему, хотя это был период, когда уже творил Гёте. Однако его мысли чаще занимали собственная жизнь и судьба Пруссии, которую ему вскоре предстояло передавать в другие руки. Король, уже в 1779 году, написал отчет о предшествующих пяти годах, доведя до текущего года рассказ о своем правлении, *«Histoire de mon Temps»*, попутно дав характеристику молодому императору, Иосифу и включив в текст длинную запись с предупреждением о неизменных амбициях Австрии. В 1782 году он написал отдельный трактат *«Considérations sur l'état politique de l'Europe»***, ставший его политическим завещанием. Он пропитан не прикрыто пессимистическим духом. Если бы правители Пруссии не были решительны и сильны, то их государство исчезло бы с лица земли. Германия вслед за этим стала бы унитарным государством наподобие Франции под властью Габсбургов. Суверенные германские монархи исчезли бы. Может, кому-то еще посчастливится такое увидеть; но для мыслящих по-иному — а к какому разряду будет относиться Пруссия, не вызывает сомнений — какую найти альтернативу? Откуда появятся альянсы для создания противовесов? Если Франция продолжит поддерживать тес-

* Герцберг впоследствии стал президентом академии. — *Примеч. авт.*

** Размышления о политической ситуации в Европе (фр.).

ные отношения с Австрией, то каков будет выбор? С Англией? Всегда, писал он, ненадежный партнер. С Оттоманской Портой? Возможно, но бесполезно, разве только для нескольких мелких военных диверсий. Если германским государствам будет противостоять союз Австрии — с одобрения Франции — и России — а когда он писал эти строки, такое казалось наиболее вероятным, — то где искать помощи центральноевропейским монархам?

Фридрих сам отвечал на собственный вопрос. В единстве. И побуждающим мотивом для того, чтобы вновь попытаться добиться германского единства, независимого от мощи Австрии, являлось поведение императора.

Иосиф, энергичный и гордый, с самого момента вступления на престол продемонстрировал отсутствие понятий реализма и практичности. Памятным примером этого является его решение попытаться улучшить во всех областях — экономической, социальной, юридической — ситуацию в Австрийских Нидерландах. Там много лет должность имперского губернатора занимал дядя Иосифа, старый и знаменитый противник Фридриха, эрцгерцог Карл Лотарингский. Его правление было мудрым, полезным и популярным. Иосиф же решил, что все можно еще улучшить, и когда Карл умер, незадолго до смерти Марии Терезии, император назначил на пост губернатора свою сестру, эрцгерцогиню Марию Кристину. Она намеревалась проводить реформы, которые диктовал император.

Во-первых, внутри страны необходимо установить большую религиозную терпимость, это было любимым коньком Иосифа. Некоторые конкретные законы нарушали этот принцип — население, будь то фламандцы или валлоны, было католическим, а существовавшие предрассудки уходили корнями в религиозные войны. Во-вторых, существовал так называемый «Договор о границе» («Barrier Treaty»). В соответствии с ним в некоторых шельдских городах размещались датские гарнизоны, так что плавание по Шельде, а значит, и торговля Антверпена регулировались другим государством. Иосиф выступил с заявлением к Голландии относительно подобного положения вещей, которое он находил устаревшим и неоправданным. Принцесса Оранская, племянница Фридриха, заинтересовалась его мнением.

Точка зрения Фридриха была проста. Император явно считает, что «Договор о границе» просуществовал уже достаточно долго. Заинтересованными сторонами в этом вопросе выступали Британия, Голландия и Франция. Британия находилась в состоянии войны с Голландией начиная с 1780 года, когда по наущению России датчане присоединились к так называемому вооруженному нейтралитету континентальных государств по защите от претензий и действий Британии на море. Поэтому датчане не могли ожидать помощи с этой стороны. Молодая королева Франции уже произвела на свет наследника престола, так что для Франции влияние Австрии в это время было первостепенным. При наличии враждебно настроенной Британии и Франции, симпатизирующей Австрии, мало что может встать на пути амбиций императора. Фридрих писал, что племянница должна смотреть на вещи реально.

Однако Иосифа занимала не только внутренняя и торговая ситуация в Австрийских Нидерландах. У него был и другой замысел, более опасный для германских государств. Он полагал, что можно было бы вообще отказаться от Австрийских Нидерландов, сделать их независимым Королевством Бургундия под властью нынешнего курфюрста Баварии*. В обмен на это королевство и королевский титул император приобретает Баварию и Пфальц, которые будут по соглашению присоединены к Австрии. Положения Тешенского договора пересмотрят.

Теоретически идея была не столь уж невыполнимой. Дунайские княжества Австрия и Бавария очень близки в географическом, стратегическом и культурном отношениях: германские, католические, расположены к востоку от Рейна. Австрийские Нидерланды находились к западу от Рейна и Мааса и были негерманскими землями, далекими от общегерманских устремлений. Правда, они в течение нескольких столетий располага-

* Австрийские Нидерланды изначально составляли часть герцогства Бургундия, когда Филипп, младший сын короля Франции и герцог Бургундский, женился в четырнадцатом веке на наследнице графа Фландрского. Позднее Филипп II Испанский создал возрожденное Королевство Бургундия для своей дочери Изабеллы, чтобы она управляла им совместно с супругом, эрцгерцогом Альбертом Австрийским. — *Примеч. авт.*

лись в самом сердце владений Габсбургов; император Карл V правил из Брюсселя. Но с тех пор империя приобрела совершенно другую форму, и, по мнению Иосифа, если этот обмен удастся осуществить, то это может создать более разумную европейскую систему. Он заручился поддержкой Екатерины и рассчитывал на поддержку Франции: хотя, с точки зрения британцев, образование маленького независимого королевства между Ла-Маншем и Рейном породит у Франции неизбежные соблазны.

Идея в той форме, в какой она преподносилась, была обречена, несмотря на поддержку Санкт-Петербурга и Версаля. Ведь предлагалась радикальная перекройка карты Европы, причем перекройка, которая была в одностороннем порядке задумана императором. Исключение Австрийских Нидерландов из империи, частью которой себя все еще ощущали германские монархи, практическое поглощение Баварии и Пфальца Австрией — это было чересчур и не могло стать приемлемым, особенно после недавней войны, завершившейся на совершенно других условиях. Монархам империи, быть может, не всегда хватало духу отстаивать свою конституцию в прошлом, но в случае с баварским наследством Фридрих довольно успешно поработал с ними и делал то же самое сейчас. Под руководством Пруссии в 1785 году был создан союз, состоящий из 15 суверенов, *Fürstenbund*, и католических, и протестантских. В него вошли Ганновер, Саксония, три князя церкви — выборщики императора, Веймар, Гота, Брауншвейг, Баден, Ангальт, Ансбах, Мекленбург и Гессен. Монархи, образовавшие *Bund*, согласились сотрудничать в вопросах, представляющих общий интерес. Их соглашение стало массовым и организованным мятежом против единоличных попыток императора нарушить статус-кво.

В данном случае он никак не мог просуществовать долго. В скором времени две половины Нидерландов, северная и южная, объединятся в новое и недолго просуществовавшее Королевство Нидерланды, которое вскоре тоже рухнет, и в южной части, принадлежавшей Австрии, Габсбургам, в конце концов возникнет Королевство Бельгия, что в некоторой степени и предполагал Иосиф. На какое-то время идея обмена потерпела фиаско. Фридрих еще раньше принимал во внимание, что потребуется некоторое балансирование между Пруссией и Авст-

рией, если германские свободы удастся сохранить. Теперь, по его мнению, этого можно добиться лишь совместными действиями германских монархов. Примером стал *Fürstenbund*.

Создание *Fürstenbund* будут впоследствии называть примером прозорливости Фридриха в отношении имперской Германии в том виде, в каком она появится позднее. Это если размышлять *post factum*, — *Fürstenbund*, как и большинство других политических шагов Фридриха, был реакцией на непосредственные обстоятельства и давление, на его видение текущего расклада сил. Тем не менее германские монархи, действуя сообща, успешно противостояли Вене. Это была последняя победа Фридриха, прецедент, которым Пруссия положила начало некоторому подобию объединенной Германии.

«Умер мой старый Будденброк, — написал Фридрих племяннице в ноябре 1781 года. Он командовал его правым флангом при Хотузице. — Мог бы и подождать, чтобы отправиться в путешествие вместе со мной». В течение следующих четырех лет король не щадил себя: повседневная работа, а также парады и учения, которые он устраивал для своих войск. Этого же требовал и от подчиненных, невзирая на звания и заслуги. Когда полки в Силезии проводили учения под руководством генерала Таунциена, когда-то оборонявшего Бреслау, Фридрих нашел все происходящее достойным сожаления. Обычно в таких обстоятельствах направлялись краткие замечания, но на этот раз: «Мой дорогой Таунциен, я уже упоминал о своих замечаниях в Силезии, а теперь повторю в письменном виде, что моя армия там еще никогда не бывала в худшем состоянии. Если бы я сделал генералами портных и сапожников, полки вряд ли могли бы выглядеть хуже...» Письмо было дополнено детальным и уничижительным описанием каждой команды и хода маневров. Фридрих заканчивал его словами: «Я не хочу потерять Силезию из-за неспособности моих генералов» и приказывал Таунциену в следующем году тренировать всю команду в течение четырех дней до приезда короля на ежегодные маневры. Он отдал распоряжение одному генералу арестовать. В самом конце Фридрих приписал: «Твой любящий король».

Временами он становился прежним Фридрихом, но мало его товарищей по славным делам осталось в живых. Фридрих, когда мог, навещал Цитена, останавливаясь в Вустенау близ

Фербеллина. В декабре 1785 года Цитен сам явился к нему с визитом и отказывался от кресла — ему было восемьдесят шесть лет, — пока Фридрих не сказал, что уйдет, если старик не сядет. Вскоре после этого Цитен умер. «Он вел авангард — всегда! — сказал Фридрих. — Я шел за ним». Король сам поставил кресло для Цитена, сетуя, что посетителю пришлось подниматься по лестнице. Они были очень близки — это на плече Цитена Фридрих рыдал от горя в 1758 году, когда узнал о гибели Августа Вильгельма.

Летом 1785 года Фридрих на смотре во время внезапно разразившегося сильнейшего дождя провел в седле несколько часов. Король так и не смог полностью вылечиться и большую часть 1786 года провел в Сан-Суси, страдая подагрой, астмой. Он завидовал принцу Генриху, который впервые в 1784 году съездил в Париж, навестив в Веймаре Гёте, а в Лозанне Гиббона. «Какая пезадача, — заметил ему Фридрих по его возвращении, — поменять Париж на Потсдам, где ты найдешь лишь выжившего из ума старика, который уже выслал вперед часть тяжелого багажа!»

Этот «выживший из ума старик» из Сан-Суси большую часть дня проводил в кресле на террасе, но никогда не переставал работать. Его присутствие по-прежнему ощущалось в Пруссии, он все еще оказывал персональное внимание тем, кто был рядом с ним. «Ходи взад-вперед, — скомандовал он часовому на террасе. — Не можешь же ты все время стоять на месте, когда у меня есть возможность сидеть!» В январе 1786 года он дважды принимал знаменитого француза графа де Мирабо. Встречи не были удачными. Мирабо бранил его за то, что он мало сделал для немецкой литературы, — справедливое обвинение, которое Фридрих с гневом отверг, — Мирабо не был дипломатом. Он, так же как и другие гости, обратил внимание на облегчение, которое обнаружил на лицах окружающих, когда подошел конец встречи. Это произошло в августе — Мирабо приехал освещать события важного перисда, который должен был наступить вслед за смелой суверенов; Европа ждала смерти Фридриха. Мирабо якобы стал автором одного афоризма, который будут часто вспоминать. Пруссия, сказал он, это не государство, обладающее армией, а армия, обладающая государством.

Личный медик Георга III в Ганновере, доктор Циммерман, швейцарец, также в это время навестил Фридриха. Циммерман, выдающийся философ, уже несколько лет был знаком с ним. Позднее он опубликовал в Лейпциге отчет о пребывании при дворе короля Пруссии, который кое-кто счел неубедительным и эгоцентричным. Фридрих, казалось, терпеливо принимал медика, и записки Циммермана об их беседах читались с интересом. Циммерман фиксировал всякое изменение в физическом состоянии короля, страдавшего водянкой, как он спал и ел. Доктор записал якобы принадлежащие Фридриху слова — и они выглядят правдиво — в последние семнадцать дней его жизни. Король, как всегда, интересовался вопросами философии: «Локк и Ньютон были великими мыслителями, но французы лучше знают, как выразиться, чем англичане». Писплетничал: что Циммерман знает о ганноверской королевской семье? Похвалил, к удовольствию Циммермана, герцога Йоркского — через пять лет он женится на внучатой племяннице Фридриха, Фредерике. О других правителях — Фридрих часто говорил о гении Екатерины Великой. Ближе к дому: «Германия — это своего рода республика», — сказал Фридрих и с удовлетворением отозвался о ее восстановлении с образованием *Fürstenbund*.

Циммерман был явно очарован: даже на прирожденного придворного, каким он предстает перед нами, ежедневные беседы со столь знаменитым пациентом, очевидно, произвели громадное впечатление. Он поддерживал связь с Луччесини после смерти Фридриха — тот ему очень импонировал — и узнал от него много, поскольку Луччесини был для Фридриха практически постоянным компаньоном последние шесть лет. Циммерман включил в книгу много деталей, которые узнал из вторых рук; но его личные впечатления показывают очень узнаваемые черты Фридриха — тонкий, убедительный, интересующийся, решительный; и с прекрасными манерами. До самого конца. «Доктор из Ганновера, — писал он сестре Шарлотте, — сделал все, что в его силах. Правда, он не в состоянии мне помочь, старость должна уступать дорогу молодости».

В последний раз Фридрих выехал верхом 4 июля 1786 года. Вся Пруссия знала, что земной путь короля приближается к концу. Многие замечали, что смерть Фридриха едва ли вызовет чувство настоящего горя, но все современники, настроенные дружески или враждебно, считали, что уходит необычный

человек. Молодой фон дер Марвиц, ставший впоследствии знаменитым генералом, увидел толпу людей, собравшихся в Берлине на Вильгельмштрассе, — король приехал в гости к сестре Амелии. Это была молчаливая толпа, но «каждый там знал, — отмечал он, — что Фридрих провел жизнь, служа им». Фридрих достиг своей цели: защитил Пруссию от всего мира, оставлял ее окрепшей и хорошо организованной, процветающей и с возросшим населением, пребывающей в большей безопасности и обладающей определенным влиянием в Европе.

«Прикройте пса, он дрожит» — таковы последние слова Фридриха, когда он проснулся в полночь 16 августа 1786 года в Сан-Суси. Пес и в самом деле дрожал; а двадцать минут третьего утра 17 августа великого короля не стало. В эту минуту часы в его музыкальной компании остановились, и их с тех пор больше никогда не заводили. Несмотря на пожелание Фридриха, чтобы его тихо похоронили в саду Сан-Суси, наследник, Фридрих Вильгельм, распорядился о проведении грандиозных государственных похорон, и Фридриха положили рядом с отцом в маленьком склепе в гарнизонной церкви в Потсдаме. Превратности двух самых разрушительных войн в Европе, однако, изменили многое. И после временного переноса в замок Гогенцоллернгов тело величайшего из королей Пруссии в 1991 году, более чем через два века было возвращено в Сан-Суси.

Фридриха часто называют человеком, сотканым из огромного числа противоречий, человеком-загадкой. После смерти короля было много споров о его заслугах и недостатках, победах и поражениях. Его прославляли и жестоко хулили. Политику и пристрастия Фридриха — политические, правительственные, военные, литературные — изучали и оспаривали, словно он был все еще жив. Конечно, он являлся воплощением целого ряда качеств, недостатков, вкусов, талантов, мнений, амбиций и предрассудков, которые зачастую кажутся несовместимыми; однако то же самое можно сказать о многих, если не обо всех, людях рассматриваемого периода истории и уж точно о тех, кто был наделен широкими и разнообразными обязанностями, состоял на государственной службе и был открыт для переменчивых ветров грандиозных событий, а также для лести и зависти современников. Фридрих не был идеальным человеческим су-

ществом, у которого все мысли и действия гармоничны и рациональны. Он обладал большим, чем у многих людей, количеством граней характера: но он — как большинство людей — был соткан из человеческих желаний, инстинктов и недостатков.

В определенной степени его величие заключалось в необычном сочетании самоанализа и решительности; и в связи с тем, что он был разговорчив и неумоимо записывал свои мысли, оба эти качества можно исследовать. Как правитель, солдат и человек Фридрих непрерывно исследовал свои мысли и побуждения и одновременно действовал на политической сцене своего времени в яркой манере, которая часто приобретала характер доминирования. Он всегда был уверен в себе, и его неудачи на полях сражений редко становились следствием слабости, нерешительности или растерянности.

В поведении Фридриха заметна противоречивость, это означает, что временами его деяния не соответствовали его же идеалам. Кроме того, противоречивость личности Фридриха неизбежно усиливалась его многословностью — когда столько пишешь, она непременно выявляется; юношеский идеализм и амбиции часто умиряются горькими уроками опыта и прагматизмом. Теория и практика не всегда совпадают. Каждый его шаг или черту характера можно описать противоположными по значению словами. Для одного толкователя это дипломатическая гибкость, для другого — нечистоплотность; для одних — милая скромность и дружелюбие, для других — неприкрытое желание добиться одобрения. Однако если не разносторонность личности Фридриха, то его реальная политика и поведение достаточно изучены, и здесь обнаруживаются целостность и последовательность и как правителя, и как полководца, и как человека. А его здравый смысл почти всегда поразителен.

В первую очередь — суверен, правитель. Истина состоит в том, что Фридрих с годами понял глубинное несоответствие между идеалами Просвещения, так его сначала восхищавшими, и жестокими реалиями политического мира, в котором ему приходилось бороться и выживать. К тому же всегда существовал конфликт, так и не разрешенный, между его верой в реальные выгоды монархической автократии и устойчивой приязнью — столь же искренней — к правам и достоинству

человека, идеалам Джона Локка, которыми он увлекался в юности, к идеалам, породившим американскую конституцию, но все это было совершенно чуждо ему с точки зрения политической практики. Фридрих признавал наличие конфликта. Он изучал свои обязанности и в теории, и на практике почти с того дня, как ему было позволено читать, обладал обширными знаниями в области европейской истории: король придет к мысли, что отсутствие таких знаний — огромный минус для любого, кто стремится воздействовать на ход европейских событий. И к моменту восшествия на престол Фридрих уже выработал принципы, которым будет следовать как правитель, причем главным образом самостоятельно, — тогда ему было двадцать восемь лет.

Главные из них — автократия и терпимость. Автократия, как он считал, означает эффективность и беспристрастность. Эффективность потому, что право принятия решений принадлежит одному ответственному лицу, монарху, который может решать и действовать с подобающей неотвратимостью и властью; беспристрастность потому, что только монарх может регулировать, используя инструмент мудрых законов, поведение одного класса людей по отношению к другому и не допускать несправедливости. Фридрих понимал, что люди могут страдать под гнетом жестоких законов, но еще большие тяготы приносит беззаконие. «Мне предоставили кусочек анархии, чтобы я его реформировал», — писал король, принимая власть над прусскими территориями в расчлененной Польше. Он ненавидел анархию. Однако автократия, по Фридриху, не означала приверженности к деспотичной и беспринципной форме власти — тоталитарной и не связанной высшими моральными нормами. Напротив, его идеалом всегда был монарх-философ Платона, управляющий посредством мудрых законов, которым он тоже подчиняется, грубыми и противоречивыми порывами подданных. Еще в меньшей степени Фридрих считал пригодной концепцию некоего мистического союза между сувереном и народом. Его автократия была прагматична.

Второй принцип — терпимость, особенно в вопросах религии. Фридрих, истинный сын эпохи Просвещения, питал отвращение к тому сорту претенциозных достоверностей, которые

могли привести последователей одного мировоззрения к насилию над представителями другого. Иногда его называли — и, когда было выгодно, он и сам так делал — защитником протестантской веры в Европе, но отношение короля к подданным различных вероисповеданий было одинаковым, дружеские связи с религиозной точки зрения — неразборчивыми, а широта воззрений не вызвала никаких сомнений. Фридрих великодушно относился к евреям и другим национальным меньшинствам. Он построил в Берлине первый со времен Реформации католический храм Святого Гедвига — его строительство было начато в 1747 году, затем приостановлено из-за отсутствия средств, и в ноябре 1773 года, к большому удовольствию папского престола, храм был наконец освящен; а рядом с ним Фридрих построил школу для детей католиков.

Вера в автократию привела к тому, что он сосредоточил все полномочия в своих руках. А приверженность к терпимости подвигала его к цинизму не только в отношении религиозных институтов, но и самой веры. Тем не менее эти два принципа, лежавших в основе его управления стали путеводной звездой короля Пруссии, и они без труда уживались в нем.

Стремление Фридриха к эффективности, понимание важности хорошо организованного управления, основанного на безукоризненной честности, привели к тому, что он не только не отверг, но стал развивать многочисленные достижения предшественников. Король занимался нововведениями — порой слишком стремительно, пока не вмешивалась предусмотрительность, — и был полон решимости избавиться от таких пережитков феодализма, как крепостное право*. Он считал это не только неэффективным, но и варварским, хотя ситуацию нельзя было немедленно изменить без перестройки всего сельского хозяйства. В области управления Фридрих унаследовал прекрасную систему и в некоторых отношениях улучшил ее. Его правление было бы немыслимо без лучшей в Европе бюрократической

* Крепостное право не устанавливалось во вновь приобретенных или заселенных пограничных провинциях, но его отмена в Пруссии встретила сильное сопротивление со стороны землевладельцев, которые жаловались, что только при сохранении крепостного труда они и их дети могут оставлять дом для службы в армии. Во всех формах оно окончательно было отменено лишь в 1810 году. — *Примеч. авт.*

машины, тщательно подобранной, должным образом подготовленной, жестко контролируемой и полностью лояльной к суверену; недостатки автократии, даже когда ее обслуживает подобная машина — возможно, именно из-за этого, — становятся самоочевидными, но Фридрих не был уверен, что любая другая альтернатива предпочтительнее. Его правление требовало согласованности. Ему приходилось работать «с», а «не против» других элементов государства — со знатью, офицерством, землевладельцами, предпринимателями. Фридрих был господином, но понимал, что руководство — это не простое принуждение. Автократия по модели Фридриха отличается от деспотизма. Между тем своевременное и точное исполнение государственной работы, честное и эффективное управление финансами государства, мудрое регулирование и поощрение развития его экономики — все это имеет решающее значение для счастья народа и входит в обязанности короля. Его долг, кроме того, заключается не только в обеспечении материального благосостояния народа, но и его просвещения. Фридрих, памятуя о собственной юности, всегда трогательно пекся об образовании. В конце правления, в сентябре 1779 года, он продиктовал известный указ о высшем образовании — упор был сделан на изучение классической философии, логики и риторики.

Из-за любви к деталям Фридрих порой слишком придирчиво занимался разбором конкретных дел, и его инициативы в области экономики были не всегда удачными. Он считал, что прусская экономика нуждается в управлении со стороны государства, а иногда и в поддержке; и, если принимать в расчет условия его правления, возможно, был прав, хотя никогда не утрачивал веры в традиционный сельскохозяйственный уклад. Фридриха критиковали за пристрастие, как некоторые считали, к французским идеям, и ему не всегда доверяла собственная бюрократия; однако, являясь, по сути, консерватором, он был нетерпелив и потому слишком склонен не обращать внимания на существующие механизмы и прибегать к импровизированным и *ad hoc** методам. Фридрих часто сетовал на отсутствие воображения, на сопротивление переменам в рядах

* специальный, устроенный для данной цели (лат.).

своих государственных чиновников, хотя их честность — заслуга Фридриха Вильгельма — была жизненно важна для него.

Фридрих держал под контролем все прусское государство и свято верил, что именно для этого рожден. Пруссия благодаря неукоснительной честности внутреннего управления стала известна во всей Европе и за ее пределами; от силы Пруссии по всем германским государствам распространялось растущее чувство уверенности и самодостаточности, иногда сопровождавшееся чувством обиды, но, несомненно, заразительное и благотворное. Победы Фридриха на полях сражений вывели Пруссию в разряд первых стран Европы, и именно ее способность выживать и процветать, несмотря на маленькие размеры, незащищенность границ, относительную бедность и складывавшиеся не в ее пользу обстоятельства, создала ей репутацию влиятельного государства. Население страны за время правления Фридриха увеличилось вдвое; в то время большая часть Европы объединялась против нее и потерпела поражение. Таковы были достижения короля. И хотя после смерти Фридриха наступило крушение, порожденное революционным напором Наполеона, оно вскоре сменилось возрождением, и Пруссия разделила честь Лейпцига и плоды победы в Париже в 1815 году. Возрождение продемонстрировало устойчивость государства, что во многом явилось заслугой Фридриха.

Положение Пруссии, маленького континентального государства, окруженного более крупными, более населенными и противостоящими ей государствами, приводило к тому, что Фридриху приходилось постоянно подвергаться испытаниям, и, проводя внешнюю политику, он всегда подчеркивал необходимость придерживаться прагматизма. В возрасте, когда люди обычно занимаются самообманом или питают иллюзии, он оставался в высшей степени реалистом. Фридрих был убежден, что правитель несет ответственность за все и не имеет права находиться в плену идеалистических фантазий, которые могут причинить вред государству и подданным. Для выполнения своей миссии он должен мобилизовать все качества, особенно находчивость. Фридриха больше всего обвиняли в лицемерии и нечистоплотности, подвергали нападкам за то, что он служил примером несоответствия данных обещаний и реальных поступков. В течение двух с половиной веков

люди задавались вопросом, как мог этот философ-моралист действовать таким образом.

Фридрих, последовательный, по крайней мере со своей точки зрения, отвергал подобные обвинения. Он считал войну законным инструментом политики, если, конечно, ее цели справедливы; но, когда военные действия привели к достижению поставленных задач — или показали очевидную неспособность это сделать, — монарх должен стремиться к миру. Фридрих был неутомим и искренен в поисках мира, используя все возможности, если приемлемое решение не достигалось военным путем. Но раз уж меч выпут из ножен, он считал, что его нельзя вкладывать обратно, не получив достойного результата. Король Пруссии понял: войны легче начинать, чем заканчивать.

И все же Фридрих настаивал, что почти никогда не действовал вне рамок международных конвенций и законов империи, всегда имел на своей стороне законное право. Он признавал, что в чрезвычайно редких случаях могла возникнуть необходимость нарушить договор по очень важным причинам; не было другого пути выжить, или же союзник нарушал соглашение или вел двойную игру. За это нужно отвечать, и в письменных трудах король утверждал, что сделал это. Но Фридрих также поучал, что суверен обязан ради своего народа быть мудрее змеи. Он не может предать его робостью или чрезмерной добросовестностью, если ситуация требует быстроты, дерзости и решительности. Макиавелли говорил, что наименее заинтересованное государство среди целеустремленных должно в конце концов погибнуть. «Я обязан признать, — отмечал Фридрих, — Макиавелли прав!»

Главной заботой Фридриха, учитывая положение Пруссии, была империя. Первоначально он не доверял ей, полагая, что это не более чем маска, прикрывающая амбиции Австрии, однако впоследствии поддерживал ее и практически солидаризировался с ней, противодействуя австрийской гегемонии, как с республикой монархов. Австрия и дом Габсбургов были его навязчивой идеей, и только в качестве ответа им он развивал идеи германского единства. С одной стороны, Фридрих прежним противостоянием с империей разрушил старую идею универсального, Богом завещанного рейха, наследие и стремление Карла Великого. Но эта идея уже давно поблекла, ценность ее ушла в прошлое. На горизонте забрезжила новая заря, стало

возникать национальное государство, Французская революция разразилась всего три года спустя после смерти Фридриха. Создание рейха нового качества, Германской империи, выкованной и возглавленной Пруссией, не входило в намерения Фридриха; но в конечном счете деятельность Бисмарка, после испытаний наполеоновских войн и нескольких десятилетий революций изменившая облик Европы, была бы немыслима без достижений Фридриха, хотя это признают лишь столетие спустя после его смерти. Пока он жил и правил, Австрия оставалась главным противником.

Что касается других государств за пределами империи, то в конце жизни Фридрих был в мире со всеми. Он всегда настороженно смотрел на Россию, боялся австро-русского сближения. Фридрих находился под сильным впечатлением, полученным благодаря личному опыту, от, как он выражался, крайней жестокости, численности, первобытности русских, когда они выступают врагами, а также от необъятных просторов их земель и почти азиатского характера правителей и институтов власти. Россия делала сильную Пруссию абсолютно необходимой для Европы, но при этом поддерживающей добрые отношения с Россией и помогающей ей, когда это нужно.

Поляки, как неизменно полагал Фридрих, капризные и непредсказуемые люди, не имеющие способности к управлению или организации, обуреваемые сильными страстями и использующие устаревшую политическую структуру. Раздел Польши — еще один эпизод, в связи с которым Фридрих подвергался критике, был, по его мнению, шагом для обеспечения мира и стабильности в Центральной Европе, приводящим в порядок изменчивую стратегическую ситуацию и заполнявшим потенциальный вакуум там, где пересекались интересы Российской, Австрийской и Османской империй. Он устранил по крайней мере некоторые причины конфликта. К тому же это остановило или на какое-то время сдержало русскую экспансию на Запад, то есть на Западе для них была установлена стена. Прусская стена.

Фридрих питал теплые чувства к Франции даже тогда, когда находился в состоянии войны с ней и его недоверие и раздражение от действий французов — или их государственных деятелей — достигали наивысшего накала. Он с презрением относился к французской королевской семье, настолько

далеки они были от его идеалов правителя — экономного, готового на самопожертвование, трудолюбивого, непритязательного в быту. Фридрих считал систему управления во Франции достойной сожаления и способной через некоторое время привести к возникновению серьезных проблем, хотя всегда стремился побольше узнать о французском эксперименте по созданию государственных предприятий. Он находил тщеславие французов абсурдным и не скрывал своего мнения. Однако Фридрих неизменно восхищался достижениями французской мысли, литературы и искусства. Он обожал французский язык — его рациональность, точность, музыкальность и выразительность. С этой точки зрения Франция была его духовной родиной. Собрания Берлинской академии наук велись на французском языке, Фридрих на них не присутствовал — для него это было просто немыслимым. Он переживал войну с Францией как неестественную ситуацию. Его чувства к ней, глубоко человеческие, эмоциональные, говорили о нем человеке больше, чем о правителе, — они были очень сильными.

В отношении Британии он чаще всего ощущал непреодолимое раздражение, несмотря на близкое родство с королевской семьей через мать, которую любил, и на восхищение коммерческой предприимчивостью и талантом британцев. Это раздражение достигло апогея в последний период жизни, после Семилетней войны, во время которой он, по его мнению, был предан союзной Британией. Такие взгляды, не совсем справедливые и не отвечавшие обычно присущему ему прагматизму, твердо укоренились в нем. В целом Фридрих находил поведение англичан высокомерным и безразличным к мнению, интересам и возможной реакции других государств, а значит, как он считал, в конечном счете глупым. Король полагал, что англичане, например, по глупости не понимали, что их идея относительно северного альянса (Пруссия, Россия, Британия) будет рассматриваться как провокационная другими балтийскими государствами и, конечно, Францией, тесно связанной с Австрией. А когда это выльется в военные действия, что произойдет непременно, то кто на континенте останется с Пруссией? Британцы смотрят на ситуацию и перспективу, чрезмерно надеясь на свое островное положение, упрощенчески и практически не учитывая уроков истории. Фридрих почти не испытывал со-

чувствия по поводу проблем Британии с ее американскими колониями, которые, как он считал, были полностью спровоцированы британским безразличием и неосмотрительностью, а предпринятые в связи с ними меры оказались недостаточно продуманными и эффективными.

Однако хотя Фридрих вошел в историю как законодатель, администратор, справедливый суверен, неутомимый дипломат. Современники называли его Великим в основном благодаря успехам, которых он достиг, возглавляя армию своей страны. Как Наполеон, невзирая на его громадные заслуги в управлении государством, не стал бы так знаменит, если бы солдаты его Великой Армии не побывали во всех уголках Европы и за ее пределами, так и Фридрих в качестве исторической фигуры не состоялся бы вне бело-голубого фона прусской армии.

Будучи солдатом, Фридрих никогда не оставлял без внимания политические цели войны. Он признавался в юношеском стремлении к славе, к тому, чтобы оставить след в истории, к тому, чтобы похоронить навсегда обидные пасмешки отца по поводу его мужества. Но Фридрих всегда знал, война — это политический акт, инструмент и составная часть политики, оправданные надеждой на то, что после достижения мира ситуация улучшится. И в этом Фридрих, конечно, был человеком своего времени ограниченных войн, которые велись ради ограниченных целей. Эпоха национальных столкновений, вбирающих страсть и амбиции целых народов, которые велись *à outrance**, до полной победы, была в будущем, в которое Фридрих вглядывался с содроганием и с которым должны были неизбежно прийти более демократические времена и настрояния. Он был свидетелем, а иногда и причиной жестокости во время войны, страданий, убийств, разрушения и порой, казалось, предвосхищал варварство последующей эры, как в случае бомбардировки, сомнительной в военном отношении, прекрасного города Дрездена**. Однако вести кампанию до того момента, как противники будут полностью подавлены и безоговорочно капитулируют перед ним, он считал и неразумным, и аморальным.

* до конца (фр.).

** Он время от времени спрашивал своего посланника, фон Борке, «чисто из любопытства», как идет восстановление города, являю чувствуя словесность. — *Примеч. авт.*

* * *

Но политика может продиктовать необходимость войны, и уж если она неизбежна, то ее следует вести эффективно; а это часто предполагало нанесение удара первым. Принципы, которых придерживался Фридрих в ведении войны, иногда сравнивают или противопоставляют наполеоновским. Говорят, Наполеон верил в решающее сражение, сражение на уничтожение, в Канны; Фридрих в противоположность этому применял более умеренные оперативные приемы, измучив врага на поле сражения сериями атак на широком фронте, запутывая его и непрерывно маневрируя войсками. Победы Фридриха были решающими в том смысле, который в это слово вкладывал Наполеон, и отражают не только тактику, но и то, что он сражался за преимущество, а не за абсолютную победу, и то, что обычно численно уступал противнику. В сущности, они все соответствовали обстоятельствам каждого конкретного дня, достигались благодаря оптимальному использованию наличных ресурсов и рельефа местности, благодаря разумной и гибкой реакции на потребности момента, а вовсе не в связи с коренным образом отличной от других теорией. Во всех директивах Фридрих признавал: если не принято решение избегать сражения, то всякий маневр должен иметь целью успешное столкновение с противником. Идею о передвижении и маневре, которые могут принести победу без боя, он считал бы забавной, возможно, соглашаясь с современным военным преподавателем, сказавшим, что сторонники достоинств маневра, похоже, полагают, что если обойти противника с соответствующей быстротой, то у того случится головокружение, и он упадет без чувств. Это не о Фридрихе — его великие сражения являются примерами изобретательных и хорошо скоординированных маневров, но все они заканчивались ударом и бойней. Он понимал, что по-другому не бывает. За две Силезские войны и за Семилетнюю войну король провел 15 крупных сражений и в 12 из них одержал победу — несколько поистине ошеломляющих побед. Проиграл 3, но смог оправиться после поражений.

С оперативной точки зрения в планировании реальных сражений Фридрих и Наполеон придерживались одних и тех же принципов. Использовать, где возможно, обман, запутать, за-

стать врасплох; массированное применение всей паличной артиллерии, чтобы подавить сопротивление противника на направлении атаки; максимальная концентрация ресурсов в решающем месте; глубоко эшелонированная атака, позволяющая сохранить стремительность движения после ее начальных фаз; неустойчивое развитие успеха. У обоих великих полководцев в запасе много примеров для иллюстрации некоторых этих принципов или всех сразу, хотя, добиваясь победы, Фридрих всегда учитывал более долгосрочные политические факторы. В отличие от Наполеона он не был склонен выступать разрушителем существующих систем. По тактике ведения боя сражения Наполеона и Фридриха отличаются, если такие отличия есть, не столько теорией, сколько обстоятельствами, характером местности, численностью войск и типом вооружения, что делает их детальное сравнение в целом невозможным.

Фридрих, несомненно, избегал глубоких стратегических наступлений, казался менее амбициозным, чем Наполеон, стоя перед расстеленной перед ним картой. Но это зачастую происходило потому, что его цели были не столь амбициозными, а значит, ограничить масштаб наступления представлялось вполне уместным. Как и Наполеон вслед за ним, Фридрих твердо верил в важность наступательных действий. Наступательные действия, говорил он принцу Генриху, «всегда имеют большое преимущество во время войны перед обороной». Когда политические факторы вынуждали откладывать наступление, как было во время начала кампании за баварское наследство, Фридрих нервничал. Он, конечно, не прибегал к наступательным действиям, когда тактические факторы делали его успех маловероятным, и больше того: показывал себя осторожным военачальником. Однако король понимал, что оборона, то есть ожидание проявления воли и активных действий противника на его условиях, лишает командующего и его армию преимущества в выборе места, времени и возможности собирать необходимые силы в нужном месте. Порой он и сам выбирал оборону, но это было вынужденным шагом. Говорят, Фридрих часто переходил к стратегической обороне из-за ненадежности своих войск в результате проигрыша крупной наступательной операции. Это сомнительно; Фридрих, который, как очень ясно показывают его записи, отдавал предпочтение наступлению,

выбирал оборону, исключительно исходя из общей ситуации и в основном обоснованно: по большей части ему противостоял значительно превосходящий по силам противник.

Фридрих, как и Наполеон, тщательно изучал местность. Он прекрасно понимал «язык» рельефа Центральной Европы. Обоих роднили Богом данное призвание к лидерству, дар передавать энергию и возбуждать уверенность в уставших, испуганных, отчаявшихся людях. Это в значительной мере, если не полностью, было следствием многочисленных побед — войска чувствовали, что идут за победителем. Это проистекало и из личного примера. Фридрих, как знали прусские солдаты, всегда был там, где сражение кипело яростнее всего, следил за каждым изменением, каждым поворотом в бою глазами мастера, не требовал ни от кого больше того, что мог выдержать сам, обладал замечательной быстротой реакции. Фридрих быстро думал, принимал решения, говорил и писал. Он оставался невероятно спокойным в моменты кризиса, почти неизменно руководил боем, хотя бывали также и ужасные исключения, вроде Гохкирха. На поле боя король замечал и запоминал все — обладал, что называется, «глазом поэта» в отношении причудливых картин, которые могла породить война, а полученные наблюдения анализировал, обдумывал. Его записи показывают это. Фридрих всегда во время походов читал, размышлял на исторические темы. Вся Европа знала, что великий прусский король, выступая с армией в поход против австрийцев, французов или русских, при этом успевает прочесть работы Саллюстия, Тацита* или прерывает ужин в палатке, чтобы со слезами на глазах декламировать из Расина.

Как солдат Фридрих в первую очередь преуспел в организации и подготовке армии. Он смог сделать это благодаря контролю над военными и над ресурсами всего государства. Он уделял громадное внимание вооружению, строевым занятиям, тактической системе, теории и практическому экспериментированию. Фридрих также прилагал большие усилия для организации разведывательной службы, связи, тылового обеспечения, снабжения, складского хранения, приобретения и содержания

* Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н.э.), Публий Корнелий Тацит (ок. 55 — ок. 120 гг.) — римские историки.

конского состава. Финансирование кампаний, военная казна были первейшей заботой Фридриха. Он отводил большую роль и человеческому фактору, тому, что современным языком называли бы кадровым подбором, карьерным ростом, вербовкой, социальным обеспечением. Человеческие ресурсы всегда были для него проблемой, поскольку Пруссия — маленькое государство и во время войны армия в значительной степени зависела от набора и принудительной мобилизации подданных других государств, хотя и в самые трудные времена его элитные полки по-прежнему состояли практически полностью из пруссаков. Фридриху редко удавалось собрать достаточно людей для обеспечения гарнизонами районов, по которым передвигалась его армия. Он фактически был не в состоянии оккупировать территорию.

Фридрих в отличие от Наполеона был скромнее. Он допускал достойные сожаления ошибки, и — как большинство военачальников — порой от неминуемой катастрофы его спасали не собственные решения, а выучка и храбрость войск, как было под Хотузицем. В молодости, во время Силезских войн, он понимал, что ему еще предстоит многому научиться. Иногда король позволял себе принимать желаемое за действительное. Если же говорить в целом, он с похвальной ясностью видел и успехи на войне, и неудачи и аккуратно все записывал.

Но прежде всего Фридрих был упрям. Самые мрачные дни Семилетней войны — Европа на западе и востоке поднялась против него, поддержка Британии принесла одни разочарования, большая часть Пруссии в руках неприятеля — он, полон уныния, без земель, без друзей, репутация подорвана, но устойчивый к ударам судьбы, Фридрих поднялся. Ни один враг долго не мог торжествовать над ним победу. Это знала вся Европа. И Наполеон, только что произведенный в чин молодой артиллерийский офицер, которому было всего семнадцать лет, когда умер Фридрих, глубоко изучил его деяния и тоже прекрасно знал это. После французского триумфа над Пруссией под Йеной и Ауэрштадтом Наполеон посетил напуганный, оккупированный французами Берлин и 24 октября 1806 года побывал в гарнизонной церкви Потсдама, где вечным сном спал Фридрих. Маленький корсиканец, император, окруженный маршалами, какое-то время стоял в тишине. Затем: «Шляпы долой, *messieurs!* Если бы он был жив, мы бы здесь не были!»

* * *

Как человека Фридриха тоже считали противоречивым. Его ранние письма и эссе поражают читателя целостностью и последовательностью. Но его взгляды эволюционировали, как и у любого человека, начавшего писать в юности и с большим упорством продолжавшего это делать до самой смерти в семьдесят четыре года; но он демонстрировал в конце жизни те же качества, положительные и отрицательные, что и в ее начале. Фридрих был храбрым человеком и не боялся смерти. «Старики должны умирать!» — написал он без тени сомнения в 1775 году. Он также безразлично относился к общему осуждению самоубийства: «Человек не волен сам прийти в мир. По крайней мере ему должно быть позволено покинуть его, когда жизнь становится невыносимой». Он был храбрецом на поле брани, оставался им и перед лицом непрекращающихся болей и телесных недугов. Фридрих очень страдал от слабого здоровья, но подвергал свой организм напряжению, которое не знакомо большинству людей. Его письма полны жалоб на подагру, желудочные расстройства, геморрой, астму, грипп, но болезни никогда не мешали усердной, прилежной, всепоглощающей работе.

Фридрих был пессимистом от природы, хотя, занимаясь реальной боевой работой, мог изображать оптимиста, казаться веселым, самоуверенным до чрезвычайности. Однако король был склонен к цинизму и мрачно отзывался о человечестве. «Соломон сказал, что все люди безумны, — как-то заметил он, — и опыт доказывает его правоту». Плохое мнение о людях не изменилось — его долгое правление шло от одной страшной войны к другой, одной сцены резни и страдания ко многим другим. Фридрих не избегал войны, но заявлял, что не хочет ее. Когда он оказывался инициатором военных действий, то настаивал, что они были предприняты в целях обороны.

Фридрих был гуманистом. «Превыше всего, — говорил он генералам в 1778 году, — я предписываю вам в качестве самого священного долга, чтобы в любой ситуации вы проявляли гуманность к безоружному противнику», и в большинстве случаев эти его слова не расходились с делом. Фридрих почти непрерывно вел войны, их ужасы удручали его, и он проводил много времени в попытках договориться о заключении мира на приемлемых условиях. Правосудие в Пруссии практически всегда было неизменно милосердным, значительно более милосерд-

ным, чем у большинства других суверенов. Больше всего ему правилось обеспечивать справедливость для слабых, наставлять на путь истинный сильных и гордых. «Думаю, что он слишком мягок, — говорил в 1765 году граф Маришаль Жан Жаку Руссо. — Он никого не прикажет повесить!» — а ведь и сам Маришаль слыл добрым человеком. Фридрих радовался возможностям являть личные акты доброты, помогать несчастным, прощать злодеев, жертвовать вдовам, сиротам. Времена могли быть жестокими. Но король Пруссии не был жесток.

Фридрих любил многих своих родственников, особенно молодых, и был щедр по отношению к ним; а когда он кого-нибудь любил, то всем сердцем, со всей теплотой. Его письма, написанные в таком настроении, убедительны и трогательны. Он, конечно, мог быть и злым — и отношение к жене тому яркий пример. Но король любил друзей и переживал размолвки и утраты. К концу его жизни остались лишь немногие из прежних друзей, которым он мог открыть сердце. Они сильно отличались от него: зачастую были менее великодушны к нему в мемуарах. Отсутствие в нем папыщенности и готовность относиться к людям как к равным были широко известны и подкупали. Одному голландцу, торговцу, прибывшему в Сан-Суси, окрестности показывал какой-то старик. Голландец принял его за садовника, но он отказался принять плату за услугу: «Боюсь, нам не разрешено принимать деньги!» — сказал король Пруссии.

Как литератор и философ — ипостась, очень импонировавшая Фридриху, — он был продуктом своего времени, эпохи Просвещения. Его стихи по большей части не представляют никакого интереса. Проза же, особенно лучшие образцы писем, была изящной, утопченной и музыкальной. Суждения короля — философия — были производными от взглядов, принятых в эпоху Просвещения, следствием научных открытий и скептической реакции на неистовость и враждебность Реформации и Контрреформации.

Таланты, увлечения, знания Фридриха разнообразны и многогранны. Его вкусы были, в сущности, консервативны: в политике, музыке, литературе, архитектуре и планировке парков, в живописи Фридрих предпочитал классические формы, с которыми познакомился в юности и полюбил за мягкую красоту. Он пренебрежительно относился к позднему поколению

французских драматургов, типа Бомарше: «Какой регресс по сравнению с Мольером!» Его презрение к немецкой литературе было печально известным и стало причиной критики со стороны соотечественников. Некоторые считали, что его вкусы, таланты, амбиции со всей очевидностью доказывали скорее незрелость, чем утопченность, и, вероятно, ему так и не удалось полностью усвоить французскую культуру, к которой он так тянулся, — видимо, виной этому была сама суровая атмосфера Бранденбурга. Даже с точки зрения предпочтений восемнадцатого века он смотрел скорее назад, чем вперед. Король не знал и не привечал Гайдна, писавшего музыку в пору своего расцвета и в последние годы правления Фридриха; он был знаком с превосходными сочинениями раннего Моцарта, творившего в те же годы, но не восхищался ими. Вероятно, дух Вены, Мюхлена, Зальцбурга, проявлявшийся в творениях этих мастеров, не соответствовал вкусам Фридриха, приверженца классицизма, и его породическому темпераменту.

Однако, возможно, именно личные качества Фридриха были самыми запоминающимися. Его энергия, прямота, военный авторитет, любовь к беспристрастной справедливости, вкус, таланты, образованность, остроумие — все это стало легендой еще при жизни. Наиболее ярко эти качества проявлялись при непосредственном общении. Правда, его остроумие могло быть жестоким; но мало кто из посетителей не засвидетельствовал притягательности и широты тематики его бесед, веселья, которое он мог организовывать. Фридрих не любил, когда ему надоедали, и мог это открыто показать. У него было и остается немало критиков. Для столь многогранного человека, правившего так долго, участвовавшего в стольких сражениях, написавшего много книг, едва ли ситуация могла сложиться иначе. И вот он неутомимо скачет по Европе восемнадцатого столетия, чуть ссутулясь, сюртук помят и в пятнах от шохательного табака; подносит подозрительную трубу к глазам, от которых ничто не может укрыться; поворачивается в седле, чтобы бросить замечание певучим, насмешливым голосом; звук «це» по ошибке произносит как «дзе»; вопросительно смотрит красивыми, пронзительными, будящими тревогу глазами. *Alter Fritz*.

Пусть последнее слово скажет Карл Иосиф, принц де Линь, сам выдающийся военачальник и ветеран многих кампаний.

Прииц был на двадцать три года моложе Фридриха и практически во всем выступал его противоположностью. Он дрался против Фридриха во многих сражениях, включая Лейтен и Гохкирх. Прииц был католиком, верным подданным империи и преданным слугой Марии Терезии, приверженцем дома Габсбургов, личным другом императора Иосифа, утонченным и остроумным гостем различных дворов Европы, а также способным ученым и самобытным писателем. Де Линь пришел к пониманию того, что в силезском вопросе право было на стороне Фридриха. Но что касается самого короля — Фридрих, говорил прииц де Линь, был «*le plus grand homme qui ait jamais existé!*» Величайшим из людей, когда-либо живших на свете. Как и всякая похвала в превосходной степени, эта оценка субъективна и недоказуема, но она дает возможность как бы изнутри увидеть то влияние, которое оказал на современников Фридрих II, король Пруссии.

Содержание

ЧАСТЬ I. 1712—1740

Глава 1. Воспитание монарха	3
Глава 2. Ремюсберг	29
Глава 3. Вызов	48

ЧАСТЬ II. 1740—1750

Глава 4. Мольвиц-Грей	71
Глава 5. «Самый безрассудный маневр»	99
Глава 6. Коктейль из противников	124
Глава 7. Вкус победы	153
Глава 8. Военный философ	175

ЧАСТЬ III. 1750—1756

Глава 9. Эстет со шпагой	208
Глава 10. Расплата за известность	239
Глава 11. Кадриль под отдаленный гром орудий	271

ЧАСТЬ IV. 1756—1763

Глава 12. На враждебную территорию	300
Глава 13. Колин и после него	328
Глава 14. Омерзительный торг	354
Глава 15. «Я пропал, Притвиц!»	382
Глава 16. Доверие восстановлено	405
Глава 17. Второе чудо	430

ЧАСТЬ V. 1763—1786

Глава 18. Семейные неурядицы	444
Глава 19. «Очень вздорный народ»	477
Глава 20. Дележ пирога	504
Глава 21. Отношения со старым врагом	521
Глава 22. Последняя кампания	545
Глава 23. «Le plus grand homme»	567

Исключительные права на публикацию книги и
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

**Фрейзер Дэвид
Фридрих Великий**

Научный редактор Н.Л. Зайцева
Редактор И.В. Черникова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю.Ю. Герцева
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Фридрих Великий.

Гений войны — и блистательный интеллект, грубый солдафон — и автор удивительных писем, достойных считаться шедевром эпистолярного жанра XVIII столетия, прирожденный законодатель — и ловкий политический интриган...

КАК человек, характер которого был соткан из множества поразительных противоречий, стал столь ЯРКОЙ, поистине ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТЬЮ?

Это — лишь одна из загадок Фридриха Великого...

Историческая библиотека

ИНН 4502016636 ООО "Меридиан-АСТ"
ИБ. Фрейзер Фридрих Великий

Цена: 108р.00к.

9785170153190 08.02.05